C 53/129
1911.

С 53/129 ч
9° 1-73/12046
79/629.

Мих. Красовскій.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО ПЕРІОДА
ДРЕВНЕ-РУССКАГО
ЦЕРКОВНАГО ЗОДЧЕСТВА

(отъ основанія Москвы до конца первой четверти XVIII вѣка).

Удостоенъ половинной преміи имени графа А. С. Уварова
29 декабря 1909 г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА ВИФАНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ
№ 7704
ПОГАШЕНО
БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ
ПОГАШЕНО

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1911.

Печатается на основаніи постановленій Императорскаго Московскаго Археолог. Общества.

Предсѣдатель графиня ***Уварова.***

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
Ф 51444-41

2007042938

Памяти

Основателя и пожизненнаго Председателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества

Графа Алексѣя Сергѣевича

Уварова.

АПТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ
БОГАЩЕНО

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

Предисловіе.

Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія на страницахъ журнала «Зодчій» были напечатаны незабвеннымъ Л. В. Далемъ его изслѣдованія памятниковъ старо-русскаго зодчества, которыя произвели переворотъ въ общемъ взглядѣ на прошлое архитектуры русскаго народа и пробудили къ ней интересъ.

Съ того времени сдѣлано многое, и каждый годъ приноситъ все новые и новые вклады въ сокровищницу исторіи русской архитектуры; матеріала накопилось много, и, казалось бы, уже давно насталъ моментъ, когда не составило бы никакого затрудненія изложить исторію русской архитектуры въ разсказѣ цѣльномъ, не прерываемомъ недочетами изслѣдованій. Къ сожалѣнію въ дѣйствительности это не такъ:—чѣмъ глубже зарываетесь въ груду имѣющихся матеріаловъ, тѣмъ болѣе приходите къ убѣжденію, что существуетъ еще очень много темныхъ мѣстъ, все еще ожидающихъ научнаго освѣщенія.

Правда, общая схема развитія нашего строительства уже вылилась въ опредѣленную форму, послѣдовательная трансформація какъ конструктивныхъ, такъ и художественныхъ пріемовъ намѣчена уже Л. В. Далемъ,—мы имѣемъ прекрасно разработанныя отдѣльныя части исторіи русской архитектуры,—ея развѣтвленій, но многихъ звеній, которыя связали бы все это въ одну непрерывную цѣпь, у насъ не хватаетъ, и, повидимому, для этого нуженъ еще многолѣтній и упорный трудъ

Правда, попытка дать сводъ всего сдѣланнаго уже появилась[1]*), но она-то именно и служитъ яркимъ доказательствомъ непреодолимой до настоящаго времени трудности написать исторію русской архитектуры; знаменателенъ также и тотъ фактъ,*

---

[1]) *Исторія русской архитектуры. Сочиненіе академика А. М. Павлинова. Москва, 1894 г.*

что послѣ перваго опыта прошло болѣе десяти лѣтъ, а никто еще не рискнулъ его повторить[1]*).*

Если невозможно въ настоящій моментъ написать исторію всей русской архитектуры, то намъ кажется, что дать вполнѣ связный очеркъ какой-нибудь изъ отдѣльныхъ ея областей является цѣлью вполнѣ осуществимой, хотя и сопряженной съ большими затрудненіями. Здѣсь приходится столкнуться съ массой почти сырого, пока мало систематизированнаго матеріала—съ отдѣльными монографіями, подробно описывающими тотъ или иной памятникъ, но производящими это часто безъ общей системы, иногда безъ необходимыхъ чертежей или фотографій и рѣдко ставящихъ этотъ памятникъ въ рядъ однородныхъ съ нимъ произведеній архитектуры, въ строго опредѣленное ему хронологіей и извѣстнымъ стилемъ, вѣрнѣе «пошибомъ», мѣсто.

Послѣднее болѣе, чѣмъ о какой-либо другой вѣтви русскаго зодчества, можно сказать о вѣтви насъ интересующей — о Московской архитектурѣ.

Да и что собственно слѣдуетъ подразумѣвать подъ этимъ терминомъ? Вѣдь съ того момента, когда Москва стряхнула съ себя послѣдніе осколки татарскаго ярма, когда, собравъ подъ свою державную руку разрозненныя до того области русской земли, она стала ея центромъ въ полномъ смыслѣ этого слова, когда эпитетъ «московскій» сталъ почти синонимомъ слова «русскій», тогда естественно и архитектура Москвы стала, за немногими лишь исключеніями, архитектурой всей Руси. Само собой разумѣется, что мѣстные пошибы существовали, но проявлялись лишь въ сравнительно незначительныхъ деталяхъ, обусловливавшихся либо особенностями мѣстности и климата, либо настолько укоренившимися традиціями, что даже сама Москва не могла совладать съ ними.

Такимъ образомъ, если первоначальное московское зодчество представляетъ въ общихъ чертахъ продолженіе или возрожденіе строительныхъ пріемовъ предшествовавшихъ Москвѣ культурныхъ центровъ древней Руси, то въ своемъ расцвѣтѣ оно теряетъ областной характеръ и въ XVI и XVII вѣкахъ, поглотивъ стили другихъ областей, становится обще-русскимъ.

---

[1]*) Въ данномъ случаѣ мы не можемъ принимать во вниманіе труда Новицкаго (Исторія Русскаго Искусства съ древнѣйшихъ временъ. А. Новицкій. Москва. 1903 г.), охватывающаго русское искусство вообще и, слѣдовательно, удѣляющаго архитектурѣ лишь сравнительно небольшое мѣсто. Къ тому же книга Новицкаго является произведеніемъ чисто популярнымъ.*

Конечно, въ глухихъ, отдаленныхъ отъ центра углахъ продолжали строить по стародавнимъ завѣтамъ; затерявшіяся среди тундры села сѣвера не переставали рубить шатровыя церкви, несмотря на запрещеніе Москвы,— они либо не знали о немъ, либо, оберегаемыя дальностью разстоянія, просто не боялись отвѣтственности. Но тамъ, куда проникали глаза и уши бдительнаго московскаго правительства, гдѣ жизнь не стояла на мѣстѣ, тамъ всюду сказывалась московская культура и прививала свои вкусы ко всему, не исключая, само собою разумѣется, и зодчества.

Да и могло ли быть иначе? — Москва стремилась къ осуществленію цѣли, интересовавшей не одну какую-нибудь область, ея задачи были задачами всего русскаго народа, который сформировался и съ теченіемъ времени вылился въ одну народность изъ тѣхъ различныхъ въ деталяхъ, но общихъ по духу племенъ, которыя до татарскаго погрома составляли не русскій народъ, а «Русскую землю».

Постепенное нивеллированіе областныхъ особенностей, совмѣстное исканіе путей движенія впередъ, сознаніе единства народности,—однимъ словомъ общая народная жизнь подъ одной верховной властью неминуемо должна была создать и одну общую для всей страны архитектуру, такъ какъ послѣдняя, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ всѣ теченія, возникающія и въ глубинахъ и на поверхности народной жизни.

Если это вѣрно по отношенію ко всей архитектурѣ, то тѣмъ болѣе вѣрно въ отношеніи церковнаго строительства такого народа, какъ русскій; его глубокая, искренняя вѣра, являвшаяся однимъ изъ главныхъ факторовъ его объединенія, нуждалась въ храмахъ, построенныхъ по одному общему пріему, отличающихся другъ отъ друга лишь настолько, насколько различны между собою отдѣльныя личности одного и того же народа.

Итакъ, задавшись цѣлью говорить о московскомъ періодѣ древне-русскаго церковнаго зодчества, приходится въ сущности разсматривать исторію церковнаго зодчества всей Руси въ предѣлахъ времени отъ возвышенія Москвы до реформъ Петра Великаго, но при этомъ не затрогивать искусства прежнихъ, мѣстныхъ, центровъ, уже дряхлѣвшаго въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ причинъ. Но, какъ указано выше, такой трудъ намъ кажется еще преждевременнымъ и, наконецъ, не входящимъ въ программу, предложенную И. М. А. Обществомъ. Трудъ, который охватилъ бы весь упомянутый выше періодъ, не можетъ вылиться въ форму

очерка, онъ займетъ цѣлые тома, поэтому въ настоящемъ очеркѣ авторъ предлагаетъ лишь изслѣдованіе типичныхъ памятниковъ церковной старины самой Москвы и ея окрестностей, что въ общихъ чертахъ, конечно, дастъ обзоръ всего періода московской архитектуры, но исключитъ необходимость упоминать о тѣхъ памятникахъ, что во множествѣ разбросаны по другимъ городамъ. Къ этому вынуждаетъ не безынтересность послѣднихъ, а то соображеніе, что многочисленность приводимыхъ примѣровъ, разсматриваемыхъ въ силу необходимости лишь поверхностно, только затемняетъ общую картину и, отвлекая вниманіе читателя отъ ея центра къ расползающимся зигзагами краямъ, мѣшаетъ уловить и усвоить общее направленіе и послѣдовательность извѣстной трансформаціи. Намѣченная программа не устраняетъ, конечно, возможности включенія въ описаніе памятниковъ болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ Москвы, но не имѣющихъ себѣ подобныхъ въ ближайшихъ окрестностяхъ города или въ немъ самомъ и необходимыхъ, какъ образцы опредѣленныхъ моментовъ развитія интересующей насъ эволюціи.

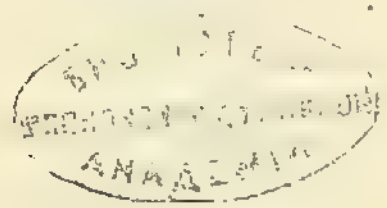
М. К.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе V
Глава I. Деревянное зодчество Московскаго княжества 1
Глава II. Первый періодъ каменнаго церковнаго зодчества Москвы (1272—1461 г.). Успенскій соборъ въ Звенигородѣ 10
Глава III. Аристотель Фіоравенти. Соборы: Успенскій и Благовѣщенскій; церкви: Положенія Ризы П. Богородицы и Чуда Арх. Михаила. Архангельскій соборъ; церкви въ Старомъ Симоновомъ монастырѣ и св. Николая въ Мясникахъ 35
Глава IV. XVI вѣкъ. Начало самобытнаго стиля: церкви въ селахъ Дьяковѣ, Коломенскомъ, Бесѣдахъ и Медвѣдковѣ. 98
Глава V. Покровскій соборъ (Василій Блаженный) 146
Глава VI. Не-шатровыя церкви XVI вѣка. Характеристика церковнаго зодчества XVI вѣка 169
Глава VII. Шатровыя церкви XVII вѣка 191
Глава VIII. Колокольни 221
Глава IX. Не-шатровыя церкви первой половины XVII вѣка 252
Глава X. Церкви расцвѣта самобытнаго искусства. 275
Глава XI. Вторая половина XVII вѣка. Упадокъ самобытнаго зодчества и переходный стиль. Характеристика зодчества XVII вѣка 315
Глава XII. Русскій Барокко 383
Заключеніе 428



Очеркъ исторіи Московскаго періода древне-русскаго церковнаго зодчества

(отъ основанія Москвы до конца первой четверти XVIII вѣка).

Библіотека Московской Духовной Академіи

ГЛАВА I.

...И приславъ Гюрги и рече: «приди ко мнѣ, брате, въ Москвъ»[1]).

Въ 1147 году суздальскій князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій звалъ къ себѣ на Москву въ гости сѣверскаго князя Святослава Ольговича.

Повѣствуя о свиданіи князей лѣтописецъ говоритъ, что Юрій въ честь своего гостя устроилъ «обѣдъ силенъ». Основываясь на этомъ указаніи, И. Забѣлинъ[2]) предполагаетъ, что въ это время Москва представляла собою княжеское хозяйственное село, которое въ избыткѣ могло доставить всѣ хозяйственныя удобства для княжескаго пированія. Дѣйствительно, наши предки любили устраиваться хозяйственно, а богатые вотчинники простирали обычно заботы о благоустройствѣ своихъ усадебъ настолько далеко, что строили вблизи хоромъ даже церковь. Вѣроятно и князь Юрій не представлялъ исключенія. Поэтому, если Москва въ 1147 году была княжескимъ селомъ, то этотъ годъ можно считать первымъ, подъ которымъ имѣется указаніе о существованіи въ Москвѣ церкви и во всякомъ случаѣ не далекимъ отъ того времени, когда она впервые въ Москвѣ появилась. Само собой разумѣется, что не можетъ быть двухъ мнѣній о томъ, изъ какого матеріала эта церковь была построена. Въ то время въ затерявшемся среди дремучихъ лѣсовъ селѣ, понятно не смѣли и думать о какомъ-либо другомъ храмѣ, кромѣ какъ о деревянномъ; каменное зодчество еще много время спустя было достояніемъ исключительно городовъ и богатыхъ монастырей, расположенныхъ неподалеку отъ послѣднихъ. Мастеровъ каменнаго дѣла приходилось выписывать изъ чужихъ краевъ, а свои, если и существовали, то ихъ рукъ не могло хватить

[1]) П. С. Рус. Лѣтописей, томъ II, стран. 29.

[2]) И. Забѣлинъ. Исторія города Москвы. 1902 г., стран. 4.

даже и на города. Плотниковъ же, и къ тому же очень искусныхъ, было сколько угодно, а съ матеріаломъ ихъ мастерства, лѣсомъ, приходилось даже вести упорную и тяжелую борьбу, отнимая у него землю подъ распашку пядь за пядью. Эти теоретическія предположенія подтверждаются и лѣтописными свѣдѣніями; изъ нихъ мы узнаемъ, что церковь Рождества Іоанна Предтечи, находившаяся у Боровицкихъ воротъ, «была прежде д е р е в я н н а я, первая церковь на бору, въ томъ лѣсу и рублена, и была соборная при св. Петрѣ митрополитѣ и дворъ былъ Петра Чудотворца близко туто же»[1]). В. князь Даніилъ Александровичъ построилъ на Боровицкой горѣ дубовую церковь во имя Спаса Преображенія; этимъ же княземъ была построена первая московская каменная церковь въ Даниловомъ монастырѣ на мѣстѣ старой, повидимому, деревянной церкви, также во имя Спаса. На мѣстѣ построенной въ 1333 году каменной церкви во имя Архангела Михаила стояла деревянная церковь, построенная, повидимому, еще въ княженіе Михаила Ярославовича (Хоробрита)[2]); Благовѣщенскій соборъ также замѣнилъ собою деревянную церковь[3]). Наконецъ, лѣтописныя свѣдѣнія о пожарахъ позволяютъ предположить о значительномъ числѣ существовавшихъ тогда деревянныхъ церквей; такъ въ повѣствованіи о пожарѣ Москвы 13-го іюня 1337 года упоминается о 18 сгорѣвшихъ церквахъ.

Итакъ, первая московская церковь, да и многія слѣдующія за нею безспорно были деревянными[4]). Какова же была ихъ архитектура? Объ этомъ можно только догадываться, а положительныхъ данныхъ мы не имѣемъ никакихъ, что объясняется сравнительной недолговѣчностью матеріала, быстрымъ ростомъ Москвы, ея богатствомъ и понятнымъ при послѣднемъ условіи желаніемъ москвичей видѣть свои храмы, отвѣчающими величію города. Все это вмѣстѣ взятое должно было смести съ лица земли образцы деревяннаго церковнаго зодчества Москвы, и въ нашемъ распоряженіи остался лишь тотъ скудный матеріалъ, который мы можемъ извлечь изъ памятниковъ письменности. Однако и эти послѣдніе, относясь къ сравнительно поздней эпохѣ, могутъ дать лишь образцы для аналогій и къ тому же большинство изъ нихъ написаны иностранцами; послѣдніе, обращая вполнѣ естественно вниманіе на болѣе выдающееся, тщательно зарисовывали въ свои путевые альбомы преимущественно церкви каменныя, церкви же деревянныя встрѣчаются у нихъ по большей части лишь на видахъ и планахъ большихъ городовъ, при чемъ довѣрить

Рис. 1.

[1]) Полное Собр. Лѣтописей. VIII. 149. Продол. Нестора. М. 1784, стран. 259.
[2]) З а б ѣ л и н ъ. Исторія города Москвы, стран. 80.
[3]) К а р а м з и н ъ И. Г. Р. Томъ II, прим. 301.
[4]) Первая каменная церковь въ Москвѣ построена въ 1272 году.

этимъ изображеніямъ можно только до извѣстной степени. Такъ, напримѣръ, у Адама Олеарія[1]) по всему плану Москвы разсѣяны деревянныя церкви, которыя можно разбить на три группы (рис. № 1). Хотя каждая изъ нихъ и отличается отъ двухъ другихъ размѣщеніемъ главныхъ массъ церкви, но всѣ онѣ имѣютъ одинаковыя, очень оригинальныя главы. Очевидно, что художникъ, исполнявшій гравюру Москвы съ птичьяго полета по простому плану, имѣвшемуся у Олеарія, воспользовался другимъ наброскомъ, а именно тѣмъ, на которомъ въ довольно большомъ масштабѣ видна церковь подъ Нарвою[2]), увѣнчанная такою же главою, въ натурѣ невозможною. Вѣроятно, и этотъ набросокъ (рис. № 2) былъ сдѣланъ Олеаріемъ не съ натуры, а по памяти, поэтому не понятая и плохо удержанная въ памяти глава церкви получила на гравюрѣ такую, на первый взглядъ, ни съ чѣмъ несообразную форму. Но если сравнить эту главу съ еще сохранившимися деревянными церквами нашего сѣвера, то, при нѣкоторой натяжкѣ ее можно признать за восмигранный, рубленый и уширяющійся для образованія карниза верхъ церкви, покрытый высокимъ шатромъ. Когда же мы примемъ во вниманіе то количество луковичныхъ главъ, которое Олеарій видѣлъ на каменныхъ московскихъ церквахъ, то станетъ вполнѣ понятнымъ его желаніе имѣть ихъ нарисованными и на деревянныхъ храмахъ Москвы; онъ это и сдѣлалъ, для чего воспользовался перенначеннымъ по собственному усмотрѣнію шатромъ надъ деревяннымъ восьмерикомъ Нарвской церкви. Это предположеніе становится еще болѣе правдоподобнымъ, если замѣтить, что на изображеніяхъ другихъ городовъ[3]) и мѣстечекъ, нарисованныхъ, повидимому, съ натуры, такихъ курьезныхъ главъ не встрѣчается; напримѣръ на церквахъ Лавы[4]), Астрахани[5]) и Терокъ[6]) или возвышаются шатры, увѣнчанные луковичными главками, или послѣднія постав-

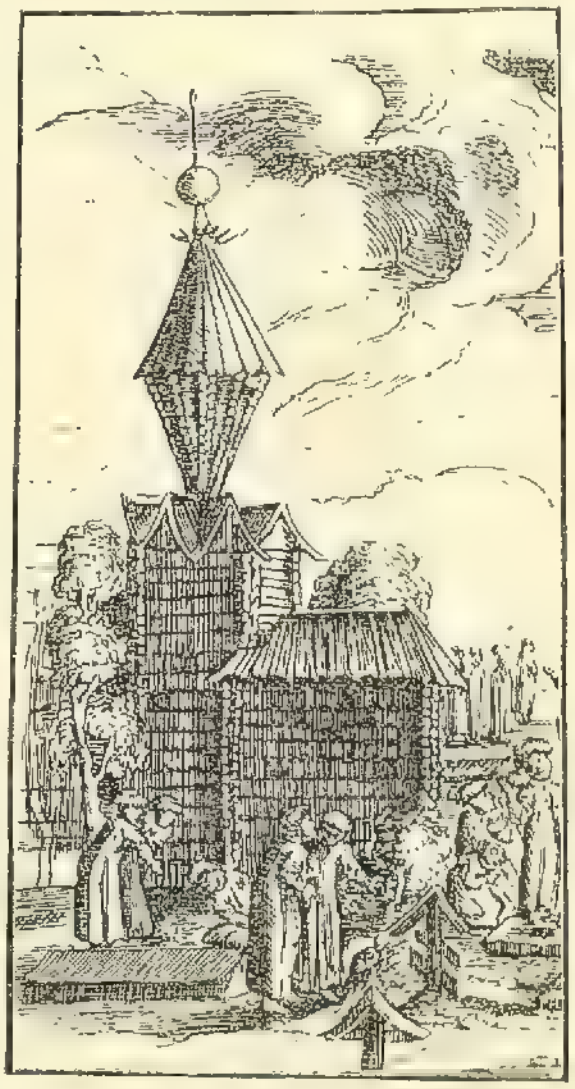


Рис. 2.

[1]) Адамъ Олеарій. Описаніе путешествія въ Московію... Введеніе, примѣчаніе, переводъ и указатель А. М. Ловягина. Изд. А. С. Суворина. 1906 г. С.-Пб. 1Къ стран. 152.
[2]) Ibid., стран. 8.
[3]) За исключеніемъ Нижняго Новгорода. Смотри Ibid., стран. 356.
[4]) Ibid., стран. 15.
[5]) Ibid., стран. 360.
[6]) Ibid., стран. 424.

лены на двухскатныя крыши, но какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ основаніемъ имъ служатъ правильныя шейки, и форма ихъ нисколько не искажена.

На планѣ Москвы и на ея общемъ видѣ, находящихся въ описаніи путешествія посольства Мейерберга[1]), нельзя ни одной церкви изъ всей массы нарисованныхъ съ увѣренностью признать за деревянную; правда, на общемъ видѣ двѣ церкви, одна шатровая[2]) и другая съ тремя луковичными главами[3]), имѣютъ горизонтально заштрихованныя нижнія части; штриховка эта, быть можетъ, изображаетъ вѣнцы срубовъ, но формы церквей могутъ быть отнесены какъ къ деревянной, такъ и къ каменной архитектурѣ. Зато на пространствѣ 155 верстъ, то-есть на пути отъ Твери до Москвы, Мейербергъ зарисовалъ нѣсколько селъ и мѣстечекъ, среди избъ которыхъ возвышались безспорно деревянныя церкви. Въ селѣ на рѣкѣ Шошѣ, въ Клину и въ Чашниковѣ стояли шатровыя церкви, нижнія части которыхъ представляли собою группы высокихъ прямоугольныхъ въ планѣ срубовъ, поставленныхъ одинъ за другимъ по направленію западъ-востокъ. Особенно интересна церковь въ селѣ на рѣкѣ Шошѣ (рис. № 3): она

Рис. 3.

Рис. 4.

была на подклѣтѣ; отъ крытаго невысокимъ шатромъ крыльца вела къ трапезѣ довольно крутая лѣстница; надъ трапезой возвышалась не особенно высокая колокольня съ шатромъ и луковичной главкой, а надъ самой церковью, болѣе высокой чѣмъ трапеза и алтарь — шатровый верхъ, также увѣнчанный луковичной главой. Въ селахъ Спасъ-Заулки, Черкизовѣ и въ Никольскомъ существовалъ

---

[1]) Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовыя картины Россіи XVII вѣка 1661—2 г. Изданіе А. С. Суворина 1903 г. Листы 34, 35, 36 и 46.

[2]) Подъ лѣвой крайней башней каменныхъ стѣнъ города.

[3]) Подъ ц. Василія Блаженнаго, внѣ каменныхъ стѣнъ города.

другой болѣе простой типъ церквей; онѣ состояли изъ двухъ или трехъ различной высоты срубовъ и отъ простыхъ избъ отличались лишь бо́льшею высотою да небольшими главками, поставленными надъ ихъ двускатными крышами (рис. № 4).

Эрикъ Пальмквистъ[1]) иллюстрируетъ свое описаніе Москвы только ея планомъ. Поэтому для насъ въ его альбомѣ[2]) представляетъ интересъ только рисунокъ Никольскаго монастыря, находившагося въ 7 верстахъ отъ Москвы. Повидимому, набросокъ для своей гравюры Пальмквистъ дѣлалъ съ натуры; набросокъ не былъ достаточно подробнымъ и поэтому на гравюрѣ детали церкви Никольскаго монастыря получили немного феерическій характеръ, но въ общихъ чертахъ церковь нарисована правдоподобно и представляетъ собою сложное, стоящее на подклѣтѣ зданіе, съ нѣсколькими шатрами, луковичными главами, лѣстницами и крыльцами. (рис. № 5).

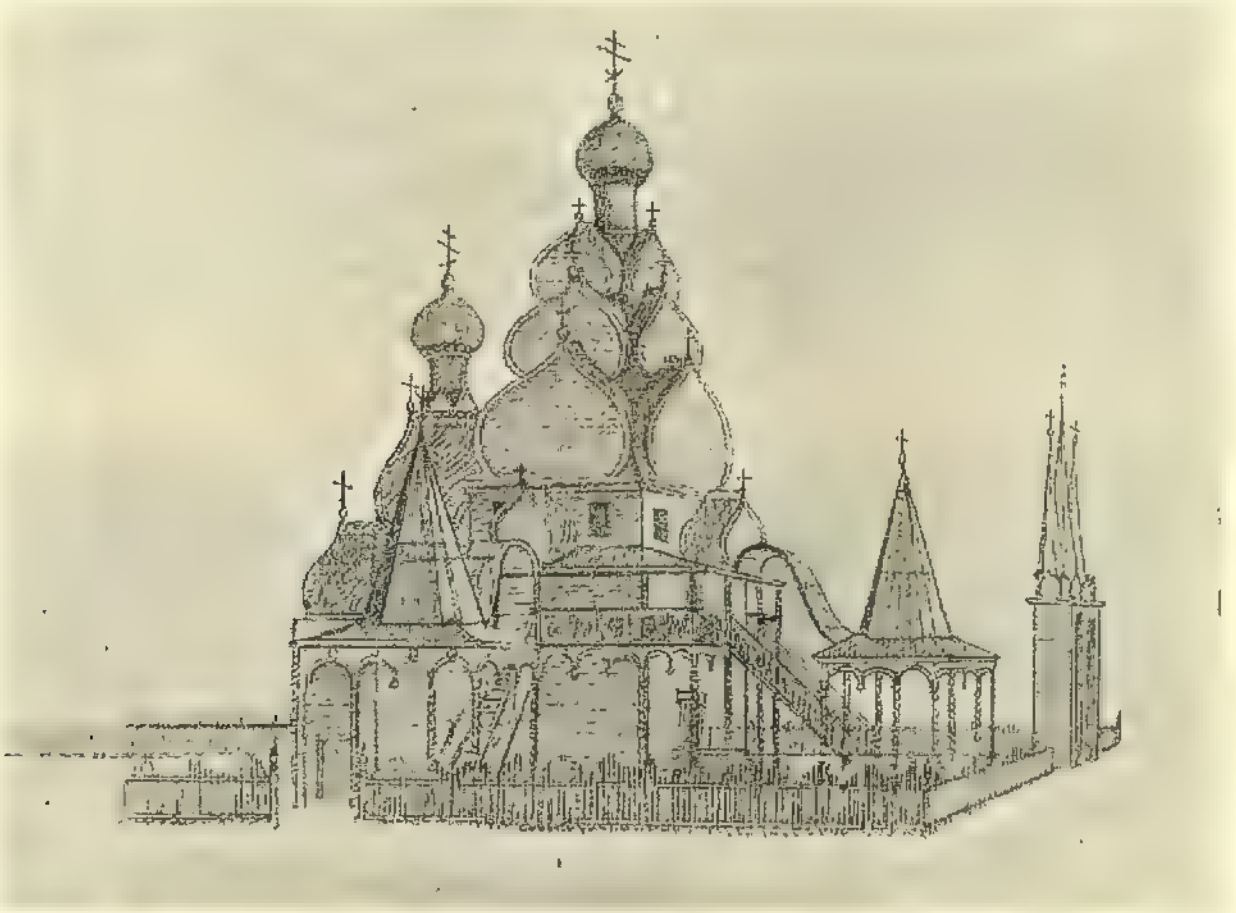


Рис. 5.

Теперь обратимся къ нашимъ мѣстнымъ источникамъ — къ миніатюрамъ въ рукописяхъ и къ древнимъ иконамъ московскаго происхожденія. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ памятниковъ древней письменности съ точки зрѣнія историка архитектуры является рукопись XVI вѣка: «Житіе Николая Чудотворца»[3]); тѣмъ

---

[1]) Членъ шведскаго посольства, бывшаго въ Москвѣ въ 1673 году.

[2]) Nägre widh Sidste Kongl. Ambassaden till Tzaren Mouskou giorde observationer over Ruszland.... Anno 1674. Изданіе Шведскаго правительства.

[3]) Находится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ.

не менѣе, вглядываясь въ находящіеся въ ней рисунки[1]) различныхъ зданій и архитектурныхъ деталей, мы не найдемъ ни одного, который относился бы къ деревянной церковной архитектурѣ. Дереву, какъ строительному матеріалу, въ рукописи отведено очень ограниченное мѣсто, — оно видно лишь на изображеніи оградъ, заборовъ, частоколовъ (тыновъ)[2]), воротъ и, пожалуй, нѣкоторыхъ звонницъ[3]). Вполнѣ понятно, что вниманіе иллюстратора рукописи было преимущественно сосредоточено на каменномъ церковномъ зодчествѣ, какъ на болѣе достойномъ удивленія и поэтому дерево онъ изображаетъ какъ бы нехотя, попутно, только тамъ, гдѣ его нельзя было избѣжать.

Такимъ образомъ этотъ въ высшей степени интересный для зодчаго памятникъ старо-русскаго искусства[4]) въ данномъ мѣслучаѣ не даетъ намъ никакого матеріала; подобно «Житію Пр. Сергія Радонежскаго», «Царственной книгѣ» и «Сборнику историческаго музея», его миніатюры ничего не говорятъ намъ о деревянной московской церковной архитектурѣ XVI вѣка. То же самое можно сказать и о памятникахъ московской иконографіи. Здѣсь мы опять роковымъ образомъ сталкиваемся со стремленіемъ иконописцевъ изображать исключительно каменныя зданія и притомъ по большей части не въ реальномъ ихъ видѣ, а сильно прикрашенными[5]). Даже такой сильный талантъ, какъ Симонъ Ушаковъ, внимательно приглядывавшійся ко всему, что проникало въ Москву съ запада, не могъ окончательно отрѣшиться отъ условностей древне-русскаго письма и продолжалъ наполнять свои иконы вычурными зданіями[6]) фантастичной архитектуры, заимствуя лишь нѣкоторыя детали изъ современнаго ему русскаго каменнаго зодчества. Нужно, конечно, оговориться, что его икона Владимірской Богоматери[7]) представляетъ исключеніе, такъ какъ на ней вполнѣ реально изображены стѣны и башни Московскаго кремля, а также Успенскій соборъ; но и на этой иконѣ отсутствуютъ изображенія церквей, срубленныхъ изъ дерева.

Итакъ, пытаясь извлечь какія-нибудь данныя для выясненія хотя бы сравнительно поздней деревянной церковной архитектуры Москвы изъ памятниковъ письменности и иконографіи, мы можемъ остановиться на сочиненіяхъ только иностранныхъ путешественниковъ; однако къ этому матеріалу слѣдуетъ, какъ мы упомянали выше, отнестись съ извѣстной осторожностью. Посмотримъ, чѣмъ же мы можемъ въ немъ воспользоваться, чтобы выяснить характеръ первоначальной

---

[1]) Изданіе Общества Любителей Древней Письменности.

[2]) Рисунки на страницахъ 5, 29, 135, 142 и т. д. рукописи.

[3]) Напримѣръ, на стран. 90 (2) рукописи.

[4]) О его значеніи смотри: Памятники древней письменности и искусства. Н. Султанова. Образцы древне-русскаго зодчества 1881 г.

[5]) Московская церковная старина. Труды комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской епархіи. Москва 1904 г.

[6]) Смотри: Памятники христіанской иконографіи и искусства Н. Покровскаго. 1900 г. Рис. 172 и рис. 173.

[7]) Ibid., рис. 174.

архитектуры Москвы, для чего, само собою разумѣется, нужно провести нѣкоторую аналогію, которая сблизитъ вѣка XII и XIII съ вѣкомъ XVII.

Плотничное искусство искони было знакомо Славянамъ, а ко времени принятія Русью крещенія они успѣли выработать въ немъ свои какъ конструктивные, такъ и художественные пріемы. Но если Русь языческая не задумывалась надъ постройкою жилыхъ зданій и капищъ для боговъ, а опытной рукой принималась за ихъ постройку по уже установившимся принципамъ, то Русь недавно крестившаяся робко конструировала свои первые деревянные храмы, постепенно и самостоятельно вырабатывая для нихъ извѣстный обликъ. Вѣдь наставники русскихъ во всей церковной области — греки, не могли имъ въ этомъ случаѣ дать никакого совѣта; греки строили только каменные храмы, а въ деревянномъ зодчествѣ были пожалуй менѣе искусны, нежели ихъ ученики — русскіе люди. Естественно поэтому, что первоначальный типъ деревяннаго храма долженъ былъ имѣть видъ простой избы, чѣмъ-либо отмѣченной отъ прочихъ — крестомъ, поставленнымъ надъ конькомъ кровли или бо́льшей высотой сруба. Что же касается крыльца и простого алтарнаго прируба, то послѣдніе, какъ по своему плану, такъ и по внѣшнему виду врядъ ли отличались отъ крылецъ жилыхъ избъ и ихъ различныхъ боковушекъ.

Постепенно внося свои собственные элементы даже въ искусство каменнаго строительства, русскіе люди, надо полагать, довольно скоро признали возможнымъ примѣнять къ деревянному церковному зодчеству тѣ архитектурныя формы, которыя они выработали для другихъ своихъ сооруженій; — появились подклѣты, высокіе рундуки, притворы — галлереи, высокіе шатры и кровли бочками; чтобы сдѣлать церковь вмѣстительнѣе, ее образуютъ комбинаціей нѣсколькихъ срубовъ, а стремленіе сдѣлать храмъ доминирующимъ надъ окружающими его зданіями и искомое представленіе о высотѣ, какъ спокойной красоты, давало поводъ строителямъ вытягивать вверхъ общій силуэтъ. Появились церкви многоглавыя; о нихъ встрѣчаются упоминанія въ лѣтописяхъ. Чѣмъ богаче былъ храмъ, тѣмъ онъ былъ сложнѣе по плану и болѣе замысловатъ по внѣшности; чѣмъ бѣднѣе были храмоздатели, тѣмъ проще былъ и построенный ими храмъ, а бѣдные приходы ставили простые «клѣтцки», то-есть примитивныя церкви, состоявшія изъ прямоугольной въ планѣ средней части, такого же алтаря и простой паперти — крыльца. Другими словами, развитіе деревяннаго церковнаго строительства не исключало возможности одновременной постройки всѣхъ типовъ церквей, начиная отъ первичнаго и кончая самыми сложными. Доказательствомъ послѣднему служатъ рисунки Олеарія, Мейерберга и Пальмквиста; у нихъ мы видимъ, что церкви XVII вѣка, изъ которыхъ нѣкоторыя существовали, быть-можетъ, уже давно, имѣютъ всѣ тѣ формы, которыя должна была пройти эволюція деревяннаго церковнаго дѣла, прежде чѣмъ достигнуть того совершенства, той кульминаціонной точки, которая видна въ церкви Никольскаго монастыря. Конечно,

на рисункахъ иностранцевъ надо исправить нѣкоторыя неправильно понятыя ими детали; въ общихъ же чертахъ эти рисунки правильно передаютъ современную имъ дѣйствительность.

Наконецъ, обращаясь къ еще существующимъ теперь старинымъ деревяннымъ церквамъ, мы увидимъ все ту же картину; бѣдныя села рубили незамысловатые храмы, почти ничѣмъ не отличающіеся отъ простыхъ избъ, болѣе богатыя села ставили и болѣе сложныя церкви и, наконецъ, города, монастыри и большія села обзаводились красивыми большими и сложными храмами. Явленіе это наблюдается не въ одной какой-нибудь области — его можно прослѣдить почти всюду какъ на сѣверѣ[1]) Европейской Россіи, такъ въ ея центральныхъ губерніяхъ[2]), такъ, наконецъ, и въ Сибири[3]).

Такимъ образомъ мы можемъ, повидимому, придти къ заключенію, что въ теченіе болѣе нежели двухъ вѣковъ, а именно въ XVI, XVII и началѣ XVIII вѣковъ деревянныя церкви строились у насъ все по однимъ и тѣмъ-же типамъ, которые, если судить по самому простому изъ нихъ, должны были представлять собою почти точное повтореніе построекъ болѣе древнихъ, воздвигавшихся въ вѣкахъ XV и XIV; а если припомнить любовь старой Руси во всемъ придерживаться освященныхъ временемъ правилъ и традицій, то почти съ увѣренностію можемъ сказать, что деревянная церковная архитектура XIII и XII вѣковъ была таже, что и въ вѣкахъ послѣдующихъ. Быть можетъ она еще не владѣла тогда тѣмъ сравнительно разнообразнымъ запасомъ формъ, который выработала къ серединѣ XVII вѣка, вѣрнѣе не рѣшалась примѣнять полностью при постройкѣ церквей тѣ строительные мотивы, которыми уже давно пользовались для зданій гражданскаго назначенія, но во всякомъ случаѣ нѣтъ причинъ предполагать, чтобы основные принципы первоначальнаго деревяннаго церковнаго зодчества были иные, нежели въ эпохи болѣе позднія.

Здѣсь, конечно, нужно оговориться, что приведенныя соображенія могутъ быть вѣрны лишь по отношенію къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ православію не приходилось бороться съ какимъ-нибудь посторонннимъ вліяніемъ, какъ это имѣло мѣсто на югѣ, въ Малороссіи, гдѣ латинство временами торжествовало надъ нимъ. Тамъ мы видимъ совершенно другую картину — типы деревянныхъ храмовъ Малороссіи представляютъ собою совершенно обособленную группу, окончательно уклонившуюся въ сторону и забывшую первоначальные пріемы и традиціи[4]).

---

[1]) В. В. Сусловъ. Очерки по Исторіи Древне-Русскаго зодчества. 1889 г.

[2]) «Зодчій» 1907 г. Матеріалы по исторіи Русской Архитектуры. V. Церковь Спаса въ Заваринѣ и Московская церковная старина. Томъ I. Общія историческія свѣдѣнія о селѣ Косинѣ и его храмахъ, стран. 6.

[3]) «Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи.» Н. В. Султановъ. Остатки Якутскаго острога. 1907 г. Выпускъ 24.

[4]) Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества. В. В. Сусловъ. 1889 г.

Москва всегда ревностно оберегала себя отъ латинства, татары безразлично относились къ вѣроисповѣданіямъ порабощенныхъ ими народовъ и, наконецъ, зодчіе иностранцы, работавшіе въ Москвѣ, имѣли дѣло только съ каменными постройками, поэтому ихъ дѣятельность не могла отразиться на московской деревянной архитектурѣ — стало быть область послѣдней представляла замкнутый кругъ, гдѣ спокойно, внѣ сферы постороннихъ элементовъ, продолжали жить и развиваться исконныя традиціи.

Подводя итогъ приведеннымъ выше соображеніямъ, мы можемъ, кажется, безъ серіозныхъ погрѣшностей придти къ выводу, что первоначальное деревянное церковное зодчество Москвы не шло дальше комбинаціи двухъ-трехъ срубовъ, отмѣченной крестомъ и поставленной на подклѣтъ, дальнѣйшая же его эволюція должна была идти тѣмъ же путемъ, какимъ шло искусство сѣвернаго края, который болѣе другихъ областей сохранилъ намъ образцы памятниковъ древнерусскаго церковнаго деревяннаго зодчества.

Но намъ могутъ возразить, что деревянная архитектура церквей Москвы должна настолько же отличаться отъ архитектуры другихъ областей, насколько были различны между собою стили ихъ каменныхъ церквей. Много ли общаго между храмами Новгорода и Пскова съ одной стороны и храмами Владиміро-Суздальской земли съ другой! Конечно, различіе этихъ стилей довольно велико, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что князьямъ Владиміра и Суздаля «приведе Богъ отъ всѣхъ земель мастеры», а новгородскіе и псковскіе каменнаго дѣла мастера были въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ ганзейскимъ союзомъ и не избѣгли въ силу этого вліянія романской архитектуры. Другими словами наше каменное церковное зодчество, какъ дѣло требующее большого запаса знаній и опытности, наконецъ, какъ область болѣе показная, до татарскаго погрома шло въ ногу съ западной Европой. Мы учились и у нея и у однихъ съ нею учителей; но послѣдніе не были одни и тѣ же для разныхъ областей Русской земли, — отсюда и различіе стилей каменнаго зодчества Новгорода и Владиміра. Плотничному же дѣлу намъ учиться было не у кого, да въ этомъ ученіи не было и надобности — Русь владѣла имъ въ совершенствѣ, поэтому при общности факторовъ, создававшихъ стиль деревянныхъ церквей, и самъ онъ, за исключеніемъ сравнительно мелкихъ областныхъ деталей, долженъ былъ быть общимъ для всей Русской земли. Каковы же были эти мѣстныя детали въ Москвѣ, на это, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, нельзя дать отвѣта за отсутствіемъ какихъ-либо болѣе или менѣе достовѣрныхъ источниковъ.

ГЛАВА II.

Москва разросталась и обстраивалась поразительно быстро; уже на десятомъ году послѣ пированія въ ней князей Юрія и Святослава Андрей Боголюбскій устраиваетъ здѣсь «городъ», т.-е. крѣпость[1]), что указываетъ на значительное число жителей, для которыхъ крѣпость должна была служить убѣжищемъ въ случаѣ нападенія непріятелей.

Въ 1238 году, во время Батыева нашествія, сгорѣли, какъ говоритъ лѣтописецъ, и церкви, и монастыри всѣ, и села[2]). Это свидѣтельство лѣтописи указываетъ, что Москва менѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ успѣла изъ сравнительно небольшого поселенія превратиться въ оживленный торговый городъ, окруженный посадами, монастырями и пригородами.

Однако, несмотря на такіе быстрые успѣхи и, стало быть, на усиленную, строительную дѣятельность, первый каменный храмъ появляется въ Москвѣ только черезъ 125 лѣтъ послѣ перваго о ней лѣтописнаго извѣстія, а именно въ 1272 году. Это былъ храмъ во имя Спаса, построенный на мѣстѣ упомянутой выше деревянной церкви того же имени въ Даниловомъ монастырѣ. Во время постройки Спасскій храмъ находился внѣ городской черты, тѣмъ не менѣе возможно считать его первымъ каменнымъ московскимъ храмомъ, такъ-какъ въ настоящее время Даниловъ монастырь, расположенный между Серпуховской и Даниловской заставами, уже давнымъ давно вошелъ въ городскую черту.

Слѣдующій каменный храмъ, а именно Успенскій соборъ, воздвигается лишь полъ столѣтія спустя. Вполнѣ точно установить годъ, въ которомъ была произведена закладка этого собора, нельзя, такъ какъ по даннымъ различныхъ источниковъ начало постройки его относится то къ 1324, то къ 1325, то, наконецъ, къ 1326 году. Для насъ, въ сущности, интересно только то обстоятельство, что постройку второго каменнаго храма москвичи предприняли черезъ такой сравнительно большой промежутокъ времени послѣ постройки перваго. Фактъ этотъ указываетъ на то, что каменное дѣло въ Москвѣ стояло въ ту пору на самомъ низкомъ уровнѣ, попросту говоря, москвичамъ приходилось вызывать къ себѣ мастеровъ изъ другихъ городовъ, что, конечно, было сопряжено съ значительными матеріальными затратами, непосильными ни жителямъ, ни казнѣ, еще не оправившимся послѣ Батыева погрома.

Но послѣ постройки Успенскаго собора дѣло каменнаго церковнаго строительства начинаетъ развиваться: уже въ 1329 году великій князь Иванъ Даниловичъ строитъ церковь во имя Іоанна Лѣствичника. Въ томъ же году воздвигается при Успенскомъ соборѣ придѣлъ въ честь спаденія вериги съ Апостола Петра.

---

[1]) Забѣлинъ. Исторія города Москвы, стран. 68.
[2]) Забѣлинъ. Исторія города Москвы 1902 г., стран. 73.

Оба послѣдніе храма были построены Иваномъ Даніловичемъ по обѣту въ память мирнаго разрѣшенія вопроса, поднятаго ханомъ Узбекомъ по поводу убіенія въ Твери его племянника Шевкала.

Вообще 1329 годъ является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ лѣтописяхъ московскаго церковнаго строительства: тогда же былъ построенъ и такъ называемый Спасъ на Бору, на мѣстѣ упомянутой выше деревянной церкви того же имени.

Наконецъ, въ 1333 году все тотъ же ревнитель храмоздательства — вел. князь Иванъ Даніловичъ, началъ и въ томъ же году закончилъ постройку кремлевской церкви Михаила Архангела.

Послѣ постройки этой церкви слѣдуетъ перерывъ почти въ 30 лѣтъ; за этотъ промежутокъ времени лѣтописи не упоминаютъ ни объ одномъ новомъ храмѣ вплоть до постройки церкви въ Андроніевскомъ монастырѣ (въ 1360 году). Въ 1365 году митрополитъ Алексѣй основываетъ Чудовъ монастырь и строитъ въ немъ деревянную церковь; церковь эта просуществовала недолго, такъ какъ святитель вскорѣ построилъ взамѣнъ ея каменную. Затѣмъ опять слѣдуетъ перерывъ строительной дѣятельности, тянувшійся около 30 лѣтъ — до постройки въ 1393 году великой княгиней Евдокіей (супругой Димитрія Донского) церкви Рождества Богородицы (теперь св. Лазаря). Черезъ четыре года, т.-е. въ 1397 году вел. князь Василій Димитріевичъ строитъ Благовѣщенскій соборъ. Затѣмъ вел. княгиня Евдокія закладываетъ каменную церковь въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ. Въ точности годъ начала постройки этой церкви неизвѣстенъ — имѣются только свѣдѣнія, что эту дату слѣдуетъ отнести ко времени послѣ нашествія Тохтамыша, близкому къ году кончины княгини Евдокіи (1407 годъ). Послѣ этого наступаетъ долгое затишье, длящееся до 1451 года; подъ этимъ годомъ[1]) лѣтописи упоминаютъ о сооруженіи святителемъ Іоною церкви Положенія ризы Пр. Богородицы. Десять лѣтъ спустя, т.-е. въ 1461 году, въ Кремлѣ была построена церковь Рождества Іоанна Предтечи, существовавшая, конечно, въ не разъ перестроенномъ видѣ до 1847 года, и болѣе извѣстная подъ именемъ церкви Уара Мученика, придѣлъ котораго находился у южной стѣны главной части храма.

Но 1461 годъ уже не далекъ отъ того времени, когда Аристотель Фіоравенти принимается за сооруженіе новаго Успенскаго собора на мѣстѣ двухъ первыхъ неудачныхъ зданій. Пріѣздъ Аристотеля въ Москву (1474 годъ) начинаетъ новую эпоху въ исторіи московскаго зодчества; поэтому, дойдя до этого событія, необходимо остановиться и разобраться въ томъ, что́ москвичи успѣли сдѣлать до того момента, когда на ихъ архитектурѣ впервые начало сказываться непосредственное вліяніе западнаго искусства.

---

[1]) А также и подъ 1449-мъ.

Итакъ, разсмотримъ, насколько это является возможнымъ въ настоящее время, церкви, построенныя въ періодъ времени съ 1272 года по 1461 годъ, и попытаемся вывести изъ этого разсмотрѣнія какое-нибудь заключеніе.

По свидѣтельству А. М. Павлинова[1]), отъ храма Спаса въ Даниловомъ монастырѣ остались въ настоящее время лишь части его подвальныхъ бѣлокаменныхъ стѣнъ, надъ которыми возвышается болѣе позднее зданіе, сооруженное въ царствованіе Іоанна Грознаго. Опредѣлить форму плана этихъ стѣнъ очень

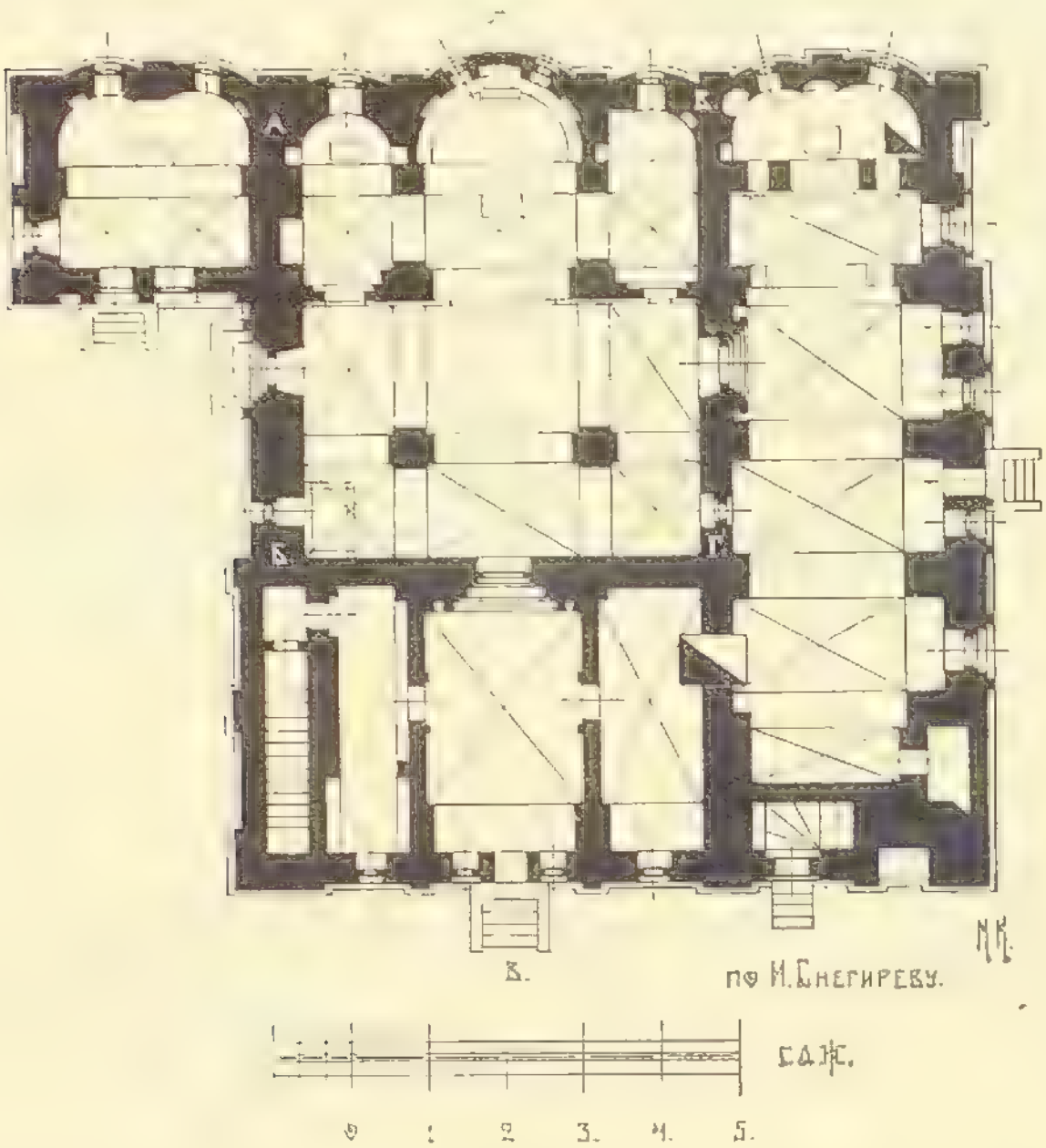


Рис. 6.

трудно, такъ какъ монахи превратили подвалъ въ усыпальницы частныхъ лицъ, не всегда доступныя для осмотра; при частичномъ же изученіи древнихъ стѣнъ подвала можно лишь, по словамъ того же автора, признать ихъ сходство съ тесовою кладкою Владиміро-Суздальскихъ церквей. Древнѣйшій изъ Кремлевскихъ храмовъ, Успенскій соборъ, какъ видно изъ лѣтописи, представлялъ собою

[1]) Исторія русской архитектуры А. М. Павлинова. Годъ 1894, стран. 111.

небольшое бѣлокаменное зданіе съ непропорціонально толстыми стѣнами. Несмотря на это, соборъ разрушился черезъ полтораста лѣтъ. Не лучшими строителями оказались и болѣе поздніе мастера — Кривцовъ да Мышкинъ: при заканчиваніи сводовъ церкви, которую они заложили на полторы сажени длиннѣе и шире собора во Владимірѣ, она рухнула; вслѣдствіе этого Іоаннъ III, послѣ отказа псковскихъ мастеровъ докончить постройку, разочаровался въ мѣстныхъ силахъ и рѣшился обратиться къ иноземцамъ. Пріѣхавшій на зовъ Аристотель Фіоравенти разобралъ все, что осталось отъ работы его предшественниковъ, и заложилъ церковь сызнова, поэтому отъ постройки Калиты

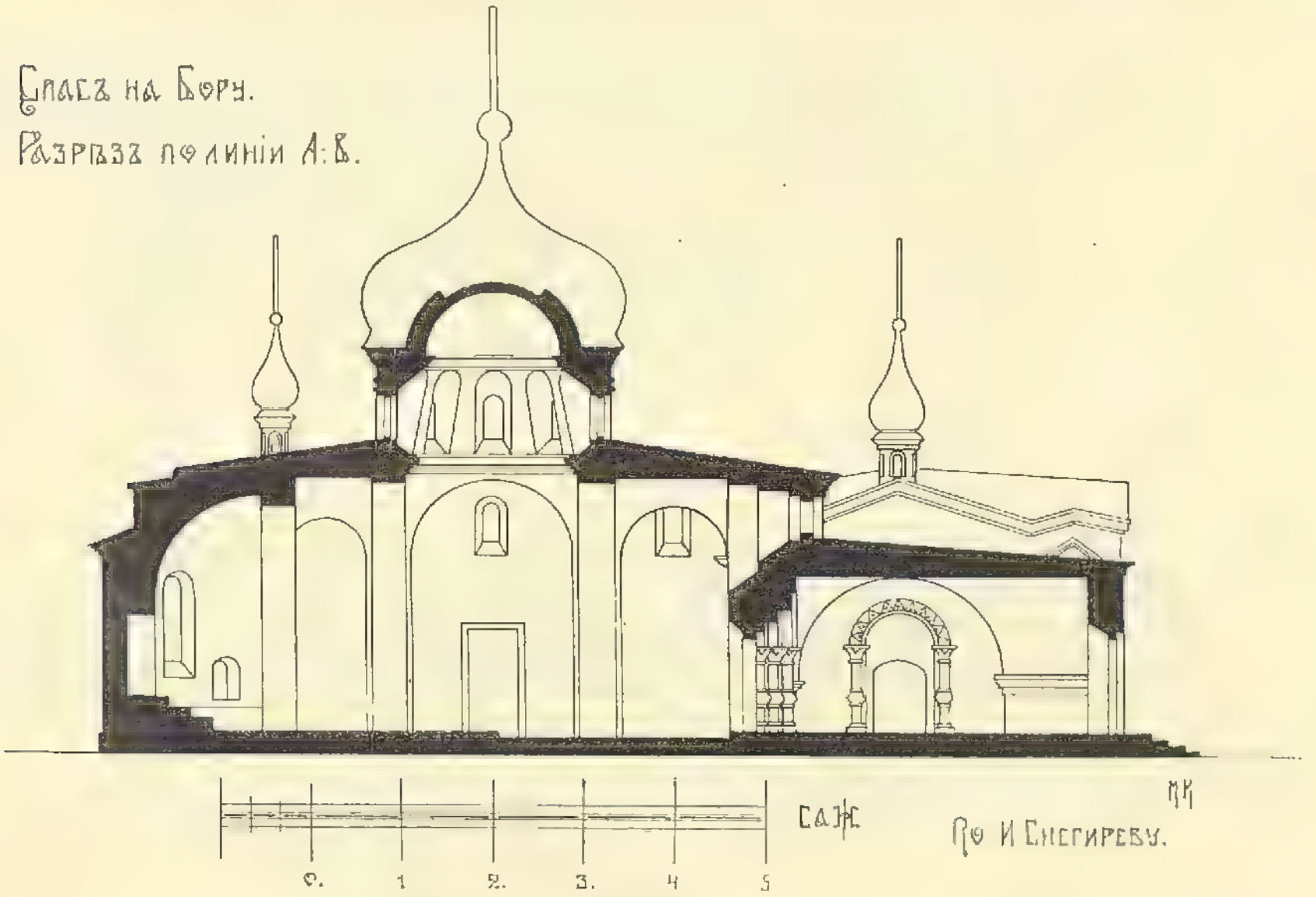


Рис. 7.

до насъ не дошло никакихъ слѣдовъ, кромѣ лѣтописныхъ извѣстій. Точно такъ же не осталось ничего отъ двухъ обѣтныхъ храмовъ Ивана Калиты — отъ церкви Іоанна Лѣствичника и храма въ честь спаденія веригъ съ ап. Петра. Зато у Спаса на Бору уцѣлѣла вся его первоначальная кладка на высоту приблизительно двухъ съ половиной аршинъ, благодаря чему мы имѣемъ почти неприкосновеннымъ весь планъ этого древняго храма. Правда, въ настоящее время онъ со всѣхъ сторонъ загроможденъ болѣе поздними пристройками, но его первоначальный планъ сразу бросается въ глаза: въ общихъ чертахъ это немного вытянутый

по направленію востокъ-западъ прямоугольникъ, заканчивающійся съ востока тремя выступами полукруглыхъ апсидъ. (На рисункѣ № 6 планъ древнѣйшей части храма отмѣченъ литерами А — Б — В — Г.) Общій пріемъ плана почти такой же, какъ у церквей XII вѣка, и близокъ, стало быть, къ планамъ Владиміро-Суздальскихъ церквей; однако онъ не представляетъ ихъ точнаго сколка. Первое, что обращаетъ на себя въ этомъ отношеніи вниманіе — горнее мѣсто и скамья священнослужителей, устроенныя въ средней апсидѣ (см. планъ и разрѣзъ рис. № 7) — деталь обычная для церквей Псковскихъ и Новгородскихъ[1]), но не встрѣчающаяся въ архитектурѣ Владиміра и Суздаля. Другою отличительною чертою плана Спаса на Бору являются поперечныя стѣнки, отдѣляющія жертвенникъ и діаконникъ отъ части храма, предназначенной для молящихся. Въ Дмитровскомъ соборѣ и въ церкви Покрова на Нерли восточные пилоны настолько близко стоятъ отъ стѣнъ южной и сѣверной, что въ поперечныхъ стѣнкахъ нѣтъ надобности; у Спаса же на Бору пилоны отодвинуты во внутрь храма, почему въ поперечныхъ стѣнкахъ явилась необходимость, подобно тому, какъ это можно видѣть во многихъ церквахъ Пскова и Новгорода. Наконецъ, ни у одной изъ церквей Владиміро-Суздальской области нѣтъ лопатокъ, размѣщенныхъ снаружи, между алтарными полукружіями. Этотъ пріемъ не свойственъ зодчеству ни Пскова и Новгорода ни зодчеству Владиміра и Суздаля, а является какъ бы мѣстной особенностью. Всѣ эти уклоненія отъ пріема плановъ церквей двухъ послѣднихъ городовъ можно бы признать результатомъ перестроекъ, которымъ храмъ не разъ подвергался; но, какъ мы упомянули выше, бѣлокаменная кладка низа зданія сохранилась неприкосновенной и, слѣдовательно, всѣ эти особенности уже существовали у храма въ его первоначальномъ видѣ. Но если эти особенности какъ бы ставятъ Спасъ на Бору нѣсколько особнякомъ отъ Владиміро-Суздальскаго зодчества, то бѣлокаменная кладка и такъ называемый «перспективный входъ», уцѣлѣвшій на западной стѣнѣ древней части зданія, безспорно указываютъ на его тѣсную связь съ зодчествомъ Владиміра-Суздаля. Такіе входы появились впервые на Руси во Владимірской архитектурѣ, а кіевляне, новгородцы и псковичи совершенно не были съ ними знакомы (рис. № 8).

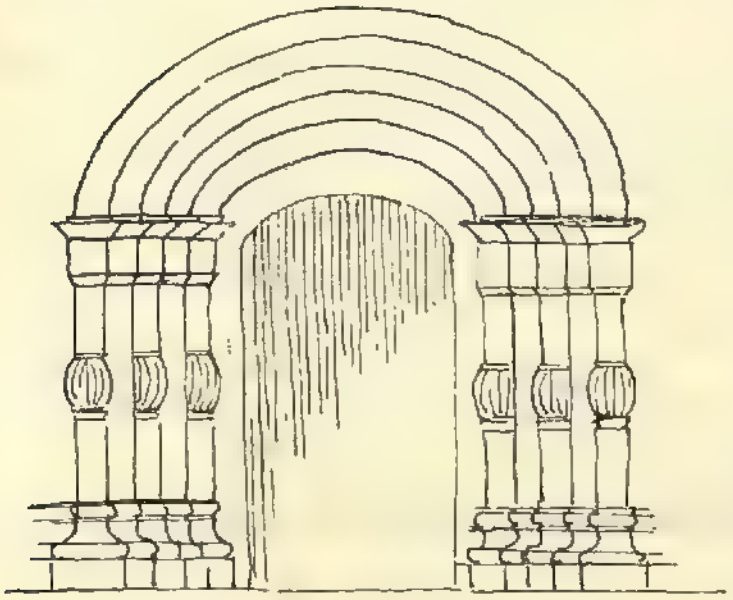


Рис. 8.

---

[1]) Напримѣръ, такія скамьи имѣются въ псковскихъ церквахъ: Георгія со Взвоза, Климента папы Римскаго, Косьмы и Даміана близъ Гремячей башни и Варлаама Хутынскаго.

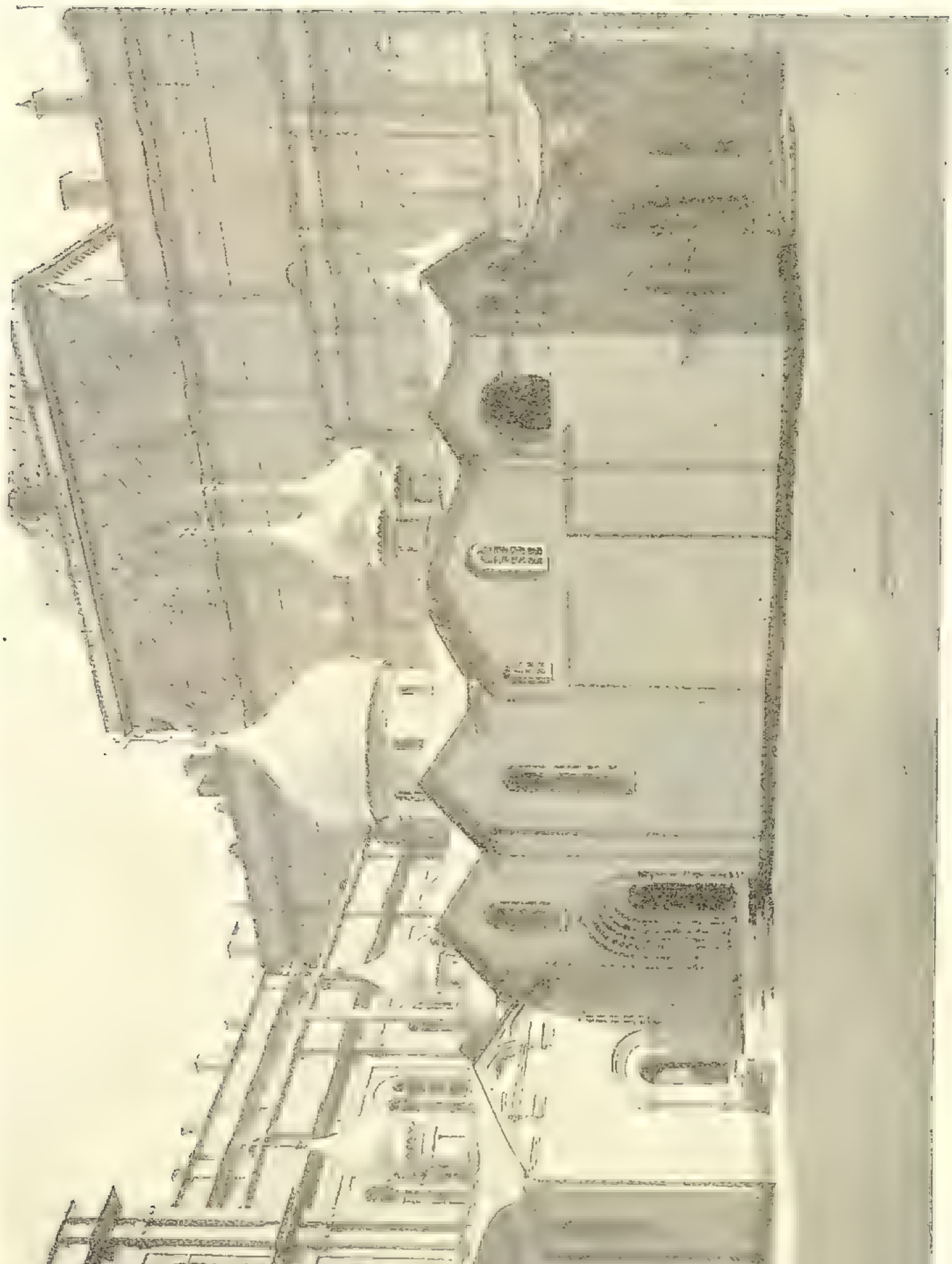


Рис. 9

По фотографіи Бергамаскаго.

Сказать что-либо о томъ, какую Спасъ на Бору имѣлъ внѣшность и какъ вначалѣ были отдѣланы его фасады — въ настоящее время невозможно. Позднѣйшія пристройки и передѣлки, а ихъ было не мало[1]), настолько измѣнили его первоначальный обликъ, что о немъ остается только догадываться (рис. № 9). Безспорно, повидимому, лишь то, что соборъ былъ одноглавый и это обстоятельство еще тѣснѣе связываетъ его съ Владиміро-Суздальской архитектурой. Что же касается наружнаго современнаго вида разсматриваемаго собора, то здѣсь можно отмѣтить мотивы архитектурной обработки двухъ эпохъ: сѣверный фасадъ съ его треугольными фронтонами, длинными и лишенными наличниковъ (очелій) окнами, а также трехлопастными арками на фронтонахъ сѣвернаго придѣла — напоминаютъ Псково-Новгородскую архитектуру; наличники же оконъ южнаго фасада типичны для Московскаго зодчества XVII столѣтія.

Отъ построеннаго въ Кремлѣ Іоанномъ Калитою первоначальнаго собора во имя Архистратига Михаила до насъ не дошло никакихъ слѣдовъ; храмъ былъ разобранъ по волѣ Іоанна III, которому храмы выстроенные его предками казались слишкомъ маленькими и не отвѣчающими могуществу современной ему Москвы. На мѣстѣ разобраннаго храма миланецъ Алевизъ заложилъ въ 1505 году новый, болѣе грандіозный, по образцу Успенскаго собора. Поэтому о первоначальномъ видѣ церкви Ар. Михаила мы имѣемъ только тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя намъ оставили лѣтописи, а именно: она была, повидимому, небольшихъ размѣровъ, такъ какъ построена въ одинъ годъ[2]), была одноглавая[3]) и внутри украшена фресками, исполненными русскими изографами Захаріемъ, Іосифомъ и Николаемъ въ 1344—1346 годахъ[4]). При ней существовали придѣлы, которые сначала были деревянные, а съ 1483 года каменные[5]).

Несмотря на неоднократныя передѣлки и возобновленія соборъ Чудова монастыря, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, сохранилъ свой первоначальный бѣлокаменный подклѣтъ. Какъ было упомянуто выше соборъ въ память чуда Архистратига Михаила былъ впервые построенъ святителемъ Алексѣемъ. Постройка была закончена «въ одно лѣто». 60 лѣтъ спустя послѣ смерти святителя одноглавый верхъ храма обрушился; онъ былъ возстановленъ, но, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, уже трехглавымъ[6]).

---

[1]) Уже въ 1350 году, т.-е. черезъ 20 лѣтъ послѣ постройки, къ собору были пристроены трапеза и верхній придѣлъ съ ведущей къ нему лѣстницей. Перестройки производились въ 1474 и 1527 году. Послѣ пожара 1554 года къ храму съ сѣвера и юга были пристроены придѣлы. Наконецъ, соборъ перестраивался въ 1737 и въ 1767 годахъ. (См. Памятники московской древности Ивана Снегирева. Москва 1842—1845 годъ.)

[2]) См. П. С. Р. Л. I, 230; IV, 53.

[3]) Ibidem. V, 270 и VI, 277.

[4]) Ibidem, VII, 209.

[5]) Ibidem, VIII, 154; VIII, 165; VIII, 181; IV, 155.

[6]) «Съ трехкровными восходами выспрь». См. И. Снегиревъ, Памятники Московской древности, стран. 134.

Въ 1501 году соборъ по причинѣ ветхости былъ разобранъ. Иванъ Снегиревъ[1]) предполагаетъ, что соборъ былъ разобранъ до основанія: это можно заключить изъ его словъ, гдѣ онъ говоритъ, что новый храмъ по своимъ размѣрамъ былъ меньше прежняго. Но, повидимому, это не такъ, потому что А. М. Павлиновъ на страницѣ 138-й своей Исторіи Русской архитектуры утверждаетъ на основаніи осмотра храма, что низъ послѣдняго — подклѣтъ сложенъ изъ бѣлаго камня, тогда какъ верхъ сдѣланъ изъ кирпича.

Подклѣтъ имѣетъ два яруса, въ которые ведутъ отдѣльные входы: въ нижній ярусъ — съ южной стороны, а въ верхній съ сѣверной. Нижній ярусъ не имѣетъ оконъ и, должно быть, служилъ мѣстомъ погребенія, потому что при очисткѣ его отъ мусора въ немъ нашли человѣческія кости и вериги. Перекрытъ этотъ ярусъ, такъ же, какъ и верхній сводами, сложенными изъ бѣлаго камня, безъ связей, опирающимися на четыре пилона. Высота нижняго яруса около двухъ саженъ; въ южной стѣнѣ подъ діаконникомъ сдѣлана прямоугольная ниша. Верхній ярусъ отличается отъ нижняго только тѣмъ, что онъ освѣщается небольшими окнами съ сильными скосами; въ его сѣверо-восточномъ углу находится маленькая палатка, длиною около трехъ а высотою около четырехъ аршинъ, которая освѣщается узкимъ оконцемъ съ желѣзной рѣшеткой. В. В. Сусловъ[2]) предполагаетъ, что верхній ярусъ подклѣта представлялъ собою церковь-усыпальницу; если это когда-нибудь такъ и было въ дѣйствительности, то такое значеніе верхнему ярусу было придано въ болѣе позднее время, первоначально же онъ скорѣе игралъ обычную роль подклѣтовъ, а именно представлялъ собою хранилище церковнаго имущества.

То обстоятельство, что подклѣтъ сложенъ изъ бѣлаго камня, по нашему убѣжденію, явно указываетъ, что онъ принадлежитъ первоначальному храму, построенному при митрополитѣ Алексѣѣ; какъ бы противорѣчіемъ этому является свидѣтельство житія о томъ, что храмъ этотъ имѣлъ помость (полъ) на самой землѣ, тогда какъ нынѣшній значительно поднятъ надъ нею, но не слѣдуетъ упускать изъ виду ту спутанность фактическихъ данныхъ, которая ясно видна въ этомъ житіи.

Можно еще допустить предположеніе, что второй ярусъ подклѣта построенъ позднѣе нижняго, одновременно съ самимъ храмомъ, т.-е. въ 1501—1503 году[3]), но тогда къ чему было класть этотъ новый ярусъ изъ бѣлаго камня, а не изъ кирпича, какъ всю остальную часть постройки. Наконецъ, конструктивные пріемы, примѣненные при постройкѣ новаго храма указываютъ, что онъ построенъ псков-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Памятники древняго русскаго зодчества. Издан. Императ. Академіи Художествъ. Выпускъ VII.

[3]) Старый храмъ былъ разобранъ въ 1501 году, а постройка новаго закончена въ 1503-мъ.

скими мастерами, а они, конечно, не стали бы примѣнять въ дѣло тесовую кладку вмѣсто кирпичной-обычной въ ихъ работахъ. Всѣ эти соображенія заставляютъ признать оба яруса подклѣта старыми, построенными при святителѣ Алексѣѣ; если же это такъ, то построенный въ началѣ XVI вѣка на этомъ подклѣтѣ храмъ долженъ имѣть такой же планъ, какъ и первоначальный, по крайней мѣрѣ не отличающійся въ существенныхъ частяхъ. Дѣйствительно, на прилагаемомъ

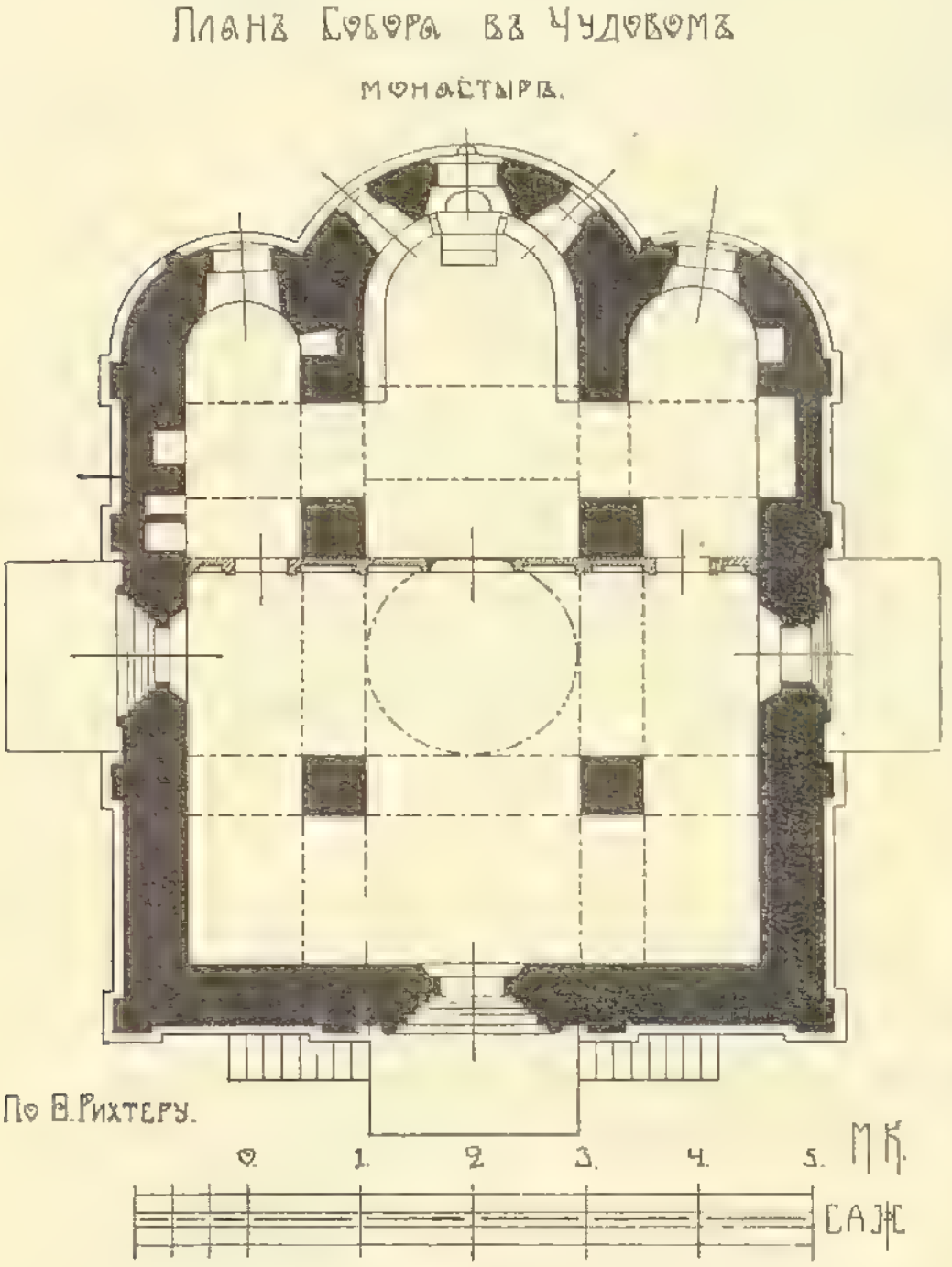


Рис. 10.

рисункѣ (рис. № 10) ясно видно, насколько планъ храма въ Чудовомъ монастырѣ близокъ къ планамъ церквей Владиміро-Суздаля; онъ отличается отъ нихъ только деталями, а общій пріемъ одинъ и тотъ же. Посерединѣ квадрата, составляющаго главную часть зданія, стоятъ четыре пилона, несущіе на себѣ шею главы; съ востока къ квадрату примыкаютъ три полукруглыя алтарныя апсиды, которыя ясно выражены на фасадѣ. Жертвенникъ и діаконикъ отъ помѣщенія для молящихся стѣнками не отдѣлены. Въ общемъ, пропорціи плана нѣсколько вытянуты по направленію западъ-востокъ, что особенно сильно придастъ ему Владиміро-Суздальскій характеръ. Но подобно Спасскому собору, мѣстной особенностью храма въ Чудовомъ монастырѣ является горнее мѣсто и скамья для священнослужителей, устроенныя въ средней апсидѣ. Что же касается внутренняго и внѣшняго вида храма, построеннаго святителемъ Алексѣемъ, то о нихъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, за исключеніемъ лишь того, что храмъ былъ одноверхій. Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ, что новый храмъ былъ построенъ по образцу стараго, согласно прежнимъ формамъ, но никакихъ доказательствъ этого не существуетъ; поэтому, какъ образецъ церковнаго зодчества

XIV вѣка, церковь чуда Арх. Михаила можетъ служить только своимъ подклѣтомъ и планомъ верхней части, хотя и построенной въ началѣ XVI вѣка, но неразрывно связанной съ подклѣтомъ.

Церковь Рождества Богородицы подвергалась очень значительнымъ передѣлкамъ. И. Снегиревъ даже не особенно увѣренно относитъ ея уцѣлѣвшую до сего времени нижнюю часть къ XIV вѣку, говоря, что «въ 1514 г., вѣроятно, она была перестроена, или вновь сооружена на прежнемъ мѣстѣ или на другомъ мѣстѣ»[1]). Но, по нашему глубокому убѣжденію, трудно предположить, чтобы Алевизъ Фрязинъ, производившій по повелѣнію Василія III въ упомянутомъ году перестройку церкви, сложилъ бы весь нижній ярусъ и даже часть сводовъ (о чемъ упоминаетъ и Снегиревъ) изъ бѣлаго тесоваго камня.

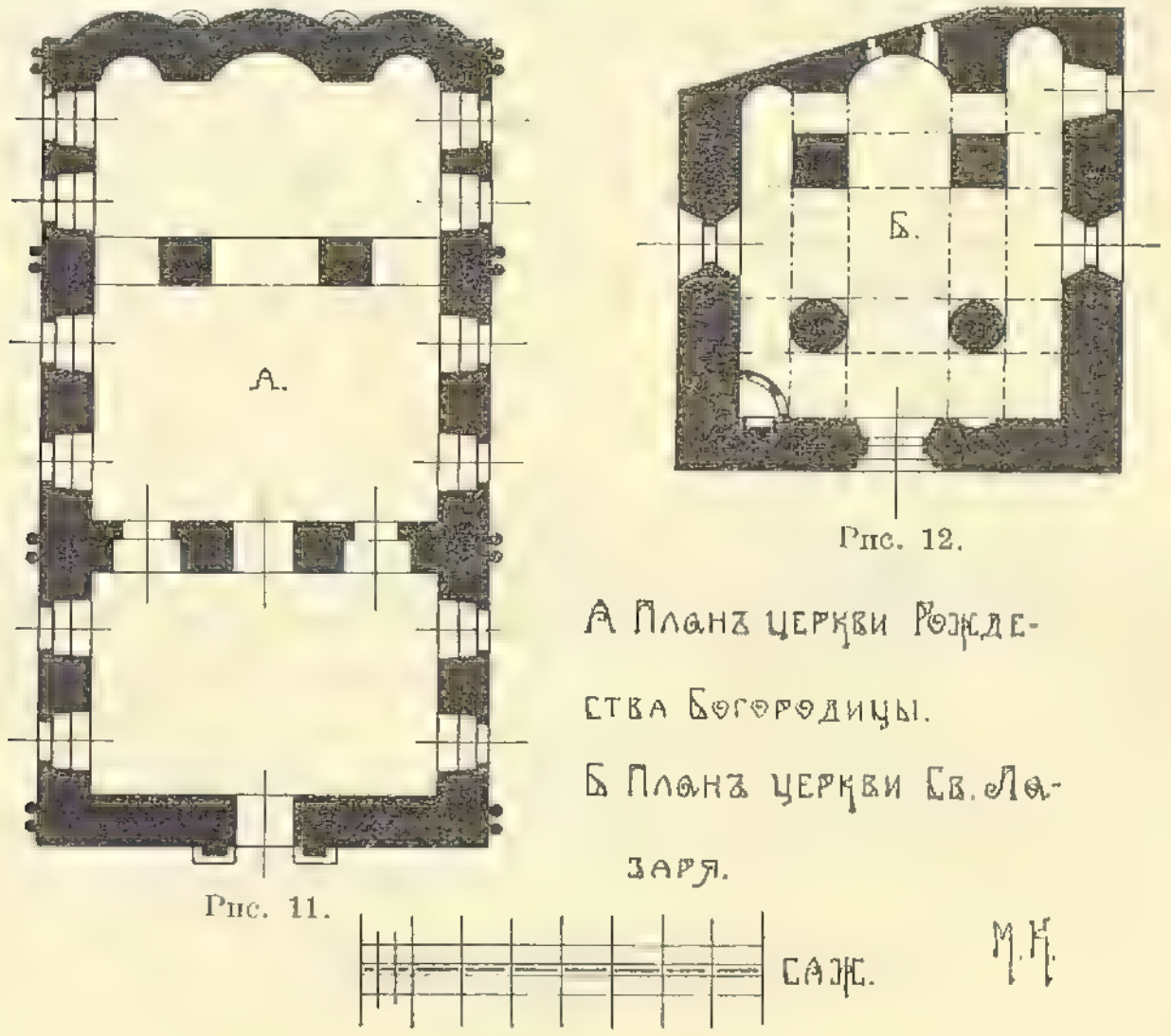


Рис. 12.

А План церкви Рождества Богородицы.

Б План церкви Св. Лазаря.

Рис. 11.

До перестройки, произведенной Алевизомъ, церковь Рождества Богородицы была однобрусная; послѣдній, вѣроятно, разобралъ ея верхъ настолько, насколько это было необходимо для надстройки 2-го яруса, въ которомъ теперь находится собственно церковь Рождества (рис. № 11), а нижнія части стѣнъ стараго зданія, образующія теперь первый ярусъ, гдѣ находится церковь Св. Ла-

[1]) Памятники московской древности. стран. 222.

заря, оставилъ безъ особыхъ передѣлокъ. На это указываетъ и планъ нижняго яруса (рис. № 12).

Размѣры его, какъ видно на чертежѣ, очень не велики, не велика также и высота: отъ пола до сводовъ 2 саж. 2 арш. и 5 верш. Посреди храма стоятъ четыре столпа, при чемъ два западныхъ имѣютъ въ планѣ круглую форму, а два восточныхъ — прямоугольную; послѣдніе отдѣляютъ алтарь отъ помѣщенія для молящихся. Въ сѣверо-западномъ углу находится круглый полый столбъ, въ которомъ прежде, надо полагать, находилась лѣстница, ведшая или на хоры или во второй ярусъ храма, а теперь въ немъ видно изображеніе возстающаго изъ гроба Лазаря.

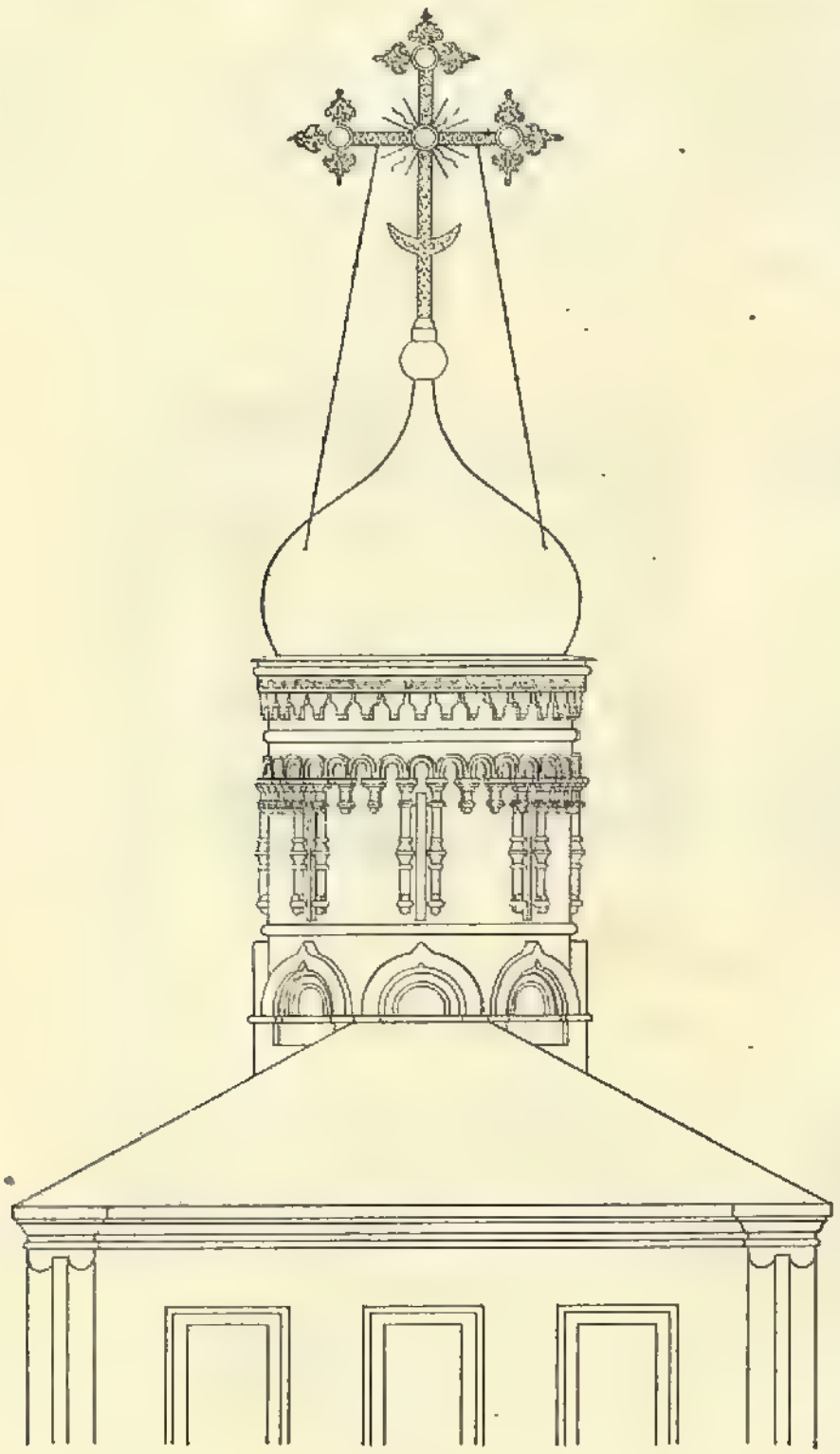


Рис. 13.

Въ 1681 году вся восточная часть церкви была сильно передѣлана; до этого года церковь стояла отдѣльно, но царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ ее соединить съ Теремнымъ дворцомъ. При этомъ стѣны церкви были подведены подъ одно лицо со стѣнами дворца; но такъ какъ первыя уклонялись на югъ, вслѣдствіе чего сѣверо-восточный уголъ церкви выдавался бы во дворъ дворца, къ церкви Спаса на Бору, то уголъ этотъ разобрали и новую стѣну вывели по линіи со стѣнами дворца (смотри черт.). Этой перестройкой объясняется странная форма апсидъ и ихъ расположеніе; очевидно, что до нея алтарная апсида или была выдвинута къ востоку болѣе нежели боковыя, или находилась съ ними на одной прямой; при перестройкѣ же 1681 года алтарную апсиду и жертвенникъ пришлось отодвинуть къ западу[1]).

---

[1]) Въ этомъ же (1681) году былъ перестроенъ и верхній ярусъ (Алевизовой постройки) Рождественской церкви. Съ запада къ нему пристроили трапезу, которую для сохраненія воротнаго проѣзда съ передняго двора на Кормовый и Сытный, пришлось поставить на столбахъ и сводахъ. Надъ вторымъ ярусомъ предполагалось устроить еще третій для но-

Несмотря на всѣ эти передѣлки, нижній ярусъ Рождественской церкви можно считать имѣющимъ въ общихъ чертахъ Владиміро-Суздальское происхожденіе, въ особенности, если принять во вниманіе матеріалъ — бѣлый камень, изъ котораго сложены всѣ его стѣны, что же касается круглыхъ въ планѣ западныхъ столповъ, то ихъ слѣдуетъ признать мѣстной особенностью, быть можетъ позднѣйшей[1]), появившейся подъ вліяніемъ италіанцевъ или проще псковичей, въ церквахъ которыхъ такіе столпы не представляютъ рѣдкаго исключенія[2]).

Іоаннъ III въ 1484 году призвалъ псковскихъ мастеровъ и приказалъ имъ перестроить Благовѣщенскій соборъ, построенный, какъ указано выше, Васпліемъ Дмитріевичемъ. При этой перестройкѣ соборъ не былъ разобранъ «до основанія», какъ утверждаетъ А. М. Павлиновъ[3]) но лишь до подклѣта, на что вполнѣ опредѣленно указываетъ лѣтопись: «того же лѣта разруши князь велики Благовѣщенье на своемъ дворѣ, подписанную только по козну и по подклѣтъ». В. Прохоровъ[4]) полагаетъ, что соборъ былъ разобранъ по высотѣ лишь наполовину: «до средняго пояса изъ колонокъ (по козну)». Очевидно почтенный изслѣдователь христіанскихъ древностей или неправильно толковалъ слово «козна» принимая его за наименованіе аркатурнаго пояса, или же предполагая, что «козна». т.-е. мѣсто для храненія драгоцѣнной церковной утвари и облаченій, находилась на высотѣ средняго пояса. Въ дѣйствительности, какъ увидимъ ниже, на этомъ уровнѣ находились тайники, но они были такъ малы, что ихъ нельзя было назвать «козною»; она обычно представляла собою значительныхъ размѣровъ палату, которой на уровнѣ пояса мѣста не было.

Каковъ былъ наружный и внутренній видъ первоначальнаго храма, сказать съ увѣренностью въ настоящее время нельзя; можно только предположить, какъ увидимъ ниже, что художественная обработка фасадовъ сохранила еще связь съ Владиміро-Суздальскимъ искусствомъ; внутри же, какъ извѣстно изъ лѣтописей, соборъ былъ расписанъ въ 1405 году Андреемъ Рублевымъ въ сотрудничествѣ съ грекомъ Ѳеофаномъ и старцемъ Прохоромъ. Во всякомъ случаѣ изъ приведеннаго текста лѣтописи ясно, что подклѣтъ Васпліевой постройки уцѣлѣлъ, хотя своды его прорѣзываются столпами позднѣйшаго зданія и средніе поперечныя стѣны не служатъ продолженіями верхнихъ стѣнъ. Другими словами только наружныя стѣны храма отвѣчаютъ наружнымъ стѣнамъ подклѣта, сложен-

---

ваго пятиверхаго храма во имя сошествія Святого Духа; однако привести это намѣреніе въ исполненіе не удалось — надстроили только стѣны и поставили одну главу (рис. 13), отчего высота второго яруса стала непропорціонально большой, а самъ онъ превратился въ двухсвѣтный. Этой перестройкой закончился рядъ измѣненій, которыя претерпѣлъ храмъ Рождества Богородицы и которыя совершенно исказили его первоначальный внѣшній видъ.

[1]) При перестройкѣ Алевиза?

[2]) См. Псковскія церкви: Георгія со Взвоза, Косьмы и Даміана (бывшій Псково-Гремячій монастырь), Варлаамія Хутынскаго и проч.

[3]) Страница 119. Исторія русской архитектуры.

[4]) Христіанскія древности 1887 г., стран. 11.

наго изъ бѣлаго камня. Что касается формы его плана, то она имѣетъ византійскій характеръ безъ типичнаго для Владиміро-Суздальской архитектуры удлиненія общихъ пропорцій плана съ запада на востокъ, но все же выступъ трехъ алтарныхъ полукружій очерченъ сильнѣе, нежели у московскихъ храмовъ слѣдующаго періода[1]).

Соборная церковь Вознесенскаго женскаго монастыря, начатая постройкою около 1407 года, въ первоначальномъ видѣ не была достроена и доведена лишь до кольца барабана; она сильно пострадала отъ пожара, такъ что черезъ 60 лѣтъ вдова Василія Темнаго, Марія, захотѣла ее разобрать и выстроить сызнова, но «Вас. Дмитріев. Ермолинъ съ мастеры, помысливъ о семъ, и не разобраша, но изгорѣлое каменье обломаша и своды разбиша и сдѣлаша около ея всея новымъ каменіемъ, да кирпичемъ новымъ сженымъ и своды сведоша и всея совершиша, яко всѣмъ дивитися необычному дѣлу ихъ[2]). Перестройка была закончена въ 1468 году и просуществовала всего 16 лѣтъ, послѣ чего опять настолько сильно пострадала отъ пожара, что великій князь Василій Іоанновичъ заложилъ на ея мѣстѣ новую въ 1519 году. Такимъ образомъ существующая нынѣ Вознесенская церковь, относясь къ XVI вѣку, не можетъ представить для насъ интереса, по крайней мѣрѣ при изученіи церквей перваго періода Московскаго зодчества.

Оставивъ поэтому дальнѣйшее разсмотрѣніе этой церкви, перейдемъ къ другому памятнику, первоначальная постройка котораго относится къ концу первой половины XV вѣка — это Кремлевская церковь во имя положенія ризы Пр. Богородицы во Влахернѣ. Церковь эта простояла 35 лѣтъ, послѣ чего была предпринята ея перестройка; дѣло было поручено псковичамъ, которые закончили постройку въ 1485 году. Такимъ образомъ отъ постройки митрополита Іоны до насъ ничего не сохранилось.

Наконецъ слѣдовало бы разсмотрѣть Кремлевскую церковь Іоанна Предтечи (св. Уара), но, подвергшись сначала многочисленнымъ передѣлкамъ и перестройкамъ, она въ 1847 году была разобрана совершенно, такъ какъ по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ портила видъ на новый кремлевскій дворецъ; сохранились только ея чертежи да историческій очеркъ въ упомянутомъ нами трудѣ П. Снегирева. Пользуясь этимъ прекраснымъ источникомъ можно вывести заключеніе, что во время пожара 1493 года она обрушилась; обрушились, повидимому, и своды ея подклѣта, такъ какъ въ послѣднемъ сгорѣла казна великой княгини Софіи Фоминишны. Тѣмъ не менѣе новая, воздвигнутая въ 1509 году церковь была, вѣроятно, поставлена на старомъ подклѣтѣ, который при возобновленіи церкви послѣ 1812 года былъ окруженъ широкой террасой (Рис. 14 и 15)[3]). Въ это же время былъ «поддѣланъ ея цоколь изъ бѣлаго камня; надъ

---

[1]) См. планъ подклѣта на стран. 8-й II-го выпуска Памятниковъ Древне-Русскаго искусства. Изданіе Императорской Академіи художествъ. С.-Петербургъ, 1909 г.

[2]) Карамзинъ И. Г. Р. прим. 629 подъ годомъ 1467.

[3]) И. Снегиревъ. Стран. 155.

нимъ видны остатки древняго карниза»[1]) (вѣрнѣе цокольнаго гурта). На основаніи всего сказаннаго можно предположить, что кирпичное зданіе времень Іоанна III стало на уцѣлѣвшія бѣлокаменныя стѣны подклѣта Василіевой постройки и, несмотря на позднѣйшія передѣлки, низъ храма въ такомъ видѣ сохранился до конца его существованія.

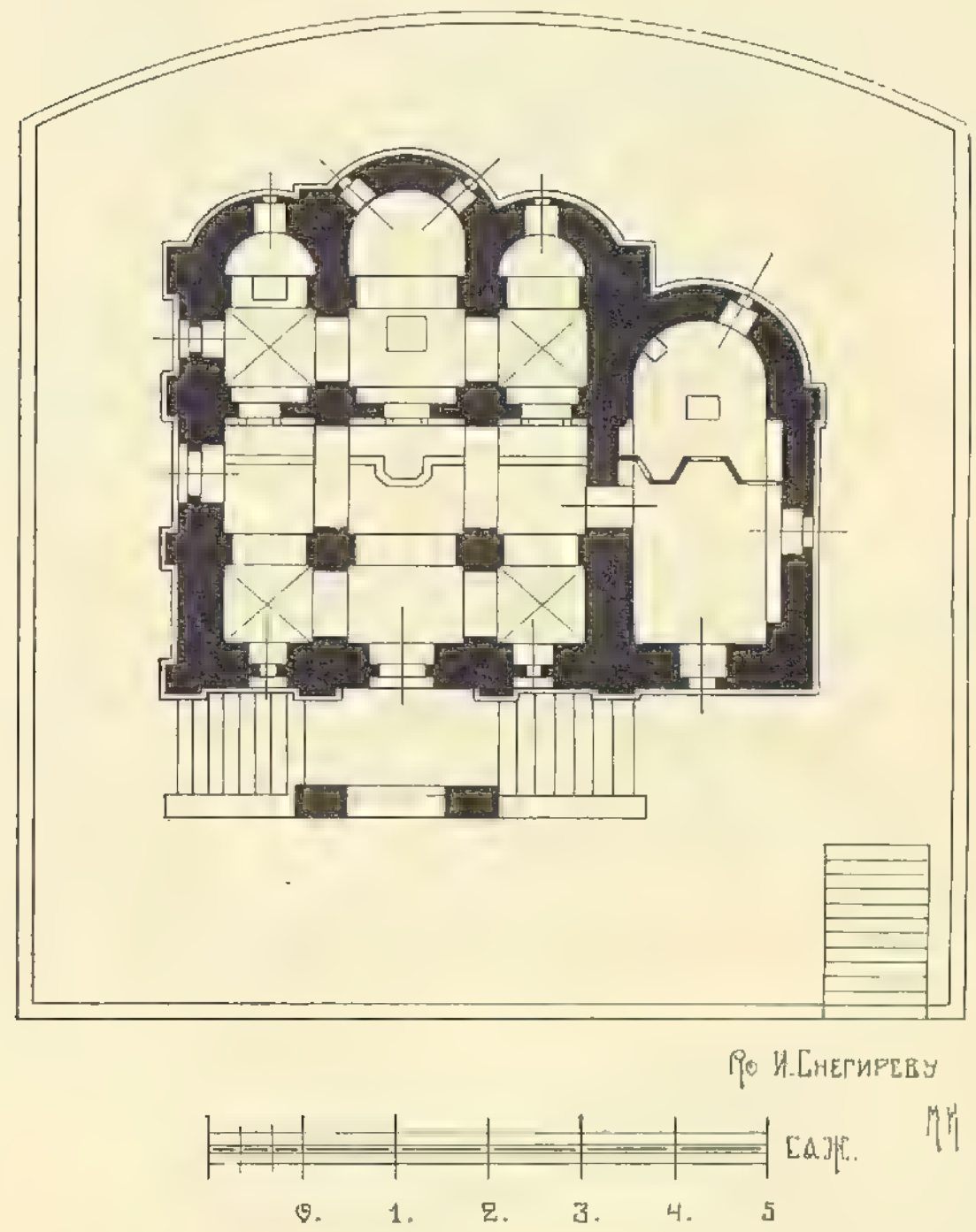


Рис. 14.

Такимъ образомъ можно считать, что обмѣренный И. Снегиревымъ планъ представляетъ такую же форму, какую имѣлъ въ 1461 году.

[1]) Ibidem.

Разсматривая этотъ планъ мы увидимъ, что онъ имѣетъ ту же форму, что приведенные выше, такъ какъ къ византійской основѣ присоединены детали мѣстнаго характера: нѣкоторая, правда очень незначительная вытянутость плана и поперечныя стѣнки, отдѣляющія алтарь, жертвенникъ и діаконикъ отъ кораблей храма.

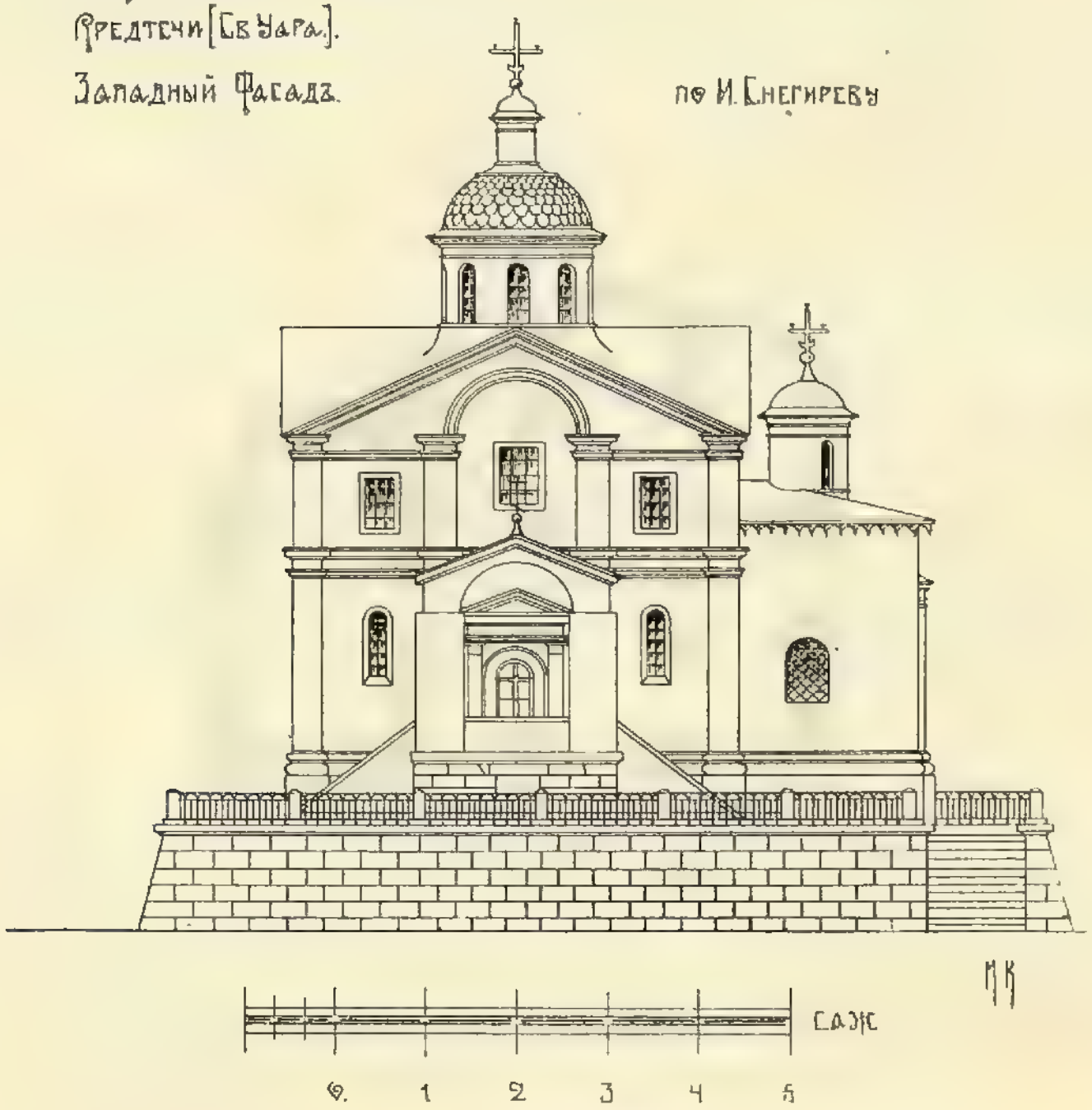


Рис. 15.

Вотъ весь тотъ скудный матеріалъ, который имѣется въ нашемъ распоряженіи и которымъ мы можемъ воспользоваться для характеристики Московскаго церковнаго зодчества за періодъ времени, длящійся съ года постройки первой каменной церкви Москвы по начало второй половины XV вѣка.

Всѣ дошедшія до насъ части церквей этого періода сложены изъ бѣлаго камня; ихъ кладка полубутовая, т.-е. представляетъ собою двѣ параллельныя стѣнки, сложенныя изъ относительно правильно притесанныхъ камней, а про-

странство между ними заполнено болѣе мелкими неправильными кусками камня, залитыми растворомъ. Кирпичная кладка въ этихъ церквахъ отсутствуетъ, вѣрнѣе является только въ тѣхъ частяхъ, которыя были сложены позднѣе. Гдѣ же искать подобную кладку? Конечно, не въ Новгородско-Псковскомъ зодчествѣ и не въ Кіевскомъ, гдѣ кирпичъ игралъ не менѣе существенную роль, нежели естественный камень. Такимъ образомъ остается только зодчество Владимiро-Суздальское, и въ виду географическихъ условій вполнѣ естественно, что именно оно дало Москвѣ своихъ мастеровъ; дѣло, начатое Владимiро-Суздалемъ, волею историческихъ судебъ стала продолжать Москва.

Но разъ новое еще не вѣданное дотолѣ искусство проникаетъ въ недавно сформировавшуюся и, стало быть, еще не выработавшую лично своихъ вкусовъ культурную среду, оно вмѣстѣ съ техническими пріемами неизбѣжно приноситъ съ собою и новые художественные пріемы; отсюда понятно, что и форма плановъ первыхъ Московскихъ церквей должна была быть сродной, если не почти тождественной съ формой плановъ церквей Владимiро-Суздальскихъ. Мы это и видѣли при разборѣ памятниковъ перваго строительнаго періода Москвы, но тамъ же одновременно отмѣчали нѣкоторыя отступленія отъ пріема, служившаго образцомъ. Отступленія эти очень незначительны; они какъ будто имѣютъ связь съ зодчествомъ Пскова и Новгорода, но съ такой же правдоподобностью могутъ быть признаны и мѣстными, возникшими изъ тѣхъ же причинъ, что и въ сѣверномъ братствѣ. Характерныя черты плановъ остаются всѣ тѣ же — та же византійская основа, но общія пропорціи вытянуты нѣсколько по линіи востокъ-западъ; три полукруглыя апсиды ясно выражены, при чемъ средняя, алтарная, гораздо менѣе выдвигается къ востоку изъ-за жертвенника и діаконика, нежели это наблюдается въ церквахъ Новгородскихъ. Послѣднее обстоятельство, а также отсутствіе церквей съ одной алтарной апсидой, и имѣющихъ въ планѣ форму креста[1]), ставятъ особнякомъ московскія церкви разсматриваемаго періода отъ церквей сѣверныхъ городовъ-братьевъ[2]) и указываетъ на ихъ генетическую связь съ церквами Владимiро-Суздальской области.

Единственнымъ обрывкомъ путеводной нити для выясненія наружной обработки церквей можетъ служить только Спасъ на Бору, вѣрнѣе одинъ лишь его перспективный входъ, совершенно не свойственный зодчеству новгородцевъ и псковичей, но являющійся типичнымъ признакомъ архитектуры Владимiро-Суздальской области. Что же касается предположенія А. М. Павлинова[3]) относительно «возстановленія» въ началѣ XVI вѣка храма Чуда Ар. Михаила въ его первоначальномъ видѣ, то оно, какъ не имѣющее до-

---

[1]) Какъ соборъ Спасо-Мирожскаго монастыря.

[2]) И южныхъ, какъ крестообразная въ планѣ церковь села Берестова.

[3]) Исторія Русской Архитектуры. Стран. 138.

статочно обоснованныхъ доказательствъ, не можетъ, конечно, быть принято во вниманіе, и его наружное архитектурное убранство надо отнести къ Московскому стилю не XIV вѣка, а конца XV.

Итакъ матеріалъ, изъ котораго строились церкви, способъ кладки и характеръ плановъ памятниковъ перваго періода московскаго церковнаго каменнаго зодчества находятся, повидимому, въ тѣсной связи съ церковнымъ строительствомъ области Владиміро-Суздальской, но ни одинъ изъ уцѣлѣвшихъ въ Москвѣ храмовъ не можетъ въ отдѣльности дать намъ полной увѣренности въ сдѣланномъ нами заключеніи, такъ какъ всѣ они за свой долгій вѣкъ подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Провинціальныя церкви въ этомъ отношеніи всегда находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ и потому намъ нужно на время выйти изъ Москвы и направиться въ Звенигородъ, чтобы взглянуть на его въ высшей степени интересный памятникъ — Успенскій соборъ, сохранившійся гораздо лучше всѣхъ разсмотрѣнныхъ выше памятниковъ. Конечно, и онъ подвергся передѣлкамъ, но онѣ, къ счастью, коснулись только его пилоновъ, подпружныхъ арокъ, сводовъ и возвышающейся надъ нею главы. Однако, благодаря изслѣдованію храма А. Поповымъ[1]), выяснившимъ первоначальное размѣщеніе пилоновъ, внутренняя планировка собора до его перестройки становится совершенно ясной. Мы не считаемъ нужнымъ приводить здѣсь тѣхъ соображеній, на основаніи которыхъ А. Поповъ приходитъ къ заключенію о первоначальномъ внутреннемъ видѣ Успенскаго собора, тѣмъ болѣе, что еще Л. В. Даль[2]) высказывалъ аналогичное предположеніе и А. Поповъ своимъ подробнымъ изслѣдованіемъ только подтвердилъ его мысль. Доказательства обоихъ авторовъ настолько неопровержимы, что вопросъ о реставраціи собора можетъ считаться теоретически рѣшеннымъ; поэтому при дальнѣйшемъ изученіи интересующаго насъ памятника воспользуемся чертежомъ плана, приложеннымъ къ труду А. Попова[3]) и изображающимъ памятникъ въ его первоначальномъ видѣ. Чертежа разрѣза храма въ реставрированномъ видѣ А. Поповъ не сдѣлалъ, но, руководствуясь составленнымъ имъ планомъ и разрѣзомъ храма въ его существующемъ нынѣ видѣ, исполнить такой разрѣзъ не представляетъ затрудненій.

Годъ постройки собора неизвѣстенъ, но такъ какъ онъ, повидимому, послужилъ прототипомъ для соборной церкви въ Саввинскомъ Сторожевскомъ Звенигородскомъ монастырѣ, основанномъ въ концѣ XIV вѣка, то его можно отнести ко времени нѣсколько болѣе раннему,—вѣроятно, къ серединѣ XIV столѣтія.

---

[1]) Въ сотрудничествѣ съ Н. В. Никитинымъ.
[2]) «Зодчій» 1875 годъ. Стран. 132.
[3]) «Древности» 1886 года, приложеніе № 3.

Разсматривая чертежи плана и разрѣза (рис. № 16 и № 17) Успенскаго собора нельзя не замѣтить почти полной аналогіи строительныхъ пріемовъ, примѣненныхъ при его постройкѣ, съ тою манерою, которая практиковалась во Владиміро-Суздальской области. Не говоря уже объ однородномъ матеріалѣ — бѣломъ

Звенигородъ. Соборъ Успенія Божіей Матери.

Планы нижняго яруса и хоръ по А. Попову.

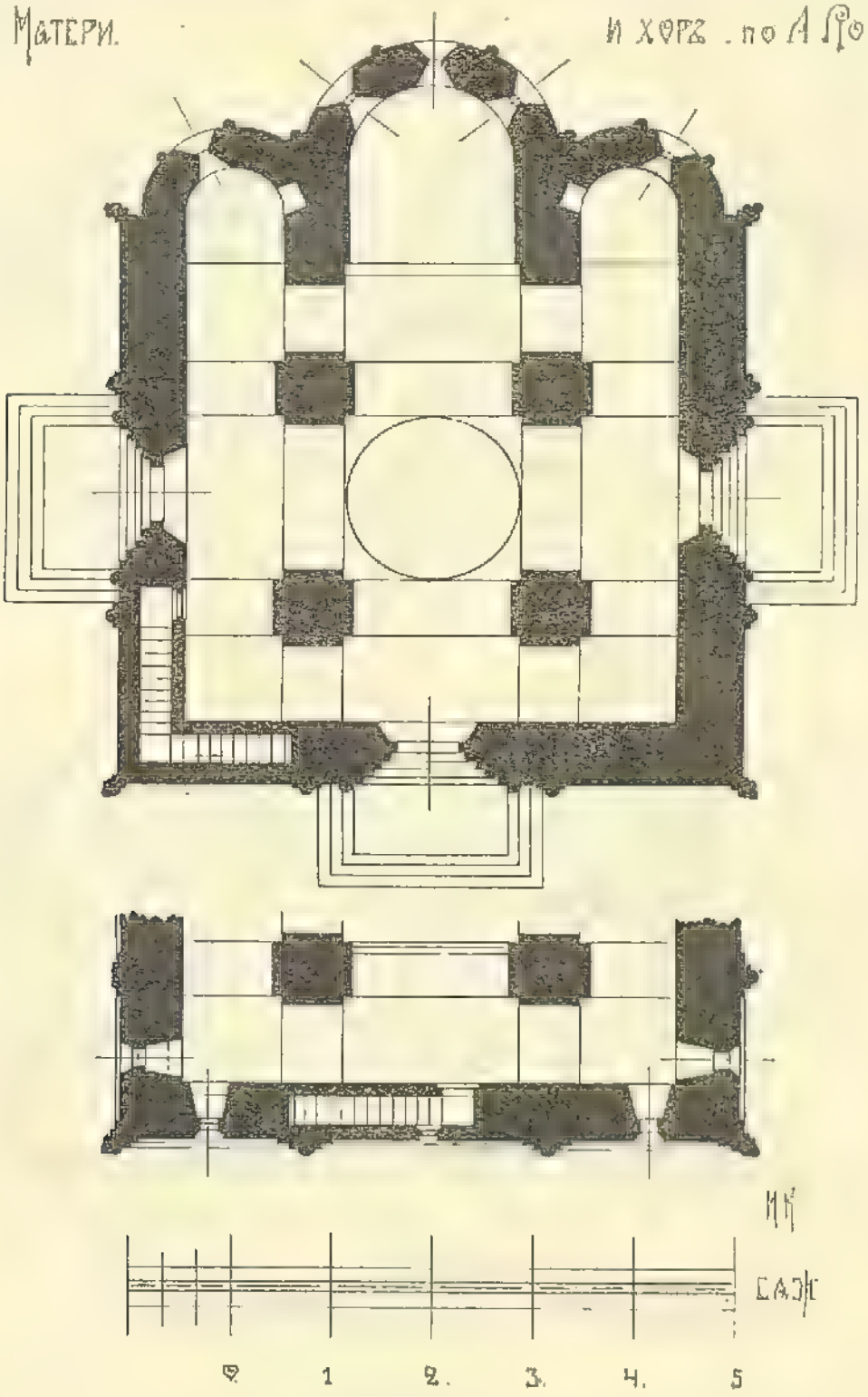


Рис. 16.

тесаномъ камнѣ, слѣдуетъ отмѣтить общность пропорцій плана, одинаковое размѣщеніе пилоновъ, дверей и выносъ алтарныхъ апсидъ. Пилоны имѣютъ даже одинаковую форму — крестъ въ планѣ, что указываетъ на тождественное прежде устройство сводовъ въ Успенскомъ соборѣ со сводами церкви Покрова на Нерли.

Нѣкоторое отличіе замѣтно здѣсь только въ томъ, что въ церкви Покрова подпружныя арки, направляющіяся отъ пилоновъ къ наружнымъ стѣнамъ, опираются на лопатки, выступающія изъ послѣднихъ и опускающіяся до пола церкви, тогда какъ въ Успенскомъ соборѣ такія лопатки отсутствуютъ и пяты его подпружныхъ арокъ очевидно не имѣли самостоятельныхъ опоръ, а уходили въ стѣны. Другимъ отличіемъ является нѣсколько иное примыканіе

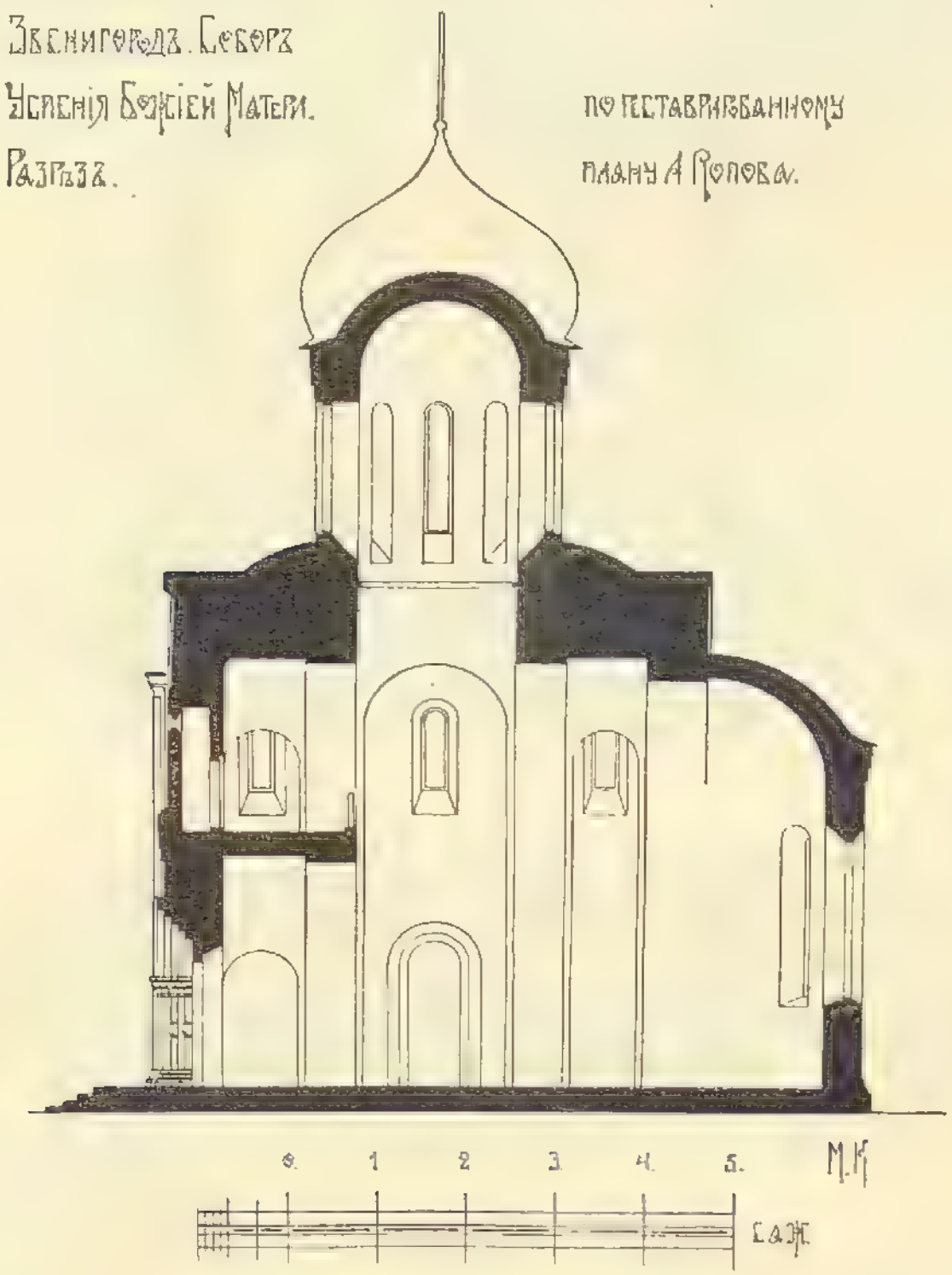


Рис. 17.

алтаря, жертвенника и діаконика къ ихъ прямоугольнымъ частямъ: въ Успенскомъ соборѣ діаметры полукруговъ равны ширинѣ прямоугольныхъ частей, въ Дмитровскомъ же соборѣ и у Покрова на Нерли первые меньше послѣднихъ, вслѣдствіе чего въ планѣ этихъ двухъ церквей получаются уступы, которыхъ нѣтъ въ Успенскомъ соборѣ. Подобно Покрову на Нерли, а также Дмитров-

скому собору, въ Успенскомъ имѣются хоры (полати), но лѣстница къ нимъ устроена въ толщѣ сѣверной и западной стѣнъ, тогда какъ на хоры церкви Покрова на Перли, вѣроятно, вела винтовая лѣстница, помѣщавшаяся въ одномъ изъ западныхъ угловъ храма, а на хоры Дмитровскаго собора можно попасть только извнѣ — по переходамъ, соединявшимъ соборъ съ палатами[1]).

Каково было устройство первоначальной главы Успенскаго собора съ несущей ее шеей сказать теперь вполнѣ увѣренно нельзя, но, судя по тому, что вѣнчающіе ее съ наружи пояса украшены такими же орнаментами, какъ и карнизные пояса апсидъ, можно предположить, что позднѣйшая глава была сдѣлана сравнительно немного спустя послѣ первой и, вѣроятно, по ея образцу. На это указываетъ и полное сходство конструктивнаго пріема устройства существующихъ теперь шеи и сферическаго свода съ тѣмъ способомъ, какимъ ихъ устраивали владимірцы. Первоначальная шея главы была только меньшаго діаметра, но это обусловливалось иным, болѣе тѣснымъ расположеніемъ старыхъ пилоновъ. Если Звенигородскій соборъ подвергся внутри серьезной передѣлкѣ, то снаружи пострадали только верхи его вѣнчающихъ полукружій и бо́льшая часть оконъ, остальныя же части остались нетронутыми. Разсмотримъ ихъ болѣе подробно, при чемъ будемъ сравнивать каждую изъ нихъ съ соотвѣтствующими деталями Владимiро-Суздальскаго зодчества.

Западный, сѣверный и южный фасады собора раздѣляются соотвѣтственно внутренней планировкѣ зданія на три части (рис. № 18); дѣленіе это достигнуто при помощи тонкихъ полуколонокъ, имѣющихъ базы и капители. На серединахъ фасадовъ полуколонки эти одиночныя, при этомъ онѣ не примыкаютъ непосредственно къ стѣнамъ, а приставлены къ узкимъ и слабо выдающимся лопаткамъ, имѣющимъ въ планѣ одинъ уступъ, тогда какъ въ Дмитровскомъ соборѣ и у Покрова на Нерли лопатки имѣютъ тройные уступы. На углахъ фасадовъ Звенигородскаго собора помѣщено не по одной колонкѣ, какъ это обычно наблюдается въ Суздальской архитектурѣ, а цѣлые пучки, состоящіе каждый изъ трехъ стержней, при чемъ центральный имѣетъ въ планѣ не полукруглую форму, а заостренную, — готическаго характера, послѣдней эпохи этого стиля. Появленіе послѣдняго архитектурнаго мотива, конечно, нельзя приписать какому-нибудь вліянію извнѣ — онъ просто представляетъ варіацію суздальскихъ формъ, вызванную фантазіей зодчаго. У базъ колонокъ профиль гораздо проще, нежели въ Дмитровскомъ соборѣ онѣ образованы плинтомъ и полуваломъ, надъ которыми вмѣсто четырехъ обломовъ Дмитровскихъ базъ возвышается одинъ гладкій усѣченный конусъ. Нельзя сказать, чтобы звенигородскія капители колонокъ были проще капителей Дмитровскаго собора, но форма и орнаментація ихъ совершенно

---

[1]) « . . . созда церковь прекрасну на дворѣ своемъ Святаго Мученика Дмитрія».

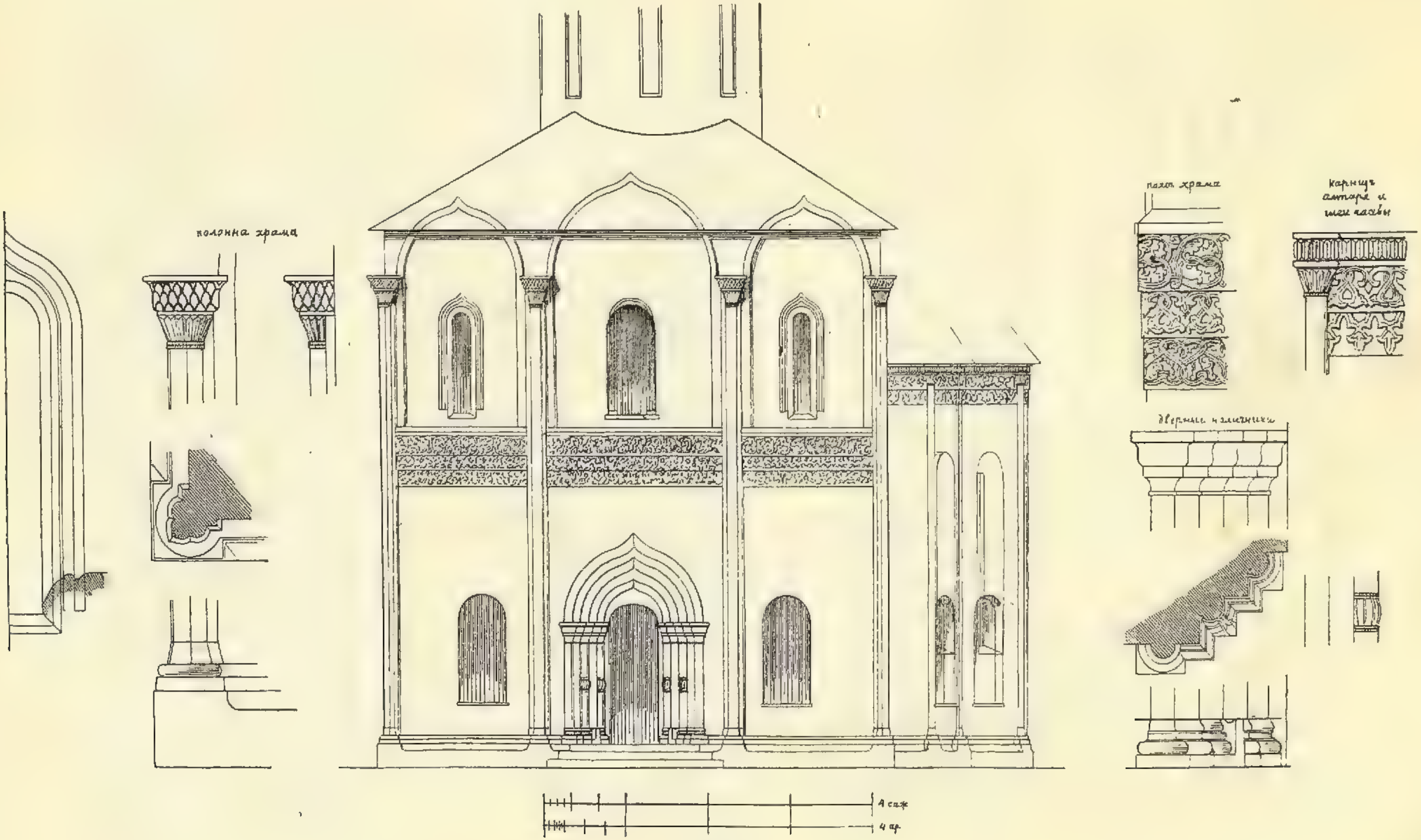

колонна храма
пояс храма
карнизъ алтаря и шеи главы
дверные наличники
4 саж
4 ар.

Рис. 18.

иная; — нижняя коническая часть какъ бы обернута однимъ общимъ листомъ византійскаго характера, а верхняя, имѣющая профиль гуська, покрыта четырьмя рядами листковъ, выходящихъ изъ промежутковъ нижняго ряда (рис. № 18). Подушки, прикрывающія капители Дмитровскаго собора, въ Успенскомъ отсутствуютъ.

Какъ было упомянуто раньше, верхи вѣнчающихъ закругленій фасадовъ (закаморъ) теперь погибли; но если допустить, что соборъ Саввина монастыря представляетъ подражаніе Успенскому, и принять во вниманіе заостренные верхи его закаморъ, то можно предположить, какъ это и дѣлаетъ на своемъ чертежѣ А. Поповъ, что и въ Успенскомъ соборѣ верхи закаморъ имѣли заостренныя подвышенія. Такія же острыя подвышенія имѣются у архивольтовъ дверныхъ и оконныхъ обрамленій, и представляютъ собою мѣстную деталь, являющуюся впервые въ русскомъ зодчествѣ на храмахъ Москвы разсматриваемаго періода (рис. 19). Профиль архивольтовъ закаморъ, а также лопатокъ, составляющихъ опоры первыхъ, и опускающихся по сторонамъ колонокъ до горизонтальнаго пояса, очень простъ; онъ состоитъ изъ одной лишь полочки (гладца), тогда какъ въ Дмитровскомъ соборѣ образованъ четырьмя обломами.

Типичная для суздальскихъ церквей аркада горизонтальнаго пояса замѣнена въ Успенскомъ соборѣ тремя широкими, свѣшивающимися одна надъ другой полками, украшенными сильной орнаментаціей (рис. 18).

Зато его перспективные порталы являются прямыми потомками владимiро-суздальскихъ, хотя архивольты ихъ и не покрыты такой богатой орнаментаціей, капители болѣе примитивны, а стержни колонокъ имѣютъ посреди утолщенія въ видѣ дынекъ[1]) (рис. 19). Еще одну особенность порталовъ Успенскаго собора составляютъ особые выступы у базъ ихъ среднихъ колонокъ; выступы эти снабжены отверстіями и, по предположенію Л. В. Даля, служили для предохраненія обрамленій отъ ударовъ дверными полотнищами и для укрѣпленія послѣднихъ, когда они были отворены.

Окна алтарныхъ апсидъ прежде были узкія и вытянутыя съ сильными откосами внутри и снаружи; теперь окна совершенно утеряли свою прежнюю форму, потому что ихъ откосы растесаны, а просвѣты заложены сверху на значительную высоту. По сторонамъ алтарныхъ оконъ и въ стыкахъ апсидныхъ полукружій размѣщены полуколонки съ такими же базами, какъ у колонокъ главной части, но съ нѣсколько иными капителями (рис. 18). Разница замѣчается собственно только въ верхней части, которая образована здѣсь продолженіемъ, вѣрнѣе раскреповкой верхняго пояса карниза апсидъ. Послѣдній состоитъ изъ трехъ поясовъ, которые такъ же, какъ и во

---

[1]) Точно такія же утолщенія находятся на колонкахъ портала Спасоборскаго собора.

Владиміро-Суздальскихъ церквахъ не составляютъ продолженія поясовъ главной части храма, но оканчиваются, упираясь въ его восточную стѣну[1]).

Орнаменты, покрывающіе два нижнихъ пояса карниза алтарныхъ полукружій, повторяются и на карнизѣ шеи главы; верхній же ея поясъ теперь гладкій, но въ грудѣ камней, находящейся, по словамъ А. Попова, около собора, есть нѣсколько обломковъ камней съ такими «зубцами» (вѣрнѣе —

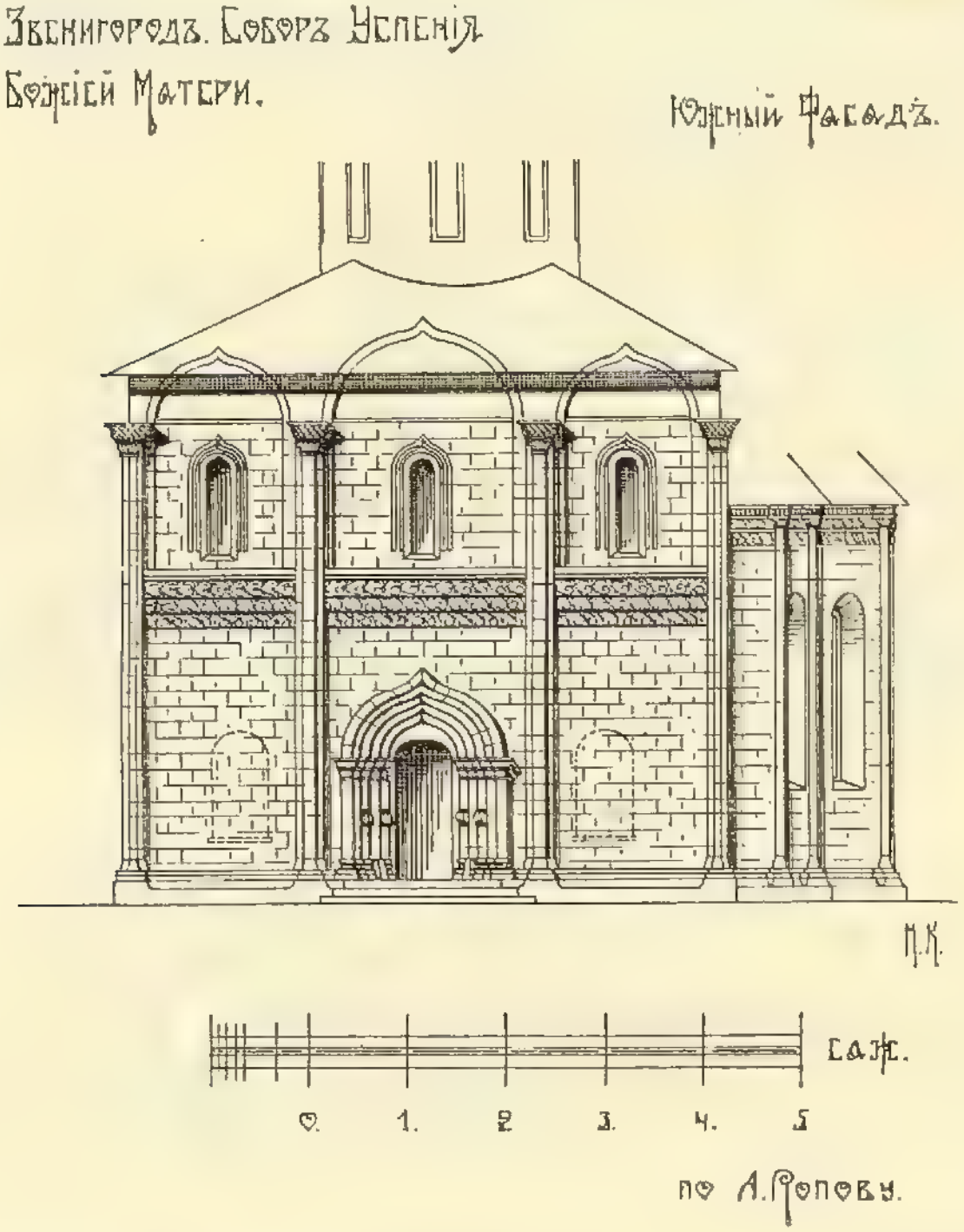


Рис. 19.

квадратами), какіе покрываютъ верхній поясъ карниза апсидъ. Очень возможно, что они прежде принадлежали верхнему поясу карниза шеи.

---

[1]) Совершенно непонятна ошибка такого внимательнаго изслѣдователя, какимъ былъ Л. В. Даль; а между тѣмъ, описывая Успенскій соборъ, онъ указываетъ, какъ на его отличительную черту, на то обстоятельство, что алтарные карнизы не представляютъ продолженія аркатуры пояса главной части, какъ поясъ суздальской эпохи, который яко бы «проходитъ сплошь вокругъ всего зданія черезъ апсиды».

Какова была форма покрытій Успенскаго собора? Главная его часть и апсиды, были, вѣроятно, по примѣру суздальскихъ церквей, покрыты по сводамъ; что же касается главы, то-врядъ ли она была покрыта такимъ же способомъ, какъ это предполагаетъ, если судить по его чертежу[1]), Л. В. Даль. Конечно, глава не имѣла такой луковичной формы, какъ въ настоящее время, но надо полагать, что она успѣла отступить отъ византійскаго типа — шарового сегмента, и приблизиться къ типу луковичному; другими словами, въ разсматриваемую нами эпоху эволюція покрытій главъ должна была находиться въ стадіи болѣе близкой къ формѣ полной луковицы, нежели въ эпоху Владиміро-Суздальскую.

Вотъ все, что можно сказать о Звенигородскомъ соборѣ; остается только добавить, что для насъ онъ является исключительно цѣннымъ памятникомъ, являющимся, по мѣткому выраженію Л. В. Даля, полнымъ представителемъ ранне-Московской эпохи, подобно тому, какъ Дмитровскій соборъ — представителемъ эпохи Суздальской. Дѣйствительно, несмотря на тѣ измѣненія, которыя Успенскій соборъ потерпѣлъ внутри, онъ даетъ намъ полную картину того, какъ строили въ первую эпоху Московскаго періода, и его реставрація не представила бы особыхъ затрудненій, потому что вообще онъ сохранился такъ хорошо, какъ ни одна изъ другихъ церквей разсматриваемой эпохи.

Теперь подведемъ итоги: сведемъ вмѣстѣ тѣ характерныя черты, которыя, несмотря на общность основныхъ пріемовъ съ архитектурой Суздальской, все же отводятъ ранне-Московскимъ церквамъ особое мѣсто въ эволюціи зодчества древней Руси.

Типичность плановъ суздальской эпохи сглаживается: вытянутость плановъ по направленію западъ-востокъ уменьшается, выступъ средней апсиды изъ-за боковыхъ дѣлается то больше, нежели у церквей Суздальскихъ, то меньше; въ главной апсидѣ появляется горнее мѣсто и скамья для священнослужителей; другими словами, типъ русскаго церковнаго плана, начавшій было во Владиміро-Суздальскую эпоху пріобрѣтать свой собственный, мѣстный обликъ, въ ранне-Московскій періодъ — обезличивается и возвращается къ своему прототипу, — къ пріему византійскому. По ходу историческихъ событій этого и слѣдовало ожидать, ибо, потерявъ свою политическую самостоятельность, Русь естественно должна была временно лишиться возможности жить полной жизнью, вырабатывать свои идеалы и принципы, а слѣдовательно должно было на время замереть и свободное творчество въ области зодчества.

Еще болѣе, чѣмъ въ формѣ плана это мертвое затишье, охватившее Русь, сказалось на внѣшности церквей. За исключеніемъ мелкихъ деталей, искусство украшать наружный видъ храма не только перестало прогресси-

---

[1]) «Зодчій» 1875 годъ. Листъ № 61.

ровать, вырабатывать что-либо отмѣченное мѣстнымъ характеромъ, но даже пошло назадъ. Формы архитектурной композиціи становятся бѣднѣе: — исчезаютъ почти безслѣдно оборонныя украшенія; прекрасная, богатая фантастичной скульптурой между-ярусная аркада Суздальскихъ церквей вырождается въ дѣтски-наивный по замыслу поясъ; базы и профили лопатокъ колонокъ, дѣлящихъ фасады на три части, становятся проще; то же самое можно сказать и о перспективныхъ входахъ, по крайней мѣрѣ объ ихъ деталяхъ, такъ какъ общій пріемъ ихъ остается почти тотъ же, что и у Суздальскихъ церквей. Скульптура поясовъ и алтарныхъ карнизовъ отличается поразительной бѣдностью мотивовъ: у зодчихъ не хватало даже фантазіи на то, чтобы разнообразить ее, и они не смущались располагать непосредственно одну надъ другой двѣ совершенно одинаково орнаментированныя полосы или помѣщать одинъ надъ другимъ пояса, хотя и различные по рисунку орнамента, но отдѣленные другъ отъ друга лишь узкими, почти не видными снизу полочками[1]).

Рис. 20.

Что же касается новыхъ формъ, появившихся за разсматриваемый періодъ времени, то онѣ очень немногочисленны: — здѣсь нужно отмѣтить «дыньки», раздѣляющія пополамъ стержни колонокъ въ перспективныхъ входахъ. Въ этомъ архитектурномъ мотивѣ, а также въ горизонтальномъ поясѣ, замѣнившемъ аркады Суздаля, Л. В. Даль видитъ формы, навѣянныя деревяннымъ зодчествомъ[2]). По отношенію къ утолщенію середины колонокъ («дынькамъ») съ этимъ нельзя не согласиться; что же касается пояса, то намъ кажется, что онъ скорѣе является слѣдствіемъ возникшей у москвичей неувѣренности въ пригодности при суровомъ климатѣ такихъ сильно рельефныхъ скульптурныхъ украшеній, какъ аркады и оборонныя украшенія Суздаля. Высѣченныя изъ сравнительно мягкаго и пористаго камня, — а такой именно матеріалъ и имѣлся въ распоряженіи москвичей, — они должны были бы сильно страдать отъ морозовъ; и дѣйствительно, тѣ немногочисленныя рѣзныя изъ камня украшенія, которыя сохранились на московскихъ церквахъ, вполнѣ подтверждаютъ эту боязнь первыхъ зодчихъ Москвы, — они значительно вывѣтрились и потеряли первоначальную ясность контуровъ. Затѣмъ, какъ на

---

[1]) Рисунокъ № 20 изображаетъ поясъ на апсидахъ Троицкаго собора въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Этотъ соборъ построенъ въ 1423 году изъ бѣлаго камня и по общимъ пропорціямъ очень похожъ на упомянутый выше Рождественскій соборъ Саввина монастыря. Оба эти собора построены учениками преподобнаго Сергія.

[2]) Зодчій 1875 годъ. Стран. 134.

новые мотивы нужно указать на заострения надъ прежде полуциркульными архивольтами у оконныхъ наличниковъ (очелій), перспективныхъ входовъ и вѣнчающихъ храмъ закаморъ; наконецъ, въ связи съ послѣднимъ, находится нѣкоторое измѣненіе покрытія плечъ храма, получившаго заострения надъ закаморами.

Послѣднія нововведенія находятся, повидимому, въ тѣсной связи съ климатическими условіями: — всѣ эти «подвышенія» предохраняютъ вершины архивольтовъ отъ скопленія на нихъ снѣга и, слѣдовательно, отъ порчи ихъ талой водой. Въ этомъ нельзя не видѣть нѣкотораго прогресса, достигнутаго московскимъ зодчествомъ: если оно не выработало совершенно новыхъ формъ, то по крайней мѣрѣ приспособило къ мѣстнымъ условіямъ тѣ старые мотивы, которые Владиміро-Суздаль почти цѣликомъ заимствовалъ у Запада.

Относительно же формы покрытія главъ церквей сказать что-либо увѣренно, какъ это видно изъ сказаннаго ранѣе, трудно; до нашего времени не сохранилось ни одного верха храма этого времени — они обрушились и это обстоятельство служитъ вѣскимъ доказательствомъ упадка тогдашняго зодчества. Москвичамъ было не подъ силу справляться самимъ, безъ руководства иноземцевъ съ искони для нихъ чуждымъ матеріаломъ — естественнымъ камнемъ; по бѣдности же ихъ «не приведе имъ Богъ отъ всѣхъ земель мастеры». А хорошаго кирпича на Москвѣ еще не умѣли обжигать; честь научить московскихъ зодчихъ этому искусству выпала на долю Аристотеля Фіоравенти, не побоявшагося предпринять тяжелое путешествіе въ далекую Московію и начавшаго новую эру въ зодчествѣ московскаго каменнаго дѣла.

ГЛАВА III.

> „Бысть же та церковь чюдна, величествомъ и высотою и свѣтлостью, и звонностью, и пространствомъ, якова же и прежде того не бывало въ Руси, опроче Владимірскіа церкви“[1]).

До Іоанна III Москва собиралась съ силами, исподволь ширилась, но все еще не смѣла властно и окончательно объявить себя вершительницей судебъ Руси, а послѣднюю свободнымъ государствомъ, сумѣющимъ сильной рукой охранять свою самостоятельность.

Іоаннъ III поднялъ государство на эту высоту; при немъ могущественная Москва во главѣ всей Руси начинаетъ жить полной жизнью и какъ бы укладываетъ послѣдніе камни того прочнаго фундамента, на которомъ зи-

[1]) П. С. Р. Л. Томъ IV, стран. 152. (Новгор. 4-я лѣтопись.)

ждилось ея могущество и который начали предшественники Іоанна III. Подчиненіе безпокойныхъ Новгорода и Пскова, сверженіе тяжелаго ига татаръ, уменьшеніе мертвящаго вліянія разлагавшейся Византіи, новые взгляды и вкусы, принесенные Софіей Палеологъ и окружавшими ее лицами, наконецъ, завязывающіяся оживленныя по тогдашнему времени сношенія со сравнительно быстро двигавшимся по пути прогресса Западомъ — все это вмѣстѣ взятое не могло не отразиться благопріятно и на строительной дѣятельности Москвы. Но самымъ энергичнымъ импульсомъ въ этомъ отношеніи долженъ былъ явиться тотъ подъемъ духа, то сознаніе власти и мощи, которое было тѣсно связано какъ съ внѣшнимъ могуществомъ, такъ и съ внутреннимъ благосостояніемъ Московскаго государства. Убогими, тѣсными и не отвѣчающими силѣ и величію Москвы стали казаться существовавшіе тогда въ Кремлѣ соборы и церкви; чуткій и внимательный ко всему, что имѣло отношеніе не только къ дѣйствительной власти и силѣ, но также и ко внѣшнему ихъ проявленію, Іоаннъ обратилъ вниманіе и на Кремлевскіе храмы, прежде всего на Успенскій соборъ, какъ на главную святыню Москвы, которая къ тому же пришла въ такую ветхость, что ея своды «каморы» были по словамъ лѣтописца, подперты «древіи толстыми»[1]). Но иниціаторомъ перестройки собора былъ собственно митрополитъ Филиппъ, мечтою котораго со вступленія его на святительскій престолъ было построить такой соборъ, который «величествомъ, высотою, свѣтлостью и пространствомъ» отвѣчалъ бы высокому значенію московской митрополіи.

Вѣроятно лучшіе въ то время московскіе мастера — Иванъ Кривцовъ и Мышкинъ, были посланы для осмотра Владимірскаго собора. Изучивъ и обмѣривъ его, они взялись за постройку Московскаго собора, предполагая даже сдѣлать его сравнительно съ образцомъ на полторы сажени больше и въ окладѣ, и по высотѣ.

30 апрѣля 1472 года мастера принялись за дѣло; но тутъ сказалась вся ихъ техническая несостоятельность: справляясь болѣе или менѣе удачно съ церквами незначительныхъ размѣровъ, они не могли достроить колоссальнаго по тому времени зданія, за постройку котораго такъ опрометчиво взялись. Глядя на пріемы ихъ работы, человѣкъ опытный заранѣе могъ бы предсказать катастрофу, но такого въ Москвѣ въ ту пору не оказалось и Кривцовъ съ Мышкинымъ продолжали свою работу, неправильную съ основанія. Они вырыли рвы, очевидно, недостаточно глубокіе, такъ какъ Аристотель Фіоравенти впослѣдствіе углубилъ ихъ, набили сваи, засыпали ихъ камнями и залили известью, которую затворяли слишкомъ жидко и отощали излишне большою дозою песку. Кладку стѣнъ они вели по старинному способу,

---

[1]) Полн. Собран: Русск. Лѣтописей. III VI. стран. 194 –95. (Софійская лѣтопись.)

т.-е. притесывали камни и клали ихъ въ перевязку только по лицу стѣнъ какъ наружнему, такъ и внутреннему середину же попросту забучивали мелкимъ камнемъ и заливали растворомъ, который, по словамъ лѣтописи, не обладалъ достаточной силой скрѣпленія («ино не клеевито»)[1]). Такимъ образомъ вмѣсто одной толстой стѣны, по свойству близкой къ монолиту, мастера въ сущности получали двѣ близко одна отъ другой стоящія тонкія стѣнки, связанныя другъ съ другомъ лишь сцѣпленіемъ тощаго известковаго раствора. Въ толщѣ сложенной по такому способу сѣверной[2]) стѣны Кривцовъ съ товарищемъ не задумались устроить лѣстницу на полати; это обстоятельство[3]) и послужило, повидимому, главной причиной обрушенія. Зданіе уже было выведено до «каморъ» (сводовъ), когда вечеромъ 21 мая 1474 года рухнула вся сѣверная стѣна до алтаря и половина западной съ хорами и столпами. Сила паденія такъ велика, что «вся же ся церкви розыбася отъ того паденія, щели велія явишася». Главная причина обрушенія собора, конечно, крылась въ способѣ производства работъ, но ближайшую причину можно видѣть въ землетрясеніи, случившемся, какъ это видно изъ Степенной[4]) книги, 20-го мая. Оно подготовило катастрофу, такъ опечалившую всю Москву.

Послѣ этой неудачи стало очевиднымъ, что своими мѣстными силами нельзя справиться съ такой трудной задачей, какъ постройка задуманнаго собора. Тогда правительство обратилось за помощью во Псковъ; пріѣхавшіе оттуда нѣмецкіе мастера осмотрѣли развалины, похвалили гладкость работы, но сказали, что растворъ слишкомъ тощъ и жидокъ[5]). Продолжать же работу отказались. Пришлось ухватиться за послѣднюю надежду — добыть опытнаго зодчаго гдѣ-либо за предѣлами Руси. Вѣроятно по совѣту Софіи Палеологъ, было поручено Семену Толбузину, отправлявшемуся посломъ въ Венецію «мастера пытати церковнаго».

Порученіе было не изъ легкихъ: «мнози, рече, у нихъ мастеры, но ни единъ избрася на Русь». Да оно и понятно: много ли можно было найти смѣльчаковъ, готовыхъ рѣшиться поѣхать пытать счастья въ далекую, невѣдомую Московію. Въ концѣ концовъ настойчивый Толбузинъ все же добился

---

[1]) « . . . . внутрь того же малаго каменія сбираху, да внутрь стѣны сыплюще, да известію поливаху, якоже растворомъ тѣстенымъ, потому же некрѣпко дѣло: якоже тягиня того каменія погнятетъ вмѣсто и правило стѣны извихляется». П. Р. Л. III. VI. Стр. 194—95) Софійская 2-я лѣтопись.

[2]) Съ тою лишь разницей, что въ этой стѣнѣ снаружи шла стѣнка въ 2 камня, а изнутри въ одинъ.

[3]) Эта «тщая стѣна», какъ говоритъ лѣтописецъ.

[4]) Степенная книга II, 90.

[5]) Вѣроятно основываясь на ихъ словахъ лѣтописцы занесли въ свои записи замѣчаніе о «не клеевитости» извести. Самимъ москвичамъ тогда до этого не додуматься бы.

желаемаго результата; судьба столкнула его съ Аристотелемъ Фіоравенти «той же (Аристотель) восхотѣ (ѣхать) и рядися съ нимъ по десяти рублевъ въ мѣсяцъ давать ему», говорилъ Толбузинъ и присоединялъ при этомъ, что «хитрости ради его Аристотелемъ его звахуˮ и что «князь ихъ (дожъ) не хотяше пустити его на Русь». Судя по имѣющимся объ Аристотелѣ свѣдѣніямъ[1]), онъ не считался и у себя въ Италіи заурядным зодчимъ и инженеромъ, такъ какъ ему втеченіе многихъ лѣтъ[2]) поручались серьезныя работы въ его родномъ городѣ, — Болоньѣ; съ 1456 по 1472 годъ онъ дважды исполнялъ здѣсь должность Massaro dell'arte dei Muratori, кромѣ того онъ въ разное время работалъ въ Мантуѣ, Миланѣ, Ченто, Перначетто и въ Римѣ. Есть даже свѣдѣнія, что Аристотеля вызывалъ къ себѣ венгерскій король, по приказанію котораго онъ между прочимъ построилъ замѣчательный мостъ.

Освободившись отъ Римской тюрьмы, куда онъ попалъ вслѣдствіе интриги (на него донесли и обвинили въ изготовленіи фальшивой монеты) Аристотель встрѣчается въ 1474 году съ Толбузинымъ, соглашается отправиться въ Москву и пріѣзжаетъ туда 26 апрѣля 1475 года какъ разъ на «великъ день». Въ Москву Аристотель привезъ съ собою сына Андрея, «да паробка, Петрушею зовутъ».

Съ 1475 по 1479 г. включительно мастеръ[3]) строитъ Успенскій соборъ. За этотъ же промежутокъ времени онъ побывалъ во Владимірѣ и на сѣверѣ Руси (въ Олонцѣ или можетъ быть въ Соловцѣ), гдѣ искалъ камень для работъ, а также и въ новгородской землѣ, куда его послалъ вел. князь для постройки подъ Городищемъ моста черезъ Волховъ. Послѣ окончанія работъ въ Успенскомъ соборѣ лѣтописи перестаютъ давать точныя свѣдѣнія о дѣятельности Аристотеля. Графъ Уваровъ,[4]) основываясь на томъ соображеніи, что до 1487 года въ Москвѣ кромѣ Аристотеля другого зодчаго не было и что Іоаннъ III не согласился отпустить его на родину, а также исходя изъ того, что тотчасъ же послѣ Успенскаго собора стали строить другія церкви, полагаетъ, что всѣ постройки за періодъ времени съ 1479 по 1485 годъ производились или самимъ Фіоравенти, или подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ.

Такое предположеніе намъ кажется нѣсколько смѣлымъ, такъ, какъ во-первыхъ, не сохранилось никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ, которыя бы его подтвердили; во-вторыхъ, втеченіе 6 лѣтъ трудно не только самому произвести тѣ 10 серьезныхъ работъ, которыя перечисляетъ Графъ Уваровъ но

---

[1]) См. Древности 1874 г. Матеріалъ для археолог. Словаря ст. 33—45.

[2]) Около 20.

[3]) «Мастеръ муроль (моруль, муляръ) кой ставитъ церкви и палаты также и пушечникъ наре (о) читъ». Карамзинъ VI томъ. прим. 103.

[4]) Древности Ibid. стран. 42.

даже имѣть надъ ними общее наблюденіе и одновременно съ этимъ обучать литейному дѣлу, завѣдывать артиллеріей и ко всему тому сдѣлать два похода, въ Нижній Новгородъ и въ Тверь. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что Фіоравенти часть этого промежутка времени отсидѣлъ въ опалѣ «на Антоновымъ дворѣ за Лазоремъ святымъ»[1]) и сверхъ всего былъ уже почти семидесятилѣтнимъ старикомъ[2]).

Вѣроятно тверской походъ 1485 года, совершавшійся осенью, оказался не подъ силу маститому старцу и былъ ближайшей причиной его смерти. Аристотель скончался въ этомъ же году.

Мы полагали не лишнимъ привести эту краткую біографію великаго учителя московскихъ зодчихъ, десятилѣтнее пребываніе котораго на Руси не прошло для нея безслѣдно: Аристотель не только далъ Москвѣ одинъ изъ ея лучшихъ храмовъ, но совершенно переродилъ практиковавшіеся до него строительные пріемы; москвичи, а быть можетъ и псковскіе мастера, находившіеся въ то время на Москвѣ, научились у него хорошо дѣлать и обжигать кирпичъ, правильно приготовлять известковый растворъ, класть прочныя стѣны и своды и, наконецъ, примѣнять желѣзныя связи вмѣсто дубовыхъ, какъ они это дѣлали прежде. Русскіе мастера отъ природы воспріимчивые, приглядѣвшись къ Аристотелевымъ пріемамъ быстро усвоили ихъ, а потомъ разнесли пріобрѣтенныя знанія по всей Руси.

Быть можетъ поѣхать въ Москвію Аристотеля заставили чисто корыстныя побужденія, но для насъ память объ этомъ энергичномъ человѣкѣ должна оставаться навсегда чтимой, какъ о первомъ учителѣ, положившемъ незыблемое основаніе самостоятельному московскому зодчеству. Онъ далъ московскимъ мастерамъ техническія знанія, безъ которыхъ никакое искусство не можетъ стать на твердую почву и совершенствоваться.

Теперь вернемся къ исторіи постройки Успенскаго собора.

Аристотель началъ съ того, что совершенно разобралъ остатки зданія, возводившагося его предшественниками; такъ же, какъ и псковскіе мастера онъ «храма похвали гладость», но къ качествамъ матеріаловъ отнесся отрицательно; — «известь не клеевита, да камень не твердъ». Разломку стѣнъ онъ произвелъ при помощи тарана, а также такимъ образомъ: — подпиралъ стѣны бревнами, разбиралъ ихъ снизу и затѣмъ бревна поджигалъ[3]). На всю эту работу Аристотель употребилъ менѣе одной недѣли, чѣмъ не мало

---

[1]) Опала была вызвана просьбой Аристотеля отпустить его на родину.

[2]) Родился Аристотель Фіоровенти въ 1415-мъ году — скончался 1485 года.

[3]) «Три древа постави и конци ихъ верхніе совокупивъ во едино, и брусъ дубовъ обѣсивъ на ужищи посреди ихъ поперекъ, и конець его обручемъ желѣзнымъ скова, и раскачиваючи разби; а иные стѣны съисподи и подобра и полѣніе подставляя и всю на полѣніе постави зазже полѣніе, и стѣны падошася . . .» П. С. Р. Л. Томъ VI, стран. 199.

удивилъ москвичей: «еже три года дѣлали, во едину недѣлю и меньше развали еже не поспѣваху износити каменія». Расчистивъ мѣсто, Аристотель въ іюнѣ приступилъ къ новой постройкѣ, при чемъ «нача дѣлати по своей хитрости, не яко же дѣлаша московскіе мастеры, а дѣлаша наши мастеры по его указу». Фундаментные рвы Аристотель вырылъ глубиною въ двѣ сажени, а мѣстами даже глубже [1]); во рвы набилъ дубовыхъ свай. Втеченіе перваго лѣта успѣли сдѣлать только фундаменты церкви («изведе ея изъ земли.»). Въ слѣдующемъ году принялись за кладку стѣнъ. Эта работа произвела видимо сильное впечатлѣніе на очевидцевъ, такъ какъ описаніе ея занимаетъ много мѣста у лѣтописцевъ; поражало все: и что «извѣсть какъ тѣсто густое растворяше...» и «яко на утріе же засохнетъ, то ножемъ не мочи расколупити» [2]), и что камень внутри стѣнъ «...ровной класть повелѣ...», что камень поднимали на верхъ стѣнъ особой машиной [3]), и что, наконецъ, «...все дѣлано въ кружало и въ провило», т.-е. по циркулю и линейкѣ. Для достиженія большей прочности стѣнъ въ нихъ были заложены желѣзныя связи со штырями [4]); такія же связи были примѣнены для уничтоженія распора сводовъ. Послѣдніе, а также два столпа въ алтарѣ были сложены изъ кирпича; выдѣлывавшійся до него въ Москвѣ кирпичъ Аристотель считалъ, очевидно, негоднымъ, потому что онъ устроилъ за Андроньевскимъ монастыремъ заводъ, гдѣ и заготовлялъ кирпичъ, удовлетворявшій его требованіямъ и отличавшійся отъ московскаго, такъ какъ лѣтопись замѣчаетъ, что: «кирпичную печь доспѣ за Ондроньевымъ монастыремъ, въ Калитниковѣ, въ чемъ ожигати и какъ дѣлати, нашего Русскаго кирпича уже да продолговатѣе и тверже; егда его ломать, тогда въ воду размачиваютъ» [5]). Своды были сведены въ одинъ кирпичъ, такъ что по словамъ лѣтописца [6]), черезъ нихъ проникали капли дождевой воды, что, конечно, могло имѣть мѣсто только до покрытія ихъ желѣзомъ. Для послѣдней цѣли были приведены новгородскіе мастера, которые «начаша крыти прежде древомъ хорошо вельми, по древу же желѣзомъ Нѣмецкимъ».

Кромѣ приведенныхъ выписокъ изъ лѣтописей интересно также описаніе устройства паперти: «...передъ передними двермі помостъ накры каменемъ и

---

[1]) Карамзинъ. Т. VI, стран. 103.

[2]) Мѣшали известь мотыками, а на камни накладывали желѣзными лопатками П. С. Р. Л. Томъ VI, стран. 205—207.

[3]) «...колесо сътвори и вверхъ каменіе не ношаше, ужищемъ цѣпляше и възвлекаше и вверху цѣпляше малые колесца, еже плотники вѣкшею зовутъ, еже ими на избу землю волочатъ... П. С. Р. Л. Томъ VI. стран. 206—7.

[4]) «...всуцѣпы желѣзные положи яко провила на веретенехъ...» П. С. Р. Л. Томъ VI, стран. 205.

[5]) П. Собр. Рус. Лѣтоп. Томъ VI, стран. 200.

[6]) «...своды же въ одинъ кирпичъ сътвори и сведе, того ради, егда дождь идетъ, ино каплетъ.»

въ одинъ кирпичъ сведе и середку (передней двойной арки) на гирѣ повѣси на желѣзной».

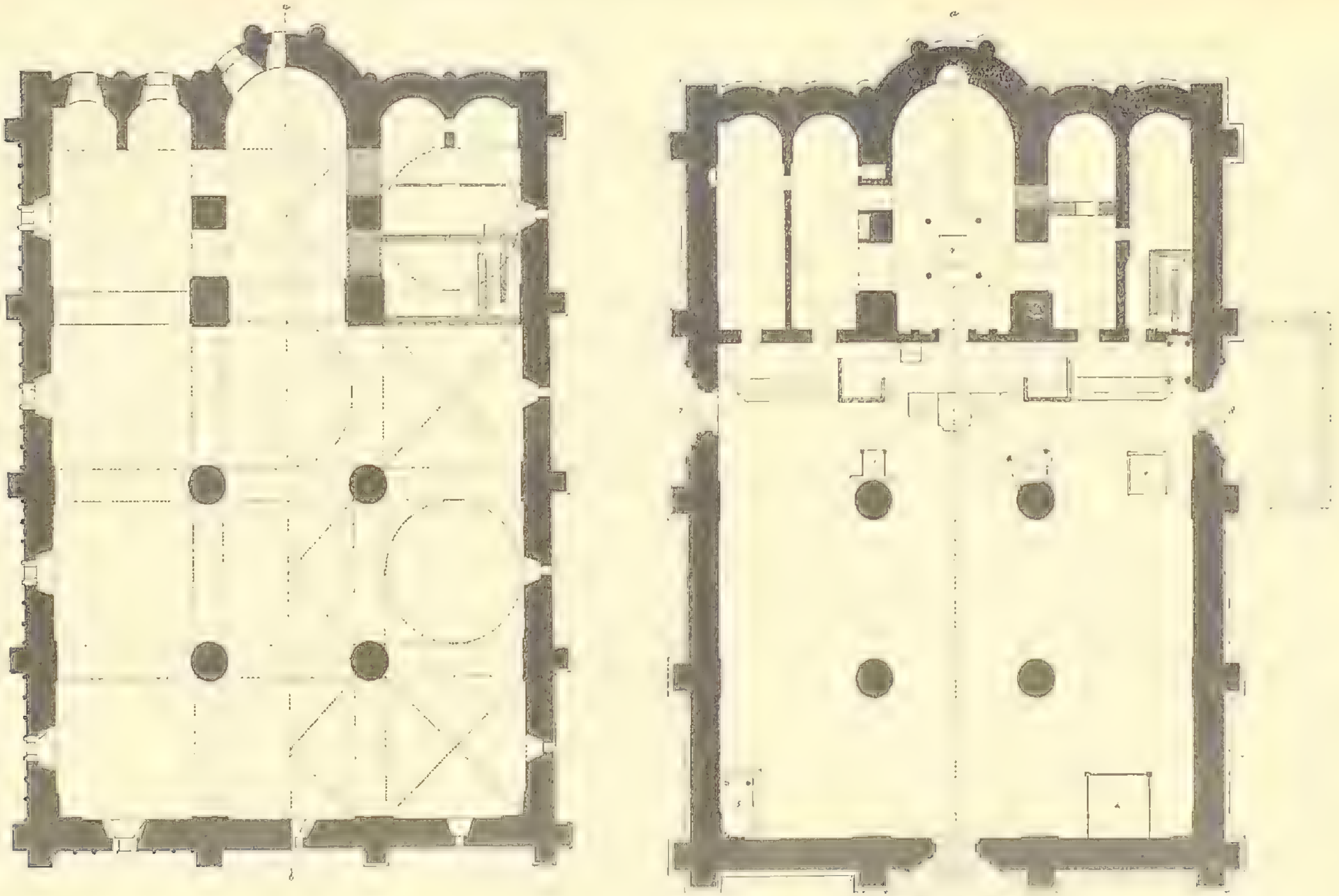
Постройка продолжалась пять лѣтъ, была закончена въ 1478 году и въ томъ же году 12-го августа состоялось торжественное освященіе этого собора, который на тогдашнихъ москвичей произвелъ впечатлѣніе чего-то чудеснаго, до той поры невиданнаго, хотя лѣтописецъ, отмѣтившій у себя торжество освященія, все-таки не дерзаетъ признать его превосходящимъ соборъ Владимірскій. (См. эпиграфъ этой главы.)

Планъ Московскаго Успенскаго собора значительно отличается отъ Владимірскаго, что на первый взглядъ кажется непонятнымъ, такъ какъ послѣдній долженъ былъ служить образцомъ для работы Аристотеля. Но дѣло въ томъ, что Фіоравенти ѣздилъ во Владиміръ для осмотра соборовъ[1]) уже послѣ того, какъ имъ были закончены фундаментные рвы и, слѣдовательно, отразиться на формѣ плана эта поѣздка не могла. Общность же основной идеи плановъ обоихъ соборовъ объясняется тѣмъ, что Аристотель до разломки стѣнъ, сложенныхъ его предшественниками, имѣлъ возможность хорошо изучить ихъ, проникся сущностью ихъ плана и, наконецъ, зналъ, что Кривцову съ Мышкинымъ было приказано руководствоваться Владимірскимъ соборомъ какъ образцомъ. Поэтому, несмотря на умалчиваніе лѣтописей о перекомпановкѣ плана, можно, повидимому, предположить, что Аристотель составилъ свой, новый планъ, придерживаясь плана Кривцова и Мышкина только въ общихъ чертахъ. Дѣйствительно, разсматривая планъ (рис. № 21) Московскаго собора, мы видимъ въ немъ такія детали, аналогичныхъ которымъ нѣтъ во Владимірскомъ; при этомъ не слѣдуетъ забывать, что сравненіе должно производиться съ Владимірскимъ соборомъ, не отдѣляя въ немъ болѣе поздней Всеволодовой пристройки отъ первоначальнаго храма, построеннаго Андреемъ Боголюбскимъ. Въ пользу предположенія, что планъ Московскаго собора былъ составленъ Аристотелемъ вновь, говоритъ также и то обстоятельство, что длина этого собора на 1,5 сажени больше длины Владимірскаго, а ширина перваго на одну сажень и $1^3/_4$ аршина меньше ширины послѣдняго, тогда какъ изъ лѣтописей намъ извѣстно (см. выше), что Кривцовъ и Мышкинъ заложили соборъ на полторы сажени болѣе Владимірскаго какъ въ длину, такъ и въ ширину. Сопоставляя всѣ приведенныя данныя о произведеніи Аристотеля, очень трудно согласиться съ В. Прохоровымъ (Христіанскія древности, 1877 годъ, стран. 7), признающимъ Успенскій соборъ «буквальнымъ подражаніемъ Владимірскому».

---

[1]) Интересно, что, осмотрѣвъ Владимірскіе соборы, Аристотель, по словамъ лѣтописца, замѣтилъ: «нѣкіихъ нашихъ мастеровъ дѣло».

План Московскаго Успенскаго собора.



По Ф. Рихтеру.

Общія пропорціи Московскаго собора (рис. № 21), болѣе вытянутыя по направленію западъ — востокъ, нежели это замѣчается во Владимірскомъ[1]). Четыре среднихъ столпа имѣютъ въ планѣ круглую форму — явленіе для московскаго зодчества совершенно новое; алтарные же столпы сохранили старую форму квадрата съ выступами лопатокъ. Эта кажущаяся на первый взглядъ непослѣдовательность въ формѣ плана алтарныхъ столповъ, не скрытыхъ въ прежнее время иконостасомъ отъ глазъ молящихся, объясняется при болѣе детальномъ изученіи собора, наоборотъ, полной логичностью и предусмотрительностью зодчаго, такъ какъ примыканіе арокъ, находящихся надъ пролетами въ сѣверной и южной стѣнахъ средней апсиды, къ круглымъ столпамъ было бы и не красивымъ и не конструктивнымъ. Первопачально алтарь отъ помѣщенія для молящихся не былъ отдѣленъ высокимъ, достигающимъ пять сводовъ иконостасомъ; вмѣсто послѣдняго была только алтарная преграда, которая существуетъ и въ настоящее время — это невысокая[2]) и сравнительно тонкая[3]) кирпичная стѣнка, украшенная пилястрами, иконописью и орнаментами. Пилястры, имѣющія только художественное назначеніе, размѣщены на западной поверхности алтарной преграды и это обстоятельство указываетъ на то, что преграда раньше не была скрыта существующимъ теперь деревяннымъ иконостасомъ. Въ стѣнѣ было шесть дверей: по серединѣ — царскія врата, сѣверныя и южныя[4]); въ сѣверномъ концѣ — дверь, ведущая въ придѣлъ Ап. Петра, и въ южномъ концѣ двѣ двери: одна въ придѣлъ свят. Димитрія, а другая, крайняя, на лѣстницу. Послѣдняя теперь не существуетъ — она заложена при установкѣ на мѣсто раки митрополита Филиппа. Правая сторона стѣнки, отдѣляющая двѣ южныя апсиды, гораздо выше остальной части; она достигаетъ здѣсь арокъ.

Изъ пяти алтарныхъ полукружій только среднее выдается, да и то очень немного, изъ-за линій восточныхъ пилястръ собора, боковые же, очерченныя весьма незначительными частями окружностей, даже нѣсколько углублены сравнительно съ этими пилястрами. Одна отъ другой апсиды отдѣляются на фасадѣ мощными полукруглыми въ планѣ столпами; такіе же столбы помѣщены по сторонамъ средняго окна алтаря.

Центральная апсида вдвое шире боковыхъ; діаконникъ и жертвенникъ отдѣляются отъ сѣвернаго и южнаго придѣловъ тонкими стѣнками. Въ діаконникѣ имѣется поперечная стѣна, раздѣляющая его на двѣ неравныя по длинѣ части: восточную бо́льшую и западную ме́ньшую; объ эти части сое-

---

[1]) «Обложи же церковь продолговату полатнымъ образомъ». П. С. Р. Л. Томъ VI, стран. 206.

[2]) 1 саж. $6^1/_2$ футовъ.

[3]) Около полутора фута.

[4]) Въ придѣлѣ Похвалы Богородицѣ.

дняются между собою дверью. На планѣ Рихтера[1]) стѣна эта показана новою; между тѣмъ она всегда существовала и отдѣляла въ восточной части діаконика ту «казну», о которой упоминаютъ лѣтописи, описывая постройку Аристотеля. Вслѣдствіе допущеннаго Карамзинымъ искаженія текста лѣтописи[2]), эту казну, т.-е. мѣсто для храненія церковныхъ драгоцѣнностей, искали обыкновенно у центральной главы и недоумѣвали, гдѣ она могла находиться, въ трудѣ Рихтера мѣсто для казны у средней главы собора признается даже обычнымъ для русскихъ храмовъ, какъ наиболѣе безопасное при нашествіи непріятеля[3]). Несостоятельность этого мнѣнія, а также всегдашнее нахожденіе казны Успенскаго собора въ восточной части діаконика, доказалъ Н. А. Артлебенъ, къ труду котораго мы и отсылаемъ тѣхъ, кто желалъ бы болѣе подробно ознакомится съ этимъ прежде спорнымъ вопросомъ[4]). Общее расположеніе «казны» и полатей надъ ней сильно напоминаютъ устройство таковыхъ же во Владимірскомъ соборѣ, что, быть можетъ, указываетъ на устройство ихъ Аристотелемъ послѣ его поѣздки во Владиміръ.

Лѣстница, находящаяся въ южномъ придѣлѣ и ведущая на верхъ собора, представляетъ болѣе позднее сооруженіе, но она находится на томъ же мѣстѣ, гдѣ помѣщалась и первоначальная, устроенная Аристотелемъ; на это имѣется свидѣтельство лѣтописи: «...подлѣ олтарь отъ сторонихъ дверей учини, и на верхъ церкви въсходити лѣствицу учини».

Во всѣхъ церквахъ предшествующаго періода стѣны ихъ обыкновенно дѣлались толстыми; въ Успенскомъ же соборѣ при первомъ взглядѣ на его планъ бросается въ глаза явленіе діаметрально противоположное — здѣсь стѣны, сравнительно съ той площадью, которую занимаетъ храмъ, очень тонки, что, конечно, объясняется правильной ихъ кладкой, соотвѣтствующимъ растворомъ и, быть можетъ, желаніемъ зодчаго блеснуть своимъ искусствомъ.

Капители четырехъ среднихъ столповъ не сохранили, къ сожалѣнію, своего прежняго вида, который производилъ такое сильное впечатлѣніе на лѣтописца: «на столпы же положи по 4 камени велики, и съвокупивъ кружало и истеса на нихъ по 4 концы на четырехъ странахъ, едино противъ другого — и мнѣти кому, яко на каменныхъ деревьяхъ, на сквозь каменье то сбито»[5]). Судя по этому описанію капители имѣли романскій характеръ

---

[1]) Памятники древняго русскаго зодчества. Листъ XLV.

[2]) «Сотвори Аристотель у церкви верхи 4, около шеи большіе казну сотвори, полати же . . .» Т. VI, прим. 103. Правильное чтеніе: «Сотвори Аристотель у церкви верхи 4 около шеи большіе, казну сотвори, полати же . . . »

[3]) Ibid.[2] стран. 3.

[4]) Казна Московскаго Успенскаго собора, устроенная А. Фіоравенти. «Древности», 1880 годъ. Стран. 123.

[5]) П. С. Р. Л. Томъ VI, стран. 206—207.

съ нѣсколько византійскимъ пошибомъ, какъ у св. Марка въ Венеціи, который, вѣроятно, произвелъ на Аристотеля сильное впечатлѣніе.

Устроенные Аристотелемъ своды, повидимому, не имѣли подпружныхъ арокъ; по крайней мѣрѣ въ пояснительномъ текстѣ атласа Рихтера на стран. 4-й сказано, что въ 1624 году[1]) палатный мастеръ Джонъ Талеръ съ русскимъ подмастерьемъ каменныхъ дѣлъ Баженомъ Огурцовымъ возобновили треснувшіе отъ времени своды и укрѣпили храмъ «перетективьемъ», т.-е. подпружными арками. На основаніи этихъ словъ, а также исходя изъ того соображенія, что подпружныя арки плохо вяжутся съ круглыми столпами, можно заключить, что до этого ремонта подпружинъ въ Успенскомъ соборѣ не было. Сами своды при этой работѣ были замѣнены новыми, такъ какъ пришли въ большую ветхость, но формы ихъ оставлены, вѣроятно, безъ измѣненія; они крестовые, вспарушенные, при чемъ вспарушенность довольно значительная — около 2 футъ (рис. № 22). Переходъ отъ пилоновъ къ круглому въ планѣ верху храма образованъ помощью сферическихъ парусовъ.

Внутри собора какъ стѣны, такъ столпы и своды, все сверху до низу покрыто иконописью. Первопачальная роспись, надо полагать, фресковая, была исполнена въ 1514 году; въ 1642—3 году роспись была переписана заново, при чемъ прежніе красочные фоны изображеній были замѣнены золотомъ.

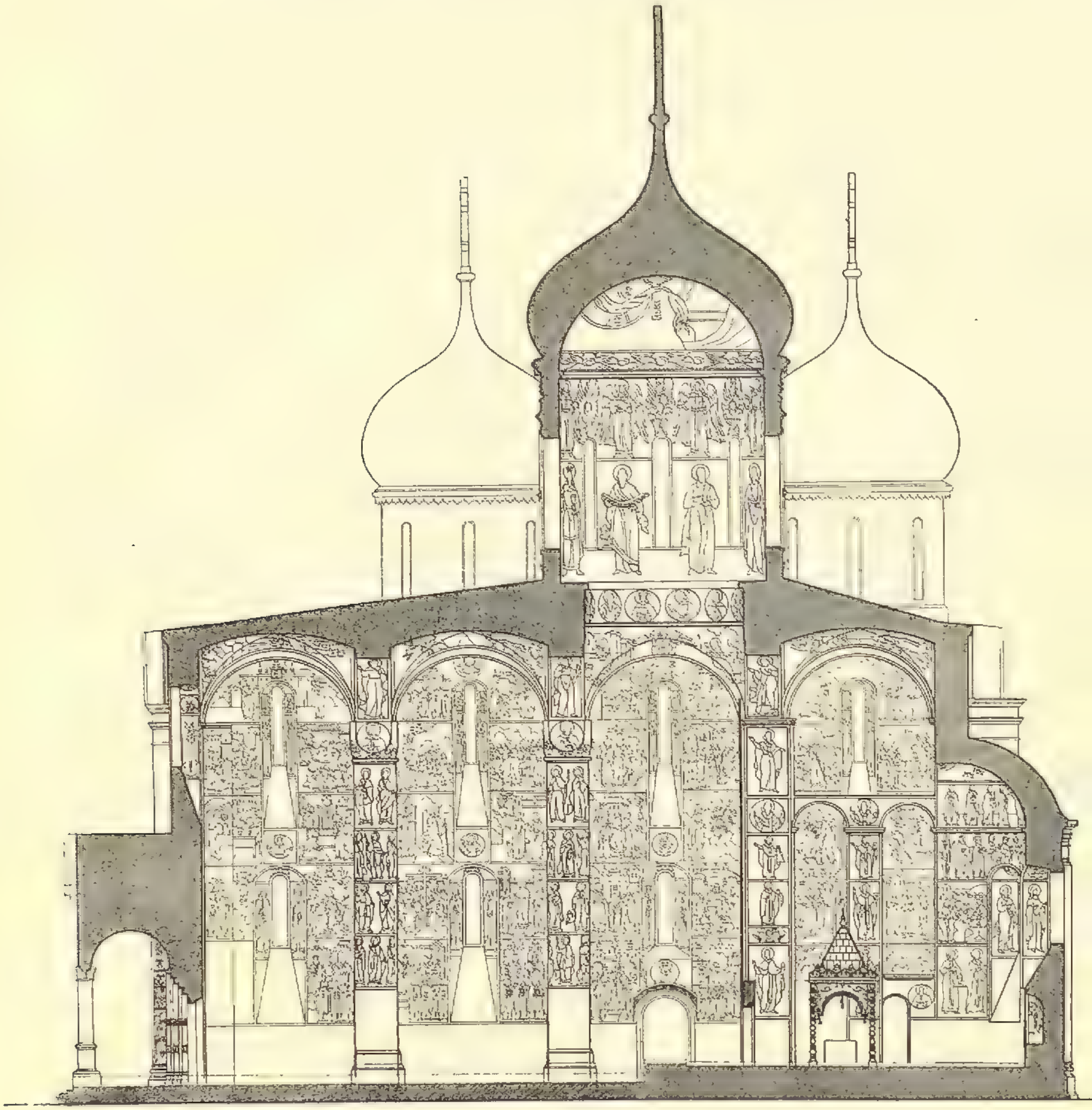
Теперь обратимся къ внѣшнему виду собора (рис. № 23). Стѣны храма опираются на цоколь, заканчивающійся вверху широкимъ кордономъ, профиль котораго нѣсколько напоминаетъ аттическую базу. Соотвѣтственно внутренней планировкѣ собора его фасады раздѣляются на равныя части сильно выступающими пилястрами; особенно сильный выступъ имѣютъ угловыя пилястры восточнаго фасада. Подъ пилястрами цоколь имѣетъ раскреповки, которыя какъ бы составляютъ базы пилястръ.

Черезъ всѣ фасады, за исключеніемъ восточнаго, дѣля ихъ по высотѣ на двѣ неравныя части, тянется арочный поясъ; общій его характеръ владиміро-суздальскій, но детали гораздо проще и спокойнѣе; здѣсь нѣтъ и помину о той фантастичной рѣзьбѣ, которою блещетъ поясъ Дмитровскаго собора; ее замѣнили простыя, но благородныя архитектурныя формы: несложныя базы на кубическихъ подставкахъ, украшенныхъ розетками («рѣшьями», какъ ихъ у насъ называли въ старину); прямые, не утончающіеся къ верху стержни колонокъ (рис. № 24) перехвачены по серединѣ кольцами, образован-

---

[1]) И. М. Снегиревъ (Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города. 1873. Изданіе А. Мартынова. Текстъ составленъ И. М. Снегиревымъ), основываясь на дѣлѣ о перестройкѣ сводовъ въ Успенскомъ соборѣ 1626 г. (Главн. Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ), относитъ эту работу не къ 1624 году, а къ 1625 и 1626 годамъ.

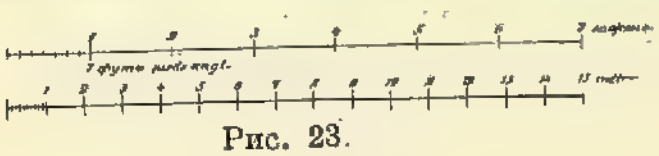
Разрѣзъ Московскаго Успенскаго собора.



По Ф. Рихтеру.

Рис. 22.

Московскій Успенскій соборъ.



По Ф. Рихтеру.

Рис. 23.

ными валикомъ съ двумя узенькими полочками вверху и внизу; на кубическія капители, украшенныя розетками опираются полуциркульныя арочки безъ архивольтовъ. Завершается поясъ небольшимъ уступомъ во внутрь, также имѣющимъ характеръ аттической базы. Уступъ этотъ пересѣкаетъ пилястры и охватываетъ кругомъ все зданіе, т.-е., въ противоположность арочному поясу, тянется и черезъ восточный фасадъ.

Выше пояса дѣлящія фасадъ пилястры становятся уже и заканчиваются вверху подобіями капителей, напоминающими раскреповки антаблемента надъ пилястрами. На восточномъ фасадѣ надъ упомянутымъ выше уступомъ помѣщенъ довольно высокій, богатый обломами карнизъ, не выступающій за угловыя пилястры и раскрепованный надъ полукруглыми столпами апсидъ. Верхнія части среднихъ пилястръ восточнаго фасада какъ бы выростаютъ между сферическими покрытіями апсидъ и обработаны въ іоническомъ стилѣ немного тяжелаго характера.

Верхи стѣнъ собора оканчиваются полуциркульными закаморами, обтянутыми простыми архивольтами, которые опираются на капители пилястръ.

Архивольты эти, вѣроятно, представляютъ собою только остатки прежнихъ болѣе сложныхъ, потому что П. М. Снегиревъ[1]) говоритъ, что въ 1684 году одновременно съ другими работами «вмѣсто бѣлокаменныхъ спусковъ желобовъ надъ закаморами устроены для легкости мѣдные, расцвѣченные красками».

Общій характеръ всѣхъ пяти верховъ собора одинаковъ, но въ деталяхъ средняго есть нѣкоторыя особенности; такъ, внизу его шеи нѣтъ утолщенія (постамента), какъ у четырехъ боковыхъ; каждое изъ восьми его окопъ обрамлено наличникомъ, состоящимъ изъ валика, концы котораго спускаются ниже оконнаго просвѣта и украшены небольшими сережками; на средниѣ высоты просвѣта валикъ перехваченъ кольцами, состоящими также изъ валиковъ, сверху и снизу которыхъ помѣщено по двѣ полочки. Вѣроятно, окна боковыхъ верховъ прежде были украшены такими же наличниками, но во время одного изъ ремонтовъ они были стесаны. Карнизъ средней шеи образованъ нѣсколькими кольцами обломовъ; послѣдніе идутъ то въ одиночку, то скомбинированы въ гзимсы, между которыми оставлены полосы поля стѣны. Сказать съ увѣренностью, что это первоначальный карнизъ въ настоящее время нельзя, такъ какъ изъ лѣтописей извѣстно, что верхъ собора не разъ страдалъ отъ пожаровъ, а стало быть и передѣлывался. Четыре боковыхъ шеи увѣнчаны подзорами, очевидно, позднѣйшаго происхожденія[2]).

---

[1]) Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города. Изданіе А. Мартынова. 1873 г. Томъ II, стран. 86.

[2]) Къ сожалѣнію, авторъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи тѣхъ рисунковъ XVII вѣка, о которыхъ упоминаетъ В. Прохоровъ (Христіанскія древности 1877 года, стран. 6) и на которыхъ шеи главъ показаны украшенными карнизами и колонками между окнами.

Деталь южнаго фасада Успенскаго собора.

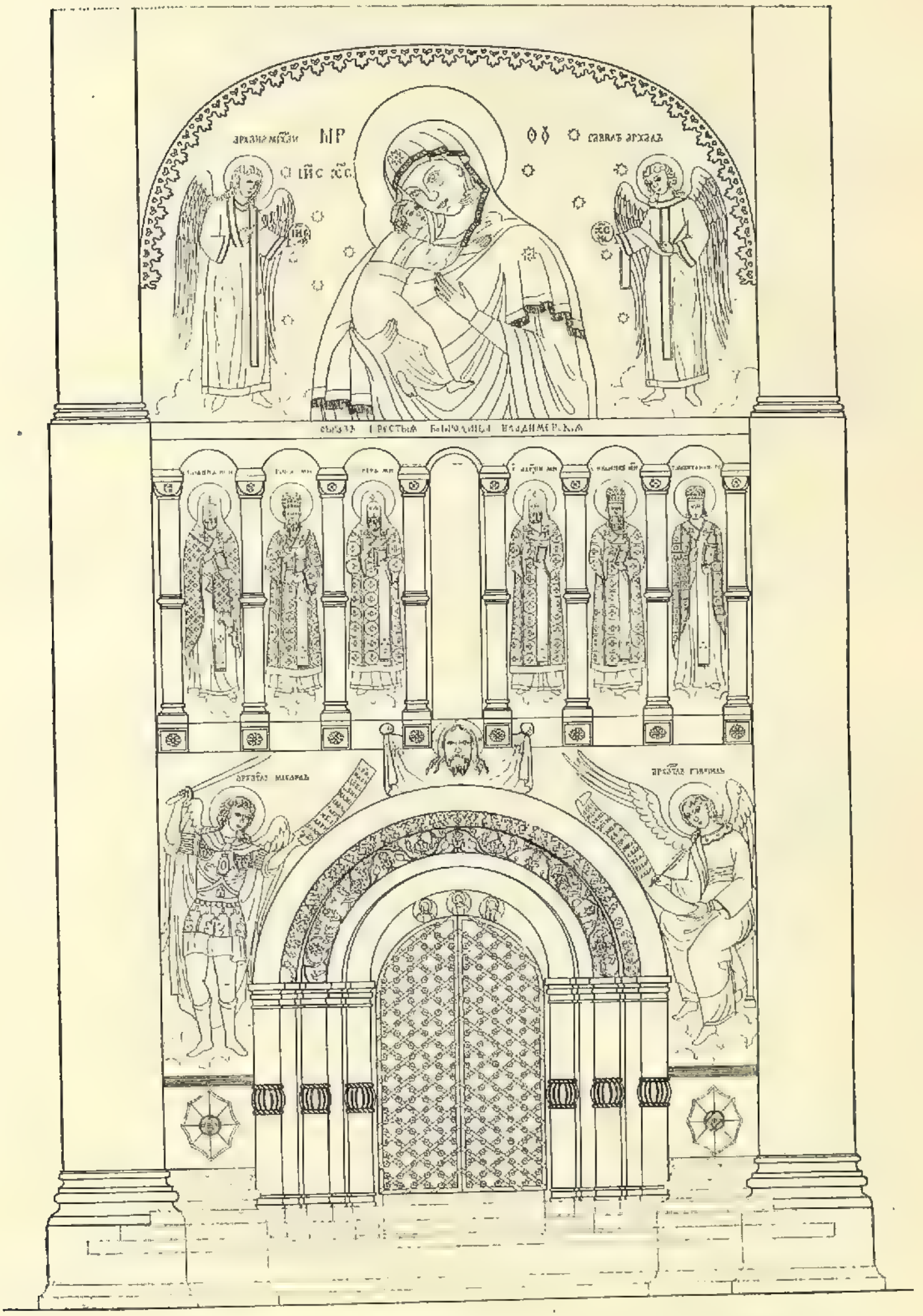


Рис. 24. По Ф. Рихтеру

Что касается главъ, то онѣ не разъ подвергались передѣлкамъ, но, несмотря на это, можно допустить, что существующія теперь по своему характеру близки къ первоначальнымъ, такъ какъ онѣ представляютъ собою луковицы еще близкія къ шаровой формѣ: острія не особенно вытянуты, точно такъ же не велики [1]) и высоты срѣзанныхъ внизу шаровыхъ сегментовъ.

На чертежахъ Ф. Рихтера кресты всѣхъ пяти главъ показаны простыми восьмиконечными [2]) безъ всякихъ украшеній; въ настоящее же время надъ главой возвышаются кресты болѣе богатые по рисунку.

Намъ остается разсмотрѣть еще окна собора и его двери. Первоначальная форма оконъ была у всего собора одинакова: снаружи они представляли собою очень узкіе и длинные прямоугольники, заканчивавшіеся вверху полукругами. Обрамленіе оконъ верхняго яруса, верхи которыхъ подняты выше горизонтальнаго діаметра закаморъ, а также всѣхъ оконъ алтаря, составляла небольшая прямоугольная фаска; на нижней (подоконной) части окна ея не было. Окна нижняго яруса расположены въ аркадѣ пояса, колонки котораго играютъ роль оконныхъ наличниковъ. Всѣ окна алтарныхъ апсидъ, а также нѣкоторыя окна нижняго яруса долгое время оставались растесанными, при чемъ при растескѣ послѣднихъ были срублены примыкавшія къ нимъ колонки аркады; но при послѣднемъ ремонтѣ окнамъ былъ возвращенъ ихъ прежній видъ и возстановлены срубленныя колонки.

Изнутри собора оконныя ниши имѣютъ сильные скосы [3]), особенно крутые внизу просвѣтовъ, благодаря чему въ храмъ падаютъ косые лучи свѣта, сообщающее освѣщенію какой-то мистическій характеръ.

На южномъ фасадѣ собора, справа отъ входа, а также въ нижнихъ частяхъ двухъ южныхъ апсидъ имѣется по одному небольшому, прямоугольному, почти квадратной формы окну, украшенному довольно затѣйливымъ наличникомъ. Ф. Рихтеръ, опираясь на форму просвѣтовъ этихъ оконъ и на характеръ ихъ наличниковъ, относитъ появленіе самихъ оконъ ко времени болѣе позднему. Безспорно, почтенный изслѣдователь русскаго зодчества правъ въ томъ отношеніи, что наличники и прямоугольная форма разсматриваемыхъ оконъ — явленіе болѣе позднее, но нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Н. А. Артлебена [4]), что окно, по крайней мѣрѣ, въ «казнѣ» собора всегда существовало, такъ какъ въ противномъ случаѣ она была бы совершенно

---

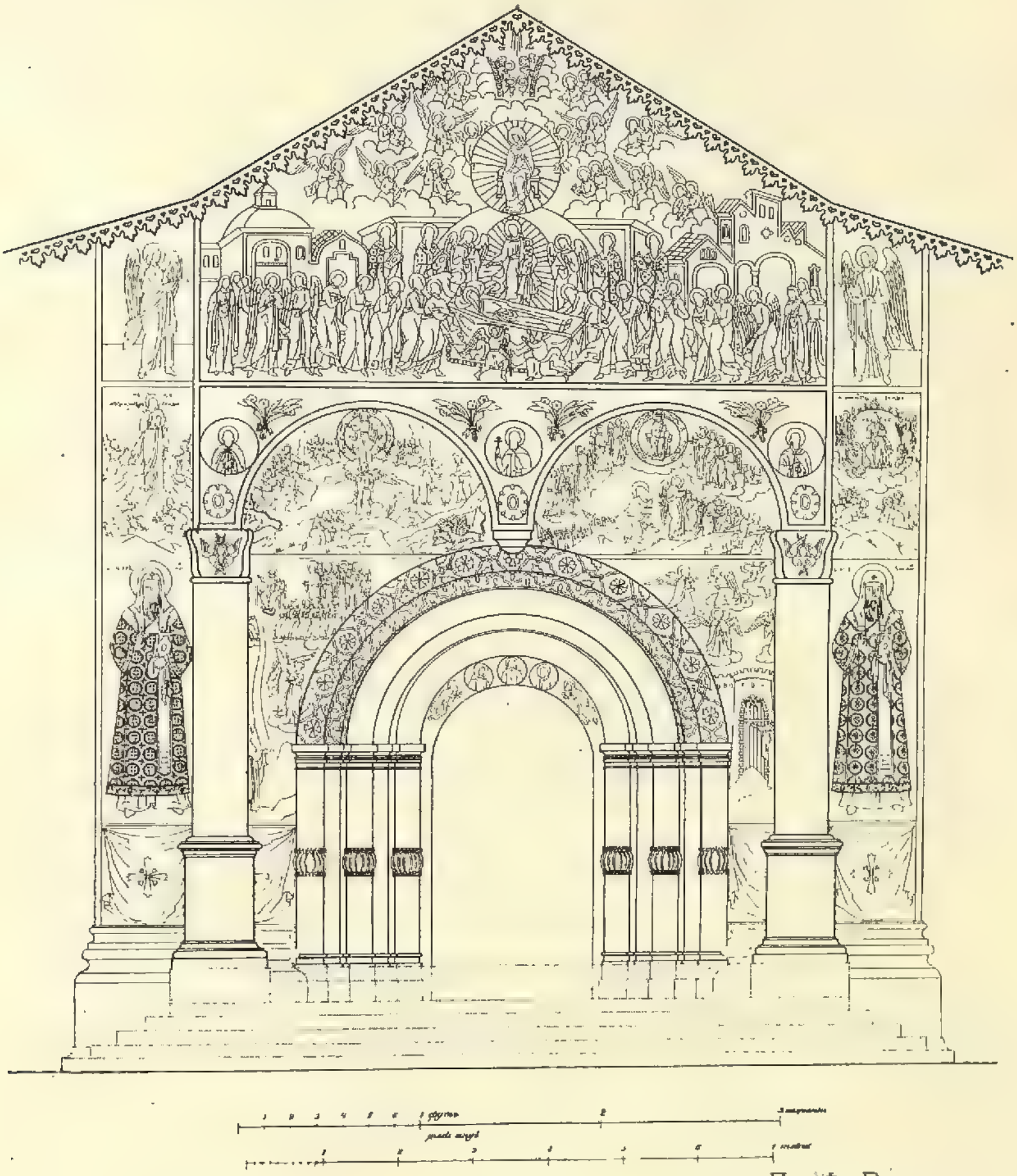
[1]) У средней главы высота срѣзаннаго сегмента нѣсколько больше чѣмъ у боковыхъ; кромѣ того на чертежѣ же Рихтера глава какъ бы нѣсколько приплюснута сверху.

[2]) Первоначальные кресты были четырехконечными, но, согласно постановленію Стоглаваго Собора, они были при Грозномъ замѣнены восьмиконечными. См. Пр. Макарій. Исторія Русск. раскола С.-Пб. 1875 г.

[3]) Окна на шеяхъ главъ, вслѣдствіе незначительной толщины послѣднихъ, скосовъ не имѣютъ.

[4]) Казна Московскаго Успенскаго собора. Древности 1880 годъ.

Западный входъ Московскаго Успенскаго собора.



По Ф. Рихтеру.

Рис. 25.

лишена освѣщенія. Вѣроятно, прежде узкое, щелевидное окошце казны было впослѣдствіе растесано, точно такъ же, какъ и многія другія окна собора; тогда же его украсили и наличникомъ, котораго прежде, конечно, не существовало.

Всѣ три портала собора скомпанованы совершенно одинаково: они представляютъ собою такъ называемые «перспективные входы», впервые появившіеся на Руси въ церквахъ Владиміро-Суздальскихъ. Однако по характеру композиціи (рис. № 25) они гораздо ближе къ порталамъ Звенигородскаго собора, нежели къ Владиміро-Суздальскимъ, такъ какъ отличаются отъ первыхъ только отсутствіемъ заострепій у архивольтовъ, профилевкою базъ и капителей, а также тѣмъ, что прямоугольные выступы, чередующіеся съ колоннами, замѣнены въ Московскомъ соборѣ остроугольными.

Это сходство порталовъ наводитъ на мысль о знакомствѣ Аристотеля со Звенигородскимъ соборомъ, въ чемъ нѣтъ ничего невозможнаго, такъ какъ онъ могъ съѣздить и въ недалекій отъ Москвы Звенигородъ, чтобы взглянуть на лучшій въ то время соборъ Московской области.

Передъ западнымъ порталомъ, подчеркивая главный входъ, возвышалось крыльцо — наружная паперть; оно разобрано въ концѣ прошлаго столѣтія и теперь на его мѣстѣ устроенъ дубовый тамбуръ, что, по совершенно вѣрному замѣчанію С. А. Усова, можетъ быть и удобно, но куда какъ безобразно [1]). У этой паперти имѣлась одна деталь, впервые появляющаяся на русской почвѣ — это соединеніе въ одно цѣлое двухъ арокъ безъ средней опоры, поддерживающей ихъ внутреннія пяты; роль послѣдней играла «гирька» или «серьга», висѣвшая на желѣзномъ стержнѣ (рис. № 25). Этотъ, въ сущности говоря, не конструктивный архитектурный мотивъ съ легкой руки Фіоравенти получилъ у насъ впослѣдствіе большое распространеніе, пришлись очевидно по вкусу русскимъ зодчимъ, и имѣя много общаго съ тою формою, которая искони примѣнялась ими въ деревянномъ зодчествѣ. Хотя существовавшая въ прошломъ вѣкѣ паперть не была первоначальная [2]), но тѣмъ не менѣе она по общимъ своимъ массамъ вполнѣ отвѣчала описанію лѣтописи; «передъ передними дверми помостъ пакры каменемъ и въ одинъ кирпичь сведе и середку на гирѣ повеси на желѣзной». Поэтому можно предположить, что при возстановленіи паперти придерживались первоначальныхъ формъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ массахъ; что же касается деталей, то онѣ врядъ ли представляли повторенія тѣхъ, которыя украшали паперть Аристотеля; такъ напримѣръ, трудно допустить, чтобы онъ придалъ капителямъ колонпъ такую форму, какая видна на чертежѣ Рихтера — слишкомъ онѣ уже безформенны

[1]) «Древности» 1885 г. С. А. Усовъ. Къ исторіи Московскаго Успенскаго собора.

[2]) 12 апрѣля въ 1547 г. во время страшнаго пожара, опустошившаго Москву, пострадалъ и Успенскій соборъ: загорѣлась кровля на храмѣ, распалась отъ сильнаго огня каменная паперть. См. Степенная книга, II, 248.

и грубы. Точно такъ же и подзоръ, украшавшій щипецъ крыльца, представлялъ собою явленіе болѣе позднее, потому что Фіоравенти не оставилъ ни одну изъ отдѣльныхъ массъ собора безъ вѣнчающаго карниза; вѣроятно и для щипца онъ не сдѣлалъ исключенія, а закончилъ его какими нибудь вѣнчающими обломами, которые при возстановленіи паперти были забыты.

Всѣ три портала съ прилегающими къ нимъ частями стѣнъ[1]), а также закаморы на восточномъ фасадѣ собора покрыты иконописью. Время появленія этихъ фресокъ неизвѣстно, но имѣются свѣдѣнія о ихъ поновленіи въ 1660 году. Исчезнувшая паперть также была украшена иконописью, какъ это видно въ альбомѣ Рихтера.

Заканчивая описаніе Успенскаго собора нельзя не сказать нѣсколько словъ о той роли, которую онъ сыгралъ въ дальнѣйшемъ зодчествѣ Москвы, вѣрнѣе въ художественной области церковнаго строительства. Казалось бы, что тѣ архитектурныя формы, которыя Аристотель примѣнилъ въ убранствѣ Успенскаго собора, частью возродивъ мотивы владиміро-суздальскіе, частью же введя чисто италіанскіе[2]), должны были привиться къ Московской архитектурѣ такъ же крѣпко, какъ это случилось со введенными имъ конструктивными пріемами. Въ дѣйствительности же это не такъ, и изъ разсмотрѣнія церквей, постройка которыхъ послѣдовала за Успенскимъ соборомъ, мы увидимъ, что москвичи, полностью усвоивъ себѣ Аристотелеву технику, очень мало примѣняли его пріемы въ области художественной стороны каменнаго дѣла и продолжали украшать свои произведенія тѣми же архитектурными мотивами, которые царили въ ихъ зодчествѣ до появленія Аристотеля.

Явленіе это вполнѣ нормально, потому что одинъ человѣкъ какъ бы онъ не былъ геніаленъ, не въ силахъ сразу и безповоротно пустить теченіе искусства по новому руслу. Въ прорытый имъ каналъ всегда будутъ впадать потоки стараго теченія, воды котораго освѣтлятся только далеко за пунктомъ ихъ впаденія въ каналъ и послѣ сліянія ихъ съ водами многихъ другихъ рѣчекъ и ручьевъ.

Во всякомъ случаѣ значеніе Аристотеля Фіоравенти для всего древнерусскаго зодчества очень велико и его имя всегда будетъ съ благоговѣніемъ вспоминаться всякимъ интеллигентнымъ русскимъ, входящимъ въ Успенскій соборъ, который дорогъ намъ не только какъ памятникъ зодчества, но какъ тотъ соборъ, въ которомъ вѣнчались на царство всѣ русскіе Цари и Императоры.

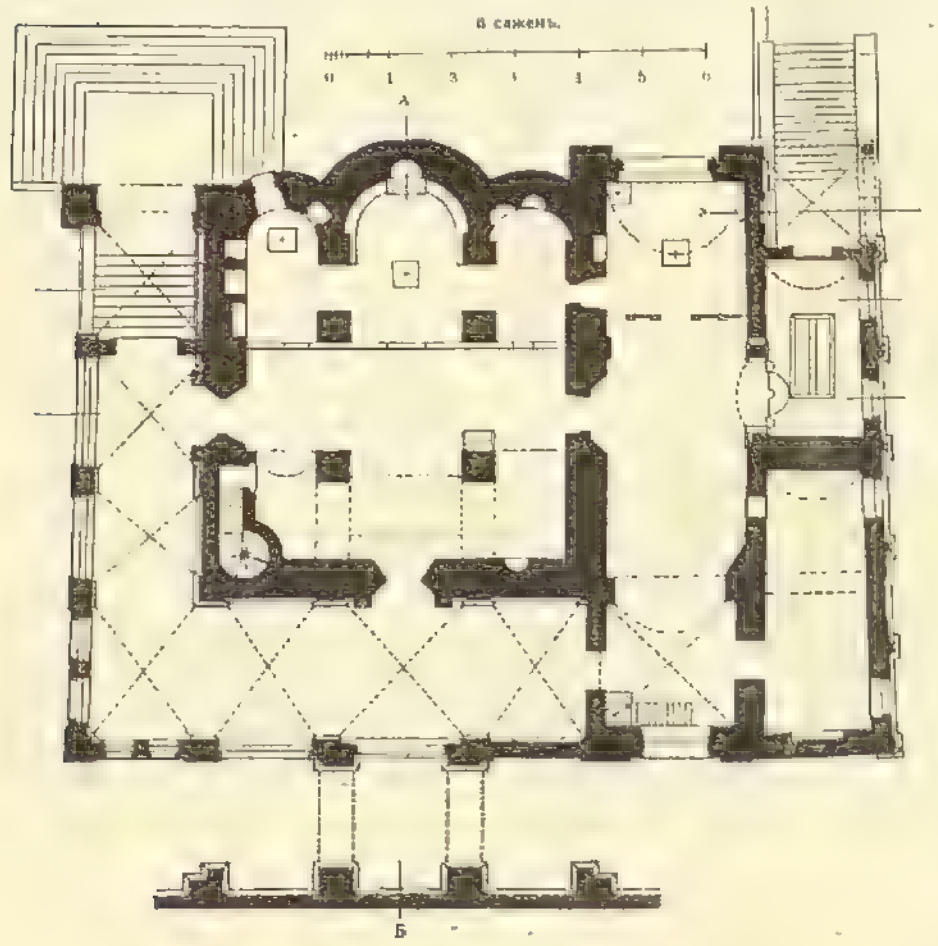
---

[1]) Въ предѣлахъ ближнихъ пилястръ и аркаднаго пояса.

[2]) Какъ напримѣръ пилястры Іоническаго ордера на восточномъ фасадѣ.

Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ освященія Успенскаго собора, то есть въ 1490 году, былъ освященъ другой кремлевскій соборъ — Благовѣщенскій. Работы по перестройкѣ начались ещо въ 1482 году [1]), когда по словамъ лѣтописи «почаша рушити церковь на площади Благовѣщеніе, верхъ сияша и голубьемъ накрыша» [2]). Окончательно же старое зданіе собора было разобрано въ слѣдующемъ 1483 году; «Того же (1483) лѣта разруши князь велики Благовѣщенье на своемъ дворѣ, подписанную только по казну и по подклѣть, и заложи казну около того подклѣта и полату кирпичну съ казнами» [3]). Такимъ образомъ какъ мы объ этомъ уже упоминали, бѣлокаменный подклетъ Васильевой постройки остался нетронутымъ и послужилъ основаніемъ для новаго зданія. Къ постройкѣ приступили только въ слѣдующемъ 1484 году [4]).

1-й этажъ Благовѣщенскаго собора.



По изд. Академіи Художествъ.

Рис. 26.

Несмотря на болѣе поздніе пристройки, сильно измѣнившія первоначальный планъ собора, послѣдній виденъ ясно (рис. № 26). Это близкій къ квадрату прямоугольникъ, посрединѣ котораго помѣщены четыре квадратныхъ въ планѣ пилона, а съ востока примыкаютъ три сильно выраженныя на фасадѣ апсиды. Алтарная апсида, въ которой устроено горнее мѣсто и скамья для священнослужителей, значительно выдается къ востоку сравнительно съ жертвенникомъ и діаконикомъ. Въ сѣверо-западномъ углу храма

---

[1]) Въ этомъ же году была перестроена церковь Богоявленія на Троицкомъ подворьи «того же лѣта заложиша церковь Богоявленіе камену и кирпичемъ дѣлаша, въ городѣ, на Троицкомъ подворіѣ, а старую (постройки 1460 года) камену же разрушиша» (П. С. Л. VI. 233). Къ сожалѣнію, церковь эта до насъ не дошла—она разобрана въ концѣ XVIII столѣтія (Москва и ист. путев. II, 154).

[2]) П. С. Р. Л. Т. VI, стран. 234.

[3]) П. С. Р. Л. Т. VI. 235.

[4]) «Тое же весны князь велики Иванъ Васильевичь заложилъ церковь камену Благовѣщенье Святыя Богородицы на своемъ дворѣ, разрушивъ первое основаніе, еже бѣ создалъ дѣдъ его, князь великій Василій Дмитріевичь; а заложилъ за церковью полату. П. С. Л. VI. 235.

имѣется дуговое въ планѣ утолщеніе, заключающее въ себѣ винтовую лѣстницу на хоры; начало этой лѣстницы и дверь на нее устроены въ сѣверной стѣнѣ. Входныя двери расположены въ серединѣ западной, южной и сѣверной стѣнъ. Однимъ словомъ основной планъ Благовѣщенскаго собора никакихъ характерныхъ особенностей не представляетъ и спроектированъ по тому же шаблону, что и другіе церкви Москвы, построенныя въ предыдущій періодъ.

Разрѣзъ Благовѣщенскаго собора.

По изд. Академіи Художествъ.

Рис. 27.

Что же касается внутренняго облика собора, то онъ носитъ на себѣ явный псковской отпечатокъ: — онъ тѣсный и невысокій, шея главы поставлена на ступенчатыя арки (Рис. № 27), нижнія арки, соединяющія пилоны съ наружными стѣнами, расположены отъ полу на высотѣ едва превышающей двѣ сажени; такую же высоту имѣютъ и пролеты между алтарными апсидами.

Къ особенностямъ архитектуры разсматриваемаго собора нужно отнести, во-первыхъ, отсутствіе въ немъ солеи: уровень пола алтаря находится на одной высотѣ съ поломъ храма, что сближаетъ его съ Успенскимъ соборомъ въ Звенигородѣ; другою особенностью является прежнее устройство хоръ (полатей), которые, какъ это выяснилось при реставраціи[1]), заканчивались кирпичной стѣнкой толщиной въ два кирпича. Стѣнка эта была высотой въ ростъ человѣка, шла не только между пилонами, но и соединяла ихъ съ наружными стѣнами собора. Поверхность стѣнки, обращенная внутрь собора, находилась въ одной плоскости съ восточной стороной пилоновъ, такъ что на ней находились продолженія фресокъ, написанныхъ на пилонахъ.

Высота этой преграды вполнѣ опредѣленно указываетъ на ея назначеніе: она должна была скрывать женщинъ царской семьи отъ взора мужчинъ, стоявшихъ внизу; съ другой же стороны, не препятствуя женщинамъ слушать службу, мѣшала

[1]) См. А. М. Павлиновъ. Исторія русской архитектуры, стран. 121.

имъ ее видѣть, а по строгимъ правиламъ старины женщины втеченіе нѣкотораго срока послѣ рожденія у нихъ ребенка не имѣли права созерцать богослуженіе. Для смягченія этого суроваго правила и была устроена палатная стѣнка, которая позволяла родственницамъ царя присутствовать на богослуженіи во всякое время и притомъ не вводя никого въ соблазнъ, такъ какъ онѣ никѣмъ невидимыя проходили изъ терема на полати по деревяннымъ переходамъ и стояли тамъ скрытыя отъ всѣхъ. На существованіе переходовъ указываютъ сохранившіяся по сіе время сквозныя гнѣзда въ западной стѣнѣ собора, въ которыя входили концы брусьевъ, служившихъ основой для переходовъ.

Третью, очень интересную особенность составляютъ тайники, устроенные въ толщѣ арокъ, идущихъ отъ пилоновъ къ западной стѣнѣ и составляющихъ опору полатей (хоръ)[1]). «Своды опирались на эти арки и маскировали ихъ боковыя стѣны толщиною всего въ полкирпича. Тайники эти имѣли поперечныя стѣнки, закрывавшіяся желѣзными дверками, выводящими въ особые люки у западной стѣны храма. Эти люки сверху закрывались двумя каменными плитами съ кольцами, а по нимъ былъ настланъ полъ изъ небольшихъ ромбочекъ[2]) въ два цвѣта. Такимъ образомъ входы въ тайники были совершенно замаскированы со всѣхъ сторонъ»[3]). Мы позволили себѣ дословно привести слова А. М. Павлинова, присутствовавшаго при открытіи Благовѣщенскихъ тайниковъ, съ цѣлью дать возможно полное ихъ описаніе, такъ какъ лично видѣть намъ ихъ не удалось, на чертежѣ же собора, помѣщеннаго въ «Исторіи Русской Архитектуры» деталей тайниковъ разобрать невозможно[4]).

Первоначальный иконостасъ Благовѣщенскаго собора точно такъ же, какъ и въ Успенскомъ не былъ такъ высокъ, какъ существующій теперь; помѣщался онъ не передъ восточными пилонами, а между ними, за-подлицо съ западной ихъ поверхностью; высота его, вѣроятно, была не болѣе двухъ саженъ. На такое расположеніе иконостаса указываетъ, во-первыхъ, роспись западной поверхности пилоновъ (теперь скрытая существующимъ иконостасомъ), во-вторыхъ, отсутствіе росписи на боковыхъ сторонахъ этихъ пилоповъ, но не во всю ширину ихъ, а лишь въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нихъ упирался иконостасъ; наконецъ, въ кладкѣ пилоновъ сдѣланы гнѣзда, куда входили концы деревяннаго бруса (тябла), служившаго опорою для образовъ иконостаса.

Весь соборъ украшенъ внутри иконописью.

---

[1]) См. разрѣзъ.

[2]) Подъ словомъ «ромбочекъ» надо, вѣроятно, подразумѣвать небольшія плитки, имѣющія форму ромба. *Прим. автора.*

[3]) А. М. Павлиновъ. Исторія русской архитектуры, стран. 120—121.

[4]) Помѣщаемые нами чертежи Благовѣщенскаго собора воспроизведены изъ 2-го выпуска Памятниковъ древне-русскаго искусства (изданіе Императорской Академіи Художествъ), вышедшаго послѣ представленія рукописи на конкурсъ.

Возстановить внѣшній видъ Благовѣщенскаго собора такимъ, какимъ онъ былъ до скрывшихъ его позднѣйшихъ пристроекъ, въ настоящее время довольно трудно потому, что послѣдніе оставили открытымъ только его восточный фасадъ (рис. № 28). Соборъ возвышался не надъ террасой, какъ это почему-то предполагаетъ А. М. Павлиновъ[1]), а надъ подклѣтомъ, бѣлокаменныя стѣнки котораго составляли какъ бы цоколь[2]), заканчивавшійся вверху кордономъ, профиль котораго похожъ на іоническую базу. Кордонъ этотъ и сейчасъ еще виденъ надъ

Благовѣщенскій соборъ.

Рис. 28. По фот. Борщевскаго.

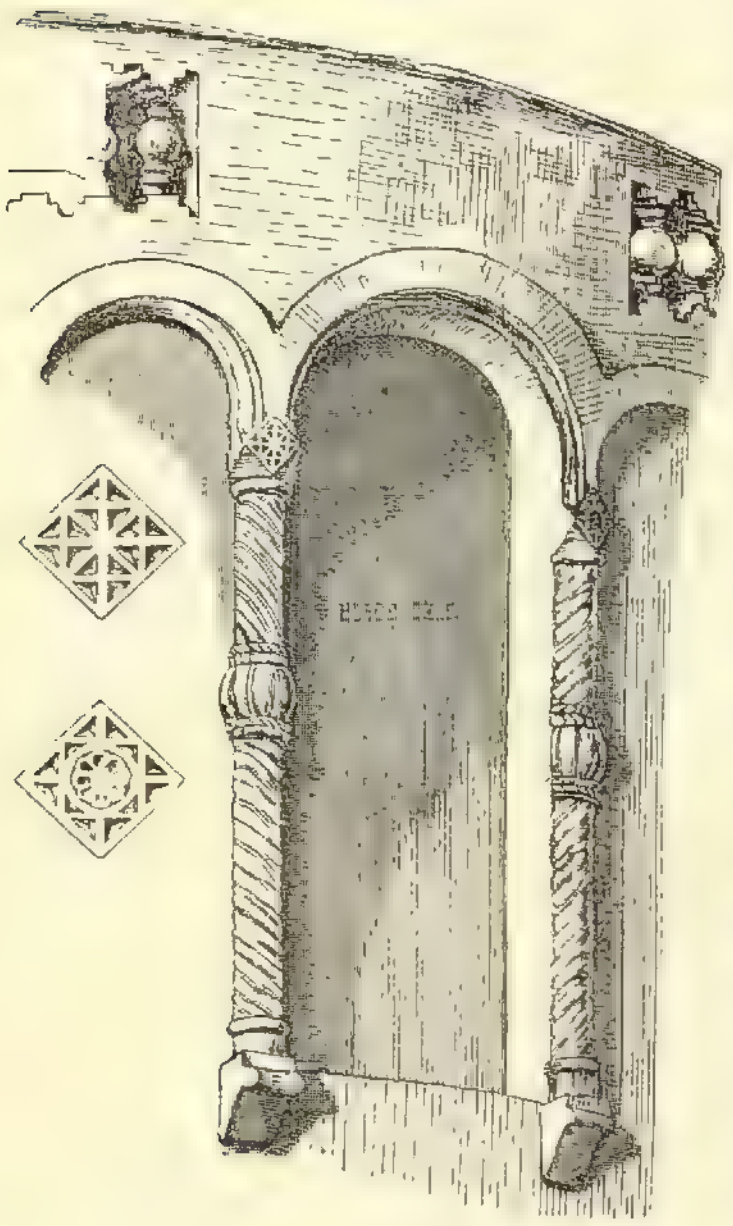
поломъ крытыхъ папертей-галлерей. Фасады дѣлились плоскими, широкими и довольно сильно выступающими впередъ лопатками на три неравныя по ширинѣ части: широкую среднюю и болѣе узкія боковыя. Лопатки эти снаружи въ настоящее время видны только надъ крышами папертей, внутри же послѣднихъ онѣ хотя и уцѣлѣли, но превращены въ пилястры, поддерживающія своды, для чего ихъ пришлось перерубить на высотѣ пять и придѣлать здѣсь къ нимъ капители. Вверху лопатки заканчиваются несложными, состоящими изъ двухъ обломовъ карнизками, которые несутъ на себѣ архивольты закаморъ. Архи-

[1]) А. М. Павлиновъ. Исторія русской Архитектуры, стран. 128.

[2]) Высотою нѣсколько болѣе двухъ аршинъ.

вольты образованы двумя полочками и имѣютъ вверху подвышенія. Что касается формы закаморъ, то она не правильная полуциркульная, какъ въ Звенигородскомъ соборѣ, а приплюснутая-трехцентровая.

Между лопатками и поверху апсидъ тянется поясъ аркадъ (рис. № 29); стержни его колонокъ витые и украшены на серединѣ ихъ высоты утолщеніями, «дыньками», имѣющими совершенно ту же форму, что и утолщенія на колонкахъ порталовъ Звенигородскаго собора. Капители колонокъ имѣютъ форму 14-гранниковъ, поставленныхъ на кольцо изъ полувалика и украшенныхъ на лицевой грани врѣзнымъ орнаментомъ. Архивольты аркады — полуциркульные, безъ подвышенія, но съ фаской на внутренней образующей. Между колонками аркады помѣщены окна, изъ которыхъ нѣкоторыя впослѣдствіе обезображены расте-



Деталь Благовѣщенскаго собора.

По Л. Далю.

Рис. 29.

ской.

Надъ поясомъ аркадъ апсидъ тянется поясъ балясинъ, представляющій собою явленіе, впервые встрѣчающееся намъ въ Московской архитектурѣ. Балясины помѣщены во впадинѣ стѣнъ, настолько глубокой, что не выступаютъ за ихъ лицо; образуемый ими поясъ прерывается надъ среднимъ окномъ центральной апсиды. Первоначально этого перерыва, вѣроятно, не существовало и образовался онъ при увеличеніи окна, когда для устройства болѣе широкой перемычки пришлось разобрать вышележащую часть стѣны. Балясины въ томъ видѣ, какой мы видимъ въ данномъ случаѣ, не были извѣстны на Руси до разсматриваемаго періода — онѣ явленіе новое; но если на мѣсто ихъ поставить въ поясѣ простыя кирпичныя перегородки, то весь мотивъ пояса приметъ характеръ Псково-Новгородскій, похожій, только въ нѣсколько большемъ масштабѣ, на пояса апсидъ и шей церковныхъ главъ этой области. Общій характеръ обработки пяти верховъ собора одинаковъ, но средній по своимъ размѣрамъ значительно превышаетъ боковые.

Круглыя въ планѣ шеи главъ не имѣютъ прямоугольныхъ основаній, причемъ центры боковыхъ шей поставлены въ точкахъ пересѣченія угловыхъ закаморъ

собора, а средняя шея окружена внизу восемью особыми закаморами, которыя отличаются отъ нижнихъ своею вытянутою вверхъ формою. Эта кажущаяся на первый взглядъ исключительно декоративная обработка низа средней шеи, въ сущности, вполнѣ отвѣчаетъ той совокупности арокъ и парусовъ, которая служитъ для поддержанія цилиндрической шеи. Дѣйствительно, тѣ закаморы шеи, которыя расположены параллельно главнымъ осямъ собора, изображаютъ собою на фасадахъ внутреннія арки, перекинутыя подъ главою съ пилона на пилонъ; закаморы же, помѣщенныя діагонально, отвѣчаютъ парусамъ. Въ Московскомъ зодчествѣ такая композиція встрѣчается намъ впервые; вполнѣ возможно, конечно, какъ это указалъ А. М. Павлиновъ[1]), что она примѣнялась и ранѣе, по крайней мѣрѣ въ зачаточномъ видѣ, какъ имѣющая много общаго съ «бочками» деревянной архитектуры; но верхи всѣхъ дошедшихъ до насъ храмовъ предшествующаго періода не уцѣлѣли, поэтому данный случай является для насъ первымъ въ постройкахъ москвичей, такъ сказать, родоначальникомъ того излюбленнаго и очень живописнаго мотива, который, ставъ вполнѣ конструктивнымъ, получилъ такое обширное примѣненіе въ вѣкахъ XVI и XVII[2]).

Средняя шея прорѣзана восемью узкими полуциркульными вверху окнами, каждая же изъ боковыхъ только четырьмя. Убранство шей составляютъ аркады; такъ какъ колонки ихъ образуютъ какъ бы очелья оконъ, то на средней шеѣ каждая арочка аркады опирается на колонку; на боковыхъ же колонки поддерживаютъ пяты арочекъ только черезъ одну, остальныя же пяты опираются на кронштейны, имѣющіе формы «серегъ» (или «гирекъ»).

Заканчиваются шеи главъ поясами поребрика, треугольныхъ впадинъ[3]) и арочекъ; другими словами, верхи шей главъ Благовѣщенскаго собора обработаны совершенно въ Псково-Новгородскомъ стилѣ. Такимъ образомъ обработка шей главъ разсматриваемаго собора соединила въ себѣ мотивы зодчества Владиміро-Суздальскаго и Псково-Новгородскаго; соединеніе это такъ привилось впослѣдствіе къ Московской архитектурѣ, что нѣтъ почти ни одной пятиглавой церкви, гдѣ бы оно не было примѣнено съ незначительными лишь измѣненіями въ деталяхъ.

Покрытія главъ собора, конечно, не разъ передѣлывались, но существующія въ настоящее время, по крайней мѣрѣ боковыя, по своей формѣ, вѣроятно, похожи на первопачальныя, такъ какъ онѣ еще не имѣютъ характера вполнѣ развитой луковицы и болѣе близки къ формѣ шлема. Вѣроятно, такая же глава была и у средняго верха.

Каковы были первые наличники, обрамлявшіе пролеты входныхъ дверей? Существующіе въ настоящее время нельзя считать одновременными съ постройкой

---

[1]) Исторія Русской Архитектуры, стран. 124—125.

[2]) Подробную исторію развитія кокошниковъ (закаморъ) см.: «О раціональномъ развитіи отечественнаго зодчества», В. В. Суслова. Труды I Съѣзда русскихъ зодчихъ 1892 г.

[3]) Послѣднія только на средней шеѣ.

ВЛАГОВѢЩЕНСКІЙ
СОБОРЪ
въ Московскомъ Кремлѣ.

По изданію Академіи
Художествъ.

ЗАПАДНЫЙ ПОРТАЛЪ.

аршины archines

0 1 2

метръ 0 1 mètre

Рис. 30.

храма. Повидимому, они относятся ко времени пристройки крытыхъ папертей и верхнихъ придѣловъ, на что указываетъ ихъ характеръ, въ которомъ ясно чувствуется смѣлая рука италіанскаго зодчаго, сплошь покрывшаго всю композицію изящнымъ и тонкимъ орнаментомъ (рис. № 30).

Вотъ въ общихъ чертахъ, что представлялъ собою Благовѣщенскій соборъ ко времени освященія его въ 1490 году.

Кто его строилъ? Большинство изслѣдователей собора приписываютъ его постройку псковичамъ, что, повидимому, имѣетъ подтвержденіе въ самой архитектурѣ храма: его общій внутренній обликъ, уступы арокъ, образующихъ переходъ отъ пилоновъ къ шеѣ главы, поясъ надъ аркадой апсидъ и, наконецъ, украшенія верха стѣнъ, — все это говоритъ въ пользу приведеннаго предположенія. Одинъ только Графъ Уваровъ[1]) склоненъ видѣть въ Благовѣщенскомъ соборѣ произведеніе Аристотеля Фіоравенти — предположеніе, на нашъ взглядъ, слишкомъ не обоснованное, такъ какъ на это не указываетъ ни характеръ архитектуры самого собора[2]), ни лѣтописцы, которые, если бы это было такъ, конечно, не преминули бы отмѣтить этотъ фактъ на страницахъ своихъ трудовъ. Вмѣсто же этого въ лѣтописяхъ[3]) мы читаемъ слѣдующее: «Посла же князь велики во Пьсковъ и повелѣ прислати мастеровъ церковныхъ, и приведоша ихъ; они же . . . . Тогда князь велики отпусти: ихже послѣди дѣлаша святую Троицу въ Сергіевѣ монастырѣ, и . . . . Благовѣщеніе на великаго князѣ дворѣ». Объ Аристотелѣ ни полслова, а сомнѣваться въ правдивости лѣтописца у насъ нѣтъ никакихъ основаній; поэтому Благовѣщенскій соборъ слѣдуетъ считать произведеніемъ псковичей, а никакъ не Аристотеля Фіоравенти.

Чтобы въ дальнѣйшемъ не возвращаться къ Благовѣщенскому собору, разсмотримъ бѣгло теперь же тѣ пристройки, которыя были произведены въ 1563—64 годахъ и такъ сильно измѣнили его первоначальный видъ.

Къ сѣверной, западной и южной стѣнамъ старой постройки примкнула крытая паперть-галлерея; ея лѣстница находится въ сѣверо-восточномъ концѣ, при чемъ какъ площадка, такъ и ступени значительно выдаются впередъ изъ-за сѣверной апсиды стараго зданія. Восточный конецъ южнаго крыла галлереи былъ превращенъ при Императорѣ Николаѣ I въ придѣлъ, первоначально же онъ, вѣроятно, заканчивался такимъ же крыльцомъ, какъ и сѣверное крыло галлереи; на это указываетъ, во-первыхъ, точно такая же обработка восточной стѣны зданія, какъ и у сѣвернаго крыла галлереи и, во-вторыхъ, при существованіи здѣсь входной лѣстницы и двери, соборъ имѣлъ бы вполнѣ симметричную внѣшность, а послѣднее было такъ присуще италіанскимъ мастерамъ, одинъ изъ которыхъ

---

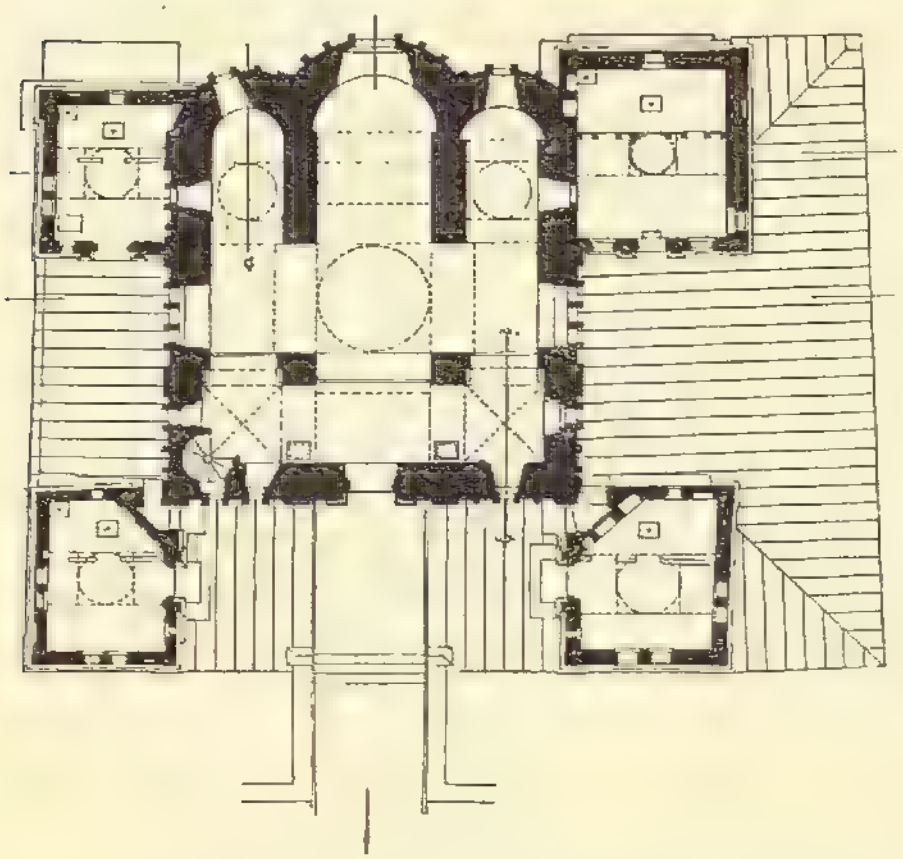
[1]) Матеріалы для Археологическаго словаря. «Древности» 1874 г., стран. 43.

[2]) Исключая лишь общія по характеру аркады на шеяхъ главъ и главной массы собора.

[3]) Полное собраніе русской лѣтописи. Т. VI, стран. 198.

безспорно является авторомъ разсматриваемой паперти-галлереи. Къ южной стѣнѣ галлереи примкнула узкая и длинная паперть (нынѣ ризница), соединявшаяся прежде съ царскими хорами. Пролеты арокъ южной паперти и галлереи прежде были открыты, теперь же въ нихъ вставлены рамы, чѣмъ совершенно испорченъ характеръ этихъ папертей, имѣющій явно италіанское происхожденіе. Конечно, такія паперти совсѣмъ не подходятъ къ нашему климату; онѣ пригодны для юга, гдѣ близкія имъ по родству лоджіи и лоджетты представляли въ то время одинъ изъ излюбленныхъ мотивовъ архитектурной композиціи. Однако, несмотря на свое несоотвѣтствіе климату сѣвера, открытыя паперти пришлись по вкусу русскимъ зодчимъ и они, какъ увидимъ ниже, стали строить ихъ очень часто. Паперть же Благовѣщенскаго собора представляетъ для насъ особый интересъ, какъ встрѣтившаяся намъ впервые.

Верх. этажъ Благовѣщенскаго собора.



По изд. Академіи Художествъ.

Рис. 31.

Надъ ходовой папертью (галлереями), примыкая къ угламъ стараго зданія, возвышаются прямоугольные въ планѣ придѣлы, увѣнчанные каждый одной главой (рис. № 31). Попасть въ эти придѣлы можно только выйдя черезъ хоры на крышу паперти; въ точкахъ соприкосновенія сѣверо-западнаго[1]) и юго-западнаго[2]) придѣловъ съ углами собора устроены проходы къ двумъ восточнымъ придѣламъ[3]). Хотя извѣстія объ освященіи этихъ придѣловъ относятся къ различнымъ годамъ[4]), но надо полагать, что построены они были одновременно другъ съ другомъ и съ папертями. Что же касается упомянутой выше ризницы, то точное время ея постройки тоже неизвѣстно, но слѣдуетъ думать, что она была

---

[1]) Во имя собора Божіей Матери.

[2]) Входъ Господа въ Іерусалимъ.

[3]) Сѣверо-восточный: соборъ Архангела Гавріила; юго-восточный прежде былъ Великомученика Георгія, нынѣ Александра Невскаго.

[4]) Оба сѣверные въ 1564 г., юго-западный въ 1566 г., а юго-восточный также въ XVI вѣкѣ, но когда именно неизвѣстно.

построена позднѣе галлерей. Существуетъ преданіе, что эта постройка, бывшая прежде папертью, была сооружена также Грознымъ, послѣ объявленія его оглашеннымъ за вступленіе въ четвертый бракъ. Во всякомъ случаѣ паперть эта существовала въ XVI вѣкѣ, такъ какъ на планѣ Кремля этого времени Благовѣщенскій соборъ изображенъ уже съ нею[1]).

Наружное архитектурное убранство пристроекъ Благовѣщенскаго собора много разъ подвергалось передѣлкамъ и отъ его первоначальнаго вида до насъ дошли только закаморы, которыя увѣнчиваютъ стѣны каждаго изъ четырехъ верхнихъ придѣловъ; если судить по нимъ, по отдѣлкѣ дверей, ведущихъ въ храмъ съ паперти, и по тѣмъ капителямъ пилястръ, на которыя внутри паперти опираются ея своды, то декоративная отдѣлка пристроекъ должна была носить мѣшанный италіано-русскій характеръ, близкій къ характеру архитектуры Архангельскаго собора. Если пристройка XVI вѣка, съ точки зрѣнія историка архитектуры, является досаднымъ искаженіемъ идеи зодчаго, работавшаго сообразно со вкусами XV вѣка, то все же нельзя не согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что возвращеніе собору его первоначальнаго вида не можетъ быть желательнымъ, такъ какъ, во-первыхъ, пристройка сама по себѣ представляетъ значительный интересъ, какъ одна изъ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ папертей-галлерей, а, во вторыхъ, всякій русскій, который хоть разъ въ жизни видѣлъ Благовѣщенскій соборъ, не призналъ бы его послѣ реставраціи, — настолько цѣльнымъ и характернымъ онъ кажется намъ въ теперешнемъ его видѣ. Подобная реставрація была бы точно такимъ же страннымъ фактомъ, какимъ явилась бы достройка башенъ собора Парижской Богоматери, несмотря на то, что задумавшій ихъ зодчій, конечно, намѣревался закончить ихъ легкими сквозными шпилями.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ памятниковъ зодчества конца XV столѣтія является церковь Положенія Ризы Пресвятыя Богородицы (Печерская), построенная въ 1485—86 годахъ. Мы уже упомянули выше, что первоначально церковь была заложена митрополитомъ Іоною (въ 1449—51 гг.), такъ что въ 1485 году она была только перестроена. Лѣтописи не упоминаютъ о томъ, было ли старое зданіе разобрано до основанія или подклѣтъ былъ оставленъ; церковь и сейчасъ стоитъ на высокомъ подклѣтѣ, но представляетъ ли послѣдній остатки постройки митрополита Іоны или онъ былъ построенъ, какъ и другія части существующаго теперь храма, при митрополитѣ Геронтіи — это въ настоящее время неизвѣстно, по крайней мѣрѣ на это нѣтъ указаній ни въ одномъ изъ источниковъ,

---

[1]) См. «Древности» 1886 г., стран. 79.

находившихся въ нашемъ распоряженіи[1]). Вопросъ этотъ можетъ быть выясненъ только при тщательномъ изученіи подклѣта, а именно матеріала, изъ котораго онъ сложенъ, и способа кладки. Если бы при этомъ оказалось, что подклѣтъ сложенъ изъ бѣлаго тесанаго камня и кладка полубутовая, то можно допустить, что время его постройки относится къ 1449—51 годамъ.

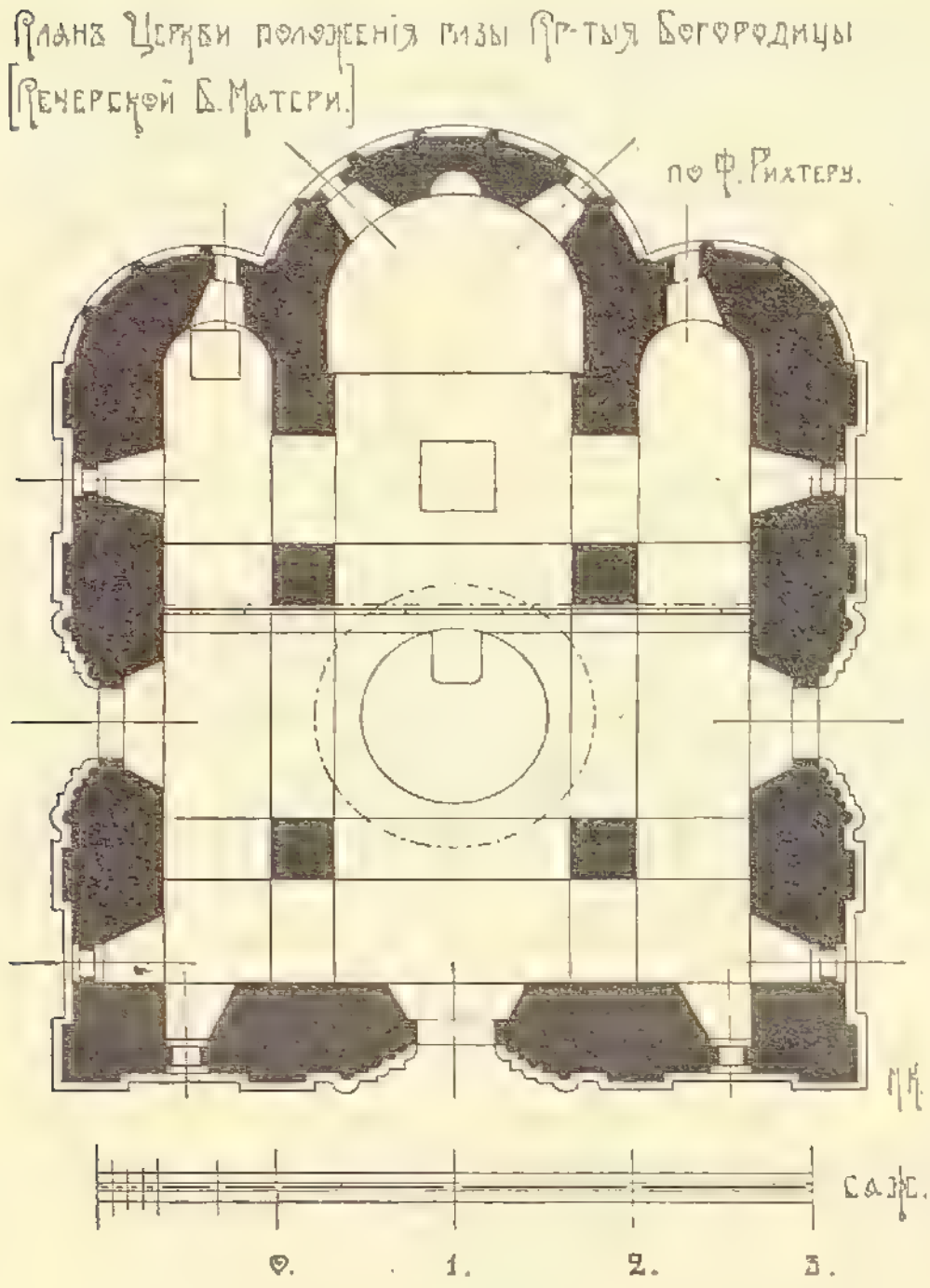


Рис. 32.

Что же касается частей храма, находящихся надъ подклѣтомъ, то онѣ сложены изъ кирпича и, за исключеніемъ шеи и главы, построены по свидѣтельству лѣтописи въ 1485 г.[2]). Лѣтопись[3]) вполнѣ опредѣленно говоритъ о томъ, что постройку храма производили псковичи и именно тѣ, которые отказались отъ предложенія Іоанна III закончить неудачную постройку Кривцова и Мышкина. Какъ увидимъ ниже, характеръ зданія вполнѣ подтверждаетъ это лѣтописное свидѣтельство; съ этимъ мнѣніемъ согласны всѣ изслѣдователи Ризположенской церкви, за исключеніемъ только Графа Уварова, желающаго въ этой церкви такъ же, какъ и въ Благовѣщенскомъ соборѣ, найти слѣды Аристотелевой постройки[4]).

Размѣры храма невелики, — длина его (внутри) 4,71 сажени, а ширина 3,28 сажени. Въ пріемѣ плана совершенно не видно проявленія какихъ-нибудь

[1]) Памятники Московской древности, И. Снегирева, 1842—1845, стран. 159—163. Памятники русскаго зодчества, Ф. Рихторъ, 1850 г. Павлиновъ. Исторія русской архитектуры, стран. 117—118.

[2]) Закончена постройка въ 1486 г.

[3]) Собраніе русск. лѣтоп. Т. VI, стран. 198—225.

[4]) «Древности» 1874 г. Матеріалы для Археологическаго словаря, стран. 43.

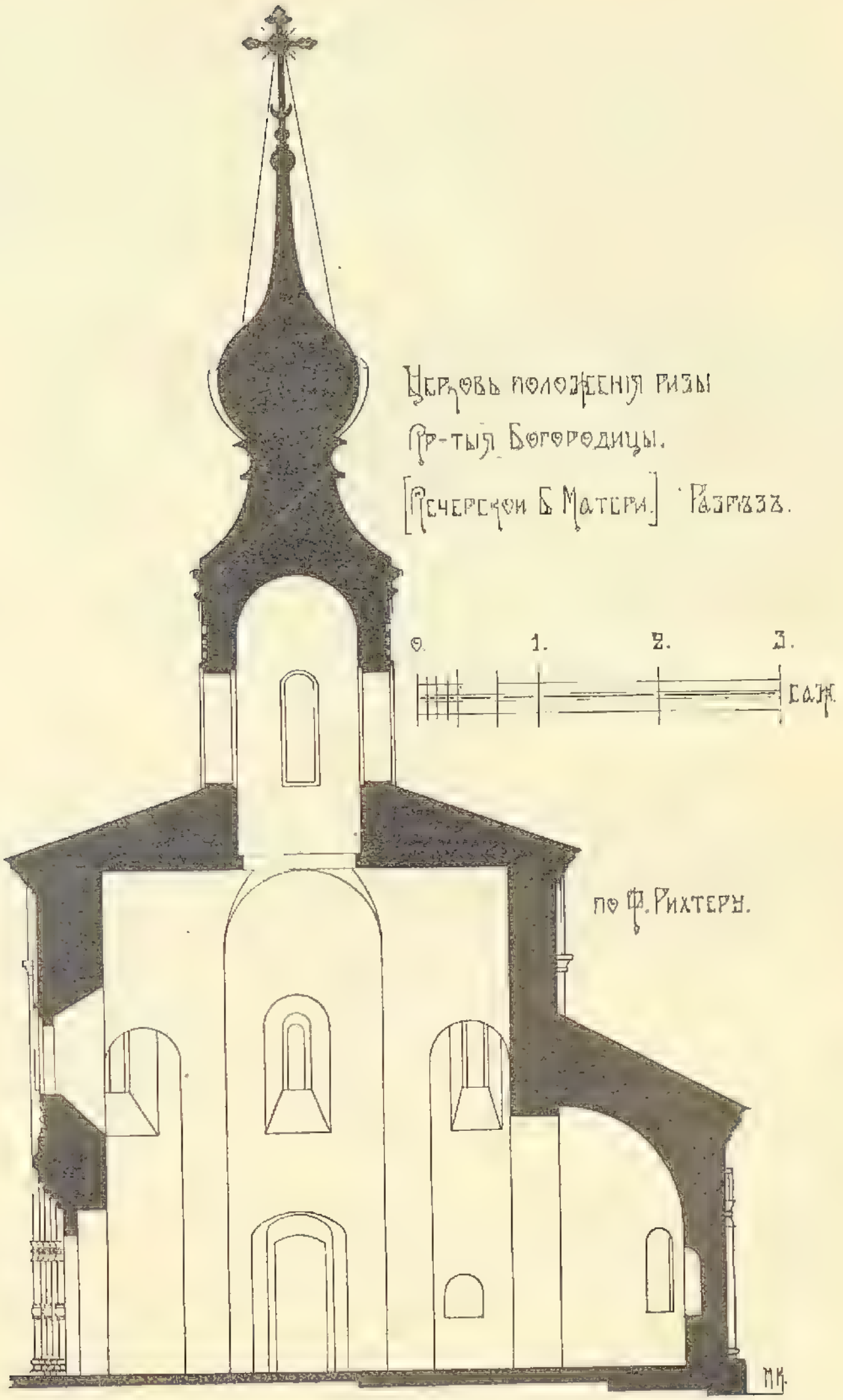

Церковь положенія ризы
Пр-тыя Богородицы.
[Печерскои Б Матери.] Разрѣзъ.
0. 1. 2. 3.
Саж.
по Ф. Рихтеру.

Рис. 33.

новыхъ принциповъ: онъ очень похожъ на планъ Звенигородскаго собора, что, быть можетъ, дастъ нѣкоторую надежду найти при изслѣдованіи подклѣта слѣды постройки Іоны. Дѣйствительно, изъ рисунка № 32 видно, что по характеру плана Печерская церковь болѣе близка къ церквамъ владимирскимъ, нежели къ псково-новгородскимъ, тогда какъ ея внѣшній видъ большинствомъ своихъ деталей указываетъ на явное вліяніе псково-новгородскаго стиля; среди послѣднихъ, какъ увидимъ ниже, есть и чисто мѣстная, такъ что во всей совокупности разсматриваемая церковь производитъ такое впечатлѣніе, словно псковичамъ пришлось строить ее, сохраняя въ планѣ владимирскій пріемъ, а въ архитектурѣ фасадовъ уступая вкусамъ москвичей конца XV вѣка.

Судить о первоначальномъ видѣ храма въ настоящее время довольно трудно, въ особенности объ его верхѣ, не разъ перестраивавшемся послѣ пожаровъ; такъ, въ 1682 году сгорѣли деревянныя кровли надъ главной частью церкви и надъ папертями, кіотъ образа Печерской В. Матери, лѣстница и рундукъ, а въ 1737 году сгорѣли кровля, стропила и куполъ[1]). Послѣ послѣдняго пожара церковь возобновлялъ архитекторъ Мичуринъ. Но не къ чести этого архитектора нужно замѣтить, что онъ далеко не блестяще справился съ своей задачей; дѣйствительно, разсматривая разрѣзъ (рис. № 33) Печерской церкви, мы увидимъ, что шея верха поставлена не прямо на арки, соединяющія

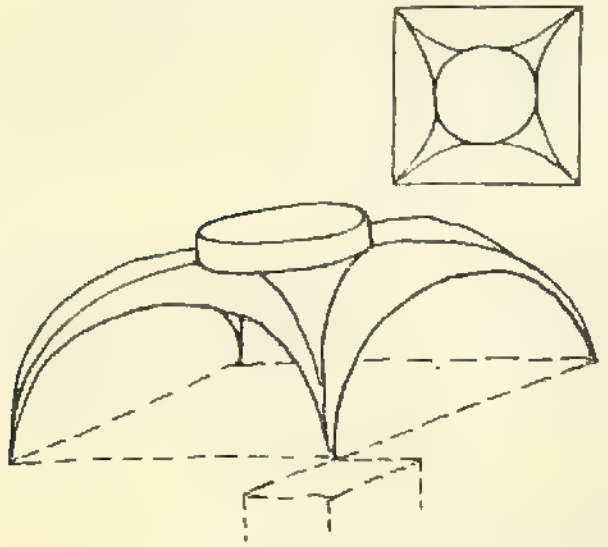


Рис. 34.

пилоны, какъ въ церквахъ владимирскихъ, и не на ступенчатыя арки, какъ это обычно дѣлали псковичи, а на кольцо, діаметръ котораго нѣсколько менѣе діаметра шеи. Кольцо это поддерживается крестовымъ сводомъ, ребра котораго срѣзаны и вмѣсто нихъ помѣщены треугольные сферическіе паруса (см. схематич. чертежъ № 34); но такъ какъ пилоны не соединены подпружными арками ни между собою, ни съ наружными стѣнами, и крестовый сводъ представляетъ собою непосредственное продолженіе цилиндрическихъ сводовъ, образующихъ плечи храма, то вся эта конструкція, несущая на себѣ шею, кажется какой-то оборванной сверху и готовой ежеминутно рухнуть.

Вѣроятно, діаметръ первоначальной шеи Печерской церкви также былъ меньше разстоянія между пилонами; Мичуринъ, повидимому, хотѣлъ сохранить это условіе, но, не зная псковскаго пріема ступенчатыхъ арокъ, какой, вѣроятно, и былъ первоначально примѣненъ въ данномъ случаѣ, рѣшилъ задачу по своему — и очень неудачно. Шелыги арокъ, соединяющихъ пилоны съ наружными стѣнами,

---

[1]) См. Памятники Московской древности И. Снегирева, стран. 160.

расположены почти подъ самыми пятами плечевыхъ сводовъ — пріемъ тоже скорѣе владимирскій, нежели псковской, требовавшій обычно, чтобы между шелыгами арокъ и пятами сводовъ находились сплошныя стѣпки значительной высоты, или чтобы въ этихъ стѣнахъ устраивался второй ярусъ пролетовъ.

Полатей въ Печерской церкви нѣтъ. Была ли церковь внутри расписана тотчасъ послѣ сооруженія, неизвѣстно: есть только свѣдѣніе, что послѣ производившихся въ ней въ 1644 году передѣлокъ надъ росписью работали царскіе изографы Сидоръ Осиповъ и Иванъ Борисовъ[1]).

Несмотря на многочисленныя передѣлки, Печерская церковь снаружи сохранила многія изъ своихъ первоначальныхъ, весьма интересныхъ, деталей.

Гладкія стѣны подклѣта заканчиваются вверху широкимъ кордономъ іоническаго характера. Поле стѣнъ всѣхъ фасадовъ разбито широкими плоскими лопатками на три неравныя части, изъ которыхъ средняя ровно вдвое шире боковыхъ (рис. № 35). На срединѣ высоты стѣнъ тянется поясъ, составленный изъ двухъ частей разнородныхъ какъ по внѣшнему виду, такъ и по матеріалу. Нижняя часть представляетъ широкую[2]) бѣлокаменную полосу, покрытую довольно изящнымъ орнаментомъ не сильнаго рельефа (рис. № 36). Полоса эта немного выдается изъ поверхности стѣнъ и какъ бы служитъ опорой для ряда балясинъ, сдѣланныхъ изъ обожженной глины. Общій характеръ этихъ балясинъ такой же, какъ на апсидахъ Благовѣщенскаго собора, онѣ только болѣе пропорціональны и форма ихъ благороднѣе; другими словами, онѣ представляютъ собою дальнѣйшую форму развитія зачаточнаго мотива, украшающаго апсиды Благовѣщенскаго собора.

Лопатки заканчиваются вверху простыми карнизиками, капителями, состоящими изъ трехъ обломовъ: изъ четвертного валика, заключеннаго между двумя полочками. На эти капители опираются пяты полуциркульныхъ архивольтовъ съ острыми подвышеніями. Боковые архивольты уцѣлѣли до сего времени, верхи же среднихъ теперь стесаны и стѣны заканчиваются многообломнымъ карнизомъ, представляющимъ болѣе позднюю передѣлку, вѣроятно, одновременную съ перестройкой главы. Въ прежнее время каждая стѣна заканчивалась вверху фронтономъ, какъ это можно видѣть на старинномъ видѣ Москвы, находящемся въ Оружейной Палатѣ; такимъ образомъ, покрытіе Печерской церкви первоначально имѣло типичную для псково-новгородскаго зодчества форму, что вполнѣ опредѣленно указываетъ на то, кто были ея строители.

Не останавливаясь на разсмотрѣніи существующей теперь главы, формы которой не могутъ быть намъ въ настоящую минуту интересны, какъ произведеніе архитектуры XVIII столѣтія, возвратимся снова къ нижнимъ частямъ храма,

---

[2]) Расходная книга по мастерской палатѣ 1572 № 32. (Указаніе И. Снегирева.)

[3]) Около 0,28 сажени.

гдѣ сохранились первоначальныя детали. Наличникъ южной двери (рис. №№ 35, 36 дет.) представляетъ почти точную копію съ наличниковъ Звенигородскаго Успенскаго собора съ тою лишь разницей, что капители его получили своеобразную, впервые встрѣчаемую нами трактовку; капители эти представляютъ собою желобчатые, усѣченные конуса, соединенные попарно, при чемъ линіи стыка прикрыты жгутовыми полуваликами, заключенными между скошенными полочками. Форма далеко не художественная, но, тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ далѣе, встрѣчающаяся и на другихъ церквахъ той же эпохи. Матеріаломъ для наличника послужилъ бѣлый камень. Вѣроятно, западная и сѣверная дверь были прежде украшены такими же наличниками, теперь уже не существующими.

Церковь положенія ризы Пр-тыя Богородицы.

Рис. 35. По Ф. Рихтеру.

Окна обтянуты однимъ обломомъ-полуваликомъ; есть ли это первоначальное украшеніе — сказать опредѣленно трудно, такъ какъ, по словамъ И. Снегирева, въ 1644 году «въ стѣнахъ прибавлены для свѣту окна, а въ главѣ вновь пробиты». При этой работѣ могли пострадать старые наличники, если они существовали, и сдѣланы существующіе теперь.

Справка[1]) Снегирева интересна еще и въ томъ отношеніи, что вполнѣ опредѣленно указываетъ на отсутствіе оконъ въ первоначальной шеѣ главы; такой пріемъ практиковался въ псково-новгородскомъ зодчествѣ, и это служитъ также доказательствомъ того, что Печерскую церковь строили псковскіе мастера.

[1]) Памятники Московской древности, стран. 160.

Въ среднихъ закаморахъ южнаго и сѣвернаго фасадовъ устроены ниши довольно оригинальной, но нельзя сказать, чтобы особенно художественной формы. Ниши эти имѣютъ форму раскрытаго складня съ полуциркульнымъ верхомъ; пяты средней арки и боковыхъ полуарокъ опираются на колонки, которыя имѣютъ такія же капители и «дыньки» по срединѣ стержней, какъ колонны дверного наличника и простыя, но своеобразныя базы (рис. № 36).

Рис. 36.

Наружное убранство алтарныхъ апсидъ составляетъ аркада; ея тонкія полуколонки имѣютъ ту же форму, что и всѣ другія колонки Печерской церкви, а полуциркульные архивольты снабжены подвышеніями. Верхніе обломы кордона подклѣта раскрепованы подъ колонками, и эти выступы образуютъ собою какъ бы базы послѣднихъ. Такая обработка апсидъ, если только снять съ архивольтовъ ихъ подвышенія и удалить капители полуколонокъ, будетъ имѣть псково-новгородскій характеръ, отличающійся отъ обработки апсидъ Звенигородскаго собора.

Апсиды заканчиваются многообломнымъ карнизомъ и покрыты коническими крышами; повидимому, все это результаты передѣлокъ и при постройкѣ храма апсиды были покрыты прямо по сводамъ.

На западномъ фасадѣ церкви находится особенно чтимая чудотворная икона Печерской Богоматери, по имени которой церковь и получила свое обыденное названіе. Теперь передъ иконой находится часовня, къ которой ведетъ лѣстница, начинающаяся на южномъ фасадѣ церкви. Въ прежнее же время здѣсь существовали паперти, какъ это видно изъ описанія поврежденій, происшедшихъ въ пожарѣ 1682 года[1]), но возстановить ихъ обликъ за отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ въ настоящее время невозможно.

Слѣдующей по времени постройки является церковь Чуда Арх. Михаила въ Чудовомъ монастырѣ, находящемся въ Кремлѣ. Мы уже выяснили выше, что двуярусный бѣлокаменный подклѣтъ этой церкви относится къ XIV вѣку, а въ 1501 году старая церковь была разобрана по этотъ подклѣтъ и на немъ выстроено новое, кирпичное зданіе. Такимъ образомъ, наружныя стѣны стараго подклѣта образуютъ какъ бы цоколь существующей теперь церкви; переходомъ отъ нихъ къ стѣнамъ церкви является довольно богатый кордонъ, состоящій изъ нѣсколькихъ обломовъ.

Не возвращаясь болѣе къ уже разсмотрѣнному нами ранѣе плану, обратимся прямо къ внутреннему виду храма. Послѣдній (рис. № 37) имѣетъ много общаго съ церковью Печерской Б. Матери; разница лишь въ томъ, что въ церкви Чудова монастыря арки пролетовъ, соединяющихъ алтарь съ жертвенникомъ и діаконникомъ, ближе къ полу, нежели арки, перекинутыя съ переднихъ пилоновъ на западную стѣну. Замѣчается разница также и въ устройствѣ алтарныхъ апсидъ; въ Чудовскомъ храмѣ алтарь сравнительно съ другими частями гораздо выше, чѣмъ въ Печерской церкви, и покрытіе его образовано соединеніемъ цилиндрическаго свода со сферическимъ, тогда какъ въ послѣдней оно представляетъ просто половину купольнаго свода.

Шея главы въ Чудовской церкви поставлена на ступенчатыя арки, другими словами, своды храма размѣщены ниже подпружинъ, несущихъ шею; въ алтарной же части, по линіи западъ-востокъ, сдѣлано три уступа перекрытій. Пріемъ этотъ характеренъ для псково-новгородскаго зодчества и можетъ служить косвеннымъ указаніемъ на то, что псковичи принимали участіе въ постройкѣ Чудовскаго собора. Полатей въ церкви нѣтъ и вся она украшена фресками. Интересной особенностью церкви Чуда Арх. Михаила, сравнительно рѣдко встрѣчающейся въ московскомъ зодчествѣ, являются голосники. Многіе изъ нихъ были задѣланы въ концѣ XVIII столѣтія и теперь остались открытыми только въ парусахъ подъ шеей, два голосника въ юго-западномъ углу и по одному на срединѣ запад-

---

[1]) См. выше.

РАЗРѢЗЪ
ПО АВ

Соборъ чуда
Арх. Михаила.

По Ф. Рихтеру.

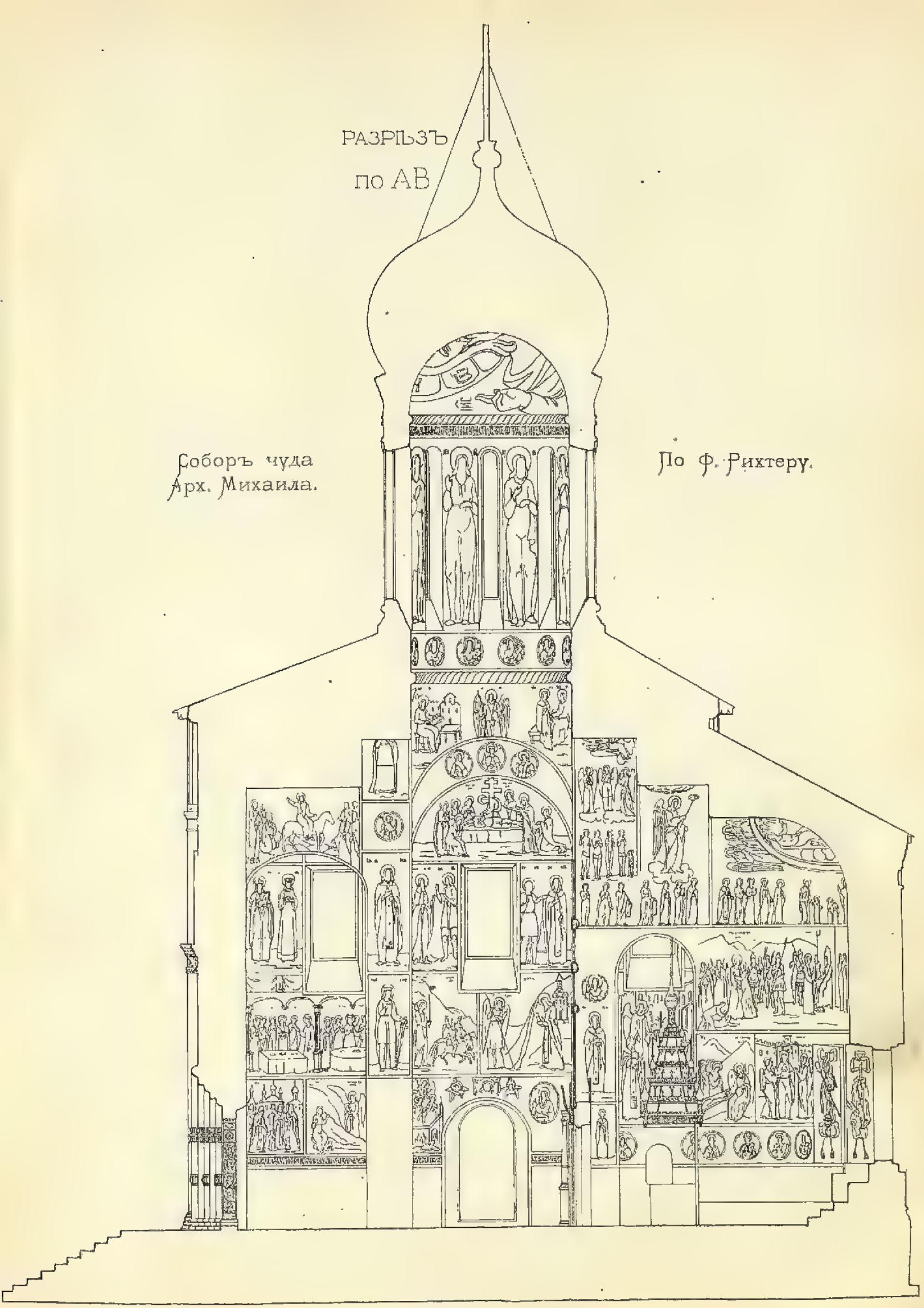


Рис. 37.

ной стѣны и южной. Послѣдніе расположены на высотѣ около трехъ саженей отъ полу.

Много общаго съ Ризположенской церковью и въ наружномъ видѣ разсматриваемаго храма. Дѣйствительно, такъ же, какъ и у Ризположенской, фасады церкви Чуда Архистратига Михаила раздѣлены плоскими широкими лопатками на три части, при чемъ среднее дѣленіе каждаго фасада шире боковыхъ. Нѣсколько выше середины высоты храма тянется аркадный поясъ, который, напоминая въ общихъ чертахъ пояса уже разсмотрѣнныхъ нами храмовъ, въ деталяхъ своей нижней части имѣетъ нѣкоторыя особенности; эта нижняя часть представляетъ собою полный антаблементъ, состоящій изъ архитрава, фриза и вѣнчающаго карниза, при чемъ антаблементъ этотъ раскрепованъ надъ лопатками[1]). Такимъ образомъ, нижняя часть пояса не перерѣзается лопатками, какъ въ Звенигородскомъ соборѣ и въ церкви Печерской В. Матери, а огибаетъ ихъ, образуя какъ бы самостоятельные карнизы, — пріемъ совершенно италіанскій; въ этомъ можно было бы убѣдиться, если бы даже архитравъ и фризъ этой части пояса не были украшены орнаментами, рисунокъ которыхъ безспорно указываетъ, что мастеръ, ихъ скомпановавшій, былъ италіанецъ. Фризъ пояса сдѣланъ изъ обожженной глины, а тяги карниза изъ лекальнаго кирпича. Что касается колонокъ аркады, опирающейся на нижнюю часть пояса, то средины ихъ стержней перехвачены посрединѣ парами колецъ, между которыми зажаты утолщенія въ видѣ «дынекъ», т.-е. примѣненъ излюбленный архитектурный мотивъ XV столѣтія.

Въ настоящее время какъ аркада пояса, такъ и нижняя его часть сохранились не вездѣ; онѣ изуродованы устройствомъ широкихъ окопъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ прежде не существовало[2]); это видно изъ того, что надъ прямыми перемычками существующихъ нынѣ окопъ остались части капителей находившихся здѣсь прежде колонокъ. Прежнія окна, которыхъ было въ каждомъ дѣленіи фасада по одному, теперь заложены. Они были узкія, длинныя съ полуциркульнымъ верхомъ и находились въ среднемъ пролетѣ аркаднаго пояса на каждомъ изъ трехъ дѣленій фасадовъ; всего стало-быть ихъ было девять.

Лопатки, вѣроятно, имѣли вверху карнизики, какъ это, въ видѣ реставраціи, показано на западномъ фасадѣ церкви на чертежѣ Ф. Рихтера[3]). Теперь ихъ не существуетъ, они стесаны точно такъ же, какъ и архивольты закаморъ. По-

---

[1]) Въ настоящее время раскрепованъ архитрава (нижней части антаблемента) на большинствѣ лопатокъ не существуетъ; онѣ уцѣлѣли только на двухъ восточныхъ лопаткахъ южнаго фасада, чего вполнѣ достаточно, чтобы признать безспорно правильной реставрацію В. Прохорова (Христіан. древн. 1877 г.), на чертежѣ котораго всѣ три части антаблемента показаны огибающими лопатки.

[2]) Передѣлка окопъ была произведена при архіепископѣ Платонѣ въ царствованіе Екатерины II.

[3]) Памятники древняго русскаго зодчества. Изданіе Императорской Академіи художествъ. Выпускъ седьмой, л. I.

слѣднія, надо полагать, имѣли подвышенія и плечи церкви были покрыты не на четыре ската, какъ въ настоящее время, а посводно, съ острыми переломами, отвѣчавшими подвышеніямъ архивольтовъ. На такую именно форму покрытія плечъ храма указываетъ монастырская опись 1701 года. Изъ этой же описи, а также изъ вида Московскаго Кремля въ самомъ началѣ XVII вѣка[1]) и монастырской описи 1763 года[2]) видно, что верхъ церкви Чуда Арх. Михаила былъ увѣнчанъ пятью главами, тогда какъ лѣтопись говоритъ, что Іоаннъ III приказалъ построить церковь съ «трехкровными восходами выспрь». И. Е. Забѣлинъ[3]) въ своемъ описаніи церкви Чуда Арх. Михаила не приводитъ этого текста, но, очевидно, основываясь на немъ, говоритъ «. . . . была трехкровна, то-есть имѣла три верха или три главы и выспрь восходы, то-есть была построена на подклѣтномъ ярусѣ съ лѣстницами для входа». Въ настоящее же время церковь имѣетъ только одну главу. Такимъ образомъ, является вопросъ о количествѣ главъ интересующей насъ церкви послѣ постройки ея въ 1503 году[4]): была ли она о трехъ, пяти или только объ одномъ верхѣ. Толкованіе И. Е. Забѣлина кажется намъ не совсѣмъ точнымъ, такъ какъ текстъ, повидимому, говоритъ, что церковь имѣла трехкровные всходы или лѣстницы, подобно тѣмъ, какія существуютъ теперь, и ничего не говоритъ о главахъ церкви, которыя въ старину, обыкновенно, назывались «верхами» и въ памятникахъ письменности нигдѣ не именуются «восходами». Слѣдовательно, трехглавіе церкви Чуда Арх. Михаила не можетъ считаться доказаннымъ, хотя должно замѣтить, что трехглавые храмы на Руси въ то время существовали, напримѣръ въ Псковскомъ Іоанно-Предтеченскомъ женскомъ монастырѣ, такъ что предположеніе Забѣлина допустимо. Что же касается источниковъ, указывающихъ на то, что одно время храмъ былъ пятиглавымъ, то они ничего не говорятъ о томъ, когда именно были сдѣланы боковыя главы — одновременно со средней или впослѣдствіи[5]); поэтому и эти источники не представляютъ цѣннаго матеріала для рѣшенія вопроса о первоначальномъ числѣ главъ.

Вопросъ стало-быть въ настоящее время надо считать открытымъ, и рѣшенія его можно ждать или послѣ появленія новыхъ памятниковъ письменности, или послѣ тщательно поставленнаго научнаго изслѣдованія чердака храма, гдѣ, вѣроятно, остались какіе-нибудь слѣды, по которымъ явится возможнымъ установить какъ время устройства боковыхъ главъ, такъ и первоначальное ихъ число.

---

[1]) См. древности 1886 г. Видъ Московскаго Кремля, ст. В. Е. Румянцева.

[2]) См. матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы, И. Забѣлинъ 1884 г., стран. 276.

[3]) Исторія гор. Москвы, стран. 284.

[4]) Церковь была освящена 6 сентября 1503 г.

[5]) Надпись, вырѣзанная съ лѣвой стороны западнаго входа, говоритъ только, что въ 1779 г. боковыя главы уничтожены — оставлена одна средняя.

Что же касается существующей теперь главы, то она безспорно одновременна остальнымъ частямъ храма. Доказательствомъ этому служитъ вѣнчающее шею кольцо орнамента, совершенно такого же рисунка и сдѣланнаго изъ того же матеріала, какъ орнаменты аркаднаго пояса. Остальная обработка шеи, поставленной на цилиндрическомъ подножіи и прорѣзанной восемью длинными, узкими съ полуциркульными вершинами окнами, очень похожа на обработку боковыхъ главъ старой части Благовѣщенскаго собора, съ той лишь разницей, что архивольты аркады имѣютъ острыя подвышенія и стержни колонокъ перехвачены посредшѣ не дышками, а просто кольцами полуваликовъ, какъ на средней шеѣ Успенскаго собора.

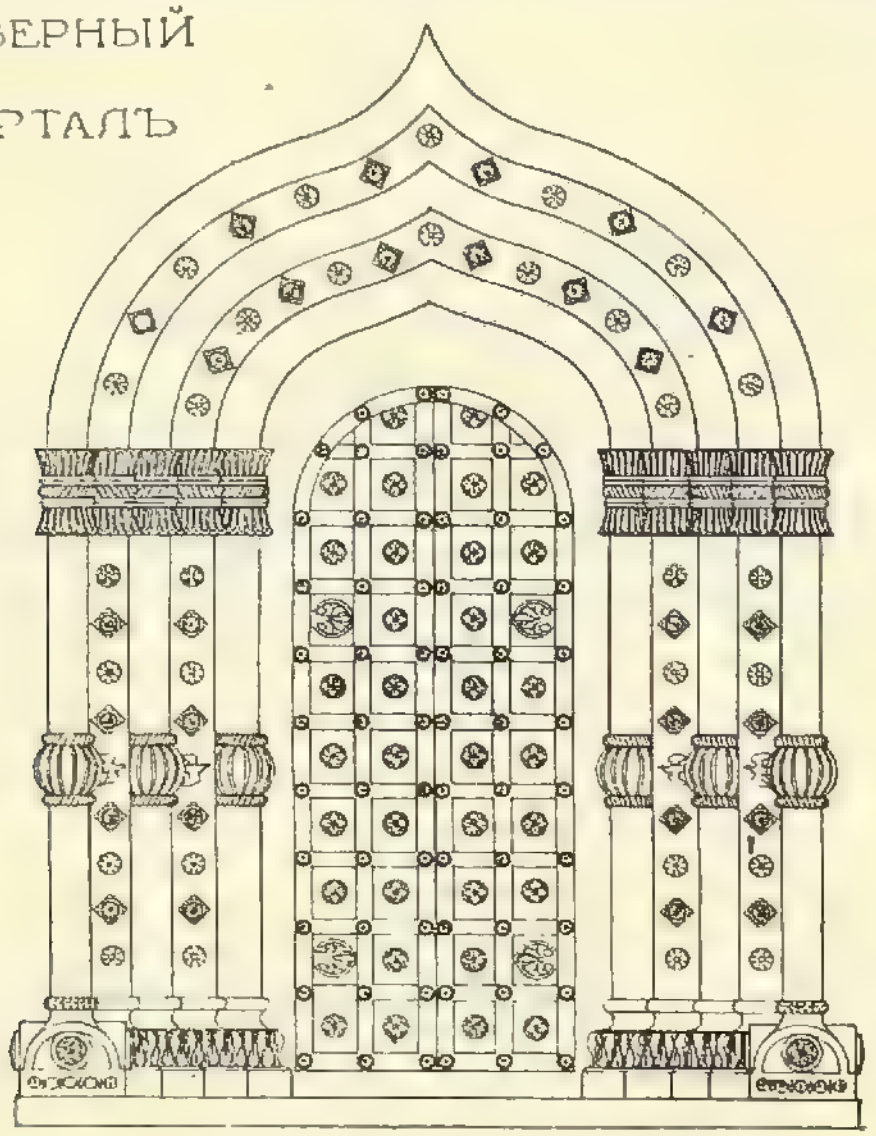


Рис. 38. По Ф. Рихтеру.

Глава сохранила, повидимому, свою первоначальную форму, характерную для конца XV вѣка; она представляетъ собою мало развитую луковицу, еще близкую къ шлемовиднымъ главамъ.

Входныя двери украшены наличниками, изъ которыхъ сѣверный и западный (рис. 38) очень похожи на наличникъ Ризположенской церкви; наличникъ же южной двери не имѣетъ съ нимъ ничего общаго; во-первыхъ, онъ сдѣланъ изъ обожженной глины (лекальнаго кирпича), а, во-вторыхъ, всѣ его детали, какъ это видно изъ рисунка № 39, имѣютъ италіанскій характеръ. Чѣмъ объяснить такую разнохарактерность художественной обработки храма, проявляющейся, правда, только въ деталяхъ, такъ какъ общій пріемъ тотъ же, что и въ другихъ храмахъ разсматриваемой эпохи? Наиболѣе правдивымъ объясненіемъ явится, повидимому, предположеніе, что наблюденіе за постройкой церкви было поручено италіанцу, который далъ рисунокъ для гончарныхъ поясовъ и наличника южнаго фасада; послѣдній же по условіямъ тогдашней группировки зданій, окружавшихъ церковь, былъ, вѣроятно, самымъ открытымъ и поэтому казался руководившему мастеру самымъ главнымъ, тре-

бующимъ болѣе художественной декораціи, чѣмъ другіе, отдѣлку которыхъ онъ предоставилъ русскимъ зодчимъ, примѣнившимъ для этой цѣли старые, хорошо извѣстные и близкіе ихъ сердцу архитектурные мотивы.

Апсиды алтаря украшены узкими полуколонками и вверху фризомъ. Боковыя апсиды освѣщаются каждая однимъ окномъ, сильно растесаннымъ; въ средней же апсидѣ три окна, изъ которыхъ боковыя древнія, а среднее устроено впослѣдствіи, вѣроятно, одновременно съ растескою оконъ главной части храма. Что оно не существовало въ первоначальномъ храмѣ, на это указываетъ, во-первыхъ, прямая перемычка, во-вторыхъ, остатки полуколонпъ, сохранившіеся внизу и вверху окна и, наконецъ, простѣнки, которые внутри алтаря представляютъ собою острые углы (см. планъ), что является совершенно не конструктивнымъ пріемомъ и могло быть сдѣлано только руками позднѣйшихъ невѣжественныхъ хранителей церкви, желавшихъ во что бы то ни стало дать ей сильное освѣщеніе.

ЮЖНЫЙ ПОРТАЛЪ

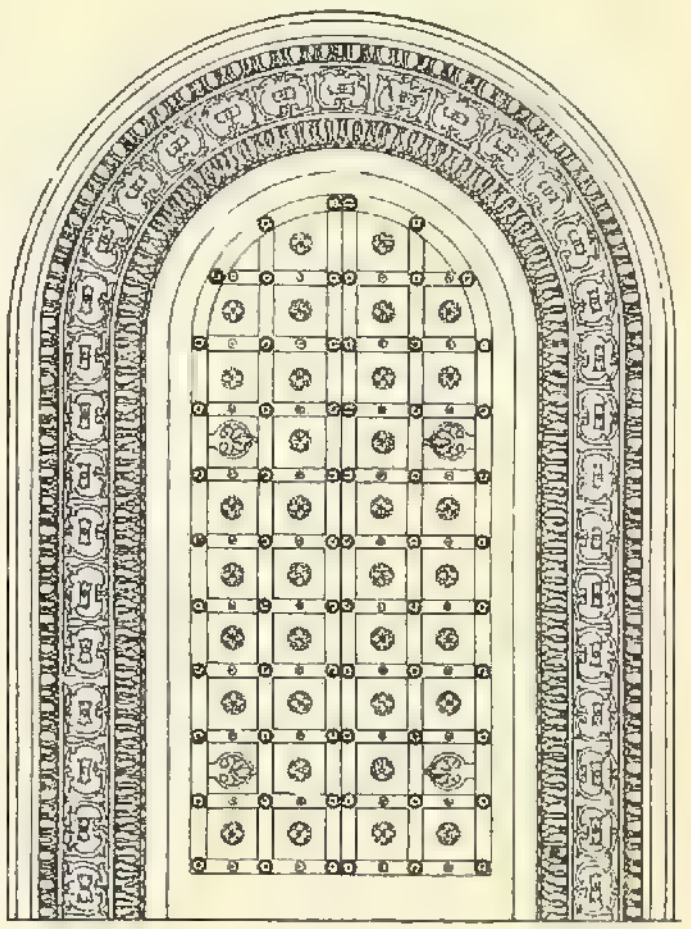


Рис. 39. По ф. Рихтеру.

Одно время къ церкви примыкали съ сѣвера, запада и юга каменныя крытыя паперти; вѣроятно, онѣ были пристроены позднѣе сооруженія храма, какъ это имѣло мѣсто въ Благовѣщенскомъ соборѣ, и врядъ ли являлись тѣми «трехкровными восходами выспрь», о которыхъ мы упоминали ранѣе; послѣдніе же, надо думать, представляли не ходовыя паперти, тогда еще не примѣнявшіяся на Руси, а просто крытыя крыльца.

Въ настоящее время впечатлѣніе производимое, храмомъ, сильно страдаетъ отъ пристроеннаго къ западному фасаду каменнаго тамбура, который кажется какимъ-то безобразнымъ паростомъ, искажающимъ, быть можетъ, немного наивную, но дорогую намъ по своей старинѣ архитектуру монастырской церкви.

Построенный Іоанномъ Калитою Архангельскій соборъ къ началу XV вѣка сталъ казаться слишкомъ малымъ и неприглядным, да къ тому же за свое болѣе чѣмъ полуторавѣковое существованіе онъ, конечно, долженъ былъ сильно об-

ветшать; поэтому въ 1505 году Іоаннъ III приказалъ совершенно разобрать старое зданіе и на его мѣстѣ построить новое[1]).

Работа эта была поручена италіанскому мастеру Алевизу Новому (Алоизіо Нови) изъ Милана. Намъ, къ сожалѣнію, ничего неизвѣстно объ этомъ зодчемъ, такъ какъ лѣтопись, упоминая его имя, не присоединяетъ къ нему никакихъ біографическихъ свѣдѣній[2]); очевидно, къ этому времени у насъ немного привыкли къ «фрязинамъ», потомучто послѣ Аристотеля Фіоравенти они работали надъ постройкою каменныхъ кремлевскихъ стѣнъ и башенъ. Работу эту начали Антонъ и Марко Фрязины какъ разъ въ годъ смерти Аристотеля Фіоравенти (1485), такъ что, вѣроятно, въ Москву они явились нѣсколько раньше; въ 1490 году къ нимъ присоединился Петръ Антоній (тоже миланецъ) съ ученикомъ Замъ-Антоніемъ. Такимъ образомъ, порученіе Алевизу постройки Архангельскаго собора не могло произвести на лѣтописца особеннаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что италіанцы проживали въ Москвѣ еще со времени Калиты[3]), и онъ ограничился лишь тѣмъ, что записалъ его имя; присоединеніе эпитета «новый» сдѣлано, вѣроятно, для отличія строителя Архангельскаго собора отъ другого италіанца, носившаго то же имя и работавшаго раньше, быть можетъ того стѣннаго мастера, который прибылъ въ Москву въ 1494 году[4]); вѣрнѣе же это просто передѣлка фамиліи мастера — Novi. Неутомимый строитель Іоаннъ III, превратившій прежній деревянный Кремль въ грозную каменную твердыню, не дожилъ до конца работъ въ заложенномъ новомъ Архангельскомъ соборѣ — онъ скончался черезъ пять мѣсяцевъ послѣ приказа разобрать старый соборъ[5]). Великаго князя похоронили въ только что начатомъ соборѣ, а въ 1508 году, когда работы по постройкѣ еще не были закончены въ него перенесли гробницы всѣхъ великихъ князей, начиная съ Іоанна Калиты, и съ этого времени Архангельскій соборъ, вплоть до постройки Петропавловскаго собора въ Петербургѣ, служилъ усыпальницей Русскихъ Государей[6]).

---

[1]) Полное собраніе русской лѣтописи. VI, 50. «Тоя-же весны мая 21, повелѣніемъ великаго кн. Ивана Васильевича всеа Руссіи, въ градѣ Москвѣ на площади разобраша старую церковь, ветхости ради, св. великаго Арханьгела Михаила»...

[2]) Полное собраніе русской лѣтописи. VI, 53. «Того же 7016 (1508) лѣта соверши церковь св. Архангела Михаила на площади, Іоанъ святы иже подъ колоколы, и Іоанъ святы Предотечю у Боровицкихъ воротъ; а мастеръ церквамъ Алевизъ новый, а колокольницы Бонъ Фрязинъ».

[3]) Римлянинъ Борисъ лилъ колокола въ 1340 г. См. И. Забѣлинъ, Исторію Москвы, стран. 152.

[4]) Ibidem, стран. 153.

[5]) 21 мая 1505 г. Скончался Іоаннъ 27-го октября того же года.

[6]) Полное собраніе русской лѣтописи. Въ лѣто 7016 (1508)... «Тое же осени октября 3, бл. кн. вел. Василій Ивановичъ... повелѣ... перенести мощи прародителей своихъ... и положиша въ новой церкви св. Архангела Михаила... уже бо сдѣлана бяше тогда до верхнихъ каморъ».

Работы по постройкѣ были закончены въ 1509 году[1]); 8-го ноября въ день храмового праздника соборъ былъ освященъ[2]).

Весь внутренній обликъ этого памятника имѣетъ много общаго съ Успенскимъ соборомъ; въ прежнее время, до исказившихъ его перестроекъ соборъ, какъ увидимъ далѣе, и снаружи, вѣроятно, походилъ на Успенскій, поэтому можно предположить, что Алевизу было приказано руководствоваться послѣднимъ, если только не сдѣлать точную съ него копію.

Дѣйствительно, если отдѣлить отъ Архангельскаго собора болѣе поздніе пристройки и сравнить его съ Успенскимъ, то сходство плановъ этихъ двухъ зданій бросается въ глаза (рис. № 40). Правда, въ деталяхъ есть разница; такъ, Архангельскій соборъ нѣсколько меньше по занимаемой имъ площади и проще по внутреннему распорядку апсидъ: въ немъ нѣтъ имѣющейся въ Успенскомъ соборѣ алтарной преграды и тонкихъ продольныхъ стѣнокъ, раздѣляющихъ сѣверную и южную апсиды, каждую на двѣ части; наконецъ, пилоны въ Архангельскомъ соборѣ, въ противоположность Успенскому, прямоугольны и по длинѣ собора расположены не на одинаковомъ разстояніи какъ другъ отъ друга, такъ и отъ стѣнъ собора. Но тѣмъ не менѣе общій пріемъ плана у обоихъ соборовъ одинъ и тотъ же.

То же самое наблюдается и при сличеніи разрѣзовъ: общность цѣлаго и разность въ деталяхъ (рис. № 41). Здѣсь прежде всего видна другая обработка пилоновъ, которые поставлены на высокіе пьедесталы; этотъ чисто италіанскій пріемъ совершенно не привился къ русскому церковному зодчеству. Выше плоскости пятъ сводовъ боковыхъ нефовъ (кораблей) пилоны утолщаются, сохраняя все ту же прямоугольную форму; капителей у нихъ нѣтъ; наконецъ, форма сводовъ Архангельскаго собора иная, нежели въ Успенскомъ: здѣсь они плоскіе, цилиндрическіе, въ Успенскомъ же крестовые, вспарушенные.

Въ остальномъ, т.-е. въ количествѣ и пріемѣ размѣщенія окопъ и дверей, въ ихъ формѣ, въ способѣ перехода отъ пилоновъ къ шеѣ центральной главы, въ устройствѣ шей боковыхъ главъ, наконецъ, въ сплошной росписи всѣхъ внутреннихъ поверхностей собора видно стремленіе повторить тотъ эффектъ, который даетъ Успенскій соборъ.

По мнѣнію В. Прохорова и А. Павлинова въ XVI вѣкѣ къ западной части собора во всю его высоту сдѣлана пристройка, въ верхнихъ ярусахъ кото-

---

[1]) Вопреки лѣтописному указанію подъ 7016 г. мы полагаемъ, какъ это дѣлаетъ И. Забѣлинъ [Исторія гор. Москвы, стран. 145], что окончательно постройка была закончена въ 1509, а не въ 1508 г., такъ какъ 3 октября 1508 г., когда совершилось перенесеніе княжескихъ гробницъ, соборъ былъ доведенъ лишь до верхнихъ каморъ, слѣдовательно работы оставалось еще много, и врядъ ли можно допустить, чтобы онѣ могли быть закончены въ томъ же году, въ особенности если принять во вниманіе осеннюю пору.

[2]) Полное собраніе русской лѣтописи. VI, 54. Въ лѣто 7017 (1509)... того же мѣсяца ноября 8 священа церковь св. Архангела Михаила.

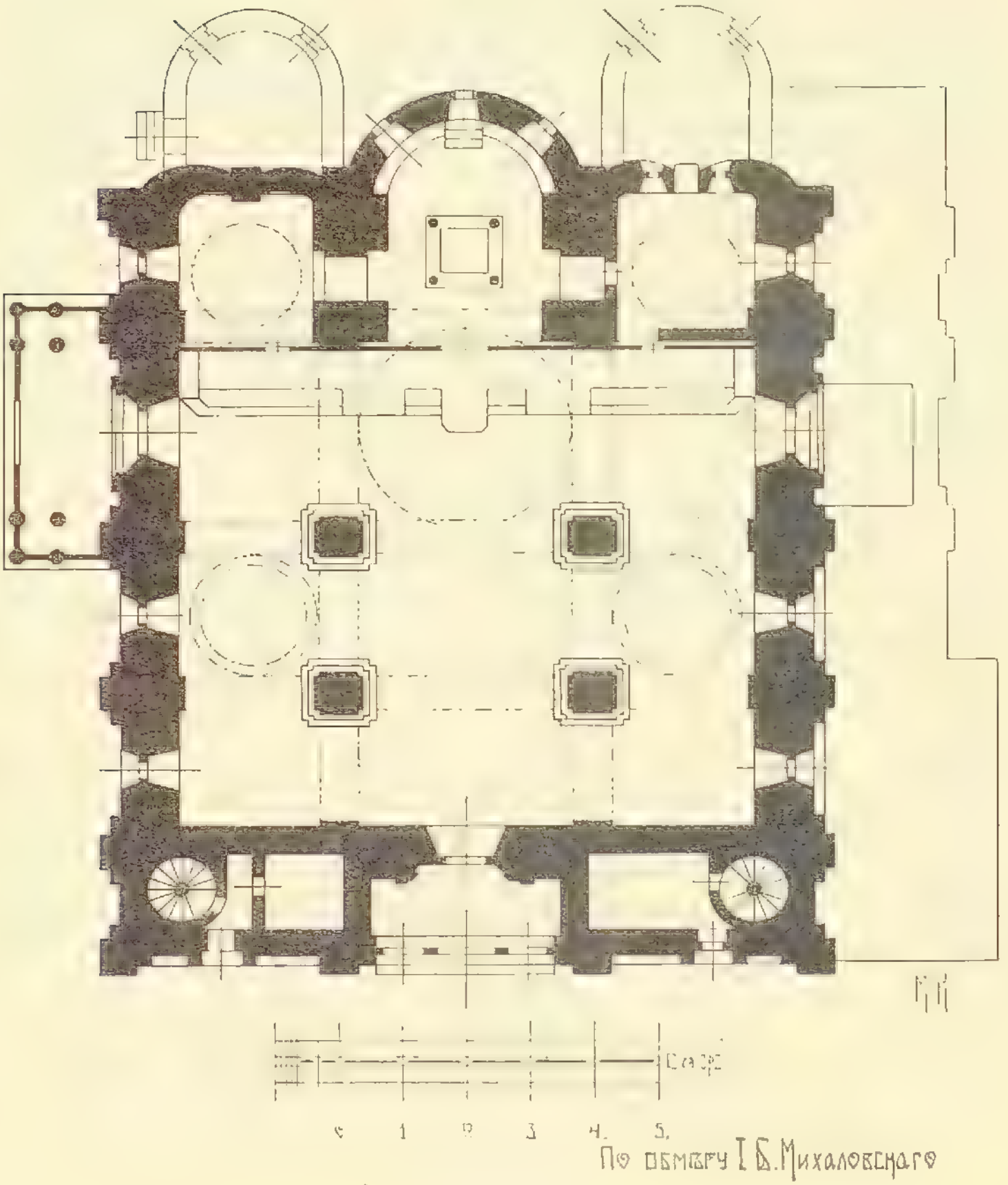

План Архангельскаго Собора...
Сажень
0 1 2 3 4 5.
По обмеру І. Б. Михаловскаго

Рис. 40.

рой находится библіотека и придѣлъ во имя Покрова Пр-тыя Богородицы, а въ нижнемъ кладовыя палатки и начала лѣстницъ, ведущихъ къ верхнимъ помѣщеніямъ и на чердакъ.

В. В. Сусловъ[1]) считаетъ предположеніе В. Прохорова и А. Павлинова о пристройкѣ западной части собора въ XVI вѣкѣ бездоказательнымъ; судя по наружной обработкѣ западной стѣны собора и по всѣмъ деталямъ, дѣйствительно совершенно тождественнымъ съ общею архитектурой храма, онъ считаетъ, что все западное дѣленіе собора одновременно съ общей его постройкой.

Разрѣзъ Архангельскаго собора.

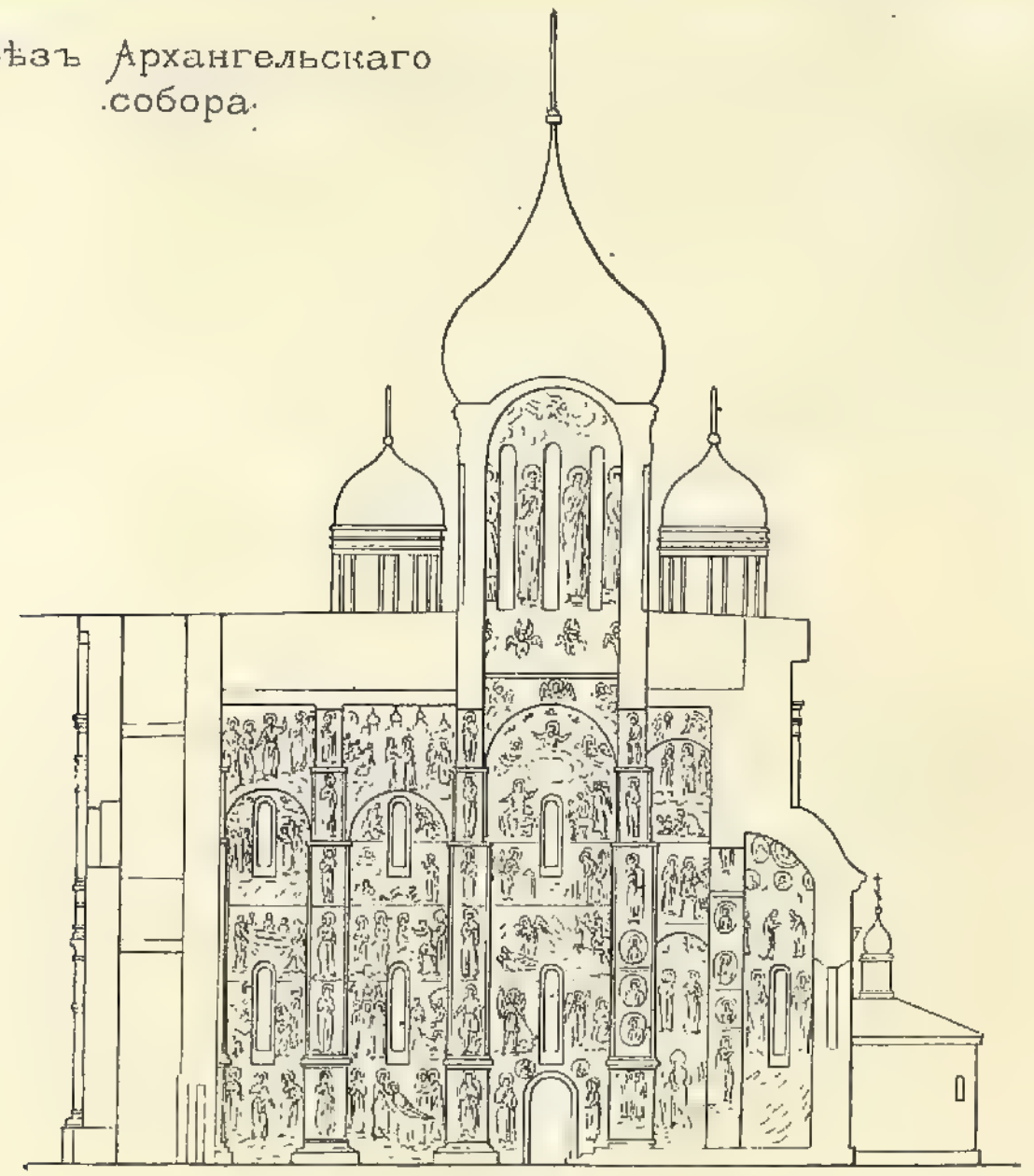


Рис. 41. По И. Снегиреву.

Оставляя въ сторонѣ этотъ спорный вопросъ за неимѣніемъ достаточныхъ для его рѣшенія данныхъ, которыя могутъ быть добыты лишь при изслѣдованіи кладки западной части собора, продолжимъ перечень загромождающихъ его пристроекъ. Съ восточной стороны, пристроены къ собору два придѣла — одинъ во имя Уара мученика, другой — Зачатіевскій; придѣлы эти примыкаютъ къ апси-

[1]) Памятники древняго русскаго зодчества. Изданіе Императорской Академіи художествъ. Выпускъ V.

дамъ жертвенника и діаконика и имѣютъ свои отдѣльные входы, не сообщаясь съ основнымъ храмомъ. Болѣе всего загромождена пристройками поддерживаемая тяжелыми контрфорсами южная стѣна собора, къ которой прилѣпились разныя по высотѣ и несимметричныя пристройки, имѣющія служебное назначеніе.

Не останавливаясь долѣе на всѣхъ этихъ пристройкахъ, которыя начали постепенно загромождать соборъ уже лѣтъ черезъ 40 послѣ его сооруженія, и не задаваясь цѣлью подробно описать внутренній видъ храма, имѣющаго, какъ мы видѣли, много общаго съ Успенскимъ соборомъ, перейдемъ къ его внѣшнему виду.

Всѣ детали наружной отдѣлки собора имѣютъ одинъ общій характеръ, не оставляющій сомнѣнія относительно той архитектуры, къ которой онѣ принадлежатъ. Мы не будемъ останавливаться на подробномъ ихъ разсмотрѣніи, — достаточно одного взгляда на рисунки общаго вида собора и его деталей (№№ 42 и 43), чтобы убѣдиться въ томъ, что вся композиція до мельчайшихъ подробностей пропитана духомъ италіанскаго Возрожденія, той его эпохи, когда формы ранняго періода начинаютъ приближаться къ формамъ высокаго стиля. Исполнить эту работу могъ только италіанскій зодчій и притомъ недюжинныхъ способностей, шедшій въ ногу съ создателями стиля высокаго возрожденія. Такъ какъ имѣются документальныя данныя, что Архангельскій соборъ построенъ Миланцемъ Алевизомъ, то, повидимому, нѣтъ ничего удивительнаго, что наружная отдѣлка собора получила именно такой характеръ, и всѣ изслѣдователи этого памятника, за исключеніемъ одного только В. Прохорова, считаютъ неопровержимымъ фактомъ одновременность существующей теперь наружной отдѣлки съ его постройкой.

Вовсе не претендуя опровергнуть этого прочно установившагося въ наукѣ мнѣнія и доказать, что первоначальный внѣшній видъ собора существенно отличался отъ нынѣшняго, мы хотимъ высказать нѣкоторыя, почти исключительно теоретическія, соображенія, которыя, повидимому, могутъ отчасти оправдать мнѣніе В. Прохорова, кажущееся на первый взглядъ парадоксальнымъ и не имѣющимъ подъ собой никакой почвы.

Прежде всего является вопросъ, какимъ образомъ все высшее духовенство и великій князь не возстали противъ такой вовсе не русской, по взглядамъ того времени, декораціи православнаго собора, стоящаго въ центрѣ Кремля, на виду у всѣхъ. Такое новшество было бы мыслимо въ концѣ XVII вѣка, но не въ самомъ началѣ XVI, когда оно явилось бы ничѣмъ не оправдываемымъ соблазномъ для всего народа, и, на нашъ взглядъ, какъ-то не вязалось бы съ общимъ укладомъ русской жизни той эпохи.

Со времени постройки Успенскаго собора прошло всего какихъ-нибудь 27 лѣтъ; неужели же за этотъ сравнительно короткій промежутокъ времени могли такимъ коренным образомъ измѣниться взгляды на внѣшность, приличествующую русскому храму, чтобы совершенно забыть приказъ, данный сначала Кривцову съ Мышкинымъ, а потомъ Аристотелю — приказъ строить согласно за-

вѣтокъ предковъ, владимиро-суздальцевъ? Вѣдь, перестройка Архангельскаго собора была предпринята тѣмъ же великимъ княземъ, который далъ этотъ приказъ

Сѣверный фасадъ Архангельскаго собора.

Рис. 42. По фот. Барщевскаго.

Аристотелю. Что же могло побудить Іоанна III измѣнить это распоряженіе ради италіанскихъ вкусовъ новаго зодчаго? Думается, что такихъ причинъ не

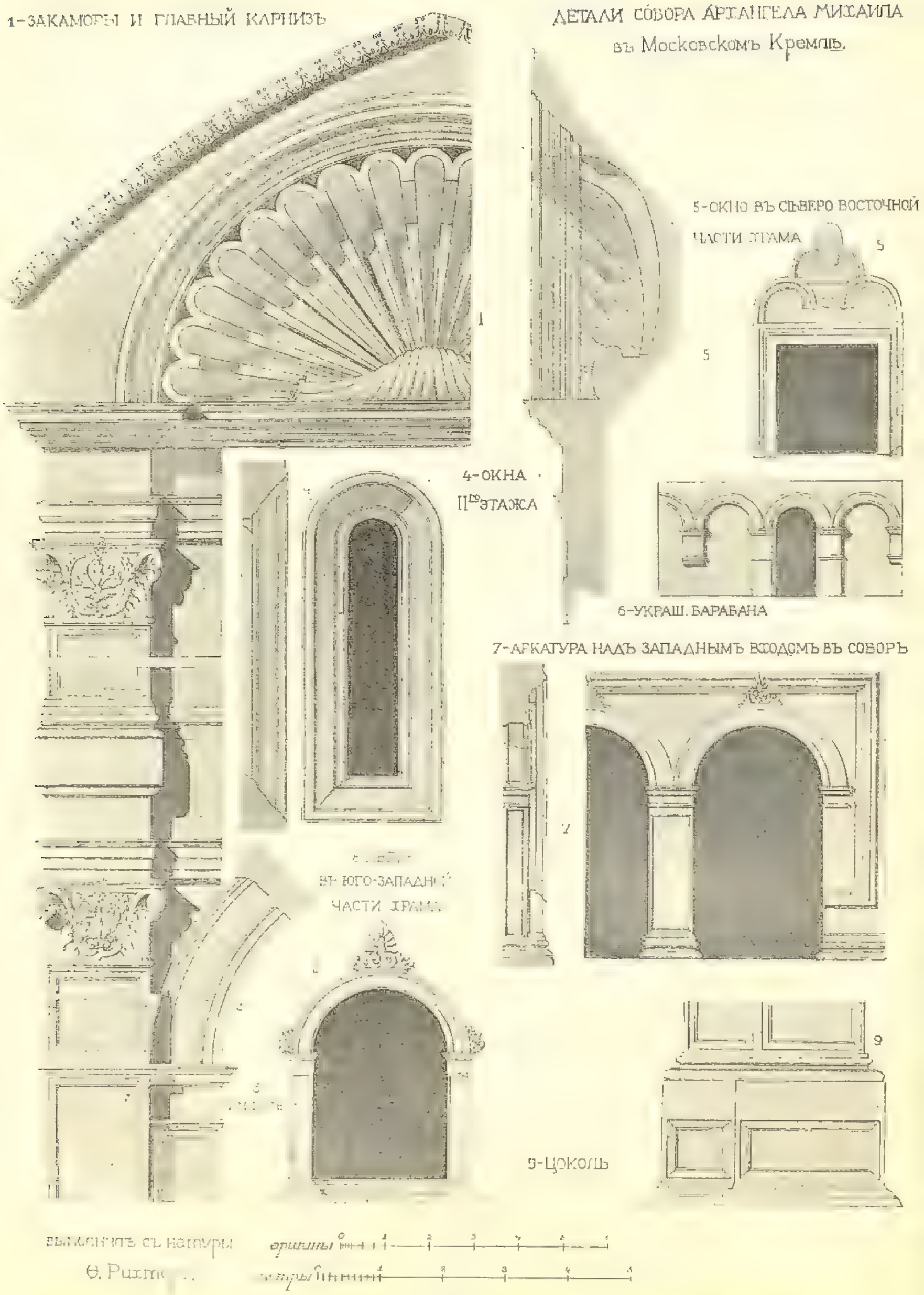

1-ЗАКАМОРЫ И ГЛАВНЫЙ КАРНИЗЪ
ДЕТАЛИ СОБОРА АРХАНГЕЛА МИХАИЛА
въ Московскомъ Кремлѣ.
5-ОКНО ВЪ СѢВЕРО ВОСТОЧНОЙ
ЧАСТИ ХРАМА
4-ОКНА
II-го ЭТАЖА
6-УКРАШ. БАРАБАНА
7-АРКАТУРА НАДЪ ЗАПАДНЫМЪ ВХОДОМЪ ВЪ СОБОРЪ
ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ
ЧАСТИ ХРАМА
9-ЦОКОЛЬ
выполнилъ съ натуры
Ѳ. Рихтер
аршины
метры

Рис. 43.

могло быть и что Алевизу дана была та же инструкція, что и Аристотелю. Правда, большая часть работъ по постройкѣ собора прошла при другомъ князѣ, который былъ властенъ измѣнить эту инструкцію, но такое предположеніе опять-таки не вяжется съ обычаями старины: трудно допустить, чтобы сынъ безъ особо важныхъ причинъ измѣнилъ волю отца и позволилъ придать другую внѣшность тому храму, который его основателемъ предназначался, какъ усыпальница для своего рода.

Въ Успенскомъ и Чудовскомъ соборахъ мы отмѣтили нѣкоторыя италіанскія детали, но только детали, которыя теряются въ общемъ пріемѣ обработки, а не всю композицію декораціи, слѣдовательно и въ отношеніи Архангельскаго собора логично и естественно ждать той же общей картины, тѣмъ болѣе, что все говоритъ о желаніи храмоздателя видѣть въ Архангельскомъ соборѣ подражаніе Успенскому.

Вотъ тѣ теоретическіе доводы, которые можно привести въ оправданіе предположенія В. Прохорова, желающаго видѣть первоначальную отдѣлку Архангельскаго собора совершенно иной, чѣмъ та, что существуетъ теперь. Какой же она прежде могла имѣть видъ? В. Прохоровъ даетъ на это вполнѣ опредѣленный отвѣтъ, который теоретически также вполнѣ логиченъ. По его мнѣнію фасады собора должны были быть декорированы такъ же просто, быть можетъ нѣсколько сурово, какъ это имѣло мѣсто во всѣхъ другихъ московскихъ церквахъ этой эпохи: простыя, гладкія лопатки, несущія на себѣ архивольты закаморъ, междуярусный поясъ аркадъ, которому на апсидахъ отвѣчала бы такая же архитектурная отдѣлка и, наконецъ, обычные и характерные для даннаго стиля перспективные порталы. Дѣйствительно, такая характерная для второго періода Московскаго зодчества обработка фасадовъ собора сама собою напрашивается, по аналогіи съ другими памятниками, и В. Прохорова нельзя упрекнуть въ слабости, свойственной почти всѣмъ синтетикамъ и систематикамъ — не признавать исключеній, такъ какъ теоретически для исключенія причинъ въ данномъ случаѣ не было.

Теперь попытаемся найти какія-нибудь доказательства, имѣющія подъ собой болѣе солидную почву, нежели аналогіи. Нужно сознаться, что ихъ очень не много,—всего лишь два, при чемъ В. Прохоровъ пользуется только однимъ, на нашъ взглядъ, менѣе существеннымъ. Онъ ссылается на XV рисунокъ книги о вѣнчаніи на царство Михаила Оеодоровича[1]). На этомъ рисункѣ средняя апсида собора дѣйствительно украшена поясомъ аркадъ. Что это поясъ аркадъ, а не что-либо другое, въ этомъ сомнѣваться нельзя, такъ какъ авторъ рисунка точно такимъ же примитивнымъ пріемомъ изобразилъ его и на Успенскомъ со-

[1]) Книга написана по приказу Тишайшаго царя. Рисунки этой книги изданы по Высочайшему повелѣнію Комиссіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящею при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Москва, въ Синодальной типографіи 1856 г.

борѣ. Нужно отдать справедливость художнику XVII столѣтія — онъ въ общихъ чертахъ удивительно вѣрно уловилъ характеръ всѣхъ современныхъ ему кремлевскихъ зданій и передалъ ихъ настолько вѣрно, насколько это позволила доступная ему техника; такъ онъ не забылъ нарисовать у Архангельскаго собора ни той галлереи, которая была пристроена въ XVI вѣкѣ къ сѣверной стѣнѣ собора[1]), ни двухъ низенькихъ, маленькихъ придѣловъ, примкнувшихъ къ апсидамъ. Но, всматриваясь пристально въ его рисунки, можно подмѣтить, что детали одного и того же зданія на разныхъ рисункахъ различны. Вглядитесь въ детали Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ на рисункахъ IX и XV и сравните шеи главъ, закаморы, архивольты и, наконецъ, апсиды Архангельскаго собора. На IX рисункѣ у средней апсиды Архангельскаго собора пояса аркадъ нѣтъ. Какъ же объяснить эту разницу? Вѣроятно художникъ не для всѣхъ рисунковъ дѣлалъ наброски съ натуры, а нѣкоторые цѣликомъ исполнялъ у себя дома, мѣстами добавляя детали, мѣстами же упуская ихъ. Если это такъ, то мы останавливаемся передъ дилеммой: на какомъ рисункѣ, на IX или XV, вѣрно показана та декорація главной апсиды, которая была во времена царя Алексѣя Михайловича. Вотъ почему мы считаемъ, что В. Прохоровъ, упомянувъ объ одномъ изъ рисунковъ книги изображенія (очевидно, о XV), долженъ былъ бы упомянуть и о IX, на которомъ Архангельскій соборъ изображенъ въ совершенно томъ же видѣ, что и теперь, если только не считать несуществующей теперь галлереи и разобраться въ техническихъ условностяхъ изобразительнаго искусства XVII вѣка.

Гораздо болѣе существеннымъ подтвержденіемъ идеи В. Прохорова можетъ служить другое обстоятельство, на которое онъ совсѣмъ не обратилъ вниманія — это обработка шей Архангельскаго собора. Она аналогична съ обработкой тѣхъ же частей соборовъ Благовѣщенскаго и Чудовскаго; главное отличіе отъ послѣдняго составляетъ отсутствіе подвышеній на архивольтахъ пояса аркадъ, что, однако, сближаетъ эту обработку съ мотивами Владимиро-Суздаля и указываетъ на желаніе имъ подражать. Вообще вся обработка шей Архангельскаго собора совершенно иного характера, нежели декорація его нижнихъ частей. Какъ объяснить эту дисгармонію въ композиціи Алевиза? Неужели же онъ, повидимому такой опытный и даровитый зодчій, не сумѣлъ примѣнить италіанскія детали, правда, къ чуждой ему круглой формѣ шеи. Думается, что это не такъ, и что обработка шей главъ именно и сдѣлана Алевизомъ, тѣмъ болѣе, что главы четырехъ боковыхъ верховъ сохранили свою первоначальную форму; вѣроятно, передѣлки затронули только ихъ кресты и кровли, которыя непосредственно безъ стропилъ покрываютъ сферическія главы, сложенныя изъ камня. Средняя же глава, очевидно, болѣе поздняго происхожденія, такъ какъ имѣетъ луковичную форму, вполнѣ развитую и къ тому же она сдѣлана по стропиламъ. Но если даже глава

[1]) Она обрушилась въ половинѣ XVIII вѣка.

средняго верха и передѣлана, то обработка шеи его, вѣроятно, старая, и она вмѣстѣ съ боковыми можетъ служить если не полнымъ доказательствомъ мысли В. Прохорова, то во всякомъ случаѣ говоритъ въ пользу того, что вопросъ о времени возникновенія существующей въ настоящее время наружной отдѣлки Архангельскаго собора не является такимъ яснымъ, какъ это обыкновенно принято думать. Въ этомъ же случаѣ остается спорнымъ и вопросъ о времени появленія западнаго дѣленія, которое въ первопачальномъ соборѣ могло не существовать и быть пристроеннымъ одновременно съ передѣлкой обработки фасадовъ.

Повторяемъ, мы не считаемъ возможнымъ въ настоящее время рѣшить этотъ въ высшей степени интересный вопросъ, и подойти ближе къ его выясненію можно будетъ только тогда, когда будетъ изслѣдовано, какъ связаны бѣлокаменныя части отдѣлки съ кирпичной кладкой стѣнъ и возможно ли было сдѣлать эту связь только во время кладки стѣнъ или же ее можно было устроить и впослѣдствіи.

Каковы бы ни были первопачальные фасады собора, но существующій теперь внѣшній видъ его совсѣмъ не такой, какимъ онъ былъ одно время. Дѣло въ томъ, что по словамъ А. М. Павлинова[1]), отбитіе штукатурки показало, что прежде ея не существовало; до нея фасады собора были двупвѣтные: поля стѣнъ оставались красными, не покрытыми ни побѣлкой, ни штукатуркой, а пилястры, капители, карнизы и тяги также имѣли свой естественный видъ бѣлаго камня. Существующія теперь кровли плечъ собора, конечно, не повторяютъ первопачальную форму, такъ какъ онѣ, во-первыхъ, покрываютъ и надзакаморныя украшенія[2]), вслѣдствіе чего имѣютъ вверху острые переломы, а во-вторыхъ, закрываютъ нѣкоторыя окна боковыхъ шей, чего, конечно, не было первоначально, когда кровли шли по закругленіямъ закаморъ и верхнія украшенія возвышались надъ ними.

Остается еще упомянуть, что находящійся на сѣверномъ фасадѣ собора каменный тамбуръ построенъ въ XVIII столѣтіи; его безвкусныя архитектурныя формы совсѣмъ не вяжутся съ остальной отдѣлкой, формы которой если и не отвѣчаютъ второму періоду московскаго церковнаго стиля, то сами по себѣ все же прекрасны и высоко художественны.

Итакъ, различныя пристройки и передѣлки сильно измѣнили первопачальный видъ Архангельскаго собора, но по тѣмъ же соображеніямъ, какія мы высказывали относительно Благовѣщенскаго собора, реставрація его врядъ ли можетъ быть допустима; единственно что можно было бы сдѣлать въ этомъ отношеніи, это придать прежнюю форму средней главѣ, передѣлать по-старому кровли и удалить крыльцо, безобразящее сѣверный фасадъ.

Двигаясь впередъ въ хронологическомъ порядкѣ, намъ нужно теперь опять оставить на время Москву и разсмотрѣть церковь Рождества Богородицы въ Ста-

---

[1]) Исторія русской архитектуры, стран. 136.

[2]) По бокамъ этихъ украшеній имѣется позднѣйшая кладка, придавшая закоморамъ видъ щипцовъ.

ромъ Симоновомъ монастырѣ. Эта маленькая церковь, едва превышающая по длинѣ шесть саженъ, освящена 1 сентября 1509 года, т.-е. на 2 мѣсяца ранѣе Архангельскаго собора, но, конечно, постройка ея начата была позднѣе этого собора, такъ какъ на нее врядъ ли понадобилось четыре года. Въ планѣ (рис. 44) Рождественская церковь представляетъ правильный квадратъ, къ которому съ востока примыкаютъ алтарныя апсиды, значительно выдающіяся впередъ. Отличіе плана этой церкви отъ другихъ современныхъ ей храмовъ заключается въ отсутствіи пилоновъ. Единичность такого плана среди церквей разсматриваемаго періода заставляетъ предполагать капитальную передѣлку храма, во время которой были уничтожены пилоны и передѣланъ, слѣдовательно, весь верхъ храма, какъ это предполагаетъ и Л. В. Даль[1]). Очень вѣроятно, что передѣлка эта имѣла мѣсто сравнительно недавно, такъ какъ И. Снегиревъ въ Русской старинѣ А. Мартынова[2]), вѣроятно, со словъ очевидцевъ говоритъ: «Старую черепичную кровлю, лежавшую по тремъ дуговымъ фронтонамъ окружныхъ стѣнъ замѣняетъ теперь четырехскатная желѣзная, надъ косою возвышается шея съ сердцевидною главою, осѣненной новымъ осмиконечнымъ крестомъ». Если кровля шла по «дуговымъ фронтонамъ», то трудно допустить, чтобы одновременно съ этимъ церковь была внутри покрыта сомкнутымъ сводомъ; скорѣе закаморы, «дуговые фронтоны», какъ ихъ называетъ Снегиревъ, не имѣли исключительно декоративнаго характера, а отвѣчали на фасадахъ дѣйствительному сводчатому покрытію, которое, при трехъ наружныхъ полукружіяхъ на каждомъ фасадѣ церкви, могло представлять собою только совокупность полуциркульныхъ или крестовыхъ сводовъ, опиравшихся на наружнія стѣны и на 4 пилона внутри церкви, изъ которыхъ два стояли посреди помѣщенія для молящихся. Итакъ, если приводимыя Снегиревымъ данныя о прежней кровлѣ церкви вѣрны, то первоначальная форма плана, а вмѣстѣ съ нею и внутренній видъ церкви, непзбѣжно должны были быть иными, нежели въ настоящее время, — похожими на тѣ, какіе были у одноверхихъ церквей конца XV и начала XVI вѣка. Что касается матеріала, изъ котораго сложены стѣны, а также способа ихъ кладки, то они нѣсколько иные, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ нами выше церквахъ. Цоколь, состоящій всего изъ двухъ обломовъ, которые только мѣстами видны изъ-подъ земли, сложенъ изъ бѣлаго камня; на стѣны употребленъ кирпичъ и булыжный камень; изъ перваго сложены облицовочныя стѣнки снаружи и изнутри церкви, пространство же между ними забучено булыжникомъ. Въ общемъ толщина стѣнъ для такой небольшой церкви очень велика — полтора аршина; это обстоятельство вмѣстѣ съ способомъ кладки указываетъ на работу мѣстныхъ мастеровъ, и притомъ такихъ, которые еще не успѣли познакомиться съ усовершенствованными

---

[1]) «Зодчій» 1875 г., стран. 133.
[2]) 1847 г. Тетрадь V, стран. 34.

пріемами техники, примѣнявшимися Аристотелемъ; какъ на доказательство этого предположенія, можно указать на дубовые брусья, которые въ качествѣ

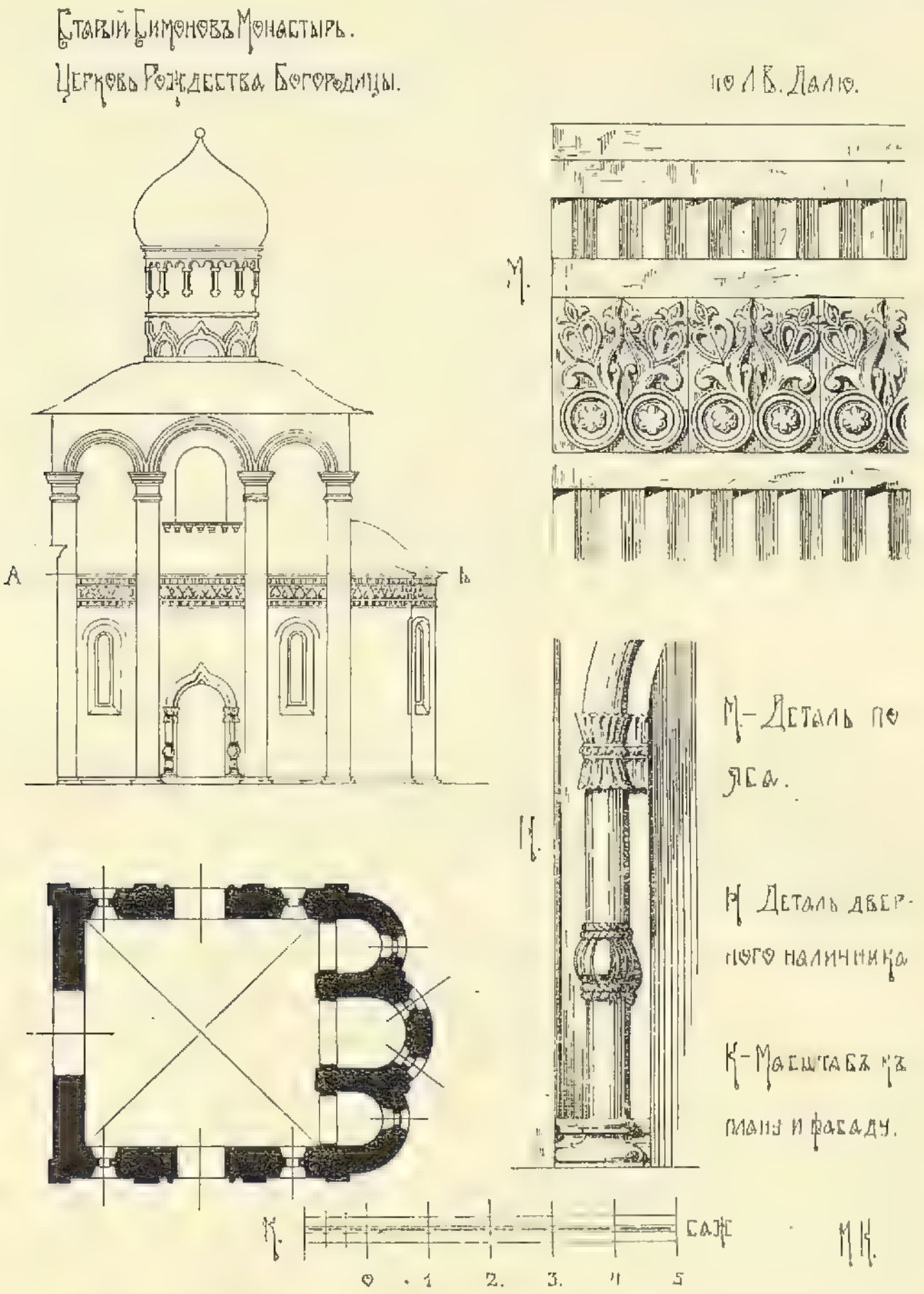


Рис. 41.

связей заложены въ аркахъ, отдѣляющихъ алтарныя апсиды отъ главной части церкви. Если даже весь верхъ церкви (отъ линіи А — В рис. 44) и новый, то вставки на упѣлѣвшихъ старыхъ частяхъ стѣнъ сохранилось много интереснѣйшихъ

деталей, которыя вмѣстѣ съ указаніемъ П. Снегирева о прежнемъ покрытіи, даютъ возможность вполнѣ ясно представить себѣ весь первоначальный обликъ храма. Наконецъ даже новый верхъ зданія, начиная отъ пояса до вершины, нисколько не дисгармонируетъ съ низомъ: всѣ его детали, за исключеніемъ декоративныхъ кокошниковъ у низа шеи, сдѣланы въ стилѣ конца XV и начала XVI вѣка и быть можетъ представляютъ точное повтореніе того, что было уничтожено при разломкѣ во время ремонта.

Дѣйствительно, изъ прилагаемаго рисунка (рис. 44) южнаго фасада церкви Рождества Богородицы видно, что ея внѣшняя архитектура въ общихъ чертахъ близка къ архитектурѣ Звенигородскаго собора, только детали трактованы еще бѣднѣе, проще: лопатки имѣютъ въ планѣ простую прямоугольную форму, полуколонки на алтарныхъ апсидахъ исчезли такъ же, какъ и оконные наличники; обрамленіе сѣверныхъ и южныхъ дверныхъ пролетовъ[1]) составляютъ пары колонокъ, тогда какъ въ Звенигородскомъ соборѣ съ каждой стороны входа ихъ помѣщено по три; капители, базы и перехваты стержней этихъ колонокъ совершенно такіе же (смотри рисунокъ детали), какъ у церкви Ризположенія въ Москвѣ. Пролеты дверей, повидимому, растесаны.

Междуярусный поясъ образованъ довольно широкой полосой орнаментированныхъ терракотовыхъ плитъ, окаймленныхъ сверху и снизу поребрикомъ. Рисунокъ этихъ плитъ, изготовленіе которыхъ Л. В. Даль приписываетъ «вишногорскимъ» гончарамъ[2]), очень примитивенъ и грубоватъ (рис. 44). Продолжаясь на апсидахъ, поясъ образуетъ ихъ вѣнчающій карнизъ и такимъ образомъ соединяетъ главную массу церкви съ апсидами въ одну цѣльную архитектурную группу.

Въ настоящее время прежнія длинныя, съ полуциркульными верхами окна заложены; они находились ниже междуяруснаго пояса, на одномъ уровнѣ съ алтарными окнами, теперь также заложенными; послѣднія были нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Вмѣсто заложенныхъ оконъ устроены новыя, съ прямыми перемычками, при чемъ въ главной части церкви они размѣщены не симметрично и для ихъ устройства пришлось уничтожить часть междуяруснаго пояса, такъ какъ ихъ подоконники находятся какъ разъ на уровнѣ его нижней линіи. Въ средней апсидѣ между двумя заложенными старыми окнами прорублено одно окно, находящееся на продольной оси церкви.

Несмотря на всѣ эти искаженія, церковь въ Старомъ Симоновомъ монастырѣ производитъ сильное впечатлѣніе своей безыскусственной простотой, почти граничащей съ наивностью, и тѣмъ оттѣнкомъ величія, который накладываетъ патина времени.

---

[1]) Западная дверь, безъ сомнѣнія, была украшена такимъ же наличникомъ, но послѣдній погибъ, вѣроятно, при постройкѣ позднѣйшей трапезы.

[2]) П. Снегиревъ ошибочно предполагаетъ, что плиты вытесаны изъ бѣлаго камня. Русская старина 1847 г. V, стран. 44.

Среди московскихъ церквей разсматриваемой эпохи совершенно особнякомъ стоитъ церковь святого Николая въ Мясникахъ. Въ настоящее время храмъ представляетъ въ сущности цѣлую архитектурную группу, образовавшуюся отъ пристройки къ первоначальной церкви двухъ другихъ. Каждое изъ этихъ трехъ зданій очень интересно само по себѣ, какъ представитель различныхъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга эпохъ московскаго зодчества, но въ настоящую минуту насъ можетъ интересовать только древнѣйшее изъ нихъ, а именно церковь во имя святителя Николая. Время постройки этой церкви точно неизвѣстно, но, основываясь на матеріалѣ, изъ котораго она сдѣлана, и способѣ примѣненія его въ дѣло, ее надо отнести къ концу XV или началу XVI вѣка. Дѣйствительно, ея стѣны сложены изъ большого по размѣру кирпича и булыжнаго камня, а пріемъ кладки совершенно тотъ же, что въ Рождественской церкви Старо-Симонова монастыря, т.-е. пространство между наружными и внутренними, сдѣланными въ одинъ кирпичъ облицовочными стѣнками заполнено булыжнымъ камнемъ, залитымъ известковымъ растворомъ. Этимъ примитивнымъ способомъ кладки объясняется и неимовѣрная сравнительно съ площадью храма толщина его стѣнъ, достигающая мѣстами[1]) до двухъ аршинъ. Казалось бы, что характеру матеріала и способу кладки, свойственныхъ этому періоду московскаго зодчества, должны были отвѣчать и художественные пріемы внѣшней композиціи, а между тѣмъ мы наталкиваемся здѣсь на совершенно другую архитектуру, почти не имѣющую ничего общаго съ уже разсмотрѣнными нами церквами. Дѣйствительно, при первомъ же взглядѣ на «Николу въ Мясникахъ» бросается въ глаза тѣснѣйшая связь архитектуры этого храма съ церквами Псково-Новгородскаго стиля (рис. № 45). Въ этомъ храмѣ, за исключеніемъ обработки шеи главы, нѣтъ ни одной архитектурной формы, которая указывала бы на московскаго зодчаго; наоборотъ, какъ общій обликъ, такъ и немногія сохранившіяся детали всего низа храма говорятъ, что строившіе его мастера были псковичи. Ризположенскую Кремлевскую церковь, повидимому, тоже строили псковичи; но тамъ ихъ архитектурнымъ вкусамъ не былъ данъ просторъ и имъ, очевидно, пришлось считаться съ московскими, уже выпившимися въ болѣе или менѣе опредѣленную форму, взглядами. Здѣсь же, въ силу какихъ-то обстоятельствъ, быть можетъ отъ того, что церковь стояла довольно далеко отъ центра города, или строилась иждивеніемъ частнаго лица, этого не было. Поэтому псковскіе мастера придали храму св. Николая тѣ формы, къ которымъ ихъ глазъ привыкъ съ дѣтства, т.-е. гладкія раздѣленныя лопатками на три части стѣны, заканчивающіяся вверху щипцами, которые служатъ основой для восьмискатной, уложенной по стропиламъ кровли.

Выше мы упомянули, что обработка шеи главы не отвѣчаетъ стилю низа церкви; дѣйствительно, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка (№ 45), ея харак-

[1]) Стѣны не вездѣ одинаковой толщины, такъ сѣверная стѣна толще южной.

теръ не псковской, а чисто мѣстный, московскій и это обстоятельство въ связи съ луковичной формой главы и конструкціей сводчатаго покрытія[1]), вѣроятно, указываетъ на передѣлку всего верха. Какъ будто той же участи подверглась

Церковь св. Николая въ Мясникахъ.

Рис. 45. По А. Мартынову.

и алтарная часть храма: — она слишкомъ велика и къ тому же закругленія ея апсидъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга лопатками, очень плоски, чтобы вязаться

[1]) Сомкнутый сводъ съ распалубками.

съ представленіемъ о зодчествѣ сѣвернаго братства. Настаивать на этомъ мнѣніи до раскопокъ въ алтарѣ храма, однако, нельзя; впрочемъ, главная часть храма вполнѣ опредѣленно говоритъ, что однѣхъ мѣстныхъ силъ на всю тогдашнюю строительную дѣятельность Москвы не хватало и ея обитателямъ приходилось пользоваться услугами мастеровъ, призванныхъ изъ другихъ областей.

Полагаемъ, что сдѣланнаго нами описанія памятниковъ московской церковной архитектуры, относящихся къ періоду времени съ начала третьей четверти XV столѣтія до конца перваго десятилѣтія XIV, вполнѣ достаточно, чтобы придти къ заключенію о томъ направленіи, какому слѣдовало московское зодчество въ эпоху возрожденія на Руси широкой строительной дѣятельности.

Въ отношеніи плановъ церквей слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что характеръ ихъ остается все тотъ же, — та же византійская основа, крѣпко привившаяся къ русскому зодчеству, хотя нѣсколько видоизмѣнившаяся въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Говоря такимъ образомъ намъ слѣдовало бы выдѣлить въ самостоятельную группу соборы Успенскій и Архангельскій, которые строились при исключительныхъ условіяхъ и поэтому должны бы нарушить тотъ общій принципъ, котораго придерживались на Москвѣ при проектированіи плановъ. Дѣйствительно, въ отношеніи Московскаго зодчества планы обоихъ этихъ соборовъ составляютъ исключеніе изъ общаго правила: по размѣрамъ они превышаютъ всѣ строившіяся до нихъ церкви, добавкою съ запада лишней, противъ установившагося обычая, пары пилоновъ у нихъ образованы внутреннія партексы, наконецъ ихъ пять алтарныхъ апсидъ и круглая форма пилоновъ Успенскаго собора — все это представляетъ нововведеніе въ области Московскаго зодчества; но въ обще-русской исторіи церковнаго строительства ни одна изъ этихъ особенностей не составляетъ явленія новаго, да иначе и быть не могло, такъ какъ Москва, не выработавъ къ серединѣ XV вѣка ничего своего собственнаго и не желая въ то же время отступить отъ стародавнихъ обще-русскихъ традицій, могла предложить Аристотелю руководствоваться только послѣдними. Но спроектированная Аристотелемъ и повторенная Алевизомъ форма церковнаго плана, несмотря на то, что въ ней какъ бы возрождены и собраны воедино всѣ черты, исконно свойственныя русскому каменному зодчеству, все-таки не привилась на московской почвѣ; въ самомъ дѣлѣ планы Благовѣщенія, Рпзположенія и Чуда Арх. Михаила повторяютъ стереотипную московскую форму, какъ будто здѣсь строительное дѣло шло спокойно и ровно, своимъ естественнымъ ходомъ, безъ мертвыхъ затишій и посторонняго вмѣшательства. Правда, что-то новое, не встрѣчавшееся на Руси, представляетъ собою планъ церкви Рождества Богородицы въ Старомъ Симоновѣ; однако онъ имѣетъ мало общаго съ Успенскимъ соборомъ, и если планъ этотъ, вопреки нашему убѣжденію, имѣлъ первоначально ту же

форму, что и теперь, — то эта форма во всякомъ случаѣ является прямымъ потомкомъ церквей перваго московскаго періода, такъ же какъ Благовѣщеніе, Ризположеніе и т. д., а съ Успенскимъ и Архангельскимъ соборами если и имѣетъ какую-нибудь родственную связь, то только родовую, а не видовую. Въ періодѣ, непосредственно послѣдовавшемъ за разсматриваемымъ, появляются такіе пріемы композиціи каменныхъ храмовъ, какіе уже совершенно не имѣютъ ничего общаго съ планомъ Рождественской церкви; поэтому намъ кажется, что на планъ этой церкви нужно смотрѣть, какъ на конечное видоизмѣненіе византійской основы, а не какъ на зародышъ новаго пріема. Правда, прямоугольный планъ безъ пилоновъ для поддержанія верха опять появляется впослѣдствіи, но видѣть въ этомъ фактѣ непосредственную связь съ предыдущимъ, повидимому, не приходится.

Другими словами постройка двухъ главныхъ Кремлевскихъ соборовъ не отразилась на планахъ непосредственно слѣдовавшихъ за ними церквей, а общее движеніе строительнаго дѣла продолжало идти по старому пути, т.-е. все еще придерживаясь въ отношеніи плановъ византійсаго пріема, хотя и упрощая его до самыхъ примитивныхъ формъ.

Параллельно съ этимъ остается почти неизмѣннымъ и внутренній распорядокъ церквей; здѣсь нужно только указать на исчезновеніе хоръ, что, впрочемъ, носитъ скорѣе характеръ случайности и объясняется, вѣроятно, тѣмъ условіемъ, что Успенскій и Архангельскій соборы предназначались преимущественно для различныхъ торжественныхъ богослуженій, на которыхъ не могло присутствовать особенно много женщинъ, а большинство остальныхъ изъ дошедшихъ до насъ церквей этого періода, принадлежатъ мужскимъ монастырямъ, куда въ то время женщины, быть можетъ, даже совсѣмъ не допускались. Исключеніе составляетъ Благовѣщенскій соборъ, служившій домовой церковью княжеской семьи, и его хоры, повидимому, только подтверждаютъ сдѣланное предположеніе, что устройство ихъ продолжало быть какъ и въ предшествующій періодъ, явленіемъ общимъ, во всякомъ случаѣ не исключительнымъ.

Зато совершенно новое явленіе въ московской области представляютъ собою пятиверхіе храмы; пріемъ этотъ, возрожденный Аристотелемъ Фіоравенти, само собою не по личной инициативѣ, а по волѣ высшей свѣтской и духовной власти, находитъ подражаніе при сооруженіи не однихъ только, такъ сказать, офиціальныхъ храмовъ, но и въ церквахъ монастырскихъ[1]). Начиная съ этого времени русскіе зодчіе уже не забываютъ этого пріема и, какъ мы увидимъ далѣе, онъ становится, правда не сразу, почти исключительной формой, примѣнявшейся при постройкѣ даже самыхъ обычныхъ, рядовыхъ церквей.

---

[1]) Напримѣръ въ Чудовомъ монастырѣ и въ Новодѣвичьемъ. Соборный храмъ послѣдняго правда выстроенъ въ серединѣ XVI столѣтія и повидимому въ подражаніе Успенскому собору, съ которымъ имѣетъ много общаго. (Рис. № 46.)

Конечно, пятиглавіе мѣшаетъ въ значительно большей степени внѣшній видъ храмовъ, нежели внутренній, но все-таки обиліе свѣта, падавшаго сверху и болѣе равномѣрно распространявшагося по храму, давало эффектъ, совершенно

Соборъ Новодѣвичьяго монастыря.

Рис. 46.

отличный отъ того, который получался въ одноверхихъ церквахъ, гдѣ своды боковыхъ частей тонули въ глубокомъ сумракѣ.

Переходя далѣе къ характеристикѣ внѣшней архитектуры церквей разсматриваемаго періода и останавливаясь сначала на общемъ пріемѣ ихъ декораціи,

нужно отмѣтить тотъ фактъ, что послѣдній, подобно планамъ, остается тѣмъ же, что въ предшествующій періодъ. Конечно, исключеніе составляютъ тѣ церкви, при компановкѣ которыхъ строившимъ ихъ псковичамъ былъ данъ почти полный просторъ слѣдовать ихъ мѣстнымъ традиціямъ, какъ это имѣло мѣсто при постройкѣ Николы въ Мясникахъ и отчасти Ризположенской церкви. Въ остальныхъ же церквахъ, не исключая соборовъ Успенскаго и Архангельскаго, мы видимъ тѣ же пріемы, что и въ предшествующую эпоху: вертикальное дѣленіе фасадовъ на части лопатками, междуярусные пояса и, наконецъ, вѣнчаніе стѣнъ закаморами, архивольты которыхъ опираются на вершины лопатокъ.

Что же касается деталей, то съ одной стороны наблюдается какъ бы возвратъ къ старому, къ Владиміро-Суздальскому искусству — это возрожденные Аристотелемъ пояса аркадъ; однако тѣ благородныя формы, которыя Аристотель придалъ ихъ колонкамъ, не повторяются въ послѣдующихъ случаяхъ, да и самый пріемъ сначала быстро перерождается, вѣрнѣе, вырождается въ пояса балясинъ[1]), а затѣмъ опять возвращается къ орнаментальнымъ поясамъ. Но постепенно исчезая на стѣнахъ церквей, пояса аркадъ находятъ себѣ мѣсто на шеяхъ главъ; здѣсь они полюбились московскимъ зодчимъ и съ тѣхъ поръ, мѣняясь лишь въ подробностяхъ, они продолжаютъ примѣняться въ теченіе долгаго времени. Съ другой стороны, параллельно владиміро-суздальскимъ формамъ въ московское зодчество проникаютъ псково-новгородскіе мотивы; къ нимъ можно отнести пояса поребрика, треугольныхъ впадинокъ и арочекъ, образующихъ карнизы шей, а также украшеніе апсидъ церкви Печерской Божіей Матери. Къ нимъ же можно причислить и пояса съ балясинами, если только признать имѣющей основаніе ту аналогію, которую мы привели выше[2]).

Наконецъ, встрѣчаются и совсѣмъ новые мотивы, какъ напр. украшенныя ложками капители колонокъ у церкви Печерской Богоматери, въ Старомъ Симоновомъ монастырѣ и въ Чудовомъ. Откуда могъ проникнуть къ намъ этотъ мотивъ? — Л. В. Даль[3]) указываетъ на то, что онъ встрѣчается въ грузинской архитектурѣ, но прослѣдить эту связь подробно, или по крайней мѣрѣ настолько, чтобы указать на непосредственно стоящую рядомъ форму, намъ кажется пока невозможнымъ.

Къ категоріи деталей, появляющихся впервые, надо отнести также и тѣ, которыя занесены къ намъ италіанскими зодчими, какъ напр., іоническія капители на восточномъ фасадѣ Успенскаго собора, бусы и іоники южнаго дверного наличника у церкви Чуда Арх. Михаила и т. д.

Рядомъ съ этимъ зодчіе продолжаютъ, и кажется очень охотно, примѣнять старый архитектурный пріемъ, — перспективные входы. Нельзя сказать, чтобы

---

[1]) На апсидахъ Благовѣщенскаго собора и на главной части Ризположенской церкви.

[2]) Смотри объ поясѣ балясинъ на апсидахъ Благовѣщенскаго собора.

[3]) Зодчій 1875 г., стран. 133.

этотъ пріемъ подобно междуяруснымъ поясамъ аркадъ былъ возрожденъ Аристотелемъ; повидимому, если судить по Звенигородскому собору, онъ непрерывно существовалъ, а въ разсматриваемомъ періодѣ встрѣчается на всѣхъ церквахъ, при чемъ къ началу XVI вѣка замѣчается явный упадокъ этихъ дверныхъ обрамленій, такихъ художественныхъ и богатыхъ во владиміро-суздальскую эпоху. Дѣйствительно, въ церкви Старо-Симонова монастыря съ каждой стороны двери поставлено всего по одной колошкѣ и весьма вѣроятно, что существовали промежуточные образцы, которые, къ сожалѣнію, до насъ не дошли, гдѣ по сторонамъ дверныхъ пролетовъ были размѣщены пары колопокъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга прямоугольными уступами стѣны. Заострения архивольтовъ закаморъ и дверныхъ наличниковъ, повидимому, все болѣе и болѣе укореняются; правда, въ Успенскомъ соборѣ ихъ нѣтъ, но это объясняется, вѣроятно, желаніемъ А. Фіоравенти сохранить безъ измѣненій владимірскую форму, тѣмъ болѣе, что послѣдняя была ему, какъ италіанцу, болѣе понятна и вполнѣ отвѣчала его эстетическимъ требованіямъ.

Клиросъ псковской Васильевской церкви

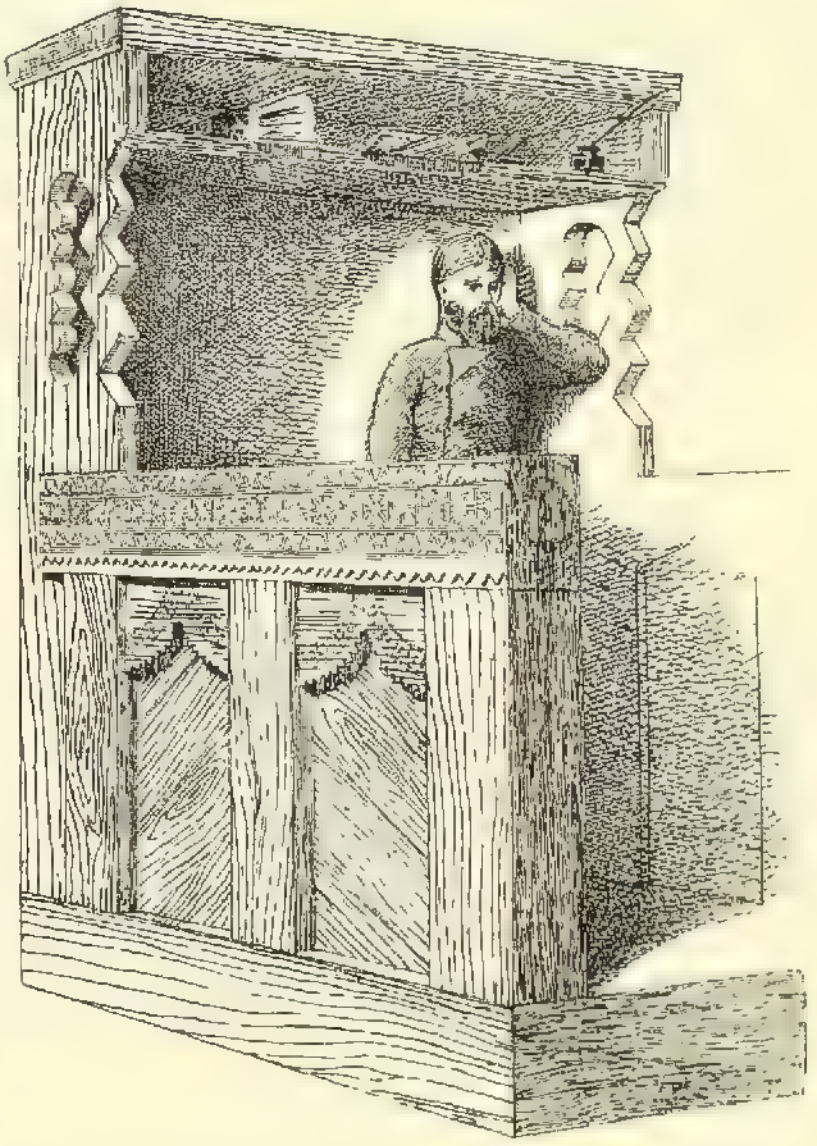


Рис. 47. По рис. Л. Даля.

Заканчивая перечень встрѣчающихся въ разсматриваемую эпоху формъ, нельзя не указать, что нѣкоторыя изъ нихъ, хотя и очень немногочисленныя, заимствованы изъ деревянной архитектуры; къ числу ихъ принадлежатъ, во-первыхъ, баляснны поясовъ Благовѣщенскаго собора и церкви Ризположенія, во-вторыхъ, — капители междуяруснаго пояса аркадъ на Благовѣщенскомъ соборѣ и, наконецъ, тѣ утолщенія стержней колопокъ — «дыньки», которыя встрѣчаются среди деталей почти всѣхъ разсмотрѣнныхъ церквей. Что балясины и дыньки перенесены въ каменную архитектуру изъ деревянной, въ этомъ, повидимому, сомнѣваться не приходится, такъ какъ въ пользу этого говоритъ сама ихъ форма; доказательствомъ же правдоподобности сдѣланнаго предположенія относительно прототипа

капителей у колонокъ аркады Благовѣщенскаго собора можетъ служить ихъ сходство съ рѣзьбою брусковъ клироса въ Псковской Васильевской церкви (рис. №47), хотя характеръ орнаментаціи и способъ ея исполненія (трехгранныя врѣзки) уже сами по себѣ не оставляютъ мѣста сомнѣніямъ.

Теперь намъ только остается сдѣлать окончательный выводъ о состояніи Московскаго зодчества въ промежутокъ времени съ средины XV вѣка по конецъ перваго десятплѣтія XVI вѣка[1]). Казалось бы, что всѣ тѣ новыя вліянія, которыя проникали въ это время въ московскую жизнь, въ особенности строительная дѣятельность италіанскихъ архитекторовъ, должны были влить новую, оживляющую струю въ область художественной стороны церковнаго зодчества, которое до строительной горячки времени Іоанна III вяло повторяло архитектурные пріемы Владиміро-Суздаля, уже успѣвшіе къ тому времени выродиться, вслѣдствіе тяжелаго, глушившаго проблески всякой самостоятельности политическаго положенія страны. Казалось бы, что италіанцы, явившіеся къ намъ во всеоружіи техническихъ знаній и высоко развитаго художественнаго вкуса, должны были такъ сильно поразить своими произведеніями неумѣлыхъ московскихъ строителей, что послѣдніе, бросивъ старые принципы, признали бы работы италіанцевъ за откровеніе и на этой почвѣ создали бы новый архитектурный стиль, совершенно отличный отъ всего стараго. Но на дѣлѣ, какъ мы видѣли, вышло совсѣмъ не такъ; вѣрные своему исконному основному принципу, русскіе люди взяли отъ фряжской хитрости только то, что было имъ нужно и не шло въ разрѣзъ съ тѣми вкусами, которые всегда таились въ глубинѣ народнаго сознанія, но въ силу внѣшнихъ условій не могли вырваться наружу. Уже смутно чувствовалось, что свои мѣстные, свойственные московскому люду эстетическіе вкусы начинаютъ складываться во что-то опредѣленное, имѣющее корни въ глубинѣ уклада народной жизни; но еще существовала причина, которая парализовала это стремленіе. Причина эта заключалась въ технической несостоятельности нашихъ зодчихъ до появленія на Москвѣ Аристотеля. Вотъ этотъ-то пробѣлъ московскіе зодчіе и пополнили при помощи итальянцевъ, учась сначала на совмѣстныхъ съ ними постройкахъ, а затѣмъ на самостоятельныхъ или на тѣхъ, что производили вмѣстѣ съ псковичами. Весь періодъ съ начала второй половины XV и по конецъ перваго десятилѣтія XVI вѣка ушелъ на эту подготовительную работу, не оставлявшую ни времени, ни силъ на созданіе своего собственнаго стиля. Поэтому продолжали работать въ старомъ стилѣ, словно машинально прибѣгая къ готовымъ архитектурнымъ пріемамъ и формамъ; но пріемы и формы эти въ сущности уже не удовлетворяли ни самихъ строителей, ни большинства тѣхъ, для кого они строили, такъ какъ хотя примѣнявшійся стиль и былъ освященъ временемъ, но по существу своему оставался чуждымъ русскому народу,

[1]) Здѣсь, конечно, какъ при всякой смѣнѣ одного стиля другимъ не можетъ быть точной градаціи времени, а лишь приблизительная.

являясь прямымъ наслѣдникомъ того зодчества, которое почти цѣликомъ было заимствовано у другой народности. Дѣйствительно, стиль этотъ представлялъ собою греческую (византійскую) основу, видоизмѣненную подъ вліяніемъ Ломбардской архитектуры, и былъ бы примѣнимъ для зданій изъ естественнаго камня. Поэтому какъ общіе его пріемы, такъ и детали, конечно, должны были быть чужды духу русскихъ людей, отъ природы плотниковъ. Будь въ центральной Россіи много естественнаго камня, пригоднаго для построекъ, то возможно, что занесенный стиль и привился бы у насъ, но въ дѣйствительности дѣло обстояло иначе: не камня, а лѣса и глины (для кирпича) было сколько угодно, слѣдовательно эти матеріалы должны были рано или поздно создать свою архитектуру, вытѣснивъ пріемы и формы стиля, основы котораго сложились тамъ, гдѣ естественный камень былъ главнымъ строительнымъ матеріаломъ.

Свидѣтельствомъ того, что господствовавшій въ XV-мъ вѣкѣ стиль въ своей основѣ былъ чуждъ русскимъ людямъ, указываетъ между прочимъ и то обстоятельство, что тѣ немногія детали, которыя появляются на памятникахъ церковнаго зодчества этого періода, представляютъ собою робкія попытки перенести въ каменную архитектуру формы д е р е в я н н ы я. Такое же соединеніе новыхъ формъ, заимствованныхъ изъ дерева, съ формами уже сформировавшагося каменнаго стиля — не естественно; въ немъ чувствуется, что одинъ изъ двухъ составныхъ элементовъ былъ несвойственъ духу народа, у котораго появилось такое соединеніе разнородныхъ мотивовъ, но формы деревяннаго зодчества безспорно всегда были понятны и близки русскимъ, стало быть чуждымъ элементомъ нужно признать другую, хотя и главную составную часть тогдашняго зодчества, греческую основу.

Могъ ли этотъ стиль при такихъ условіяхъ если не процвѣтать, то по крайней мѣрѣ незыблемо держаться? Конечно, нѣтъ: господствовавшій въ разсмотрѣнный періодъ стиль былъ обреченъ на постепенное одряхлѣніе и умираніе. Какъ бы ни были талантливы итальянцы, они не могли спасти его отъ окончательной гибели, точно такъ же, какъ не могли они цѣликомъ привить своего собственнаго; большинство принесенныхъ ими формъ также должно было погибнуть, и не оттого, что формы эти были слишкомъ «граціозны» и «утончены» для нашихъ мастеровъ, какъ это полагаетъ Л. В. Даль[1]), а потому, что онѣ совсѣмъ не были свойственны духу нашего зодчества, которое въ началѣ XVI вѣка начало чувствовать подъ собой почву и достаточный запасъ силъ, чтобы придать себѣ вполнѣ опредѣленную физіономію.

Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что Италія совершенно не дала ничего для образованія русскаго искусства; наоборотъ, итальянскіе мастера, не переводившіеся на Москвѣ, съ одной стороны крѣпко внѣдрили любовь къ «фряжскимъ

[1]) Зодчій 1875 г., стран. 134.

травамъ» и поэтому элементы итальянскаго искусства занимаютъ видное мѣсто среди другихъ, создавшихъ старо-русскую орнаментику; съ другой стороны, какъ увидимъ впослѣдствіи, наши мастера позаимствовали у итальянцевъ нѣкоторые конструктивные пріемы и даже мотивы архитектурныхъ деталей.

ГЛАВА IV.

Всматриваясь въ наиболѣе выдающіяся московскія церкви XVI вѣка и основывая свое сужденіе только на сопоставленіи ихъ съ церквами предыдущаго періода, можно прійти къ заключенію, что между памятниками церковной архитектуры этихъ двухъ періодовъ нѣтъ ничего общаго; разница такъ велика, какъ-будто эти церкви выстроены совершенно различными народами, исповѣдующими лишь одну и ту же религію. Поэтому невольно возникаетъ мысль, что до насъ не дошли нѣкоторые памятники, являвшіеся соединительнымъ звеномъ, переходной архитектурой между двумя этими эпохами московскаго зодчества. Иначе, откуда же могли появиться не только всѣ эти новыя детали, но даже и новые пріемы размѣщенія и группировки главныхъ массъ? Вѣдь ни у одного народа зодчество не дѣлало внезапнаго скачка, сразу и безповоротно отмставшаго царившіе до него идеалы... Но если переходный періодъ въ московскомъ зодчествѣ существовалъ, и за его существованіе появились зародыши новыхъ формъ и пріемовъ, то все-таки возникаютъ вопросы, кажущіеся на первый взглядъ неразрѣшимыми; а именно, почему, во-первыхъ, такъ фатально исчезли съ лица земли памятники именно этой, переходной эпохи, а не другой какой-нибудь, даже болѣе древней, и, во-вторыхъ, когда же эта эпоха существовала, если годы постройки уже разсмотрѣнныхъ нами памятниковъ и представителей, такъ сказать, новой архитектуры, такъ близки другъ къ другу?

Прежде, чѣмъ попытаться отвѣтить на эти вопросы, разсмотримъ въ хронологическомъ порядкѣ тѣ памятники церковнаго строительства, которые представляютъ собою типичные образцы новаго направленія въ московскомъ искусствѣ.

Первымъ изъ нихъ является церковь Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи въ подмосковномъ селѣ Дьяковѣ; она построена въ 1529 году великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ, который, по преданію, молился въ одномъ изъ ея придѣловъ[1]) о дарованіи ему наслѣдника.

При первомъ же взглядѣ на планъ этого въ высшей степени интереснаго храма сразу бросается въ глаза своеобразный пріемъ композиціи; въ немъ совершенно исчезло родственное сходство съ планами византійскихъ

---

[1]) Въ придѣлѣ Зачатія Іоанна Предтечи.

церквей, которое до сихъ поръ намъ приходилось постоянно подчеркивать. Дѣйствительно, центръ плана занимаетъ сравнительно небольшой восьмиугольникъ[1]), къ которому съ востока примыкаетъ полукруглая апсида, зажатая между двумя меньшаго размѣра восьмиугольниками; такіе же восьмиугольники примыкаютъ къ сѣверо и юго-западнымъ сторонамъ центральнаго. Угловые восьмиугольники, представляющіе собою придѣлы храма, соединены между собою прямыми стѣнами папертей такъ, что въ общемъ получается квадратъ со срѣзанными западными углами и съ тремя апсидными выступами на восточной сторонѣ. Центральный восьмиугольникъ соединяется съ апсидой небольшими ломаными коридорчиками, а съ каждой изъ папертей широкимъ дверным пролетомъ. Въ свою очередь и боковые восьмиугольники имѣютъ сообщеніе съ притворами. Въ толщѣ юго-западной стѣны центральнаго восьмиугольника помѣщена клѣтка лѣстницы, ведущей во второй ярусъ храма. Снаружи въ храмъ ведутъ пять дверей: по одной въ сѣверной и южной стѣнахъ и три двери въ западной; изъ послѣднихъ средняя ведетъ въ притворъ, а боковыя въ западные придѣлы. Всѣ четыре боковыхъ многоугольника имѣютъ неправильную форму: они вытянуты съ восточной стороны для полученія бо́льшаго пространства, предназначеннаго подъ алтари. Таковъ планъ нижняго яруса храма (Рис. № 48). Подклѣта въ Дьяковскомъ храмѣ нѣтъ, такъ что полъ перваго яруса возвышается надъ поверхностью земли всего на пять ступеней.

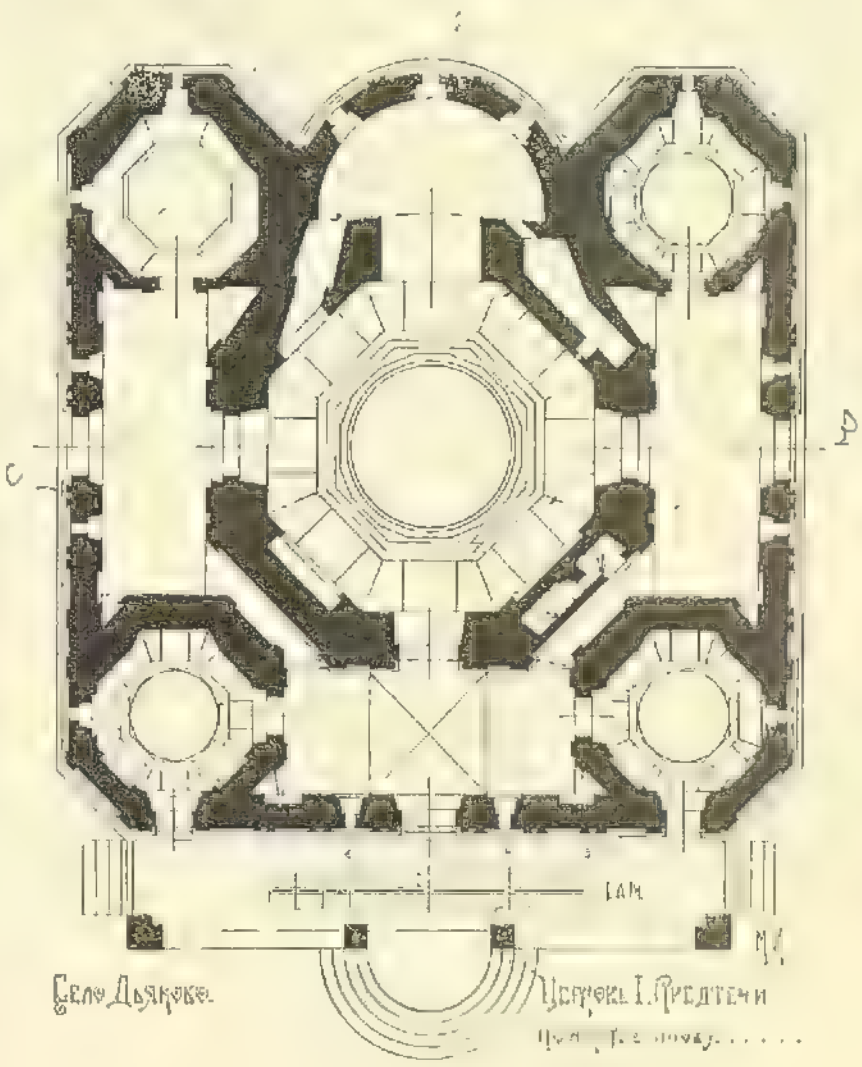


Рис. 48.

Мы описали планъ храма въ томъ видѣ, въ которомъ онъ существовалъ первоначально, въ настоящее же время онъ не совсѣмъ таковъ, такъ какъ къ западной паперти примыкаютъ столбы открытаго крыльца, а сѣверная паперть расширена.

---

[1]) Радіусъ вписаннаго въ него круга=2 саженямъ.

Само собой разумѣется, что при такомъ планѣ Дьяковскій храмъ и по внутреннему виду не можетъ походить на церкви предшествующей эпохи. Здѣсь нѣтъ типичныхъ для нея столповъ, поддерживающихъ шею главы; подножіемъ теряющемуся въ высотѣ куполу и его цилиндрической шеѣ слу-

Рис. 49.

жатъ четыре поставленныхъ одна на другую восьмигранныхъ призмъ и одна шестнадцатигранная (Рис. № 49). Самая высокая призма — это нижняя[1]); ея стѣны украшены неглубокими прямоугольными впадинами и заканчиваются, вверху неширокимъ (трехобломнымъ) карнизомъ. Въ западной,

[1]) 7,18 сажени.

сѣверной и южной стѣнахъ этой призмы имѣется по одному узкому, длинному окну съ полуциркульнымъ верхомъ.

Переходомъ къ слѣдующей призмѣ, поперечникъ которой значительно меньше[1]), служатъ постепенные напуски кладки во внутрь церкви, перекрытые сверху цилиндрическими сводиками; въ заднихъ стѣнкахъ полученныхъ такимъ образомъ нишъ находятся круглыя окна. Въ этой остроумной конструкціи перехода не трудно узнать «машикули»[2]) замковъ и крѣпостныхъ стѣнъ, которыя въ то время были такъ сильно распространены на западѣ. Близкое родство съ ними особенно сильно подчеркивается круглыми окнами, какъ бы предназначенными для пушечныхъ дулъ. Къ намъ на Русь онѣ, очевидно, попали при посредствѣ италіанцевъ, строившихъ при Іоаннѣ III московскія стѣны. Подмѣтивъ удобный для нихъ конструктивный пріемъ, русскіе мастера примѣнили его внутри зданія, чего, насколько это намъ извѣстно, западные мастера никогда не дѣлали. Переходами между второй и третьей, а также третьей и четвертой восьмигранными призмами[3]), служатъ узенькіе карнизы, образованные, подобно нижнему изъ трехъ обломовъ. Всѣ эти восьмерики имѣютъ незначительный свѣсъ по отношенію къ нижележащему и различны по своей высотѣ.

Надъ четвертымъ восьмерикомъ, какъ мы уже упомянули, высится шестнадцатигранная призма. Тѣ изъ ея граней, которыя стоятъ на граняхъ четвертаго восьмерика, представляютъ собою прямыя стѣнки, прорѣзанныя узкими и высокими окнами; остальныя же восемь граней образуютъ полуциркульныя въ планѣ ниши, высота которыхъ немного болѣе высоты оконъ сосѣднихъ граней. Ниши эти не есть плодъ художественной фантазіи; онѣ являются чисто-конструктивнымъ пріемомъ, безъ котораго зодчій, почему-то избѣгавшій примѣненія парусовъ, не могъ обойтись при постановкѣ шестнадцатигранной призмы надъ восьмигранной — иначе промежуточныя стѣнки свѣшивались бы надъ углами, чего онъ, строго-логичный въ малѣйшихъ деталяхъ конструкціи, конечно, допустить не могъ. Надъ шестнадцатигранникомъ протянутъ широкій, многообломный карнизъ, подчеркивающій переходъ къ цилиндрической шеѣ главы. Въ послѣдней было прорѣзано десять небольшихъ прямоугольныхъ оконъ съ круглыми подоконниками, но въ настоящее время окна эти заложены.

Теперь вернемся опять къ нижней части храма — къ его сравнительно низкимъ[4]) папертямъ и алтарю. Западная паперть покрыта въ своей средней части вспарушеннымъ крестовымъ сводомъ, а въ боковыхъ — цилиндрическими; сѣверная и южная — цилиндрическими сводами; наконецъ, алтарь, открываю-

---

[1]) На 1,15 сажени.
[2]) На Руси «машикули» получили названіе «навѣсныхъ бойницъ».
[3]) Восьмериками, какъ ихъ называли въ старину.
[4]) Высота западной паперти равна 2,45 сажени.

щійся въ церковь невысокой тріумфальной аркой[1]), заканчивается половиной сферическаго свода.

Двери, ведущія изъ западной паперти въ придѣлы, обрамлены пилястрами, несущими на себѣ прямые, несложнаго профиля фронтоны. Всѣ эти пріемы архитектуры, за исключеніемъ фронтоновъ дверныхъ очелій, не представляютъ для насъ ничего новаго; они уже встрѣчались намъ въ церквахъ предшествующихъ періодовъ. Поэтому, не останавливаясь на нихъ долѣе, войдемъ въ одинъ изъ угловыхъ придѣловъ; они всѣ одинаковы и по своей конструкціи нѣсколько проще центральной части храма: у нихъ нѣтъ нишъ; здѣсь въ нихъ не было надобности, такъ какъ въ придѣлахъ всѣ призмы, не исключая и верхнихъ, имѣютъ по восьми граней. Грани южнаго восьмерика украшены, такъ же какъ и въ главной части храма, неглубокими прямоугольными впадинами.

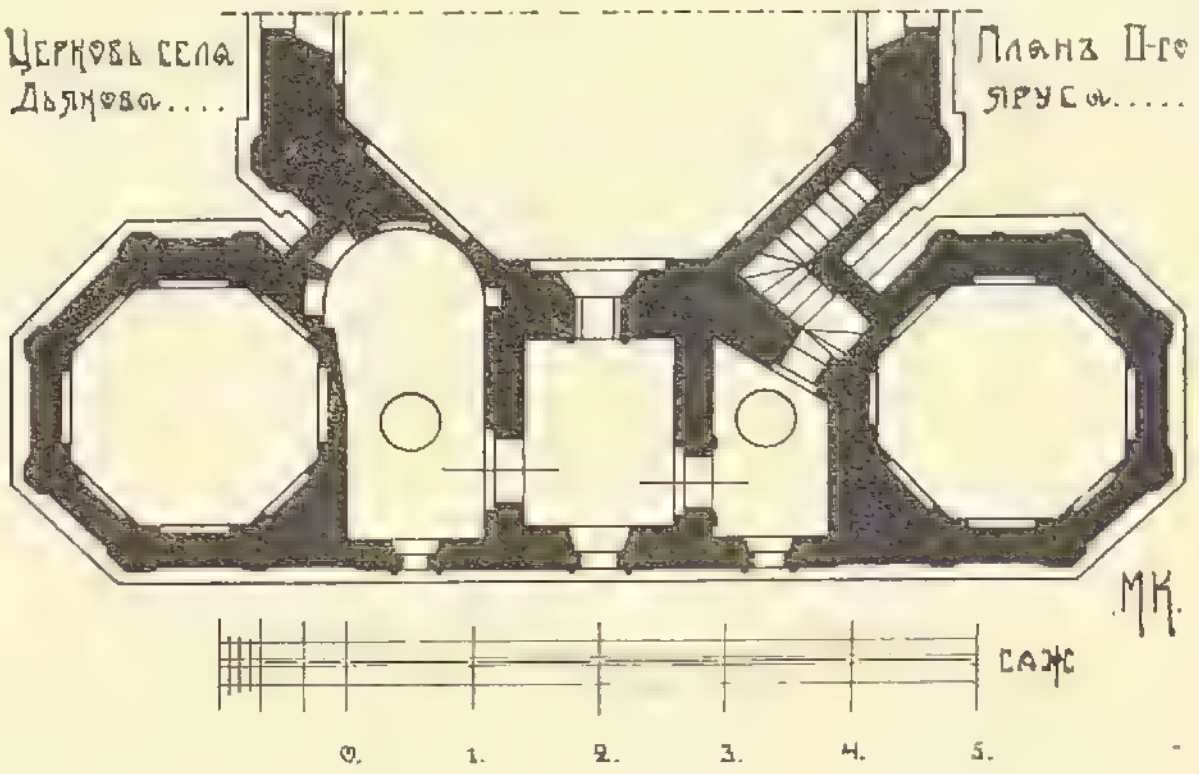


Рис. 50. По Ф. Рихтеру.

Кромѣ указанныхъ четырехъ придѣловъ есть еще пятый, находящійся во второмъ ярусѣ, у сѣверо-западной башни (Рис. № 50); онъ не представляетъ никакихъ особенностей, и здѣсь обращаетъ на себя вниманіе лишь незначительная толщина алтарной стѣнки, вѣрнѣе, части ея. Замѣтно это, конечно, только на планѣ и, вѣроятно, является слѣдствіемъ позднѣйшей стески стѣны съ цѣлью увеличенія алтаря придѣла, подобно тому какъ это имѣло мѣсто въ другихъ (нижнихъ) придѣлахъ.

---

[1]) Высота тріумфальной арки 2,10 сажени; въ настоящее время она нѣсколько расчищена съ южной стороны.

Общее впечатлѣніе, производимое внутреннимъ видомъ Дьяковскаго храма — это простота и уютность; единственнымъ украшеніемъ являются упомянутыя выше впадины на стѣнахъ нижнихъ восьмериковъ: только онѣ одни представляютъ собою декоративный мотивъ, всѣ же остальныя части, какъ «машикули» или ниши, хотя косвенно и содѣйствуютъ красотѣ храма, тѣмъ не менѣе не могутъ быть устранены, такъ какъ прямая ихъ роль — чисто конструктивная.

Былъ ли въ старину храмъ внутри расписанъ? Никакого отвѣта на этотъ вопросъ мы пока не имѣемъ. Существующая же теперь роспись появилась, очевидно, сравнительно недавно и, къ сожалѣнію, только портитъ храмъ, будучи исполнена рукою далеко не искуснаго и не чуткаго мастера.

Перейдемъ теперь къ описанію внѣшняго вида Дьяковской церкви. Если можно было сказать, что ея планъ скомпонованъ по принципамъ, до сего времени намъ еще не встрѣчавшимся, то тѣмъ болѣе это можно сказать о наружной архитектурѣ церкви, поражающей богатствомъ и разнообразіемъ формъ, которыя при первомъ взглядѣ кажутся нагроможденными совершенно произвольно и безъ всякой связи съ конструкціей, съ одной лишь цѣлью — воплотить необузданную фантазію зодчаго. Однако, послѣ нѣсколькихъ минутъ внимательнаго обзора эта мысль начинаетъ разсѣиваться, и ея мѣсто занимаетъ удивленіе передъ поразительнымъ соотвѣтствіемъ внѣшняго вида храма съ его внутренними, конструктивными пріемами; здѣсь все логично, все связано одно съ другимъ, и нѣтъ такихъ массъ, которыя служили бы одной декораціей, лишенной внутренняго смысла. Поэтому вся пирамидальная масса храма, точно отвѣчая идеѣ его плана, разбита на пять второстепенныхъ, изъ которыхъ центральная занимаетъ первенствующее мѣсто и наиболѣе приковываетъ къ себѣ взглядъ, тогда какъ боковыя массы (башни) хотя въ общихъ чертахъ и очень похожи на центральную, но значительно уступаютъ ей по высотѣ (Рис. № 51).

Грани нижняго восьмерика средней башни, заканчивающагося вверху мощнымъ, съ сильнымъ выносомъ карнизомъ[1]), украшены, такъ же, какъ и внутри, двухуступными впадинами. Здѣсь только эти впадины глубже, нежели внутри храма, и обрамлены легкими обломами, служащими плавнымъ переходомъ отъ полей впадинъ къ ихъ рамкамъ.

Непосредственно надъ карнизомъ восьмерика возвышаются полукруглыя, безъ острыхъ подвышеній, закаморы, которыя отвѣчаютъ арочкамъ внутреннихъ навѣсныхъ бойницъ (машикулп). Пазухи между закаморами заполнены

---

[1]) Высота карниза 0,80 сажени: при чемъ въ немъ имѣются всѣ три составныя части: архитравъ, фризъ и вѣнчающій карнизъ; комбинація ихъ обломовъ смѣла и не лишена изящества.

вторымъ рядомъ закаморъ, гораздо меньшихъ, нежели первыя. Эти закаморы, подобно большимъ, не имѣютъ подвышеній; профиль у нихъ въ разрѣзѣ очень простой, тогда какъ карнизы большихъ закаморъ образованы цѣлымъ рядомъ различныхъ обломовъ[1]).

Въ шелыги малыхъ закаморъ упираются шпзы карнизовъ прямыхъ, съ довольно сильнымъ свѣсомъ фронтоновъ, которые отмѣчаютъ собою третій восьмерикъ; видимыя между ними стѣнки послѣдняго оставлены совершенно гладкими и вмѣстѣ съ четвертымъ восьмерикомъ являются какъ бы устойчивымъ пьедесталомъ для всѣхъ вышележащихъ частей башни. Невысокія стѣнки четвертаго восьмерика окаймлены снизу и сверху узенькими тягами, играющими роль цоколя и карниза[2]), а каждая изъ его граней украшена парою почти квадратныхъ грехуступныхъ ширинокъ.

Рис. 51.

Надъ этимъ пьедесталомъ высится собственно верхъ храма; восьми внутреннимъ нишамъ отвѣчаетъ группа цилиндрическихъ башенокъ, изъ середины которыхъ какъ бы выростаетъ, слегка лишь опираясь на нихъ, цилиндрическая шея главы. Башенки не примыкаютъ вплотную другъ къ другу: между ними видны узкія полоски тѣхъ стѣнокъ шестнадцатигранника, которыя внутри храма находятся между нишами. Полоски эти прорѣзаны щелевидными окнами, имѣющими вверху попеременно то полуциркульную форму,

[1]) Полочекъ и четвертныхъ валовъ.

[2]) Цоколь образованъ тремя обломами: полочкой, зажатой между двумя полувалами различной ширины (нижній болѣе широкій), а карнизъ состоитъ изъ полочки, четвертного вала, полки, скоса и опять полки.

то прямоугольную. Узенькіе кордоны отдѣляютъ стержни башенокъ отъ ихъ базъ; послѣднія, какъ видно изъ рисунка № 51, имѣютъ простую, спокойную форму. Увѣнчиваются башенки богатымъ карнизомъ[1]), который, переходя и на междубашенныя стѣнки, связываетъ всю эту удивительно живописную и прекрасную по своей глубокой логичности архитектурную группу въ одно неразрывное цѣлое. Каждая изъ башенокъ покрыта конической крышей.

Насколько намъ извѣстно, пріемъ этотъ не нашелъ себѣ повторенія и во всемъ русскомъ зодчествѣ является совершенно одинокимъ.

Цилиндрическая часть шеи очень не высока; ея единственное украшеніе составляютъ незначительные выступы, вверху которыхъ помѣщены глубокія продолговатыя ширинки; выступы эти расположены какъ разъ надъ междубашенными стѣнками нижележащей части храма и равны имъ по ширинѣ; раздѣляя цилиндрическую поверхность шеи на части, эти выступы смягчаютъ переходъ отъ шестнадцатигранной въ общихъ чертахъ массы нижележащей части къ совершенно круглому въ планѣ карнизу главы.

Послѣдній состоитъ изъ трехъ частей; нижняя образована двумя обломами: узенькой полочкой и четвертнымъ валомъ; средняя представляетъ усѣченный конусъ, обращенный меньшимъ основаніемъ внизъ. Въ этой части карниза имѣются окна прямоугольной формы; въ настоящее время они изнутри храма заложены. Въ промежуткахъ между этими окнами, какъ разъ надъ выступами шеи, находятся небольшія, также прямоугольныя впадины. Третья часть вѣнчающаго карниза состоитъ изъ семи обломовъ: широкихъ и узенькихъ полочекъ, чередующихся съ четвертными валами.

Глава центральной башни имѣетъ форму придавленной луковицы, которая, если смотрѣть на нее снизу, кажется полусферой, увѣнчанной довольно сильно вытянутымъ остріемъ. Листы кровли прикрѣплены, повидимому, непосредственно къ своду, а не къ опалубкѣ по стропиламъ. Крестъ надъ главой центральной башни — новый, такъ же, какъ и на остальныхъ башняхъ.

Теперь разсмотримъ одну изъ боковыхъ башенъ. Какъ мы уже замѣтили выше, онѣ всѣ одинаковы и по высотѣ значительно уступаютъ средней — яблоки ихъ крестовъ находятся почти на одномъ уровнѣ съ шелыгами закаморъ центральной башни. Въ противоположность послѣдней нижніе восьмерики боковыхъ башенъ раздѣляются двумя горизонтальными тягами на три части. Нижняя тяга[2]), составляя продолженіе архитрава тѣхъ карнизовъ,

[1]) Карнизъ состоитъ изъ архитрава, фриза и вѣнчающаго карниза. Роль перваго играетъ полуваликъ, а послѣдній состоитъ изъ полочки, четвертного валика, широкой полки, украшенной маленькими квадратными ширинками, узенькой полочки и, наконецъ, сильно вытянутаго четвертного вала.

[2]) Тяга эта состоитъ изъ трехъ обломовъ: узенькой полочки, четвертного вала и верхней полки, ширина которой равняется общей ширинѣ двухъ нижнихъ обломовъ.

которые увѣнчиваютъ паперти, охватываетъ кругомъ всю церковь и этимъ соединяетъ въ одну связанную группу всѣ ея пять массъ. Вторая, верхняя тяга играетъ такую же роль, такъ какъ она связываетъ вмѣстѣ двѣ западныя башни, служитъ одновременно съ этимъ подоконной тягой для верхняго придѣла, переходитъ на нижнюю часть главной массы храма, а на восточной его сторонѣ связываетъ между собою башни съ алтарной апсидой[1]). Части стѣнъ восьмериковъ украшены между тягами неглубокими впадинами.

Завершаются восьмерики боковыхъ башенъ довольно широкими и незначительнаго свѣса карнизами, точно повторяющими профиль карниза нижняго восьмерика главной башни. За ними слѣдуютъ поставленные уступами три ряда прямоугольныхъ фронтоновъ, которые, взятые вмѣстѣ, производятъ впечатлѣніе срѣзанныхъ сверху шатровъ. Надъ фронтонами, опираясь на невысокіе гладкіе пьедесталы, возвышаются верхніе восьмерики башенъ, увѣнчанные главами, имѣющими форму шлема.

Въ прежнее время паперти представляли собою открытыя галлереи: — пространства между ихъ прямоугольными въ планѣ столпами не были заполнены, какъ въ настоящее время, стѣнками съ оставленными кое-гдѣ окнами. Къ счастью, столпы и старыя перекрытія между ними остались не тронутыми. Столпы съ фасада украшены неглубокими впадинами и заканчиваются вверху несложными карнизиками, на которые опираются обрамленія пролетовъ; всѣ верхи послѣднихъ, за исключеніемъ средняго, служащаго входомъ на паперть и имѣющаго полуциркульное очертаніе, обработаны въ видѣ прямолинѣйныхъ наклонныхъ косяковъ, сходящихся вверху почти подъ прямымъ угломъ.

Очень своеобразна и красива форма трехъ окопныхъ очелій верхняго придѣла; она, какъ видно изъ рисунка № 52, очень похожа на разрѣзъ уширяющагося къ верху сруба, покрытаго шатромъ; совершенно такого же вида наличники обрамляютъ нижнія окна центральной массы храма. Форма эта встрѣчается намъ въ первый разъ.

Надъ западной стѣной верхняго придѣла высится звонница. Она двухпролетная, при чемъ ширина пролетовъ неодинакова: южный значительно уже сѣвернаго, вслѣдствіе чего и перекрывающій его щипецъ также ниже. Оба щипца перекрыты однимъ общимъ высокимъ щипцомъ; верхняя часть его поля занята отверстіемъ, имѣющимъ треугольный верхъ. Прямоугольные въ планѣ столпы звонницы раздѣляются по высотѣ на двѣ части, изъ которыхъ каждая имѣютъ каршизъ и базу, такъ что въ общемъ получается

[1]) Низъ профиля этой тяги такой же, какъ и у первой; верхняя же его часть, служащая какъ бы цоколемъ для верхней трети восьмерика, образована тремя полочками различной вышины.

какъ бы два ряда самостоятельныхъ столповъ, поставленныхъ одинъ на другомъ. Грани столповъ украшены неглубокими прямоугольными впадинами.

Звонница эта не одновременна съ остальными частями храма, на что указываетъ разница въ кирпичѣ; но, когда она построена, неизвѣстно; можно только предположить, что вскорѣ по окончаніи постройки храма, такъ какъ звонницака къ общимъ своимъ видомъ, такъ и всѣми деталями вполнѣ отвѣчаетъ характеру храма.

Село Дьяково. Западный фасадъ Ц. Іоанна Предтечи.

Рис. 52 По Ф. Рихтеру.

Въ прежнее время по сторонамъ звонницы, но не въ одной съ нею отвѣсной плоскости, а нѣсколько позади нея, находились двѣ небольшія главки; теперь ихъ не существуетъ, но сохранились слѣды ихъ круглыхъ основаній. Судя по послѣднимъ можно съ увѣренностью сказать, что шеи этихъ главокъ имѣли цилиндрическую форму; какова же была форма самихъ главокъ — объ этомъ остается только догадываться. Ф. Рихтеръ въ своихъ «Памятникахъ ѣдревняго русскаго зодчества» изобразилъ ихъ по аналогіи съ главами боковыхъ башенъ — въ видѣ шлемовъ, что, конечно, имѣетъ свое raison d'être. Главки эти указывали на нахожденіе подъ ними придѣла; обычно въ такихъ случаяхъ ставилась одна главка, отклоненіе же отъ общаго правила, конечно, было вызвано въ данномъ случаѣ требованіями симметріи, такъ какъ ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ письменности не говорится, чтобы подъ звонницею существовало когда-нибудь два придѣла.

Мы еще ничего не сказали о цоколѣ храма. Онъ точно такъ же, какъ и всѣ остальныя части, сложенъ изъ кирпича; что же касается его профиля, то послѣдній, какъ видно изъ рисунка № 52, состоитъ изъ семи обломовъ, очень удачно скомбинированныхъ.

Заканчивая описаніе церкви села Дьякова, нельзя не упомянуть о ея внѣшней раскраскѣ, хотя бы уже потому, что съ такимъ художественнымъ пріемомъ мы сталкиваемся впервые; правда, въ предшествовавшихъ періодахъ московскаго зодчества практиковалось помѣщеніе священныхъ изображеній въ закаморахъ храмовъ и по сторонамъ входовъ, какъ это имѣло мѣсто въ Успенскомъ соборѣ; но, насколько намъ извѣстно, не было примѣровъ сплошной росписи наружныхъ стѣнъ храмовъ. Дьяковская же церковь покрыта росписью снизу до верху. Характеръ этой росписи очень своеобразенъ; священныхъ изображеній здѣсь очень не много, всего только въ трехъ мѣстахъ, а именно вверху впадинъ нижняго восьмерика средней башни; вся же остальная роспись имѣетъ характеръ орнаментальный или подражательный. Такъ всѣ большія гладкія поверхности нижней части церкви раздѣланы подъ кладку изъ рванаго камня; верхнія впадины на нижнихъ восьмеркахъ боковыхъ башенъ украшены изображеніями темнокрасныхъ горшковъ съ цвѣтущими въ нихъ фантастичными растеніями. Такіе же орнаменты видны и на нѣкоторыхъ граняхъ верхнихъ восьмериковъ этихъ же башенъ и на столпахъ звонницы. Всѣ мелкія архитектурныя детали, какъ-то карнизы, тяги и фронтоны покрыты геометрическими узорами, въ которыхъ основными мотивами являются треугольники, прямоугольники и полукружки. На карнизахъ мѣстами виднѣются лиственные орнаменты и розетки—«рѣпы», какъ ихъ называли въ старину. Краски наложены непосредственно на стѣны безъ предварительнаго штукатурнаго намета, такъ что кирпичная кладка совершенно ясно просвѣчиваетъ сквозь тонкій слой красокъ. Несмотря на яркость отдѣльныхъ тоновъ и большое ихъ разнообразіе, общій колоритъ росписи не производитъ безпокойнаго, пестраго впечатлѣнія, чему, конечно, до нѣкоторой степени содѣйствовало время, положившее на раскраску свой тонъ, смягчившій рѣзкость отдѣльныхъ красокъ и придавшій имъ мягкую гармоничность.

Крайне интересенъ вопросъ о времени происхожденія этой раскраски. Безспорно, что она не одинъ разъ ремонтировалась, а быть можетъ даже и совершенно заново возобновлялась. Поэтому вопросъ сводится къ тому, — когда была сдѣлана первоначальная роспись и насколько точно послѣдующія росписи повторяли какъ расцвѣтку, такъ и орнаментацію первоначальной. Къ сожалѣнію, на обѣ части этого вопроса до сихъ поръ не удалось дать обоснованнаго отвѣта, вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было данныхъ; всѣ немногочисленные памятники письменности, упоминающіе объ интересующемъ насъ храмѣ, ни единымъ словомъ не говорятъ о его раскраскѣ. Поэтому до нахожденія новыхъ источниковъ, которые могли бы пролить свѣтъ на этотъ темный вопросъ, приходится рѣшать его теоретически. Не имѣя, однако, достаточно эрудиціи, предоставимъ рѣшеніе этой въ высшей степени интересной

задачи спеціалистамъ по исторіи русскаго орнамента, замѣтивъ только, что, на нашъ взглядъ, за исходную точку для рѣшенія этой задачи можно взять поразительное сходство Дьяковской росписи съ росписью Московскаго Покровскаго собора, постройка котораго закончена въ 1560 году.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ передѣлкахъ и искаженіяхъ, которыя, хотя и незначительно, но все же измѣнили первоначальный видъ Дьяковскаго храма.

Мы уже упомянали о двухъ исчезнувшихъ главкахъ, о пристройкѣ звонницы и крыльца съ западной стороны храма, а также о передѣлкѣ прежде открытой южной галлереи въ закрытую паперть. Поэтому остается только указать на значительное расширеніе сѣверной галлереи, превратившее ее въ довольно обширное помѣщеніе для молящихся при совершеніи богослуженія въ сѣверо-восточномъ придѣлѣ. Эта перестройка была произведена сравнительно недавно. Что же касается растески тріумфальной арки, а также расширенія алтарей въ придѣлахъ, то свѣдѣній объ этомъ намъ, къ сожалѣнію, найти не удалось. Изъ этого перечня ясно видно, что Дьяковская церковь въ своемъ настоящемъ видѣ очень мало разнится отъ первоначальнаго; руки ярыхъ истребителей, повинныхъ въ гибели столькихъ памятниковъ старины, не смѣли дотронуться до этого чуднаго произведенія, которое, словно яркій и пышный цвѣтокъ, появилось на зарѣ самобытнаго русскаго зодчества.

Оставляя пока въ сторонѣ попытку вывести какія-нибудь заключенія на основаніи сдѣланнаго нами описанія Дьяковскаго храма, займемся болѣе или менѣе подробнымъ изученіемъ его сосѣдки[1]) — знаменитой церкви Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ.

Этотъ колоссальный[2]) храмъ построенъ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ, по однимъ свѣдѣніямъ[3]) въ 1521 году, по другимъ[4]) же — въ 1532. Имя зодчаго неизвѣстно. Пріемъ плана очень простъ: внутренній его контуръ въ общихъ чертахъ представляетъ квадратъ, къ сторонамъ котораго примыкаютъ довольно глубокія ниши; снаружи же это равноконечный крестъ, обогащенный прямоугольными выступами, заполняющими входящіе углы между перекладинами креста (рис. № 53).

Храмъ стоитъ на высокомъ подклѣтѣ и окруженъ широкой террасой на сводахъ и столпахъ. Контуръ плана террасы почти точно повторяетъ наружный абрисъ плана самого храма, съ той только разницей, что площадь западной части террасы значительно больше частей сѣверной, восточной и

---

[1]) Между церквами Іоанна Предтечи и Вознесенія не болѣе полуверсты. Обѣ онѣ стоятъ на высокомъ берегу Москвы-рѣки, верстахъ въ пяти отъ Серпуховской заставы.

[2]) Его высота до конца креста равняется 31 слишкомъ саженямъ.

[3]) А. М. Павлиновъ. Спутникъ зодчаго по Москвѣ. 1895 годъ стран. 17.

[4]) И. Е. Забѣлинъ. Черты самобытности и т. д. Мартыновъ. Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества.

южной, которыя почти равны между собой. На террасу ведутъ три широкія лѣстницы, каждая съ нѣсколькими рундуками (площадками).

Всѣ наружные углы храма какъ входящіе, такъ и выходящіе украшены выступами пилястръ; пилястры имѣются и внутри храма; въ общемъ получается очень красивый планъ, несмотря на пеимовѣрную массивность его стѣнъ, толщина которыхъ при внутренней площади храма приблизительно въ 16 квадратныхъ саженъ равняется полутора саженямъ. Думается, однако, что даже современные зодчіе, во всеоружіи тайнъ стропгельной механики, не рискнули бы сдѣлать эти стѣны болѣе тонкими, разъ только осталась бы та же огромная высота храма, надъ которой, однако, не задумался зодчій XVI вѣка.

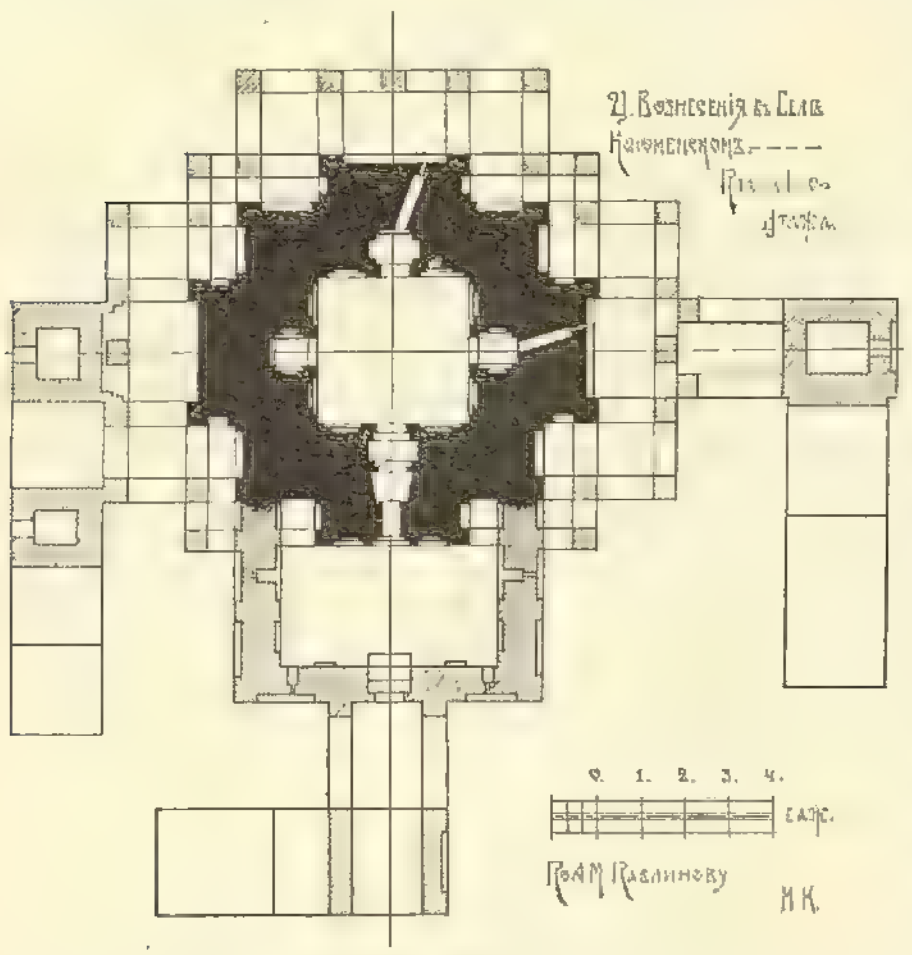


Рис. 53.

Внутри Коломенская церковь дѣлится по высотѣ на три ясно разграниченныя части почти одинаковой высоты (рис. № 54). Нижняя часть представляетъ собою квадратную въ планѣ призму, каждая грань которой разбита двумя пилястрами на три равныя части. Пилястры эти поставлены на пьедесталы и имѣютъ внизу базы, а вверху богатые карнизы. Не только общій характеръ этого архитектурнаго пріема, но и всѣ его детали носятъ на себѣ явные слѣды италіанскаго вліянія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно одного взгляда на эти карнизы, съ ихъ схоластическимъ дѣленіемъ на архитравъ, фризъ и вѣнчающій карнизъ. Правда, первый въ ущербъ послѣднему получилъ въ русской трактовкѣ слишкомъ большое развитіе и это, на нашъ взглядъ, говоритъ въ пользу того, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто одно лишь «вліяніе», самъ же архитектурный мотивъ былъ какъ задуманъ, такъ и приведенъ въ исполненіе русскимъ мастеромъ.

Зт средпимъ дѣленіемъ каждой стѣны имѣются двѣ расположенныя одна за другой ниши, перекрытыя полуциркульными арками; заднія ниши значительно ниже переднихъ. Арки послѣднихъ обтянуты довольно широкими архивольтами.

Бо́льшая часть бокового свѣта, проникающая въ эту часть храма, попадаетъ чрезъ высокіе, узкіе, со ступенчатыми подоконниками окна, продѣланныя

на высотѣ почти четырехъ саженъ отъ полу посрединѣ каждой изъ стѣнъ. Кромѣ того, имѣются окна и въ углахъ; они приподняты надъ поломъ значительно ниже средствѣшихъ, а именно настолько, что верхи ихъ находятся на одномъ уровнѣ съ подоконниками первыхъ. Такое размѣщеніе оконъ въ углахъ зданія непривычно для нашего взгляда и кажется не конструктивнымъ. По это объясняется тѣмъ, что мы свыклись съ мыслью объ аршинной толщинѣ стѣнъ, при которой устройство угловыхъ оконъ связано съ большими затрудненіями, устраняемыми различными хитроумными конструкціями. Послѣднія же никогда не могутъ произвести на зрителя хорошаго впечатлѣнія, вызывая въ немъ представленіе о какой-то натяжкѣ и неискренности, такъ нежелательныхъ въ зодчествѣ, гдѣ все должно быть логично, просто, правдиво и понятно съ перваго взгляда. Въ данномъ же случаѣ, при колоссальной толщинѣ стѣнъ Коломенскаго храма, конструированіе угловыхъ оконъ не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій. Дѣйствительно, къ угловой нишѣ (А), служащей внутреннимъ просвѣтомъ окна (рис. № 55), сходятся подъ прямымъ угломъ наружные просвѣты двухъ оконъ, размѣщенныхъ по сторонамъ внѣшняго угла храма. Уголъ этотъ на протяженіи всей высоты оконныхъ просвѣтовъ представляетъ собою массивный столбъ (В), легко выдерживающій всю вышележащую нагрузку. При аршинной же, или нѣсколько большей толщинѣ стѣнъ угловой столбъ получается съ такою незначительной площадью основанія, что можетъ имѣть одно лишь

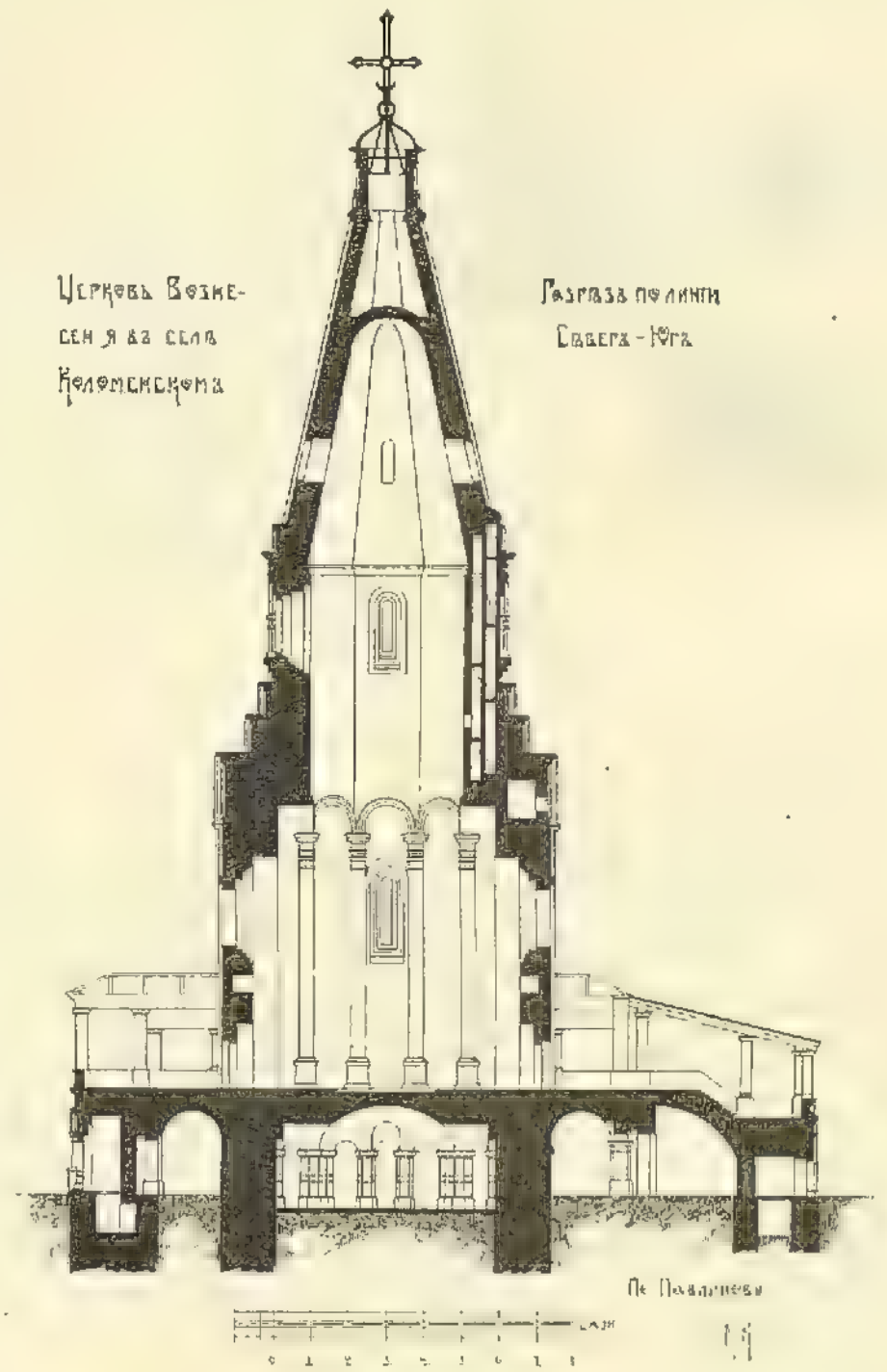


Рис. 54.

декоративное значеніе, а для поддержанія вышележащей нагрузки нужно придумывать тѣ хитроумныя конструкціи, о которыхъ мы упомянули выше. Угловое размѣщеніе окопъ въ Коломенской церкви не представляетъ исключительнаго явленія, такія же окна имѣются, напримѣръ, въ церкви села Чиркина[1]), построенной, правда, значительно позднѣе Коломенской церкви.

Среднюю по высотѣ часть разсматриваемаго храма занимаетъ восьмерикъ; опорою для его діагональныхъ граней служатъ такъ называемые коническіе паруса, игравшіе очень видную роль въ церковной архитектурѣ Арменіи и Грузіи. Въ московскомъ же зодчествѣ мы встрѣчаемся впервые съ этимъ въ высшей степени логичнымъ конструктивнымъ пріемомъ, дающимъ возможность распредѣлить всю тяжесть діагональной стѣны восьмерика на двѣ смежныя стѣны нижележащей квадратной или прямоугольной части зданія[2]). Лицевыя арки этихъ парусовъ окаймлены въ Коломенской церкви архивольтами, опирающимися на вѣнчающіе карнизики пилястръ двухъ смежныхъ стѣнъ. Профиль этихъ архивольтовъ такой же, какъ и у арокъ среднихъ нишъ, такъ что въ общемъ получается непрерывное кольцо одинаковыхъ архивольтовъ, ясно разграничивающее нижнюю часть церкви отъ средней. Въ лицевыхъ граняхъ послѣдней находятся узкія съ полуциркульными верхами окна; ихъ сильные откосы и подоконники имѣютъ, подобно нижнимъ, ступенчатую форму.

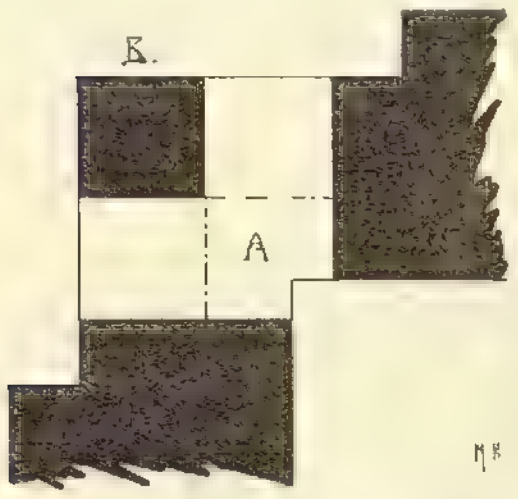


Рис. 55.

Заканчивается средняя часть церкви небольшимъ уступомъ, который отмѣчаетъ переходъ отъ восьмерика къ восьмигранному шатру, являющемуся послѣдней частью храма. Замѣтимъ теперь же, что шатеръ въ каменномъ церковномъ зодчествѣ Москвы встрѣчается намъ здѣсь впервые. Изъ этого, конечно не слѣдуетъ заключать, что Коломенскій шатеръ — есть первый по времени, такъ какъ очень вѣроятно, что нѣкоторыя изъ Кремлевскихъ крѣпостныхъ башенъ были покрыты каменными шатрами. Мы хотимъ только напомнить, что въ предыдущіе періоды московское зодчество, по крайней мѣрѣ въ отношеніи церквей, не знало примѣненія каменнаго шатра.

Грани разсматриваемаго нами шатра плавно загибаются вверху и незамѣтно для глаза постепенно переходятъ въ сомкнутый сводъ, который изнутри храма завершаетъ весь этотъ колоссальный столпъ. Высота храма такъ велика,

---

[1]) Смотри «Матеріалы по исторіи русской архитектуры «Зодчій» 1907 годъ».

[2]) Коническіе паруса образуются рядомъ полуциркульныхъ арочекъ, радіусъ которыхъ постепенно уменьшается. Совокупность внутреннихъ частей этихъ арочекъ представляетъ собою одну общую поверхность половины конуса, вершина котораго совпадаетъ съ вершиной угла, перекрытаго парусомъ.

что снизу очертанія свода еле замѣтны; впечатлѣніе безконечности еще усиливается полумракомъ и скопляющимися вверху храма клубами ладана, кажущимися застывшими на мѣстѣ облаками.

Грани шатра такъ же, какъ и стѣны восьмерика, не имѣютъ никакихъ украшеній.

Въ прежнее время свѣтъ проникалъ въ шатеръ чрезъ четыре окна, находившихся въ лицевыхъ граняхъ; теперь же шатеръ тонетъ въ полумракѣ, такъ какъ окна эти заложены. Упомянутый выше сводъ находится не въ самой вершинѣ шатра, а приблизительно на двухъ третяхъ его высоты; за сводомъ стѣны шатра дѣлаются значительно тоньше, нежели въ нижней его части, видимой изнутри храма, и переходятъ въ невысокій со сравнительно тонкими стѣнками восьмерикъ, который представляетъ собою шею главы.

Всѣ разсмотрѣнныя нами части Коломенской церкви, не исключая и шатра съ вѣнчающей его шеей, сложены изъ прекрасно-обожженнаго, крѣпкаго кирпича. Что же касается главы храма, то въ настоящее время какъ она сама, такъ и ея каркасъ сдѣланы изъ металла; по первоначально, надо полагать, листы кровли были прикрѣплены либо къ деревяннымъ стропиламъ, либо къ кирпичному своднку.

Въ сѣверной нишѣ храма имѣется дверь, ведущая на лѣстницу, ступени которой начинаются въ толщѣ сѣверной же стѣны, проходятъ западную и заканчиваются въ южной стѣнѣ восьмерика у самаго подножія шатра. Освѣщается лѣстница нѣсколькими окошцами такихъ незначительныхъ размѣровъ, что снаружи храма они почти совершенно незамѣтны.

Повидимому, никакой росписи внутри храма никогда не было, да и она была бы возможна только въ нижней его части, а вверху совершенно терялась бы при столь большой высотѣ зданія.

Общее впечатлѣніе, производимое внутреннимъ видомъ храма, — это мощь и величіе. Такое же впечатлѣніе, только съ еще бо́льшею силою, онъ производитъ и снаружи (рис. № 56). Къ сожалѣнію, въ настоящее время внѣшность храма не совсѣмъ такая, какою она была тотчасъ послѣ его постройки. Теперь надъ парапетами террасы и лѣстницъ высятся тяжелые, квадратные въ планѣ столпы, служащіе опорой для легкихъ и плоскихъ желѣзныхъ кровель; раньше ихъ не было, и храмъ, открытый для глазъ съ самаго низа, возвышался непосредственно надъ террасой. Недавно низъ храма еще болѣе изуродовали, превративъ всю западную часть террасы въ притворъ. Для этой цѣли между столпами вставили рѣшетчатые оконные переплеты, которые придали всей этой части характеръ какой-то теплицы.

Столпы террасы имѣютъ пьедесталы, несложные по профилю базы и карнизы, а опирающимся на нихъ архивольтамъ придана килевая форма, тогда какъ сами арки имѣютъ форму полуциркульную. Нѣкоторыя изъ арокъ заложены

кирпичными стѣнками съ оставленными въ нихъ небольшими оконцами для освѣщенія помѣщеній, образовавшихся отъ устройства этихъ стѣнокъ. Вѣ-

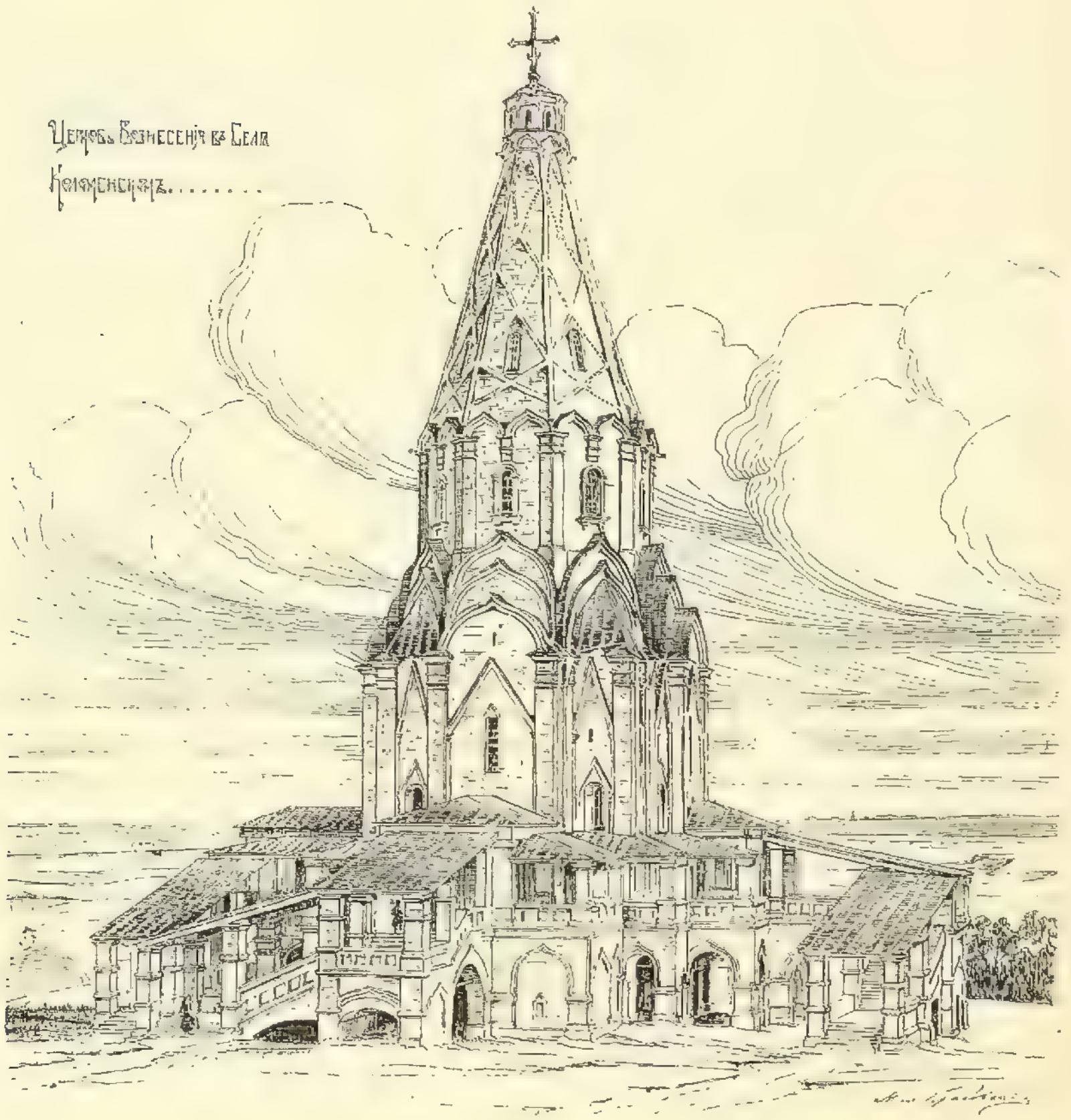


Рис. 56.

роятно, это все передѣлки, относящіяся ко времени устройства надъ террасой крышъ. Край террасы обтянутъ карнизомъ, непосредственно надъ которымъ возвышается парапетъ, украшенный довольно глубокими квадратными шрипками.

Несмотря на то, что ширинки намъ встрѣчались уже не разъ и, слѣдовательно, при постройкѣ Вознесенской церкви являлись для русскихъ зодчихъ формою хорошо знакомой, мы все-таки склонны думать, что существующій теперь парапетъ этой церкви не одновременепъ съ нею, а былъ передѣланъ при устройствѣ столповъ для кровли. Подтвержденіемъ этому можетъ служить то обстоятельство, что размѣры ширинокъ всюду одинаковы и что толщина стѣнокъ парапета значительно менѣе толщины столповъ.

Внѣшній видъ Коломенскаго храма точно такъ же, какъ и въ Дьяковской церкви, вполнѣ выражаетъ его внутренній распорядокъ. Дѣйствительно, нижней внутренней призмѣ съ примыкающими къ ней нишами отвѣчаетъ снаружи храма крестовый въ планѣ массивъ, служащій опорой для восьмерика съ покрывающимъ его шатромъ.

Выше мы упомянули, что каждый наружный уголъ этой части церкви украшенъ пилястрой; къ этому нужно добавить, что пилястры эти украшены вверху карнизами, очень похожими на карнизы внутреннихъ пилястръ. Поля стѣнъ между пилястрами убраны ломаной формы карнизами, подобіемъ щипцовъ[1]), нижніе концы которыхъ опираются на капители чуть замѣтныхъ круглыхъ колонокъ, которыя находятся въ углахъ, образуемыхъ пилястрами и полями стѣнъ.

Наличники главныхъ окопъ очень несложны; это тонкіе валики, огибающіе низы оконъ и ихъ боковыя части, а вверху загибающіеся по полуциркулу, несмотря на то, что верхи просвѣтовъ у оконъ прямые. Отдѣлка оконъ на угловыхъ выступахъ болѣе сложна; здѣсь по сторонамъ огибающаго валика помѣщены еще тоненькія круглыя колонки съ капителями, служащими опорой для такихъ же подобій щипцовъ, какъ и на поляхъ стѣнъ. Тѣ стѣны нижней части храма, которыя представляютъ собою концы креста, завершаются закаморами, имѣющими острыя подвышенія; угловые же выступы покрыты высокими крышами, представляющими собою половины шатра, разрѣзаннаго діагональной плоскостью. Теперь эти крыши покрыты кровельнымъ желѣзомъ, въ старину же здѣсь вѣроятно, находилась поливная черепица или листы свинца.

Плавный переходъ къ восьмерику достигнутъ при помощи двухъ расположенныхъ одинъ надъ другимъ рядомъ кокошниковъ, постепенно отодвигающихся къ вертикальной оси храма и врѣзающихся другъ въ друга; форма ихъ совершенно такая же, какъ и у закаморъ[2]). Такое непосредственное размѣщеніе закаморъ

---

[1]) Щипцами въ полномъ смыслѣ слова эту форму назвать нельзя, такъ какъ этотъ терминъ обозначаетъ вѣнчающую часть стѣны, надъ которой ничего болѣе не возвышается, тогда какъ въ данномъ случаѣ надъ нею находится еще значительной высоты стѣна.

[2]) Мы не безъ цѣли примѣнили различные термины для трехъ рядовъ одинаковыхъ формъ, такъ какъ нижнія, отвѣчая находящимся за ними внутри храма аркамъ, дѣйствительно являются «закаморами», два же ряда верхнихъ служатъ исключительно для художественной цѣли, и поэтому должны быть названы «кокошниками».

и кокошниковъ — одинъ надъ другимъ, — какъ увидимъ далѣе, не получило распространенія и пріемъ этотъ, надо сознаться, не заслуживаетъ повторенія, какъ не производящій благопріятнаго впечатлѣнія. Дѣйствительно, при такомъ размѣщеніи кокошниковъ архивольты верхняго ряда опираются не на шелыги нижнихъ архивольтовъ, а на ихъ нижнія части. Вслѣдствіе этого кажется, что верхній архивольтъ, не имѣя прочной опоры, ежеминутно готовъ соскользнуть по бокамъ нижняго и осѣсть на него. Въ оправданіе зодчаго Коломенской церкви можно указать на то, что онъ, повидимому, первый рискнулъ помѣстить ряды кокошниковъ одинъ надъ другимъ, а между тѣмъ новые архитектурные пріемы, вырабатываясь постепенно, никогда не могутъ сразу вылиться въ идеальную форму.

Въ паузахъ кокошниковъ верхняго ряда виднѣются невысокія стѣнки, служащія цоколемъ для восьмерика. Углы послѣдняго прикрыты пилястрами, опирающимися на раскреповки цоколя, которыя служатъ пьедесталами для пилястръ.

Базы пилястръ едва замѣтны снизу, такъ какъ образованы всего однимъ обломомъ; капители же, или, вѣрнѣе, карнизы, наоборотъ, очень богаты, потому что почти точно повторяютъ комбинацію обломовъ у нижнихъ пилястръ.

Очень интересно скомпанованы очелья оконъ восьмерика: они состоятъ изъ подоконной тяги, опирающейся на два кронштейна, двухъ пилястръ по сторонамъ просвѣта, съ базами и капителями и, наконецъ, изъ полуциркульнаго архивольта, опирающагося на капители пилястръ. Не только общій характеръ этихъ очелій, но и профиль ихъ подоконныхъ тягъ ясно указываютъ на знакомство зодчаго съ италіанскими пріемами. Очелья имѣются на всѣхъ граняхъ восьмерика, но окна продѣланы только въ лицевыхъ. Очень вѣроятно, что фальшивыя теперь очелья діагональныхъ граней окаймляли въ прежнее время настоящія окна, которыя впослѣдствіи были заложены. Вопросъ этотъ можно рѣшить только послѣ тщательнаго изученія и сравненія кладки внутри фальшивыхъ очелій съ кладкою вокругъ нихъ.

Заканчивается восьмерикъ поясомъ кокошниковъ, размѣщенныхъ по два надъ каждой его гранью. Кокошники имѣютъ подвышенія, и пяты ихъ попеременно опираются то на карнизы пилястръ восьмерика, то на особые кронштейны, образованные такою же группировкою обломовъ, какъ и карнизы пилястръ. Въ общемъ вся эта часть церкви очень изящна и приковываетъ къ себѣ вниманіе пропорціональностью составныхъ частей.

Ребра шатра прикрыты мощными валиками, а грани украшены перекрещивающимися полосами небольшихъ острыхъ квадръ, производящихъ впечатлѣніе накинутой на шатеръ сѣти, петли которой постепенно растягиваются кверху. Окна шатра обтянуты узенькими наличниками и, какъ мы упомянули выше, въ настоящее время всѣ заложены кирпичомъ.

Вершина шатра окаймлена небольшимъ карнизомъ, надъ которымъ выспится невысокая восьмигранная призма, каждая грань которой украшена кокошникомъ съ острымъ подвышеніемъ. Призма эта служитъ цоколемъ для вѣнчающаго восьмерика, обтянутаго вверху широкимъ карнизомъ, свѣсъ котораго очень не великъ. Ребра восьмерика прикрыты пилястрами, и на каждой грани находится по одной неглубокой нишкѣ, имѣющей полуциркульный верхъ и обтянутой простымъ наличникомъ.

Очень оригиналенъ крестъ Коломенской церкви. Его нижняя часть, отъ яблока до полумѣсяца, сплошная, а остальныя части составлены изъ двухъ полосъ, со значительнымъ между ними промежуткомъ. Концы обдѣланы въ видѣ ромбовъ съ немного вогнутыми сторонами; въ точкѣ пересѣченія горизонтальной перекладины со стойкою помѣщена круглая бляха. Характерная особенность разсматриваемаго креста заключается въ томъ, что его горизонтальная перекладина помѣщена какъ разъ на серединѣ высоты стойки, а не нѣсколько выше, какъ это, обыкновенно, дѣлалось. Мы не знаемъ, насколько этотъ крестъ древенъ, но по своимъ простымъ и мощнымъ формамъ онъ нисколько не дисгармонируетъ съ общимъ обликомъ древняго храма, а наоборотъ, является съ художественной точки зрѣнія его неотъемлемой и неизмѣняемой частью.

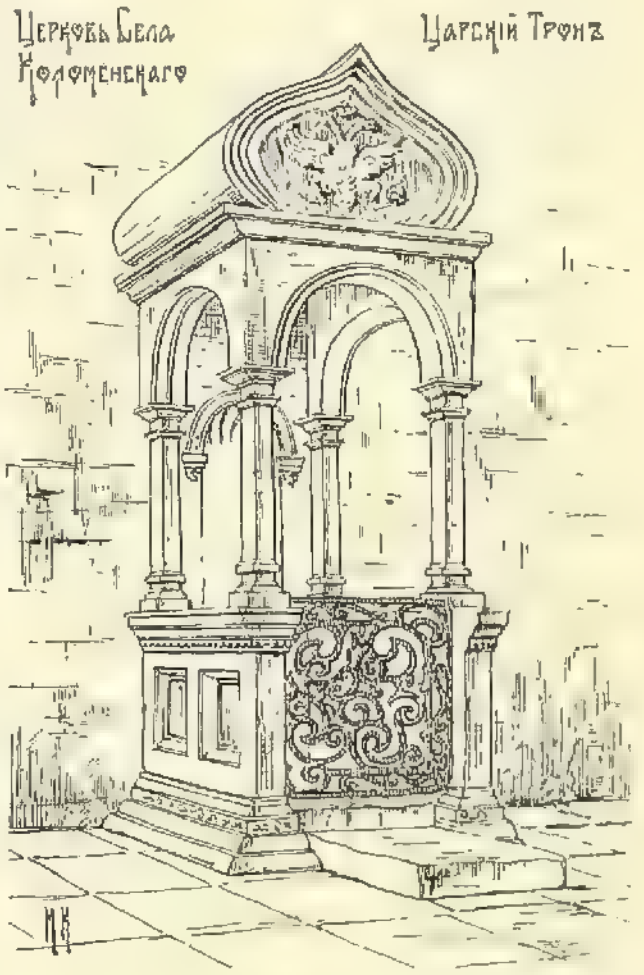


Рис. 57. По А. Мартынову.

Церковь Вознесенія входила въ составъ «Государева двора», т.-е. была дворцовой церковью, и въ ней, стало-быть, совершались торжественныя богослуженія, связанныя съ царскими выходами. По крайней мѣрѣ, такой порядокъ существовалъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, часто и подолгу живавшемъ въ своей любимой вотчинѣ — селѣ Коломенскомъ.

Этимъ объясняется одна интересная особенность Коломенской церкви — ея царскій тронъ (или «мѣсто»), устроенный на террасѣ храма у его восточной стѣны (рис. № 57). Мы упомянули объ этомъ тронѣ и прилагаемъ его рисунокъ только съ цѣлью дать возможно болѣе полное описаніе разсматриваемаго храма, но считаемъ нужнымъ оговориться, что, по нашему мнѣнію, время устройства трона должно быть отнесено къ XVII вѣку, на

что указываютъ какъ общій пріемъ компановки, такъ и детали, въ особенности характеръ орла на лбѣ его крыши (бочки) и рисунокъ металлической рѣшетки; хотя само собой разумѣется, что послѣдняя могла быть устроена впослѣдствіи.

Въ противоположность Дьяковской Коломенская церковь снаружи только выбѣлена, но это не мѣшаетъ ей производить такое же чарующее художественное впечатлѣніе, какъ и первой. Очевидно и на своихъ современниковъ этотъ колоссальный бѣлый столпъ производилъ не менѣе сильное и благопріятное впечатлѣніе; не даромъ съ такимъ восторгомъ отозвался о Коломенской церкви лѣтописецъ, говоря, что она «вельми чудна высотою и красотою и свѣтлостію, такова не бывала прежде до сего въ Руси».

Заканчивая описаніе Коломенской церкви, нельзя не сказать объ одной характерной чертѣ ея наружной архитектуры — о почти полномъ отсутствіи сплошныхъ горизонтальныхъ тягъ и карнизовъ; дѣйствительно, они имѣются только въ трехъ мѣстахъ: на уровнѣ пола террасы, на верху шатра и подъ главою; на всей же средней части церкви нѣтъ ни одной горизонтальной тяги, которая охватывала бы ее кольцомъ.

Конечно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь вліяніи готической архитектуры, но безспорно, что строителемъ Коломенскаго храма руководила та же идея, которая получила художественное воплощеніе въ «стрѣльчатой» архитектурѣ — это неудержимое стремленіе вверхъ, къ небу, къ царству Того, Кому построенъ на землѣ храмъ. Правда, русскіе люди искони связывали понятіе о красотѣ зданія съ его высотою: чѣмъ выше, тѣмъ красивѣе; слѣдовательно, строя столпообразный храмъ зодчій удовлетворялъ общему представленію о красотѣ; но не дѣля храмъ по высотѣ какими-нибудь горизонтальными тягами, которые разбили бы все зданіе на отдѣльные ярусы, онъ подчеркнулъ свою личную мысль, выражавшуюся въ стремленіи человѣческаго духа въ высь.

Много общаго съ Коломенскимъ храмомъ имѣютъ церкви въ селахъ Медвѣдковѣ и Бесѣдахъ. Мы сдѣлаемъ лишь бѣглый ихъ очеркъ, чтобы по возможности скорѣе перейти къ замѣчательнѣйшему храму XVI вѣка, — къ Московскому Покровскому собору.

Годы постройки обѣихъ этихъ церквей не извѣстны, но какъ общій ихъ архитектурный замыселъ, такъ и отдѣльныя детали заставляютъ предполагать, что строители этихъ памятниковъ русскаго зодчества жили въ XVI вѣкѣ. Что же касается вопроса о томъ, какая изъ этихъ двухъ церквей старше, то по нѣкоторымъ признакамъ, на которые укажемъ въ дальнѣйшемъ, первенство, повидимому, принадлежитъ церкви Рождества Христова въ селѣ Бесѣдахъ.

Планъ послѣдней до чрезвычайности простъ (рис. № 58) — это квадратъ[1]), къ которому съ востока примыкаетъ полукруглая апсида; діаметръ послѣдней лишь немного меньше стороны квадрата. Ширина тріумфальной арки сравнительно съ пролетами сѣверныхъ и южныхъ вратъ очень велика. По свидѣтельству И. М. Снегирева[2]) къ квадратной части храма примыкали прежде съ трехъ сторонъ открытыя ходовыя паперти; теперь ихъ уже нѣтъ, но на прежнее ихъ существованіе указываютъ двери въ сѣверной и южной стѣнахъ, чрезъ которыя можно было попасть въ церковь только съ папертей, такъ какъ храмъ стоитъ на довольно высокомъ подклѣтѣ. Въ поперечной стѣнкѣ послѣдняго, отдѣляющей квадратъ отъ апсиды, имѣется только одна дверь, что дѣлаетъ невозможнымъ существованіе здѣсь нижней церкви. Вѣроятно, подклѣтъ служилъ либо «казною», либо усыпальницею.

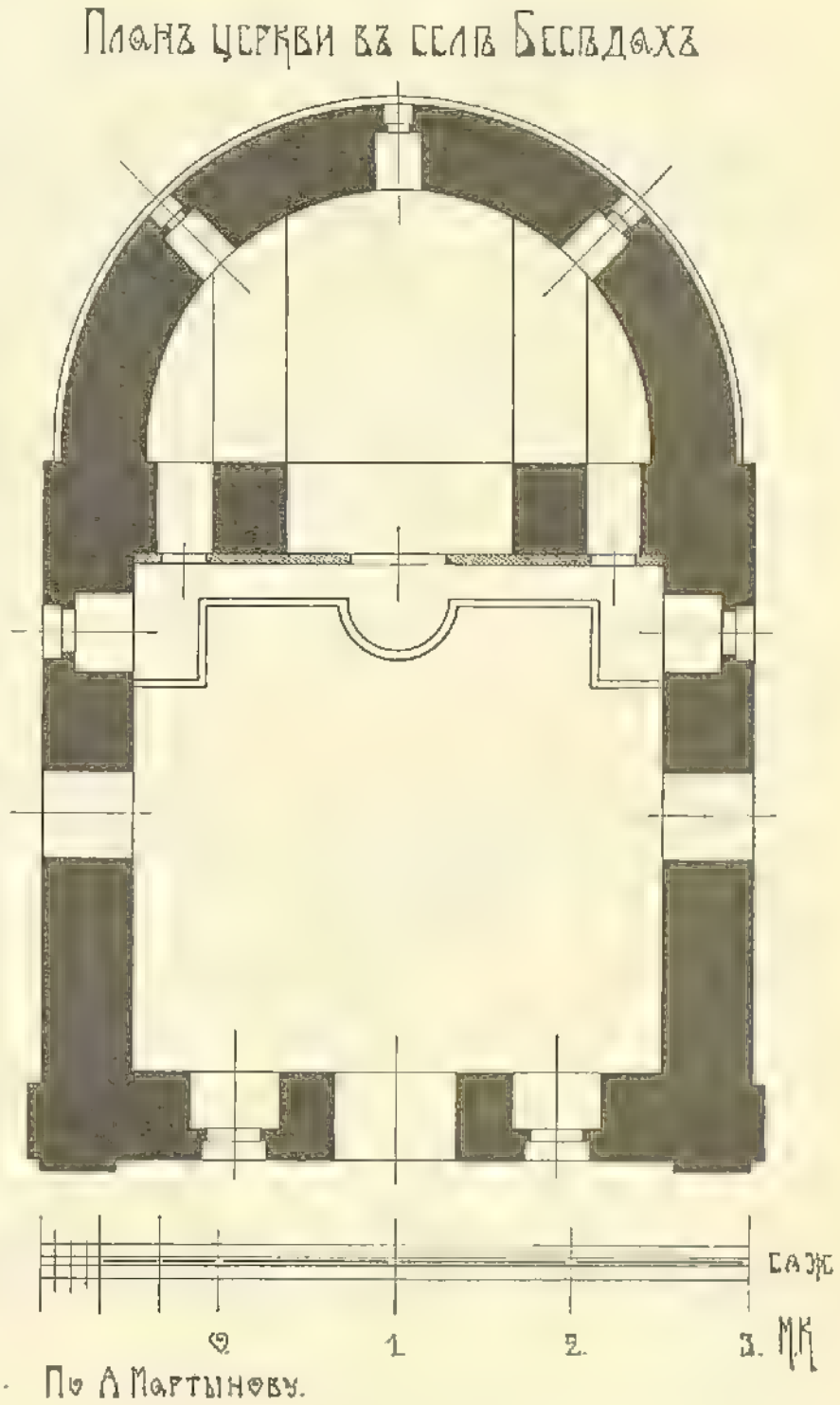


Рис. 58.

Съ западной стороны храма на паперть вела лѣстница, надъ которой возвышалась шатровая колокольня; теперь ихъ мѣсто занимаетъ трапеза съ двумя придѣлами.

Характерную особенность церкви Рождества Христова составляетъ матеріалъ, изъ котораго сдѣлана ея нижняя часть и способъ примѣненія его въ дѣло. А именно, стѣны подклѣта и самой церкви по вѣнчающій карнизъ алтаря сложены изъ бѣлаго мячковскаго камня, при чемъ способъ кладки старый, до-Аристотелевскій, если можно такъ выразиться, при которомъ изъ тесан-

[1]) Сторона квадрата внутри храма равна 2 саж. 2 арш. 13 верш.
[2]) Смотри «Русская Старина В. П. Ц. и Г. зодчества» 1851 годъ.

наго камня клались двѣ стѣнки, а пространство между ними забучивалось щебнемъ и заливалось известью.

Примѣненіе въ дѣло бѣлаго камня объясняется, конечно, близостью его каменоломенъ къ мѣсту постройки; но способъ кладки заставляетъ предполагать, что руководившій ею мастеръ не вполнѣ проникся сознаніемъ раціональности конструктивныхъ пріемовъ, употреблявшихся Аристотелемъ Фіоравенти и, стало-быть, работалъ въ самомъ началѣ XVI вѣка, когда старый пріемъ кладки изъ естественнаго камня еще иногда примѣнялся. Вотъ эта-то особенность церкви села Бесѣдъ и наводитъ на предположеніе, что Медвѣдковская церковь, а, быть можетъ, и Коломенская были построены позднѣе ея, тѣмъ болѣе, что по размѣрамъ послѣднія гораздо больше церкви въ Бесѣдахъ и, слѣдовательно, требовали для ихъ постройки болѣе опытныхъ мастеровъ.

Есть и другая особенность въ церкви Рождества Христова, которая, повидимому, тоже подтверждаетъ сдѣланное нами предположеніе; это голосники, расположенные въ средней по высотѣ части храма, имѣющей форму восьмерика. Какъ мы уже знаемъ изъ предыдущаго, въ московскомъ зодчествѣ голосники встрѣчаются почти исключительно въ тѣхъ церквахъ, которыя были построены либо одними псковскими мастерами, либо московскими въ сотрудничествѣ съ первыми. Въ услугахъ псковичей Москва послѣ Аристотеля не нуждалась и поэтому естественно предположить, что церковь въ Бесѣдахъ построена въ первой четверти XVI вѣка, и ея зодчимъ былъ или псковичъ, вынужденный считаться съ новыми вкусами московскихъ храмоздателей, или москвичъ, еще не совсѣмъ отказавшійся отъ пріемовъ, обычныхъ для псковскаго зодчества.

Но если нѣкоторые конструктивные пріемы разсматриваемой церкви какъ бы отодвигаютъ ее назадъ — въ предшествующій періодъ, то по общей идеѣ композиціи и даже по компановкѣ плана она всецѣло принадлежитъ къ нарождающейся новой архитектурѣ, руководствовавшейся принципами, совершенно отличными отъ принциповъ предшествовавшихъ періодовъ.

Мы упомянули выше о большомъ сходствѣ внѣшняго вида церкви въ селѣ Бесѣдахъ съ Коломенскимъ храмомъ (рис. № 60). Дѣйствительно, въ ней совершенно такая же послѣдовательность въ подымающихся одна надъ другой частяхъ главной, столпообразной массы храма: надъ нижней квадратной въ планѣ частью возвышаются три ряда закаморъ, служащихъ переходомъ къ восьмерику. Закаморы имѣютъ нѣсколько вытянутую по высотѣ форму; подвышеній у нихъ нѣтъ. Каждый рядъ составленъ изъ поперемѣнно чередующихся большихъ и малыхъ закаморъ, при чемъ послѣднія служатъ опорами для пяти большихъ закаморъ слѣдующаго ряда. Шелыги архивольтовъ какъ большихъ, такъ и малыхъ закаморъ находятся на одной

Церковь въ селѣ Бесѣдахъ.

Рис. 59. По А. Мартынову.

высотѣ. Грани восьмерика, поставленнаго на невысокій гладкій цоколь, окаймленный простымъ кордономъ, украшены глубокими двухуступными впадинами прямоугольной формы. Надъ этими впадинами, отдѣлялсь отъ нихъ узенькой тягой, видпѣется поясъ изъ небольшихъ прямоугольныхъ ширинокъ. Заканчивается восьмерикъ очень красиво сформированнымъ карнизомъ, состоящимъ изъ архитрава, фриза и вѣнчающаго карниза.

Шатеръ церкви Рождества Христова совершенно лишенъ какихъ бы то ни было украшеній, и пропорціи его значительно менѣе вытянуты, чѣмъ у Коломенскаго храма. Узкій, едва замѣтный карнизъ заканчиваетъ всю эту скучноватую и нѣсколько грузную пирамиду. Восьмигранная шея главки окружена внизу островерхими кокошниками, грани ея прорѣзаны щелевидными окнами, а верхъ окаймленъ карнизомъ значительной высоты. Что касается луковичной главки и возвышающагося надъ ней узорочнаго четырехконечнаго креста, то они, повидимому, болѣе поздняго происхожденія.

Остается только сказать еще нѣсколько словъ о наружномъ видѣ подклѣта и алтаря. Первый не имѣетъ цоколя, стѣны его совершенно гладкія и обтянуты вверху мощнымъ полувалом. Выходящее на востокъ единственное[1]) окно подклѣта украшено широкимъ очельемъ съ треугольнымъ верхомъ.

Наружный контуръ стѣны алтаря представляетъ совокупность трехъ кривыхъ[2]), въ точкахъ сопряженія которыхъ помѣщены двѣ толстыя полуколонки, не имѣющія ни базъ, ни капителей. Верхи этихъ колоннъ пересѣкаются двумя тягами карниза, разъединенными широкимъ и гладкимъ поясомъ; карнизъ этотъ сложенъ уже не изъ бѣлаго камня, а изъ кирпича. Наружное дѣленіе алтаря на три части вполнѣ отвѣчаетъ внутреннему, такъ какъ двѣ арки, служащія опорами для сводовъ, образуютъ въ немъ жертвенникъ, собственно алтарь и діаконикъ. Изъ трехъ оконъ алтаря только восточное сохранило свою древнюю форму — оно узкое съ полуциркульнымъ верхомъ и обтянуто простымъ наличникомъ; два же боковыхъ окна растесаны и получили прямоугольную форму.

Не останавливаясь на болѣе подробномъ разсмотрѣніи деталей церкви въ селѣ Бесѣдахъ, не дающихъ никакихъ новыхъ формъ, переходимъ къ церкви Покрова въ селѣ Медвѣдковѣ.

Она вся сложена изъ кирпича. Планъ ея, подобно планамъ трехъ только что разсмотрѣнныхъ церквей совершенно утерялъ характеръ, свойственный архитектурѣ Византіи; здѣсь нѣтъ традиціонныхъ для предшествующаго періода четырехъ пилоновъ, внутреннее пространство церкви свободно, и верхнія ея части опираются на стѣны прямоугольника (четве-

---

[1]) Сѣверное и южное окна подклѣта теперь заложены.

[2]) На планѣ А. Мартынова эта деталь, къ сожалѣнію, не показана.

рика), къ восточной сторонѣ котораго примыкаютъ три криволинейныя алтарныя апсиды, одинаково выдающіяся впередъ и отдѣленныя другъ отъ друга широкими арками. (рис. № 60). Съ трехъ сторонъ къ храму примыкаютъ ходовыя паперти, заканчивающіяся съ востока небольшими придѣлами[1]), ширина которыхъ равна ширинѣ паперти. Придѣлы съ главнымъ храмомъ непосредственно не соединяются, такъ какъ входныя ихъ двери выходятъ на паперть. Въ главную же часть храма ведутъ три двери, расположенныя обычнымъ образомъ. Таковъ планъ верхняго яруса храма; что же

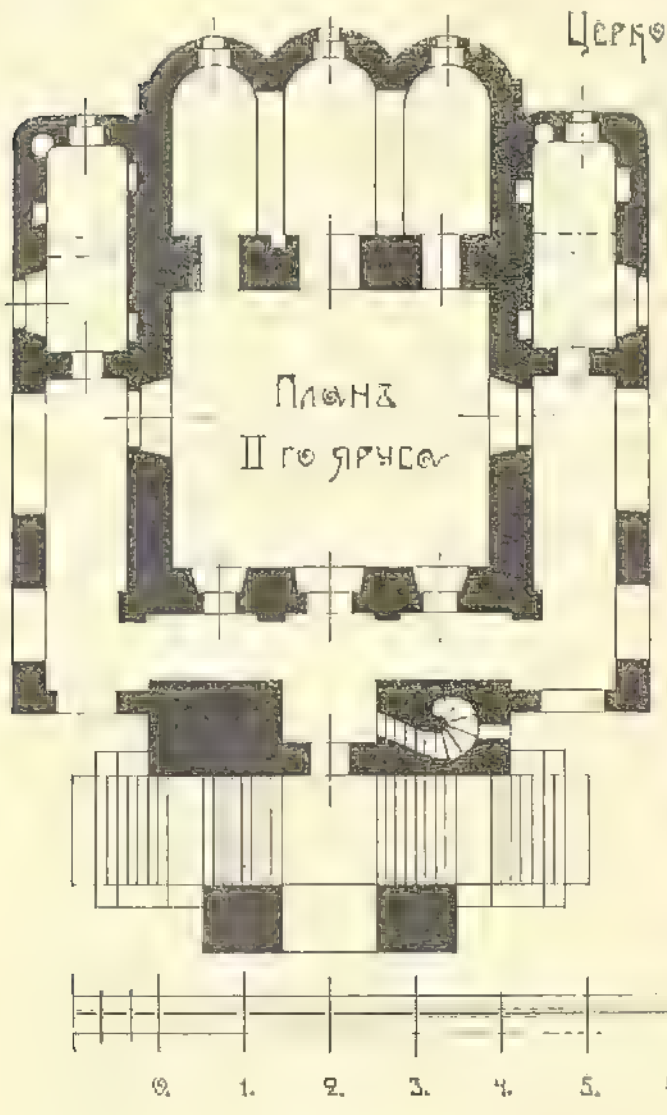


Рис. 60.

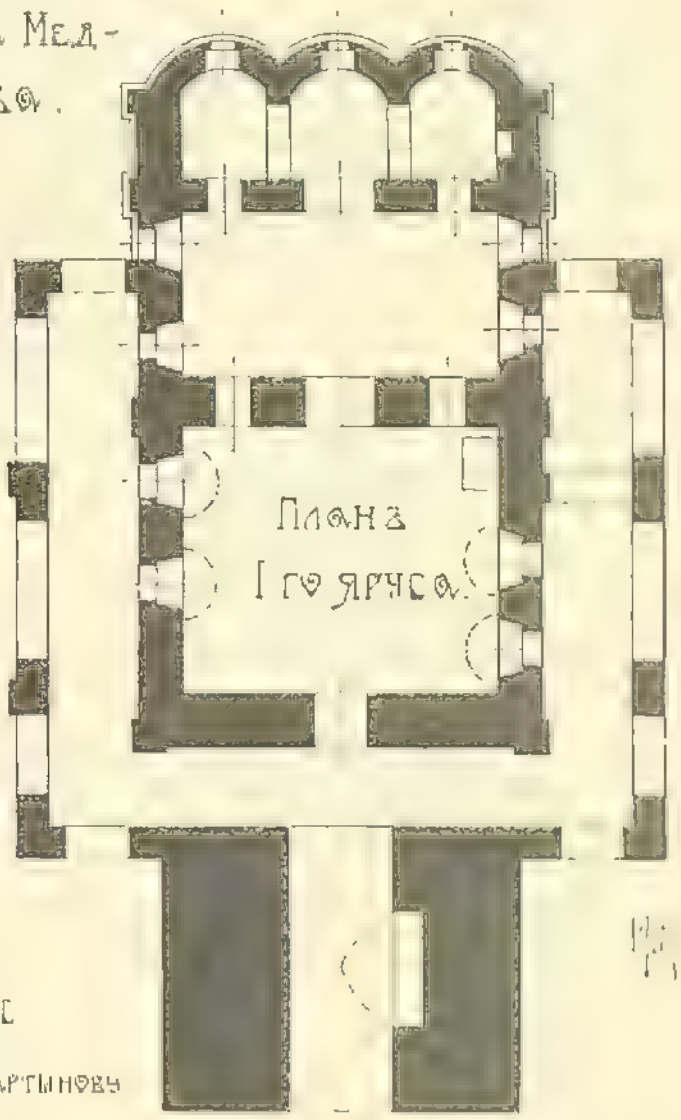


Рис. 61.

касается нижней церкви (рис. № 61), помѣщающейся въ подклѣтѣ, то распорядокъ ея нѣсколько иной; здѣсь съ западной стороны находится сравнительно обширная трапеза, восточная стѣна которой, прорѣзанная тремя дверями, является основаніемъ иконостасной стѣны верхняго храма. Помѣщеніе для молящихся имѣетъ вытянутую по направленію сѣверъ-югъ форму и отдѣляется отъ алтарныхъ апсидъ стѣной, которая служитъ основаніемъ для наружной стѣны верхняго алтаря. Такимъ образомъ, нижнія апсиды

[1]) Южный придѣлъ во имя преподобныхъ Сергія и Никона, а сѣверный во имя девяти мучениковъ.

сравнительно съ верхними значительно выдвигаются къ востоку. Придѣловъ въ нижнемъ (подклѣтномъ) ярусѣ нѣтъ, вслѣдствіе чего галлереи подъ ходовыми папертями верхняго яруса не замкнуты съ восточной стороны и заканчиваются открытыми арками.

Въ старину къ западной части ходовыхъ папертей примыкала одна лишь лѣстница, теперь же здѣсь находится колокольня, которая по своимъ формамъ совершенно не вяжется съ архитектурой древняго храма.

Изъ сдѣланнаго нами описанія плана Медвѣдковской церкви видно, что онъ въ сущности мало разнится отъ плана церкви въ селѣ Бесѣдахъ и такимъ образомъ не даетъ намъ новаго матеріала для какихъ либо выводовъ. Но зато въ высшей степени интереснымъ и наводящимъ на размышленія

Разрѣзъ верха Медвѣдковской церкви.

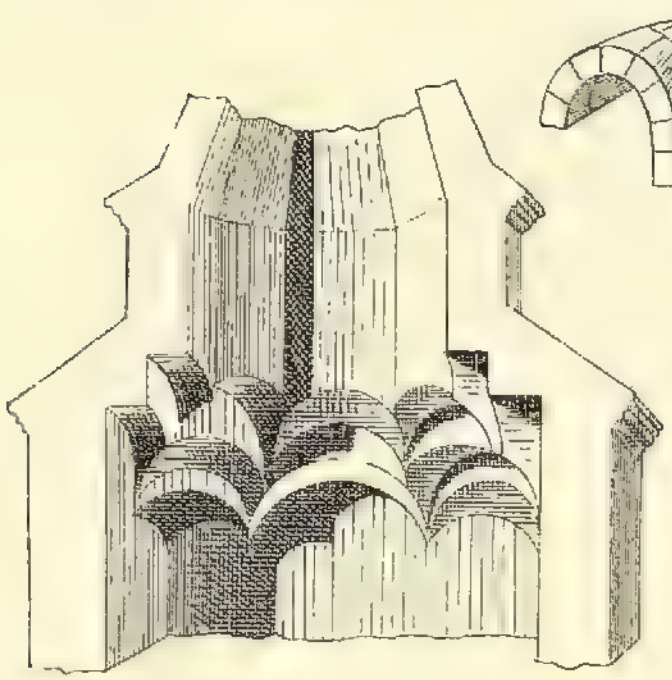


Рис. 62. По Н. Султанову.

является въ этой церкви переходъ отъ ея нижней, квадратной въ планѣ части (четверика) къ лежащему выше восьмерику, болѣе узкому, нежели первая (рис. № 62). При первомъ взглядѣ вся эта комбинація свѣшивающихся одна надъ другой арочекъ кажется хотя и очень живописной, но непонятной и лишенной всякаго конструктивнаго смысла декораціей. Однако, вглядываясь въ нее пристально, мы придемъ къ почти діаметрально противоположнымъ заключеніямъ; нужно только слѣдовать шагъ за шагомъ по тому пути, которымъ долженъ былъ итти зодчій Медвѣдковской церкви, задавшійся цѣлью постепенно сузить восьмерикъ, чтобы придать болѣе стройную форму шатру, которому восьмерикъ служитъ основаніемъ.

Въ общихъ чертахъ вся эта архитектурная композиція представляется въ такомъ видѣ: діагональныя стѣны нижняго восьмерика, имѣющаго ту же ширину, что и четверикъ, опираются на уже извѣстные намъ изъ предыдущаго коническіе паруса; далѣе, высятся еще два восьмерика, при чемъ площади ихъ плановъ постепенно уменьшаются, такъ что они свѣшиваются во внутрь церкви какъ надъ нижнимъ восьмерикомъ, такъ и другъ надъ другомъ. Опорами имъ служатъ полуциркульныя арочки, пяты которыхъ какъ бы висятъ въ воздухѣ и грозятъ соскользнуть внизъ по поверхности стѣнъ нижележащихъ восьмериковъ. Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ обстоятельствѣ, т.-е. въ висящихъ на воздухѣ пятахъ, заключается причина неконструктивной внѣшности всей композиціи. Какъ же могъ возникнуть такой архитектурный пріемъ и дѣйствительно ли онъ такъ не логиченъ

съ точки зрѣнія законовъ статики сооруженій, какъ это кажется при первомъ взглядѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ профессоръ Н. В. Султановъ

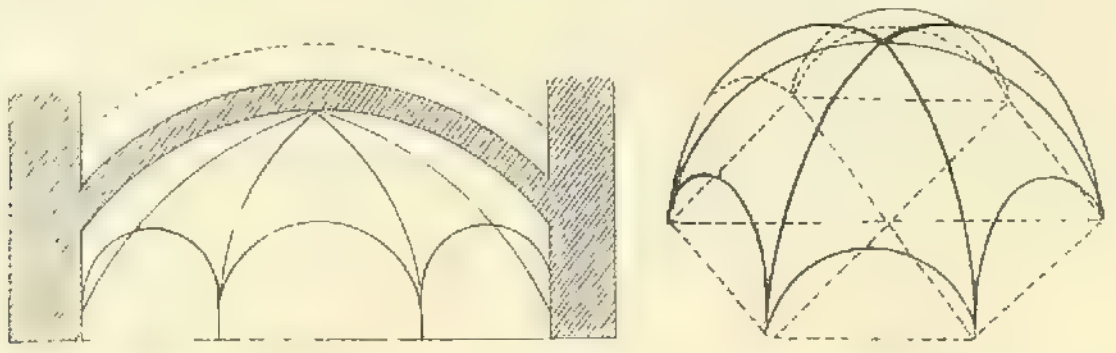
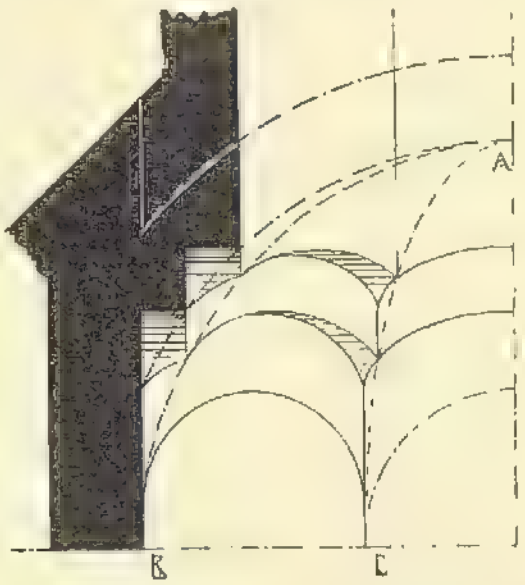


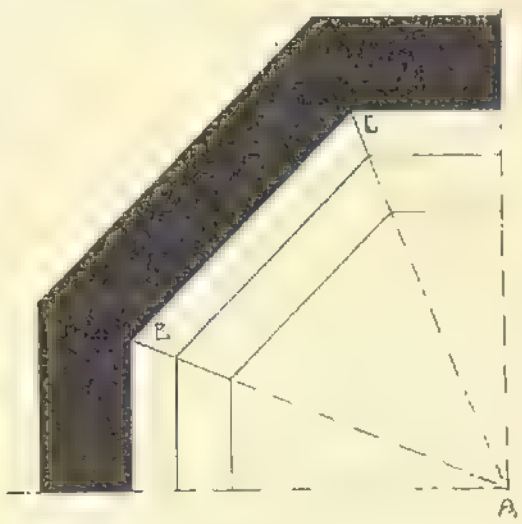
Рис. 63.

въ своемъ трудѣ о русскихъ шатровыхъ церквахъ[1]). Позволяемъ себѣ дословно выписать объясненіе уважаемаго профессора: «Представимъ себѣ теперь восьмиугольникъ, покрытый крестовымъ сводомъ, составленнымъ изъ весьма сильно вспарушенныхъ распалубокъ (чертежъ 63[2]), части котораго будутъ безусловно находиться въ равновѣсіи. Равновѣсіе это, очевидно, не нарушится, если мы представимъ себѣ, что распалубки его имѣютъ столь значительную толщину, что въ ней можно вытесать, безъ вреда для прочности свода, свѣшивающіяся другъ надъ другомъ арочки, при чемъ мы несомнѣнно получимъ строптельный пріемъ Медвѣдковской церкви, какъ это видно на чертежѣ 64.

Схема арочной конструкціи Медвѣдковской церкви.



Разрѣзъ.



Планъ. Рис. 64.

Происшедшія такимъ образомъ арочки, конечно, не будутъ имѣть никакого «строительнаго» значенія, а лишь одно «уборное», потому что, въ сущности говоря, онѣ не будутъ представлять арокъ въ строгомъ смыслѣ слова, т.-е. въ смыслѣ сводчатаго построенія, а будутъ лишь уступчатою обработкою нижней поверхности распалубокъ, и такимъ образомъ давленіе верхнихъ частей будетъ передаваться не по аркамъ, а по діагональнымъ выступающимъ ребрамъ AB, AC,... образующимъ ихъ видимыя пяты. Эти соображенія вполнѣ объясняютъ устойчивость разбираемаго нами пріема; тѣмъ болѣе, что стропталь Медвѣдковской церкви, не поскупился ни на тол-

[1]) Труды V Археологическаго Съѣзда, стран. 240.

[2]) №№ чертежей измѣнены съ цѣлью не перебивать ихъ послѣдовательности въ нашемъ очеркѣ.

щину стѣнъ, ни на скрытыя въ кладкѣ желѣзныя связи и тѣмъ уничтожилъ всякіе «внутреніе распоры».

Съ этимъ теоретическимъ объясненіемъ нельзя не согласиться, если признать неоспоримымъ, что упомянутыя выше арочки имѣютъ только «уборное», декоративное значеніе и не составляютъ самосильной части конструктивнаго цѣлаго. Если же принять за исходную точку ту нелюбовь нашихъ предковъ зодчихъ ко всякимъ ложнымъ архитектурнымъ формамъ, особенно во внутренней отдѣлкѣ храмовъ, то объясненіе происхожденія интересующаго насъ архитектурнаго пріема обрисуется совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Кромѣ того, если бы идея этого пріема развивалась такимъ сложнымъ путемъ, то для приведенія ея въ исполненіе нельзя было бы обойтись безъ чертежа, требующаго основательнаго знанія начертательной геометріи и довольно сложныхъ построеній, что врядъ ли было доступно мастеру XVI вѣка. Далѣе, ни одна архитектурная форма не можетъ возникнуть, не имѣя въ корнѣ конструктивнаго начала, а между тѣмъ идея арочекъ Медвѣдковской церкви, если согласиться съ мнѣніемъ Н. В. Султанова, должна была зародиться на почвѣ вырубки ихъ въ толщѣ распалубокъ свода, что, понятно, противорѣчило бы основнымъ понятіямъ о прочности и конструктивности. Наконецъ, насколько намъ извѣстно, крестовый неперушенный сводъ надъ восьмерикомъ совсѣмъ не практиковался старо-русскими зодчими, по крайней мѣрѣ въ XVI вѣкѣ и ранѣе онъ не встрѣчается; поэтому допустить его внезапное появленіе въ Медвѣдковской церкви, да еще въ сильно трансформированномъ видѣ, кажется намъ невозможнымъ и противорѣчащимъ естественному ходу развитія московскаго зодчества. Въ противномъ случаѣ нужно предположить, что эта архитектурная форма была цѣликомъ занесена на Русь откуда-то со стороны, а не была видоизмѣненіемъ или развитіемъ такого конструктивнаго пріема, который хорошо былъ извѣстенъ русскимъ зодчимъ XVI вѣка. А между тѣмъ за такимъ пріемомъ ходить далеко нечего. Дѣйствительно, чтобы свѣсить одну стѣну надъ другой наши мастера прибѣгали къ устройству «навѣсныхъ бойницъ», машикули, и пользовались этимъ пріемомъ не только при возведеніи каменныхъ городскихъ стѣнъ, но и при постройкѣ церквей. Въ послѣднемъ случаѣ машикули устраивались внутри зданія, какъ это мы видѣли въ Дьяковской церкви[1]). Здѣсь мастеръ прибѣгнулъ къ этому пріему для того, чтобы перейти отъ широкаго восьмерика къ болѣе узкому; стропителю же Медвѣдковской церкви пришлось повторить этотъ пріемъ два раза, т.-е. размѣстить одинъ рядъ машикули надъ другимъ, чтобы получить комбинацію изъ трехъ восьмериковъ,

---

[1]) Примѣръ болѣе простого, нежели въ Дьяковской церкви, пріема устройства машикули мы видимъ въ Нижегородскомъ соборѣ. Смотри труды V Археологическаго Съѣзда. Чертежъ 97 на таблицѣ XXXII.

свѣшивающихся другъ надъ другомъ. Задача его усложнялась тѣмъ условіемъ, что на каждой грани нижележащаго восьмерика онъ хотѣлъ устроить по одной лишь арочкѣ, которая поддерживала бы слѣдующую по высотѣ стѣнку, и размѣстить при этомъ всѣ выпускныя пяты въ углахъ, отчего форма ихъ получалась довольно сложная — въ видѣ опрокинутой пирамиды съ основаніемъ, имѣющимъ форму неправильнаго четырехугольника, съ сильно выраженнымъ острымъ угломъ (рис. № 65). Ребра *A—S*, *B—S* и *C—S* этой пирамиды въ кирпичной кладкѣ для большей ея прочности имѣли, вѣроятно, прямое очертаніе и криволинейная форма придана имъ при помощи штукатурнаго намета. Благодаря же дуговой формѣ реберъ *B—S* и *C—S*, выпускныя пяты незамѣтно для глазъ сливаются съ очертаніями опирающихся на нихъ арочекъ, отчего послѣднія и кажутся висящими въ воздухѣ.

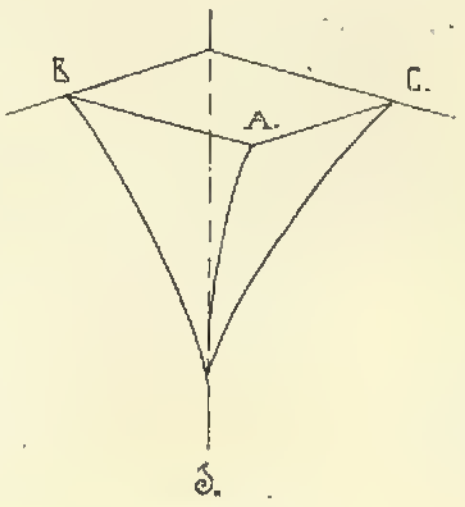


Рис. 65.

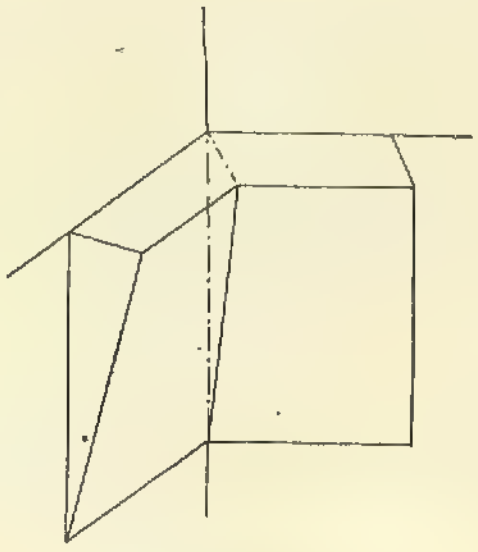


Рис. 66.

Такое устройство выпускныхъ пятъ, конечно, болѣе трудно, нежели относительно простыхъ по формѣ пять Дьяковской церкви, гдѣ онѣ помѣщены не въ углахъ, а по сторонамъ ихъ и имѣютъ къ тому же прямыя ребра (рис. № 66). Однако, устройство ихъ не настолько сложно, чтобы затруднить хорошо знакомаго съ машикули зодчаго, и могло быть имъ исполнено безъ всякаго предварительнаго чертежа.

При такомъ предположеніи происхожденія этого архитектурнаго пріема Медвѣдковской церкви, ея арочкамъ нельзя отказать въ «строительномъ» значеніи и видѣть въ нихъ только «уборныя» формы, такъ какъ давленіе вышележащихъ массъ кладки при ихъ посредствѣ передается на выпускныя пяты, которыя въ свою очередь передаютъ его стѣнамъ восьмериковъ.

Мы нѣсколько долго остановились на разборѣ машикули Медвѣдковской церкви, но пріемъ этотъ среди нашихъ памятниковъ зодчества является въ настоящее время единственнымъ. Вѣроятно, существовали его повторенія или разновидности, однако, къ сожалѣнію, они до насъ не дошли.

Что касается наружнаго вида церкви Покрова, то нижнія ея части до вѣнчающаго карниза четверика не представляютъ матеріала для изученія, такъ какъ почти совсѣмъ лишены уборныхъ мотивовъ. Поэтому не будемъ на нихъ останавливаться и замѣтимъ только, что каждая изъ стѣнъ четверика раздѣлена широкими лопатками на три неравныя части (средняя уже боковыхъ), и что всѣ

алтарныя окна храма какъ главнаго престола, такъ и придѣловъ, конечно, растесаны, такъ какъ имѣютъ необычные для XVI вѣка большой размѣръ и прямоугольную форму (рис. № 67).

Надъ широкимъ карнизомъ четверика, состоящимъ изъ двойного архитрава[1]), высокаго фриза и мелко-обломнаго вѣнчающаго карниза, возвышаются уступами три расположенныхъ другъ надъ другомъ яруса закаморъ, указывающихъ на внутренній переходъ отъ четверика къ восьмерику (рис. № 68). Вся эта масса закаморъ очень красива и живописна, потому что скомбинирована изъ различныхъ формъ. Такъ, нижній ярусъ образованъ поперемѣнно чередующимися большими полуциркульными закаморами съ сильными много-обломными архивольтами и малыми, также полуциркульными закаморами; послѣднія заполняютъ только верхи пазухъ между большими закаморами, а въ нижнихъ частяхъ пазухъ устроены прямоугольныя, но съ полуциркульнымъ верхомъ ниши[2]). На каждой сторонѣ четверика находится по три большихъ и по двѣ малыхъ закаморы; на углахъ же помѣщены малыя закаморы, направленныя въ планѣ перпендикулярно къ равноделящимъ этихъ угловъ. Остающіяся у вершинъ угловъ части плечъ, незанятыя закаморами, прикрыты половинами пирамидокъ, разсѣченныхъ по діагоналямъ.

Церковь села Медвѣдкова.

Съ фот. Барщевскаго.

Рис. 67.

Второй ярусъ состоитъ изъ одинаковыхъ по формѣ дуговыхъ закаморъ меньшаго размѣра, нежели большія нижняго яруса, и не съ такими богатыми архивольтами, какъ у послѣднихъ. На каждой сторонѣ четверика ихъ помѣщено по пяти. Внимательно вглядываясь въ этотъ ярусъ, можно замѣтить, что на каждой сторонѣ храма средняя закамора нѣсколько меньше остальныхъ, но это врядъ ли сдѣлано преднамѣренно и произошло, вѣроятно, отъ неточной разбивки.

Наконецъ, верхній ярусъ закаморъ, расположенныхъ по низу восьмерика, состоитъ изъ шестнадцати островерхихъ (съ подвышеніями) нишныхъ закаморъ, заканчивающихъ всю ихъ группу.

---

[1]) Архитравъ этотъ можно разсматривать какъ самостоятельный карнизъ, такъ какъ онъ состоитъ изъ двухъ группъ мелкихъ обломовъ, раздѣленныхъ довольно широкой, гладкой полосой, подобіемъ фриза.

[2]) Въ планѣ форма этихъ нишъ прямоугольна.

Церковь села Медвѣдкова.

Рис. 68. По А. Мартынову.

Сравнительно съ шатромъ высота восьмерика очень не велика; его гладкія стѣны, украшенныя по угламъ сильными лопатками, завершаются широкимъ, но небольшого выноса карнизомъ, состоящимъ изъ цѣлаго ряда относительно мелкихъ обломовъ. Подъ карнизомъ видпѣются чуть замѣтные кронштейны, образованные выступами кирпича.

Противъ діагональныхъ стѣнокъ восьмерика, почти касаясь ихъ, высятся на низенькихъ пьедесталахъ[1]) восьмигранныя шеи четырехъ главъ. Шеи эти глухія, въ нихъ нѣтъ оконъ и служатъ онѣ почти исключительно декоративной цѣли — художественно завершить плечи храма. Несмотря на значительную свою высоту шеи эти не нарушаютъ общаго впечатлѣнія пирамидальности церкви, а наоборотъ способствуютъ ему, потому что въ противномъ случаѣ надъ плечами получились бы перевалы, особенно замѣтные при взглядѣ на церковь по направленію діагональныхъ линій ея четверика.

Форма главокъ еще близка къ шлемовидной, такъ какъ ширина ихъ пучинъ не велика. Такія же главки и на такихъ же почти[2]) шеяхъ возвышаются надъ кровлями придѣловъ и надъ средней апсидой верхняго алтаря. Главки до сихъ поръ сохранили свое древнее чешуйчатое покрытіе изъ плоской поливной черепицы.

Надъ карнизомъ восьмерика опять группируются закаморы, вѣрнѣе кокошники, образующія непосредственное подножіе шатра, такъ какъ они возвышаются надъ его «полицею[3])». Кокошники эти также расположены въ три ряда и не всѣ имѣютъ одинаковую форму; а именно нижніе (ихъ по два надъ каждой стѣнкой восьмерика) — полуциркульные, средніе же и верхніе съ острыми подвышеніями въ щелыгахъ; при этомъ въ верхнемъ ряду надъ каждой стѣной восьмерика находится только по одному кокошнику, такъ что пяты его архивольтовъ упираются въ бока подвышеній нижнихъ кокошниковъ. Центръ поля каждаго кокошника двухъ нижнихъ рядовъ украшенъ изразцомъ, имѣющимъ форму ромба. Изразцы эти являются предвѣстниками тѣхъ богатыхъ цвѣтныхъ изразцовыхъ декорацій, которыя въ болѣе поздній періодъ получили въ московскомъ зодчествѣ такое широкое примѣненіе.

Изъ всѣхъ шатровъ, встрѣчавшихся намъ до сихъ поръ, Медвѣдковскій самый стройный и красивый; по своимъ пропорціямъ онъ уже не далекъ отъ шпилей, такъ какъ высота его, считая вмѣстѣ съ дополняющей его шейкой главки, почти въ $2^1/_2$ раза больше ширины основанія.

Ребра шатра украшены утолщеніями — лопатками, края которыхъ сходятся въ его вершинѣ и какъ бы выражаютъ собою каркасъ. Въ нижней части

---

[1]) Пьедесталы украшены кокошниками довольно богатаго профиля.

[2]) Разница этихъ шей съ угловыми заключается въ отсутствіи кокошниковъ на ихъ пьедесталахъ.

[3]) Полица: отливная доска (въ деревянной архит.) или откосъ, закрытый желѣзомъ (каменная архит.), прикрывающіе разныя части зданія. Въ данномъ случаѣ нижній переломъ крыши, предупреждающій сильный стокъ воды.

лопатки перехвачены двумя карнизиками, которые скрашиваютъ ихъ немного скучныя длинныя линіи. На діагональныхъ граняхъ шатра, въ нижней ихъ части, находятся большія прямоугольныя окна, просвѣты которыхъ съ имѣющимися надъ ними фронтонами находятся въ отвѣсныхъ плоскостяхъ, а не наклонны, какъ въ шатрѣ Коломенской церкви. Такой архитектурный пріемъ встрѣчается намъ въ первый разъ и представляетъ собою прототипъ тѣхъ чудесныхъ шатровъ «со слухами», которые впослѣдствіи сдѣлались однимъ изъ излюбленныхъ пріемовъ-московскихъ зодчихъ.

Вѣнчаніе шатра не менѣе богато, чѣмъ его нижняя часть. Здѣсь прежде всего идетъ широкій карнизъ, затѣмъ два ряда кокошниковъ[1]) и, наконецъ, стройный восьмерикъ, служащій шеей для луковичной главки. Всѣ его грани украшены неглубокими прямоугольными нишками, а верхушка окаймлена богатымъ карнизикомъ. Что касается луковичной граненой главки съ возвышающимся надъ ней богатымъ крестомъ, то ея форму, повидимому, нужно отнести ко времени болѣе позднему, нежели XVI вѣкъ.

Какъ мы упомянули выше годъ постройки Медвѣдковской церкви не извѣстенъ, но весь ея изящный верхъ и въ частности легкія и граціозныя пропорціи шатра указываютъ на довольно высокую степень развитія шатроваго типа каменныхъ церквей, и поэтому мы склонны думать, что время ея сооруженія должно быть отнесено къ третьей четверти XVI столѣтія[2]); во всякомъ случаѣ Коломенская и Бесѣдская церковь являются ея предшественницами.

Сдѣланнаго нами описанія памятниковъ Московскаго церковнаго зодчества XVI вѣка, повидимому, достаточно, чтобы убѣдиться въ справедливости нашего апріорнаго замѣчанія относительно полнаго ихъ несходства съ каменными церквами Москвы предыдущихъ періодовъ. Однако, это описаніе не дастъ еще никакого отвѣта на тѣ вопросы, которые были нами поставлены въ началѣ настоящей главы. Чтобы ближе подойти къ ихъ рѣшенію, попытаемся суммировать тѣ характерныя черты, которыя общи у всѣхъ только-что описанныхъ памятниковъ и въ то же время рѣзко отличаютъ ихъ отъ храмовъ предшествующаго періода. Начнемъ съ плановъ. Сопоставляя ихъ у всѣхъ четырехъ разсматриваемыхъ

---

[1]) Кокошники нижняго ряда имѣютъ дуговую форму, а верхняго ряда — островерхую.

[2]) Насколько намъ извѣстно, вопросъ о времени постройки Медвѣдковской церкви въ литературѣ еще не поднимался. Всѣ авторы какъ бы нарочно обходятъ его молчаніемъ и о мнѣніи ихъ можно догадываться лишь на основаніи того, гдѣ они помѣщаютъ описаніе этой церкви, — до Московскаго Покровскаго собора или послѣ него. Наше мнѣніе мы основываемъ на слѣдующихъ двухъ соображеніяхъ. Во-первыхъ, какъ общая форма шатра Коломенской церкви, такъ и его детали не могутъ быть отнесены къ высшей стадіи развитія этого архитектурнаго пріема, завершившагося въ XVII вѣкѣ. Во-вторыхъ, вся совокупность частей этого храма по своей формѣ еще близка къ пирамидѣ, чего въ концѣ XVI вѣка уже не встрѣчается, въ это время главныя массы церквей начинаютъ принимать призматическую форму и шатры понемногу вытѣсняются пятиглавыми верхами.

церквей, мы найдемъ въ нихъ только одну общую черту — отсутствіе столповъ, которые въ предшествующую эпоху, лишь за немногими исключеніями, составляли неотъемлемую часть всякаго храма. Центральною частью плана трехъ послѣднихъ памятниковъ является квадратъ или близкій къ квадрату прямоугольникъ; около этой центральной части группируются, примыкая къ ней, второстепенныя. Такъ, къ основному квадрату Коломенской церкви со всѣхъ сторонъ примыкаютъ прямоугольники, а къ центральнымъ частямъ Медвѣдковской и Бесѣдской церквей примыкаютъ съ восточной стороны полукруглыя апсиды, къ остальнымъ же сторонамъ ходовыя паперти.

Такимъ образомъ, въ планахъ трехъ послѣднихъ церквей чувствуется общность идеи въ пріемахъ ихъ композиціи; Дьяковская же церковь стоитъ въ этомъ отношеніи совершенно особнякомъ и сближается съ ними только отсутствіемъ столповъ, несущихъ на себѣ верхъ храма, а также тѣмъ, что въ составъ ея плана входятъ ходовыя паперти-галлереи, которыя у всѣхъ этихъ церквей являются однимъ изъ отличительныхъ ихъ признаковъ.

Припомнимъ, что мы однажды уже встрѣтились съ галлереей, примыкающей къ храму съ трехъ сторонъ. Мы говоримъ про Благовѣщенскій соборъ; однако его галлерея, какъ это своевременно было указано, представляла во время ея постройки явленіе уже довольно обычное для каменныхъ церквей, хотя и была исполнена итальянскими мастерами, широко практиковавшими этотъ архитектурный пріемъ у себя на родинѣ. Мы уже отмѣтили, что галлереи-паперти въ XV вѣкѣ не практиковались нашими строителями, въ XVI же вѣкѣ онѣ, повидимому, сразу завоевываютъ себѣ симпатіи зодчихъ, и фактъ этотъ кажется такимъ же непонятнымъ, какъ и внезапное, рѣзко выраженное уклоненіе въ сторону отъ византійской[1]) основы церковныхъ плановъ.

Возвращаясь къ группировкѣ особенностей церквей XVI вѣка, замѣтимъ, что всѣ онѣ, за исключеніемъ опять таки Дьяковской церкви, стоятъ на подклѣтахъ, при чемъ только въ подклѣтѣ Медвѣдковской церкви, устроенъ придѣлъ, подклѣты же Коломенской и Бесѣдской церквей никогда, повидимому, не предназначались для совершенія въ нихъ богослуженія.

Наконецъ, при первомъ же взглядѣ на планъ Дьяковской церкви не трудно понять идею ея строителя — соединить въ одно цѣлое планы пяти самостоятельныхъ церквей.

---

[1]) Для опредѣленія той традиціонной въ общихъ чертахъ формы церковнаго плана, которая держалась на Руси до XVI вѣка и была занесена къ намъ изъ Восточной Имперіи, мы всюду употребляли общепринятый терминъ «византійскій». Однако, считаемъ нужнымъ оговориться, что не находимъ этотъ терминъ вполнѣ правильнымъ, потому что по этимъ традиціямъ церкви строились далеко не по всей имперіи, и во всякомъ случаѣ ихъ родиной надо считать Балканскій полуостровъ, гдѣ общій укладъ жизни во многомъ былъ своеобычень и не похожъ на азіатскіе вкусы ядра имперіи — Византіи. Поэтому на нашъ взглядъ терминъ «византійскій» было бы основательнѣе замѣнить терминомъ «греческій», что впрочемъ уже и принято нѣкоторыми авторами.

Гдѣ же источникъ всѣхъ этихъ новыхъ пріемовъ композиціи, такъ рѣзко отличающихся отъ старыхъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ сама форма плановъ разсмотрѣнныхъ нами церквей. Дѣйствительно, въ ихъ центральномъ прямоугольникѣ или квадратѣ не трудно узнать тотъ срубъ («клѣть»), который составлялъ существенную часть большинства деревянныхъ церквей, а въ примыкающихъ къ нему второстепенныхъ частяхъ — тѣ дополнительные срубы[1]) и галлереи, которые въ деревянномъ церковномъ зодчествѣ были явленіемъ вполнѣ обычнымъ и давно укоренившимся. На этотъ же источникъ указываетъ и отсутствіе внутреннихъ опорныхъ столповъ, совершенно несвойственныхъ русской деревянной архитектурѣ, по той причинѣ, что для увеличенія площади зданія наши мастера не прибѣгали къ увеличенію периметра стѣнъ сруба, при которомъ для поддержанія покрытій понадобились бы столпы, а соединяли въ одно цѣлое нѣсколько отдѣльныхъ срубовъ.

Для этой же цѣли, то-есть для полученія большей площади внутренняго пространства зданія, прибѣгали къ многоугольной формѣ плана, — ставились, какъ говорилось въ старину, церкви «кругло». Въ виду опредѣленной длины бревенъ въ три-четыре сажени такой пріемъ долженъ былъ возникнуть немнуемо; онъ являлся единственнымъ выходомъ, при условіи употребленія въ дѣло цѣльныхъ, несоставныхъ бревенъ, и обычное его примѣненіе подтверждаютъ частыя упоминанія лѣтописцевъ о церквахъ, срубленныхъ кругло на 6, 8, 12 и болѣе угловъ. Не ограничиваясь этимъ, плотники для достиженія той же цѣли ставили группой нѣсколько такихъ восьмигранныхъ срубовъ, образуя такимъ образомъ ту форму «оклада»[2]), какую мы видимъ въ церкви села Дьякова.

При многоугольной формѣ плана деревянныя церкви дѣлались, повидимому, большею частью безъ подклѣта, на что отчасти указываетъ само названіе этой части зданія, говорящее, что она находится подъ «клѣтью», то-есть подъ прямоугольнымъ или квадратнымъ срубомъ. Обыкновенно полъ такихъ церквей поднимался невысоко надъ поверхностью земли, такъ что подъ нимъ находилось низкое подполье. Къ такому предположенію можно придти на основаніи знакомства съ сохранившимися восьмиугольными церквами; въ нихъ обыкновенно ведутъ невысокія лѣстницы, тогда какъ передъ церквами, срубленными «о клѣтцѣ» то-есть прямоугольными въ планѣ, почти всегда имѣются высокія крыльца съ длинными лѣстницами, указывающими на существованіе подъ церковью не подполья, а высокаго подклѣта.

Быть можетъ этотъ обычай, укоренившійся въ деревянномъ зодчествѣ, заставилъ и строителя Дьяковской церкви не поставить ее на подклѣтъ, а приподнять полъ всего лишь на нѣсколько ступеней надъ землею, и такимъ образомъ

---

[1]) «Прибожонки», служившія придѣлами или притворами.

[2]) Плана.

придержаться въ своей композиціи не только оклада «круглыхъ» деревянныхъ церквей, но также и распорядка ихъ помѣщеній по высотѣ.

Сказаннаго о формѣ плановъ нашихъ древнихъ деревянныхъ церквей считаемъ достаточнымъ[1]), чтобы признать въ нихъ тотъ источникъ, изъ котораго зодчіе начала и середины XVI вѣка заимствовали мотивы для композиціи плановъ разсмотрѣнныхъ нами каменныхъ церквей. Нужно только добавить, что перенося въ «каменное дѣло» пріемы плотничнаго искусства, зодчіе XVI вѣка не копировали до мельчайшихъ подробностей плановъ деревянныхъ церквей; наоборотъ, заимствуя лишь общую схему послѣднихъ, они въ детальной разработкѣ своихъ окладовъ употребляли наравнѣ съ формами деревянными и формы, свойственныя исключительно каменнымъ матеріаламъ, какъ напримѣръ полуциркульныя апсиды. Это обстоятельство становится особенно значительнымъ, разъ только мы вспомнимъ, что граненая форма апсидъ, такъ присущая деревяннымъ церквамъ, примѣнялась въ кіевскомъ періодѣ русскаго каменнаго зодчества.

Перейдемъ теперь къ группировкѣ общихъ чертъ въ разрѣзахъ разсматриваемыхъ нами церквей. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе стремленіе строителей придать главной массѣ храма высокую, столпообразную форму, заканчивающуюся вверху высокимъ же шатромъ, который у трехъ послѣднихъ церквей выраженъ вполнѣ характерно. Въ Дьяковской же церкви шатра, правда, нѣтъ, но тѣмъ не менѣе и въ ней переходъ отъ нижняго восьмерика къ шеѣ главы все же имѣетъ въ общихъ чертахъ форму восьмигранной пирамиды. При болѣе подробномъ сравненіи интересующихъ насъ храмовъ, ихъ придется разбить на двѣ группы; къ первой отнесемъ церковь Дьяковскую, а ко второй Коломенскую, Бесѣдскую и Медвѣдковскую. Центральной массѣ Дьяковской церкви съ самаго низа придана форма восьмигранной призмы, тогда какъ три послѣднія церкви имѣютъ внизу прямоугольную форму, которая при помощи переходныхъ частей превращается вверху въ восьмерикъ.

Нужно ли говорить о томъ, что какъ общая идея этой столпообразной формы, такъ и указанныя двѣ ея разновидности заимствованы изъ деревянной архитектуры? Иначе и не могло быть. Не говоря уже объ исконной любви русскаго зодчаго къ высокимъ зданіямъ, онъ не могъ, въ силу врожденной ему логичности, надъ планомъ, идея котораго была ему навѣяна деревяннымъ формами, возводить такія массы, которыя хотя бы въ общихъ своихъ чертахъ не были бы близки къ пріемамъ деревяннаго зодчества.

Здѣсь не мѣсто доискиваться, какимъ образомъ столпообразная форма возникла въ старо-русской архитектурѣ, да къ тому же въ нашей литературѣ[2])

---

[1]) Подробности о планахъ старо-русскихъ деревянныхъ церквей можно найти у И. Е. Забѣлина—Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ; и у В. В. Суслова—Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества.

[2]) И. Забѣлинъ. Черты самобытности въ древнемъ русскомъ зодчествѣ и Л. Даль. «Зодчій», 1873 г., стран. 4.

вопросъ этотъ уже достаточно изслѣдованъ; въ настоящій моментъ для насъ важно лишь то, что этотъ архитектурный пріемъ постоянно практиковался нашими плотниками въ тѣхъ случаяхъ, когда задача ихъ заключалась въ постройкѣ большой и красивой церкви, то-есть когда ихъ художественный замыселъ не довольствовался слишкомъ обыденной формой простой клѣти или соединеніемъ въ одну группу нѣсколькихъ клѣтей. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно взглянуть на изображенія древнихъ деревянныхъ церквей, помѣщенныхъ въ трудахъ И. Е. Забѣлина и В. В. Суслова[1]).

Искусство плотниковъ не останавливалось передъ высотой церковныхъ «стопъ»[2]); объ этомъ свидѣтельствуютъ писцовыя книги конца XV вѣка, которыя часто присоединяютъ къ наименованіямъ различныхъ церквей эпитетъ «великій»[3]). Высота шатровыхъ церквей достигала въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 35 саженей, какъ это, напримѣръ, имѣло мѣсто въ Шенкурской церкви Архангела Михаила и въ Успенской церкви Верховажепскаго посада. Итакъ, въ комбинаціи московскихъ церквей XVI вѣка нельзя не усмотрѣть заимствованія изъ области деревяннаго строительства, но въ детальной обработкѣ разрѣзовъ своихъ каменныхъ церквей московскіе зодчіе этого вѣка точно такъ же, какъ и въ планахъ, не стремились слѣпо придерживаться формъ деревянной архитектуры. Они заимствовали изъ нея только общую идею, а при разработкѣ послѣдней считались со свойствами того матеріала, изъ котораго строили и поэтому въ ихъ произведеніяхъ нельзя встрѣтиться съ такими безсмысленными съ архитектурной точки зрѣнія переносами деревянныхъ формъ въ каменныя, какія на каждомъ шагу попадаются въ архитектурныхъ памятникахъ Индо-Китая (Сіама и Камбоджи).

Впрочемъ, иногда зодчіе XVI вѣка, повидимому, нарочно избѣгаютъ нѣкоторыхъ конструктивныхъ пріемовъ каменной архитектуры, хорошо имъ знакомыхъ по зданіямъ предшествующихъ періодовъ; такъ, напримѣръ, въ Дьяковской церкви при переходѣ отъ восьмерика къ шестнадцатиграннику, зодчій не воспользовался парусами, въ данномъ случаѣ очень умѣстными, но придумалъ довольно сложный переходъ при помощи шишъ, лишь бы только избѣжать сферическихъ формъ, такъ несвойственныхъ дереву. Однако такіе случаи являются лишь исключеніями, подтверждающими общее направленіе архитектуры этой эпохи. Дѣйствительно, рядомъ съ этимъ пріемомъ мы видимъ навѣсныя бойницы и сферическій сводъ, а въ другихъ церквахъ полуциркульныя арки, коническіе паруса, восьмигранный сомкнутый сводъ и такую комбинацію изъ машикули, какъ въ Медвѣдковской церкви, которая возможна только при примѣненіи въ дѣло камня или кирпича.

---

[1]) Забѣлинъ. Черты самобытности и т. д. Сусловъ. Очерки по исторіи.

[2]) «Стопою или «стубою», плотники называли столпообразную массу церкви.

[3]) «Погостъ Городенскій, а на погостѣ церковь Димитрей Велики Селуньски...— церковь Велики Никола...» и т. д. См. «Отечественныя Записки» 1829, ноябрь, стран. 264, 273, 274.

Можно, конечно, говорить, что навѣсныя бойницы въ своемъ зародышѣ принадлежатъ къ деревянной архитектурѣ и практиковались строителями нашихъ остроговъ[1]), но въ деревянномъ церковномъ зодчествѣ онѣ на Руси не встрѣчались и появились въ каменныхъ церквахъ послѣ работъ италіанскихъ мастеровъ, которые строили ихъ, по крайней мѣрѣ у насъ, исключительно изъ камня.

Быть можетъ, русскіе каменныхъ дѣлъ мастера чутьемъ угадывали происхожденіе машикули и поэтому такъ охотно устраивали ихъ въ каменныхъ церквахъ, общій характеръ которыхъ походилъ на деревянныя, — въ этомъ сказывался вкусъ и складъ ума природныхъ плотниковъ, не заглохшіе даже у профессіональныхъ каменщиковъ; но во всякомъ случаѣ до каменныхъ навѣсныхъ бойницъ наши мастера додумались не сами, а научились имъ у италіанцевъ, принесшихъ на Русь этотъ архитектурный пріемъ въ окончательной стадіи его развитія.

Церковь посада Уна.

Рис. 69. По В. Суслову.

Разсматривая церкви XVI вѣка мы въ каждой изъ нихъ замѣчали полное соотвѣтствіе между ихъ внѣшностью и внутреннимъ распорядкомъ; другими словами, не только общія наружныя массы, но и большинство деталей всецѣло выражаютъ на фасадахъ храмовъ сущность конструктивныхъ пріемовъ, примѣненныхъ при ихъ сооруженіи. Отсюда слѣдуетъ, что разъ только внутренній обликъ каменныхъ церквей XVI вѣка походитъ по общей своей идеѣ на церкви деревянныя, то и внѣшній ихъ видъ долженъ въ общихъ чертахъ напоминать пріемы деревянной архитектуры. Такъ оно и есть въ дѣйствительности: силуэты всѣхъ четырехъ разсмотрѣнныхъ нами памятниковъ XVI вѣка безспорно имѣютъ характеръ деревянныхъ церквей, такъ какъ наиболѣе бросающейся въ глаза частью у всѣхъ является стопа, доминирующая надъ второстепенными массами, которыя въ свою очередь, какъ напримѣръ ходовыя паперти или боковыя стопы Дьяковской церкви, имѣютъ свои прототипы въ деревянномъ зодчествѣ. Для примѣра сравнимъ Медвѣдковскую церковь съ церковью посада Уна[2]) (рис. № 69); по общности

[1]) Деревянныхъ крѣпостей.

[2]) Архангельской губерніи и уѣзда (XVII вѣкъ).

массъ эти два памятника церковнаго зодчества похожи другъ на друга, какъ родные братья. Почти такое же близкое сходство можно найти при сравненіи Коломенской церкви съ церковью св. Троицы[1]) (рис. № 70); сходство было бы еще полнѣе, если бы къ сѣверной и южной стѣнамъ послѣдней присоединить такіе же прирубы, какіе примыкаютъ къ стопѣ съ востока и запада.

Такихъ примѣровъ, конечно, можно найти очень много и они служатъ яснымъ указаніемъ, гдѣ нужно искать прототипы каменныхъ церквей XVI вѣка.

Церковь Св. Троицы.

Рис. 70. По В. Суслову.

Что же касается деталей и чисто уборныхъ частей церквей этого періода, то онѣ являются результатомъ смѣшенія нѣсколькихъ разновидныхъ элементовъ; въ это время московскіе зодчіе въ силу выясненныхъ выше причинъ, если не совсѣмъ, то до нѣкоторой степени стряхнули съ себя цѣпи рутины, державшей ихъ въ узкихъ рамкахъ подражанія произведеніямъ ихъ предшественниковъ и, овладѣвъ пріемами техники, начали украшать фасады своихъ церквей, свободно удовлетворяя своимъ художественнымъ вкусамъ. Не углубляясь въ изслѣдованіе началъ тѣхъ художественныхъ теченій, которыя слились въ Москвѣ какъ въ узловомъ пунктѣ, раздѣлимъ формы, явившіяся результатомъ этой долгой эволюціи, на нѣсколько группъ, сообразуясь только съ тѣмъ, откуда эти теченія проникли непосредственно; при этомъ предварительно замѣтимъ, что сдѣлать это дѣленіе со вполнѣ яснымъ обозначеніемъ границъ каждой группы, само собою разумѣется, невозможно, такъ какъ входящіе въ составъ ихъ элементы иногда настолько переплетаются между собою, что могутъ представляться принадлежащими одновременно къ нѣсколькимъ группамъ.

[1]) Архангельской губерніи, Шенкурскаго уѣзда, Шеговарской волости.

Начнемъ съ тѣхъ формъ, которыя представляютъ собою наслѣдіе предшествующихъ эпохъ московскаго каменнаго зодчества. Ихъ въ сущности, какъ это ни странно на первый взглядъ, очень мало. Къ нимъ можно отнести, во-первыхъ, большія шлемовидныя главы, поколщіяся на широкихъ шеяхъ; послѣдпія однако, какъ это видно въ Дьяковской церкви, получаютъ въ эту эпоху восьмиутольную въ планѣ форму, что конечно, является отголоскомъ деревяннаго зодчества; во-вторыхъ, дѣленіе лопатками фасадовъ четверпковъ на три части[1]); пріемъ этотъ настолько прочно укоренился въ русскомъ церковномъ зодчествѣ, что примѣнялся до XVIII столѣтія, видоизмѣняясь лишь въ деталяхъ. Нельзя не согласиться, что въ сосѣдствѣ съ деревянными по происхожденію формами, какими являются формы церквей XVI столѣтія, этотъ мотивъ не умѣстенъ, такъ какъ лишенъ того конструктивнаго смысла, который онъ, какъ мы видѣли, имѣлъ въ церквахъ предыдущихъ періодовъ, гдѣ онъ отвѣчалъ четыремъ внутреннимъ столпамъ храмовъ. Этого однако нельзя сказать про угловыя лопатки, обыкновенно украшавшія въ эту эпоху ребра восьмерпковъ и ведущія, вѣроятно, свое начало отъ тѣхъ досокъ, которыми закрывались углы бревенчатыхъ восьмерпковъ для предупрежденія загпиванія торцовъ связанныхъ въ лапу вѣнцовъ.

Въ-третьихъ, къ этой же группѣ формъ слѣдуетъ отнести большія полуциркульныя закаморы[2]) и такія закаморы, архивольты которыхъ имѣютъ вверху острыя подвышенія[3]). Послѣдняя архитектурная форма въ богатомъ атмосферными осадками климатѣ вполнѣ раціональна какъ въ примѣненіи къ каменному зодчеству, такъ и къ деревянному. Въ послѣднемъ крыши «бочкой» являлись однимъ изъ самыхъ излюбленныхъ мотивовъ и наравнѣ съ этимъ въ памятникахъ каменной церковной архитектуры предшествующихъ періодовъ намъ не разъ встрѣчались закаморы съ заостренными архивольтами. Такимъ образомъ, мотивъ этотъ не является для насъ новымъ.

То же самое можно сказать и о кокошниках[4]), съ тою лишь разницей, что этотъ чисто декоративный пріемъ получилъ въ XVI вѣкѣ очень широкое примѣненіе, тогда какъ въ предшествующія эпохи московскаго зодчества встрѣчался сравнительно рѣдко и не обладалъ такимъ разнообразіемъ очертаній; къ тому же группы расположенныхъ другъ надъ другомъ кокошниковъ не встрѣчались тогда вовсе.

Наконецъ, къ этой же группѣ мотивовъ отдѣлки фасадовъ можно отнести изразцы Медвѣдковской церкви, такъ какъ примѣры употребленія гончарныхъ издѣлій для уборки фасадовъ мы уже видѣли въ храмѣ Чудова монастыря и Симонова.

---

[1]) Смотри Медвѣдковскую церковь.
[2]) Дьяковская церковь.
[3]) Коломенская церковь.
[4]) Смотри церковь Р. Богородицы въ Старомъ Симоновомъ монастырѣ.

Вторую группу деталей и уборныхъ частей церквей разсматриваемаго періода составляютъ тѣ формы, которыя являются наслѣдіемъ, доставшимся русскимъ зодчимъ отъ работавшихъ на Москвѣ италіанцевъ. Сюда должны быть отнесены впадины[1]), украшающія внутреннія поверхности стѣнъ, отдѣлка внутреннихъ пилястръ[2]), полуциркульныя въ планѣ ниши, карнизы на кронштейнахъ[3]), карнизы, дѣлящіеся на архитравъ, фризъ и вѣнчающій карнизъ, подвѣсныя пяты кокошниковъ[4]) и, наконецъ, такіе сравнительно богатые наличники, какіе обрамляютъ окна восьмерика Коломенской церкви.

Конечно, въ большомъ выносѣ карнизовъ этого періода и въ богатствѣ образующихъ ихъ обломовъ можно видѣть подражаніе широкимъ полицамъ деревянныхъ крышъ, украшенныхъ узорочными подзорами, точно такъ же, какъ и въ богатыхъ наличникахъ — отголосокъ рѣзныхъ очелій деревянныхъ зданій; но по нашему глубокому убѣжденію такой взглядъ на эти формы является ошибочнымъ, такъ какъ самый характеръ этихъ карнизовъ и наличниковъ не оставляетъ мѣста для сомнѣнія въ ихъ италіанскомъ происхожденіи.

Что же касается подвѣсныхъ пятъ кокошниковъ Коломенской церкви или, выражаясь точнѣе, кронштейновъ, то вывести безъ грубой натяжки этотъ архитектурный пріемъ непосредственно изъ области нашего деревяннаго зодчества совершенно невозможно и поэтому невольно напрашивается сопоставленіе ихъ съ италіанскими же «машикули», перенесенными только изъ области конструкціи въ область уборныхъ мотивовъ.

Къ послѣдней группѣ деталей и убранства фасадовъ можно отнести тѣ мотивы, которые навѣяны зодчимъ XVI вѣка деревянной архитектурой. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе форма окошныхъ наличниковъ подъ звонницей Дьяковской церкви. Мы уже указали выше на ея полнѣйшее сходство съ разрѣзомъ «стопы» деревянной церкви, покрытой высокимъ шатромъ. Врядъ ли возможно прослѣдить послѣдовательное развитіе этой формы въ примѣненіи ея къ оконному обрамленію; намъ кажется болѣе правдоподобнымъ, что зодчій Дьяковской церкви, глаза котораго привыкли постоянно видѣть такую форму внутри деревянныхъ церквей, не задумываясь воспользовался ею цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что она прекрасно отвѣчаетъ узкимъ и закругленнымъ вверху оконнымъ просвѣтамъ.

Къ этой же категоріи формъ принадлежатъ маленькія, луковичной формы главки, высящіяся надъ узенькими, часто глухими шейками[5]). Онѣ, конечно, потеряли всякое конструктивное значеніе и служили исключительно декоратив-

---

[1]) Дьяковская церковь.
[2]) Коломенская церковь.
[3]) Дьяковская церковь.
[4]) Коломенская церковь.
[5]) Бесѣдская и Медвѣдковская церковь.

нымъ мотивомъ. Но съ религіозной точки зрѣнія эти главки продолжали оставаться неотъемлемой частью церковнаго зданія, такъ какъ не только являлись простымъ его завершеніемъ, но символизировали собою главенство Господне надъ Христіанской общиной. Большія же главы на широкихъ шеяхъ, къ которымъ привыкла было религіозная мысль русскихъ людей со времени пропикновенія къ намъ храмовъ византійскаго типа, съ деревяннымъ зодчествомъ совершенно не вязались и поэтому наши плотники, удовлетворяя требованіямъ символизма, освященнымъ вѣковыми преданіями церкви, постепенно выработали эти глухія главки, которыя въ XVI вѣкѣ, какъ готовая форма, были перенесены и въ каменную архитектуру.

Далеко не такое явное заимствованіе изъ деревянныхъ церковныхъ формъ представляютъ собою слухи на шатрахъ, утолщенія реберъ послѣднихъ и тѣ раскосы на Коломенскомъ шатрѣ, которые покрываютъ его какъ петли сѣти. Дѣло въ томъ, что всѣ эти формы на шатрахъ церквей, сохранившихся до настоящаго времени, не встрѣчаются и это само собою понятно, такъ какъ большая часть этихъ шатровъ срублены изъ вѣнцовъ бревенъ, а при такомъ конструктивномъ пріемѣ устройство слуховъ не желательно, какъ неразрывно связанное съ перерубкою вѣнцовъ; установка же стропильныхъ ногъ и раскашиваніе ихъ представляются въ этомъ случаѣ совершенно излишними. Однако въ гражданскомъ деревянномъ зодчествѣ всѣ указанные пріемы безспорно имѣли мѣсто; чердаки высокихъ, крутыхъ крышъ, служившіе въ лѣтнее время жилыми помѣщеніями, освѣщались слуховыми окнами, а шатры, увѣнчивавшіе «повалуши»[1]), часто дѣлались не рубленые, а представляли собою каркасъ изъ стропильныхъ ногъ и раскосовъ, который обшивался досками кровли. Въ послѣдней устраивались слухи, какъ это видно на чертежѣ царскихъ хоромъ въ селѣ Коломенскомъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ, повидимому, достаточное основаніе считать слухи, утолщенія реберъ шатровъ и раскосы — формами, заимствованными изъ дерева, тѣмъ болѣе, что они начали появляться только тогда, когда зодчіе, вполнѣ освоясь съ техническими пріемами кладки каменныхъ шатровъ, получили возможность безъ затрудненія декорировать ихъ какими угодно формами; прототипомъ же такихъ формъ для русскихъ людей всегда были мотивы роднаго имъ плотничнаго искусства.

О вѣроятномъ происхожденіи угловыхъ лопатокъ было упомянуто выше, поэтому намъ остается только сказать нѣсколько словъ о чешуйчатыхъ черепичныхъ кровляхъ и наружной раскраскѣ церквей.

Наши плотники съ испоконъ вѣковъ покрывали свои постройки или дѣльнымъ тесомъ, или «лемехомъ», то-есть небольшого размѣра дощечками, видимому

---

[1]) «Повалуши» — высокія башни, входившія въ составъ хоромъ; верхній ихъ ярусъ часто рубился «кругло» и покрывался шатромъ.

концу которыхъ придавалась либо заостренная форма, либо закругленная; въ послѣднемъ случаѣ дощечки эти носили названіе «чешуи», съ которой онѣ, дѣйствительно, имѣли большое сходство.

Лемехъ и чешуя употреблялись преимущественно для покрытія крышъ изогнутой формы, потому что выгибать толстыя доски цѣльнаго теса по криволинейнымъ стропиламъ было возможно только при большомъ масштабѣ крышъ, когда кривизна на долю каждой доски получалась незначительная; при небольшихъ же размѣрахъ крышъ доски приходилось бы выгибать очень сильно; послѣднее, само собою понятно, затрудняло работу и было сопряжено съ частою ломкою досокъ во время работы. Поэтому небольшія луковичныя главки деревянныхъ церквей всегда покрывали или «лемехомъ», или «чешуйнымъ обиваніемъ» и наши зодчіе, привыкшіе къ этому способу въ деревнѣ, естественно должны были перевести его и въ каменныя сооруженія, измѣнивъ при этомъ только матеріалъ, изъ котораго лемехъ дѣлался. И дѣйствительно, гончарныя поливныя плитки по своей формѣ очень похожи на лемехъ; разница заключается только въ отдѣлкѣ ихъ нижнихъ концовъ, получившихъ болѣе сложный контуръ, съ нѣсколькими прямоугольными уступами (рис. № 71).

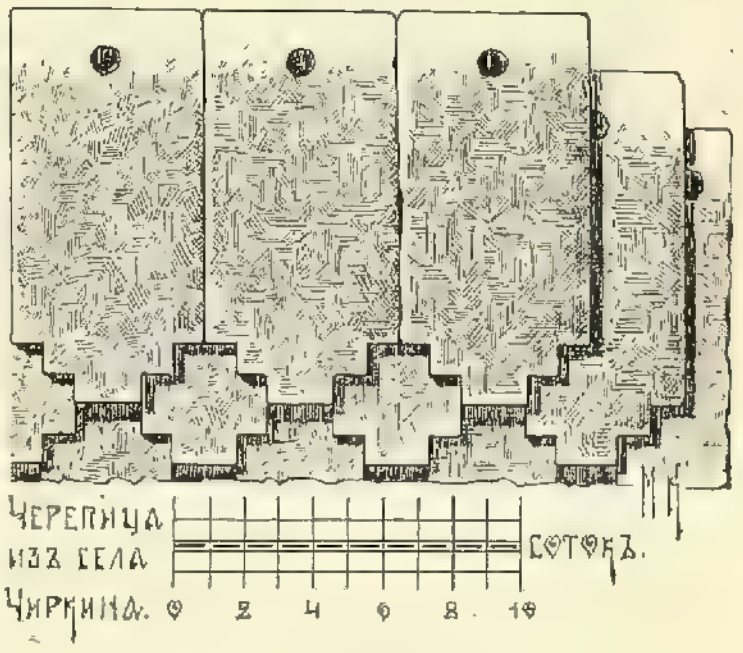


Рис. 71.

Богатая расцвѣтка зданій, по крайней мѣрѣ внутри ихъ, вполнѣ отвѣчала художественному вкусу нашихъ предковъ, на которомъ неминуемо должны были отразиться исконныя тѣсныя сношенія съ Востокомъ. Если бы любовь къ раскраскѣ не была изстари вкоренившейся, то одни церковные обычаи Византіи не могли бы такъ крѣпко привиться и заставлять храмоздателей расписывать внутри свои храмы сверху до низу; это подтверждается тѣмъ, что фресками покрывались внутри не одни только храмы, но и каменные хоромы, гдѣ роспись, конечно, являлась не слѣдствіемъ религіозныхъ установленій, а удовлетвореніемъ эстетической потребности.

Но въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ, почему раскраска, повидимому столь любимая, такъ долго не появлялась на фасадахъ храмовъ и до XVI вѣка примѣнялась только внутри ихъ. Намъ кажется, что отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ той послѣдовательности развитія, какою шло русское церковное зодчество. Въ самомъ дѣлѣ, наши первоучители храмоздательства, греки, никогда не расцвѣчивали красками фасадовъ своихъ церквей, а довольствовались разно-

образіемъ тоновъ, получавшихся отъ примѣненія въ дѣло разнородныхъ матеріаловъ. Новгородцы и псковичи сосредоточивали все свое вниманіе на внутренней «лѣпотѣ» храмовъ, а снаружи ограничивались одною лишь оштукатуркою безхитростныхъ формъ, имѣвшихъ много общаго съ тогдашнимъ романскимъ Западомъ, который по крайней мѣрѣ въ сосѣднихъ съ Русью областяхъ, также оставлялъ свои каменныя зданія безъ раскраски. Что же касается бѣлокаменныхъ, богатыхъ обронными украшеніями церквей владиміро-суздальскаго зодчества, то онѣ были настолько красивы однимъ богатствомъ своего матеріала, что не нуждались въ какихъ-либо дополнительныхъ средствахъ для усиленія производимаго ими эффекта. Наконецъ, зодчіе первыхъ періодовъ московскаго зодчества, вяло и безжизненно повторяя архитектурныя традиціи владиміро-суздаля, не были въ состояніи влить жизненныхъ элементовъ въ одряхлѣвшее искусство.

Такъ должно было длиться до тѣхъ поръ, пока каменное Московское зодчество не стало народнымъ, то-есть такимъ, которое во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчало вкусамъ населенія, установившаго свой собственный масштабъ въ пониманіи прекраснаго.

Правда, мы не имѣемъ фактическихъ доказательствъ того, что до XVI вѣка краски являлись однимъ изъ средствъ украшенія внѣшности деревянныхъ церквей. Но что касается деревянныхъ церквей XVI вѣка, то почти съ полной увѣренностью можно предположить, что раскраска ихъ фасадовъ практиковалась. Доказательствомъ этого могутъ служить слова Ф. Н. Берга[1]), говорящаго, что стѣны Ильинской церкви села Ростовскаго[2]) были снаружи расписаны мѣстами въ «шахматъ», и что слѣды краски въ то время (то-есть въ 1882 году) еще сохранились. Церковь эта была основана въ 1540 году, а село въ 1367, на что, по словамъ Ф. Н. Берга, есть письменныя свидѣтельства. Нѣтъ основаній предполагать, что Ильинская церковь представляла собою исключеніе, скорѣе можно сдѣлать обратное предположеніе, — оно нисколько не противорѣчило бы общему характеру всего старо-русскаго искусства, — тѣмъ болѣе, что наружная раскраска каменныхъ церквей появилась только тогда, когда образцомъ для послѣднихъ стали служить деревянныя церкви, которыя у насъ всегда являлись произведеніями чисто народнаго искусства и по пріемамъ ихъ постройки находились въ тѣсной связи со зданіями гражданской архитектуры. Въ послѣднихъ же, раскраска безспорно играла большую роль; объ этомъ мы можемъ судить хотя бы по рисункамъ, приложеннымъ къ той же брошюрѣ Н. Ф. Берга, изображающимъ крестьянскія избы Важскаго края, гдѣ онѣ въ концѣ прошлаго столѣтія строились, вѣроятно точно такъ же, какъ строились 400 лѣтъ тому назадъ. Итакъ,

---

[1]) Нѣчто о древности типа деревянныхъ построекъ и рѣзьбы въ Важскомъ краѣ Ф. Н. Берга, Памятники древней письменности и искусства. 1882 годъ, С.-Пб., стран. 6.

[2]) Вологодской губерніи, Вельскаго уѣзда.

повидимому, можно сказать, что наружная раскраска Дьяковской церкви[1]), кажущаяся чѣмъ-то непослѣдовательнымъ является въ сущности вполнѣ естественнымъ продолженіемъ художественнаго пріема, практиковавшагося въ деревянномъ зодчествѣ гражданскомъ и, очень вѣроятно, въ церковномъ.

Мы не отнесли ни къ одной изъ намѣченныхъ группъ тѣхъ фронтоновъ, которые составляютъ одинъ изъ существенныхъ уборныхъ элементовъ церкви села Дьякова. Но дѣло въ томъ, что хотя мотивъ этотъ безспорно ведетъ свое происхожденіе отъ деревяннаго зодчества, тѣмъ не менѣе онъ не пользовался особымъ почетомъ у нашихъ плотниковъ и примѣнялся преимущественно въ простѣйшихъ зданіяхъ, въ качествѣ верхнихъ частей торцовыхъ стѣнъ широкихъ срубовъ, покрытыхъ двухскатными крышами. Для покрытія же нешироких частей зданія въ особенности, если имъ желательно было придать художественную внѣшность, плотники охотнѣе употребляли крыши бочкой, кубомъ или шатромъ. Съ другой стороны, въ италіанской архитектурѣ небольшіе фронтоны, напримѣръ надъ оконными просвѣтами, уже завоевали себѣ въ то время симпатіи зодчихъ; поэтому появленіе ихъ на Дьяковской церкви, а также, правда, въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ, на Коломенской, можетъ быть приписано въ равной мѣрѣ какъ италіанскому вліянію, такъ и домыслу русскихъ зодчихъ, не особенно любившихъ этотъ пріемъ въ деревянномъ зодчествѣ, но цѣнившихъ его въ архитектурѣ каменной.

Теперь мы, кажется, можемъ отвѣтить на поставленные въ началѣ этой главы вопросы: 1) Почему исчезли съ лица земли памятники переходной архитектуры, занимавшіе мѣсто между церквами XV вѣка и типичными образцами уже сложившагося новаго направленія зодчества и 2) когда это переходное зодчество существовало.

Къ серединѣ XV вѣка Москва, окрѣпшая политически и экономически, успѣла выработать свои собственные, вполнѣ опредѣленные художественные идеалы, которые находили себѣ осуществленіе въ области деревяннаго зодчества. Но выразить эти же идеалы въ формахъ каменной церковной архитектуры мѣшало отсутствіе техническихъ знаній у нашихъ зодчихъ. Они пополнили этотъ пробѣлъ, приглядѣвшись къ работамъ италіанскихъ мастеровъ и довольно быстро овладѣли технической стороной строительнаго дѣла, но во всякомъ случаѣ не настолько скоро, чтобы тотчасъ же послѣ италіанцевъ рѣшиться приложить свои знанія, строя церкви соотвѣтственно съ тѣми художественными образами, которые носились въ ихъ воображеніи. Наши мастера сначала какъ бы провѣрили основательность своихъ техническихъ познаній, строя церкви по стародавнимъ

---

[1]) II Московскаго Покровскаго собора.

шаблонамъ, при чемъ все ихъ вниманіе сосредоточивалось цѣликомъ на одной лишь технической сторонѣ дѣла и не отвлекалось въ сторону творческой работой мысли надъ воплощеніемъ формъ уже, сложившихся въ ихъ душѣ.

Но какъ только мастера убѣдились на дѣлѣ, что техника, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ церквамъ стараго типа, уже находится въ ихъ рукахъ, что они въ этой области, не задумываясь, справятся со всякимъ затрудненіемъ, тотчасъ же всѣ ихъ помыслы обратились въ другую сторону — къ осуществленію родныхъ имъ эстетическихъ потребностей; почувствовавъ подъ ногами твердую почву, нѣкоторые зодчіе стали отказываться отъ мотивовъ уже выродившейся и по существу чуждой народному духу архитектуры и начали придавать своимъ произведеніямъ тѣ жизненныя, правдивыя и мощныя формы, которыя коренились въ области деревяннаго зодчества и были понятны и дороги не только имъ — спеціалистамъ строительнаго дѣла, но и всему народу. Однако нашихъ зодчихъ въ этихъ опытахъ должно было сперва постичь разочарованіе: вполнѣ искусные въ техникѣ церквей стараго типа они, конечно, сразу не могли совладать съ конструктивными трудностями новыхъ задачъ, быть можетъ даже и съ эстетическими, а поэтому продукты ихъ первыхъ опытовъ должны были быть неудачными, не долговѣчными и, въ силу этого, до насъ не дошли, будучи либо разобранными, либо разрушившись сами. Но такія неудачи не могли продолжаться долго, такъ какъ, въ общемъ, уровень техническихъ познаній и опытности нашихъ мастеровъ въ то, время былъ уже относительно высокъ, и они сравнительно быстро научились воплощать деревянные по существу идеалы въ своихъ кирпичныхъ произведеніяхъ. Если первые опыты, до насъ не дошедшіе, представляли собою простой переносъ формъ деревянныхъ въ каменныя, простое подражаніе, то тѣ памятники, которые сохранились, являются уже слѣдствіемъ творческой работы, гдѣ вопросы конструкціи играютъ второстепенную роль. Итакъ, здѣсь не было никакого перерыва въ эволюціи: одно искусство постепенно дряхлѣло и умирало естественной смертью, но параллельно этому процессу совершался другой: нарождалось и крѣпло новое искусство, которое въ силу недочетовъ техники должно было до поры до времени таиться въ глубинѣ народнаго сознанія и бороться со старымъ, чтобы потомъ властно вырваться на поверхность, пробивъ довольно скоро тонкую кору отжившихъ традицій.

Такимъ образомъ общій и неизмѣнный законъ эволюціи архитектуры, какъ искусства, не былъ нарушенъ и въ русскомъ зодчествѣ; онъ только, по причинамъ, указаннымъ выше, не выразился для потомковъ явно, не далъ памятниковъ этой стадіи развитія; процессъ возникновенія и прогрессированіе художественныхъ формъ протекъ, не оставивъ слѣдовъ переходной эпохи и поэтому мы имѣемъ только такіе памятники, у которыхъ какъ общій ихъ обликъ, такъ и детали представляютъ собою результатъ творческаго замысла народа, уже окрѣпшаго и вполнѣ сформировавшагося.

Это-то обстоятельство и создаетъ при первомъ взглядѣ на церковные памятники каменной архитектуры XVI вѣка представленіе о существованіи какого-то перерыва въ развитіи нашего зодчества; въ дѣйствительности же не сохранилось

Церковь Воскресенія въ селѣ Городнѣ.

Рис. 72. По фотог. неизвѣстнаго автора.

лишь памятниковъ этой эпохи. Что же касается ея времени, то-есть извѣстной суммы лѣтъ, когда бы церкви строились только въ переходномъ стилѣ, то изъ всего сказаннаго само собою понятно, что такой эпохи не было, потомучто для перехода къ ней въ области искусства должна бы была произойти революція, что

совершенно недопустимо, и поэтому въ быстромъ расцвѣтѣ самобытнаго русскаго зодчества надо видѣть не нарушеніе законовъ искусства, а только ускоренный темпъ его эволюціи. Наконецъ, слѣдуетъ сказать, что недоумѣніе предъ высокой степенью развитія формъ московскихъ памятниковъ новаго церковнаго зодчества, появившихся въ XVI вѣкѣ, исчезнетъ окончательно, разъ только будетъ указано, что до нихъ въ другихъ мѣстахъ были построены менѣе совершенныя каменныя шатровыя церкви, примѣромъ чего можетъ служить церковь въ селѣ Городнѣ подъ Коломною (Рис. № 72), построенная въ началѣ XVI вѣка.

ГЛАВА V.

«Поставленъ былъ храмъ каменный преудивленъ, различными образцы и многими переводы, на одномъ основаніи девять престоловъ».

Разбирая московскіе церковные памятники XVI вѣка, мы преднамѣренно оставили въ сторонѣ Покровскій соборъ, болѣе извѣстный подъ именемъ храма Василія Блаженнаго. Основаніемъ для выдѣленія его въ особую главу послужили тѣ соображенія, что, во-первыхъ, соборъ этотъ, безспорно, занимаетъ первое мѣсто въ ряду другихъ памятниковъ самобытнаго русскаго творчества, и уже въ силу одного этого на немъ желательно остановиться болѣе подробно; во-вторыхъ, безъ анализа формъ уже разсмотрѣнныхъ нами храмовъ XVI вѣка пріемъ композиціи Покровскаго собора казался бы явленіемъ исключительнымъ, непонятнымъ и занесеннымъ на Русь откуда-то извнѣ. Наконецъ, послѣ знакомства съ архитектурными пріемами, встрѣтившимися намъ въ церквахъ, разсмотрѣнныхъ въ предыдущей главѣ, большинство какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ формъ Покровскаго собора не потребуетъ разъясненія, такъ какъ онѣ представляютъ собою повтореніе формъ Дьяковской, Медвѣдковской и другихъ, уже знакомыхъ намъ церквей. Послѣднее даетъ возможность значительно сократить описаніе этого поражающаго богатствомъ формъ и деталей собора, производящаго незгладимое впечатлѣніе не только на русскихъ людей, но и на иностранцевъ, въ сочиненіяхъ которыхъ ему удѣлено исключительно много вниманія.

Почти всѣ описанія и изслѣдованія интересующаго насъ въ настоящую минуту памятника начинаются именно выдержками изъ иностранныхъ авторовъ — ихъ попытками объяснить происхожденіе этого загадочнаго для нихъ «чудища», или по меньшей мѣрѣ установить его родственную связь съ архитектурой другихъ народовъ, болѣе знакомой западной наукѣ, нежели искусство старой Руси.

Мы не станемъ приводить этихъ выдержекъ, бывшихъ, безспорно, интересными въ то время, когда еще для самихъ русскихъ Покровскій соборъ представлялъ запутанную загадку; теперь же наша наука двинулась настолько впередъ,

что даже знаетъ имена зодчихъ, создавшихъ это дивное произведеніе, и поэтому теоретическія измышленія иностранцевъ, только попапрасну отняли бы у насъ время[1]).

Въ противоположность Успенскому собору нѣтъ никакихъ свѣдѣній о производствѣ работъ при постройкѣ Покровскаго собора; это обстоятельство ясно указываетъ на то, что ко времени его постройки русскіе мастера всецѣло овладѣли техническими пріемами каменной архитектуры и, знакомство съ ними, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, стало достояніемъ почти всѣхъ, тогда какъ въ свое время чуть ли не каждый шагъ Аристотеля Фіоравенти былъ предметомъ любознательнаго вниманія не только спеціалистовъ строительнаго дѣла, но даже и лѣтописцевъ. Говоря же о Покровскомъ соборѣ, послѣдніе отмѣчаютъ только причину и время его постройки, упоминаютъ о фактахъ, связанныхъ съ назначеніемъ «во имя» 8-му придѣлу, и, наконецъ, отдаютъ должное удивленіе его красотѣ и смѣлости замысла, выразившейся въ группировкѣ на одномъ основаніи девяти какъ бы совершенно самостоятельныхъ храмовъ.

Пользуясь памятниками древней письменности[2]), можно возстановить слѣдующую картину постройки собора. Въ 1554 году Грозный задумалъ построить столько церквей, сколько было выдающихся моментовъ при завоеваніи Казани, и посвятить ихъ тѣмъ святымъ, въ день памяти которыхъ произошли эти событія. Слѣдствіемъ царскаго замысла явились у Фроловскихъ[3]) воротъ семь деревянныхъ церквей — «седмь престоловъ, иже быти окрестъ осмаго большаго церкви...»

Эти слова лѣтописцевъ не даютъ возможности установить вполнѣ опредѣленно — были ли это совершенно отдѣльныя церкви, или онѣ были какъ-нибудь связаны между собою и представляли въ сущности одинъ храмъ; дѣйствительно, лѣтописцы какъ-то противорѣчатъ другъ другу, говоря въ одномъ случаѣ — «съ придѣлы», а въ другомъ — «окрестъ[4]»).

---

[1]) Интересующихся взглядами иностранныхъ изслѣдователей и путешественниковъ отсылаемъ къ книгѣ И. Забѣлина — Русское искусство. Черты самобытности въ древнерусскомъ зодчествѣ. — въ которой суммированы всѣ эти взгляды.

[2]) Никон. Лѣтопис., VII, 239. Львовскій Лѣтопис., V, 297. Лѣтописные сборники XVII вѣка. Смотри Чтенія Общ. Исторіи и Древ. 1896 годъ. 1-я и 2-я статьи свящ. І. Кузнецова.

[3]) Карамзинъ. Ист. Г. Росс., т. VIII. Дополнительныя выписки къ 1554 году, «Повелѣ Государь воздвигнути церковь Покровъ съ придѣлы надо рвомъ, у града (Кремля). близъ Фроловскихъ (Спасскихъ воротъ); а прежъ сего на тѣхъ мѣстѣхъ бывали церкви».

[4]) Общая идея была — построить памятникъ покоренію царства Казанскаго и Астраханскаго, а семь престоловъ, какъ упомянуто было выше, должны были напоминать лишь объ отдѣльныхъ эпизодахъ покоренія. Поэтому думается, что одинъ восьмипрестольный храмъ болѣе осуществлялъ бы общую идею. Этому какъ бы противорѣчатъ слова лѣтописи: «еже въ кая времена и въ котораго святаго день памяти многія великія дѣла и побѣды быша на Татаръ і взятіе града Казани и которыхъ мѣсяца дни число настоящаго святаго — и въ тѣхъ святыхъ имена поставити церкви». Но, во-первыхъ, слово «церкви» могло быть употреблено въ смыслѣ слова «придѣлы», а, во-вторыхъ, многопридѣльныя деревянныя церкви были у насъ въ то время очень обычны и, слѣдовательно, устройство таковой, удовлетворяя общей идеѣ, не шло въ разрѣзъ съ установившимися обычаями.

Однако эта церковь только временно удовлетворяла замыслу царя, такъ какъ въ 1555 году «Государь велѣлъ заложить церковь каменну Покровъ о д е в я т и верхахъ, который былъ преже древянъ, о Казанскомъ взятьѣ... придѣлъ тойже церкви Живоначальныя Троицы..., а прежъ того за два года (то-есть 1553 годъ) заложена едина Троица» (Карамзинъ И. Г. Р., VIII доп. выпис. къ 1555 году).

Этотъ лѣтописный текстъ, кромѣ интересной даты о годѣ закладки существующаго теперь Покровскаго собора, дастъ еще указаніе на то, что первоначальный обѣтный храмъ, построенный до упомянутаго весьмипрестольнаго, былъ однопрестольный и деревянный.

Другой же лѣтописный текстъ говоритъ, что въ 1555 году «дарова ему (царю) Богъ дву мастеровъ русскихъ, по реклу (прозвищу) Посника и Барму, и быша премудріи и удобніи таковому чюдному дѣлу». Тогда Грозный «по совѣту святительску повелѣ имъ здати церкви каменны, завѣтныя в о с е м ь престоловъ»; однако мастера «не якоже повелѣно было, но яко по Возѣ разумъ даровася имъ въ размѣреніи основанія»[1]) — начали строить д е в я т ь престоловъ.

Такимъ образомъ лѣтописи расходятся и въ счетѣ придѣловъ, назначенныхъ къ постройкѣ, потомучто въ одномъ случаѣ говорится о 9, а въ другомъ о 8 престолахъ. Какъ бы то ни было въ дѣйствительности, но во всякомъ случаѣ восьмой придѣлъ (девятый престолъ) былъ лишнимъ въ памятникѣ Казанскому покоренію и оставался безъ назначенія[2]) до тѣхъ поръ, пока въ Москву не была привезена икона Николая Великорѣцкаго, послѣ чего было рѣшено «безименитый храмъ (придѣлъ), иже противу южныхъ вратъ большія церкви (парѣчь) во имя святаго Николы, яко самому святому Николѣ уготовашу храмъ той»[3]). Однако тотчасъ помѣстить прибывшую икону въ новый храмъ оказалось невозможнымъ, такъ какъ постройка его была лишь «воздѣлана отъ земли яко мало менѣе сажени».

Придѣлы были закончены и освѣщены въ 1559 году, когда главный престолъ (средній), по словамъ лѣтописца, еще достраивался[4]). Онъ былъ достроенъ въ 1560 году[5]).

Вотъ тѣ свѣдѣнія о постройкѣ Покровскаго собора, которыя дошли до насъ.

---

[1]) Лѣтописные сборники XVII вѣка. Смотри статью І. Кузнецова въ «Чтен. Общ. и Древн.» 1896 г. Кн. 1-я и 2-я.

[2]) «Тогда имя не нарѣковася, но его же имя Богъ изволитъ».

[3]) Ibid.

[4]) «А большая церковь, Покровъ Пресвятыя Богородицы, тогды не свершена».

[5]) Никоимъ образомъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ о. І. Кузнецова (Чтенія Императорскаго Общ. Исторіи и Древ. Рос 1896 г.), что существующій нынѣ соборъ былъ заложенъ въ сентябрѣ 1560 года. Не говоря уже о томъ, что въ такомъ случаѣ всю постройку пришлось бы сдѣлать въ одинъ мѣсяцъ (соборъ освященъ 1 октября 1560 года), этому противорѣчитъ кафельная надпись, остатки которой хранятся въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ. Надпись эта указываетъ, что годомъ основанія собора надо считать 1544 годъ.

План Покровскаго собора.

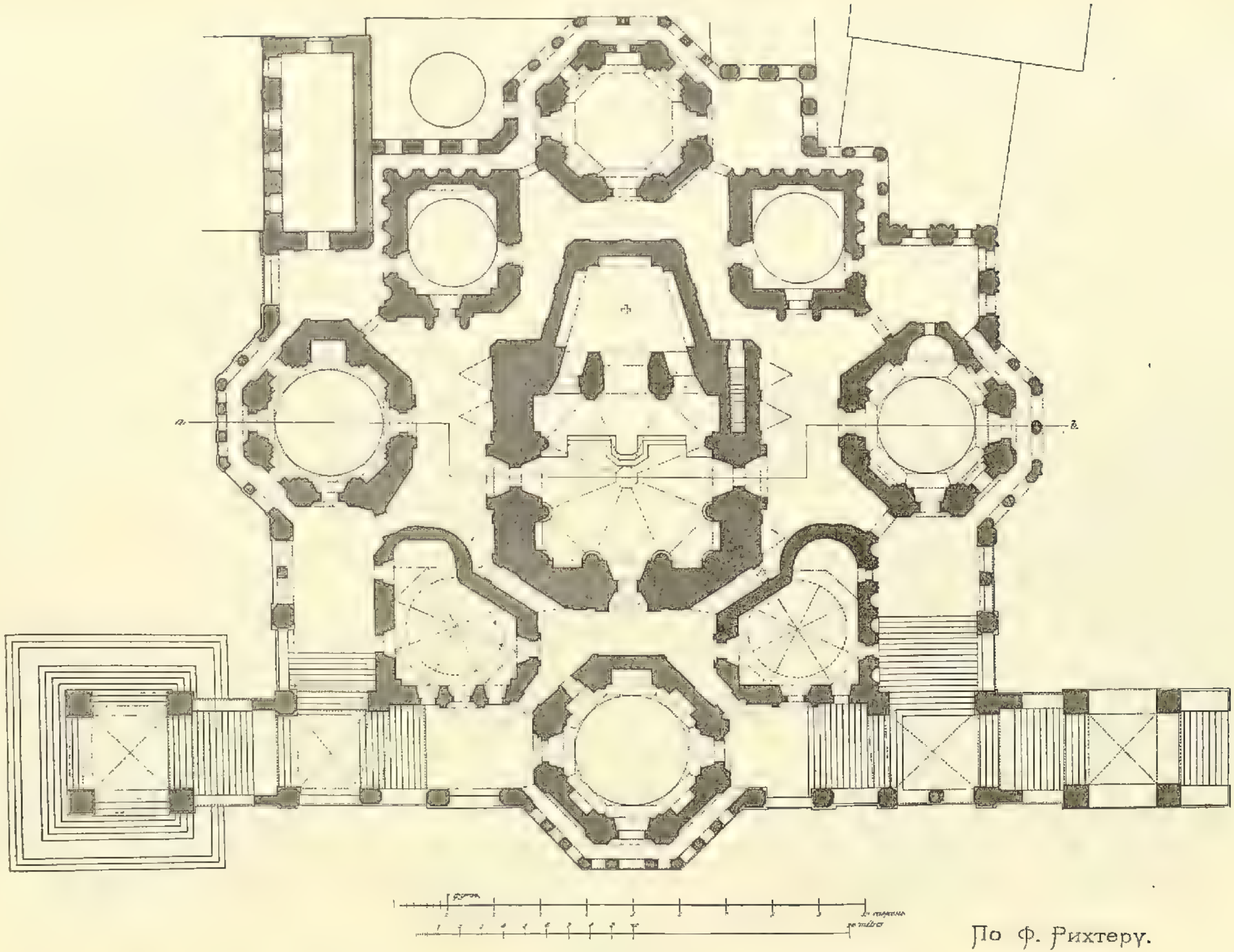
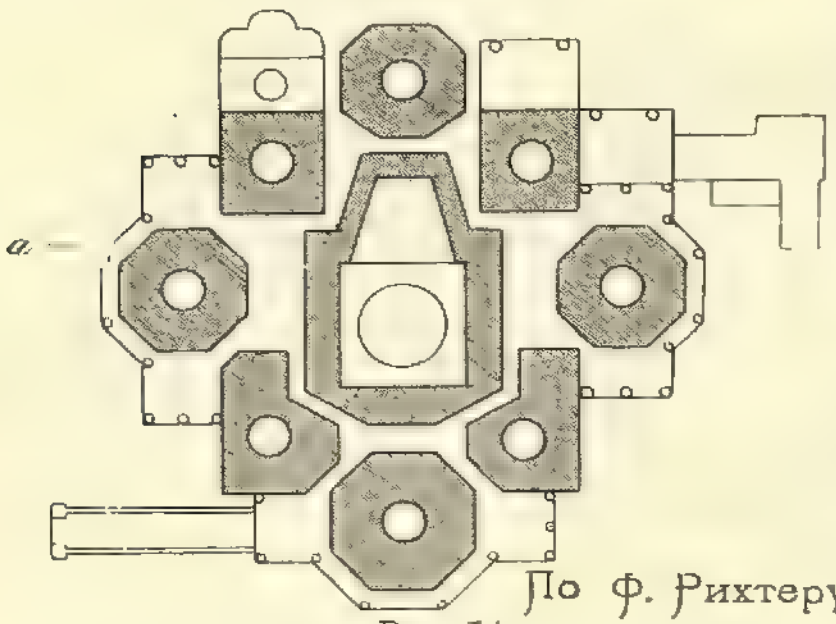


Рис. 73.

По Ф. Рихтеру.

Теперь разсмотримъ самый памятникъ. При первомъ же взглядѣ на его планъ (рис. № 73) становится очевиднымъ, что послѣдній скомпанованъ по тому же принципу, что и планъ Дьяковской церкви, но въ то же время значительно превосходитъ его богатствомъ составныхъ частей и смѣлостью замысла. Наружный контуръ плана представляетъ собою близкій къ квадрату прямоугольникъ, къ сторонамъ котораго примыкаютъ части восьмериковъ — получается, такимъ образомъ, правильная фигура креста. Но если разсматривать всю совокупность плана, а не одинъ только его внѣшній обводъ, то окажется, что онъ образованъ группою башенъ, связанныхъ въ одно цѣлое узкими ходовыми папертями. Въ центрѣ группы находится самая большая по площади башня; она имѣетъ форму квадрата, западные углы котораго скошены; съ востока къ этому квадрату примыкаетъ апсида въ видѣ трапеціи. По діогоналямъ центральной башни размѣщены четыре башни меньшаго размѣра[1]), при чемъ двѣ восточныя представляютъ собою квадраты, а двѣ западныя имѣютъ болѣе сложную форму, именно вытянутыя по направленію востокъ-западъ прямоугольники, къ которымъ изнутри храма примыкаютъ половины шестиугольниковъ. Форма плановъ этихъ двухъ башенъ ясно видна на общемъ планѣ собора, изображающемъ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ 1634 году (рис. № 74). Въ настоящее время юго- и сѣверо-восточные углы этихъ башенъ имѣютъ закругленную форму, что, очевидно, было сдѣлано впослѣдствіи для болѣе удобнаго прохода между центральной башней и западными. Съ тою же цѣлью были скошены углы, обращенные внутрь храма, и у восточныхъ башенъ.

Планъ Покровскаго собора
въ 1634 году.



По Ф. Рихтеру.

Рис. 74.

Въ промежуткахъ между діагональными башнями поставлены четыре[2]) другія, имѣющія форму восьмиугольниковъ. Изъ нихъ западная — самая большая, три же остальныя одинаковы по занимаемой ими площади и при этомъ нѣсколько отступаютъ отъ правильной формы многоугольника, такъ какъ немного вытянуты къ востоку съ цѣлью сдѣлать алтарныя ниши болѣе помѣстительными.

[1]) Въ этихъ башняхъ находятся придѣлы: 1) св. Григорія, просвѣтителя Арменіи, 2) Александра Свирскаго, 3) Варлаама Хутынскаго и 4) Патріарховъ: Александра, Іоанна и Павла Новаго.

[2]) Въ этихъ башняхъ находятся придѣлы: 1) Входа во Іерусалимъ, 2) Живоначальныя Троицы, 3) Кипріана и Устины и 4) Чудотворца Николая Великорѣцкаго.

Вотъ каковъ былъ первоначальный планъ Покровскаго собора (рис. № 74); онъ дополнялся еще деревянными галлереями-папертями, окружавшими соборъ со всѣхъ сторонъ. Что же касается каменныхъ папертей[1]), примыкающихъ съ запада крыльцъ съ шатровыми верхами и, наконецъ, небольшого, теперь уже не существующаго придѣла, пристроеннаго[2]) къ сѣверо-восточной (діагональной) башнѣ (рис. № 74), то все это представляетъ болѣе позднія пристройки, не входившія въ первоначальную композицію Посника и Бармы.

Мы не станемъ разбирать деталей плана — онѣ не представляютъ для насъ ничего новаго, потомучто аналогичны съ деталями Дьяковской церкви, и кромѣ того, вполнѣ ясно изображены на рисункѣ № 73.

Если планъ Покровскаго собора аналогиченъ, какъ мы въ этомъ убѣдились, съ планомъ храма въ селѣ Дьяковѣ, то разрѣзъ его представляетъ какъ бы соединеніе въ одно цѣлое отдѣльныхъ конструктивныхъ и уборныхъ мотивовъ, заимствованныхъ у церквей Коломенской, Дьяковской и Медвѣдковской. Дѣйствительно, подобно церкви села Коломенскаго, Покровскій соборъ стоитъ на высокомъ, покрытомъ сводами подклѣтѣ (рис. № 75). Центральная башня, имѣющая въ основаніи форму квадрата, уже на высотѣ четырехъ саженъ отъ полу переходитъ въ восьмерикъ что достигнуто, точно такъ же, какъ и въ Коломенскомъ храмѣ, при помощи нѣсколькихъ парусовъ; сходство съ Коломенскимъ храмомъ еще болѣе усиливается длинными и имѣющими базы и капители полуколонками, размѣщенными по сторонамъ прямоугольныхъ въ планѣ нишъ (смотри планъ); капители, правда, выражены не такъ характерно, какъ въ Коломенскомъ храмѣ, потомучто образованы раскреповками карниза нижняго яруса башни, но эта разница становится замѣтной только при сличеніи чертежей разрѣзовъ этихъ двухъ памятниковъ.

Общее впечатлѣніе, производимое пятью вышележащими ярусами, очень близко къ впечатлѣнію, оставляемому композиціей средней башни Дьяковской церкви; здѣсь повторяются все тѣ же мотивы, — прямоугольныя впадины (филенки), украшающія стѣны наиболѣе высокаго восьмерика, многоступныя окна съ сильно скошенными подоконниками и дуговыми верхами, навѣсныя бойницы подъ свѣшивающимися во внутрь храма стѣнками болѣе узкаго восьмерика, круглыя окна и, наконецъ, узенькіе карнизики («прилѣпы»). Аналогія была бы полная, если бы всѣ эти мотивы шли по высотѣ въ томъ же порядкѣ, какъ и въ Дьяковской церкви. Этого нѣтъ, но нельзя сказать, чтобы въ ущербъ эстетич-

---

[1]) На болѣе позднее устройство папертей и крыльцъ указываютъ сохранившіеся не сбитыми старые карнизы, характеръ которыхъ говоритъ, что они прежде были наружными.

[2]) Этотъ придѣлъ во имя Василія Блаженнаго былъ построенъ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ въ 1588 году и далъ Покровскому собору его народное наименованіе: «Василій Блаженный». На мѣстѣ этого придѣла стоитъ теперь придѣлъ Рождества Богородицы, построенный, вѣроятно, въ 1680 году при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.

Разрѣзъ Покровскаго собора.

По Ф. Рихтеру.

Рис. 75.

пости, — наоборотъ, всѣ эти переходы скомпанованы опытной рукой большого мастера и придаютъ внутреннему виду главной части Покровскаго собора удивительную стройность и живописность.

Надъ верхнимъ восьмерикомъ высится легкій шатеръ, который какъ своими пропорціями, такъ и слухами, прорѣзанными въ лицевыхъ граняхъ, очень напоминаетъ Медвѣдковскую церковь. Наконецъ, надъ шатромъ находится восьмигранная, узенькая и еле замѣтная снизу шейка главы, покрытая купольнымъ сводикомъ; лицевыя грани шейки прорѣзаны узкими оконцами.

То же самое, что о центральной башнѣ, можно сказать въ отношеніи аналогіи и объ остальныхъ; такъ же, какъ и въ Дьяковскомъ храмѣ, онѣ значительно ниже средней и повторяютъ ихъ формы; главнымъ отличіемъ являются здѣсь вѣнчающіе сомкнутые своды, тогда какъ у Дьяковскихъ башенъ они купольные.

Нужно замѣтить, что хотя внутренній видъ второстепенныхъ башенъ Покровскаго собора по главнымъ массамъ у всѣхъ одинаковъ, тѣмъ не менѣе въ деталяхъ замѣчается разница. Для примѣра сравнимъ разрѣзы южной и сѣверной башенъ. У послѣдней шея главы опирается непосредственно на машикули (навѣсныя бойницы), а у сѣверной опорой шеи служатъ наклонныя стѣнки невысокаго восьмерика, образующія въ общемъ форму усѣченной пирамиды. Такая же пирамида имѣется у этой же башни однимъ восьмерикомъ ниже, тогда какъ всѣ нижележащіе за машикули восьмерики южной башни имѣютъ отвѣсныя стѣнки. Стѣнки всѣхъ восьмериковъ южной башни украшены прямоугольными впадинами (филенками), а у сѣверной башни стѣны верхняго восьмерика оставлены совершенно гладкими.

Изъ сдѣланнаго описанія внутренняго вида собора видно, что его главныя массы, подобно Коломенской и Дьяковской церкви, имѣютъ почти исключительно конструктивный характеръ; здѣсь очень мало такого, что было сдѣлано лишь съ цѣлью тѣшить взоръ и не имѣло бы прямого техническаго назначенія. Зато отдѣлка ходовыхъ папертей, соединяющихъ башни, довольно богата. Особенно много старанія положили зодчіе при компановкѣ дверныхъ наличниковъ; изъ нихъ наибольшимъ вкусомъ отличаются обрамленія дверей, ведущихъ въ центральную башню, при чемъ характеръ ихъ носитъ на себѣ безспорные слѣды италіанскаго вліянія.

Что касается внутренней росписи стѣнъ, то она повидимому, тотчасъ послѣ постройки собора не существовала; по крайней мѣрѣ, въ изданіи Ф. Рихтера[1]) говорится, что стѣны внутри Покровскаго собора расписаны въ 1784 году, хотя эта дата можетъ, конечно, относиться не къ первоначальной росписи, а къ ея возобновленію или передѣлкѣ. Извѣстно также, что въ 1767 году, при возобновленіи собора, стѣны его внутри были побѣлены, но это опять таки ничего не

[1]) Памятники древняго русскаго зодчества. 1850 годъ. Тетрадь II, стран. 5.

говоритъ о томъ, была ли эта побѣлка возстановленіемъ прежняго внутренняго вида храма, или она скрыла подъ собою существовавшую прежде роспись.

Западный фасадъ Покровскаго Собора. По Ф. Рихтеру.

Рис 76.

Заканчивая краткій обзоръ разрѣза собора, нельзя не упомянуть о той невязкѣ его съ планомъ, которая наблюдается въ двухъ западныхъ діаго-

нальныхъ башняхъ. Дѣйствительно, тѣ углы ихъ восьмериковъ, которые обращены къ центральной башнѣ, выходятъ изъ-за периметра стѣнъ основаній башенъ (смотри планъ), такъ что опорой для нихъ служатъ своды ходовыхъ паперти. Съ точки зрѣнія конструктора-теоретика, такая загрузка сводовъ представляется явленіемъ нежелательнымъ и даже грозитъ обрушеніемъ сводовъ; однако многолѣтнее существованіе собора доказало, что опасенія теоретиковъ за прочность далеко не всегда оправдываются на дѣлѣ.

Покровскій соборъ.

Прежде чѣмъ перейти къ обзору внѣшняго вида собора, скажемъ нѣсколько словъ о матеріалахъ, примѣненныхъ для его постройки. Главнымъ изъ нихъ является кирпичъ, встрѣчающійся въ двухъ типахъ,—такъ, нижняя часть шатра главной башни сложена изъ болѣе крупнаго кирпича, по размѣрамъ близкаго къ современному; для верхней же части шатра былъ употребленъ болѣе мелкій кирпичъ. Кладка всюду правильная, при этомъ стѣны нигдѣ не имѣютъ чрезмѣрной толщины, что̀ указываетъ на высокую ступень техническихъ познаній строителей. Мелкія детали сдѣланы изъ различныхъ матеріаловъ: здѣсь попадается бѣлый тесаный камень, лекальный кирпичъ, терракотовыя украшенія и, наконецъ, цвѣтные поливные изразцы. Фундаментъ сложенъ изъ естественнаго камня и представляетъ не отдѣльные столбы, а сплошной массивъ подъ всей площадью собора.

По книгѣ: „Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича".

Рис. 77.

Въ теченіе трехъ съ половиной вѣковъ существованія Покровскаго собора его внѣшній видъ потерпѣлъ значительныя измѣненія: атмосферные осадки и пожары совершили свое разрушительное дѣло, а стремленіе къ новизнѣ и измѣнившіеся художественные взгляды, наконецъ новыя требованія, предъявлявшіяся къ собору, и недоста-

токъ матеріальныхъ средствъ служили причиной тому, что испорченное стихіями возстановлялось часто не въ томъ видѣ, въ какомъ оно было устроено первоначально. Болѣе всего измѣнился внѣшній видъ собора отъ пристройки къ нему наружныхъ ходовыхъ папертей и крыльцъ. Это становится особенно замѣтнымъ, если смотрѣть на памятникъ со стороны западнаго фасада, который отъ этихъ крыльцъ сталъ болѣе широкимъ, нежели въ старину. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить рисунокъ № 76 съ изображеніемъ собора, заимствованнымъ изъ книги «Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича» (рис. № 77). Рисунокъ опредѣляетъ приблизительно и время устройства каменныхъ крыльцъ и наружныхъ ходовыхъ папертей: книга была написана по приказанію царя Алексѣя Михайловича, слѣдовательно постройку существующихъ теперь крыльцъ и папертей нужно отнести ко времени не болѣе

Крыльцо Покровскаго собора.

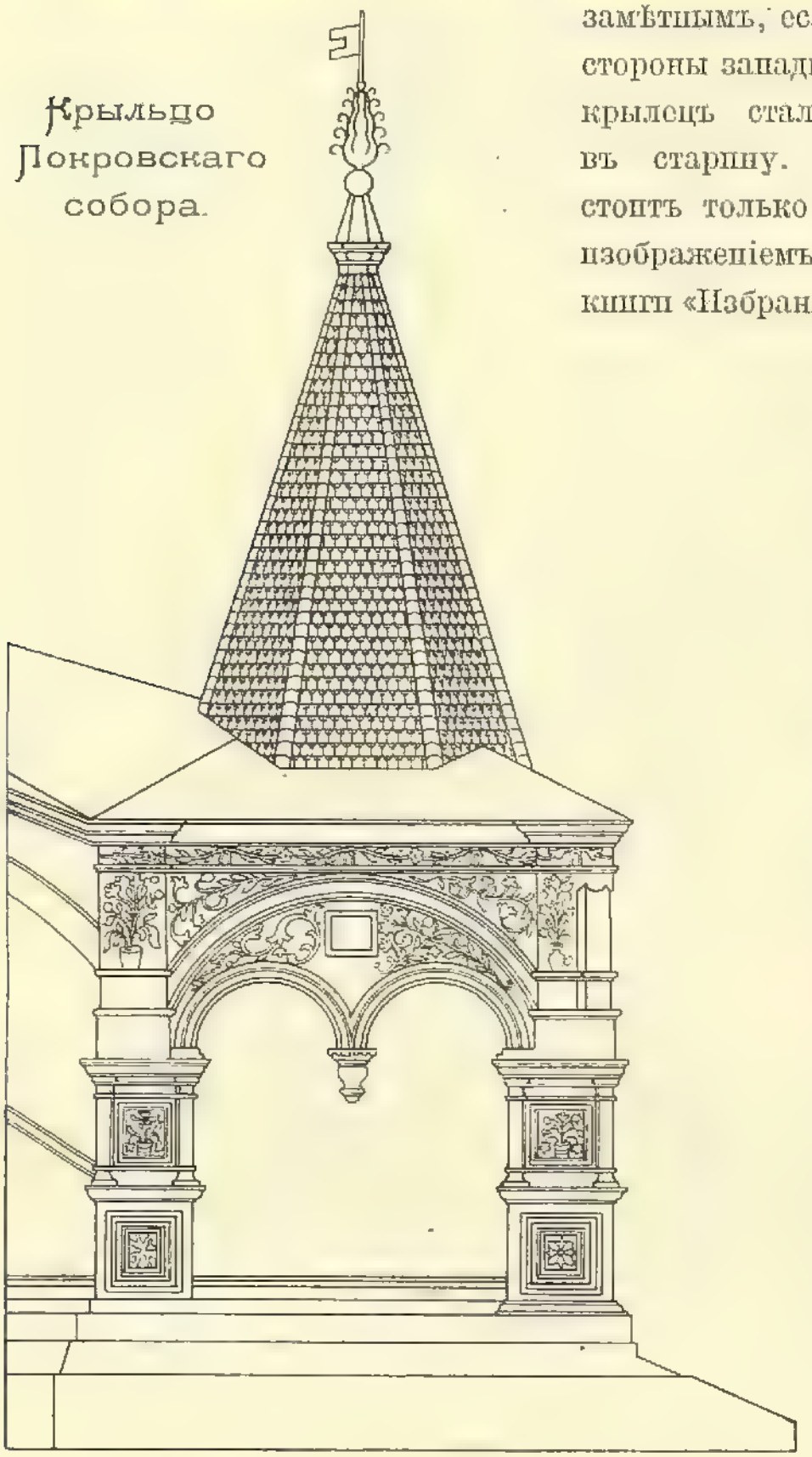


Рис. 78.

Деталь ходовой паперти Покровскаго собора.

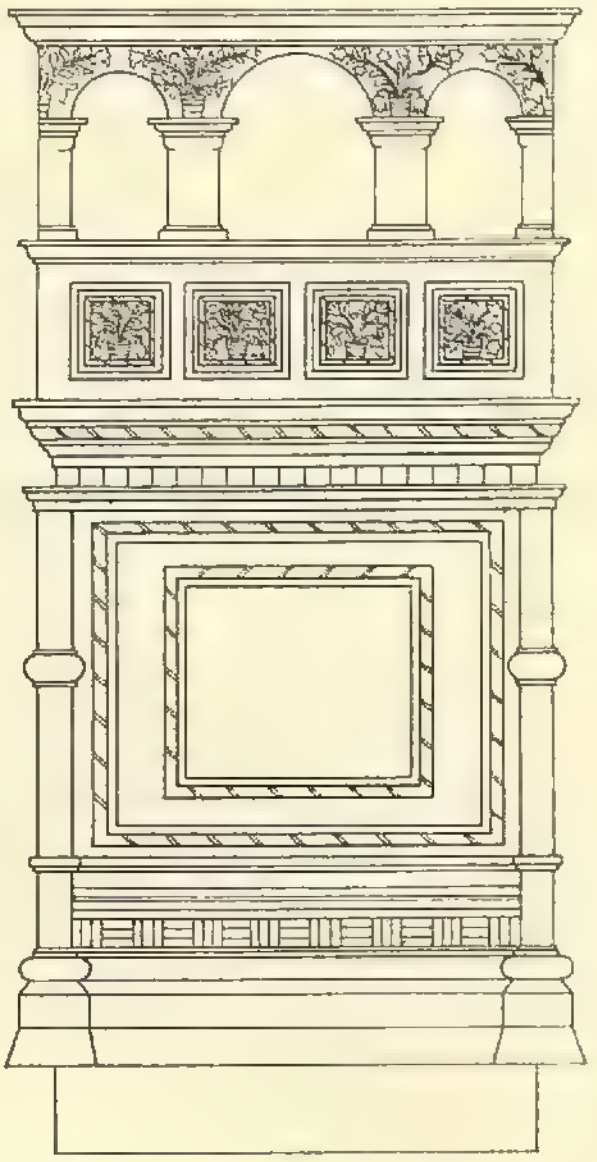


Рис. 79.

По Ф. Рихтеру.

рашему, чѣмъ конецъ царствованія Тишайшаго царя; это подтверждается и характеромъ архитектурныхъ формъ пристройки (рис. № 78 и 79).

Другимъ и при этомъ довольно существеннымъ измѣненіемъ первоначальнаго вида собора является уничтоженіе восьми мелкихъ луковичныхъ главокъ на узкихъ шейкахъ, которыя окружали низъ шатра главной башни и были утверждены на его полицѣ. Въ томъ, что онѣ дѣйствительно существовали, убѣждаютъ, во-первыхъ, только что упомянутый рисунокъ изъ книги «Избраніе» и рисунокъ № 80, заимствованный изъ описанія путешествія Олеарія. Другимъ доказательствомъ служитъ форма плана верхняго восьмерика и его

Покровскій соборъ по Олеарію.

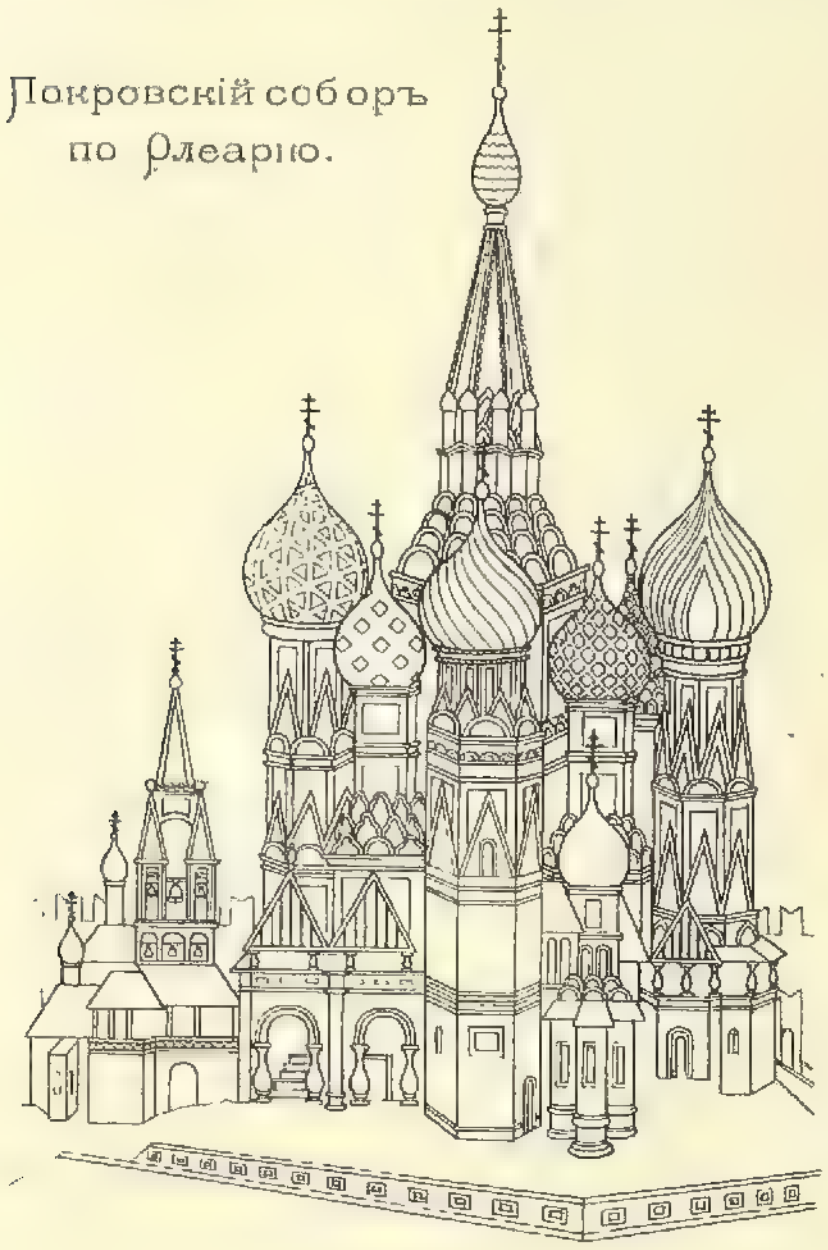


Рис. 80.

Планъ шатра.

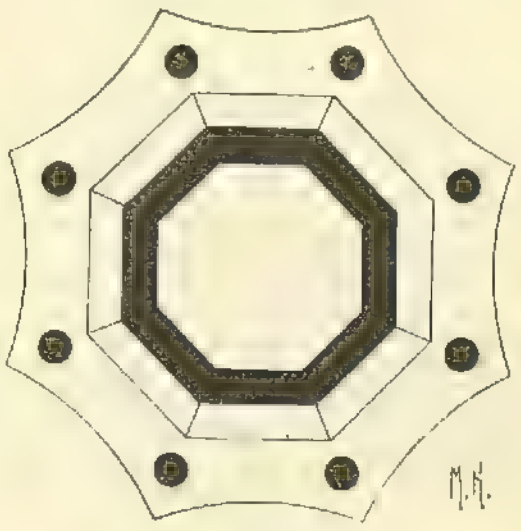


Рис. 81.

карниза; карнизъ этотъ, служащій одновременно и полицею шатра, имѣетъ въ планѣ форму восьмиконечной звѣзды (рис. № 81), на концахъ которой стояли шейки главокъ; безъ послѣднихъ звѣздчатая форма наружнаго контура восьмерика, конечно, не имѣла бы разумнаго основанія.

Основываясь на рисункѣ Олеарія, А. М. Павлиновъ[1]) полагаетъ, что шеи главъ діагональныхъ башенъ перестроены, при чемъ имъ придана существующая нынѣ круглая въ планѣ форма; «между тѣмъ, какъ», говоритъ онъ, «на рисункѣ 1634 года онѣ чуть ли не четыреугольныя». По намъ кажется, что считать эту передѣлку несомнѣннымъ фактомъ нельзя уже въ силу одной той осторожности, съ которой слѣдуетъ, какъ мы это указывали выше, довѣрять рисункамъ иноземъ-

[1]) Исторія русской архитектуры, стран. 147.

ныхъ авторовъ. Въ данномъ же случаѣ осторожность необходима тѣмъ болѣе, что на рисункѣ книги «Избраніе» шея главъ этихъ башенъ вполнѣ ясно изображены восьмигранными, а не четырехугольными, то-есть такими же, какъ шея главъ у остальныхъ четырехъ башенъ. Быть-можетъ художникъ, рисовавшій иллюстраціи для книги «Избраніе», изобразилъ интересующія насъ шеи восьмиугольными только по аналогіи съ остальными, и сдѣлалъ это невольно, такъ какъ, очевидно, исполнялъ рисунокъ собора не съ натуры, а по памяти. Во всякомъ случаѣ полагаемъ болѣе правильнымъ считать вопросъ о первоначальной формѣ шей діагональныхъ башенъ окончательно нерѣшеннымъ.

Очень интересенъ вопросъ о первоначальной формѣ всѣхъ луковичныхъ главъ собора. По словамъ путешественниковъ XVII столѣтія, видѣвшихъ, стало-быть, соборъ, приблизительно, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его сооруженія, главы были покрыты листовою мѣдью, свѣтлыми, блестящими (полированными) листами, и притомъ такъ искусно и разнообразно, «что только дивились»[1]). Отсюда можно заключить, что главы имѣли ту же форму, что и въ настоящее время, какъ это подтверждается и рисунками 77-мъ и 80-мъ. Что же касается раскраски главъ, то, по предположенію П. Забѣлина[2]), она была исполнена въ концѣ XVII вѣка, когда была произведена и наружная раскраска стѣнъ. Предположеніе это противорѣчитъ концу уже упомянутой нами надписи на изразцахъ (Московскій Истор. Музей), гласящей, что «...та церковь починена и расписана колокольня и главы желѣзныя и покрыты досчатымъ желѣзомъ разными образцами и п о л у ж е н ы церкви, и паперти покрыты черепицей[3]).

Во всякомъ случаѣ большинство данныхъ говоритъ въ пользу того, что главы были фигурныя («разными образцы»), и существующія теперь, вѣроятно, представляютъ копію съ первоначальныхъ, за исключеніемъ главки надъ шатромъ, которая, если вѣрить рисунку книги «Избраніе», такъ же была затѣйливая, а не гладкая, какъ въ настоящее время.

Не менѣе интереснымъ представляется вопросъ о времени постройки существующей теперь при соборѣ колокольни. Опираясь на памятники письменности, можно прійти къ заключенію, что колокольня была построена одновременно съ соборомъ, такъ какъ имѣется указаніе, что при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ она была расписана[4]). Рисунокъ Олеарія также подтверждаетъ существованіе колокольни, но одновременно съ этимъ говоритъ, что стоявшая тогда у Покровскаго собора колокольня имѣла совершенно другую внѣшность, нежели существующая теперь. Слѣдуетъ замѣтить, что въ изображеніи колокольни Олеарій, по всѣмъ

---

[1]) Русскіе источники говорятъ, что при сынѣ Грознаго главы были покрыты желѣзомъ и вылужены.

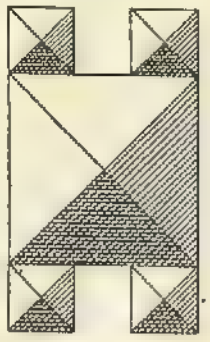
[2]) Русское искусство. Черты самобытности и т. д. Стран. 18.

[3]) «Книга запис. достоп. Моск. Покровск. собора». Стран. 16.

[4]) Смотри предыдущую сноску.

вѣроятіямъ, допустилъ значительныя отступленія отъ оригинала; дѣйствительно, въ его передачѣ колокольня является пятиверхой — около средняго ея шатра группируются 4 меньшихъ, расположенныхъ такимъ образомъ, что наружныя ребра ихъ скатовъ составляютъ продолженіе реберъ главнаго шатра. Такое относительное положеніе реберъ могло получиться только въ томъ случаѣ, если бы верхи колокольни были расположены такъ, какъ это показано въ рисункѣ № 82. Однако такое размѣщеніе шатровыхъ верховъ совершенно не въ духѣ старорусскаго зодчества; комбинація высокихъ квадратныхъ въ планѣ крышъ (шишлей) характерна для западной архитектуры и указываетъ на то, что Олеарій рисовалъ эти шатры не съ натуры, а по памяти, и естественно изобразилъ ихъ такими, какими привыкъ видѣть надъ церквами и колокольнями своей родины.

Планъ крышъ колокольни Покровскаго собора.



Рйс. 82.

Такимъ образомъ рисунокъ Олеарія врядъ ли заслуживаетъ въ этомъ случаѣ довѣрія, и, слѣдовательно, вопросъ о первоначальныхъ формахъ колокольни Покровскаго собора, къ сожалѣнію, остается пока нерѣшеннымъ.

Что же касается существующей теперь колокольни, то какъ общій ея складъ, такъ и декоративныя формы говорятъ о XVII столѣтіи. Отсюда слѣдуетъ, что первоначальная колокольня была перестроена; это подтверждается также тѣмъ обстоятельствомъ, что теперешняя колокольня стоитъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ она помѣщена на планѣ 1634 года[1]).

Вотъ тѣ главныя передѣлки и пристройки, которыя измѣнили внѣшность Покровскаго собора; къ счастію, онѣ не настолько исказили видъ древняго памятника, чтобы затемнить первоначальную идею создавшихъ его зодчихъ: она остается ясной какъ въ цѣломъ, такъ и въ большинствѣ деталей.

Сопоставляя главныя массы разрѣза со внѣшней архитектурной отдѣлкой собора, мы должны констатировать полное между ними соотвѣтствіе; другими словами, существенныя части архитектурныхъ формъ фасадовъ выражаютъ собою конструктивные пріемы комбинаціи внутреннихъ массъ. Конечно, мелкія отступленія встрѣчаются, но ставить ихъ въ вину зодчимъ положительно невозможно, такъ какъ они въ натурѣ неуловимы для глаза и становятся замѣтными только на чертежахъ собора[2]). Пользуясь этимъ соотвѣтствіемъ между внутренними и внѣшними формами, а также тѣмъ, что, какъ было указано, незнакомыхъ намъ конструктивныхъ пріемовъ въ Покровскомъ соборѣ встрѣчается мало, остановимся только на тѣхъ внѣшнихъ деталяхъ, которыя сравнительно съ разсмотрѣн-

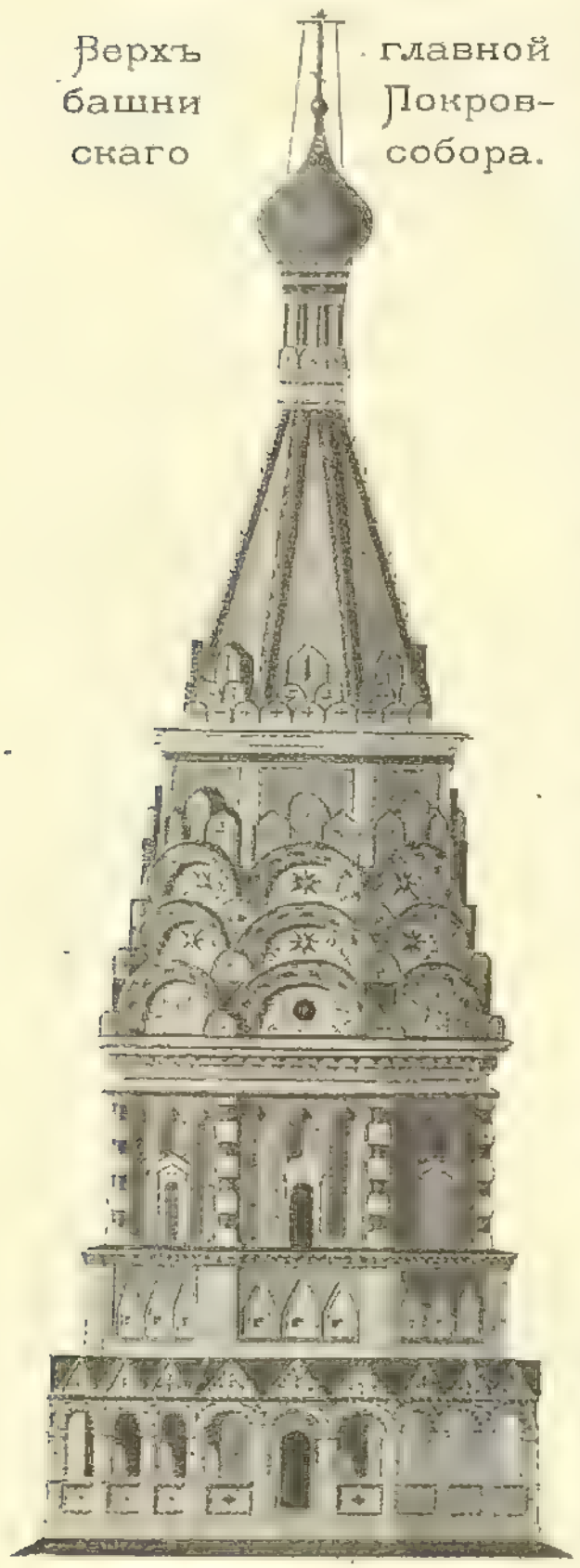
---

[1]) Сравни рисунки №№ 73 и 74.

[2]) Къ числу такихъ несоотвѣтствій между разрѣзомъ и фасадомъ надо отнести звѣздчатую форму снаружи и восьмигранную внутри того яруса главной башни, который служилъ непосредственной опорой для ея шатра.

ными уже церквами XVI столѣтія представляются новыми мотивами архитектурнаго убранства.

Начнемъ съ обработки главной башни (рис. № 83). Идея галлереи, окружающей ея нижній ярусъ, не нова: прототипомъ ей служили галлереи-паперти деревянныхъ церквей[1]), а ближайшій образецъ ея въ каменномъ зодчествѣ можно видѣть въ галлереѣ Дьяковской церкви; но характеръ трактовки ея колонокъ, арокъ и парапетовъ — новый, и притомъ носитъ на себѣ типичные слѣды знакомства съ италіанской архитектурой. Это способъ покрытія этой галлереи чисто русскій, — совершенно такой же, какой существовалъ на новгородскихъ и псковскихъ звонницахъ и колокольницахъ — двухскатныя крыши, покрывающія рядъ фронтончиковъ одинаковой величины.



Верхъ главной башни Покровскаго собора.

Рис. 83. По Ф. Рихтеру.

Островерхая форма вершинъ второго яруса въ Московскомъ зодчествѣ намъ до сихъ поръ не встрѣчалась, но въ псково-новгородскомъ зодчествѣ она не представлялась рѣдкимъ исключеніемъ. Впрочемъ, въ Покровскомъ соборѣ эту форму врядъ ли можно считать появившейся подъ вліяніемъ нашей сѣверной архитектуры; по существу она настолько проста, что можетъ возникнуть сама собою въ любомъ зодчествѣ, знакомомъ съ кирпичомъ.

Третій ярусъ башни, за исключеніемъ окошныхъ наличниковъ, цѣликомъ скомпанованъ изъ не встрѣчавшихся намъ еще формъ. Въ самомъ дѣлѣ, стѣны этого восьмерика представляютъ рядъ треугольныхъ въ планѣ нишъ съ треугольными же верхами, а по угламъ его поставлены колонки, очень похожія на тѣ, которыя въ западной архитектурѣ носятъ названіе «рустованныхъ». Какимъ же образомъ форма такихъ колонокъ могла попасть на Русь? Сношенія съ Франціей, считающейся ихъ родиной, были у насъ въ то время далеко не оживленными; не могла

---

[1]) Смотри В. Суслов. Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества 1889 года. Таблица III (къ стран. 94).

она быть принесена и италіанцами, такъ какъ у нихъ такія колонки примѣнялись въ болѣе позднюю эпоху, а именно въ періодъ стиля «Барокко», да и то сравнительно рѣдко; наконецъ, на востокѣ эта форма была совершенно неизвѣстна. Остается только признать за ней мѣстное происхожденіе, въ чемъ нѣтъ ничего невозможнаго, въ особенности если смотрѣть на эту форму, какъ на производную отъ деревянной — отъ балясины, образованной съемкой колецъ съ круглаго бревна; оставшіяся послѣ этого муфты первоначальной поверхности бревна, не тронутой съемкой колецъ, даютъ тѣ части колонокъ, отъ которыхъ онѣ получаютъ такое сходство съ «рустованными» колоннами.

Что же касается трехгранныхъ нишъ этого яруса, то хотя онѣ и имѣютъ нѣкоторое сходство съ такъ называемыми «сталактитными» сводиками и парусами, встрѣчающимися въ арабской архитектурѣ, тѣмъ не менѣе видѣть въ нихъ связь съ этимъ зодчествомъ намъ кажется невозможнымъ, и вмѣстѣ съ островерхими впадинами нижележащаго яруса ихъ надо отнести къ числу формъ, могущихъ самостоятельно появиться въ архитектурѣ любого народа.

Въ четвертомъ ярусѣ интересны группы послѣдняго ряда кокошниковъ, вытянутыхъ по высотѣ и имѣющихъ килевидные верхи. Зародышъ этого архитектурнаго мотива можно видѣть въ нижнемъ рядѣ закаморъ Медвѣдковской церкви. Въ данномъ случаѣ мотивъ этотъ имѣетъ чисто декоративное значеніе — онъ служитъ очень краснымъ, продуманнымъ переходомъ отъ дуговыхъ линій нижележащихъ кокошниковъ къ отвѣснымъ линіямъ угловыхъ лопатокъ. Почти совсѣмъ такую же форму мы видимъ и на граняхъ шатра, надъ группами маленькихъ кокошниковъ, но здѣсь этотъ архитектурный пріемъ служитъ обрамленіемъ «слуховъ» и, слѣдовательно, кромѣ художественнаго назначенія имѣетъ также и практическій смыслъ. Что же касается формы главокъ, окружавшихъ въ старину низъ шатра, то для выясненія этого вопроса въ нашемъ распоряженіи имѣются только рисунки изъ книгъ Олеарія и «Избраніе на царство». Къ сожалѣнію этихъ документовъ для рѣшенія интересующаго насъ вопроса недостаточно, тѣмъ болѣе, что каждый изъ этихъ рисунковъ трактуетъ форму главокъ по-своему: у Олеарія главки имѣютъ типичную луковичную форму, на рисункѣ же книги «Избраніе» онѣ по своей формѣ ближе къ шлемовиднымъ главкамъ. Мы уже раньше, а именно въ Медвѣдковской церкви встрѣтились съ размѣщеніемъ небольшихъ главъ вокругъ центральной массы храма; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ новостью является лишь число главокъ — 8, и положеніе ихъ относительно средняго верха. Въ Медвѣдковской онѣ устроены такъ, что на уровнѣ низа шатра находятся карнизы шей главокъ, въ Покровскомъ же соборѣ на уровнѣ низа шатра находятся низы, а не карнизы шей главокъ, такъ что въ силуэтѣ собора онѣ играли въ свое время гораздо болѣе замѣтную роль, нежели въ Медвѣдковской церкви. По степени важности занимаемаго ими положенія на фасадахъ собора, а также по своему числу, главки Покровскаго собора очень

напоминаютъ полукруглыя ниши Дьяковской церкви, которыя извнѣ обрисовываются въ видѣ круглыхъ въ планѣ шей главокъ; очень возможно, что мысль устроить главки вокругъ шатра Покровскаго собора обязана своимъ происхожденіемъ церкви села Дьякова.

Говоря о Покровскомъ соборѣ, нельзя не упомянуть о великолѣпныхъ поливныхъ изразцахъ, украшающихъ грани его шатра. Правда, мы уже встрѣчались въ Московскомъ зодчествѣ съ примѣненіемъ изразцовъ, но нигдѣ они не отличались такимъ разнообразіемъ формъ и красокъ, какъ въ данномъ случаѣ (рис. № 84). Отдѣльные изразцы скомбинированы въ группы, образующія большія звѣзды, середины которыхъ занимаютъ полушары; такіе же шары помѣщены и по бокамъ звѣздъ. Всѣ изразцы, за исключеніемъ полушаровыхъ, не выступаютъ изъ-за поверхностей граней шатра, откуда слѣдуетъ, что они ставились одновременно съ производствомъ кирпичной кладки и въ перевязку съ нею. Все это чудное убранство шатра долгое время было скрыто желѣзною кровлею, при устройствѣ которой были варварски сбиты полушары, мѣшавшіе ровному покрытію желѣзомъ. При производившемся въ концѣ минувшаго столѣтія ремонтѣ собора[1]), желѣзо было удалено и тогда обнаружились остатки изразцовой орнаментаціи; тогда же были найдены на верхней части шатра желѣзные гвозди[2]), вбитые въ швы кладки и служившіе, вѣроятно, для накладки по нимъ тонкаго штукатурнаго намета, предназначавшагося для окраски.

Деталь шатра Покровскаго собора.

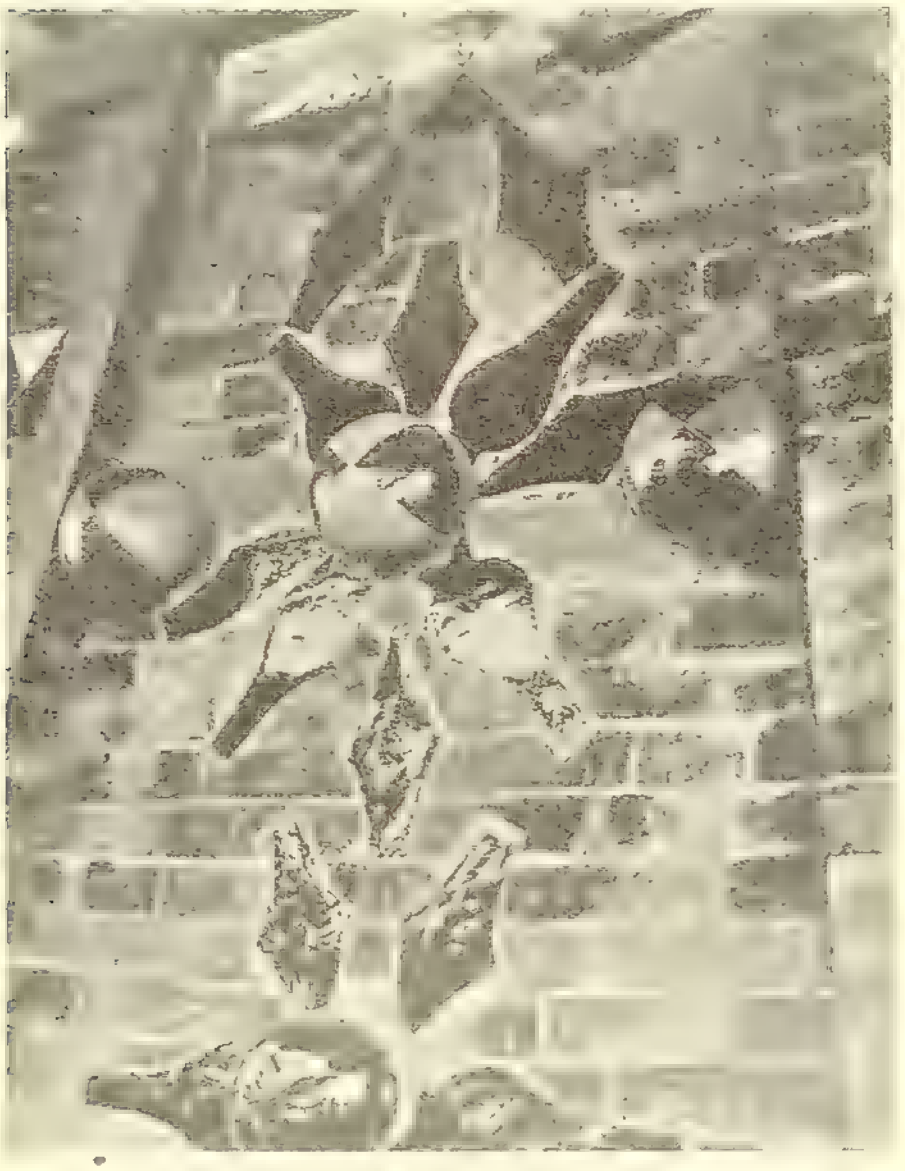


Рис. 84. По фот. Барщевскаго.

---

[1]) Подробности смотри въ «Древностяхъ» — Труды Импер. Московск. Археол. Общества. Томъ XVIII, стран. 188, статья С. У. Соловьева. 1901 годъ.

[2]) Длиною немного болѣе вершка; шляпки у нихъ круглыя, діаметромъ приблизительно въ $^1/_2$ вершка.

Подъ вѣнчающимъ карнизомъ шатра висятъ на крюкахъ съемныя кольца, сдѣланныя изъ полосового желѣза[1]). Для какой цѣли сдѣланы эти кольца, въ настоящее время сказать трудно; съ одной стороны, они могли предназначаться исключительно для украшенія, съ другой же, могли служить для при-

Діагональныя башни Покровскаго собора.

Рис. 85.

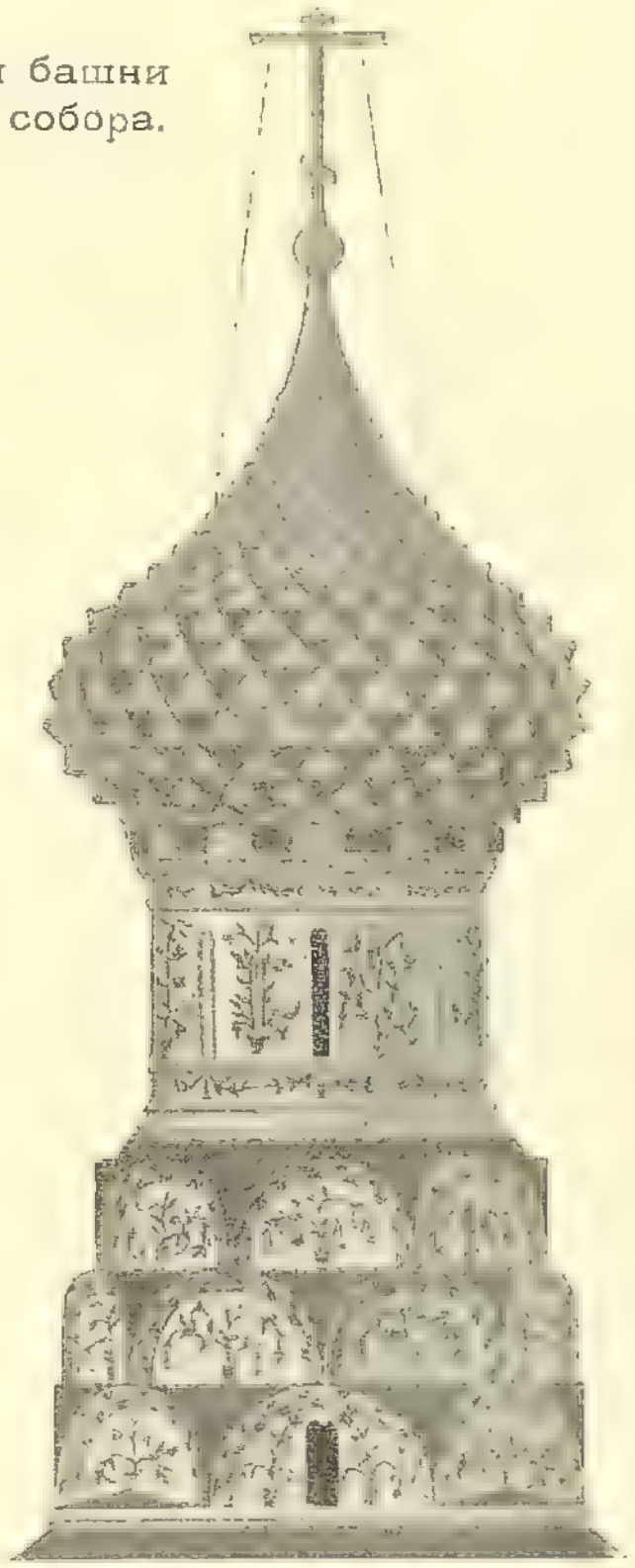


Рис. 86.

По Ф. Рихтеру.

крѣпленія къ нимъ веревокъ во время ремонтовъ. Для подъема на верхъ шатра на одной изъ его граней укрѣплены желѣзныя стремена.

[1]) Діаметръ колецъ колеблется между 9-ю — 11-ю вершками. Ширина полосового желѣза $1^1/_2$ вершка, толщина $^1/_8$ вершка. Вѣсъ каждаго кольца до 15 фунтовъ.

Всѣ боковыя башни Покровскаго собора по характеру ихъ архитектурной обработки можно раздѣлить на двѣ ясно выражешныя группы. Къ первой относятся діагопальныя башни, ко второй — промежуточныя; послѣднія, въ свою очередь, также можно разбить на двѣ подгруппы. По группировкѣ своихъ элемен-

Западная и сѣверная башни Покровскаго собора.

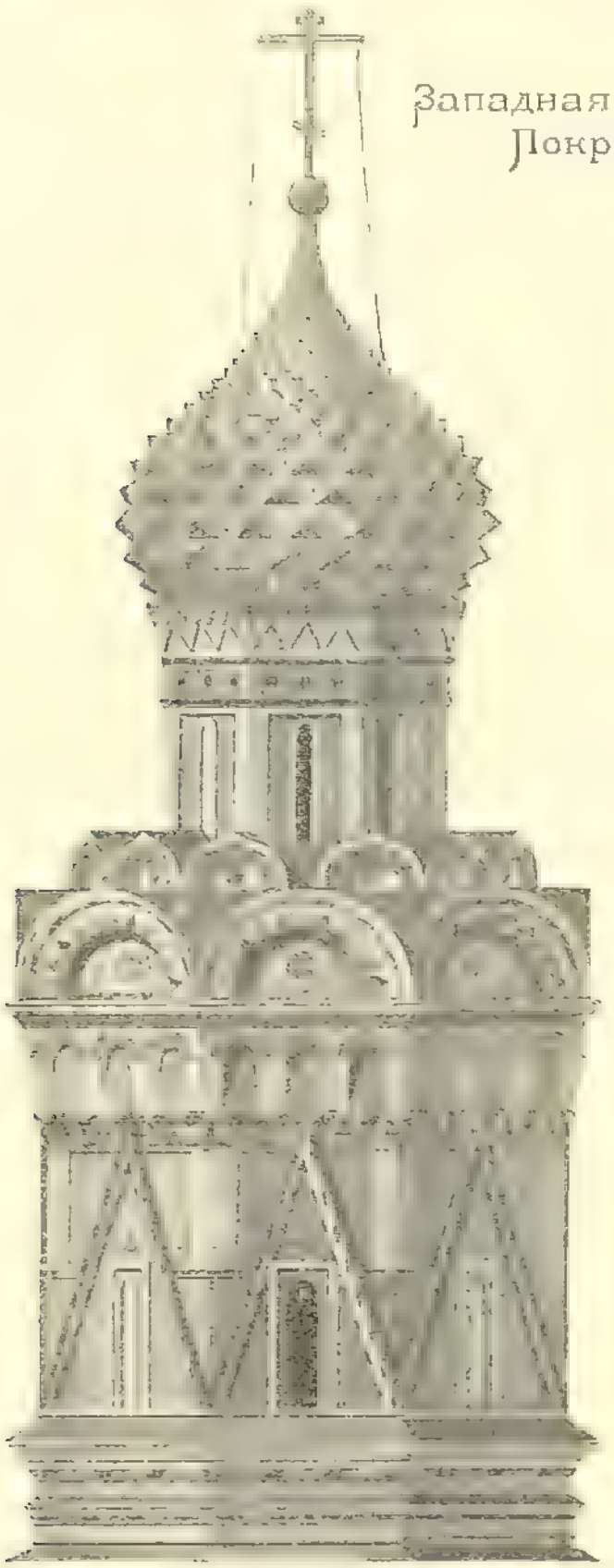


Рис. 87.

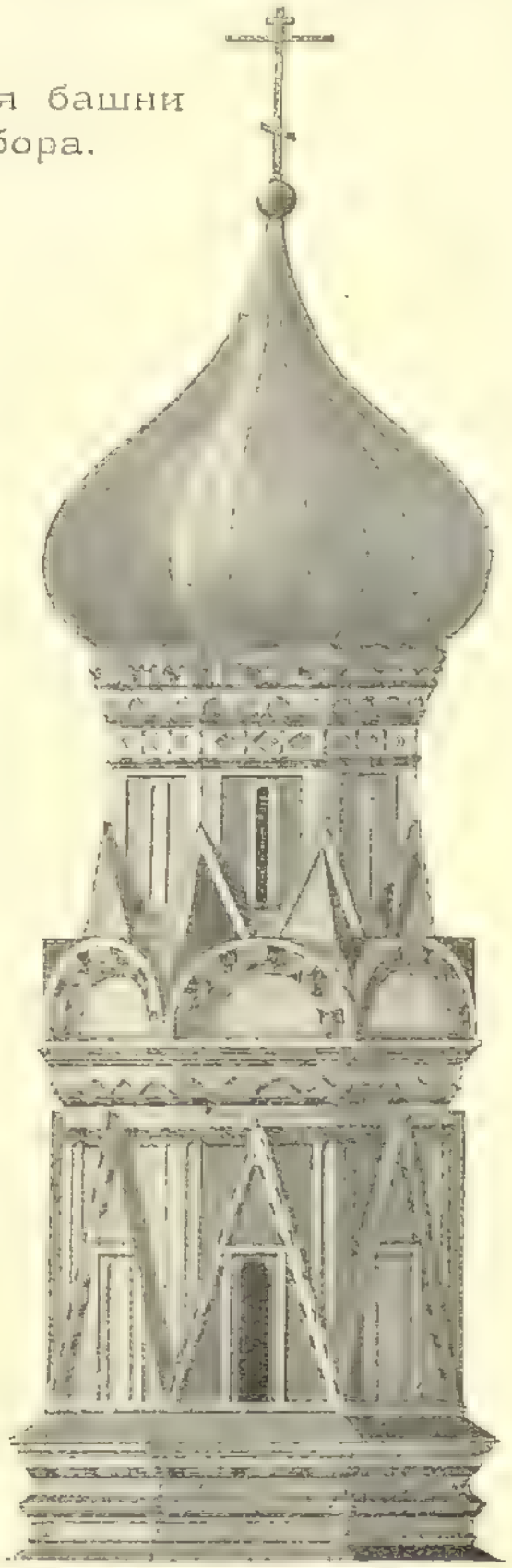


Рис. 88.

По Ф. Рихтеру.

товъ діагопальныя башни совершенно одинаковы (рис. № 85 и 86); онѣ разнятся между собою только пропорціями и мелкими деталями. Въ отношеніи пропорціи разница заключается въ неодинаковой величинѣ діаметровъ шей, отчего, при одинаковой высотѣ, сѣверо и юго-восточныя башни кажутся болѣе стройными,

тогда какъ симметричныя имъ башни производятъ впечатлѣніе нѣсколько придавленныхъ. На мелкихъ деталяхъ останавливаться не будемъ; замѣтимъ только, что образующіе ихъ обломы имѣютъ италіанскій характеръ, способъ же комбинаціи этихъ обломовъ въ карнизы и пьедесталы шей носитъ мѣстный характеръ[1]). Промежуточныя башни значительно выше діагональныхъ (рис. № 87—89). Три изъ нихъ отличаются другъ отъ друга только композиціей междуярусныхъ и вѣнчающихъ карнизовъ, четвертая же, а именно западная, разнится отъ первыхъ не только пропорціями, но и образующими ее архитектурными элементами, какъ это видно при сличеніи рисунка № 87 съ рисунками № 88—89. Къ числу еще не встрѣчавшихся намъ до сихъ поръ мотивовъ архитектурной обработки нужно отнести, во-первыхъ, «машикули» западной башни, во-вторыхъ, пирамидальные контрфорсы трехъ остальныхъ башенъ и, наконецъ, мелкіе чисто декоративные мотивы. Съ «машикули» московскіе мастера, какъ мы видѣли, были уже сравнительно давно знакомы, но до Покровскаго собора они употребляли этотъ архитектурный пріемъ только внутри храмовъ, такъ что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ первый примѣръ примѣненія «машикули» на фасадахъ храма. Нельзя сказать, чтобъ это нововведеніе было удачно; по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ «машикули» только уширили верхъ увѣнчиваемаго ими восьмерика, вслѣдствіе чего между нимъ и верхнимъ восьмерикомъ (шеей главы) образовались широкія плечи, которыя не совсѣмъ удовлетворительно съ эстетической точки зрѣнія заполнены двумя рядами кокошниковъ; поэтому переходъ отъ широкаго восьмерика къ узкому получается не такой плавный, какъ у трехъ остальныхъ башенъ, гдѣ роль переходныхъ частей играетъ рядъ кокошниковъ и рядъ упомянутыхъ выше полупирамидъ. Послѣднія очень красивы, оригинальны и конструктивны, такъ какъ, играя роль, контрфорсовъ парализуютъ распоры сводовъ, заканчивающихъ башни изнутри храма. Въ общихъ чертахъ

Восточная башня Покровскаго собора.

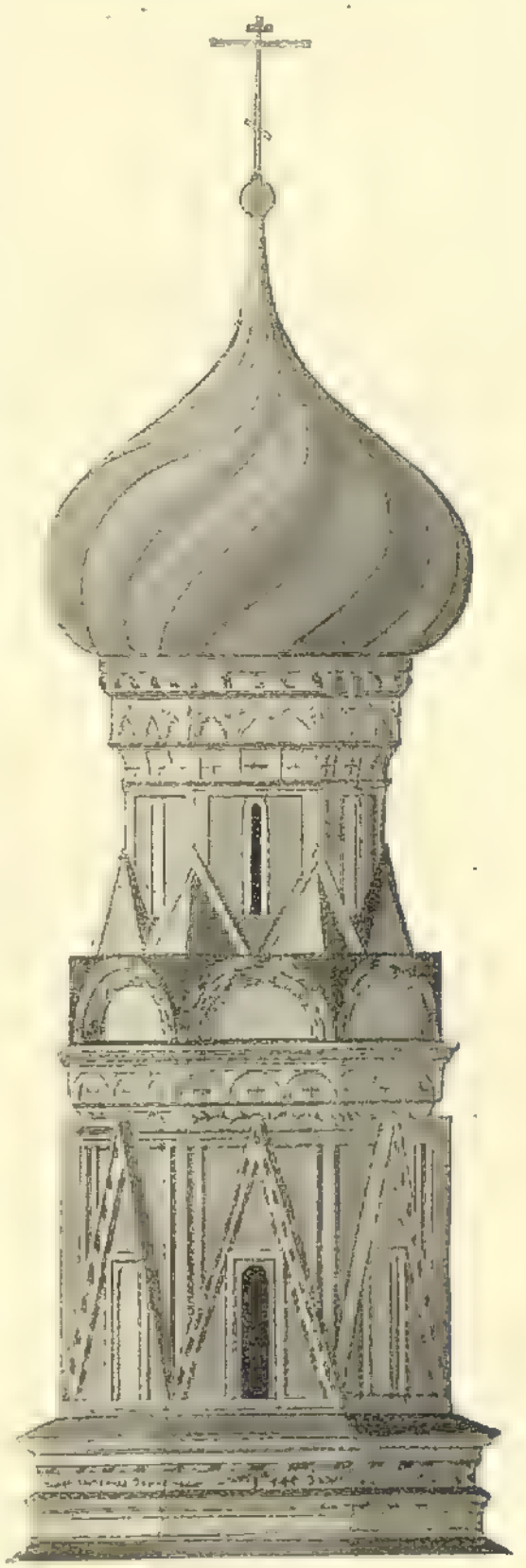


Рис. 89. По Ф. Рихтеру.

[1]) То же самое можно сказать и о карнизахъ, отдѣляющихъ нижнія части всѣхъ восьми второстепенныхъ башенъ отъ тѣхъ ихъ частей, которыя возвышаются надъ крышей собора.

эти полупирамиды напоминаютъ тѣ крыши у церкви села Коломенскаго, которыя покрываютъ ея діагональные выступы, а тяги, обрамляющія полупирамиды, являются очень удачнымъ повтореніемъ раскосовъ или щипцовъ, которые въ Покровскомъ соборѣ играютъ такую видную роль и которые обратили на себя наше вниманіе въ Коломенской церкви.

Чтобы подробно разсмотрѣть всѣ мелкіе декоративные мотивы, впервые появившіеся на башняхъ Покровскаго собора, и выяснить ихъ происхожденіе, для этого надо истратить слишкомъ много времени; поэтому ограничимся однимъ лишь перечисленіемъ наиболѣе интересныхъ изъ нихъ. Къ числу такихъ можно отнести: впадины, въ видѣ крестовъ[1]), впадины имѣющія форму ромбовъ[2]), стрѣльчатыя арочки[3]), и, наконецъ, карнизики со свѣшивающимися частями, низы которыхъ имѣютъ видъ зубчатыхъ городковъ — пріемъ, имѣющій много общаго съ «машикули», съ той только разницей, что арочки послѣднихъ замѣнены въ немъ прямолинейными элементами[4]).

Если не обращать вниманія на детали главъ Покровскаго собора и разсматривать только одну ихъ общую форму, то хотя по пропорціямъ главы эти и разнятся другъ отъ друга, но все же въ общихъ чертахъ онѣ всѣ имѣютъ окончательно развившуюся форму луковицы, которая уже встрѣчалась намъ въ другихъ церквахъ XVI вѣка. Если же принять во вниманіе тѣ богатыя и удивительно живописныя детали главъ, которыя придаютъ собору такую отличную отъ другихъ церквей внѣшность, то въ нихъ приходится признать явленіе, еще не виданное на Руси. Правда, какъ сказано выше, нельзя доказать ихъ одновременность самому храму; но во всякомъ случаѣ существующія теперь главы или подобныя имъ появились спустя сравнительно немного времени послѣ постройки собора, и прототиповъ ихъ въ другихъ церквахъ не сохранилось. Происхожденіе причудливыхъ деталей главъ Покровскаго собора велось различными толкователями изъ разныхъ, подчасъ очень отдаленныхъ отъ Руси, источниковъ; но намъ кажется, что гораздо естественнѣе видѣть въ нихъ простое обогащеніе или дальнѣйшее развитіе обыкновенной луковичной формы, которая постепенно и безъ внѣшнихъ вліяній сама собою сложилась на Руси, логично трансформируясь изъ коренной формы византійскаго посводнаго покрытія.

Кресты Покровскаго собора очень просты; возвышаясь надъ богатыми массами храма, они своею формою какъ бы указываютъ на безхитростную, идеально простую сущность той религіи, символомъ которой они служатъ. Въ этомъ, быть-можетъ, сказывается высокая степень художественнаго пониманія нашихъ зод-

---

[1]) Смотр. южную башню. Рис. № 76.

[2]) Смотр. южную и сѣверную башни.

[3]) Смотр. вѣнчающій карнизъ на шеѣ главы восточной башни. Рис. № 89.

[4]) Смотри междуярусный карнизъ сѣверной башни и вѣнчающій карнизъ у шеи главы западной башни. Рис. № 87 и № 88.

чихъ того времени, удовлетворявшихся богатыми формами зданія, но еще не дерзавшихъ, какъ это началось нѣсколько позднѣе, украшать, а стало-быть, и варіировать формы символовъ, которые должны затрагивать чувство зрителя не роскошью деталей, а глубиной олицетворяемой ими религіозной идеи.

Резюмируя все сказанное о Покровскомъ соборѣ, мы должны прійти къ слѣдующимъ выводамъ. Общая композиція этого памятника не представляетъ явленія новаго, — она есть окончательное развитіе тѣхъ самобытныхъ пріемовъ композиціи церквей, которые, зародясь въ области деревяннаго зодчества и достигнувъ тамъ высокой ступени развитія, были въ началѣ XVI вѣка перенесены въ сферу каменной архитектуры. Поэтому какъ въ общемъ обликѣ храма, такъ и въ существенныхъ его деталяхъ для москвича 70-хъ гг. XVI столѣтія не было ничего новаго — въ немъ все было понятно, близко и поэтому дорого и красиво; поражала не сама идея, а, такъ сказать, ея масштабъ, — та смѣлость, тотъ широкій размахъ, съ которымъ Посникъ и Барма съумѣли скомбинировать въ одномъ произведеніи дорогія москвичамъ формы церквей села Коломенскаго, Дьякова и Медвѣдкова.

Зодчимъ была дана полная свобода дѣйствій; ихъ, какъ это ясно изъ приведенныхъ выше лѣтописныхъ выдержекъ, не стѣсняли формою плана; очевидно, такой же просторъ имъ былъ предоставленъ и при композиціи фасадовъ; не стѣсняли и въ матеріальныхъ средствахъ, которыхъ по тѣмъ временамъ, надо полагать, было истрачено на постройку очень много. Все это вмѣстѣ взятое дало возможность цѣликомъ осуществить на дѣлѣ тѣ самобытные народные идеалы зодчества, которые въ предыдущихъ церквахъ могли воплотиться только отчасти.

Въ строителяхъ собора, вѣрнѣе въ одномъ изъ нихъ — Бармѣ[1]), пытались усмотрѣть иностранца, полагая, вѣроятно, что мѣстнымъ зодчимъ было не по силамъ создать такой дивный образецъ искусства. Путемъ филологическихъ мудрствованій старались превратить Барму то въ италіанца, находя даже въ этомъ прозвищѣ связь съ Браманте (Браманте — Бармапте — отсюда Барма), то даже въ татарина — предполагая въ немъ одного изъ казанскихъ зодчихъ, которыхъ Грозный могъ бы вывести на Москву изъ покоренной татарской столицы. Скрытая цѣль послѣдняго предположенія, очевидно, таилась въ желаніи оправдать теорію объ «азіатскомъ» стилѣ Покровскаго собора. Если же оставить въ сторонѣ филологическія изысканія и обратиться просто къ самому произведенію Бармы, то его національность выяснится сразу; — никто другой, только русскій могъ создать такой чисто національный памятникъ, въ которомъ вылилось въ реальную форму все то, что составляло художественную сущность русскаго человѣка XVI вѣка.

Намъ могутъ возразить: почему же въ Покровскомъ соборѣ, строившемся вскорѣ послѣ Дьяковской и Коломенской церквей, мы видимъ полный расцвѣтъ тѣхъ строительныхъ принциповъ, которые въ предшествующихъ церквахъ еще

---

[1]) Чисто русское прозвище другого строителя — Посникъ, конечно, не допускало никакихъ сомнѣній въ его происхожденіи.

не достигли высокой степени развитія, являясь формами новыми; примѣнявшимися на Москвѣ сравнительно мало?

На этотъ вопросъ мы отчасти уже отвѣтили, когда говорили о свободномъ полѣ дѣйствій, предоставленномъ зодчимъ Покровскаго собора; поэтому, въ дополненіе къ этому, повторимъ то, что было сказано въ концѣ предшествующей главы. Быстрое достиженіе высшей точки развитія самобытнаго національнаго стиля, выразившагося въ Покровскомъ соборѣ, объясняется той скрытой подготовкой къ нему, которая совершалась въ глубинѣ сознанія народа и не могла проявить себя осязательно въ силу недостатка въ техническихъ знаніяхъ, сильно тормозившаго, по крайней мѣрѣ въ области каменнаго зодчества, достиженіе самобытныхъ идеаловъ.

Итакъ, московскій Покровскій соборъ является яркимъ представителемъ народнаго старорусскаго искусства, полнаго жизненности и, безспорно, высокаго, хотя и своеобразнаго, пониманія прекраснаго; изъ этого вовсе не вытекаетъ необходимость отрицанія въ его общемъ характерѣ восточныхъ (азіатскихъ) элементовъ, а въ деталяхъ—мотивовъ италіанской архитектуры; и тѣ и другіе встрѣчаются въ немъ въ той мѣрѣ въ какой они вошли въ русское искусство въ качествѣ составныхъ его элементовъ, подобно тому какъ слагались искусства и у другихъ народовъ. Вѣдь абсолютное самобытное искусство могло бы существовать только у народовъ, совершенно изолированныхъ отъ общенія съ сосѣдями.

Чтобы закончить разборъ Покровскаго собора, нужно сказать еще нѣсколько словъ о встрѣчающихся въ немъ намекахъ на упадокъ самобытнаго русскаго искусства, который въ концѣ XVII вѣка наложилъ свой явный отпечатокъ на всѣ построенные въ то время храмы. Дѣйствительно, такіе мотивы архитектурной композиціи, какъ рустованныя колонки главной башни, въ сущности ничего собою не поддерживающія, внѣшнія навѣсныя бойницы западной башни и, наконецъ, наружная звѣздчатая форма плана восьмерика подъ шатромъ, — всѣ такія формы, будучи вызваны исключительно желаніемъ придать строенію болѣе богатую вычурную форму и въ то же время ведущія свое начало отъ конструктивныхъ пріемовъ, въ данномъ случаѣ вовсе ненужныхъ, являются формами ложными, то-есть типичными признаками упадка. Поэтому, подобно великому Микель-Анджело, создавшему высоко-художественныя произведенія, но одновременно съ этимъ «начавшаго преобразовывать архитектурныя формы по прихоти и произволу и тѣмъ самымъ пролагать широкій путь всѣмъ позднѣйшимъ искаженіямъ»[1]), мы можемъ считать Поспика и Барму отцами русскаго «Барокко»; однако это названіе не должно бросить ни малѣйшей тѣни на эти два славныхъ въ исторіи русскаго искусства имени.

---

[1]) Францъ Куглеръ. Руководство къ исторіи искусства. Москва, 1870 года, стран. 278.

ГЛАВА VI.

Для большаго удобства характеристики новаго типа церквей, появившихся въ Московскомъ зодчествѣ XVI вѣка, мы сгруппировали въ двухъ предыдущихъ главахъ нѣсколько памятниковъ, пропуская другіе, которые при обзорѣ въ хронологическомъ порядкѣ должны были бы быть разсмотрѣны вперемежку съ пер-

Церковь Благовѣщенія на Ваганьковомъ кладбищѣ.

Рис. 90. По А. Мартынову.

выми; поэтому намъ необходимо вернуться нѣсколько назадъ, а именно къ 1514 году, когда Алевизомъ Фрязинымъ[1]) была построена Благовѣщенская церковь на Старомъ Ваганьковѣ. Въ настоящее время церковь эта уже не существуетъ[2]). Какъ видно изъ рисунка № 90, она по своимъ формамъ скорѣе напоми-

[1]) Полный Сборн. Русск. Лѣтописей. Томъ VIII, стран. 254—55.
[2]) Разобрана вскорѣ послѣ 1812 года.

насть церкви XV вѣка, нежели уже разсмотрѣнные нами памятники Московскаго церковнаго зодчества XVI вѣка. Однако въ устройствѣ ея верхней части, то-есть въ комбинаціи сводовъ, несущихъ главу, виденъ новый пріемъ, еще не встрѣчавшійся намъ въ московскихъ церквахъ. Къ сожалѣнію, о внутренней формѣ этого сводчатаго покрытія можно судить только по внѣшнему виду церкви, такъ какъ ни плана ни разрѣза ея не сохранилось. Конструкція при такомъ внѣшнемъ видѣ могла быть двоякая: или простой сомкнутый сводъ съ четырьмя распалубками, щелыги которыхъ находились на одной высотѣ съ вершиной сомкнутаго свода (рис. № 91), или двѣ пары перекрещивающихся подпружныхъ арокъ, служившихъ опорами для частей сомкнутаго свода (*a*—*a* рис. № 92), которыя покрывали плечи храма, для сводиковъ надъ выступами (*b*—*b*) и наконецъ, для шеи главы. Оба эти пріема сводчатаго покрытія не требуютъ для устройства главы опорныхъ столбовъ; отсюда слѣдуетъ заключить, что планъ Благовѣщенской церкви представлялъ собою свободный внутри квадратъ, къ которому съ востока примыкала алтарная апсида.

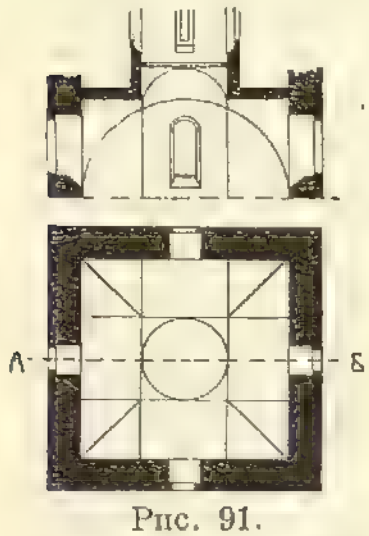


Рис. 91.

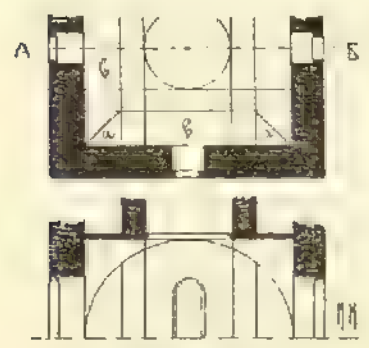


Рис. 92.

Перестройки, которымъ церковь подвергалась въ 1591 и 1719 годахъ, не отразились, судя по рисункамъ, на ея внѣшности; дѣйствительно, всѣ ея простыя, грубоватыя формы говорятъ въ пользу этого предположенія и по характеру своему онѣ близки къ архитектурѣ предшествующаго столѣтія[1]).

По формѣ своей верхней части Благовѣщенская церковь является единственнымъ (хотя бы въ рисункѣ) примѣромъ существованія на Москвѣ такихъ церквей; повидимому, такая форма не получила, какъ говоритъ В. В. Сусловъ[2]), распространенія въ храмовой архитектурѣ московскаго періода, но часто примѣнялась для детальныхъ украшеній какъ въ строительномъ, такъ и въ художественно-промышленномъ дѣлѣ. Поэтому отмѣтимъ только отсутствіе въ этой церкви внутреннихъ пилоновъ и обратимся къ соборной церкви Новодѣвичьяго монастыря, о которой также скажемъ всего лишь нѣсколько словъ, такъ какъ она представляетъ

---

[1]) Несмотря на то, что мы имѣемъ документальныя данныя о постройкѣ Благовѣщенской церкви Алевизомъ Фрязинымъ, въ ней совершенно не замѣтно какихъ-либо италіанскихъ пріемовъ, поэтому возможно предположить, что Алевизъ только имѣлъ высшій надзоръ за постройкой, которая производилась подъ ближайшимъ руководствомъ мѣстныхъ мастеровъ.

[2]) В. В. Суловъ. Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества 1889 годъ, стран. 15.

явный сколокъ съ Успенскаго собора въ Кремлѣ (рис. № 46). Преданіе приписываетъ постройку этого памятника также Алевизу, однако достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ не сохранилось. Поэтому можно только догадываться о времени построенія этого храма, руководясь тѣми данными, которыя имѣются въ самомъ зданіи. Такъ, настѣнная полуистертая надпись говоритъ, что «Лѣта 7106 (1598) по великой вѣре..... великаго Государя и Великаго Князя Бориса Оедоровича .....шися (совершися?) сия (церковь?).....» Съ другой стороны, надгробія, находящіяся въ подклѣтѣ собора, помѣчены 1537, 1546, 1555 и 1570 годами, что̀ служитъ указаніемъ на болѣе раннюю постройку собора, нежели 1598 годъ, въ которомъ онъ могъ подвергнуться лишь серіозному рѣмонту.

Какъ мы уже упомянули, соборъ Новодѣвичьяго монастыря въ общихъ чертахъ очень похожъ на Успенскій, но существеннымъ его отличіемъ отъ послѣдняго является высокій подклѣтъ и примыкающія къ собору ходовыя паперти, заканчивающіяся съ востока полукружіями апсидъ придѣловъ. Къ сѣверной паперти ведетъ высокое крыльцо, покрытое сводами, опирающимися на аркады. Кромѣ этихъ главныхъ отличій замѣчается разница и въ деталяхъ: такъ, разстоянія между лопатками фасадовъ не одинаковы, слѣдствіемъ чего является и неодинаковая величина закаморъ, вѣнчающихъ стѣны. Наконецъ, поясъ аркадъ тянется только по апсидамъ, то-есть именно тамъ, гдѣ въ Успенскомъ соборѣ его нѣтъ.

За время своего долгаго существованія соборъ не разъ подвергался искажавшимъ его передѣлкамъ и ремонтамъ. Особенно изуродовалъ его въ 1759 году архитекторъ Иванъ Мичуринъ[1]), расширившій окна собора и придавшій имъ прямоугольную форму. Теперь неудачное измышленіе Мичурина исправлено, и окнамъ возвращена ихъ старая узкая форма съ полуциркульнымъ верхомъ.

Изъ сдѣланнаго описанія видно, что въ соборѣ Новодѣвичьяго монастыря насъ могутъ интересовать только его планъ и подклѣтъ, являющіеся нововведеніями по сравненію съ Успенскимъ соборомъ — явнымъ прототипомъ Новодѣвичьяго.

Если принять 1537 годъ за время постройки собора Новодѣвичьяго монастыря, то слѣдующими въ хронологическомъ порядкѣ являются Введенская и Пятницкая церкви, построенныя въ 1547 году[2]). Находятся эти церкви въ Сергіевскомъ посадѣ. Несмотря на одновременность постройки, а также на то обстоя-

---

[1]) Авторъ нескладнаго перехода отъ сводовъ Ризположенской церкви къ шеѣ ея главы.

[2]) См.: Введенская и Пятницкая церкви въ Сергіевскомъ посадѣ, Московской губерніи. Москва, 1894 года, стран. 4.

тельство, что обѣ эти церкви построены въ одномъ и томъ же монастырѣ (Подольскомъ)[1]), онѣ совершенно непохожи одна на другую.

Разсмотримъ сначала Введенскую церковь[2]), детали которой носятъ нѣсколько индивидуальный характеръ, а въ общей ея композиціи замѣтно отступленіе отъ стародавнихъ традицій.

Церковь эта, сложенная такъ же, какъ и предыдущая (соборъ Поводѣвичьяго монастыря), изъ кирпича, стоитъ на высокомъ[3]) подклѣтѣ, полъ котораго находится на одномъ уровнѣ съ поверхностью почвы. Подклѣтъ представляетъ собою прямоугольникъ съ примыкающими къ нему съ востока тремя полукруглыми апсидами; передъ послѣдними находится стѣна, продолженіемъ которой въ верхнемъ ярусѣ храма (собственно церкви) является алтарная преграда. Подклѣтъ крытъ сводами, опирающимися на стѣны и на два квадратныхъ въ планѣ столба, стоящихъ передъ упомянутой выше стѣной. Разстояніе между столбами болѣе, нежели между ними и стѣнами (сѣверной и южной).

Введенская церковь Сергіева посада.

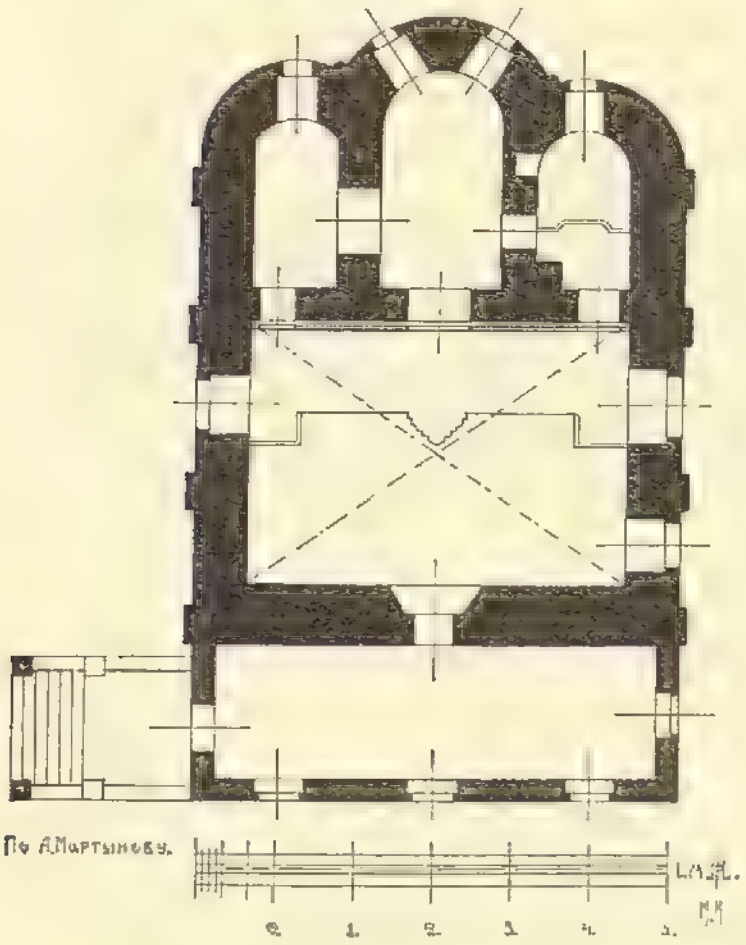


Рис. 93.

Планъ самого храма, какъ видно изъ рисунка № 93, отличается отъ плана подклѣта; дѣйствительно, здѣсь нѣтъ столповъ, которые въ подклѣтѣ служатъ опорою для сводовъ, вслѣдствіе чего планъ Введенской церкви отступаетъ отъ типа новгородской одноглавой церкви, на которую такъ похожъ планъ подклѣта. Однако слѣдуетъ замѣтить, что сомкнутый сводъ, покрывающій въ настоящее время церковь, представляется, по мнѣнію комиссіи, осматривавшей храмъ въ 1898 году, болѣе поздпимъ[4]) по времени, нежели остальныя части церкви[5]). Поэтому является вопросъ: былъ ли первоначальный сводъ храма также сомкнутый, или имѣлъ какую-

---

[1]) Подольской монастырь находился въ тѣсной связи съ лаврой и являлся только какъ бы ея отдѣленіемъ.

[2]) Храмоздателемъ Введенской церкви былъ бояринъ Иванъ Хабаровъ, о которомъ такъ расходятся мнѣнія царя Іоанна Васильевича и князя Курбскаго: первый называетъ его «дуракомъ и упиремъ», а второй «мужемъ искуснымъ въ книжномъ разумѣ».

[3]) До сводовъ нѣсколько менѣе 3 аршинъ.

[4]) Такъ же, какъ и своды надъ алтарной частью церкви.

[5]) «Древности» 1901 года. Протоколы, стран. 12—14.

нибудь другую форму, обусловливавшую необходимость внутреннихъ столповъ. Съ одной стороны столпы подклѣта какъ бы указываютъ на то, что продолженіемъ ихъ верховъ были столпы въ самомъ храмѣ, которые несли на себѣ обычное при такомъ планѣ сводчатое покрытіе. Это, повидимому, подтверждается и остатками дуговыхъ закаморъ разной величины[1]), которыя до сихъ поръ видны подъ обрѣзомъ кровли и по которымъ, по словамъ И. Снегирева[2]), шла прежняя черепичная кровля[3]).

Съ другой же стороны, въ XVI столѣтіи у насъ стали для покрытія небольшихъ церквей прибѣгать къ устройству сомкнутыхъ сводовъ; поэтому такая форма покрытія могла существовать и въ первоначальномъ Введенскомъ храмѣ; въ пользу этого говоритъ и то обстоятельство, что два столпа очень стѣснили бы и безъ того весьма миніатюрную свободную площадь той части церкви, которая предназначается для молящихся. Что же касается закаморъ, то послѣднія могли имѣть исключительно декоративный характеръ и не отвѣчать внутреннему покрытію церкви, тѣмъ болѣе, что этотъ пріемъ сталъ уже примѣняться въ серединѣ XVI вѣка.

Другою особенностью Введенской церкви, впрочемъ, встрѣчавшейся намъ ранѣе, является каменная алтарная преграда (иконостасная стѣна), толщина которой почти одинакова съ толщиной стѣнокъ, отдѣляющихъ алтарь отъ жертвенника и діаконика. Высота преграды не вездѣ одинакова: за царскими вратами она достигаетъ до половины высоты тріумфальной арки; передъ жертвенникомъ и діаконикомъ она поднимается до сводовъ.

Въ сѣверной и южной стѣнахъ церкви прежде существовало по одной двери; это ясно указываетъ на то, что церковь была окружена съ трехъ сторонъ ходовыми папертями, или что къ этимъ дверямъ вели высокія крыльца.

Совокупность этихъ особенностей, а именно отсутствіе столповъ, алтарная преграда и, наконецъ, ходовыя паперти или крыльца придаютъ плану Введенской церкви характеръ болѣе схожій съ планами разсмотрѣнной выше группы церквей XVI вѣка, нежели съ планами церквей предшествующихъ періодовъ зодчества.

Всѣ детали наружной декораціи храма свидѣтельствуютъ объ окончательномъ упадкѣ и умираніи того стиля, отпечатокъ котораго лежитъ на церквахъ середины и конца XV вѣка и который ведетъ свое начало отъ владиміро-

---

[1]) Среднія закаморы каждой стѣны выше боковыхъ.

[2]) Русская старина въ памятн. церковн. и граждан. зодч., А. Мартынова, тетрадь VI, стран. 50.

[3]) Кровля, существующая въ настоящее время и покрывающая одновременно какъ самый храмъ, такъ и апсиды, — для чего надъ послѣдними сдѣлана накладка, — очевидно позднѣйшаго происхожденія. То же самое можно сказать и о верхѣ храма, такъ какъ все его архитектурное убранство, не говоря уже о томъ, что шея главы поставлена не на вершинѣ сомкнутаго свода, а на восточномъ его скатѣ, свидѣтельствуетъ о сравнительно недавнемъ происхожденіи верха.

суздальскаго зодчества (рис. № 94 и 95). Дѣйствительно, междуярусный поясъ аркадъ или орнаментовъ, дѣлившій прежде пополамъ стѣны церквей

Введенская церковь Сергіева посада.

Рис. 94. По И. Грабарю.

и уничтожавшій тѣмъ самымъ монотонность большихъ гладкихъ поверхностей, теряетъ здѣсь свое назначеніе, будучи поднятъ почти подъ пяты

закаморъ[1]). Къ тому же характеръ рисунка этого пояса неодинаковъ на главной массѣ церкви и на апсидахъ; въ первомъ случаѣ — это рядъ небольшихъ арочекъ съ подвышеніями, а во второмъ — поясъ орнаментовъ, образованный изразцами безъ цвѣтной поливы[2]). Эта разнородность частей пояса способствуетъ впечатлѣнію тѣсной комбинаціи изъ совершенно разнохарактерныхъ массъ, вмѣсто того чтобы слить эти массы церкви въ одно цѣльное архитектурное произведеніе.

Лопатки, дѣлящія каждую стѣну храма на три части, украшены выступающими полуколонками, которыя кажутся слишкомъ тощими, непропорціональными. Какъ лопатки, такъ и колонки увѣнчаны бѣлокаменными капителями[3]).

Поясъ церкви Сошествія Св. Духа.

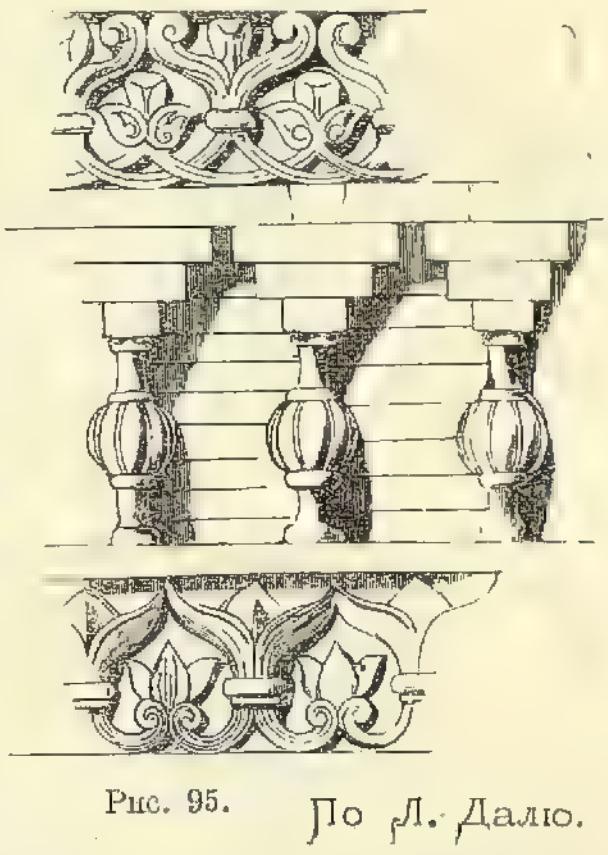


Рис. 95. По Л. Далю.

Что же касается художественной обработки апсидъ, то она лишена всякаго архитектурнаго смысла, и мотивъ ея былъ бы болѣе пригоденъ для произведенія какого-либо прикладного искусства, гдѣ бы онъ игралъ исключительно орнаментальную роль; здѣсь же онъ совершенно неумѣстенъ, такъ какъ въ своей основѣ почти не сохранилъ намека на тотъ конструктивный пріемъ, отъ котораго онъ ведетъ свое начало. Дѣйствительно, этотъ рядъ обратныхъ арочекъ или архивольтовъ, подвѣшенныхъ къ цвѣтамъ фантастической формы и поднертыхъ въ шелыгахъ тоненькими полуколонками, — противорѣчитъ всѣмъ законамъ техники. Конечно, въ этой композиціи можно узнать отголосокъ обычныхъ въ псково-новгородскомъ зодчествѣ аркадъ, но способъ ихъ трактовки указываетъ на полнѣйшее непониманіе строителемъ ихъ архитектурнаго смысла, что, какъ мы знаемъ, является типичнымъ признакомъ упадка какого бы то ни было стиля[4]).

---

[1]) Немного ниже пятъ закаморъ идетъ обрѣзъ стѣны, подъ которымъ тянется полосъ.

[2]) Въ настоящее время эти изразцы закрашены, но на рисункѣ А. Мартынова они ясно видны (Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества).

[3]) Карнизъ, отдѣляющій подклѣтъ отъ церкви, сдѣланъ также изъ бѣлаго камня.

[4]) Аналогичную художественную обработку имѣетъ церковь Сошествія Св. Духа въ Троице-Сергіевской Лаврѣ. Сходство этихъ двухъ храмовъ какъ въ общихъ массахъ, такъ и въ деталяхъ настолько велико, что невольно является предположеніе о постройкѣ ихъ однимъ и тѣмъ же зодчимъ. Особенно обращаетъ на себя вниманіе сходство отдѣлки апсидъ; въ композиціи же пояса, расположеннаго совершенно также, какъ и у Введенской церкви, наблюдается нѣкоторая разница; а именно, въ церкви Сошествія Св. Духа въ него включенъ рядъ балясинъ, отсутствующихъ у Введенской церкви и очень напоминающихъ балясины церкви Печерской Божіей Матери въ Кремлѣ. Рис. № 95.

Введенская церковь — это послѣдній вздохъ отжившаго искусства, пересаженнаго къ намъ изъ Ломбардіи и поэтому при самомъ появленіи своемъ на Руси обреченнаго, какъ нѣчто ей чуждое, на постепенное увяданіе, если бы даже этому не способствовала въ такой сильной степени татарская неволя.

Пятницкая церковь[1]), стоящая всего въ $3^1/_2$ саженяхъ отъ Введенской, является, какъ мы упоминали выше, произведеніемъ совершенно другого склада.

Пятницкая церковь Сергіева посада.

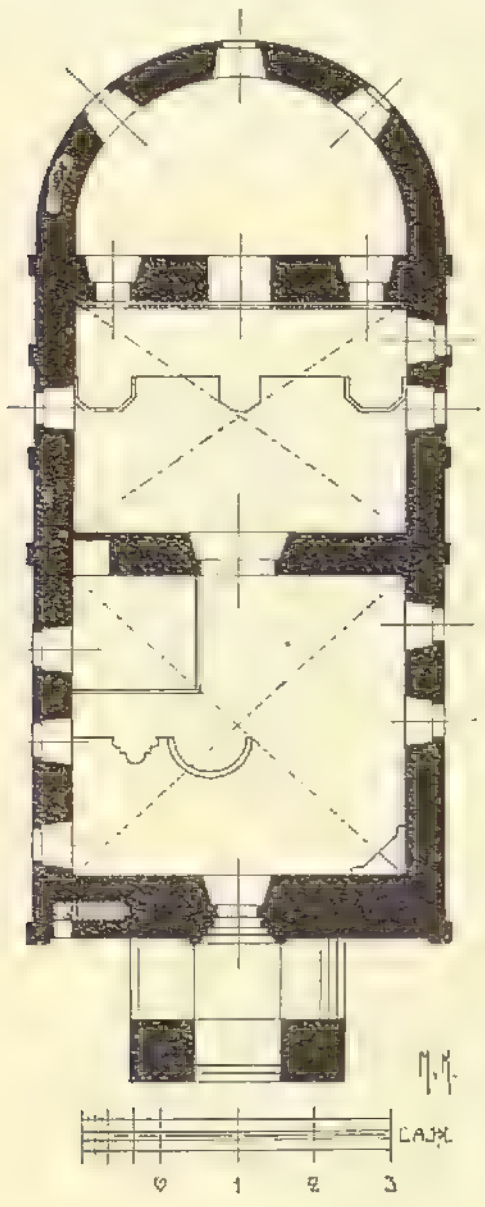


Рис. 96.

Это становится уже сразу замѣтнымъ при сравненіи однихъ плановъ и разрѣзовъ обѣихъ церквей. Дѣйствительно, въ противоположность Введенской церкви, Пятницкая не имѣетъ подклѣта; планъ ея въ общихъ чертахъ сильно вытянутъ по направленію западъ-востокъ (рис. № 96), тогда какъ у первой онъ близокъ къ квадрату. Далѣе, Пятницкая церковь раздѣляется въ планѣ на три различныя по формѣ части: квадратную трапезу, прямоугольное[2]) помѣщеніе для молящихся («корабль») и, наконецъ, полуциркульный алтарь. Если у плана Пятницкой церкви отдѣлить трапезу, то совокупность двухъ остальныхъ частей будетъ почти тождественна съ планомъ церкви въ селѣ Бесѣдахъ. Трапеза покрыта коробовымъ сводомъ, церковь — сомкнутымъ, а алтарь — полукуполомъ, при чемъ средняя часть храма значительно выше двухъ остальныхъ частей, приблизительно, одинаковыхъ по высотѣ. Передъ западной стѣной трапезы стоятъ два квадратныхъ въ планѣ столба, соединенные между собою и стѣною трапезы полуциркульными арками; столбы эти вмѣстѣ со стѣной трапезы служатъ опорою для колокольни, которая является для насъ первымъ примѣромъ въ московскомъ зодчествѣ устройства связаннаго съ храмомъ помѣщенія для колоколовъ, имѣющаго форму башни.

Переходя къ обзору внѣшняго вида Пятницкой церкви, замѣтимъ, что она вмѣстѣ съ Введенской сильно пострадала во время осады Лавры поляками въ московскую разруху. Обѣ онѣ обгорѣли такъ сильно, что шеи верховъ распались; возстановленіе и освященіе было произведено троицкимъ архимандритомъ Діо-

---

[1]) Построена иждивеніемъ нѣсколькихъ лицъ: «христолюбцы здавали», см. Введенская и Пятницкая церкви въ Сергіевскомъ посадѣ, Московской губ. І. А. 1894 годъ, стран. 4.

[2]) Вытянутое по направленію сѣверъ-югъ.

писіемъ — первой въ 1611 году, а второй — въ 1621[1]); поэтому на верхѣ Пятницкой церкви мы останавливаться не будемъ, да онъ къ тому же не представляетъ ничего интереснаго: тяжелъ по пропорціямъ, лишенъ уборныхъ частей и, кромѣ того, обезображенъ крышей, которая закрываетъ его нижнюю часть.

Пятницкая церковь.

Рис. 97. По А. Мартынову.

Какъ и во всемъ остальномъ, художественная отдѣлка Пятницкой церкви совершенно разнохарактерна съ отдѣлкой Введенской церкви: насколько послѣдняя съ архитектурной точки зрѣнія нелогична, настолько детали первой умѣстны, обоснованы и художественны (рис. № 97). Оставляя въ сторонѣ формы и обработку колокольни[2]), перейдемъ къ обзору наружныхъ уборныхъ мотивовъ трапезы. Углы этой части церкви усилены широкими, но слабо выступающими впередъ лопатками, базы которыхъ образованы раскреповками цоколя; послѣдній

[1]) См. Русская старина въ памятн. церковн. и граждан. зодч. А. Мартынова. 1851 г., тетр. VI, стран. 52—53 и Введенская и Пятницкая церкви въ Сергіевскомъ пос. Московской губ. І. А. 1894 г. стран. 9.

[2]) Разсмотрѣніе колоколенъ выдѣлено въ особую главу.

очень не высокъ[1]), и кордонъ его охватываетъ кругомъ всю церковь. Отъ карниза трапезы остался теперь только узенькій полуваликъ; карнизовъ на храмѣ вообще нигдѣ не сохранилось — они, должно-быть, или не были возобновлены послѣ осады монастыря, или были стесаны при устройствѣ новой крыши. Поле стѣнъ трапезы оставлено гладкимъ, и это эффектно подчеркиваетъ богатство формъ оконныхъ наличниковъ. По сторонамъ просвѣтовъ оконъ, вѣроятно, немного растесанныхъ, находятся колонки, украшенныя базами, капителями и средними перехватами, имѣющими форму «дынекъ». Базы колонокъ опираются на подоконную тягу, которая по концамъ раскрепована и украшена подвѣсками — гирьками; надъ капителями находится карнизикъ (сандрикъ), также раскрепованный по концамъ и увѣнчанный богатымъ кокошникомъ. Форма оконныхъ кокошниковъ очень своеобразна и встрѣчается намъ впервые; образовалась она, очевидно, изъ обыкновеннаго полуциркульнаго кокошника съ острымъ подвышеніемъ, отъ котораго отличается тѣмъ, что дуговыя части кокошника представляютъ собою не полуокружность, а двѣ равныя дуги, описанныя изъ разныхъ центровъ — какъ бы двѣ раздвинутыя части одной дуги, соединенныя въ непрерывную линію при помощи подвышенія (рис. № 98).

Схемы кокошниковъ.

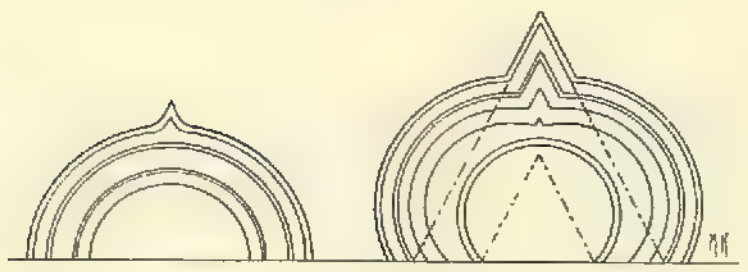


Рис. 98.

Въ этомъ же характерѣ скомпанованъ и наличникъ входной двери: его архивольты опираются на чередующіеся импосты и колонки съ перехватами въ видѣ дынекъ.

Архитектурная обработка алтарной апсиды совершенно тождественна какъ въ общемъ, такъ и въ деталяхъ съ обработкой трапезы[2]), зато убранство главной массы храма — «церковной стопы» — скомпановано нѣсколько иначе, если не принимать во вниманіе общій для всѣхъ частей храма отпечатокъ простоты и изящества архитектурнаго убранства. Каждая стѣна средней массы раздѣлена на три неравныя части[3]) узкими и слабо выступающими лопатками; онѣ заканчиваются вверху двухобломными капительками, образованными раскреповками верхнихъ обломовъ широкаго пояса, а внизу базами — раскреповками кордона цоколя. Обрамленіе оконъ средней части храма такое же, какъ и у оконъ трапезы, съ той лишь разницей, что для ихъ колонокъ примѣненъ другой мотивъ, очень напоминающій собою «рустованныя» колонки средней башни Покровскаго собора.

---

[1]) Вѣроятно, часть цоколя теперь находится ниже поверхности земли, такъ какъ культурный слой долженъ быть здѣсь довольно толстый.

[2]) Въ настоящее время алтарь покрытъ безобразной конической крышей, первоначальное же его покрытіе, надо полагать, было посводное.

[3]) Средняя шире боковыхъ.

Поясъ, приподнятый подъ самыя пяты вѣнчающихъ кокошниковъ, имѣетъ значительную ширину и ясное дѣленіе на три части; нижняя состоитъ изъ ряда поребрика и узенькой полочки; средняя, самая широкая, представляетъ гладкую полосу, украшенную рядомъ стрѣльчатыхъ кокошниковъ, занимающихъ всю высоту полосы и превратившихся здѣсь въ исключительно декоративный мотивъ; наконецъ, верхняя часть пояса образована рядомъ поребрика, надъ которымъ идутъ два упомянутыхъ выше облома — полочка и полуваликъ. Поясъ на лопаткахъ не прерывается, и кокошники его средней части разбиты совершенно правильно, съ такимъ расчетомъ, что на каждой лопаткѣ ихъ приходится по два.

Несмотря на то, что поясъ Пятницкой церкви занимаетъ по высотѣ совершенно такое же положеніе, какъ въ Введенской, онъ здѣсь не производитъ такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ въ послѣдней церкви, такъ какъ играетъ не роль связующей части главной массы храма съ алтаремъ, а имѣетъ вполнѣ самостоятельное декоративное значеніе и притомъ очень умѣло и живописно скомпанованъ.

Выше пояса уступы стѣнъ между лопатками превращаются въ полукруглыя ниши, поля которыхъ заполнены кокошниками такой же формы, какъ у окопныхъ наличниковъ. Надъ нишами прежде находился, вѣроятно, карнизъ, заканчивавшій всю гармоничную композицію средней части, надъ которой мы предварительно остановились нѣсколько дольше потому, что общій пріемъ этой композиціи представляетъ конечную ступень трансформаціи суздальскаго мотива. Въ этомъ видѣ онъ былъ, если можно такъ выразиться, канонизированъ Москвою и, варіируясь лишь въ деталяхъ, примѣнялся московскими зодчими для декораціи главной части церкви вплоть до XVIII столѣтія.

Вообще Пятницкая церковь какъ по общему пріему композиціи, такъ и по художественной отдѣлкѣ ея фасадовъ является типичнымъ образцомъ небольшихъ, вѣрнѣе сказать маленькихъ церквей Москвы, строившихся въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Говоря о церквахъ такого типа, какъ Пятницкая, Даль утверждаетъ, что цѣлый рядъ ихъ разсыпанъ «отъ Твери до Казани на всѣхъ мѣстахъ царскихъ переѣздовъ и ставокъ».[1]) Однако, въ самой Москвѣ такихъ церквей сохранилось мало, что объясняется, вѣроятно, позднѣйшей передѣлкой или даже сломкой ихъ съ цѣлью поставить болѣе помѣстительныя церкви.

Время постройки трехъ церквей, которыя мы сейчасъ разсмотримъ, точно неизвѣстно, но по характеру ихъ архитектуры, онѣ съ извѣстной долей достовѣрности могутъ быть отнесены къ XVI вѣку.

Къ сожалѣнію, первый изъ нихъ — соборный храмъ Ивановскаго монастыря, упраздненнаго послѣ 1812 года,[2]) сильно измѣнилъ свой первоначальный видъ. Монастырь, а съ нимъ и соборная церковь не разъ подвергался пожарамъ и вновь обстраивался; такъ послѣ пожара въ 1748 году соборъ былъ возобновленъ щедро-

[1]) «Зодчій», 1873 годъ, стран. 4.

[2]) Теперь приходская церковь во имя Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи.

тами Императрицы Елизаветы. Во время французскаго нашествія всѣ кельи и монастырскія строенія погорѣли, осталась одна соборная церковь, но, повидимому, и она сильно пострадала, такъ какъ на всемъ ея теперешнемъ наружномъ видѣ лежитъ отпечатокъ архитектуры Александровской эпохи (рис. № 99) и это вполнѣ опредѣленно указываетъ на время послѣдняго серіознаго ремонта. Дѣйствительно, четыре фронтона главной части церкви, скрывающіе за собою два пересѣкающихся цилиндрическихъ свода, служащихъ опорою для шес

Церковь Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи.

Рис. 99. По А. Мартынову.

главы, — очевидно не представляютъ древней формы, такъ какъ ни характеръ самыхъ фронтоновъ, ни пріемъ сводчатаго покрытія совершенно не свойственны московскимъ церквамъ XVI вѣка. Поэтому нужно предположить, что весь верхъ церкви, начиная со сводовъ, сравнительно недавняго происхожденія — эпохи Александра Благословеннаго или по меньшей мѣрѣ Императрицы Елизаветы. Что же касается стѣнъ[1]) ниже сводовъ и плана главной части церкви, то они,

[1]) Стѣны сложены изъ древняго, большого по размѣру кирпича; цоколь изъ бѣлаго камня. Подъ церковью подклѣта нѣтъ, а только подвалы.

очевидно, древніе, при чемъ послѣдній (рис. № 100) по своей формѣ очень похожъ на планъ церкви села Коломенскаго и отличается отъ него лишь алтарными выступами, которыхъ въ этомъ храмѣ нѣтъ. Алтарь, вмѣстѣ съ жертвенникомъ и діаконникомъ, отъ которыхъ онъ отдѣленъ арками, представляетъ въ общемъ сложности прямоугольникъ, къ которому съ востока приставлены граненыя

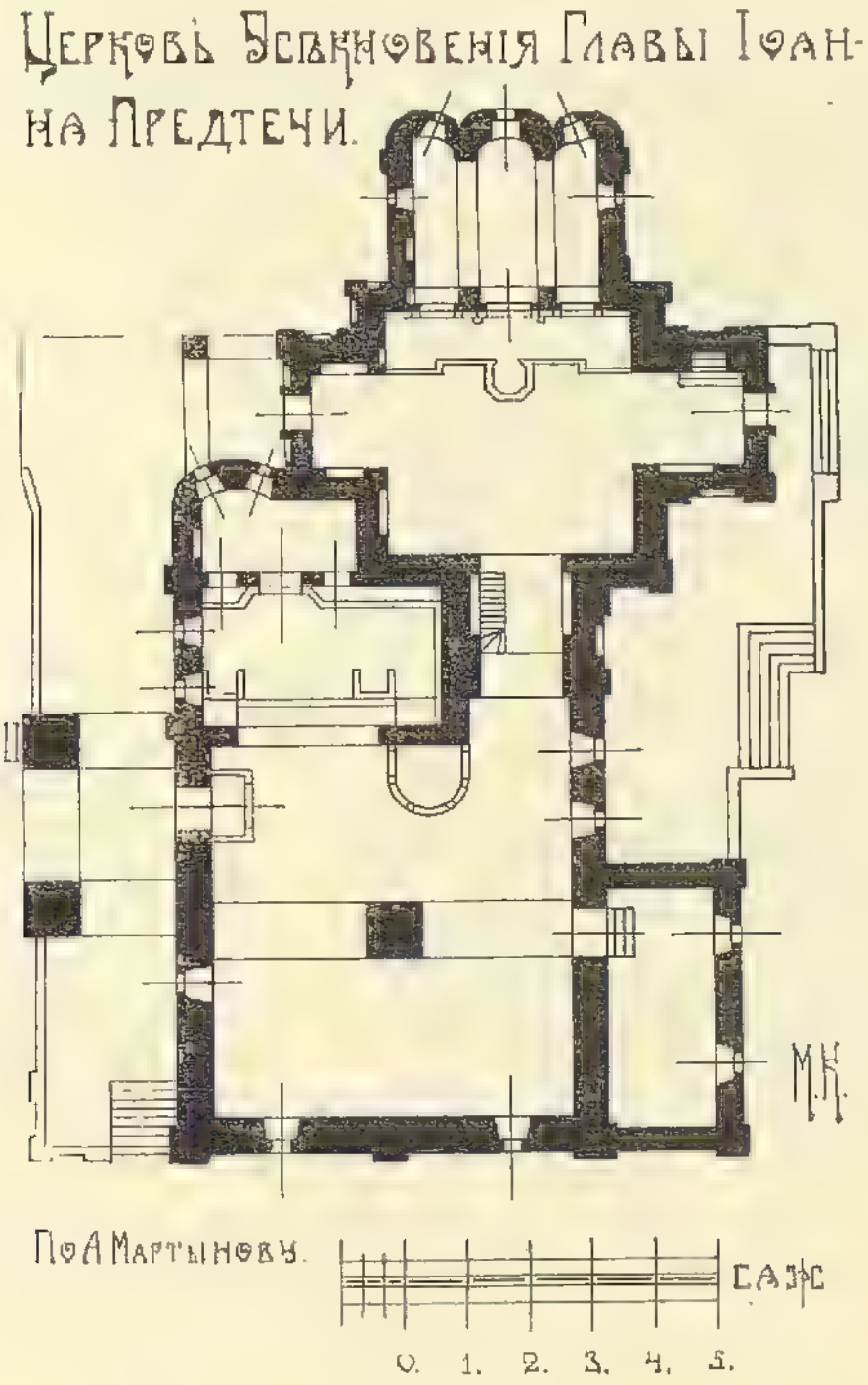


Рис. 100.

снаружи апсиды; изнутри форма апсидъ различная, а именно: алтарная апсида имѣетъ форму коробовой кривой, апсиды же жертвенника и діаконника представляютъ собою половины коробовыхъ кривыхъ, что придаетъ имъ какой-то странный, незакопченный видъ.

Къ главному храму со всѣхъ сторонъ, кромѣ восточной, примыкаютъ придѣлы, крыльца и лѣстницы съ обширными площадками; все это носитъ характеръ пристроекъ, быть можетъ, тоже древнихъ, но во всякомъ случаѣ не одновремен-

ныхъ съ главнымъ храмомъ, потому что въ противномъ случаѣ связь ихъ съ главной массой церкви не производила бы впечатлѣнія чего-то случайнаго. Изъ этихъ пристроекъ болѣе всего интересна трапезная церкви, въ центрѣ которой массивный, квадратный въ планѣ столбъ служитъ опорой для сводовъ.

Каковы были первоначальный верхъ храма и его наружная отдѣлка — сказать теперь очень трудно; нѣкоторый намекъ на прежнюю отдѣлку даютъ угловыя лопатки, неглубокіе запады съ полуциркульными верхами, и наличникъ южнаго окна діаконика[1]) — но всего этого слишкомъ мало, чтобы возстановить первоначальный видъ древняго храма.

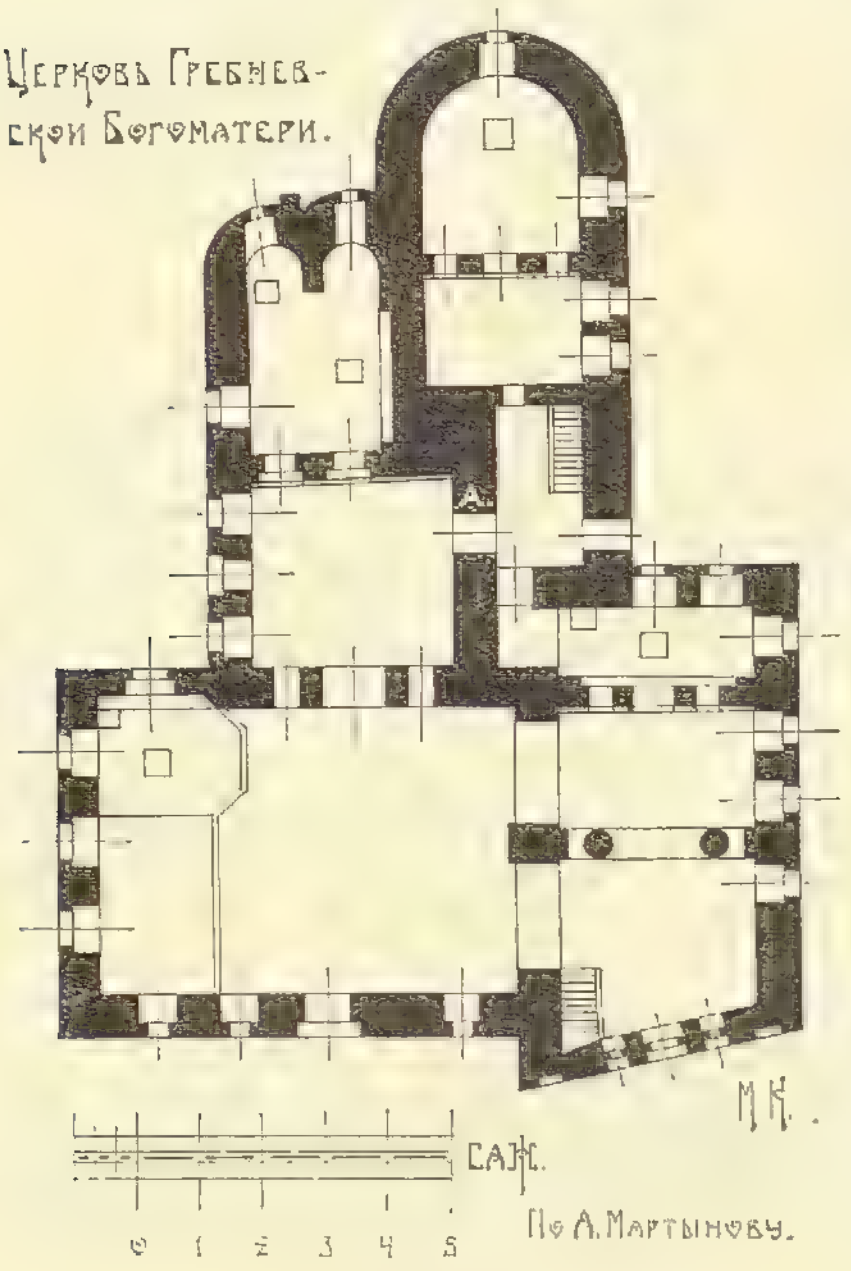


Рис. 101.

На мѣстѣ существующей теперь каменной церкви Гребневской Божьей матери стояла прежде деревянная, поставленная Іоанномъ III во имя Успенія Богоматери. Когда эта церковь была замѣнена каменной — неизвѣстно; но въ памятникахъ письменности конца XVI вѣка она уже упомнпается, подъ современнымъ именемъ. Въ приходныхъ патріаршихъ книгахъ 1626 года говорится, что при церкви существуетъ придѣлъ Димитрія Солунскаго. Во время пожара 1687 года церковь сильно пострадала и, вѣроятно, подверглась значительному ремонту; затѣмъ, въ 1711 году она была опять ремонтирована, украшена и освящена Стефаномъ Яворскимъ. Въ 1812 году церковь какимъ-то чудомъ отъ огня уцѣлѣла[2]).

При первомъ же взглядѣ на планъ этого интереснаго памятника Московскаго церковнаго зодчества видно, что онъ строился не одновременно, а представляетъ собою группу зданій, возведенныхъ въ разное время, и при томъ такимъ образомъ, что при сооруженіи нѣкоторыхъ новыхъ пристроекъ уничтожались части уже существовавшаго зданія (рис. № 101).

---

[1]) Наличникъ состоитъ изъ раскрепованнаго на концахъ подоконника, боковыхъ колонокъ, верхней тяги и возвышающагося надъ нею низкаго кокошника.

[2]) См. Снегиревъ. Русская старина въ памят. церков. и гражд. зодчест. А. Мартынова. 1851 годъ, тетрадь VII, стран. 55—56.

Намъ кажется, что, вопреки мнѣнію И. М. Снегирева, первоначальнымъ ядромъ всего существующаго теперь зданія является его сѣверо-восточная часть (съ престоломъ во имя Успенія Б. М.), представляющая собою прямоугольникъ (почти квадратъ), къ которому примыкаетъ болѣе узкій алтарь, заканчивающійся только двумя апсидами. Такая двухъ-апсидная форма плана кажется чѣмъ-то ненормальнымъ въ русскомъ зодчествѣ. Но если продолжить на востокъ южную стѣну церкви (*A*), загнуть ее на сѣверъ въ видѣ апсиды, которая сомкнулась бы съ существующей теперь неполной южной апсидой, и снять южную же стѣну нынѣшняго алтаря, то получится вполнѣ правильный трехъ-апсидный планъ знакомаго намъ типа церквей безъ внутреннихъ столбовъ[1]). Въ настоящее же время мѣсто предполагаемой нами третьей апсиды занимаетъ придѣлъ Димитрія Солунскаго; планъ этой части церкви состоитъ изъ прямоугольника, къ которому съ востока примыкаетъ сравнительно большой алтарь, заканчивающійся одной полуциркульной апсидой; надъ алтаремъ стоитъ колокольня менѣе высокая, нежели церковь Успенія. Съ запада у придѣла находится болѣе узкій, чѣмъ онъ самъ, притворъ съ лѣстницей, ведущей на колокольню.

Ц. Гребновской Божіей Матери.

Рис. 102. По фот. М. Красовскаго.

Если бы придѣлъ Димитрія Солунскаго былъ построенъ ранѣе церкви Успенія, то алтарю послѣдней врядъ ли придали бы двухъ-апсидную форму, которая, какъ мы уже упомянули, вообще не свойственна нашему церковному зодчеству; кромѣ того она, въ данномъ, случаѣ совершенно не умѣстна съ архитектурной точки зрѣнія, между тѣмъ какъ одно-апсидная форма была бы для пристройки болѣе подходяща. Далѣе, храмъ Успенія выше придѣла Димитрія Солунскаго и больше его по размѣрамъ плана, что опять не вяжется съ представленіемъ о пристройкѣ. Наконецъ, придѣлъ Димитрія Солунскаго упоминается впервые въ памятникахъ письмен-

[1]) Существующая теперь южная апсида выдается къ востоку своимъ внѣшнимъ обводомъ болѣе чѣмъ сѣверная, а это явно указываетъ на то, что первоначально она находилась между двумя другими.

ности XVII вѣка, тогда какъ о церкви Успенія говорится уже въ документахъ XVI вѣка.

Вотъ почему намъ думается, что придѣлъ Димитрія Солунскаго построенъ позднѣе; однако между постройкой придѣла и главной части церкви врядъ ли могло пройти много времени, такъ какъ форма окладовъ обоихъ этихъ памятниковъ типична для XVI вѣка.

Что же касается двухъ низкихъ трапезъ, примыкающихъ къ первой грушѣ съ запада и соединяющихся одна съ другою широкими (вѣроятно позднѣйшими пролетами), то онѣ, по свидѣтельству Снегирева, должны быть отнесены ко второй половинѣ XVII вѣка и поэтому въ настоящей главѣ не могутъ насъ интересовать.

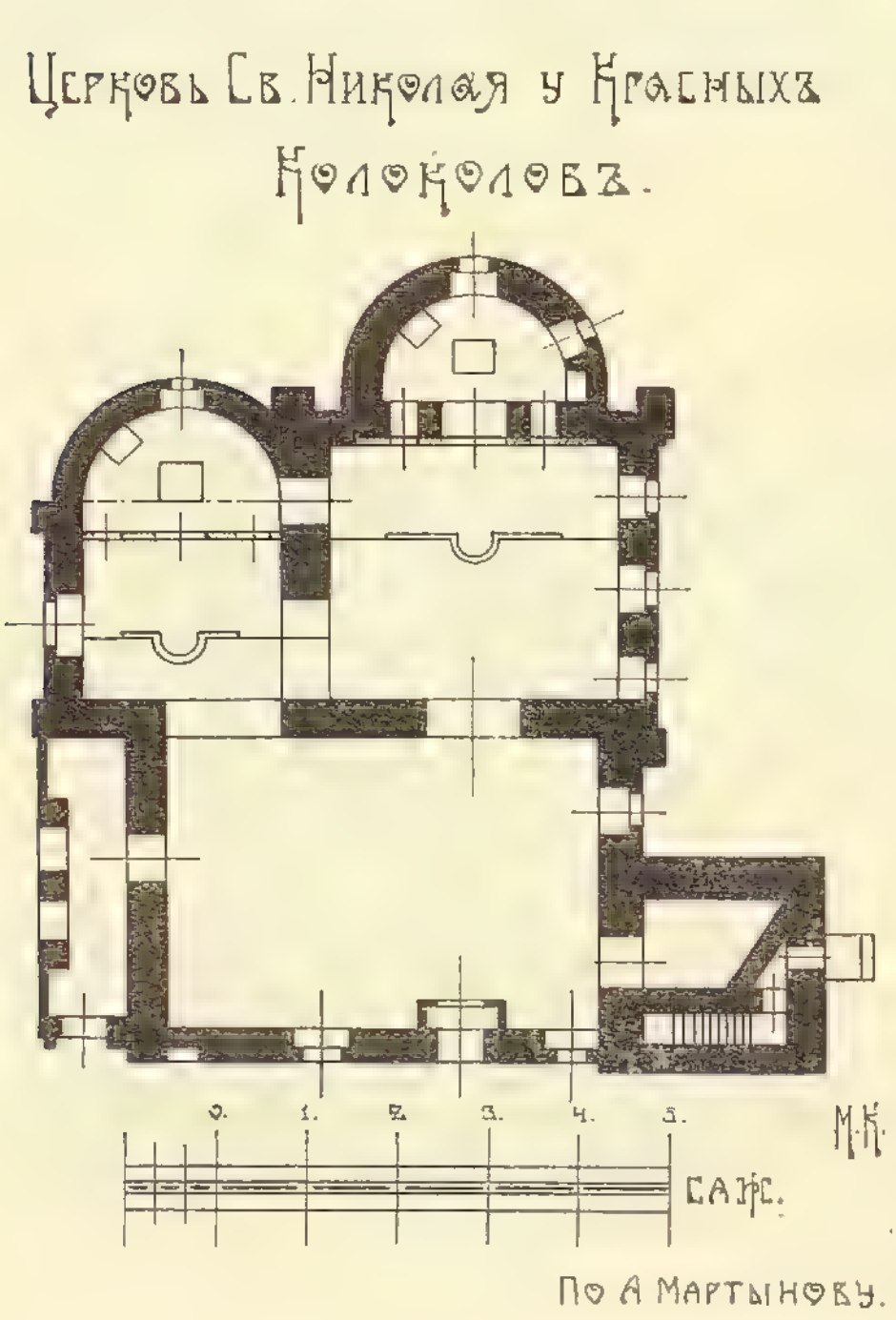


Рис. 103.

Главная часть храма крыта крестовымъ сводомъ, служащимъ основаніемъ для восьмигранной шеи главы, которая по характеру архитектурной обработки должна быть отнесена къ началу XVIII вѣка. На принадлежность ея къ этой эпохѣ особенно указываютъ витые стержни колонокъ, опирающихся на кронштейны (на раскреповки карниза рис. № 102). Вѣроятно, весь существующій теперь верхъ храма былъ сдѣланъ при Стефанѣ Яворскомъ.

Остальная наружная отдѣлка разсматриваемаго памятника зодчества очень бѣдна — это традиціонныя лопатки, дѣлящія каждый фасадъ на три части, и жидкій междурядный поясъ, состоящій изъ двухъ рядовъ обломовъ, отдѣленныхъ одна отъ другой узкой полосой поля стѣнъ. Поясъ на лопаткахъ раскрепованъ и въ прежнее время огибалъ апсиды, образуя ихъ карнизъ; теперь здѣсь отъ него остались одни кусочки, едва замѣтные подъ свѣсомъ уродливой крыши конической формы. Верхи стѣнъ главной части храма также скрыты подъ свѣсомъ крыши такъ, что

слѣдовъ первоначальнаго вѣнчанія стѣнъ не видно; вѣроятно, тутъ былъ карнизъ или рядъ кокошниковъ, но утверждать этого теперь, конечно, нельзя.

Церковь Св. Николая у Красныхъ Колоколовъ.

Рис. 104. По А. Мартынову.

Что касается колокольни Гребневской церкви, то о ней будемъ говорить впослѣдствіи, а теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о церкви Св. Николая у Красныхъ Колоколовъ. Она такъ же, какъ и предъидущая, представляетъ совокупность нѣсколькихъ разновременныхъ зданій. (рис. № 103). Первой, вѣроятно,

была построена квадратная безъ внутреннихъ столбовъ церковь, къ которой съ востока примыкаетъ полуциркульная апсида[1]). Квадратная часть церкви имѣетъ значительную высоту и перекрыта крестовымъ сводомъ, надъ которымъ высится шея главы. Подножіе послѣдней украшено кокошниками, а сама она прорѣзана узкими, длинными окнами и заканчивается карнизомъ не хитраго профиля. Всѣ эти детали могутъ относиться къ XVI вѣку, на который указываетъ и планъ церкви,[2]) по завершающіе стѣны, щипцы, а также имѣющіяся извѣстія о пожарахъ церкви заставляютъ сомнѣваться въ томъ, чтобы верхъ храма былъ построенъ одновременно съ его нижней частью (рис. № 104).

Къ сѣверной стѣнѣ этой церкви пристроенъ придѣлъ, по формѣ плана очень похожій на главную церковь; къ западнымъ стѣнамъ этихъ двухъ зданій примыкаетъ трапеза, построенная судя по кладкѣ[3]) одновременно съ колокольней; послѣдняя же является типичнымъ произведеніемъ зодчества начала XVIII вѣка.

Изъ сдѣланнаго въ этой главѣ описанія памятниковъ церковнаго зодчества Москвы можно вывести заключеніе о довольно близкомъ ихъ сходствѣ съ московскими церквами XV вѣка; однако, при сходствѣ общей композиціи, въ деталяхъ замѣчается разница. Эта разница прежде всего наблюдается въ пріемѣ компановки плановъ, которые создавались подъ непосредственнымъ вліяніемъ плановъ церквей шатроваго (самобытнаго) типа. Правда, планъ собора Новодѣвичьяго монастыря стоитъ какъ бы особнякомъ, но это происходитъ отъ того, что весь этотъ памятникъ ясно говоритъ о желаніи строителей повторить архитектурныя формы Успенскаго собора; однако несмотря даже на этотъ руководящій принципъ, на соборѣ Новодѣвичьяго монастыря всетаки отразилось направленіе современнаго зодчества, сказавшееся въ устройствѣ ходовыхъ папертей. Всѣ же остальныя изъ разсмотрѣнныхъ нами церквей по характеру плановъ распадаются на двѣ группы, но имѣютъ одну общую черту — отсутствіе внутреннихъ столбовъ. Къ первой группѣ относятся церкви, представляющія собою въ планѣ прямоугольникъ или квадратъ, къ которому съ востока примыкаютъ три апсиды[4]) ко второй же группѣ принадлежатъ церкви съ одной только апсидой[5]). Что же

---

[1]) Снегиревъ (Ibid.) говоритъ, что алтарь былъ перестроенъ въ XVII вѣкѣ, но мы полагаемъ, что форма его, вѣроятно, была сохранена первоначальная, такъ какъ трехъ апсидъ вслѣдствіе малыхъ размѣровъ церкви, устроить нельзя.

[2]) Это подтверждаетъ и то обстоятельство, что на концахъ вѣнчающаго храмъ креста находятся маленькіе крестики, что было запрещено Стоглавымъ соборомъ.

[3]) Главный храмъ сложенъ изъ кирпича болѣе тонкаго, нежели употребляемый теперь.

[4]) Церкви: Введенія въ Троице-Сергіевской лаврѣ и Гребневская (главный престолъ).

[5]) Церкви: Пятницкая, Николая у Красныхъ Колоколовъ и южный придѣлъ Гребневской.

касается плана церкви упраздненнаго Иваповскаго монастыря, то на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на разповидность первой группы, отъ которой онъ отличается только прямоугольными пристройками къ основному квадрату. Съ пріемами плановъ обѣихъ группъ мы встрѣтились при изученіи церквей, разсмотрѣнныхъ въ IV главѣ, поэтому не станемъ вновь указывать на сродство подобныхъ пріемовъ плана съ церквами деревянными; отмѣтимъ только еще разъ сходство плана церкви села Коломенскаго съ планомъ церкви Иваповскаго монастыря, что свидѣтельствуетъ о сравнительно частомъ примѣненіи такой композиціи. Ходовыя паперти имѣются только у собора Новодѣвичьяго монастыря но, повидимому, были также у Введенской церкви; остальные храмы не имѣютъ ни подклѣтовъ, ни ходовыхъ папертей, чѣмъ сближаются съ церквами XV вѣка.

Наконецъ, Пятницкая церковь даетъ примѣръ такого же пріема плана, какъ и въ селѣ Бесѣдахъ, но усложненнаго пристройкой съ запада прямоугольника для трапезы. Возможно, что подобная трапеза существовала также у церкви Св. Николая, что у Красныхъ Колоколовъ, но съ увѣренностью сказать этого въ настоящее время нельзя. Возникновеніе такихъ низенькихъ, вѣроятно, теплыхъ трапезъ при каменныхъ церквахъ было вызвано, повидимому, монастырскими правилами, а готовую для нихъ форму зодчіе каменныхъ храмовъ позаимствовали у плотниковъ, въ произведеніяхъ которыхъ такія трапезы, надо полагать, были явленіемъ обычнымъ, по крайней мѣрѣ если судить по существующимъ теперь старинпымъ деревяпнымъ церквамъ. Та же Пятницкая церковь вмѣстѣ съ Гребневской интересны еще въ томъ отношеніи что въ нихъ Московское зодчество примѣнило впервые типъ новаго сооруженія для помѣщенія колоколовъ — типъ колокольни, связанной съ церковью, тогда какъ до тѣхъ поръ довольствовались лишь звонницами, колокольницами и, быть можетъ даже простыми брусчатыми козлами.

Въ связи съ исчезновеніемъ внутреннихъ столбовъ которые являются, главной отличительной чертой памятниковъ XV вѣка отъ храмовъ только что разсмотрѣнныхъ, должно было появиться и новое сводчатое покрытіе, не исключавшее возможности установки верха храма — его главы, безъ которой въ силу ея символическаго значенія, не могло обойтись ни одно изъ нарождавшихся на Руси церковно-архитектурныхъ вѣяній вплоть до настоящаго времени. Къ несчастію древность верховъ у всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами Московскихъ церквей этого типа представляется сомнительной, поэтому можно только предположить, что своды у нихъ были либо сомкнутые, либо крестовые. Изъ этихъ же двухъ конструктивныхъ пріемовъ, намъ кажется, надо отдать предпочтеніе сомкнутому своду. Во-первыхъ, устройство кружалъ для сомкнутаго свода, да и сама кладка ихъ представляютъ менѣе затрудненій, нежели при крестовыхъ сводахъ, а, во-вторыхъ, большинство церквей этого типа, сохранившихся въ другихъ мѣстахъ, покрыто сомкнутыми сводами. Наконецъ, въ слѣдующемъ періодѣ зодчества —

въ XVII вѣкѣ, сомкнутый сводъ получилъ въ Москвѣ обширное примѣненіе, тогда какъ крестовый сводъ, говоря вообще, не привлекъ къ себѣ особыхъ симпатій нашихъ зодчихъ, по крайней мѣрѣ въ области церковнаго строительства.

Дать общую характеристику наружной отдѣлки разсмотрѣнныхъ церквей очень трудно — для этого въ нашемъ распоряженіи слишкомъ мало данныхъ, такъ какъ бо́льшая часть этихъ памятниковъ подверглась, какъ мы видѣли, сильнымъ передѣлкамъ. Менѣе другихъ пострадали Введенская, Пятницкая и Гребневская церкви; однако, характеръ архитектурной обработки первой и послѣдней изъ нихъ еще не даетъ намъ права сказать, что всѣ церкви этого типа XVI вѣка обрабатывались зодчими именно такъ, какъ эти двѣ, то есть по традиціямъ XV вѣка; доказательствомъ противнаго можетъ служить бо́льшая часть отдѣлки Пятницкой церкви[1]), которая будучи аналогична наружному убранству церквей новаго стиля, является полной противоположностью характеру декораціи Введенской церкви, отмѣченному типичными чертами умирающаго стиля.

Теперь, послѣ описанія памятниковъ различныхъ группъ и характеристики послѣднихъ, въ нашихъ рукахъ имѣется достаточно матеріала для общей характеристики тѣхъ пріемовъ церковнаго зодчества, которые практиковались въ Московской Руси съ конца XV вѣка до начала XVII. Конечно, точнаго разграниченія стилей памятниковъ по вѣкамъ сдѣлать невозможно. Тѣмъ не менѣе приходится считаться съ общепринятымъ дѣленіемъ по вѣкамъ; въ данномъ же случаѣ это облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что начало XVI вѣка отмѣчено въ Московскомъ церковномъ зодчествѣ появленіемъ такихъ памятниковъ, какъ церкви Дьяковская и Коломенская, являющихся типичными представителями новаго теченія въ искусствѣ. Однако, несмотря на появленіе новаго стиля, нѣкоторые зодчіе не желали, видимо, его признавать, по крайней мѣрѣ во всей его совокупности, а продолжали придерживаться старыхъ мотивовъ композиціи, допуская новшество только въ пріемахъ плановъ.

Дѣйствительно, общей отличительной чертой всѣхъ Московскихъ церквей XVI вѣка является отсутствіе у нихъ внутреннихъ столповъ и неразрывно связанный съ этимъ новый пріемъ перехода отъ низа церкви къ его верху — шеѣ и главѣ. Само собой понятно, что исчезновеніе четырехъ традиціонныхъ для XV вѣка столповъ не могло произойти сразу; но образцовъ промежуточныхъ стадій измѣненія плановъ до нашего времени въ Москвѣ не сохранилось, хотя и въ ней, вѣроятно, строились такіе храмы, планы которыхъ были похожи на окладъ церкви села Пурѣха, въ которой своды и шея главы опирались на стѣны и на два столпа, а не на четыре (рис. № 105).

---

[1]) Пожалуй также южное окно діаконика собора Ивановскаго монастыря.

Такимъ образомъ центральная часть плана всѣхъ церквей XVI вѣка, за исключеніемъ Дьяковской, представляетъ прямоугольникъ или квадратъ, къ которому примыкаютъ второстепенныя части. Въ отношеніи послѣднихъ памятники XVI вѣка можно раздѣлить на нѣсколько группъ. Къ первой, наиболѣе простой по фигурѣ плана, относятся тѣ церкви, у которыхъ примыкающія къ прямоугольнику части имѣются только съ восточной стороны-апсиды; при этомъ здѣсь можно указать еще двѣ подгруппы: одно-апсидныя церкви и трехъ-апсидныя. Ко второй группѣ, болѣе сложной по плану, принадлежатъ тѣ церкви, у которыхъ къ центральной части второстепенныя примыкаютъ съ двухъ сторонъ:— съ востока — алтарныя аспиды, а съ запада — трапезы (притворы). Къ третьей группѣ относятся церкви, у которыхъ боковыя части окружаютъ центральную со всѣхъ четырехъ сторонъ, при чемъ получается либо крестовидная форма плана, какъ въ церквахъ Коломенской и Ивановскаго монастыря, либо такая, какъ у Медвѣдковской и Бесѣдской церквей, у которыхъ къ основному прямоугольнику съ восточной стороны примыкаютъ алтарныя апсиды, а съ другихъ — ходовыя галлереи (папертн). Наконецъ, послѣднюю группу, самую сложную и красивую по плану, составляютъ тѣ церкви, которыя представляютъ какъ бы соединеніе въ одно цѣлое нѣсколькихъ самостоятельныхъ церквей, окружающихъ центральную. Таковы церковь села Дьякова и Покровскій соборъ. Думается, что пріемъ плана послѣдней группы въ каменномъ зодчествѣ примѣнялся не часто: для обыкновенныхъ, сравнительно небольшого размѣра церквей онъ былъ, конечно, не пригоденъ; а такіе большіе, дорого стоющіе храмы, какъ Дьяковская церковь и Покровскій соборъ, само собою разумѣется, могли строиться только въ память великихъ государственныхъ событій или у Государя на сѣняхъ; такіе же случаи, понятно, были довольно рѣдки.

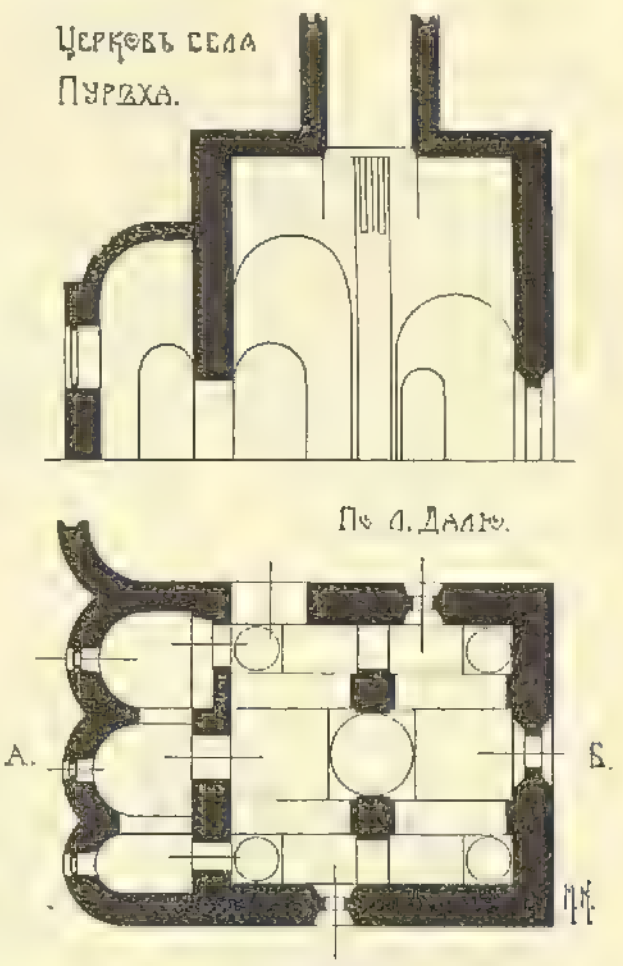


Рис. 105.

Итакъ, новые пріемы плановъ завоевали себѣ прочное положеніе въ Московскомъ церковномъ зодчествѣ XVI вѣка и примѣнялись независимо отъ того, какіе у церкви были общій наружный видъ и деталировка убориыхъ частей, то-есть дѣлалась ли она въ новомъ стилѣ или въ старомъ.

Въ отношеніи подклѣтовъ сказать того же нельзя, такъ какъ у половины разсмотрѣнныхъ нами церквей XVI вѣка подклѣтовъ нѣтъ вовсе; тѣ же церкви, которыя стоятъ на подклѣтахъ, по характеру ихъ внѣшняго вида дѣлятся, въ свою

очередь, на двѣ почти равныя по числу группы: къ первой относятся церкви старой архитектуры, а ко второй — новой. Такимъ образомъ нельзя сказать вполнѣ опредѣленно, что преимущественно церкви новаго типа строились на подклѣтахъ, но предположить это можно, потому что, во-первыхъ, изъ церквей новаго типа подклѣтовъ только пѣть у Дьяковской и у Пятницкой и, во-вторыхъ, значительное число церквей слѣдующей эпохи строились на подклѣтахъ.

Что же касается первоначальнаго назначенія подклѣтовъ, то они, вѣроятно, должны были служить либо усыпальницами, либо казнами, но не предназначались для устройства въ нихъ теплыхъ придѣловъ, каковые были въ нихъ устроены только впослѣдствіи.

Говоря о разрѣзахъ церквей XVI вѣка, а слѣдовательно, и объ общемъ ихъ внѣшнемъ видѣ, нужно указать на два ясно разграничившихся направленія въ московскомъ искусствѣ этой эпохи. Къ первому относятся памятники, не имѣющіе ничего общаго съ церквами предшествующаго столѣтія, а ко второму — тѣ, у которыхъ, при новомъ складѣ плана, разрѣзъ и внѣшній видъ очень близки къ памятникамъ церковнаго зодчества XV вѣка. Церкви послѣдняго типа строились, повидимому, преимущественно въ монастыряхъ, и это вполнѣ понятно, такъ какъ черное духовенство всегда болѣе упорно придерживается старыхъ, трафаретныхъ пріемовъ и недолюбливаетъ новшествъ, находя ихъ легкомысленными. Тѣ же церкви, которыя являются представительницами самобытнаго искусства, строились внѣ монастырскихъ оградъ, людьми, менѣе связанными традиціей, не видѣвшими въ новыхъ національныхъ формахъ нарушенія устоевъ религіи и понимавшими красоту такъ, какъ это имъ подсказывало внутреннее чувство. Во главѣ такихъ людей стояла верховная власть и ближніе бояре.

Какъ видно изъ перечня годовъ постройки разсмотрѣнныхъ церквей[1]), борьба этихъ двухъ направленій продолжается втеченіе почти всего XVI столѣтія и завершается полной побѣдой самобытнаго искусства, памятникомъ которой является Покровскій соборъ — вѣнецъ всѣхъ шатровыхъ церквей каменнаго русскаго зодчества.

Но, какъ мы замѣтили выше, нельзя было ожидать, чтобы Покровскій соборъ нашелъ себѣ подражаніе при постройкѣ рядовыхъ церквей, по размѣру маленькихъ. Поэтому оба направленія искусства, какъ бы дѣлая другъ другу уступки, сливаются въ концѣ концовъ въ одномъ руслѣ, вслѣдствіе чего рождаются такія церкви, какъ Пятницкая въ посадѣ Троице-Сергіевской лавры. Эта церковь не только сама по себѣ, но и въ лицѣ своихъ строителей подтверждаетъ сдѣланное нами предположеніе о той поддержкѣ, которую старый стиль

---

[1]) 1. Благовѣщ. на стар. Ваганьковѣ, 1514 г. 2. Село Дьяково, 1529 г. 3. Село Коломенское, 1532 г. 4. Новодѣвичій монастырь, 1537 г. 5. Введенская церковь, 1547 г. 6. Пятницкая церковь, 1547 г. 7. Село Бесѣды. 8. Село Медвѣдково. 9. Покровскій соборъ, 1560 г. 10. Ивановскій монастырь. 11. Гребневская. 12. Никола, у Красныхъ Колоколовъ.

встрѣчалъ въ монастыряхъ. Въ самомъ дѣлѣ, Пятницкая церковь построена нѣсколькихъ лицъ, при чемъ въ числѣ жертвователей могъ находиться не только монастырь, но и міряне, такъ сказать, представители другого лагеря, которые хотѣли видѣть въ ней произведеніе самобытнаго искусства, и монашеству пришлось идти на компромиссъ, не допуская въ то же время полнаго господства новыхъ формъ.

Переходя, наконецъ, къ уборнымъ частямъ церквей XVI вѣка, слѣдуетъ сказать, что въ этой области наблюдается та же борьба двухъ направленій, что и въ компановкѣ главныхъ массъ церквей. Старыя, отжившія свой вѣкъ формы, подобныя тѣмъ, что мы видѣли у Введенской церкви, отчасти вытѣсняются совсѣмъ, отчасти входятъ въ составъ новыхъ композицій; къ такимъ формамъ надо отнести «дыньки» и «кокошники», которые появляются на оконныхъ наличникахъ, какъ, напримѣръ, въ Пятницкой церкви.

Что же касается новыхъ формъ, появившихся на памятникахъ самобытнаго искусства, то о нихъ было сказано въ главѣ IV, и здѣсь остается только добавить, что большинство ихъ, прочно привившись къ церковному зодчеству, получили, какъ это мы увидимъ дальше, полное господство въ XVII вѣкѣ.

ГЛАВА VII.

Начиная съ послѣднихъ годовъ царствованія Іоанна Грознаго и до возвращенія изъ плѣна патріарха Филарета, Москва жила безпокойной жизнью; однако ея церковно-строительная дѣятельность надолго не прерывалась. Конечно, въ тяжелые годы «Московской розрухи» врядъ ли кто думалъ о построеніи новыхъ церквей, но какъ до нея, такъ и послѣ 1613 года церкви все-таки строились. Въ серединѣ же XVII вѣка строительная дѣятельность значительно усилилась и къ концу столѣтія разрослась настолько, что большинство существующихъ на Москвѣ церквей принадлежатъ именно ко второй половинѣ XVII вѣка и къ началу XVIII. При этомъ памятники того времени получили особый обликъ, очень отличный отъ стиля группы Дьяковская церковь — Покровскій соборъ. Въ концѣ же XVI вѣка и втеченіе первой половины XVII преобладалъ, повидимому, шатровый типъ церквей, исчезающій въ Москвѣ послѣ первыхъ годовъ патріаршества Никона.

Имѣя въ виду закончить изслѣдованіе развитія церквей шатроваго стиля, мы на время оставимъ разсмотрѣніе памятниковъ другихъ направленій.

Само собой понятно, что ненормальный ходъ московской жизни въ смутное время долженъ былъ отразиться отрицательно какъ на числѣ строившихся церквей, такъ и на записяхъ объ ихъ постройкѣ; дѣйствительно, точныхъ свѣдѣній о годахъ сооруженія храмовъ этой эпохи у насъ мало, вслѣдствіе этого, при опре-

дѣленіи времени сооруженія церквей, приходится руководствоваться, главнымъ образомъ, характеромъ архитектуры самихъ памятниковъ, сопоставленіемъ ихъ съ образцами зодчества предшествующаго и послѣдующаго періодовъ, а также нѣкоторыми теоретическими соображеніями. Мы уже сказали, что преобладающимъ типомъ церквей этого времени является типъ шатровый, при чемъ тутъ же замѣтимъ, что его можно раздѣлить на двѣ довольно характерно обрисовывающіяся группы: одношатровые храмы и многошатровые. Такой группировки мы и будемъ придерживаться при описаніи памятниковъ первой половины XVII вѣка, не соблюдая той приблизительной хронологической послѣдовательности, которая была бы при этомъ возможна.

По словамъ П. М. Спегирева[1]), въ началѣ XVII вѣка на лѣвомъ берегу рѣки Неглинной стояла церковь во имя Преображенія Господня[2]). Она была построена въ 1623 году, и просуществовала до 1814 года, когда ее разобрали, вѣроятно, потому, что во время французскаго нашествія она сильно пострадала отъ огня.

Каковъ былъ планъ этой церкви — сказать теперь трудно; можно только, пользуясь рисункомъ Мартынова (рис. № 106), предположить, что главная часть храма была загромождена второстепеннымъ, вѣроятно, болѣе поздними, нежели ядро церкви. Этотъ рисунокъ указываетъ также, что верхи шатра церкви и колокольни были перестроены; очень вѣроятно, что до передѣлки шатеръ заканчивался точно такой же узкой восьмигранной шейкой съ окопцами, какая изображена на рисункѣ Мартынова, но самъ шатеръ, очевидно, былъ выше, и вѣнчавшая его луковичная главка врядъ ли имѣла такую придавленную форму.

Вся верхняя часть колокольни совершенно не вяжется съ ея средней и производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто она переставлена сюда съ какой-то другой церкви.

Несмотря, однако, на эти досадныя искаженія, общій характеръ церкви Преображенія ясенъ. Это было довольно большое и грузное зданіе, у котораго нижняя прямоугольная или квадратная часть переходила въ восьмерикъ на сравнительно небольшой высотѣ отъ поверхности земли. Восьмерикъ этотъ, тоже невысокій, заканчивался вверху грубымъ карнизомъ, состоявшимъ, во-первыхъ, изъ фриза, отдѣленнаго отъ свѣшивающейся части и отъ поля стѣнъ узкими полуваликами, и, во-вторыхъ, изъ свѣшивающейся части, которая имѣла такую же высоту, какъ фризъ, и заканчивалась вверху полуваликомъ. Гладкая поверхность свѣшивающейся части карниза была убрана маленькими кокошниками, совершенно неумѣстными и ясно указывавшими, что зодчій плохо понималъ сущность этого архитектурнаго мотива. Общія пропорціи шатра были непріятны — онъ

---

[1]) Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. А. Мартыновъ, 1851 годъ. Тетрадь 10, стран. 113.

[2]) По мѣсту своего нахожденія она называлась: «Преображеніе, что въ Копьѣ».

давилъ всѣ нижележащія части, несмотря на то, что послѣднія были сами по себѣ не изящны и не легки; ребра шатра были прикрыты широкими лопатками, а грани оставались гладкими, не скрашенными какою-нибудь отдѣлкой.

Церковь Преображенія что въ Копьѣ.

Рис. 106. По А. Мартынову.

Изъ сказаннаго можно заключить, что церковь Преображенія въ Копьѣ представляла собою одинъ изъ неудачныхъ образцовъ церквей шатроваго типа: это можетъ быть объяснено — если только вѣрна указываемая Снегиревымъ дата постройки — тѣмъ тяжелымъ временемъ, въ которое церковь строилась. Это былъ

десятый годъ царствованія Михаила Ѳеодоровича; Москва тогда еще не могла оправиться отъ пережитыхъ ею бѣдъ, и врядъ ли въ ней можно было отыскать въ то время много хорошихъ и опытныхъ зодчихъ.

Церковь Св. Ирины.

Рис. 107. По А. Мартынову.

Во дворѣ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ находится церковь Св. Ирины, вновь построенная въ 1871 году на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ она существовала въ началѣ XVII вѣка. Первоначальная церковь была за ветхостію разобрана въ 1842 году, а вновь построенная представляетъ собою точную ея копію, которую возможно было сдѣлать, благодаря рисунку, имѣющемуся въ изда-

пін Мартынова[1]), и чертежу Ф. Рихтера[2]). Къ несчастью, ни плана, ни разрѣза первопачальной церкви не сохранилось; но, пользуясь рисунками ея внѣшняго вида (рис. № 107), можно довольно близко представить себѣ и внутренній. Церковь стояла на высокомъ подклѣтѣ; главная ея часть представляла собою квадратъ, очевидно, безъ внутреннихъ пилоновъ, къ которому съ востока примыкала одна полуцпркульная апсида, а съ запада — трапеза. Послѣдняя первопачально не имѣла третьяго этажа, который былъ надстроенъ въ концѣ XVII столѣтія, на что указываютъ его колонки на кронштейнахъ и возвышающійся надъ нимъ парапетъ. Такимъ образомъ верхъ нижней, квадратной въ планѣ части церкви возвышался надъ трапезой; поверхъ карниза четверика шли кокошники, расположенные по два надъ каждой стѣной четверика. Непосредственно надъ кокошниками, то-есть безъ всякаго перехода, высплся восьмерикъ, стѣны котораго также увѣнчивались карнизомъ и кокошниками, по одному надъ каждой. Ребра стройнаго по пропорціямъ шатра были прикрыты полуваликами, которые, судя по рисунку Мартынова, имѣли мѣстами какіе-то фигурные перехваты. Каково было подножіе шейки главки, сказать въ настоящую минуту трудно. А. А. Потаповъ[3]) изображаетъ его на своемъ рисункѣ въ видѣ кольца маленькихъ кокошниковъ, что̀ очень характерно для конца XVI и начала XVII столѣтій; но А. Мартыновъ, рисунокъ котораго является копіей съ рисунка, исполненнаго съ натуры, трактуетъ эту деталь въ видѣ невысокой восьмигранной призмы, какъ бы надѣтой на шейку главки. Высота алтаря была значительно ниже средней части церкви; его вѣнчающій карнизъ находился немного выше, чѣмъ верхъ просвѣтовъ оконъ церкви и трапезы; освѣщался алтарь тремя окнами. Съ южной стороны къ церкви примыкалъ придѣлъ, надъ которымъ находилась трехпролетная звонница. Если отбросить южную пристройку, то по пріему композиціи разсматриваемый памятникъ представится типичнымъ образцомъ церковнаго московскаго зодчества конца XVI и начала XVII вѣка, и его можно признать за ту церковь, которую въ началѣ XVII вѣка поставилъ на своемъ дворѣ боярпнъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ[4]).

Въ 1675 году дворъ Стрѣшнева перешелъ къ отцу второй жены Алексѣя Михайловича[5]), для котораго царь «построилъ новыя каменныя палаты и возобновилъ при нихъ каменную церковь Ирины со звономъ»[6]). Однако, при этомъ возоб-

---

[1]) Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества, тетрадь первая.

[2]) Памятники древняго зодчества. Изданіе Ф. Рихтера. 1851 годъ, листъ LII.

[3]) Очеркъ древней русской гражданской архитектуры. Выпускъ первый, 1902 года. Таблица XI. Рисунокъ Потапова исполненъ по Мартынову и Рихтеру.

[4]) Свѣдѣнія о домовой церкви при Московскомъ главномъ архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Собраны И. Токмаковымъ. М. 1882 года.

[5]) Кириллу Полуэктовичу Нарышкину.

[6]) А. А. Потаповъ. Очеркъ древней русской гражданской архитектуры. Выпускъ первый, стран. 42.

новленіи внѣшній видъ церкви, очевидно, не измѣнился, такъ какъ верхъ ея остался шатровымъ, чего для новыхъ церквей въ то время уже не допускалось; кромѣ того, всѣ детали церкви указываютъ на начало XVII вѣка, а никакъ не на конецъ его. Дѣйствительно, углы церкви украшены довольно тяжелыми лопатками, заканчивающимися вверху капителями; капители эти были образованы раскреповками горизонтальной тяги, являвшейся продолженіемъ вѣнчающаго карниза трапезы. Выше этой тяги, на половинѣ разстоянія между нею и вѣнчающимъ карнизомъ, шла еще одна узкая тяга. Форма кокошниковъ — придавленная, размѣръ непропорціонально великъ, а профиль ихъ архивольтовъ слишкомъ плоскій. Ребра восьмерика были прикрыты лопатками, надъ которыми, вѣроятно, приходились раскреповки вѣнчающаго карниза восьмерика. Окна церкви и трапезы были украшены простыми прямоугольными наличниками съ прямолинейными фронтонами. Подклѣтъ отъ церкви отдѣлялся широкимъ поясомъ, который состоялъ изъ ряда ромбовъ, помѣщеннаго между двумя узкими тягами, и ряда квадратныхъ ширинокъ. Послѣднія получили особенно широкое примѣненіе въ серединѣ и концѣ XVII вѣка; поэтому на церкви Св. Ирины онѣ, быть-можетъ вначалѣ не существовали, а появились только послѣ ремонта, произведеннаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Вѣроятно, въ это же время были устроены контрфорсы у алтаря; что же касается прямоугольныхъ впадинъ на его верхней части, то онѣ характерны для начала XVII вѣка.

Сопоставляя всѣ эти уборныя части съ обычной декораціей шатровыхъ церквей XVI вѣка, мы не найдемъ въ нихъ ничего новаго; наоборотъ, онѣ такъ же, какъ и общій пріемъ композиціи всего храма, болѣе наивны и примитивны, нежели у лучшихъ шатровыхъ памятниковъ середины XVI вѣка; поэтому время постройки церкви, изображенной на рисункѣ Мартынова, безспорно, должно быть отнесено къ началу XVII вѣка[1]) — къ той смутной порѣ, когда нашимъ зодчимъ было мало дѣла и когда они, вслѣдствіе этого, сдѣлали какъ бы шагъ назадъ по сравненію съ тѣмъ, чего достигли ихъ предшественники.

Совершенную противоположность шатру церкви въ Коньѣ представляетъ собою верхъ церкви Свв. Зосимы и Савватія въ Троице-Сергіевой лаврѣ, построенный въ 1635—1637 годахъ[2]). Повидимому, за истекшія послѣ постройки церкви въ Коньѣ двѣнадцать лѣтъ московскіе зодчіе успѣли сильно двинуться впередъ — объ этомъ говорятъ не только общія пропорціи верха церкви соловецкихъ чудотворцевъ, но и художественная обработка большинства его деталей (рис. №№ 108 и 109). Дѣйствительно, какъ видно изъ прилагаемыхъ рисунковъ, углы верхней части восьмерика и его грани украшены широкими лопатками, которыя дѣлятъ

---

[1]) Какъ это полагаетъ А. А. Потаповъ, вопреки мнѣнію И. М. Снегирева, относящаго постройку церкви Св. Ирины къ царствованію Алексѣя Михайловича.

[2]) Памятники древняго русскаго зодчества. Изданіе Императорской Академіи Художествъ. Выпускъ третій, 1897 года.

каждую грань на двѣ вертикальныя полосы; благодаря этому верхняя часть восьмерика, въ сущности невысокая, кажется стройной. Немного выше середины восьмерикъ охваченъ мощнымъ, раскрепованнымъ на лопаткахъ, полувалом, который подчеркиваетъ верхнюю часть восьмерика, богато убранную прекрасно исполненными изразцами и играющую роль вѣнчающаго карниза, вѣрнѣе, пояса. Заканчивается восьмерикъ легкимъ карнизпкомъ; его простой профиль хорошо вяжется и съ лопатками, надъ которыми карпизпкъ раскрепованъ, и съ вѣнчающими восьмерикъ кокошниками. Послѣдніе расположены по два надъ каждой гранью восьмерика, благодаря чему вполнѣ гармонируютъ съ двойнымъ дѣленіемъ каждой его грани, и, кромѣ того, сами по себѣ производятъ прекрасное впечатлѣніе какъ своей стройной килевидной формой, такъ и умѣлой детализировкой архивольтовъ. Низъ верхней части восьмерика трактованъ не менѣе умѣло: такой же, какъ и вверху, сильный полувалъ отдѣляетъ отъ лопатокъ ихъ уширяющіеся книзу концы и продолжается на стѣнахъ такъ, что въ общемъ у послѣднихъ получается какъ бы цоколь, раскрепованный подъ лопатками. Но если низъ и верхъ восьмерика скомпанованы вполнѣ архитектурно и художественно, то этого нельзя сказать объ уборныхъ мотивахъ его средней части. Дѣйствительно, расположенныя на діагональныхъ граняхъ окна перерѣзаютъ ихъ среднія лопатки, а наличники окопъ, вмѣсто того чтобы опираться на полувалъ цоколя, какъ бы перевернуты нижней частью вверхъ и подвѣшены за базы къ полувалу пояса; точно такое же висячее положеніе имѣютъ и кіотцы, размѣщенные на лицевыхъ граняхъ восьмерика. Этотъ пріемъ, несмотря на свою живописность и мастерски скомпанованныя мелкія детали, идетъ въ разрѣзъ съ архитектурной логикой

Шатеръ церкви Свв. Зосимы и Савватія.

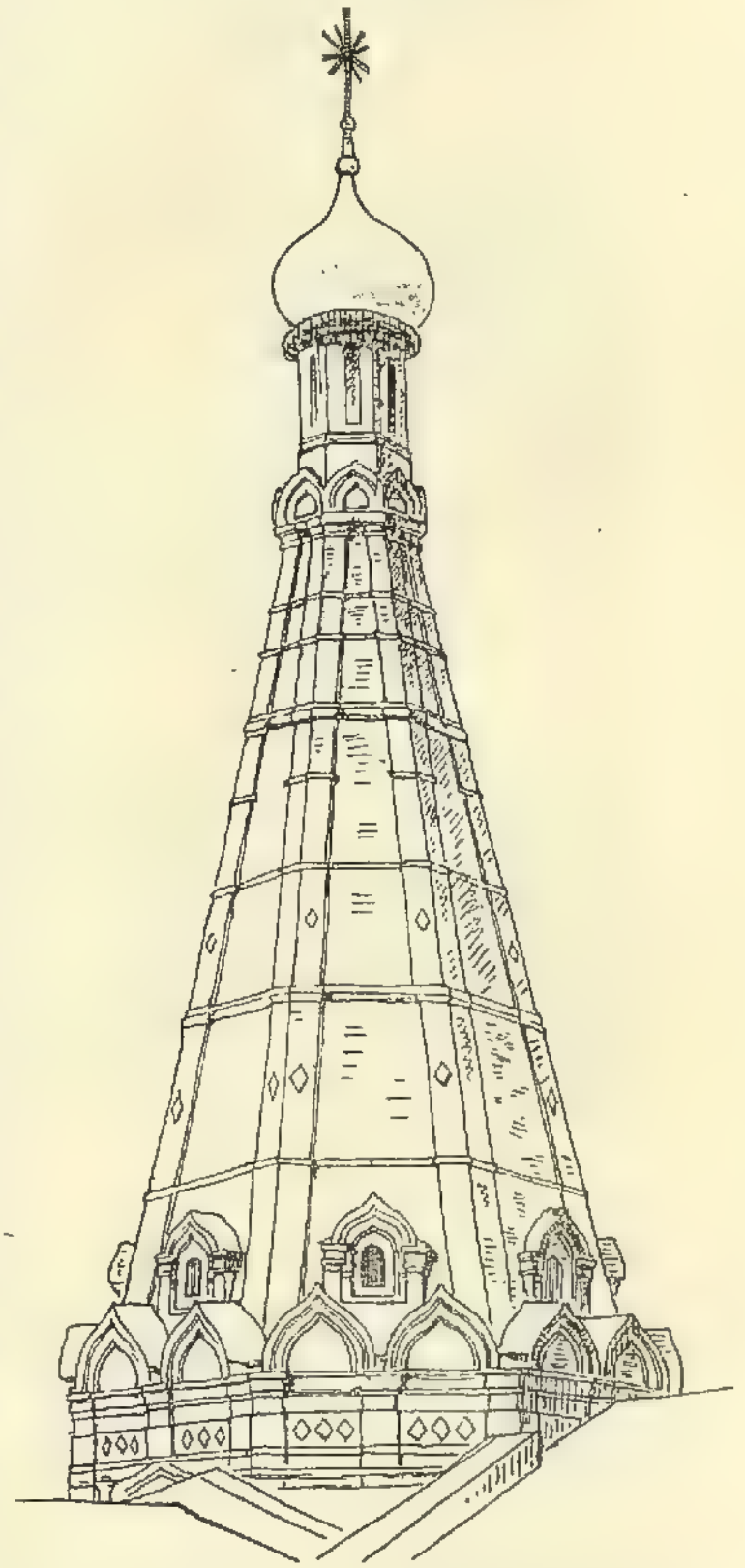
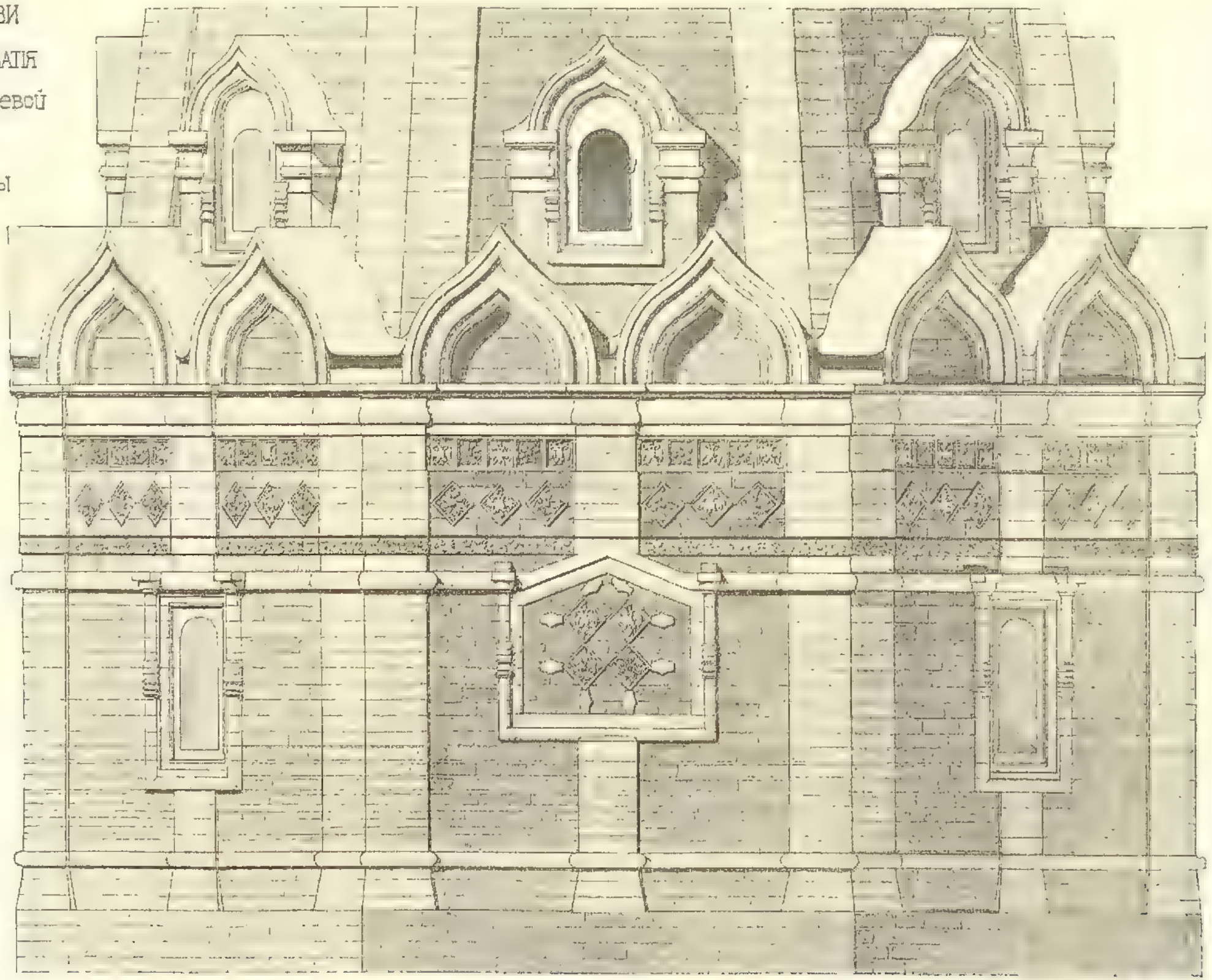


Рис. 108. По В. Суслову.

ДЕТАЛЬ ЦЕРКВИ
ЗОСИМЫ И САВВАТІЯ
въ Троице-Сергіевой
лаврѣ,
близъ Москвы



ВЫПОЛНЯЛЪ
СЪ
НАТУРЫ
С Соловьевъ

Рис. 109.

и, конечно, не можетъ быть отнесенъ къ высокой ступени искусства; наоборотъ, онъ очень близокъ къ формамъ упадка. Аналогичной съ очельями оконъ представляется и композиція слуховъ шатра; однако здѣсь ея нелогичность можно замѣтить только на чертежѣ, въ натурѣ же она замаскирована верхами кокошниковъ, благодаря чему слухи производятъ въ общемъ хорошее впечатлѣніе, обусловливаемое также ихъ пропорціональностью и благородствомъ деталей. Что же касается шатра, а также главки и ея шеи, то они какъ по общему характеру, такъ и по деталямъ очень похожи на медвѣдковскіе; отличіе заключается только въ богатствѣ деталей: шатеръ церкви Зосимы и Савватія раздѣленъ по высотѣ семью тягами, охватывающими его кругомъ, тогда какъ шатеръ Медвѣдковской церкви имѣетъ перехваты только на лопаткахъ реберъ; перехватовъ этихъ всего два, и расположены они въ нижней части шатра.

Размѣры всего верха церкви Свв. Зосимы и Савватія очень значительны, и это обстоятельство еще болѣе подчеркиваетъ мастерство зодчаго, сумѣвшаго придать своему произведенію столько изящества и пропорціональности.

Всѣ три разсмотрѣнныя нами церкви — одношатровыя; однако пріемъ этотъ въ интересующую насъ теперь эпоху былъ не единственнымъ: на ряду съ нимъ строились и многоверхіе храмы; примѣромъ такого типа построекъ XVII вѣка можетъ служить церковь въ подмосковномъ селѣ Троицкомъ-Голенищевѣ, находящемся между горами Поклонною и Воробьевыми.

Точное время постройки этой церкви неизвѣстно, но, судя по ея шатровымъ верхамъ, она должна быть отнесена къ первой половинѣ XVII вѣка, до патріарха Никона, когда высшая духовная власть еще не поднимала вопроса о непристойности этой архитектурной формы для православныхъ храмовъ.

Въ сравненіи съ только что разсмотрѣнными тремя памятниками размѣры Троицкой церкви довольно велики: ея центральная, квадратная въ планѣ, часть имѣетъ въ поперечникѣ почти четыре сажени, а длина всего храма отъ наружной стѣны западной паперти до наиболѣе выдающейся точки алтаря равняется девяти саженямъ и двумъ аршинамъ.

Первоначальная форма плана Троицкой церкви имѣла много общихъ чертъ съ планомъ верхняго яруса храма въ селѣ Медвѣдковѣ (рис. № 110). Разница замѣтна только въ числѣ, формѣ и размѣщеніи алтарныхъ апсидъ; въ Медвѣдковской церкви ихъ пять, здѣсь же ихъ всего три, такъ какъ главная часть храма заканчивается не тремя апсидами, а только одной, при чемъ ея криволинейная часть ограничена дугой, очень большого радіуса. Алтари двухъ придѣловъ имѣютъ полуциркульную форму и выдаются къ востоку почти на одну линію съ алтаремъ главнаго храма, тогда какъ въ Медвѣдковской церкви алтари придѣловъ значительно сдвинуты къ западу. Что же касается ходовыхъ папертей, то онѣ въ обѣихъ церквахъ расположены совершенно одинаково, и какъ въ томъ,

такъ и въ другомъ случаѣ ихъ восточные концы замыкаются съ обѣихъ сторонъ церкви алтарями небольшихъ придѣловъ.

Вѣроятно, спустя немного времени послѣ постройки Троицкой церкви, къ ея сѣверной паперти была сдѣлана пристройка, при чемъ въ стѣнѣ паперти былъ устроенъ широкій[1]) пролетъ, такъ что въ общемъ передъ сѣвернымъ придѣломъ образовалась довольно обширная трапеза.

Внутренній видъ Троицкой церкви съ архитектурной точки зрѣнія не представляетъ какихъ-либо интересныхъ особенностей, поэтому обратимся къ ея внѣшнему виду, замѣтивъ предварительно, что подклѣта въ этомъ памятникѣ не существуетъ, а только подъ сѣвернымъ его придѣломъ и трапезой находятся довольно глубокіе подвалы.

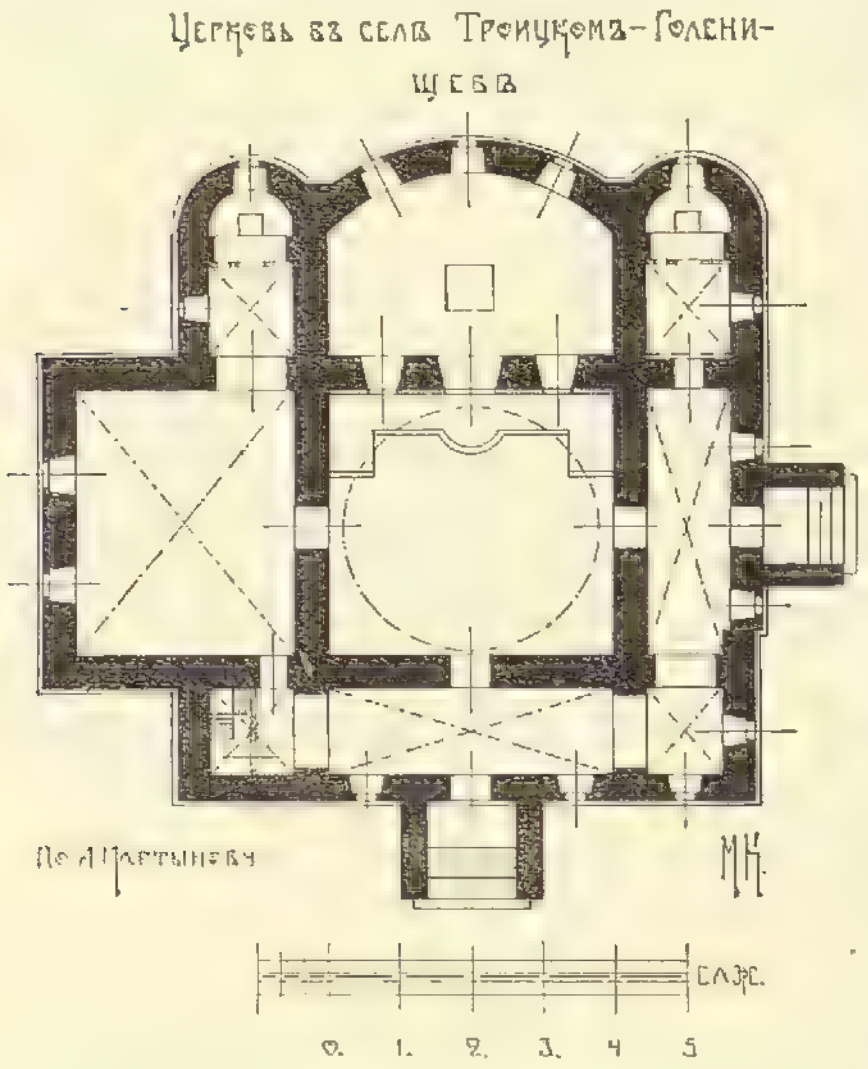


Рис. 110.

Насколько планъ Троицкой церкви пропорціоналенъ, настолько внѣшній ея видъ не отвѣчаетъ условіямъ краснаго соотношенія объемовъ главныхъ массъ. Какъ видно изъ рисунка № 111, не только всѣ главныя части этого памятника, но и большинство второстепенныхъ отличается грузностью, что въ общемъ придаетъ ему приземистый, расползшійся въ ширину видъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя лопатки, дѣлящія каждую стѣну четверика главной массы, сами по себѣ пропорціональны, но онѣ кажутся придавленными вѣсомъ тяжелыхъ кокошниковъ; переходъ отъ четверика къ восьмерику скомпанованъ неудачно и недостаточно развитъ по высотѣ; вслѣдствіе этого грузные восьмерикъ и шатеръ производятъ впечатлѣніе осѣвшихъ, вдавленныхъ между кокошниками четверика. Шатеръ въ настоящее время не имѣетъ первоначальной отдѣлки, что сильно его безобразитъ; вѣроятно, и въ первоначальномъ видѣ онъ не могъ производить благопріятнаго впечатлѣнія, такъ какъ второстепенными деталями нельзя скрыть его общей тяжеловатой формы.

Говорить о деталяхъ главной части церкви при общей ея непропорціональности довольно трудно, — онѣ теряются въ неблагопріятномъ цѣломъ; поэтому

---

[1]) Четыре съ лишнимъ сажени.

отмѣтимъ только значительный вынось и высоту вѣнчающаго карниза восьмерика, его модульоны и, наконецъ, зубчики, скрашивающіе свѣсъ архитрава надъ впа-

Церковь Троицы въ Голеницевѣ.

Рис. 111. По А. Мартынову.

динами между угловыми лопатками восьмерика. Всѣ эти детали недурно скомбинированы, и способствовали бы хорошему впечатлѣнію цѣлаго при болѣе удачномъ соотношеніи его основныхъ массъ. Къ сѣверо и юго-восточнымъ угламъ

средняго восьмерика примыкаютъ двѣ башни, ясно выражая внутреннее размѣщеніе придѣловъ, такъ что по внѣшнему виду Троицкую церковь нужно отнести къ типу Покровскаго собора, въ которомъ одинъ храмъ какъ бы сгруппированъ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ зданій. Общій складъ этихъ двухъ башенъ хорошъ: взятыя отдѣльно, онѣ пропорціональны; но отъ тѣсной связи съ тяжеловѣсной главной частью церкви и съ тремя приземистыми апсидами башни эти проигрываютъ и кажутся перенесенными сюда случайно, несмотря на общность детальной ихъ отдѣлки съ уборными мотивами главной части храма. При подробномъ обзорѣ деталей этихъ башенъ обращаетъ на себя вниманіе неудачный переходъ отъ нижнихъ, квадратныхъ въ планѣ частей къ восьмерикамъ: фронтоны; заканчивающіе стѣны четвериковъ, плохо вяжутся съ низами восьериковъ; чувствуется отсутствіе необходимыхъ здѣсь переходныхъ мотивовъ, то-есть тотъ же недостатокъ, что и у главной части церкви. Надъ вѣнчающими карнизами восьериковъ, скомпанованными аналогично съ карнизомъ главнаго восьерика, расположены дуговые, съ плоскимъ профилемъ кокошники; вѣроятно, такіе же кокошники существовали первоначально и у подножія большого шатра, чѣмъ можно объяснить значительность выноса его полицы (карниза восьерика). Ребра малыхъ шатровъ украшены плоскими и широкими утолщеніями, а грани прорѣзаны слухами, обрамленными простыми, но довольно изящными наличниками съ вѣнчающими ихъ кокошниками.

Шейки всѣхъ трехъ главокъ аналогичны съ шейкой церкви Св. Ирины, но представляютъ ту особенность, не встрѣчавшуюся намъ у памятниковъ предыдущаго столѣтія, что украшающіе ихъ кокошники расположены не у основанія шеекъ, а приподняты надъ нимъ, вслѣдствіе чего получается впечатлѣніе, будто они надѣты на шейки и поддерживаются снизу узенькими карнизами, которые придаютъ серединамъ шеекъ бо́льшую толщину сравнительно съ ихъ низомъ.

Въ обработкѣ алтарей и ходовыхъ папертей обращаетъ на себя вниманіе цоколь; онъ состоитъ изъ двухъ частей: нижней — гладкой, сдѣланной изъ бѣлаго камня, и верхней — кордона, образованнаго нѣсколькими рядами лекальнаго кирпича. Окна не имѣютъ наличниковъ; вѣроятно, они прежде существовали, но впослѣдствіи были стесаны. Крыши алтарей и папертей, очевидно, имѣли другую форму; это можно заключить по восточнымъ окнамъ башенъ, полузакрытымъ теперь высокими коническими крышами малыхъ алтарей. Надъ пересѣченіемъ сѣверной и западной папертей возвышается шатровая колокольня, высота которой почти одинакова съ восточными башнями.

Изъ сдѣланнаго описанія церкви въ селѣ Троицкомъ видно, что при композиціи ея фасадовъ зодчій заботился только о соотвѣтствіи между послѣдними и внутреннимъ распорядкомъ храма, а не о соблюденіи симметріи; въ противномъ случаѣ онъ сдѣлалъ бы надъ юго-западнымъ угломъ церкви еще одинъ шатровый

верхъ — пятый. Намъ кажется, что поставить зодчему въ вину отсутствіе пятаго верха нельзя, такъ какъ художественное достоинство всякаго архитектурнаго произведенія заключается не въ строгой симметріи его составныхъ частей, а въ полномъ соотвѣтствіи между внутреннимъ смысломъ зданія и его внѣшнимъ видомъ.

Несмотря на всѣ указанные недостатки Троицкой церкви, она интересна въ томъ отношеніи, что является, если не считать Дьяковской, единственнымъ памятникомъ московскаго каменнаго зодчества, въ композиціи котораго можно замѣтить общность съ основной идеей Покровскаго собора. Конечно, строители Троицкой церкви не располагали ни такими средствами, какія были у Посника и Бармы, ни ихъ архитектурнымъ талантомъ; тѣмъ не менѣе ясно, что по мѣрѣ силъ и возможности они стремились приблизиться къ своему идеалу — Покровскому собору.

Стоя особнякомъ отъ одношатровыхъ церквей XVII вѣка, Троицкая церковь одновременно съ этимъ представляетъ какъ бы соединительное звено съ тѣми особаго типа многоверхими шатровыми церквами, которыя намъ теперь предстоитъ разсмотрѣть.

На мѣстѣ храма Христа-Спасителя до 1873 года находилась церковь женскаго Алексѣевскаго монастыря, построенная, повидимому, въ 1625 году. Правда, подъ 1514 годомъ лѣтопись говоритъ о построеніи въ Алексѣевскомъ монастырѣ каменной церкви и называетъ даже ея строителя — Алевиза Фрязина[1]); однако видѣть въ существовавшей до 1837 года шатровой церкви ту же самую, которую построилъ Алевизъ, конечно, нельзя, тѣмъ болѣе, что въ Исторіи Россійской Іерархіи (III т.) имѣется указаніе на перестройку каменной церкви Алексѣевскаго монастыря при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (1625 г.). Очевидно, что ветхая постройка Алевиза сильно пострадала въ годы московской розрухи, и церковь была или построена вновь, или, по крайней мѣрѣ, подверглась серіозному ремонту. Во всякомъ случаѣ, первоначальный верхъ храма не уцѣлѣлъ, такъ какъ шатровые его верхи, дожившіе до 1837 года, никоимъ образомъ не могли быть произведеніемъ Алевиза, а были построены или въ концѣ XVI, или въ началѣ XVII вѣка.

Къ сожалѣнію, намъ ничего неизвѣстно о томъ, были ли при разборкѣ церкви въ 1837 году сдѣланы чертежи плана и разрѣза, и если да, то гдѣ они находятся. По этимъ чертежамъ можно было бы выяснить, къ какому времени относились ея различныя части, сдѣлать же это по рисунку западнаго фасада, имѣющемуся въ изданіи Мартынова, положительно невозможно, такъ какъ онъ позволяетъ только догадываться о формѣ плана погибшаго памятника старины. Попытаемся

---

[1]) «Въ лѣто 7022 (1514), ... тоя же весны ... повелѣ заложити и дѣлати церкви каменныа и кирпичныа на Москвѣ: на Большомъ посадѣ за торгомъ церковь Введеніе святыа Богородица ... да церковь Алексѣй человѣкъ Божій въ дѣвичи монастыри за черторьею. ... а всѣмъ тѣмъ церквамъ былъ мастеръ Алевизъ Фрязинъ». Пол. Собр. Рус. Лѣтоп. томъ VIII, стран. 254—55. (Воскресенская лѣтопись).

это сдѣлать. Изъ-за низкой паперти виденъ щипецъ широкой, но, вѣроятно, узкой трапезы, надъ которой высятся два шатровыхъ верха, стоящихъ надъ невысокой прямоугольной частью храма, повидимому, сильно вытянутой по направленію сѣверъ-югъ (рис. № 112). Эта часть храма была, вѣроятно, главной, и къ ней примыкали съ востока алтарныя апсиды. Лицевыя грани шатровыхъ верховъ не представляютъ продолженія стѣнъ храма; другими словами, стѣны ихъ восьмериковъ должны были опираться либо на своды храма, либо опорою для нихъ служили восемь пилоновъ, расположенныхъ двумя группами. Послѣдній пріемъ — установка шатроваго верха на 4 столбахъ былъ очень распространенъ въ грузино-армянскомъ зодчествѣ, у насъ же, насколько можно судить по сохранившимся памятникамъ, вовсе не практиковался. Однако въ данномъ случаѣ очень возможно, что онъ имѣлъ мѣсто. Дѣйствительно, если предположить, что часть Алевизовой постройки уцѣлѣла, а она, по всѣмъ вѣроятіямъ, должна была имѣть планъ византійскаго типа, то сохранившимися послѣ смутнаго времени четырьмя столбами могли воспользоваться для возведенія надъ ними одного шатра; точно такъ же могли оставить и уцѣлѣвшія къ нимъ съ сѣвера или юга еще такую же часть, какъ сохранившаяся, получили длинную восьмистолпную церковь, надъ которой возвышалось два шатра. Намъ кажется, что въ сдѣланномъ нами предположеніи нѣтъ ничего невозможнаго; если же весь храмъ при Михаилѣ Осодоровичѣ былъ построенъ сызнова, то-тогда нужно предположить, что шатры стояли на лотковомъ сводѣ, какъ это было въ другихъ церквахъ такого типа. Вотъ какимъ могъ быть внутренній видъ Алексѣевской церкви; что же касается ея наружнаго вида, то, оставляя въ сторонѣ паперть и трапезу, какъ представляющія собою, повидимому, болѣе поздніе

Церковь Алексѣевскаго монастыря.

Рис. 112. По А. Мартынову.

вокругъ этихъ столбовъ стѣны, и, пристроивъ

пристройки, можно говорить только о шатровыхъ верхахъ, такъ какъ изъ остальныхъ частей самой церкви на рисункѣ виденъ одинъ лишь уголъ, обработанный крайне бѣдно.

Оба шатра, какъ по пропорціямъ, такъ и по детальной ихъ обработкѣ, совершенно одинаковы. Какъ видно изъ рисунка, общій силуэтъ каждаго верха производитъ пріятное впечатлѣніе, но детали уборныхъ мотивовъ слишкомъ наивны и скомпанованы далеко не удачно. Углы восьмерика не украшены обычными въ такихъ случаяхъ лопатками, придававшими имъ такой прочный, конструктивный видъ; грани убраны двойными впадинами, между мелкообломными рамками которыхъ оставлена широкая полоса; наличникъ круглаго окна, какъ это видно на сѣверномъ верхѣ, пересѣкаетъ верхнюю тягу внутренней рамки. Карнизовъ у восьмериковъ въ сущности нѣтъ, такъ какъ на ихъ мѣстѣ видна узенькая тяга, подъ которой помѣщенъ рядъ широко разставленныхъ зубчиковъ. Вслѣдствіе бѣдности формъ тяги эти кажутся слишкомъ хрупкими, чтобы служить опорою для рядовъ полуциркульныхъ съ плоскимъ профилемъ кокошниковъ. Однако послѣдніе по отношенію къ высотѣ шатра вполнѣ пропорціональны. Наличники щелевидныхъ слуховъ чрезмѣрно вытянуты и очень бѣдны по формамъ. Что же касается луковичныхъ главокъ, то онѣ вмѣстѣ съ восьмигранными шейками и двумя рядами маленькихъ кокошниковъ, расположенныхъ у основанія послѣднихъ, производятъ очень благопріятное впечатлѣніе.

Изъ сказаннаго о церкви Алексѣевскаго монастыря видно, что она является представительницею особаго, еще не встрѣчавшагося намъ типа шатровыхъ церквей, отличительную черту которыхъ составляютъ два рядомъ стоящіе шатровыхъ верха, помѣщенные надъ главной частью церкви, при чемъ эта послѣдняя имѣетъ въ планѣ прямоугольную форму, сильно вытянутую по направленію сѣверъ-югъ.

Къ такому же типу относится и церковь Рождества въ Путникахъ. Прежде чѣмъ говорить о времени постройки этого интереснаго памятника сдѣлаемъ краткій его очеркъ. Какъ видно изъ рисунка № 113, церковь въ Путникахъ состоитъ изъ основнаго ядра (А.), къ которому примыкаютъ второстепенныя части. Первое представляетъ въ планѣ вытянутый прямоугольникъ, восточная стѣна котораго прорѣзана тремя пролетами, ведущими въ апсиды. Послѣднія имѣютъ въ общихъ чертахъ прямоугольную форму, такъ какъ восточныя ихъ стѣны очерчены настолько плоскими дугами, что ихъ въ натурѣ трудно отличить отъ прямыхъ, въ особенности изнутри церкви. Сѣверная апсида раздѣлена глухою поперечной стѣной, отдѣляющей ризницу отъ жертвенника, а въ южной апсидѣ находится придѣлъ Николая Чудотворца.

Къ сѣверо-западному углу главной части церкви примыкаетъ придѣлъ Неопалимой Купины(Б.); наружныя стѣны этого придѣла образуютъ прямоугольникъ, а двѣ внутреннія дѣлятъ его на церковь, алтарь и тайникъ. Въ наружномъ

сѣверо восточномъ углу, образуемомъ главной частью храма и придѣломъ, находится начало лѣстницы, ведущей на колокольню[1]); послѣдняя имѣетъ въ планѣ форму квадрата и возвышается частью надъ тайникомъ, частью же надъ алтаремъ придѣла (рис. № 114). Съ юго-запада къ главной церкви пристроена трапезная (В.), большое прямоугольное въ планѣ помѣщеніе, въ серединѣ котораго находится массивный квадратный столбъ. Наконецъ, уголъ между главною церковью и трапезной заполненъ алтарной апсидой придѣла во имя Ѳеодора Тирона.

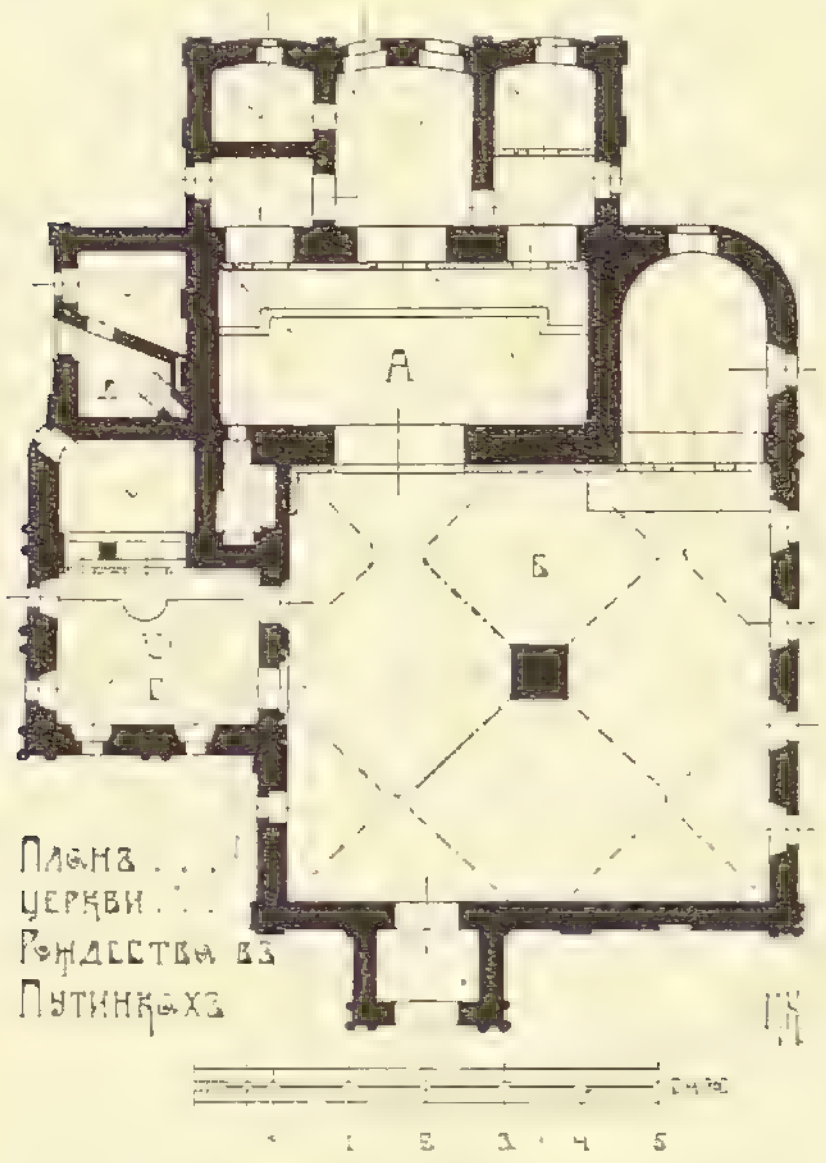


Рис. 113.

Изъ сдѣланнаго описанія и чертежа плана церкви въ Путинкахъ ясно видно, что она представляетъ собою группу зданій, обра-

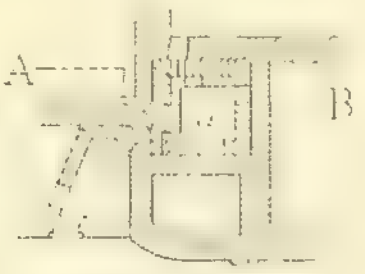


Рис. 114.

зовавшуюся отъ разновременныхъ пристроекъ къ основному храму во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. Не останавливаясь пока на выясненіи времени пристроекъ, а также оставляя временно въ сторонѣ вопросъ о томъ, какія части храма слѣдуетъ считать пристройками, перейдемъ къ обзору его внутренняго вида, и при этомъ замѣтимъ, что при неоднократныхъ ремонтахъ, церковь Рождества въ Путинкахъ совершенно утеряла внутри видъ древняго зданія — благодаря усердію причта и прихожанъ здѣсь все замазано масляной краской, блескъ и свѣтлые, пошлые тона которой свели на нѣтъ прежнюю уютность церкви.

Прямоугольная часть церкви Рождества Пресвятыя Богородицы сложена изъ кирпича большого размѣра[2]) и имѣетъ значительную высоту а именно 10 аршинъ, считая отъ уровня пола до пятъ свода (рис. № 115). Сводъ этотъ имѣетъ

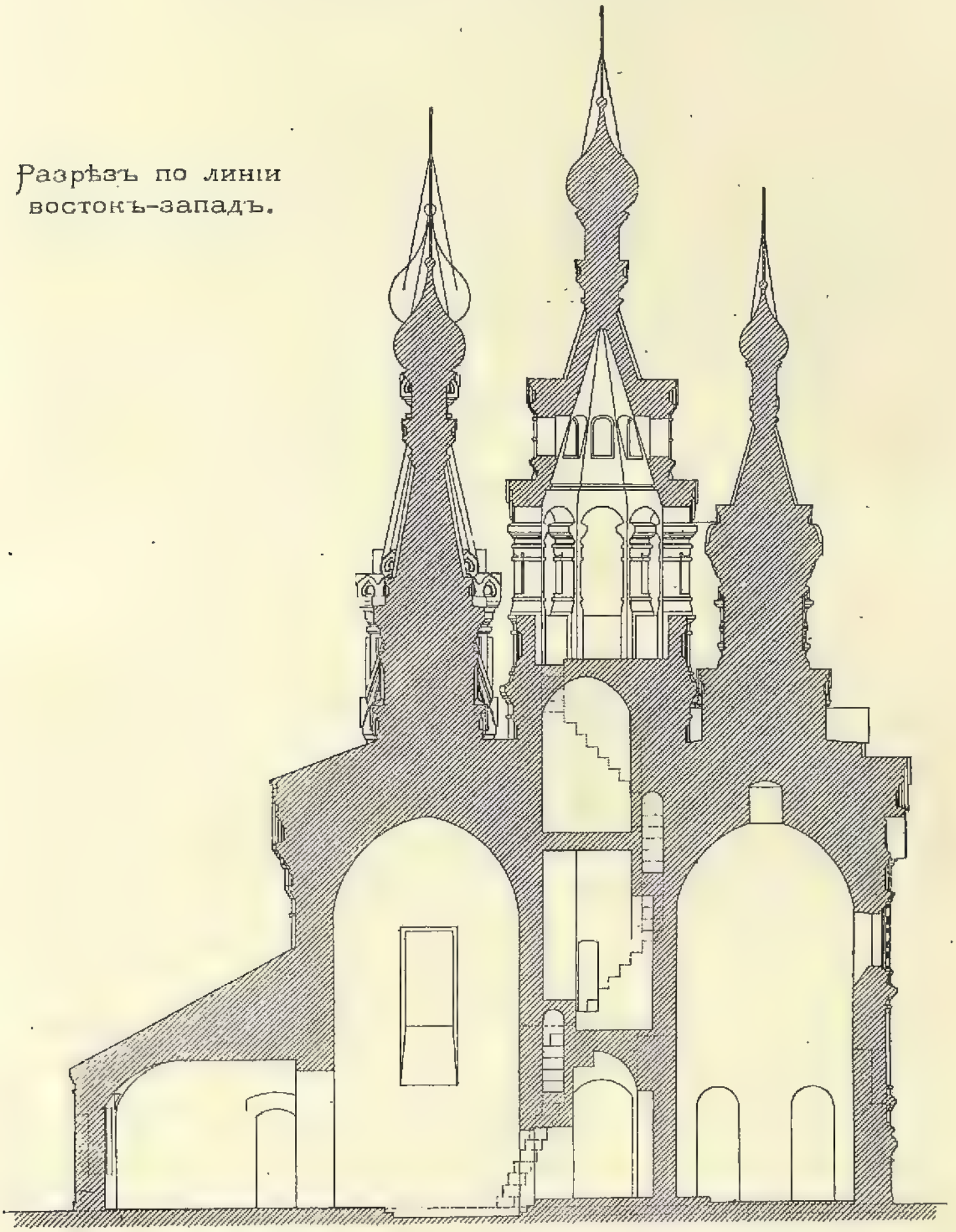
---

[1]) Первоначально этотъ уголъ былъ наружнымъ; впослѣдствіи же онъ былъ заполненъ прямоугольной пристройкой, которая раздѣлена наискось стѣнкой, отдѣляющей сѣни лѣстницы отъ сторожки.

[2]) Вѣсъ кирпича въ среднемъ около 25 фунтовъ.

Церковь Рождества въ Путинкахъ.

Разрѣзъ по линіи востокъ-западъ.



метры *metres*

Рис. 115. По С. Соловьеву.

лотковую форму, а въ поперечномъ разрѣзѣ-стрѣльчатую, очень близкую къ полуциркульной, и служитъ основаніемъ для трехъ глухихъ шатровыхъ верховъ. Церковь освѣщается двумя большими, очевидно растесанными, окнами, размѣщенными въ коротких стѣнахъ. Подъ церковью Рождества Пресв. Богородицы нѣтъ ни подклѣта, ни подваловъ: ея полъ возвышается надъ поверхностью почвы всего на одну ступень. Алтарныя апсиды въ сравненіи съ самой церковью очень низки — высота ихъ равняется всего пяти съ четвертью аршинамъ; всѣ три апсиды покрыты цилиндрическими сводами заканчивающимися съ востока вырѣзками сферическихъ сводовъ. Придѣлъ Неопалимой Купины почти одинаковъ по высотѣ съ главной церковью; онъ освѣщается двумя рядами оконъ и крытъ сомкнутымъ сводомъ, надъ шелыгой котораго возвышается шатровый верхъ. Первоначально шейка шатра не была глухая; на это указываютъ имѣющіяся въ ней окна и круглое отверстіе въ шелыгѣ свода, черезъ которое видна цилиндрическая часть шейки, заглушенной на высотѣ одного съ небольшимъ аршина. Высота алтаря этого придѣла и форма производящей кривой его свода такія же, какъ и у главной части церкви. Подъ придѣломъ, по словамъ И. М. Снегирева[1]), помѣщается подвалъ, куда вела дверь, находившаяся въ западной стѣнѣ; въ настоящее время дверь эта заложена.

Нижняя часть колокольни, поставленной, какъ мы уже сказали, на тайникъ и алтарь придѣла Неопалимой Купины, раздѣлена по высотѣ пополамъ, вслѣдствіе чего въ ней получились двѣ небольшія полатки, двери которыхъ ведутъ на лѣстницу; марши послѣдней находятся въ толщѣ стѣнъ. Верхняя же часть колокольни, звонъ, образована восемью столбами, надъ которыми высится открытый изнутри шатеръ съ однимъ рядомъ слуховъ; луковичная главка колокольни помѣщена на тонкой глухой шейкѣ и доминируетъ надъ всѣми остальными главками церкви. Высота трапезной не велика; покрыта она тремя цилиндрическими сводами со сферическими распалубками, опирающимися на стѣны и центральный столбъ.

Переходя къ обзору внѣшняго вида церкви замѣтимъ, что высокая крыша трапезной закрываетъ въ настоящее время западныя окна главной части церкви и южныя окна придѣла Неопалимой Купины; въ виду этого мы будемъ пользоваться чертежомъ С. Соловьева[2]) (рис. № 116), на которомъ западный фасадъ памятника изображенъ безъ трапезной[3]). Начнемъ съ главной части. Ея простой цоколь поднимается надъ землей очень невысоко и раскрепованъ подъ лопатками,

---

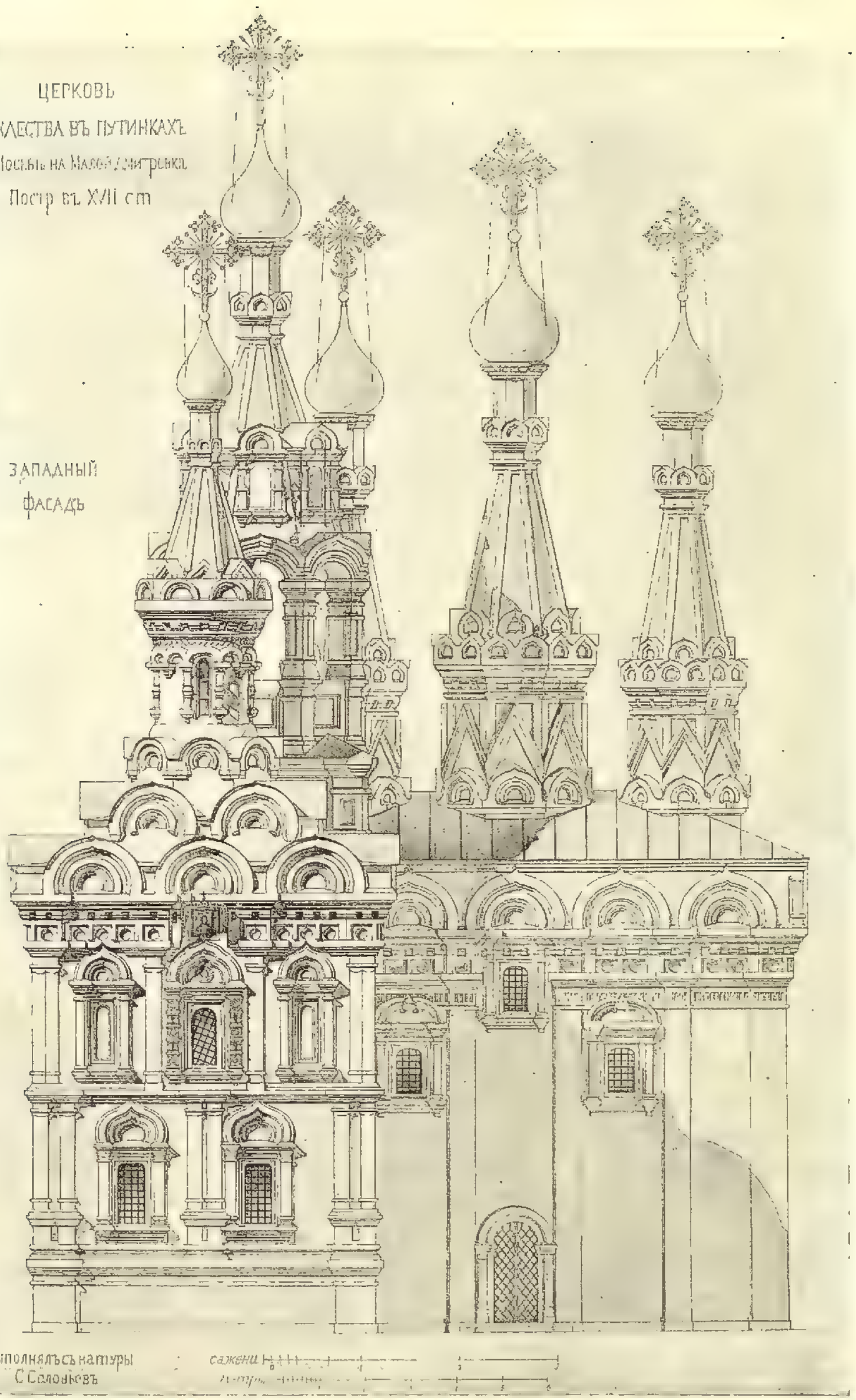
[1]) Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества, А. Мартыновъ. 1851 годъ. Тетрадь 9, стран. 92.

[2]) Памятники древняго русскаго зодчества. Изд. Имп. Академіи Художествъ. Вып. 7, табл. 3.

[3]) Чертежъ исполненъ С. Соловьевымъ съ натуры, при чемъ исчезнувшій въ недавнее время наличникъ двери дополненъ по рисунку О. Рихтера, хранящемуся въ библіотекѣ Имп. Академіи Художествъ.

ЦЕРКОВЬ
РОЖДЕСТВА ВЪ ПУТИНКАХЪ
Въ Москвѣ на Малой Дмитровкѣ
Постр въ XVII ст

ЗАПАДНЫЙ
ФАСАДЪ



Выполнялъсъ натуры
С Соловьевъ

которыхъ на длинныхъ стѣнахъ размѣщено по шести, а на короткихъ по четыре (рис. № 117). Никакихъ горизонтальныхъ тягъ на стѣнахъ нѣтъ, поэтому единственнымъ ихъ украшеніемъ, если не считать лопатокъ, служатъ наличники оконъ и обрамленіе западной двери; какъ видно изъ рисунка № 116 характеръ послѣдняго очень простъ и по своимъ формамъ онъ можетъ быть отнесенъ къ началу или къ серединѣ XVII вѣка; что же касается первыхъ, то есть оконныхъ наличниковъ, то ихъ «выгрызенные» дуговые фронтоны, безспорно относятся къ концу этого столѣтія. На болѣе позднее происхожденіе оконныхъ наличниковъ указываетъ и то обстоятельство, что ихъ фронтонами пересѣкаются нижнія тяги вѣнчающаго карниза. Вглядываясь въ послѣдній легко замѣтить, что по сравненію съ карнизомъ Неопалимой Купины онъ является болѣе богатымъ, такъ какъ въ немъ имѣется лишняя часть, а именно поясъ поребрика, котораго въ карнизѣ придѣла нѣтъ. Поясъ этотъ отдѣленъ отъ поля стѣнъ тоненькимъ полуваликомъ, раскрепованнымъ надъ лопатками подобно всѣмъ вышележащимъ частямъ карниза; замѣтимъ при этомъ, что раскреповки всѣхъ верхнихъ частей карниза, начиная съ пояса ширинокъ, сдвинуты въ сторону и оси ихъ не совпадаютъ съ осями лопатокъ. Это объясняется желаніемъ зодчаго, компановавшаго вѣнчающій карнизъ, сдѣлать кокошники одинаковаго размѣра и одинаковой формы, несмотря на то, что разстояніе между лопатками не вездѣ одинаковы.

Что касается деталей карниза и кокошниковъ, то хотя онѣ и не представляютъ для насъ новыхъ формъ, но благородный и тонкій характеръ детализировки тягъ и кокошниковъ сильно отличается отъ грубоватыхъ деталей всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами церквей XVII вѣка, за исключеніемъ только детальныхъ формъ церкви Зосимы и Савватія. Интереснымъ подробностями являются листообразныя углубленія, украшающія впадины ширинокъ, и трехчетвертные валы, которые сильно выступаютъ впередъ изъ ряда другихъ обломовъ, принадлежащихъ профилямъ кокошниковъ, и мѣшаютъ тѣмъ самымъ появленію слишкомъ глубокихъ тѣней на впадинахъ послѣднихъ.

Между кокошниками видна невысокая стѣнка, заканчивающаяся узенькимъ карнизикомъ, являющимся по предположенію В. В. Суслова[1]) слѣдствіемъ позднѣйшей передѣлки, тогда какъ прежде надъ нижнимъ рядомъ кокошниковъ по своду шелъ второй ихъ рядъ; предположеніе это, повидимому, вѣрно, такъ какъ существующая теперь четырехскатная крыша закрываетъ низы шатровыхъ верховъ, чего при покрытіи по двумъ рядамъ кокошниковъ, конечно не было бы.

Средній верхъ церкви немного выше двухъ боковыхъ, но архитектурное убранство у всѣхъ трехъ одинаково; относительно архитектурныхъ формъ этого убранства можно сказать то же самое, что и о деталяхъ карниза, то есть что всѣ

---

[1]) Памятники древняго русскаго зодчества. Изд. Имп. Академіи Художествъ. Вып. 7, табл. 3.

Церковь Рождества въ Путинкахъ.

Сѣверный фасадъ.

сажени. 0 1 2 3 4 5 *зарепъ.*

По С. Соловьеву.

Рис. 117.

примѣненные здѣсь архитектурные мотивы встрѣчались намъ въ другихъ московскихъ памятникахъ какъ XVII, такъ и предшествующаго вѣка, съ тою лишь разницей, что ихъ деталировка не отличалась такимъ совершенствомъ. Правда, вмѣстѣ съ этимъ нѣсколько измѣнилась сама форма отдѣльныхъ мотивовъ убранства, но во всякомъ случаѣ не настолько, чтобы въ нихъ нельзя было узнать ближайшихъ ихъ предшественниковъ. Такъ, напримѣръ, кокошники шатровъ церкви въ Путникахъ имѣютъ общую форму, близкую къ $^3/_4$ круга, съ чуть замѣтнымъ подвышеніемъ[1]), а ихъ наружные (плоскіе) обломы мѣстами[2]) сливаются, образуя одну плоскость, которая ограничена вверху килевыми кривыми и въ которую какъ бы вдавлены остальные обломы кокошниковъ. Концы раскосовъ не упираются въ полицы, какъ на Покровскомъ соборѣ, но, смыкаясь другъ съ другомъ, какъ бы висятъ въ воздухѣ, вслѣдствіе чего эти раскосы окончательно превращаются въ исключительно декоративный мотивъ.

Архитектурная обработка апсидъ главной части церкви очень проста и отвѣчаетъ такимъ образомъ гораздо болѣе низу церкви, нежели ея карнизу и верхамъ; дѣйствительно, вся композиція ограничивается здѣсь цоколемъ, общимъ съ главной частью церкви, лопатками, простымъ карнизомъ и скромными наличниками оконъ.

Художественная отдѣлка стѣнъ придѣла Неопалимой Купины гораздо богаче отдѣлки стѣнъ главной части памятника. Не останавливаясь на подробномъ описаніи деталей, ясно видныхъ на рисункахъ № 116 и 117 отмѣтимъ только то, что встрѣчается намъ здѣсь впервые. Прежде всего въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе замѣна традиціонныхъ до сего времени лопатокъ колонками, то сгруппированными попарно, то поставленными поодиночкѣ. Насколько этотъ мотивъ самъ по себѣ красивъ, настолько въ данномъ случаѣ зодчій распорядился имъ неудачно; дѣйствительно, среднія колонки верхняго яруса не приходятся, за исключеніемъ лишь угловыхъ, надъ нижними и это производитъ невыгодное впечатлѣніе. Въ колонкахъ интересенъ переходъ отъ круглаго стержня къ квадратнымъ въ планѣ капителямъ; онъ достигнутъ при помощи того способа, который и по сіе время обычно примѣняется въ такихъ случаяхъ нашими плотниками: они свѣшиваютъ надъ стержнемъ колонны срѣзанные по дугѣ концы досокъ, закрывающихъ верхъ бревна, и для образованія шейки капители прибиваютъ подъ концами досокъ полуваликъ. Получаемый имъ переходъ отъ стержня къ капители по своей формѣ ничѣмъ не отличается отъ примѣненнаго зодчимъ разсматриваемой церкви.

Замѣчательно разнообразіе, наблюдаемое въ композиціи окопныхъ наличниковъ придѣла; ихъ можно раздѣлить на пять группъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ отдѣлкѣ окопъ нижняго яруса видна разница: наличники западныхъ окопъ

[1]) Такую же форму имѣетъ и большинство остальныхъ кокошниковъ этой церкви.
[2]) Смотри нижній рядъ кокошниковъ у подножія шатровъ.

имѣютъ вверху кокошники, а верхамъ наличниковъ сѣверной и южной стѣнъ придань видъ прямолинейныхъ фронтоновъ; въ остальныхъ частяхъ всѣ наличники нижняго яруса сходны съ таковыми же на западной стѣнѣ главной части храма. Далѣе, во второмъ ярусѣ боковые наличники западной стѣны по своей композиціи очень близки къ нижнимъ наличникамъ той же стѣны и отличаются отъ нихъ главнымъ образомъ болѣе вытянутыми пропорціями; а въ деталяхъ разница заключается лишь въ томъ, что вмѣсто полуколонокъ здѣсь примѣнены прямоугольные въ планѣ пилястры и что форма вѣнчающихъ кокошниковъ болѣе спокойная — шлемовидная, а не килевая, какъ у нижнихъ наличниковъ. Наиболѣе богатую обработку имѣетъ среднее окно этого яруса; боковыя части его наличника состоятъ изъ чередующихся другъ съ другомъ парныхъ балясинокъ («кувшинчиковъ») и розетокъ; трехлопастная съ острымъ верхомъ форма вѣнчающаго кокошника очень красива и прекрасно вяжется съ большой круглой розеткой («рѣпьемъ»), заполняющей углубленіе кокошника. Граціозно спрофилеванныя тяги подокошника, сандрика и внутренней рамки связываютъ отдѣльныя части наличника въ одно художественно-законченное цѣлое.

Съ такимъ богатствомъ композиціи оконныхъ наличниковъ, какъ у только что разсмотрѣннаго, намъ еще не приходилось встрѣчаться въ Московскомъ зодчествѣ; однако по основной своей идеѣ композиція эта ничѣмъ не отличается отъ идеи наличниковъ нижняго яруса западной стѣны придѣла — она является лишь сильно обогащенной мелкими деталями, тогда какъ основной пріемъ остался тотъ же, что уже встрѣчался намъ въ памятникахъ предыдущаго вѣка. Наличники среднихъ оконъ на сѣверной и южной стѣнахъ второго яруса представляютъ собою повтореніе формъ боковыхъ наличниковъ западной стѣны, но отличаются отъ нихъ общими пропорціями. Наконецъ, боковые наличники второго яруса этихъ стѣнъ состоятъ изъ бѣдной профилями рамки, надъ которой помѣщенъ сандрикъ съ прямоугольнымъ фронтономъ. Фронтоны эти не полные: не имѣя достаточно мѣста, зодчій не постѣснился оборвать низы ихъ, чѣмъ показалъ непониманіе этого архитектурнаго мотива, ведущаго свое начало отъ формъ италіанскаго Возрожденія, подобно наличникамъ нижняго яруса этихъ же стѣнъ.

Не останавливаясь на каршизѣ придѣла Неопалимой Купины, представляющемъ собою точное повтореніе верхней части карниза главной церкви, перейдемъ къ разсмотрѣнію покрытія придѣла и его шатроваго верха. Покрытіе образовано тремя рядами кокошниковъ, изъ которыхъ нижній расположенъ на стѣнахъ, средній по сомкнутому своду, а верхній завершаетъ восьмигранное основаніе шеи шатра; между кокошниками и по ребрамъ сомкнутаго свода видны части невысокихъ отвѣсныхъ стѣнокъ, къ которымъ кокошники какъ бы приставлены. Въ общемъ получается удивительно живописная группа формъ, служащая главнымъ переходомъ отъ квадратной въ планѣ церкви къ круглой шеѣ шатра. По-

крытіе это при сомкнутомъ сводѣ имѣетъ почти исключительно декоративный характеръ, однако зародышъ его надо искать въ области конструкціи, именно въ своеобразномъ покрытіи нѣкоторыхъ церквей съ четырьмя внутренними пилонами, на которые опирались три уступа сводчатаго покрытія (рис. № 118): одинъ отъ подпружинъ, несшихъ шею главы, а второй и третій — отъ различной высоты арокъ, покрывавшихъ плечи храма; вырисовываясь на фасадахъ, эти арки давали три возвышающихся одинъ надъ другимъ ряда закаморъ, которыя съ теченіемъ времени, при появленіи сомкнутыхъ сводовъ, превратились въ кокошники, то есть въ мотивъ почти исключительно уборный. Однако считать эту пирамиду кокошниковъ вполнѣ декоративнымъ мотивомъ нельзя потому, что нижній ихъ рядъ, увеличивая собственный вѣсъ стѣнъ, содѣйствуетъ болѣе сильному ихъ сопротивленію распору свода.

Схема трехуступнаго свода.

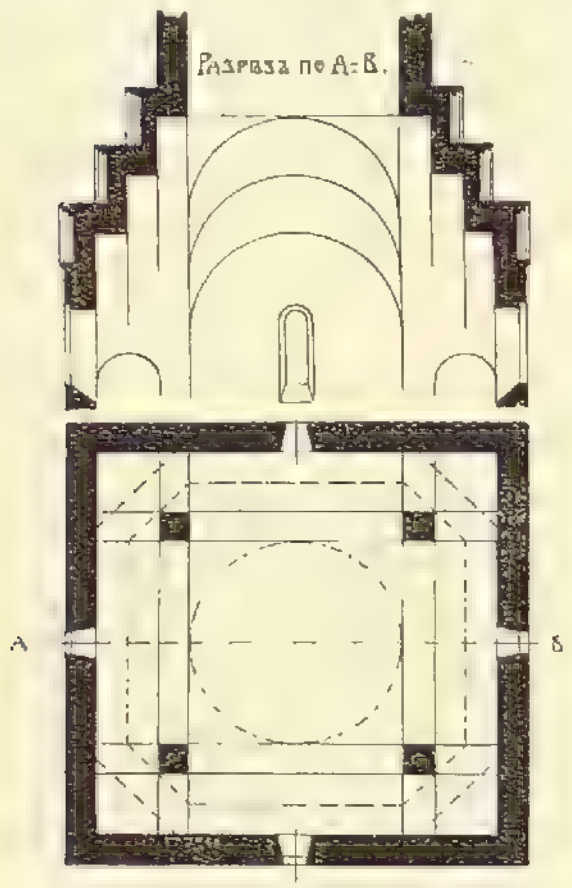


Рис. 118.

Шатеръ придѣла Неопалимой Купины едва ли не единственный въ своемъ родѣ въ Московскомъ зодчествѣ; дѣйствительно, онъ поставленъ не на восьмерикѣ, а на круглой въ планѣ шеѣ, которая обыкновенно служила основаніемъ для главъ, то есть для формъ въ планѣ также круглыхъ. Однако трудность новаго сочетанія формъ не остановила смѣлаго замысла зодчаго и, приводя его въ исполненіе, онъ прекрасно справился со своей задачей, придавъ стройный силуэтъ всему своему произведенію.

Теперь, послѣ сдѣланнаго описанія церкви Рождества въ Путникахъ, мы можемъ для выясненія времени возникновенія этого интереснаго памятника зодчества воспользоваться языкомъ его конструктивныхъ пріемовъ и архитектурныхъ формъ. Съ цѣлью облегчить эту задачу воспользуемся также указаніями письменныхъ источниковъ, изъ которыхъ наиболѣе для насъ цѣнными являются слѣдующіе: 1) Въ книгахъ Патріаршаго приказа подъ 1625 годомъ значится, что священникъ церкви въ Путникахъ вноситъ приказу дань по окладу въ 11 алтынъ и 7 денегъ[1]).

2. На изданномъ въ Голландіи чертежѣ Москвы, относящемся ко времени царствованія Михаила Ѳеодоровича, интересующій насъ памятникъ изображенъ съ тремя шатровыми верхами[2]).

---

[1]) См.: Русская старина въ памят. церковн. и граждан. зодчества. А. Мартыновъ, 1851 годъ. Тетрадь 9, стран. 91.

[2]) Ibid.

3. Послѣ пожара 1648 года причтъ съ прихожанами при содѣйствіи патріарха Паисія испросили у царя Алексѣя Михайловича средства на построеніе каменной церкви во имя Неопалимой Купины, которой «въ Руси нѣтъ, а вельми по достоянію быть достоитъ». 7 іюля 1649 года по приказанію царя «попу Никифору и дьяку Ивану» отпущено 300 рублей «на строеніе церкви Божія во имя Преч. Богородицы Святыя и Неопалимыя Купины...»[1]).

4. Въ 1652 году царь снова далъ денегъ на эту церковь, такъ какъ выданныхъ прежде не хватило[2]).

Основываясь на третьемъ изъ приведенныхъ свидѣтельствъ В. В. Сусловъ[3]) относитъ закладку какъ главной части церкви, такъ и придѣла во имя Неопалимой Купины къ 1649 году и полагаетъ, что сгорѣвшая въ пожарѣ 1648 года церковь была деревянная.

Такое предположеніе намъ кажется не совсѣмъ вѣрнымъ, на основаніи нижеслѣдующихъ соображеній:

Въ обоихъ послѣднихъ свидѣтельствахъ говорится только о постройкѣ церкви во имя Неопалимой Купины и ни слова не сказано о церкви Рождества Богородицы. Уже одно это умолчаніе относительнаго главнаго престола церкви и упоминаніе лишь о ея придѣлѣ кажется намъ знаменательнымъ и намекающимъ на то, что церковь въ то время уже существовала, а вновь строился только придѣлъ. Вѣдь было бы, дѣйствительно, странно, если бы причтъ сгорѣвшей церкви Рождества Богородицы хлопоталъ о субсидіи на постройку новаго храма съ другимъ «во имя». Скорѣе можно нарисовать иную картину событія, имѣвшаго мѣсто въ 1649 году. Существовавшая до пожара въ 1648 году церковь во имя Рождества Богородицы была не деревянная, а каменная о трехъ шатровыхъ верхахъ, какою она изображена на упомянутомъ выше планѣ голландскаго изготовленія; поэтому въ пожаръ 1648 года она не совсѣмъ «вознеслась», а только сильно обгорѣла и требовала серьезнаго ремонта, на который у причта денегъ было мало. Чтобы добыть ихъ причтъ обратился при посредствѣ патріарха къ царю, а чтобы придать большую убѣдительность просьбѣ рѣшилъ одновременно съ ремонтомъ церкви сложить при ней придѣлъ и дать ему такое «во имя», какого до той поры на Руси еще не было.

Эти соображенія подтверждаются и самымъ памятникомъ. Дѣйствительно, если бы церковь и придѣлъ строились одновременно, то врядъ ли зодчій скомбинировалъ бы ихъ планы такимъ образомъ, какъ это есть въ дѣйствительности, гдѣ въ относительномъ положеніи плановъ церкви и придѣла чувствуется слу-

---

[1]) П. Забѣлинъ. Построеніе первой на Руси церкви въ честь Пресвятой Богородицы Неопалимой Купины. «Археологическія извѣстія и замѣтки», издаваемыя Имп. Московскимъ Археологическимъ Обществомъ 1893 года.

[2]) Ibid.

[3]) Памят. Древн. Русск. Зодч. Издан. Имп. Акад. Худож. Выпускъ 7-й.

чайность, а не заранѣе продуманный архитектурный пріемъ. Эта невязка двухъ частей церкви замѣчается не только въ ихъ планахъ, но и во всемъ остальномъ: цоколя различны по высотѣ и по формѣ, вѣнчающіе карнизы находятся на разной высотѣ отъ уровня земли и кромѣ того не одинаковы по числу своихъ составныхъ элементовъ; на стѣнахъ главной части церкви отсутствуетъ горизонтальная тяга, которая дѣлила бы ее на два яруса, какъ это имѣетъ мѣсто въ придѣлѣ; наконецъ, общія идеи обработки внѣшняго вида церкви и придѣла значительно разнятся другъ отъ друга, несмотря на то обстоятельство, что большинство деталей сдѣлано, повидимому, одной рукой.

Кромѣ того, когда придѣлы строились одновременно съ церквами, то имъ обычно придавалась значительно меньшая высота сравнительно съ послѣдними, какъ мы это видѣли въ Покровскомъ соборѣ и въ церквахъ Дьяковской и Медвѣдковской; здѣсь же придѣлу Неопалимой Купины придана почти такая же высота, какъ и главной части церкви; разница, во всякомъ случаѣ, настолько мала, что въ натурѣ совершенно незамѣтна. Такимъ образомъ престолъ во имя Неопалимой Купины является скорѣе самостоятельной церковью, пристроенной къ престолу Рождества Богородицы, о чемъ, повидимому, причтъ и просилъ Тишайшаго царя.

Вотъ эти-то соображенія и наводятъ на мысль, что въ 1649—1652 годахъ былъ вновь построенъ только придѣлъ Неопалимой Купины, сама же церковь была построена, надо полагать, въ началѣ XVII вѣка, а въ эти годы только отремонтирована. Что же касается общности большинства деталей на обѣихъ частяхъ, то это можетъ быть объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что во время пожара детали церкви пострадали очень сильно и были по своему возстановлены строителемъ придѣла, не сумѣвшимъ, или не захотѣвшимъ точно ихъ реставрировать, но все же оставившимъ то, что не требовало ремонта, какъ, напримѣръ, поребрикъ и нижній полуваликъ вѣнчающаго карниза, которыхъ въ карнизѣ придѣла не имѣется. Нужно ли говорить, что трапезная съ ея алтаремъ и сторожка представляютъ собою безспорно позднѣйшія пристройки. На это вполнѣ опредѣленно указываютъ закрытыя трапезной и ея крышей окна церкви и придѣла, а также низы лопатокъ сѣверной стѣны церкви, уцѣлѣвшія до сихъ поръ внутри сторожки. Эти двѣ пристройки судя по архитектурнымъ формамъ трапезной слѣдуетъ отнести къ концу XVII или началу XVIII вѣка, когда, вѣроятно, были передѣланы и верхи наличниковъ у оконъ западной стѣны главной части храма.

Наружная пестрая раскраска церкви Рождества въ Путникахъ очевидно не разъ возобновлялась, но, судя по ея сходству съ раскраской Покровскаго собора, можно предположить, что она по тонамъ не сильно разнится отъ первоначальной.[1]) Не лишне замѣтить, что нѣкоторая общность формъ этихъ двухъ

[1]) Въ послѣднее время пестрая раскраска церкви исчезла; ее замѣнила одна свѣтло-сѣрая краска.

памятниковъ старины создала преданіе о томъ, что церковь въ Путникахъ построена одновременно съ Покровскимъ соборомъ.

Церковь Воскресенія въ Гончарахъ.

Рис. 119. По фот. М. Красовскаго.

Церквей только что разсмотрѣннаго типа на Москвѣ было, повидимому, не очень много, по крайней мѣрѣ до настоящаго времени, кромѣ церкви въ Путникахъ, сохранилось всего двѣ; это церковь Воскресенія Христова, что въ Гон-

чарахъ[1]) и древнѣйшая часть церкви Ильи пророка, что на Воронцовомъ полѣ (рис. № 119—122). П. М. Спегиревъ говоритъ, что на его памяти въ Москвѣ были еще три такія церкви, съ тремя пирамидальными верхами; одна у Троицкихъ воротъ, св. Николая Чудотворца, другая близъ Кузнецкаго моста, Воскресенія Христова и третья соборная въ прежнемъ Алексѣевскомъ монастырѣ[2]). Съ послѣдней мы уже познакомились.

Вопросъ о происхожденіи церквей подобнаго типа, то есть такого, въ которомъ, при вытянутомъ прямоугольномъ планѣ, надъ крышей возвышались два или три поставленныхъ рядомъ шатровыхъ верха, былъ затронутъ Л. Даломъ въ его статьѣ «Трехглавыя церкви[3]). Позволяемъ себѣ сдѣлать дословную выписку изъ этой статьи: «...какъ форма не принятая католиками, она была усвоена русскими (православными?), боровшимися съ католицизмомъ, а потомъ принята и уніатами. Съ присоединеніемъ же Малороссіи къ Московской Руси мы видимъ, что эта форма начинаетъ входить въ употребленіе при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ. Церкви Рождества въ Путинкахъ, Троицы (Воскресенія?) въ Гончарахъ, церковь Ивановскаго монастыря въ Вязьмѣ и нѣкоторыя другія

Восточная часть церкви Воскресенія въ Гончарахъ.

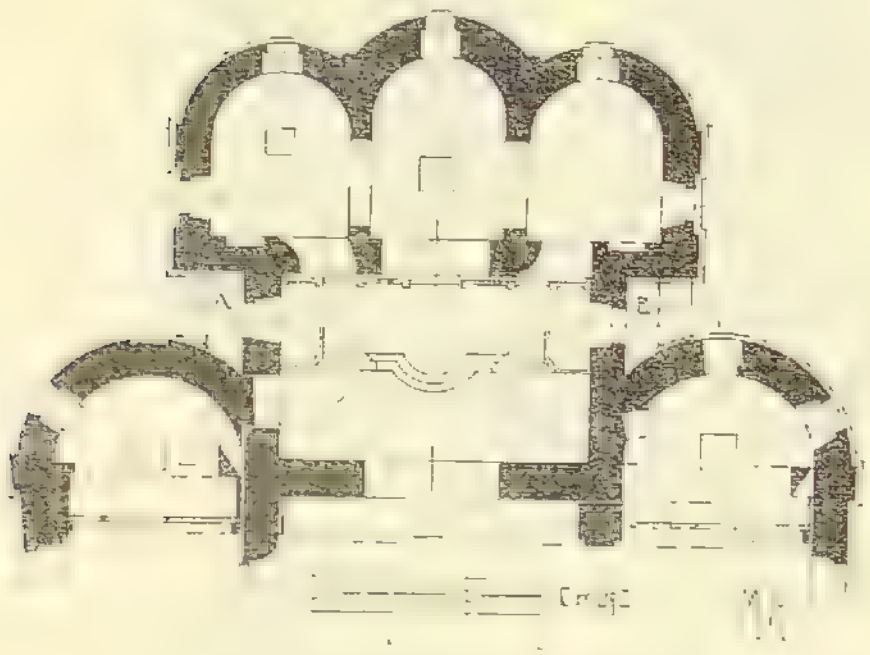


Рис. 120.

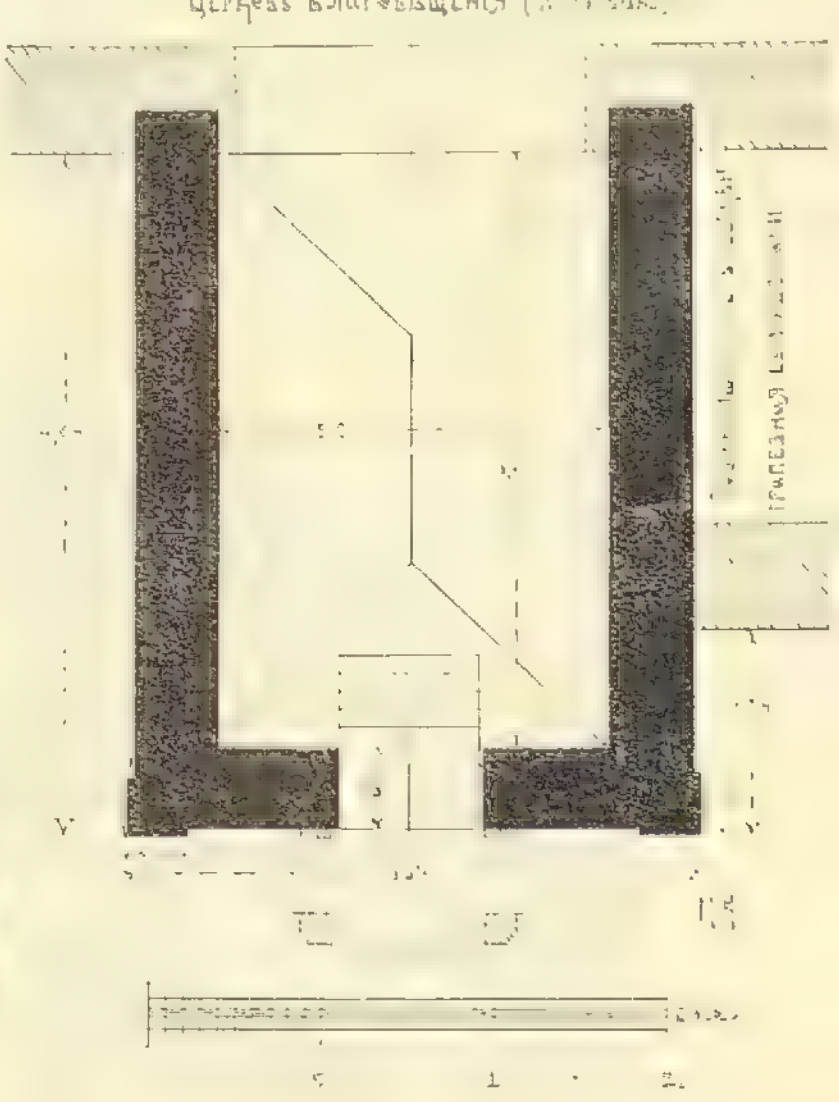


Рис. 121.

---

[1]) Мы не дали описанія этой церкви потому, что она очень похожа на главную часть церкви Рождества въ Путинкахъ, какъ это видно изъ прилагаемой фотографіи ея фасада и плана (рис. № 119 и 120). Годъ постройки церкви Воскресенія въ Гончарахъ не извѣстенъ (см. П. Е. Забѣлинъ. Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы).

[2]) См. стран. 204.

[3]) Зодчій 1874 г., стран. 139.

представляютъ довольно оригинальное подражаніе изъ камня малороссійской трехглавой церкви...»

Изъ этихъ словъ видно, что Л. Даль считалъ наши трехглавыя церкви прямыми наслѣдницами малороссійскихъ и тѣсно связывалъ время ихъ появленія не только на Москвѣ, но и въ другихъ городахъ Руси, напримѣръ въ Вязьмѣ, съ моментомъ присоединенія Малороссіи къ Московскому Государству. Такъ ли это? Послѣ Люблинскаго сейма (1569 г.) православному духовенству юго-западной Руси приходилось вести тяжелую борьбу съ католицизмомъ; очевидно, что въ это время учепики Кіевской Академіи, основанной Петромъ Могилой, были нужны у себя на родинѣ, въ Москвѣ же они начинаютъ появляться только при Никонѣ (1652—1666 гг.), во время исправленія богослужебныхъ книгъ[1]), и, стало-быть, лишь съ этого времени вліяніе ихъ могло сказаться такъ или иначе. Но какъ разъ въ это же время въ Москвѣ начинается гоненіе на шатровыя церкви, поэтому сказаться этому вліянію, по крайней мѣрѣ, въ области строенія трехглавыхъ церквей было некогда. Далѣе, наши трехверхія церкви, какъ мы уже сказали, были всегда шатровыми, тогда какъ въ Малороссіи шатры, насколько намъ извѣстно, какъ форма мѣстная, совсѣмъ не существовали. Замѣтимъ также, что когда русскіе зодчіе строили трехглавую церковь, то они ставили верхи по направленію сѣверъ-югъ, малороссы же ориентировали ихъ по линіи востокъ-западъ.

Церковь Ильи Пророка.

Рис. 122. По Фот. М. Красовскаго.

Исходя изъ всего сказаннаго мы полагаемъ, что возникновеніе на Москвѣ трехглавыхъ церквей не можетъ быть объяснено вліяніемъ архитектуры Мало-

[1]) Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатановскій, Симеонъ Полоцкій и др.

россіи и что типъ такихъ церквей долженъ былъ сложиться сначала вслѣдствіе удвапванія, а потомъ утраиванія основного типа, то есть одношатровой церкви съ квадратнымъ планомъ. Наконецъ, доказательствомъ того, что трехглавыя церкви представляютъ собою продуктъ самобытнаго творчества можетъ служить то обстоятельство, что онѣ относительно часто встрѣчаются и внѣ Москвы. Какъ на примѣры двухшатровыхъ церквей укажемъ на Духовскую церковь въ Рязани (1642 г.) и на Введенскую церковь въ селѣ Спасскомъ Калужскаго уѣзда; примѣромъ же трехшатровыхъ церквей, кромѣ уже упомянутой церкви Ивановскаго монастыря въ Вязьмѣ, можетъ служить церковь Іоанно-Предтеченскаго монастыря въ Казани (1649 г.). Существованіе этихъ церквей говоритъ противъ того, что на Москвѣ такого типа церкви появились подъ вліяніемъ малороссійскаго духовенства; онѣ построены въ концѣ первой половины XVII вѣка, незадолго до запрещенія церковныхъ шатровъ, и если бы такой типъ былъ позаимствованъ извнѣ, то онъ не успѣлъ бы укрѣпиться внѣ Москвы, такъ какъ въ провинціи всякое нововведеніе, прививается медленнѣе, нежели въ столицѣ.

Наконецъ, въ древнихъ описяхъ часто упоминаются деревянныя церкви «о дву верхахъ», «о дву шатрахъ», «о трехъ верхахъ»; напримѣръ, въ описи Лаврентіева монастыря города Калуги говорится про деревянную церковь о трехъ верхахъ, которая стояла на каменномъ подклѣтѣ. Подклѣтъ этотъ существуетъ до сихъ поръ, и служитъ основаніемъ для болѣе поздней церкви[1]). Стало-быть прототипы нашихъ трехверхихъ каменныхъ церквей имѣлись въ нашемъ же деревянномъ зодчествѣ. Поэтому, вопреки мнѣнію Л. Даля, мы склонны думать, что наши трехшатровыя каменныя церкви не имѣютъ тѣсной связи съ трехглавымъ типомъ церквей Малороссіи — онѣ есть заключительная стадія развитія одноверхихъ шатровыхъ церквей, а двухшатровыя предстаавляютъ собою промежуточную форму.

Мы уже не разъ упоминали о запрещеніи, которое было наложено на церковные шатры; когда началось гоненіе на эту красивую, самобытную форму въ точности неизвѣстно, за отсутствіемъ прямыхъ указаній въ памятникахъ письменности; объ этомъ можно только догадываться, сопоставляя различныя храмозданныя грамоты, какъ это сдѣлалъ профессоръ Н. В. Султановъ въ своемъ очеркѣ «Русскія шатровыя церкви и ихъ соотношеніе къ грузино-армянскимъ пирамидальнымъ покрытіямъ»[2]). Изъ этихъ сопоставленій можно вывести заключеніе, что гоненіе началъ патріархъ Никонъ, который, преслѣдуя свою главную цѣль, способенъ былъ видѣть даже въ формѣ шатроваго церковнаго верха нарушеніе чуть ли не догматовъ истиннаго православія. Во всякомъ случаѣ, всѣ преемники Никона продолжали препятствовать постройкѣ шатровыхъ церквей, тогда

[1]) Памятники древне-русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губ. М. Т. Преображенскаго. 1891 годъ, стран. 24.

[2]) Труды V Археологическаго съѣзда.

какъ его предшественникъ, патріархъ Іосифъ не возставалъ противъ нихъ. Такимъ образомъ время начала гоненія на шатровыя церкви должно совпадать съ эпохой могущества Никона, то есть съ періодомъ между 1652 и 1657[1]) годами. Какія же были причины гоненія на шатровыя церкви? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ только что упомянутомъ очеркѣ Н. В. Султанова. «Вѣрнѣе всего предположить, говоритъ онъ, что духовныя власти хотѣли этими воспрещеніями вернуть наше церковное зодчество на его старозавѣтную дорогу, къ пятикупольному или однокупольному типу православныхъ храмовъ, отъ котораго столь сильно отклонились наши шатровыя церкви съ самымъ блестящимъ своимъ представителемъ, Василіемъ Блаженнымъ, во главѣ. Требованіе храмоздашныхъ грамотъ, чтобы «верхи строились по чину прочихъ каменныхъ церквей, а не шатровыя», показываетъ прямо, что шатровая форма считалась нашими архипастырями несоотвѣтственною «церковному чину», соблюденіе котораго было одною изъ ихъ главныхъ заботъ. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что оно вполнѣ совпадаетъ съ характеромъ всѣхъ Никоновскихъ очистительныхъ преобразованій»[2]).

Итакъ, начиная со второй половины XVII вѣка наши зодчіе были лишены возможности украшать церкви шатрами; но само собою понятно, что никакія запрещенія не могли быть настолько сильными, чтобы совершенно искоренить эту излюбленную архитектурную форму, тѣсно связанную съ самобытными понятіями о красотѣ. Въ глухихъ углахъ обширнаго Московскаго государства, гдѣ надзоръ за исполненіемъ требованій власти не могъ быть особенно строгимъ, гдѣ не боялись кары за уступки народнымъ традиціямъ и вкусамъ — тамъ продолжали строить шатровыя церкви, а въ самой Москвѣ и вблизи нея зодчіе перенесли излюбленную шатровую форму покрытія на ту часть церкви, на которой шатеръ не казался высшей духовной власти несоотвѣтственнымъ «церковному чину» — на колокольни, разсмотрѣніемъ которыхъ мы теперь займемся.

ГЛАВА VIII.

Прежде чѣмъ Московское зодчество выработало свой художественный типъ колоколенъ, восьмигранныхъ вверху и крытыхъ высокими шатрами съ однимъ или нѣсколькими рядами слуховъ, оно, конечно, должно было дать цѣлый рядъ подготовительныхъ формъ, начиная съ самыхъ примитивныхъ. Тотъ путь, который прошло при этомъ Московское зодчество, какъ увидимъ ниже, не отличался отъ пути, сдѣланнаго въ этой области церковнаго зодчества общерусскимъ искусствомъ. Дѣйствительно, на многихъ рисункахъ книги Олеарія мы видимъ различныя приспособленія для подвѣшиванія къ нимъ колоколовъ (козла, станки);

---

[1]) Годъ разлада Никона съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.
[2]) Н. В. Султановъ. Ibid, стран. 5.

дѣлались они изъ бревенъ или брусьевъ и ставились около церквей, не исключая даже такихъ выдающихся по своему значенію, какъ Кремлевскія. Отсюда можно вывести вполнѣ опредѣленное заключеніе о томъ, что подобныя бревенчатыя приспособленія для подвѣски колоколовъ очень часто устраивались москвичами даже въ XVII вѣкѣ, когда уже выработался вполнѣ развитой типъ колоколенъ. Такое обширное примѣненіе козелъ объясняется, вѣроятно, ихъ крайней дешевизной, тогда какъ кирпичныя звонницы или колокольни, вслѣдствіе ихъ значительной стоимости, были доступны далеко не всѣмъ церквамъ, въ особенности приходскимъ. Вѣроятно, это же обстоятельство является одной изъ причинъ того, что среди памятниковъ Московскаго зодчества такъ мало дошло до нашихъ дней образцовъ настѣнныхъ звонницъ; другую причину можно видѣть въ томъ, что ко времени упроченія московскаго могущества наши литейщики успѣли научиться отливать колокола очень большихъ размѣровъ, для которыхъ настѣнныя звонницы представлялись слишкомъ ненадежными сооруженіями, между тѣмъ какъ съ деревомъ наши плотники справлялись такъ умѣло, что не задумывались устраивать изъ него козла для такихъ колоссовъ, какъ тотъ колоколъ, что изображенъ у Олеарія на рисункѣ Нижняго Новгорода. Тѣмъ не менѣе имѣется нѣсколько примѣровъ настѣнныхъ звонницъ, а именно въ Дьяковской церкви, въ домовой церкви Нарышкиныхъ[1]), а также въ церкви села Богдановскаго[2]). Правда, село это находится подъ Коломною, но мѣстная церковь была построена въ концѣ XVII вѣка, когда Коломна уже жила совершенно тою же жизнью, что и Москва. Не возвращаясь болѣе къ уже разсмотрѣнной нами звонницѣ церкви села Дьякова, остановимся нѣсколько на двухъ другихъ. Звонница при домовой церкви Нарышкиныхъ (Св. Ирины) (рис. № 107) состояла изъ четырехъ прямоугольныхъ въ планѣ столбовъ, перекрытыхъ полуциркульными арками; средній изъ ея трехъ пролетовъ былъ шире и выше боковыхъ. Надъ каждымъ пролетомъ возвышался островерхій щипецъ, покрытый двухскатной крышей. Сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что звонница церкви Св. Ирины представляла собою повтореніе того типа, который получилъ такое широкое примѣненіе въ Псковѣ, гдѣ подобныя звонницы попадаются чуть ли не на каждой улицѣ. Интересно, что разсматриваемая звонница сохранила до конца своихъ дней вѣнчающіе ее щипцы, тогда какъ большинство псковскихъ утеряло ихъ и покрыто теперь четырехскатными крышами. Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать о деталяхъ Нарышкинской звонницы, такъ какъ на рисункѣ Мартынова ихъ совсѣмъ нѣтъ, а въ реставраціи А. А. Потапова[3]) онѣ являются совершенно произвольными, хотя и отвѣчающими общему характеру всей церкви.

---

[1]) Церковь Св. Ирины. Смотри выше. Рис. 107.

[2]) Настѣнная звонница существовала также въ церкви села Покровскаго (нынѣ церковь Общины сестеръ милосердія).

[3]) А. А. Потаповъ. Очеркъ древней русской гражданской архитектуры. Выпускъ I. Таблица XI. 1902 г.

Звонница села Богдановскаго представляетъ довольно солидное сооруженіе (рис. № 123): надъ карнизомъ западной стѣны трапезной возвышается равная ей по высотѣ отдѣльная стѣнка, представляющая собою низъ звонницы. Края этой стѣнки украшены лопатками, а верхъ — широкимъ карнизомъ, фризъ котораго образованъ поребрикомъ; надъ лопатками карнизъ раскрепованъ. Второй ярусъ звонницы состоитъ изъ трехъ прямоугольныхъ въ планѣ столбовъ, которые соединены между собою двумя полуциркульными арками, украшенными узенькими архивольтами; верхній ярусъ имѣетъ всего одинъ пролетъ, надъ аркой котораго высится сперва архивольтъ, такой же какъ у нижнихъ арокъ, а затѣмъ прямоугольный щипецъ. Вся композиція завершается крестомъ съ яблокомъ надъ конической подножіемъ, за которыми, повидимому, надо признать болѣе позднее происхожденіе.

Церковь села Богдановскаго.

Рис. 123. По фот. М. Красовскаго

Подобное расположеніе надъ стѣной трапезы и общую композицію звонницы мы видимъ въ церкви Св. Николая, что на погостѣ подъ Изборскомъ[1]); на Богдановскую звонницу очень также похожа звонница при единовѣрческой церкви Св. Николы Новолавленнаго во Псковѣ[2]). Такимъ образомъ объ разсмотрѣнныя нами звонницы по характеру ихъ композиціи имѣютъ близкое сходство со звонницами Псково-Новгородскаго зодчества; отсюда, повидимому, можно вывести заключеніе, что это типъ сооруженій для колоколовъ появился на Москвѣ подъ вліяніемъ псковскихъ мастеровъ, точно такъ же, какъ слѣдующая стадія развитія этого типа, то-есть отдѣльно стоящія звонницы, или колокольницы.

Примѣровъ послѣднихъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ сохранилось также мало; къ числу ихъ относятся: колокольница въ Звенигородѣ, въ селѣ Вяземахъ и Кремлевская, существовавшая до 1812 года при колокольнѣ Ивана Великаго. Она была взорвана покидавшими Москву французами.

Звенигородская колокольница, какъ видно изъ рисунка № 124[a] и 124[b] представляетъ собою два квадратныхъ въ планѣ столба, украшенныхъ цоколями и кар-

[1]) «Зодчій» 1906. Стран. 289 и 293.
[2]) Ibid.

низами; въ сѣверномъ столбѣ находится лѣстница, ведущая ко второму ярусу. Надъ столбами, опираясь на нихъ и на перекинутую между ними полуциркульную арку, возвышается стѣна, одинаковой толщины со столбами, увѣнчанная широкимъ карнизомъ съ крупными зубчиками. Второй ярусъ состоитъ изъ трехъ узкихъ столбовъ, соединенныхъ двумя полуциркульными арками, на щелыги которыхъ опираются пяты верхней арки, образующей третій ярусъ колокольницы. Вѣроятно, первоначально арки второго и третьяго яруса были закрыты сверху однимъ общимъ щипцомъ, по которому шла кровля. Колокольница сложена изъ кирпича. Точное время ея постройки не извѣстно, но, судя по профилямъ деталей, ее можно отнести къ XVII вѣку.

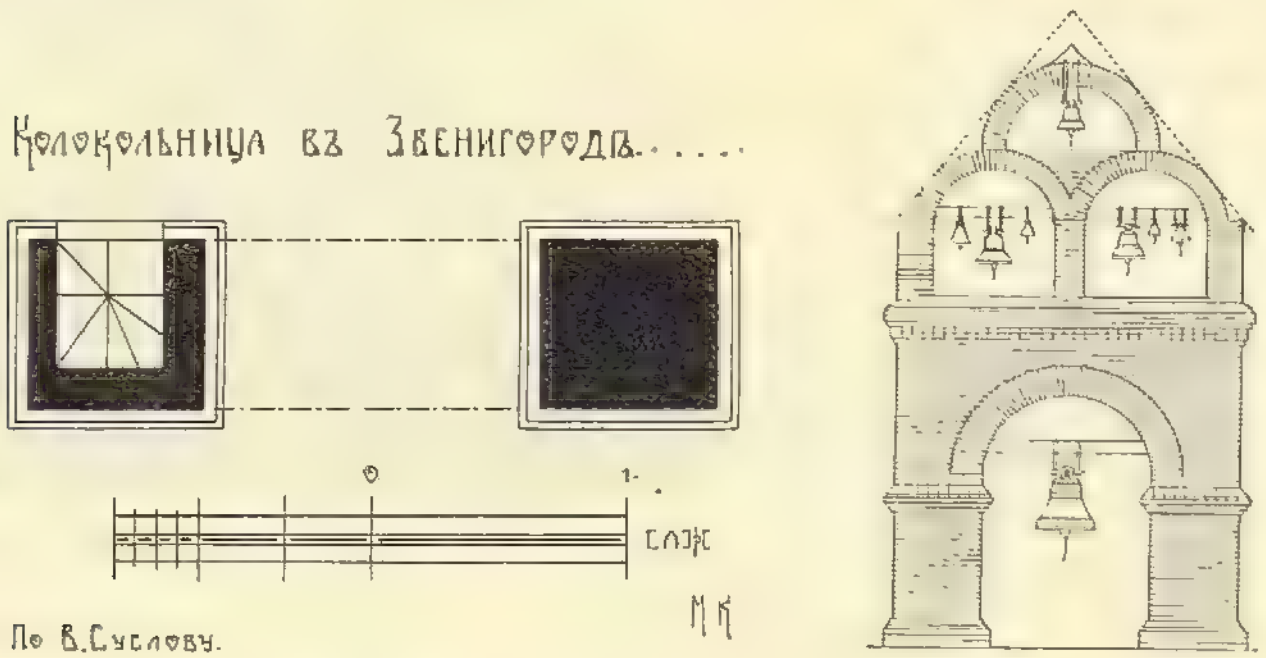


Рис. 124 a. Рис. 124 b.

Упоминая объ этой колокольницѣ, профессоръ Султановъ говоритъ: «Видъ этотъ крайне важенъ, во-1-хъ, потому, что онъ до сихъ поръ не былъ извѣстенъ въ области нашего древневѣдѣнія; во-2-хъ, потому, что служитъ соединительнымъ звеномъ между двумя рѣзко опредѣленными видами колокольницы двухпролетной одноярусной и трехпролетной двухъярусной, и, въ-3-хъ, потому, что подтверждаетъ подлинность тѣхъ изображеній, которыя встрѣчаются въ нашихъ рукописяхъ»[1]). Вполнѣ соглашаясь съ 1-мъ и 3-мъ заключеніями Н. В. Султанова, нельзя не возразить противъ 2-го; упомянутыя выше звонницы церквей на Изборскомъ погостѣ и единовѣрческой во Псковѣ, построенныя, вѣроятно, раньше Звенигородской, представляютъ собою именно тотъ трехпролетный двухъярусный типъ, который, по мнѣнію Н. В. Султанова, былъ дальнѣйшимъ развитіемъ колокольницъ звенигородскаго типа; кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что такихъ звонницъ, какъ Звенигородская, насколько намъ извѣстно, ни во Псковѣ, ни въ Новгородѣ не уцѣлѣло ни одной, чего, конечно, не могло случиться,

[1]) «Зодчій» 1883 годъ, стран. 50—51. Памятники древняго зодчества въ Коломенскомъ и Бронницкомъ уѣздахъ Московской губерніи.

если бы онѣ тамъ когда-нибудь существовали. Поэтому скорѣе слѣдуетъ допустить предположеніе, что Звенигородская колокольница представляетъ собою чисто московскую переработку того типа сооруженій, который былъ такъ любимъ псковскими зодчими.

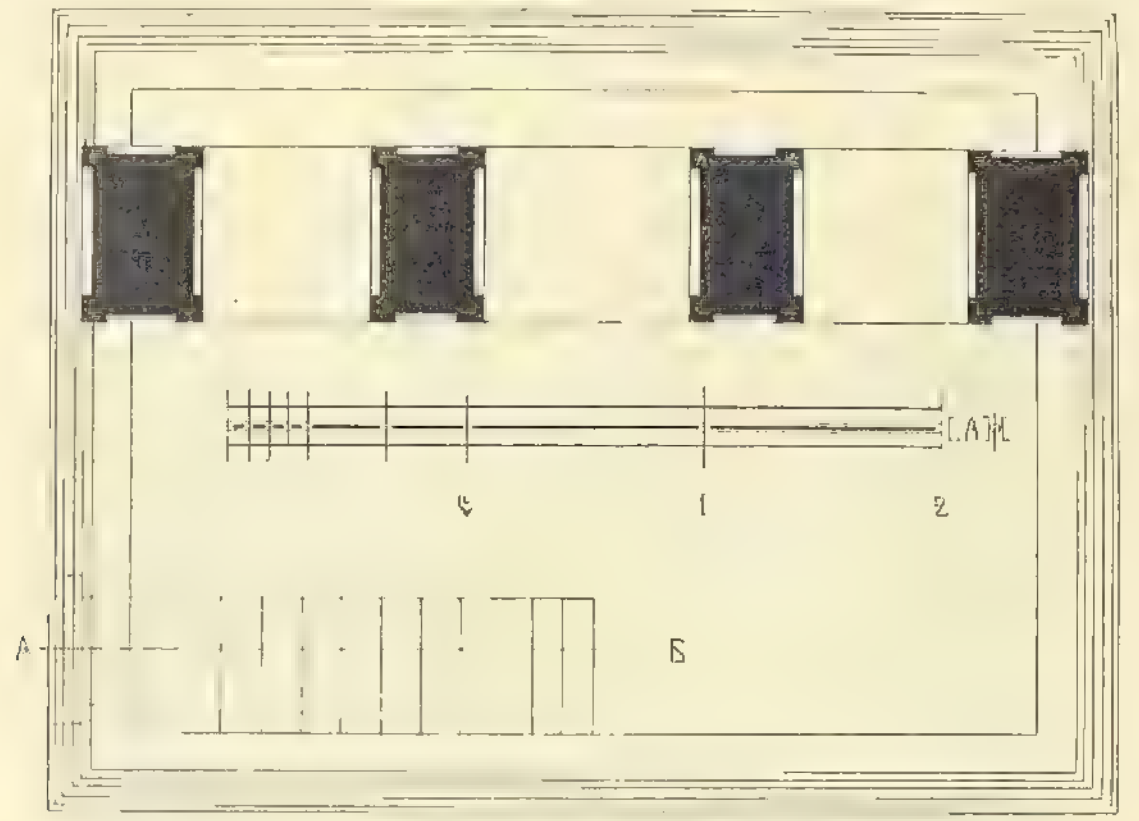


Рис. 125.

Колокольница въ селѣ Вяземахъ[1]) представляетъ такъ же, какъ и предыдущая, отдѣльно стоящее зданіе значительной высоты[2]) (рис. №№ 125 и 126). Время ея сооруженія тоже не извѣстно, но характеръ ея композиціи не противорѣчитъ

[1]) Московской губерніи, Звенигородскаго уѣзда.

[2]) Въ первоначальномъ видѣ, то-есть съ шатровой крышей, колокольница имѣла около 10 саженъ высоты.

преданію, гласящему, что она вмѣстѣ съ церковью была построена царемъ Борисомъ. Колокольница сложена изъ кирпича и бѣлаго камня, при чемъ послѣдній былъ примѣненъ только для вытески изъ него горизонтальныхъ тягъ.

Мы не будемъ подробно описывать этотъ интересный памятникъ, такъ какъ онъ вполнѣ ясно виденъ на прилагаемыхъ рисункахъ, а скажемъ лишь нѣсколько

Колокольница въ с. Вяземахъ.

Рис. 126. По фот. М. Красовскаго.

словъ объ общемъ характерѣ его композиціи и деталяхъ. Колокольница только въ общихъ чертахъ напоминаетъ собою ея псковскихъ предшественницъ, такъ какъ среди послѣднихъ нѣтъ ни одной, у которой число пролетовъ верхняго яруса равнялось бы числу пролетовъ нижняго. Точно такъ же и высокій съ арочнымъ проѣздомъ помостъ, на которомъ она стоитъ, едва лишь намекаетъ на нижнія крытыя односкатными крышами части псковскихъ колокольницъ, гдѣ помѣщались кладовыя для церковнаго имущества. Наконецъ, фронтоны и кокошники верхняго яруса имѣютъ такое же отдаленное сходство съ рядомъ щипцовъ, вѣнчавшихъ колокольницы Пскова. Такимъ образомъ колокольница въ селѣ Вяземахъ представляетъ самостоятельную композицію, въ которой чувствуется опытная рука хорошаго мастера, прекрасно чувствовавшаго строгость пропорцій и, вѣроятно, видавшаго псковскія колокольницы, отъ которыхъ у него сохранилось

лишь общее впечатлѣніе. Что же касается деталей, то онѣ наивны и порою даже грубоваты[1]), словно ихъ профилевалъ другой человѣкъ.

Эта разница въ характерѣ цѣлаго и нѣкоторыхъ деталей наводитъ на мысль, что сооруженіе было построено не тѣмъ же зодчимъ, который его спроектировалъ и который только пріѣзжалъ отъ времени до времени, чтобы давать главныя указанія. Очень возможно, что зодчій, сдѣлавшій проектъ Звенигородской колокольницы, былъ авторомъ московской колокольни Ивана Великаго, потому что, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго, въ характерѣ архитектуры этихъ двухъ памятниковъ есть общія черты.

До 1812 года къ огромной колокольнѣ Ивана Великаго примыкала съ сѣверной ея стороны не менѣе грандіозная колокольница, построенная при Василіи III архитекторомъ Бономъ Фрязинымъ (1505—1508). Колокольница эта была ядромъ, вокругъ котораго впослѣдствіи образовалась та группа зданій, которая извѣстна подъ общимъ именемъ Ивана Великаго. Первымъ зданіемъ, примкнувшимъ къ колокольницѣ, была церковь во имя Воскресенія, заложенная въ 1532 году, но оконченная лишь черезъ 11 лѣтъ Фрязинымъ Петрокомъ Малымъ; въ 1552 году русскіе мастера пристроили съ запада лѣстницу, затѣмъ въ 1555 году къ колокольницѣ перенесена Кремлевская церковь Рождества Христова, а въ 1600 году царь Борисъ пристроилъ съ южной стороны колокольницы огромный столбъ-колокольню. Наконецъ, въ 1624 году была воздвигнута восточная пристройка[2]), называвшаяся впослѣдствіи Филаретовской.

Взорванная французами мина уничтожила какъ Боновскую колокольницу, такъ и всѣ ея пристройки, за исключеніемъ колокольни Годунова. Послѣдняя дала только значительную трещину, но на мѣстѣ устояла. Такимъ образомъ всѣ зданія, существующія теперь около колокольни, представляютъ собою лишь копію древнихъ, правда, очень близкую къ оригиналу, такъ какъ, если судить по рисунку Левшина[3]), то новыя зданія разнятся со старыми только въ деталяхъ. Сооруженіе Бона представляло собою узкое прямоугольное въ планѣ зданіе, раздѣлявшееся по высотѣ на нѣсколько ярусовъ; внизу находилась церковь Іоанна Лѣствичника («Иже подъ колоколы»), а верхніе ярусы съ открытыми пролетами были предназначены для помѣщенія колоколовъ. Завершалась колокольница главою на высокой цилиндрической шеѣ; низъ послѣдней былъ богато украшенъ двумя ярусами колонокъ, стержни которыхъ были охвачены кольцами, а верхняя часть была прорѣзана окнами (рис. № 127). Изъ этого описанія видно, что Бонъ значительно удалился отъ псковскаго пріема колокольницъ и, компануя свое произведеніе, придерживался скорѣе мѣстныхъ мотивовъ, какъ это видно по формѣ верха—шлемовидной главѣ на цилиндрической шеѣ. Поэтому

---

[1]) Напримѣръ ступенчатый верхъ парапета помоста.

[2]) Исторія Государства Россійскаго. Томъ VIII, прим. 153.

[3]) Левшинъ. «Историч. описаніе». Москва 1783 г.

Ивановская Колокольница, Бона Фрязина.

По Лёвшину.

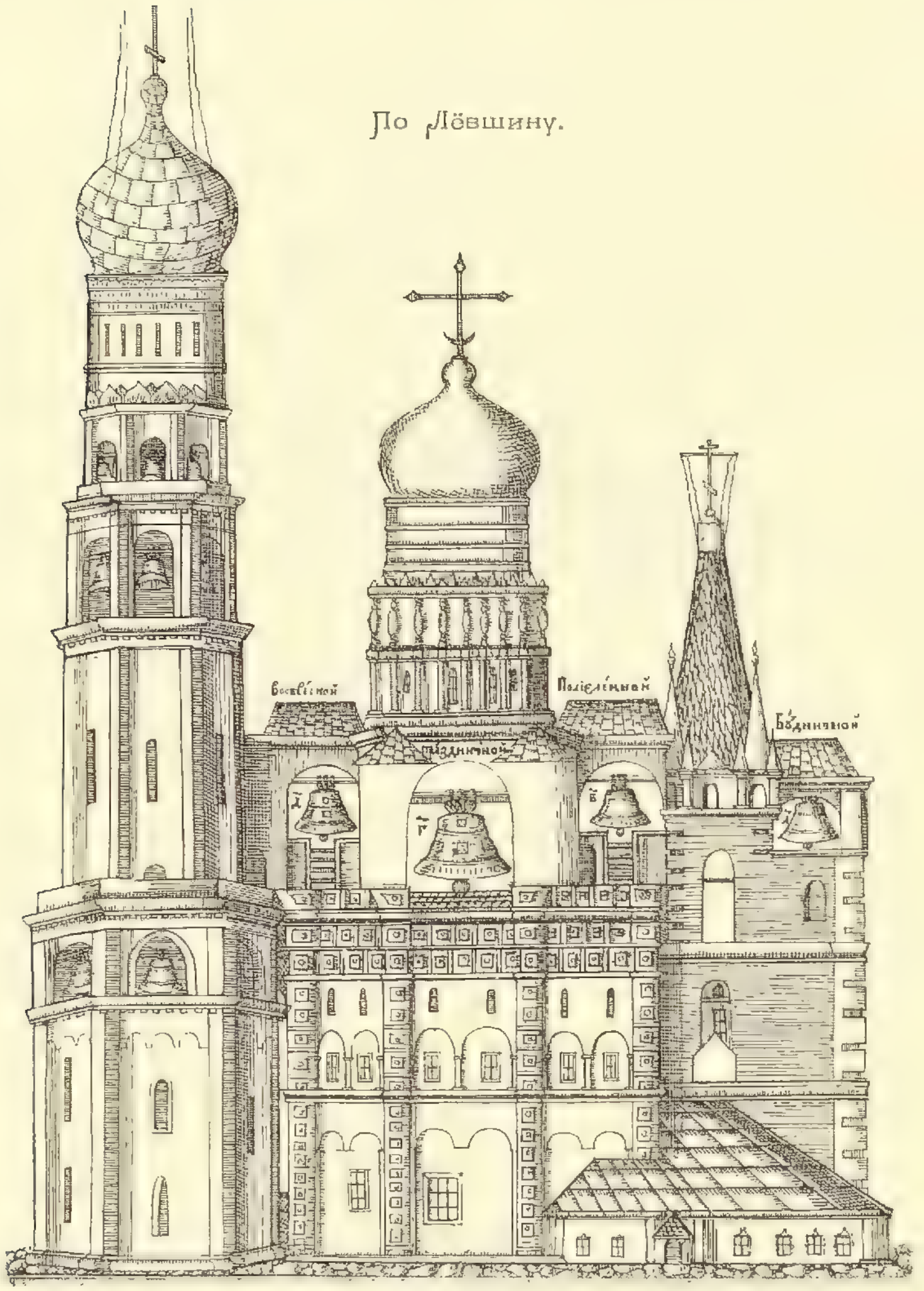


Рис. 127.

можно считать, что погибшая колокольница хотя и была построена иностранцемъ, но все же представляла собою образецъ чисто московскаго искусства, которое любило по-своему передѣлывать основныя идеи, заимствованныя у сосѣдей.

Москва не сохранила намъ больше колокольницъ такого типа; повидимому, она сосредоточила все свое вниманіе на уже зародившейся формѣ колоколенъ, что̀ не мѣшало, впрочемъ, дальнѣйшему развитію колокольницъ въ другихъ городахъ. Особенно онѣ пришлись по вкусу черному духовенству; по крайней мѣрѣ большая часть колокольницъ, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени разбросана по монастырямъ: въ Большомъ Тихвинскомъ, Борисоглѣбскомъ (подъ Ростовомъ Ярославскимъ), въ Спасо-Ефимьевскомъ (Суздаль) и т. д.

Итакъ, Москва, если будетъ дозволено такъ выразиться, перепробовала всѣ извѣстные на Руси типы сооруженій для колоколовъ, но окончательно остановилась на колокольняхъ, въ постройкѣ которыхъ проявила высокую степень художественнаго вкуса, использовавъ при этомъ свою излюбленную форму шатроваго верха.

Когда же появились на Москвѣ первыя колокольни? Отвѣтить на этотъ вопросъ вполнѣ опредѣленно пока еще нельзя, но подойти къ его рѣшенію довольно близко — возможно.

Русскіе люди, какъ обитатели равнинъ, всегда любили высокія башневидныя зданія[1]), но вводить башни въ качествѣ составныхъ частей церковныхъ сооруженій имъ первоначально не приходилось, за исключеніемъ случаевъ постройки большихъ храмовъ, гдѣ въ башняхъ помѣщались лѣстницы на хоры («полати»); при небольшихъ — рядовыхъ церквахъ въ такихъ башняхъ надобности не представлялось, такъ какъ полатей въ нихъ, обыкновенно, не было, а призывъ къ богослуженію производился при помощи ручныхъ клепалъ или билъ; для подвѣшиванія же послѣднихъ было вполнѣ достаточно простыхъ столбовъ, врытыхъ въ землю. Когда же появились колокола, то наши зодчіе воспользовались готовымъ мотивомъ, занесеннымъ на Русь греками, а именно, настѣнными звонницами. Въ первое время, когда вліяніе Востока на церковныя дѣла было особенно сильно, русскимъ, вѣроятно, даже и въ голову не могло прійти какое-либо нововведеніе или отступленіе отъ греческихъ традицій, хотя бы даже во внѣшности церковнаго сооруженія. Зачатки пробужденія самобытнаго искусства во Владиміро-Суздальской землѣ были заглушены татарской неволей, Новгородъ же и Псковъ хотя и избѣжали разгрома, но продолжали развивать основной типъ звонницы и дальше колокольницъ, вслѣдствіе нѣкоторой шаблонности своего искусства, не пошли[2]).

---

[1]) Смотри П. Забѣлинъ. Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ.

[2]) Большинство колоколенъ Новгорода построено въ концѣ XVI вѣка и въ XVII, т.-е. тогда, когда самобытная архитектура этого города заглохла. Такимъ образомъ на новгородскія колокольни можно смотрѣть, какъ на отзвукъ Московскаго зодчества.

Въ деревянномъ зодчествѣ дѣло обстояло иначе; здѣсь, какъ мы уже упоминали, наши плотники не имѣли образцовъ, которые бы имъ вмѣнялось въ обязанность копировать—они руководствовались своимъ собственнымъ замысломъ и, срубая высокія церкви, додумались, вѣроятно сравнительно скоро, до устройства высокихъ башенъ, съ которыхъ благовѣстъ разносился гораздо дальше, нежели съ низкихъ козелъ или станковъ.

Когда же окрѣпшая Москва начала свою кипучую строительную дѣятельность, когда ея Кремль охватили бѣлокаменныя стѣны съ грозными башнями и когда выплось наружу долго дремавшее самобытное искусство, тогда деревянныя колокольни должны были превратиться въ каменныя. Особенныхъ техническихъ трудностей при этомъ не могло встрѣтиться, потомучто наши мастера уже успѣли научиться у иноземцевъ, строившихъ башни Кремлевскихъ стѣнъ.

Это одинъ путь, которымъ могли появиться у насъ колокольни; съ другой же стороны форму колоколенъ можно ставить въ непосредственную связь съ колокольницами, такъ какъ нельзя не видѣть нѣкотораго сходства у самыхъ древнихъ изъ сохранившихся до нашего времени колоколенъ, съ наиболѣе развитымъ типомъ большихъ колокольницъ, представлявшихъ собою прямоугольное, глухое внизу зданіе съ галлереей вверху, гдѣ помѣщались колокола. Дѣйствительно, первыя наши колокольни не квадратныя въ планѣ, а нѣсколько вытянутыя, и верхняя ихъ часть представляетъ собою также вытянутое помѣщеніе со сравнительно небольшими отверстіями въ стѣнахъ.

Какое же изъ этихъ объясненій признать правдоподобнымъ? Вѣрнѣе всего, что оба указанныя нами обстоятельства тѣсно переплетались другъ съ другомъ, а Москва, собиравшая въ себѣ, какъ въ бассейнъ, всѣ теченія, объединила ихъ и окончательно оформила слагавшійся типъ колокольни. Мы видѣли уже, что самобытное творчество въ области зодчества вылилось въ осязательныя формы въ XVI вѣкѣ; слѣдовательно, къ этому же времени надо пріурочить и появленіе первыхъ колоколенъ, что̀ не противорѣчитъ и хронологическимъ свѣдѣніямъ о наиболѣе древнихъ изъ нихъ. Правда, въ Москвѣ такихъ колоколенъ очень мало, но въ другихъ городахъ, а также кой-гдѣ въ монастыряхъ и селахъ онѣ еще стоятъ; это можно объяснить тѣмъ, что памятники старины въ болѣе или менѣе глухихъ углахъ передѣлываются только въ тѣхъ случаяхъ, если они грозятъ паденіемъ или перестаютъ удовлетворять потребностямъ, ради которыхъ ихъ построили. Древнія же наши колокольни очень устойчивы и вмѣщаютъ въ себя значительное число колоколовъ.

Не менѣе интереснымъ представляется вопросъ о томъ, гдѣ первоначально ставились колокольни. Обыкновенно принимается слѣдующая послѣдовательность въ обычаѣ ставить колокольню такъ или иначе: первоначально колокольня не имѣла никакой связи съ церковью, а стояла у сѣверо-западнаго ея угла; затѣмъ колокольню ставятъ у того же угла,

но связываютъ ее съ церковью особыми переходами, какъ напримѣръ въ церкви Казанской Б. Матери села Коломенскаго (рис. № 128); затѣмъ колокольня еще тѣснѣе связывается съ церковью и зодчіе ставятъ ее надъ пересѣченіемъ западной и сѣверной ходовыхъ папертей; наконецъ, входитъ въ обычай ставить колокольню на главной оси храма (западъ-востокъ), надъ папертью. Однако, проводить такую строгую постепенность въ различныхъ пріемахъ размѣщенія колоколенъ намъ кажется невозможнымъ; вѣрнѣе, всѣ четыре способа примѣнялись одновременно въ различныя эпохи, а не дѣлились между ними. Дѣйствительно, колокольни ярославскихъ церквей Іоанна Предтечи (въ Толчковѣ) и Іоанна Златоуста (въ Коровникахъ), построенныя во второй половинѣ XVII вѣка стоятъ отдѣльно отъ церквей, а колокольни церквей Гребневской Б. Матери и Пятницкой (Троиц. С. Лавра), относящіяся къ XVI вѣку, находятся въ непосредственной связи съ церквами, при чемъ колокольня послѣдней поставлена на продольной оси церкви, то есть такимъ способомъ, какой согласно приведенной теоріи, былъ принятъ въ послѣднюю эпоху.

Рис. 128.

Перейдемъ теперь къ обзору московскихъ колоколенъ, начавъ его съ разсмотрѣнія Ивана Великаго, который среди первыхъ колоколенъ Москвы стоитъ совершенно особнякомъ и не имѣетъ съ ними ничего общаго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ видно на рисункахъ № 129 и 130, три его восьмерика, изъ которыхъ каждый выше лежащій по площади меньше предыдущаго[1]), высокая

[1]) При этомъ нижній восьмерикъ представляетъ изъ себя въ сущности усѣченную пирамиду, такъ какъ ширина его граней вверху на $7^1/_2$ вершковъ меньше чѣмъ внизу.

Общій видъ и детали Ивана Великаго. По Ф. Рихтеру.

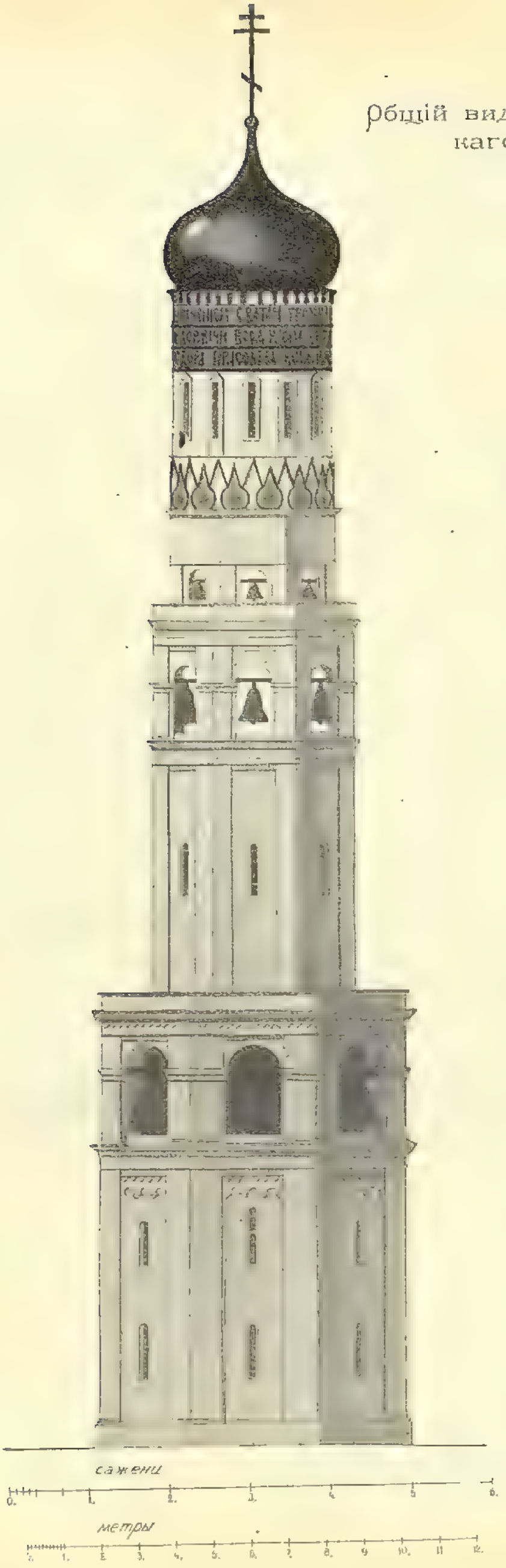


Рис. 129.

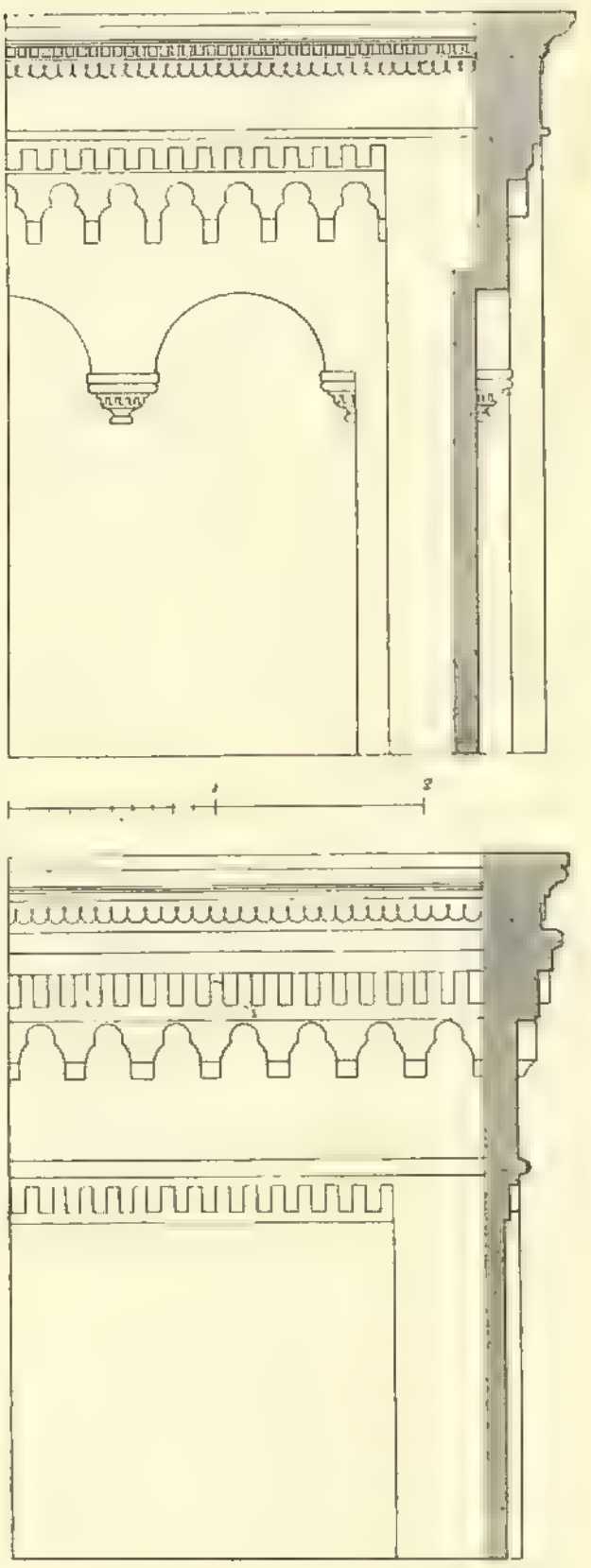


Рис. 130.

цилиндрическая шея, затѣмъ, луковичной формы глава и, наконецъ, общій силуэтъ, слишкомъ стройный и пропорціональный для русскаго зодчества послѣдняго года XVI вѣка, представляютъ собою формы по тогдашнему времени исключительныя для колоколенъ, но въ то же время часто встрѣчающіяся въ самихъ церквахъ. Что же касается деталей колокольни, то нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ кокошники, украшающіе низъ шеи главы, являются чисто мѣстными формами, хотя трактовка ихъ не русская; другія же, — напримѣръ машикули, — получили у насъ въ XVI вѣкѣ право гражданства, несмотря на свое иноземное происхожденіе; но опять таки характеръ ихъ формъ на Иванѣ Великомъ совершенно не русскій, близкій къ романскому.

Такими же исключительными являются и конструктивные пріемы. Фундаментъ, идущій на большую глубину, сложенъ изъ огромныхъ, тщательно притесанныхъ кусковъ бѣлаго камня и въ общемъ имѣетъ форму ступенчатой усѣченной пирамиды; стѣны колокольни, принимая во вниманіе ея высоту, не только не толсты, но даже кажутся тонкими; сложены онѣ изъ кирпича по известковому раствору, а уборныя части мѣстами сдѣланы изъ бѣлаго тесаннаго камня. Наконецъ, стропила главы сдѣланы изъ желѣза и при томъ прекрасно сконструированы.

При сопоставленіи всѣхъ этихъ данныхъ конечно напрашивается заключеніе, что колокольню строилъ иноземный мастеръ и, вѣроятно, италіанецъ, которому такъ же, какъ и Аристотелю Фіоравенти, было предложено руководствоваться мѣстными формами. Исполняя это порученіе, онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы придать своему произведенію характеръ русскаго зданія; но въ то же время не могъ, конечно, отрѣшиться отъ личнаго пониманія прекраснаго. Поэтому, комбинируя русскіе восьмерики, цилиндрическую шею и луковичную главу, онъ все таки въ концѣ концовъ создалъ произведеніе, по общей формѣ близкое къ роднымъ ему кампанилламъ. При этомъ, заимствуя основныя формы, архитекторъ бралъ ихъ съ церквей, а не съ колоколенъ; въ противномъ случаѣ онъ врядъ ли придалъ бы низу колокольни восьмигранный планъ и увѣнчалъ бы ее главою церковнаго характера. Да онъ и не имѣлъ возможности заимствовать для своей работы формы у колоколенъ, такъ какъ тѣ, что существовали тогда на Москвѣ, были не велики и ихъ основные мотивы не могли удовлетворить художника при созданіи такого колосса, какъ Иванъ Великій. На иностранное происхожденіе зодчаго указываютъ и нѣкоторые конструктивные пріемы, какъ напримѣръ желѣзныя стропила главы[1]), а также характеръ, вѣрнѣе, трактовка деталей; особенно

[1]) Считаемъ долгомъ оговориться, что стропила весьма возможно являются болѣе поздней частью зданія.

въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе абрисъ кокошниковъ и тѣ мѣдныя золоченыя розетки, которыя украшаютъ ихъ середины.

Наконецъ, есть еще одно обстоятельство, подтверждающее сдѣланное предположеніе; болѣе, чѣмъ цѣлый вѣкъ зодчій Ивана Великаго не находилъ подражателей своему произведенію; колокольни такого типа стали появляться лишь въ эпоху такъ называемаго Русскаго Барокко[1]), когда западное вліяніе стало проникать на Русь сильнымъ потокомъ; въ XVII же

Колокольня Димитрія Солунскаго.

По фот. М. Красовскаго.
Рис. 131.

вѣкѣ русскіе, по крайней мѣрѣ московскіе мастера, продолжали развивать ими самими взлелѣянный типъ — колоколенъ шатровыхъ и, удивляясь размѣрамъ Ивана Великаго, оставались, повидимому, равнодушными къ общей идеѣ его композиціи. Само собой понятно, что все сказанное относительно этой колокольни останется чисто теоретическими соображеніями до тѣхъ

[1]) Колокольни Новодѣвичьяго монастыря, Троице-Сергіевой Лавры и другія.

поръ, пока какая-нибудь счастливая архивная находка не откроетъ намъ имена зодчаго этого памятника.

Теперь перейдемъ къ шатровымъ колокольнямъ. Къ наиболѣе древнему типу ихъ относится колокольня церкви Димитрія Солунскаго, что у Тверскихъ воротъ. (Рис. № 131 и 132). Несмотря на ее сравнительно позднее происхожденіе[1]), она сохранила типичныя черты первыхъ колоколенъ, еще имѣющихъ нѣкоторую связь съ колокольницами. Въ самомъ дѣлѣ, въ планѣ она имѣетъ продолговатую форму, а не квадратную, и при этомъ покрыта четырехгран-

Колокольня Дмитрія Солунскаго.

По фот. М. Красовскаго.
Рис. 132.

нымъ шатромъ, вслѣдствіе чего она очень похожа на колокольню бывшаго Дудина монастыря[2]), достроенную въ 1600 году. Что касается деталей колокольни Димитрія Солунскаго, то онѣ очень характерны для второй половины XVII вѣка; всѣ эти ширинки, поколи подъ парными колонками, наличники слуховъ и, наконецъ, уширеніе низа шеи главки при помощи карнизика, увѣнчан-

[1]) Построена, вѣроятно, при Алексѣѣ Михайловичѣ.
[2]) Нижегородской губерніи. Смотри Зодчій 1879 г., листъ 2.

наго кокошниками, — ни коимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ началу этого вѣка, несмотря на общій пріемъ композиціи всего сооруженія. По словамъ Л. Даля, такого же типа была и колокольня церкви Богоявленія Господня за Драгомиловскимъ мостомъ[1]), разобранная не задолго до его времени.

Если не ошибаемся, то въ Москвѣ не сохранилось до нашихъ дней ни одной колокольни переходного типа, то есть такой, у которой при прямоугольномъ или квадратномъ планѣ всѣхъ ярусовъ, шатеръ имѣлъ бы восьмигранную форму, какъ напримѣръ колокольня села Пурѣха[2]). Слѣдующая

Колокольня ц. Ѳеодора Студита.

По фот. М. Красовскаго.

Рис. 133.

ступень развитія должна была выразиться въ приданіи верхнему ярусу колокольни, ея «звону», восьмигранаго плана, такъ какъ восьмерикъ, само собою понятно, гораздо лучше вяжется съ восьмиграннымъ же шатромъ, нежели четверикъ. При этомъ, вѣроятно, изъ пролетами звона еще продолжали возводить

[1]) Ibid. стран. 33.

[2]) Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Построена Княземъ Пожарскимъ. Зодчій 1872 г.

стѣнки, заканчивавшіяся горизонтальнымъ карнизомъ, надъ которымъ свѣшивалась полица шатра, украшавшаяся иногда кокошниками. Подобный пріемъ мы видимъ, напримѣръ, у колокольни Пятницкой церкви Троице-Сергіевой Лавры[1]).

Сравнительно малые размѣры пролетовъ и глухіе шатры первыхъ колоколенъ должны были заглушать звуки благовѣста; мастера, вѣроятно, скоро это замѣтили, вслѣдствіе чего получились такія колокольни, верхъ которыхъ представлялъ не стѣны, а столбы, расположенные по восьмиугольнику, и соединенные вверху либо простыми полуциркульными арками, либо арками съ подвышеніемъ; непосредственно надъ этими арками возвышался шатеръ, въ граняхъ котораго имѣлись слухи. Послѣдніе сначала размѣщались не на всѣхъ граняхъ, а лишь черезъ одну, какъ, напримѣръ, у колокольни Гребневской Б. Матери, а затѣмъ ихъ стали устраивать на всѣхъ граняхъ. Къ числу такихъ памятниковъ относятся колокольни церквей: Оедора Студита, что у Никитскихъ воротъ (рис. № 133), Троицы въ селѣ Троицкомъ-Голенищевѣ, Флора и Лавра на Мясницкой (рис. № 134), Рождества въ Путинкахъ— этотъ совершенный съ эстетической точки зрѣнія образецъ, и множество другихъ, находящихся въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Такимъ образомъ сложился этотъ чисто самобытный типъ сооруженія для колоколовъ, характерными чертами котораго являются, во-первыхъ, нижній четверикъ, во-вторыхъ, восьмерикъ изъ столбовъ, соединенныхъ арочками, затѣмъ восьмигранный шатеръ со слухами и, наконецъ, луковичная главка на тонкой шейкѣ, увѣнчанная крестомъ. Такія колокольни ставились отдѣльно, въ связи съ храмомъ или, наконецъ, употреблялись какъ одна изъ его составныхъ частей; въ послѣднемъ случаѣ ихъ ставили или надъ папер-

Церковь Флора и Лавра.

По фот. М. Красовскаго.

Рис. 134.

[1]) См. стран. 177.

тями, или надъ придѣлами, какъ напримѣръ въ Гребневской церкви и въ церкви Рождества въ Путинкахъ.

Что же касается деталей, то онѣ у всѣхъ перечисленныхъ колоколенъ сравнительно просты, почти бѣдны, потому что время ихъ постройки относится къ началу XVII вѣка, когда въ силу указанныхъ выше причинъ Московское зодчество не могло дать опытныхъ и талантливыхъ зодчихъ, а также строить богатыя по отдѣлкѣ и, стало быть, дорого стоющія церкви.

Колокольня Большого Вознесенія.

По фот. М. Красовскаго.
Рис. 135.

Исключеніе представляютъ колокольни церквей Флора и Лавра и Рождества въ Путинкахъ; но обѣ онѣ построены во второй половинѣ XVII вѣка, когда измученная долгими невзгодами Москва снова окрѣпла и зажила сравнительно спокойной жизнью.

Эти двѣ колококольни указываютъ, между прочимъ, на то обстоятельство, что такой типъ колоколенъ употреблялся и во второй половинѣ XVII вѣка, когда уже строились болѣе богатыя и сложныя колокольни.

Выработавъ описанный типъ колокольни, наши мастера не остановились на немъ окончательно; наоборотъ, московскіе зодчіе выказали въ этомъ отно-

Колокольня ц. Симеона Столпника.

Рис. 136.

Церковь Рождества въ Палашахъ.

По фот. М. Красовскаго.

Рис. 137.

Рис. 138.

Общій видъ и детали колокольни ц. Николы въ Лыжахъ. По В. Суслову.

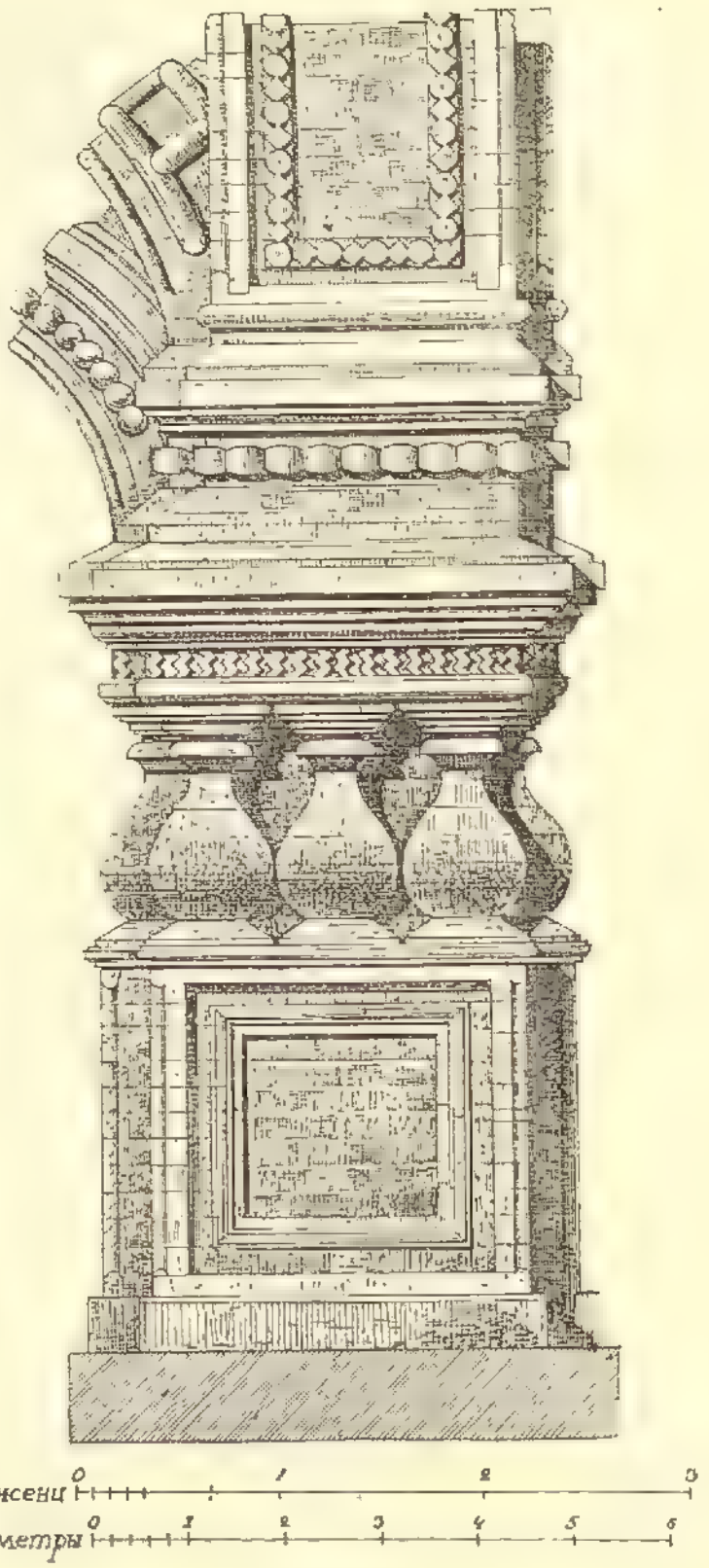


Рис. 139.

шенія поразительную плодотворность и продолжали развивать этотъ типъ, варьируя детали и обогащая основныя формы.

Начали, вѣроятно, съ увеличенія общихъ пропорцій, придавая большую величину нижней части колокольни-четверику; при этомъ, чтобы низъ не казался монотоннымъ, его сначала разбивали на два яруса, разграниченные горизонтальнымъ поясомъ, а потомъ, сохраняя дѣленіе нижняго четверика, стали вводить еще одинъ четверикъ нѣсколько меньшій по площади, вслѣдствіе чего низъ колокольни казался составленнымъ изъ трехъ четвериковъ. Примѣромъ такого пріема композиціи можетъ служить взятая отдѣльно

Церковь Рождества Богородицы.

По фот. М. Красовскаго.

Рис. 140.

стоящая колокольня церкви Большого Вознесенія, что у Никитскихъ воротъ (рис. № 135). Другимъ способомъ придать бо́льшую высоту нижней части колокольни являлась вставка невысокаго, глухого восьмерика между четверикомъ и «звономъ», какъ это видно у колокольни церкви Ѳедора Студита. Пріемъ этотъ очень живописенъ и логиченъ, поэтому очень странно, что колоколенъ такого типа сохранилось на Москвѣ сравнительно небольшое число.

Одновременно съ этимъ начинаетъ увеличиваться число рядовъ слуховъ на шатрѣ, благодаря чему вытягивалась и становилась болѣе легкой и форма послѣдняго. Колоколенъ съ двумя рядами слуховъ на Москвѣ

очень много; достаточно указать на колокольни церквей Симеона Столпника на Поварской (рис. № 136), Рождества въ Палашахъ (рис. № 137), Грузин-

Церковь Николы въ Хамовникахъ.

По фот. Барщевскаго.

Рис. 141.

ской Б. Матери, Спаса на Пескахъ, Николы въ Пыжахъ (рис. № 138 и 139), Казанской Б. Матери[1]) (рис. № 128) и Рождества Богородицы на Покровкѣ

[1]) Въ селѣ Коломенскомъ.

(рис. № 140), чтобы убѣдиться насколько былъ распространенъ на Москвѣ типъ такихъ шатровъ. Дѣйствительно, имя имъ—легіонъ.

Колокольня ц. Троицы въ Зубовѣ.

По Найденову.

Рис. 142.

Послѣдняя изъ перечисленныхъ колоколенъ служитъ переходомъ къ колокольнямъ съ тремя рядами слуховъ: надъ вторымъ рядомъ слуховъ этой колокольни помѣщены круглыя, обрамленныя простой рамкой отверстія,

являющіяся какъ бы зародышемъ третьяго ряда слуховъ, который въ колокольняхъ церкви Николы въ Хамовникахъ (рис. № 141), Покровскаго собора (Василія Блаженнаго) и Троицы въ Зубовѣ (рис. № 142), получилъ уже вполнѣ законченную художественную обработку; при этомъ въ послѣдней колокольнѣ ординарные до сихъ поръ слухи нижняго ряда превратились въ парные.

Примѣромъ переходнаго типа отъ трехрядныхъ шатровъ къ слѣдующему типу служитъ колокольня Николы на Столпахъ, у которой между нижнимъ и вторымъ рядомъ слуховъ помѣщены полуциркульныя отверстія, украшенныя наличниками, имѣющими форму килевидныхъ кокошниковъ.

Колокольня Николы Явленнаго.

По фот. М. Красовскаго.
Рис. 143.

Наконецъ, и это было уже кульминаціонной точкой развитія шатровыхъ колоколенъ, появились шатры съ четырьмя рядами слуховъ, при чемъ у большинства памятниковъ этого типа слухи нижняго ряда—парные. Къ такому типу относятся колокольни церквей Адріана и Наталіи и Николы Явленнаго на Арбатѣ (рис. № 143), Послѣдняя по стройности пропорцій, красотѣ деталей, ихъ богатству и изяществу представляетъ совершеннѣйшій образецъ Московскихъ шатровыхъ колоколенъ и служитъ наглядньшъ опроверженіемъ теоріи, отрицающей существованіе самобытнаго и при томъ истинно художественнаго русскаго стиля. Къ счастію, ряды защитниковъ этой теоріи рѣдѣютъ теперь съ каждымъ днемъ.

Колокольни съ тремя и четырьмя рядами слуховъ появились во второй половинѣ XVII вѣка; въ концѣ его на Русское искусство начинаетъ сильно вліять искусство Запада, которое все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ симпатіи у москвичей. Вліяніе это, конечно, не могло не отразиться и на колокольняхъ; дѣйствительно, въ это время начинаетъ уже чувствоваться упадокъ самобытнаго стиля и это прежде всего становится замѣтнымъ на убориыхъ частяхъ шатровыхъ колоколенъ, а затѣмъ и на самой шатровой формѣ ихъ верха, которая сперва становится вычурной, потомъ входитъ лишь какъ составная часть верха колокольни и, наконецъ, совершенно исчезаетъ изъ старо-русскаго искус-

ства, но уже не по волѣ высшей духовной власти, а сама собою; умираетъ, такъ сказать, естественной смертью.

Обращаясь къ памятникамъ и группируя ихъ по однороднымъ массамъ

Церковь Великомученика Георгія.

По фот. Иванова-Терентьева.

Рис. 144.

и деталямъ можно болѣе подробно прослѣдить это постепенное умираніе шатроваго типа колоколенъ. Первый его признакъ, вычурность и излишнее богатство деталей виденъ на колокольнѣ церкви Николы въ Хамовникахъ (рис. № 141); главныя ея составныя части остаются все еще прежнія; остаются

и прежнія прекрасныя пропорціи; но отъ былого спокойствія и благородства уборныхъ мотивовъ не сохранилось почти ничего; прежде всего, ихъ такъ много, что глазу нѣтъ возможности отдохнуть на не украшенномъ мѣстѣ; затѣмъ, не вездѣ соблюденъ масштабъ деталей, такъ мѣстами онѣ слишкомъ мелки, мѣстами же излишне крупны; вслѣдствіе этого вся колокольня производитъ безпокойное впечатлѣніе, чего совершенно нѣтъ у колокольни Церкви Явленнаго, несмотря на то, что послѣдняя по богатству формъ нисколько не уступаетъ только что разсмотрѣнной.

Колокольня ц. Іоасафа Царевича.

Рис. 145.

По фот. М. Красовскаго.

Рис. 146.

Наоборотъ, въ другихъ памятникахъ наблюдается оскудѣніе въ формахъ: снова появляются шатры съ двумя рядами слуховъ, при чемъ одновременно съ этимъ надъ арками звона опять начинаютъ возводить стѣнки, на которыя опираютъ шатеръ, тогда какъ въ лучшую пору самобытнаго искусства онъ высился непосредственно надъ арками и ихъ кокошниками. Къ такимъ памятникамъ относится колокольня церкви Великомученика Георгія[1]), что на большой Димитровкѣ (рис № 144), и колокольня церкви

[1]) Бывшій Георгіевскій монастырь. Построена при патріархѣ Іоакимѣ (1674—1690 гг.).

св. Іоасафа царевича[1]), находящаяся въ селѣ Измайловѣ (рис. 145 и 146); въ этихъ двухъ памятникахъ уже исчезли прежнія строгія пропорціи: въ погонѣ за новыми эффектами зодчіе чрезмѣрно развиваютъ какую-нибудь одну изъ составныхъ частей колокольни, ступевывая въ то же время остальныя. Такъ, въ первомъ примѣрѣ зодчій обратилъ все свое вниманіе на среднюю часть — на восьмерикъ, тогда какъ во второмъ примѣрѣ эта часть настолько низка и узка, что для уничтоженія ея неудачныхъ пропорцій строитель поставилъ внизу ея, надъ углами четверика, нескладные кокошники, которые все таки нисколько не улучшили общаго силуэта. Однако, во всѣхъ приведенныхъ сейчасъ примѣрахъ шатеръ все же продолжаетъ играть первенствующую роль и между нимъ и звономъ колокольни пока нѣтъ еще вводныхъ существенныхъ массъ; впрочемъ намекъ на нихъ уже видѣнъ въ Измайловской колокольнѣ, гдѣ подножіе шатра замаскировано очень низкимъ восьмерикомъ, состоящимъ изъ ряда балясинъ, соединенныхъ вверху арочками, надъ которыми находится узенькій карнизикъ. Въ церкви же Воскресенія въ Кадашахъ[2]) надъ звономъ помѣщенъ еще одинъ восьмерикъ значительно меньшій по размѣрамъ, нежели звонъ; вокругъ нижняго восьмерика устроена открытая площадка, огороженная парапетомъ. Пропорціи шатра, вѣнчающаго этотъ восьмерикъ, слишкомъ вытянуты, отчего онъ похожъ скорѣе на шпиль, нежели на шатеръ; низъ его прикрытъ балюстрадой, а верхъ закончентакой маленькой луковичной главкой, что снизу ее можно принять за яблоко креста.

Колокольня ц. Успенія Б. Матери въ Печатникахъ.

По фот. М. Красовскаго.

Рис. 147.

Еще менѣе замѣтное мѣсто шатеръ занимаетъ въ колокольнѣ церкви

---

[1]) Построена въ 1678 году.

[2]) Построена въ 1695 году.

Успенія Б. Матери, что въ Печатникахъ (на Б. Лубянкѣ). Здѣсь звонъ покрытъ куполомъ, надъ которымъ высится маленькій восьмерикъ, покрытый глухимъ шатромъ (рис. № 147). Размѣры послѣдняго настолько малы, что слуховъ въ немъ устроить было невозможно. Такимъ образомъ шатеръ колокольни въ Печатникахъ является уже пережиткомъ, старымъ символомъ, съ которымъ у зодчаго связывалось представленіе о колокольнѣ; другими словами онъ не могъ еще окончательно освободиться отъ мысли, что безъ

Колокольня ц. Введенія.

По фот. М. Красовскаго.
Рис. 148.

шатроваго верха колокольня не будетъ колокольней. Судя по общности деталей, колокольню церкви Введенія (уголъ М. Лубянки и Фуркасовскаго переулка) нужно отнести къ такому же типу сооруженій (рис. № 148). Правда, въ настоящее время ея куполъ закрытъ прямыми скатами крыши, а надъ верхнимъ восьмерикомъ высится непосредственно луковичная главка на подножіи, но по всѣмъ вѣроятіямъ вмѣсто этого подножія существовалъ прежде небольшой шатеръ. Возможно, конечно, что вмѣсто послѣдняго верхній восьмерикъ разсматриваемой колокольни былъ покрытъ куполомъ

или луковичной главкой — тогда этотъ памятникъ слѣдуетъ отнести къ слѣдующему типу колоколенъ, въ которыхъ шатровой мотивъ исчезъ окончательно; такія колокольни состояли изъ восьмигранаго звона, украшеннаго вверху карнизомъ, сферическаго купола, и одного или двухъ маленькихъ восьмериковъ, покрытыхъ либо луковицей, либо куполкомъ; примѣрами могутъ служить колокольня церкви Похвалы Богородицы (рис. № 149) (у храма Христа Спасителя) и колокольня церкви Сергія въ Казицкомъ переулкѣ (рис. № 150).

Церковь Похвалы Богородицы

По фот. М. Красовскаго.

Рис. 149.

Въ послѣдней колокольнѣ сводъ нижняго восьмерика (звона) еле замѣтенъ снизу, настолько онъ закрытъ высокимъ парапетомъ, украшеннымъ ложной балюстрадой. Такую же обработку видимъ и у колокольни церкви св. Николая, что у Красныхъ колоколовъ. Такимъ образомъ обѣ эти колокольни скомбинированы изъ трехъ восьмериковъ, с основаніемъ для которыхъ служитъ четверикъ. Отсюда уже не далеко до высокихъ колоколенъ Новодѣвичьяго монастыря (рис. № 151) и Троице-Сергіевой Лавры; между этими двумя типами даже не нужно искать промежуточныхъ, такъ какъ все

отличіе ихъ заключается въ числѣ громоздящихся другъ на другѣ восьмерпковъ, и въ томъ, что у послѣдняго восьмерпки начинаются съ самаго низа, то-есть такъ, какъ у колокольни Ивана Великаго.

Колокольни четырехъ послѣднихъ группъ появляются на Москвѣ въ самомъ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII. Мы не останавливались на разборѣ ихъ деталей, такъ какъ онѣ, естественно, совершенно аналогичны

Церковь Св. Сергія.

По фот. М. Красовскаго.
Рис. 150.

съ отдѣлкой церквей, при которыхъ эти колокольни стоятъ, и разбору которыхъ будутъ посвящены слѣдующія главы.

Исчезнувъ съ колоколенъ, шатеръ надолго исчезъ и вообще изъ русскаго зодчества. Какъ самобытная форма онъ не могъ ужиться съ новыми иноземными мотивами, наводнившими Русь въ концѣ XVII вѣка и смывшими, казалось, окончательно все то, что носило въ русской церковной архитектурѣ отпечатокъ мѣстнаго, народнаго характера. Однако, два вѣка владычества чуждой русскимъ людямъ архитектуры, понятной лишь высшимъ слоямъ общества, не могли искоренить навсегда природныхъ идеаловъ всего

народа, и шатеръ, какъ символъ ихъ, снова появился въ нашн дни не только на колокольняхъ, но и на самихъ церквахъ, такъ какъ высшее духовенство

Колокольня Новодѣвичьяго монастыря.

По фот. Иванова-Терентьева.

Рис. 151.

не ставитъ теперь зодчимъ обязательнаго и своеобразно понимаемаго требованія «строити по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ о пяти верхахъ, а не шатромъ».

ГЛАВА IX.

Возвращаясь опять къ церковному зодчеству конца XVI и начала XVII вѣка, повторимъ то, что было о немъ сказано въ концѣ VI главы. Два направленія архитектуры, изъ которыхъ одно, всецѣло придерживавшееся стародавнихъ принциповъ, другое новое, самобытное, выражавшееся преимущественно въ примѣненіи шатровой формы, постепенно слились къ началу XVII столѣтія, и слѣдствіемъ этого явились такія церкви, въ которыхъ при новомъ типѣ плана и отчасти новыхъ уборныхъ мотивахъ, общій характеръ внѣшняго вида зданія получилъ болѣе сходства съ церквами предшествующихъ періодовъ зодчества, нежели съ яркими представителями новаго, самобытнаго направленія. Отличительной чертой этого, если можно такъ выразиться, средняго теченія архитектурныхъ стилей Московскаго зодчества, являлось *отсутствіе шатра* надъ главной частью церкви; у нихъ, какъ напримѣръ, въ Пятницкой (Лаврской) церкви, надъ сомкнутымъ сводомъ высится одна луковичная глава на цилиндрической шеѣ.

Въ началѣ XVII вѣка, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго, окончательно установилось это «среднее» направленіе зодчества, причемъ рядовыя церкви строились обыкновенно одноглавыми; при постройкѣ же болѣе значительныхъ храмовъ, онѣ по древнему обычаю увѣнчивались пятью верхами. Въ самой Москвѣ памятниковъ такого пятиглаваго типа, насколько намъ извѣстно, не сохранилось, но сравнительно недалеко отъ нея, а именно въ селѣ Вяземахъ[1]), до сихъ поръ существуетъ церковь Преображенія Господня, представляющая собою весьма интересный образецъ такихъ церквей.

Время постройки этой церкви точно неизвѣстно, но народное преданіе называетъ ея строителемъ царя Бориса и считаетъ одновременной съ колокольней Ивана Великаго. По мнѣнію В. В. Суслова[2]) это преданіе представляется вполнѣ допустимымъ, соотвѣтствующимъ дѣйствительности, если судить по общимъ архитектурнымъ формамъ и деталямъ этихъ двухъ памятниковъ и отчасти по коронѣ, которая сохранилась на средней главѣ церкви въ Вяземахъ.

Съ этимъ мнѣніемъ согласенъ и Н. В. Султановъ, потому что, упоминая о ней въ своей рецензіи о книгѣ А. М. Павлинова, онъ говоритъ: «.... пропуская церковь въ селѣ Вяземахъ, Годуновской постройки, стоящую на рубежѣ столѣтій...»[3]) Наконецъ, на эту эпоху указываютъ и нѣкоторые пріемы композиціи памятника.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору церкви Преображенія, скажемъ нѣсколько словъ о матеріалахъ, изъ которыхъ она сдѣлана. Повидимому, весь низъ

---

[1]) Въ 15 верстахъ къ юго-востоку отъ Звенигорода.

[2]) Памятники древн. Русск. зодчества, изд. Имп. Акад. Худож., выпускъ II.

[3]) «Исторія русской архитектуры». Сочин. академика А. М. Павлинова. Москва, 1894 годъ, рецензія Н. В. Султанова.

церкви сложенъ изъ бѣлаго тесанаго камня по крайней мѣрѣ, по свидѣтельству В. В. Суслова[1]), имъ облицованы внѣшнія стороны стѣнъ до закаморъ. Послѣднія же, а также шеи главъ сложены изъ кирпича и оставлены безъ облицовки. Примѣненіе естественнаго камня, какъ основнаго строительнаго матеріала, не обычно для Московскаго зодчества разсматриваемаго періода; не обычна даже сплошная облицовка имъ, по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ въ Москвѣ другихъ памятниковъ конца XVI или начала XVII вѣка, въ которыхъ бы былъ примѣненъ одинъ изъ этихъ двухъ пріемовъ. Первенствующую роль въ это время игралъ кирпичъ, а бѣлый камень примѣнялся лишь въ сравнительно небольшомъ количествѣ и при томъ почти исключительно какъ «уборный» матеріалъ; поэтому присутствіе его въ такомъ значительномъ количествѣ въ церкви села Вяземъ кажется намъ знаменательнымъ. Пока, однако, оставимъ въ сторонѣ попытку объяснить этотъ фактъ и перейдемъ къ разсмотрѣнію самого памятника.

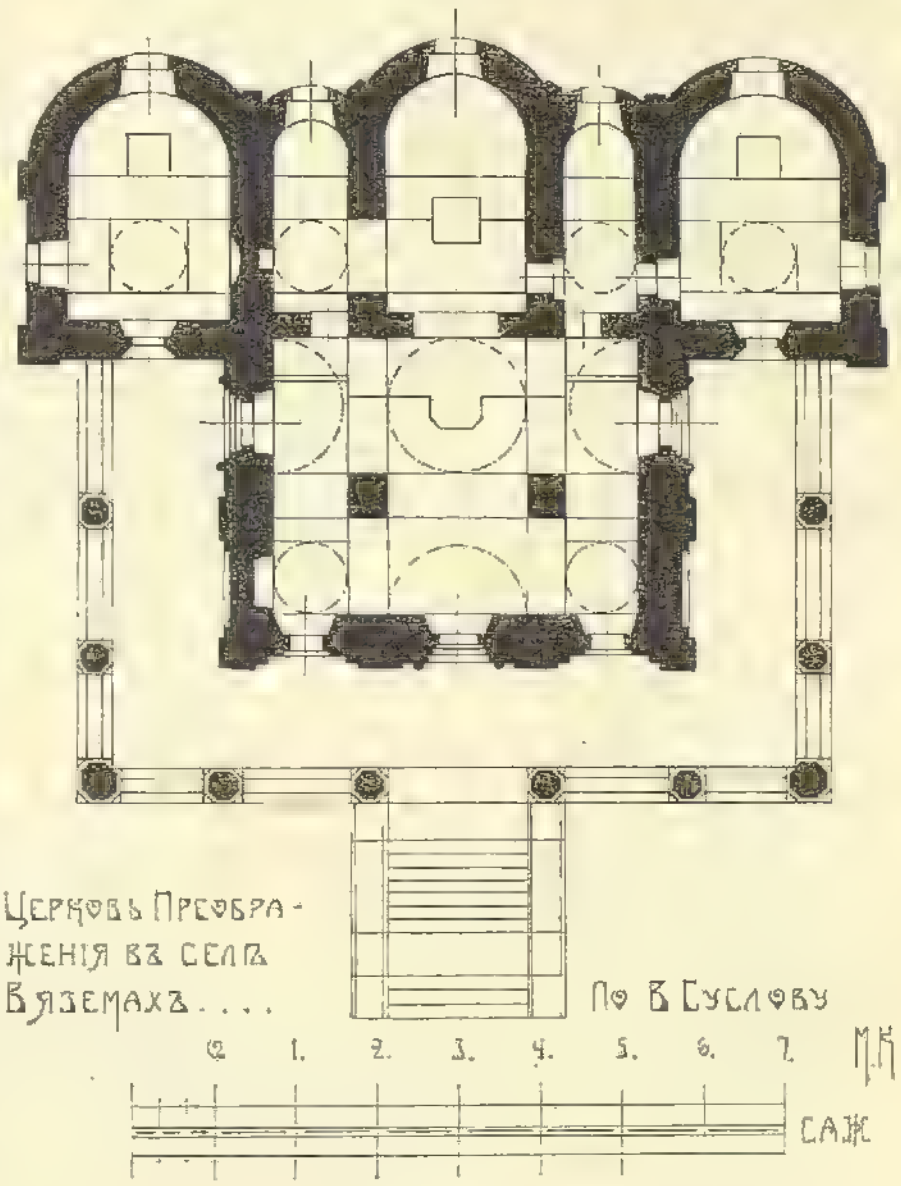


Рис. 152.

Если у его плана (рис. № 152) отбросить придѣлы и галлерею, то есть разсматривать планъ только одной главной части храма, то будетъ казаться, что мы имѣемъ дѣло съ постройкой XV вѣка или даже съ произведеніемъ владиміро-суздальскаго зодчества, настолько въ этой части точно соблюдены завѣты греческихъ мастеровъ. Единственнымъ отличіемъ отъ суздальскихъ плановъ является здѣсь присутствіе стѣнокъ алтарной преграды, стоящей между восточными столпами; высота преграды незначительна, а именно 5 аршинъ.

Но если разсматривать планъ во всей его совокупности, то впечатлѣніе получится совершенно иное: дѣйствительно, примыкающіе съ сѣвера и юга къ главной части храма придѣлы и открытая галлерея — ходовая паперть, огибающая среднюю часть съ юга, запада и сѣвера, сближаютъ планъ церкви Преображенія

[1]) Памятники древн. Русск. зодчества, изд. Имп. Акад. худож., выпускъ II.

съ одной стороны съ планомъ Медвѣдковской церкви, а съ другой стороны съ Московскими планами второй половины XVII столѣтія.

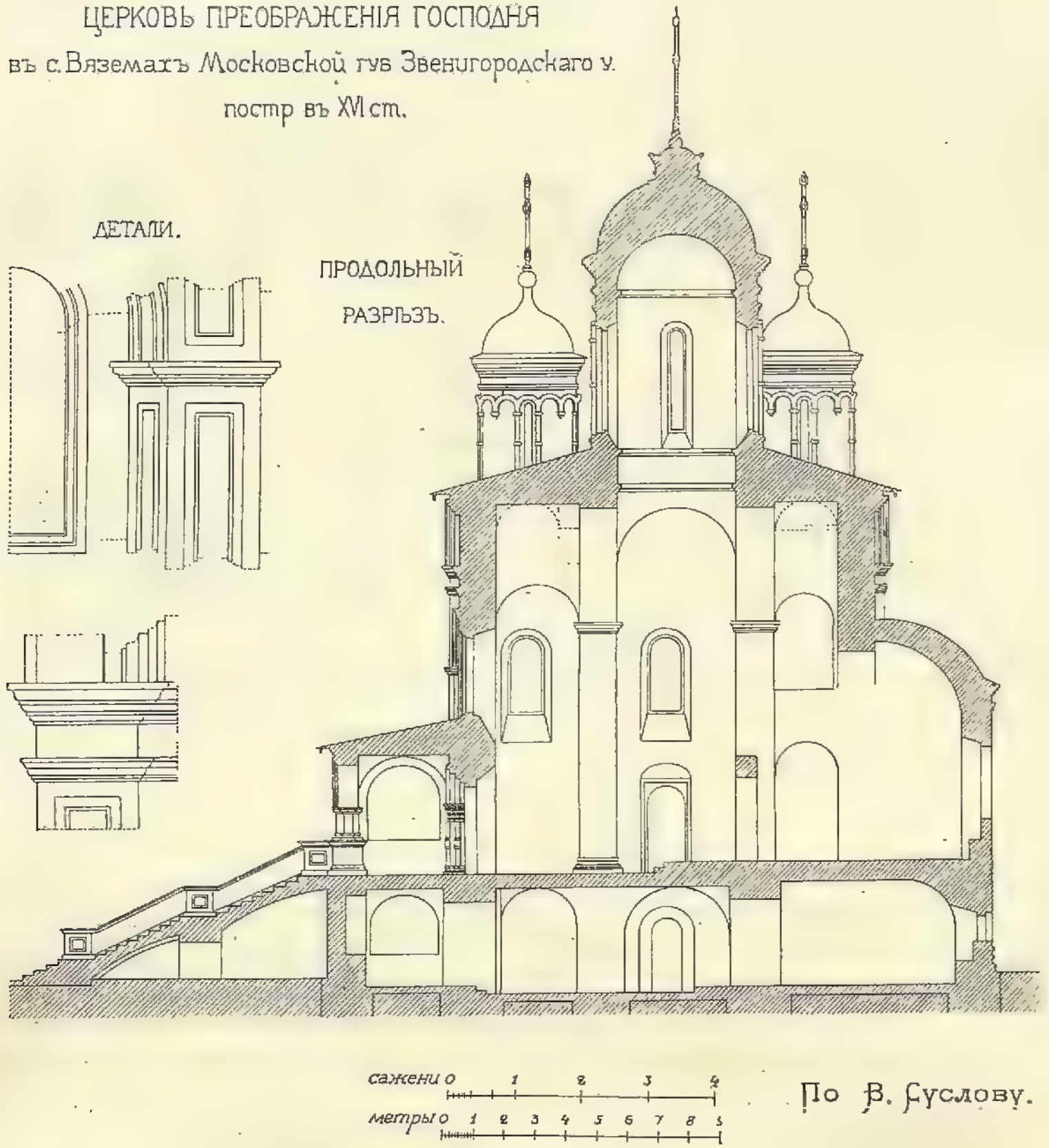


Рис. 153.

Съ запада на паперть вела широкая лѣстница, которой теперь уже не существуетъ; на чертежахъ №№ 153 и 154 показанъ проэктъ ея реставраціи.

Говоря о планѣ разсматриваемаго памятника нельзя не отмѣтить его правильности въ отношеніи разбивки на мѣстѣ, которая въ древне-русскихъ зданіяхъ наблюдается лишь какъ исключеніе; обычная же неправильность объясняется

ЦЕРКОВЬ
ПРЕОБРАЖЕНІЯ ГОСПОДНЯ
въ селѣ Вяземахъ Московской г.
Звенигородскаго уѣзда, постр. въ XV с.
Борисомъ Годуновымъ

ЗАПАДНЫЙ
ФАСАДЪ

Рис. 154.

По В. Суслову.

незнакомствомъ съ точными инструментами: обходились съ одними правилами да угольниками, а объ астролябіи или какомъ либо другомъ инструментѣ не имѣли понятія; безъ послѣднихъ же правильно разбить планъ на мѣстѣ, конечно, очень затруднительно.

Церковь стоитъ на подклѣтѣ, который подъ ея центральной частью нѣсколько выше, нежели подъ алтарями. Что касается самого храма, то онъ внутри представляется, вслѣдствіе формы своего плана, очень похожимъ на четырехстолпныя церкви XV столѣтія; нѣсколько своеобразными являются только базы и капители столповъ и дополнительныя арочки подъ малыми западными главами. Послѣднія въ псково-новогородскомъ зодчествѣ встрѣчаются довольно часто, но въ Московскомъ особеннаго распространенія не получили. Въ данномъ памятникѣ онѣ примѣнены не только подъ шеями западныхъ главъ, но и подъ главами обоихъ придѣловъ, причемъ подъ каждою изъ послѣднихъ ихъ устроено по двѣ пары: одна идетъ по направленію сѣверъ-югъ, а другая пара, опирающаяся на первую, по направленію востокъ-западъ. (См. планъ).

Освѣщается церковь окнами, устроенными въ шеѣ большой главы и однимъ рядомъ оконъ въ стѣнахъ. Нижнія окна имѣютъ нѣсколько большой размѣръ и необычныя пропорціи для зодчества конца XVI и начала XVII вѣка; то же самое можно сказать и объ алтарныхъ окнахъ; однако, какъ тѣ такъ и другія повидимому сохранили свою первоначальную форму, такъ какъ обтягивающіе ихъ наличники (въ видѣ уступовъ-впадинъ) по характеру профилей вполнѣ гармонируютъ съ остальнымъ архитектурнымъ убранствомъ церкви.

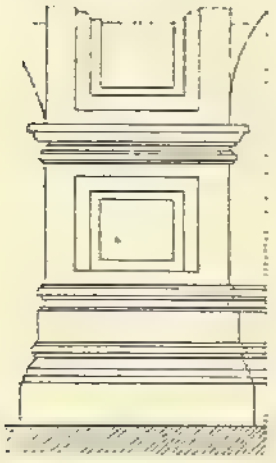


Рис. 155.

Всѣ стѣны внутри церкви покрыты росписью, подъ которой сохранилась болѣе древняя, вѣроятно, одновременная съ самимъ храмомъ.

Вглядываясь въ общій пріемъ внѣшней отдѣлки церкви въ Вяземахъ и въ мелкія детали ея архитектурнаго убранства, нельзя не замѣтить во всемъ этомъ чего-то не совсѣмъ обычнаго для московскаго зодчества этой эпохи. (Рис. №№ 154 и 155). Здѣсь такъ же, какъ въ колокольнѣ Ивана Великаго и стоящей около церкви колокольницѣ (см. выше) чувствуется участіе иностраннаго мастера и при томъ, вѣроятно, италіанца. Стоитъ только обратить вниманіе на восьмигранные столпы галлереи, на архивольты, — которые огибаютъ верхи окопъ стѣнъ и опираются на дополнительные пилоты и лопатки, — на филенки главныхъ и дополнительныхъ лопатокъ, наконецъ, на профилевку всѣхъ этихъ архитектурныхъ мотивовъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что проектировалъ этотъ храмъ и руководилъ его постройкой не русскій

мастеръ[1]). Всѣ эти пріемы и формы слишкомъ классичны, если можно такъ выразиться, чтобы выйти изъ подъ руки русскаго зодчаго самаго начала XVII вѣка. Поэтому невольно приходится придти къ такому же заключенію, какое мы сдѣлали относительно строителя колокольни Ивана Великаго: работа была поручена иностранцу, но ему было вмѣнено въ обязанность построить церковь, придерживаясь мѣстныхъ образцовъ, съ которыми онъ былъ, очевидно, хорошо знакомъ; однако это послѣднее обстоятельство не

Порталъ церкви въ с. Вяземахъ.

Рис. 155. По фот. М. Красовскаго.

[1]) Сказанному какъ бы противорѣчитъ характеръ композиціи главныхъ порталовъ — они кажутся имѣющими чисто мѣстный пошибъ. Рис. № 155. Однако, съ одной стороны, нѣкоторыя ихъ детали, какъ напримѣръ «дыньки» и лишенные заострений архивольты, являются для конца XVI вѣка пріемами устарѣлыми, а съ другой стороны, верхушки ихъ колонокъ и промежуточныхъ выступовъ увѣнчаны высокими нагромождепіями массивныхъ обломовъ, совершенно не похожими на тѣ капители, или подобія капителей, которыми обычно колонки заканчивались. Эти нагромождепія скорѣе напоминаютъ раскреповки антаблемента, болѣе свойственныя западному, нежели русскому зодчему конца XVI. или начала XVII вѣка.

помѣшало пробиться наружу его природнымъ вкусамъ. Поэтому онъ выбиралъ такіе пріемы и мотивы, которые были ему болѣе понятны и близки; этимъ обстоятельствомъ можно объяснить употребленіе въ дѣло бѣлаго камня, наличность шлемовидныхъ, близкихъ къ куполамъ главъ, которыя въ то время уже вытѣснялись луковичными и, наконецъ, полуциркульныхъ закаморъ[1]) надъ строгимъ карнизомъ. Что же касается дополнительныхъ лопатокъ, несущихъ на себѣ архивольты и стоящихъ по бокамъ главныхъ, большихъ лопатокъ, то пріемъ этотъ чисто италіанскій, встрѣчающійся, насколько намъ извѣстно, въ разсматриваемую нами эпоху только на одномъ этомъ памятникѣ Московскаго зодчества. На необычную форму оконъ мы уже указали, точно такъ же, какъ и на правильность разбивки плана; остается только сказать, что правильность эта и строгая симметричность бросаются въ глаза не только на планѣ, но ясно видны и на фасадахъ.

Все это вмѣстѣ взятое производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто церковь въ Вяземахъ была построена не на рубежѣ XVI и XVII столѣтій, а въ ту эпоху, когда наши, насквозь пропитанные классицизмомъ, архитекторы вздумали по слѣдамъ Тона строить церкви въ «русскомъ вкусѣ», о которомъ они имѣли представленіе почти такое же, какъ ихъ западные коллеги.

Церквей начала XVII вѣка, по крайней мѣрѣ такихъ, время постройки которыхъ точно извѣстно, сохранилось на Москвѣ до нашихъ дней сравнительно немного. Одной изъ первыхъ является церковь Покрова Пр. Богородицы при общинѣ сестеръ милосердія[2]). Построена она въ 1619 году царемъ Михаиломъ въ память побѣды надъ поляками[3]), а освящена въ 1627[4]).

По пріему композиціи плана памятникъ этотъ очень похожъ на церковь въ селѣ Вяземахъ (рис. № 157). Существеннымъ отличіемъ является лишь отсутствіе столповъ въ его главной части, благодаря чему по своему плану памятникъ этотъ находится въ тѣсной связи съ Медвѣдковскимъ храмомъ. Не останавливаясь поэтому на описаніи плана Покровской церкви, который къ тому же ясно виденъ на прилагаемомъ чертежѣ, укажемъ только на нѣкоторыя мелкія его подробности. Къ нимъ, во-первыхъ, нужно отнести находящуюся въ алтарѣ скамью для священнослужителей; присутствіе ея объясняется тѣмъ, что эта церковь была прежде соборомъ при Покровскомъ дворцѣ и слѣдовательно служба въ ней совершалась

---

[1]) Каково было первоначальное покрытіе церкви и придѣловъ сказать опредѣленно, не изслѣдовавъ чердаки, трудно; теперь крыши четырехскатныя, но очень возможно, что прежнее покрытіе было посводное, такъ какъ никакихъ слѣдовъ карнизовъ подъ свѣсомъ крышъ не имѣется, а отсутствіе ихъ дисгармонируетъ съ общимъ характеромъ архитектуры памятника.

[2]) Церковь прежняго села Покровскаго.

[3]) Архивъ Московской Духовной Консисторіи. — Клировыя вѣдомости 1830 годъ.

[4]) И. М. Снегиревъ (Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества, 1851 годъ, тетрадь восьмая, стран. 18).

А. Мартыновъ ссылаясь на Арцыбашево повѣствованіе о Россіи (т. III), говоритъ, что церковь села Покровскаго была построена въ 1626 году.

иногда высшимъ духовенствомъ. Во-вторыхъ, въ проходѣ, ведущемъ къ южной апсидѣ главной части церкви, находится ниша[1]), въ которой устроено сидѣніе; преданіе говоритъ, что Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ слушалъ здѣсь службу, но, по словамъ П. М. Снегирева[2]), царское мѣсто находилось въ юго-западномъ углу церкви, гдѣ висѣлъ также и портретъ царя-храмоздателя. Что же касается упомянутой южной апсиды, то она первопачально не была придѣломъ, какъ въ настоящее время; по крайней мѣрѣ при П. М. Снегиревѣ эта апсида служила ризницей. Очень возможно, что прежде не существовало стѣнки, которая образуетъ

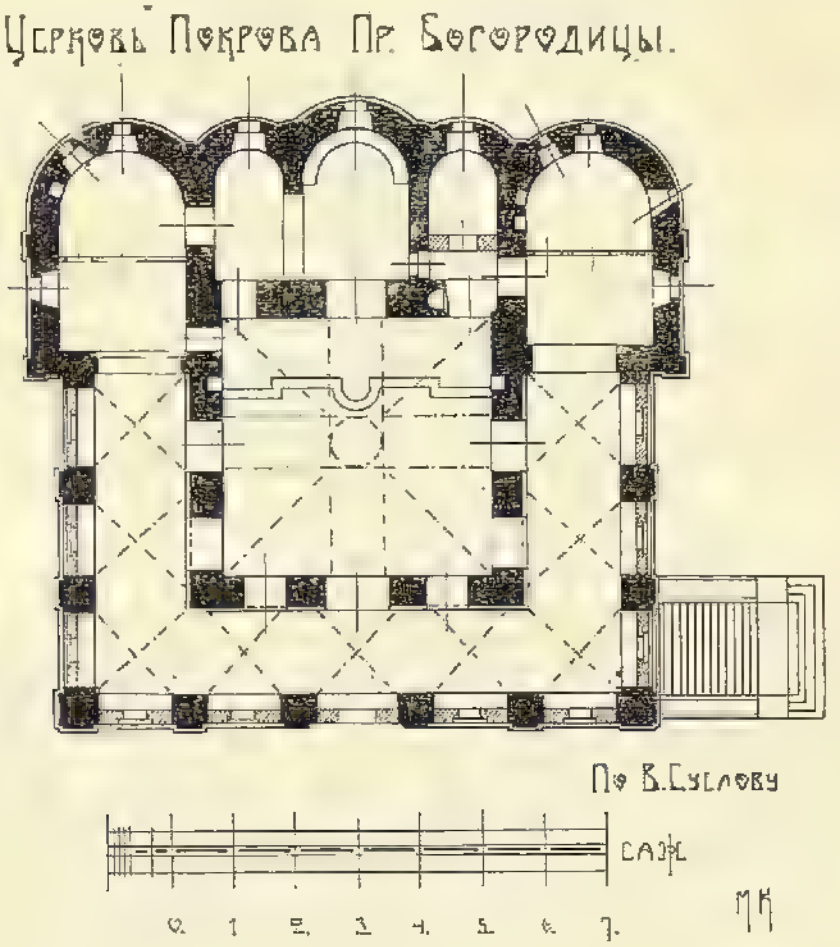


Рис. 157.

теперь изъ апсиды самостоятельное помѣщеніе, и тогда эта апсида представляла собою обычный діаконникъ[3]). Наконецъ, окно сѣвернаго придѣла было прежде дверью, которая вела на переходы, соединявшіе церковь съ дворцомъ[4]).

Церковь поставлена на подклѣтѣ, высота котораго едва превышаетъ одну сажень; подъ главной частью подклѣтъ покрытъ зеркальнымъ сводомъ, подъ алтаремъ же и придѣлами — комбинаціей цилиндрическихъ сводовъ со сферическими.

---

[1]) Высота ея отъ полу 2 аршина.

[2]) Ibid.

[3]) Въ планѣ В. Суслова (Памятники древнерусскаго зодчества, вып. VI, листъ 2) стѣнка эта заштрихована иначе, чѣмъ остальныя стѣны церкви. Повидимому, составитель плана хотѣлъ этимъ указать на болѣе позднее происхожденіе стѣнки, хотя въ текстѣ объ этомъ онъ не говоритъ ничего.

[4]) П. М. Снегиревъ. Ibid.

Разсматривая разрѣзъ самого храма мы видимъ въ немъ совершенно новый, еще не встрѣчавшійся намъ въ Московскомъ зодчествѣ, пріемъ конструкціи перекрытія (рис. № 158). Дѣйствительно, главный квадратъ церкви покрытъ сомкнутымъ сводомъ съ четырьмя сферическими распалубками, сходящимися у отверстія шеи главы — пріемъ въ высшей степени красивый и очень смѣлый, въ особенности, если принять во вниманіе величину покрываемаго сводомъ пространства, — сторона квадрата главной части церкви превышаетъ четыре сажени. Производимое сводомъ эффектное впечатлѣніе усиливалось прежде открытымъ верхомъ, который при передѣлкѣ храма изъ холоднаго въ теплый былъ заложенъ такъ, что теперь изнутри церкви видна лишь незначительная часть шеи главы. Тогда же, вѣроятно, были заложены и окна шеи, безъ которыхъ не имѣло никакого

Рис. 158. По В. Суслову.

смысла дѣлать ее не глухой и тѣмъ усложнять безъ того не легкую для исполненія форму свода. Распалубки были устроены не съ одной художественной цѣлью; онѣ являются необходимыми, такъ какъ безъ нихъ въ сводъ врѣзались бы верхи оконныхъ нишъ, поднимающихся выше пятъ свода. Появленіе такой формы свода въ Московскомъ зодчествѣ подготовлялось, конечно, постепенно, хотя, послѣ пріобрѣтенія навыка въ простыхъ сомкнутыхъ сводахъ, особенно много времени, для этого не требовалось. Промежуточной формой являлся, вѣроятно, сомкнутый сводъ съ небольшими, и при томъ прямыми, распалубками надъ окнами; эта же послѣдняя форма уже совсѣмъ не далека отъ свода Покровской церкви.

Высота главной части церкви сравнительно съ придѣлами, алтарями и ходовой папертью очень значительна, — она равняется, считая отъ пола церкви до шелыги свода, почти пяти саженямъ и одному аршину, тогда какъ высота алтаря равняется всего двумъ саженямъ, а ходовая паперть, перекрытая цѣпью крестовыхъ, слегка вспарушенныхъ, сводовъ, еще того ниже — около полутора саженъ.

Церковь Покрова Богородицы

Рис. 159

По В. Суслову.

Теперь перейдемъ къ внѣшнему виду Покровской церкви (рис. № 159[1]) и № 160). Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе композиція верхней части памятника; весь верхъ его составленъ изъ ряда кокошниковъ, размѣры которыхъ по мѣрѣ возвышенія свода, служащаго имъ основаніемъ, все уменьшаются, такъ что разница между нижними кокошниками и верхними очень значительна. Ко-

[1]) Реставрированный фасадъ.

кошники трехъ нижнихъ рядовъ отвѣчаютъ направленію стѣнъ церкви, другими словами, угловыхъ кокошниковъ, которые отвѣчали бы ребрамъ свода, нѣтъ;

Церковь Покрова Богородицы.

По фот. Иванова-Терентьева.

Рис. 160.

верхніе же кокошники, играющіе роль основанія шеи верха, расположены по окружности, причемъ форма ихъ стрѣльчатая, тогда какъ у нижнихъ она полуциркульная съ чуть замѣтнымъ намекомъ на подвышеніе. Самыми богатыми по

числу обломовъ являются архивольты кокошниковъ второго ряда, считая снизу; у остальныхъ же они довольно просты.

Такая композиція верха церкви кажется на первый взглядъ очень оригинальной и появившейся сразу, какъ плодъ фантазіи зодчаго. Въ дѣйствительности же она образовывалась постепенно, по мѣрѣ выростанія верха сводовъ, покрывавшихъ церкви; первоначально, при сводахъ небольшого выноса, надъ верхнимъ обрѣзомъ стѣнъ церкви выслился только одинъ рядъ закаморъ, имѣвшихъ чисто конструктивное значеніе. Второю ступенью развитія былъ тотъ архитектурный пріемъ, въ которомъ появлялся второй рядъ закаморъ, украшавшихъ подножіе шеи главы; впослѣдствіи онѣ были замѣнены ихъ декоративными потомками — кокошниками; при этомъ нижній рядъ закаморъ въ свою очередь превращается съ теченіемъ времени въ рядъ кокошниковъ; назовемъ его «настѣннымъ рядомъ». Внутренній распорядокъ церкви остается при этомъ все еще старымъ, съ внутренними столбами, служащими опорами для сводовъ сравнительно невысокаго выноса. Когда же съ исчезновеніемъ столбовъ измѣнилась конструкція покрывавшихъ церковь сводовъ, когда вошелъ въ употребленіе сомкнутый сводъ, тогда одновременно съ этимъ могъ появиться и третій (первый промежуточный) рядъ кокошниковъ, помѣщенный уже не на стѣнахъ, какъ нижній рядъ, а на скатахъ свода. Наконецъ, когда выносъ сомкнутаго свода стали дѣлать настолько большимъ, что шелыга послѣдняго стала значительно подниматься надъ настѣннымъ рядомъ, тогда средняго ряда стало мало — появилась необходимость въ четвертомъ, то есть во второмъ промежуточномъ рядѣ.

Такимъ образомъ сложилась эта чисто самобытная форма художественнаго покрытія церкви, которую И. М. Снегиревъ находилъ похожей на Голгофу съ возвышающимся надъ ней крестомъ.

Возвращаемся къ обзору Покровской церкви. Обработка шеи ея главы очень проста и мало чѣмъ отличается отъ мотива убранства шей въ XV вѣкѣ: существеннымъ мотивомъ являются тѣ же арочки, опирающіяся то на кронштейны, то на полуколонки; надъ арочками — вѣнчающій карнизъ. Въ послѣднемъ главную роль играетъ рядъ поребрика и навѣсныя бойницы дающія красивую игру свѣта и тѣни.

Глава шлемовидная; ея полица украшена красивымъ сквознымъ подзоромъ, богатый рисунокъ котораго гармонично заканчиваетъ всю композицію (см. рис. 158).

Верхи придѣловъ имѣютъ совершенно тотъ же характеръ, что и главный верхъ, но архитектурное убранство ихъ значительно бѣднѣе. Низы шей украшены точно такими же стрѣльчатыми кокошниками, какъ и большая шея; они вырисовываются надъ однимъ только настѣннымъ рядомъ кокошниковъ.

Что же касается декораціи нижней части какъ самой церкви, такъ и придѣловъ, то она не представляетъ для насъ ничего новаго; поэтому мы не будемъ на ней останавливаться, замѣтимъ лишь, что окна главной части церкви имѣли

прежде такую форму, какая показана пунктиромъ на боковыхъ дѣленіяхъ стѣнъ; при этомъ тяги карниза, конечно, не прерывались въ среднемъ дѣленіи — ихъ перерубили при растескѣ окна (рис. 159).

Очень сильно пострадала отъ передѣлокъ паперть: ея прежде открытыя арки теперь заложены какъ въ верхнемъ ярусѣ, такъ и въ нижнемъ[1]); снесена возвышавшаяся, вѣроятно, надъ западной стѣной трехстолпная звонница; ходъ на паперть устроенъ черезъ колокольню, которая вплотную примкнула къ среднему пролету западной стѣны паперти, а старая лѣстница, находившаяся у западнаго пролета южной стѣны, уничтожена. Что лѣстница находилась именно здѣсь, указываетъ то обстоятельство, что кладка задѣлки этого пролета вся новая, вплоть до уровня пола верхняго яруса, тогда какъ въ остальныхъ пролетахъ этого яруса она опирается на старые парапеты, украшенные ширинками. Стѣны паперти, должно быть, заканчивались прежде карнизомъ, отвѣчавшимъ, повидимому, архитраву карниза придѣловъ; теперь же верхніе концы филенокъ на столбахъ второго яруса оборваны и скрываются подъ свѣсомъ кровли, что даетъ впечатлѣніе какой-то незаконченности паперти въ художественномъ смыслѣ.

Промежутки между арками нижняго яруса паперти — галлереи, также украшены филенками. Были ли арки обтянуты архивольтами? Опредѣленно теперь сказать трудно. Въ верхнемъ ярусѣ у пятъ ихъ сохранились выступы, которые прежде, быть можетъ, имѣли профиль импостовъ; если это такъ, то, вѣроятно, импосты эти были сдѣланы не безъ умысла, а служили опорой для архивольтовъ, и тогда архитектурная обработка галлерей Покровской церкви имѣла много общаго въ характерѣ съ галлереей церкви въ Вяземахъ; но только общія пропорціи и деталировка всѣхъ уборныхъ мотивовъ послѣдней несравненно художественнѣе и законченнѣе нежели въ Покровской, такъ что онѣ являются какъ бы образцами для нихъ.

Совершенно однохарактерна съ Покровской церковью древняя церковь Донской Б. Матери въ Донскомъ монастырѣ, построенная въ 1592 году[2]) (рис. № 161). Мы не станемъ останавливаться надъ этимъ памятникомъ, потомучто его главнымъ и почти единственнымъ отличіемъ отъ церкви села Покровскаго является отсутствіе подклѣта. Замѣтимъ еще только, что трапезная этой церкви и колокольня построены, по свидѣтельству И. Забѣлина[3]), значительно позднѣе главной части, а именно въ концѣ XVII столѣтія.

У Никитскихъ воротъ до сихъ поръ существуетъ церковь Оеодора Студита. Она была построена патріархомъ Филаретомъ и освящена имъ 1 февраля 1624 года. Постройкой этой церкви патріархъ положилъ начало монастырю, который онъ далъ обѣтъ построить въ память своего возвращенія на родину изъ польскаго плѣна.

---

[1]) Въ закладкахъ оставлены окна.

[2]) Историческое описаніе Донского монастыря. И. Забѣлинъ, Москва, 1865 года.

[3]) Ibidem.

Къ сожалѣнію, отъ этой древней церкви хорошо сохранилась лишь ея отдѣльно стоящая колокольня, которую мы разсмотрѣли выше; сама же церковь, въ особенности извнѣ, подверглась очень серьезнымъ перестройкамъ.

Стѣны ея главной, квадратной въ планѣ, части сложены изъ прекрасно обожженнаго кирпича и сравнительно съ незначительной высотой храма очень

Ц. Б. Матери въ Донскомъ монастырѣ.

Рис. 161. По фот. Барщевскаго.

толсты, такъ какъ равняются двумъ аршинамъ. Крыта эта часть церкви сомкнутымъ сводомъ, шелыга котораго значительно возвышается надъ верхомъ стѣнъ.

Съ востока къ главному квадрату примыкаетъ одноапсидный алтарь, представляющій собою позднюю передѣлку; какова же была его первоначальная форма — неизвѣстно. Со всѣхъ остальныхъ сторонъ къ церкви примыкаютъ второстепенныя части, въ которыхъ находятся трапеза и придѣлы; изъ этихъ частей зданія одновременна главной части, повидимому, только одна западная — тра-

леза, да и то въ ней сильно увеличены просвѣты оконъ и вмѣсто стараго коробоватаго[1]) свода устроенъ деревянный потолокъ.

Какова была наружная архитектура церкви Оеодора Студита, сказать въ настоящее время съ увѣренностью совершенно невозможно, такъ какъ отъ прежнихъ формъ ничего не сохранилось, и поэтому нѣтъ никакихъ данныхъ для реставраціи, за исключеніемъ развѣ того, что возвышающіяся надъ стѣнами своды былъ, вѣроятно, подобно Покровской церкви убраны рядами кокошниковъ.

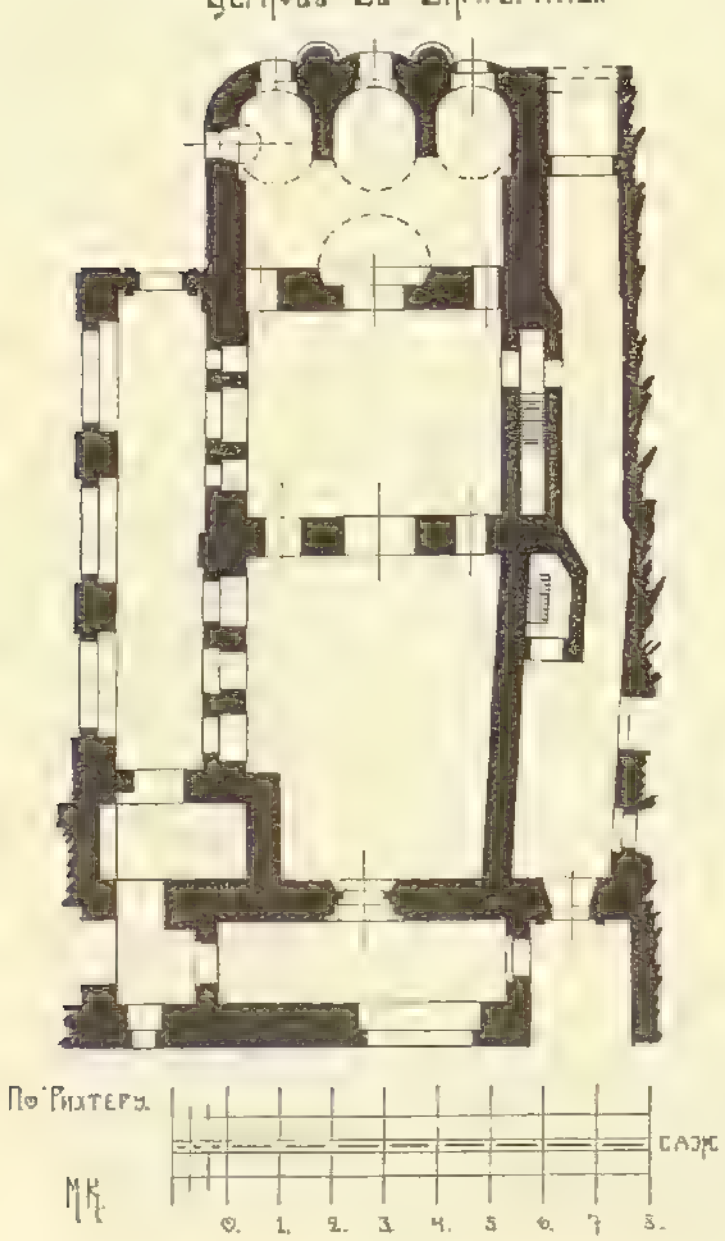


Рис. 162.

Точно такъ же не сохранили первоначальнаго внѣшняго вида церкви Свв. Косьмы и Даміана, что въ нижнихъ Садовникахъ или Кожевникахъ и Грузинской Божіей Матери (Церковь св. Троицы) въ Китай-городѣ близъ Варварскихъ воротъ. Первая изъ этихъ церквей, какъ видно изъ книгъ Патріаршаго казеннаго приказа, существовала уже въ 1625 году, но по благословенію Патріарха Никона въ 1657 году здѣсь начали строить церковь Владимірской Б. Матери, которую освятили въ 1662 году[2]).

По словамъ П. М. Снегирева[3]) церковь Грузинской Б. Матери была построена въ 1628 году, и затѣмъ въ 1653 году увеличена и расширена. Къ сожалѣнію, почтенный историкъ не указываетъ откуда имъ заимствованы эти даты, а между тѣмъ первая изъ нихъ противорѣчитъ даннымъ, имѣющимся относительно этого памятника въ книгахъ Патріаршаго приказа, изъ которыхъ видно, что онъ въ 1625 году именовался церковью «Св. мученика Никиты на Глинищахъ»[4]).

Когда бы ни была построена первоначальная церковь Грузинской Б. Матери, но она во всякомъ случаѣ не дошла до насъ въ перестроенномъ видѣ; объ этомъ

---

[1]) См. Мартыновъ. Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. 1856 годъ, тетрадь 18, стран. 185.

[2]) См. И. Е. Забѣлинъ «Матеріалы для исторіи и археологіи и статистики». Москва. 1884 годъ, стран. 864.

[3]) Русская старина и т. д., тетрадь шестая; стран. 43.

[4]) См. И. Е. Забѣлинъ «Матеріалы для исторіи археологіи и статистики». Москва. 1891 годъ, томъ I, стран. 370.

свидѣтельствуетъ весь ея внѣшній видъ, и поэтому ее нужно отнести къ средипѣ XVII столѣтія, а церковь Косьмы и Даміана слѣдуетъ считать памятникомъ не начала XVII столѣтія, а его третьей четверти.

Въ 1627 году палатный мастеръ Джонъ Талеръ построилъ въ Кремлѣ церковь Св. Екатерины (рис. № 162[1]), съ верхнимъ (въ третьемъ ярусѣ) придѣломъ Св. Евдокіи (рис. № 163); церковь эта примыкаетъ съ сѣвера къ Золотой палатѣ и была домовымъ храмомъ царицы («у царицы на сѣняхъ»). Зданіе это представляетъ собою древнѣйшую часть той группы церквей, находящихся подъ одной

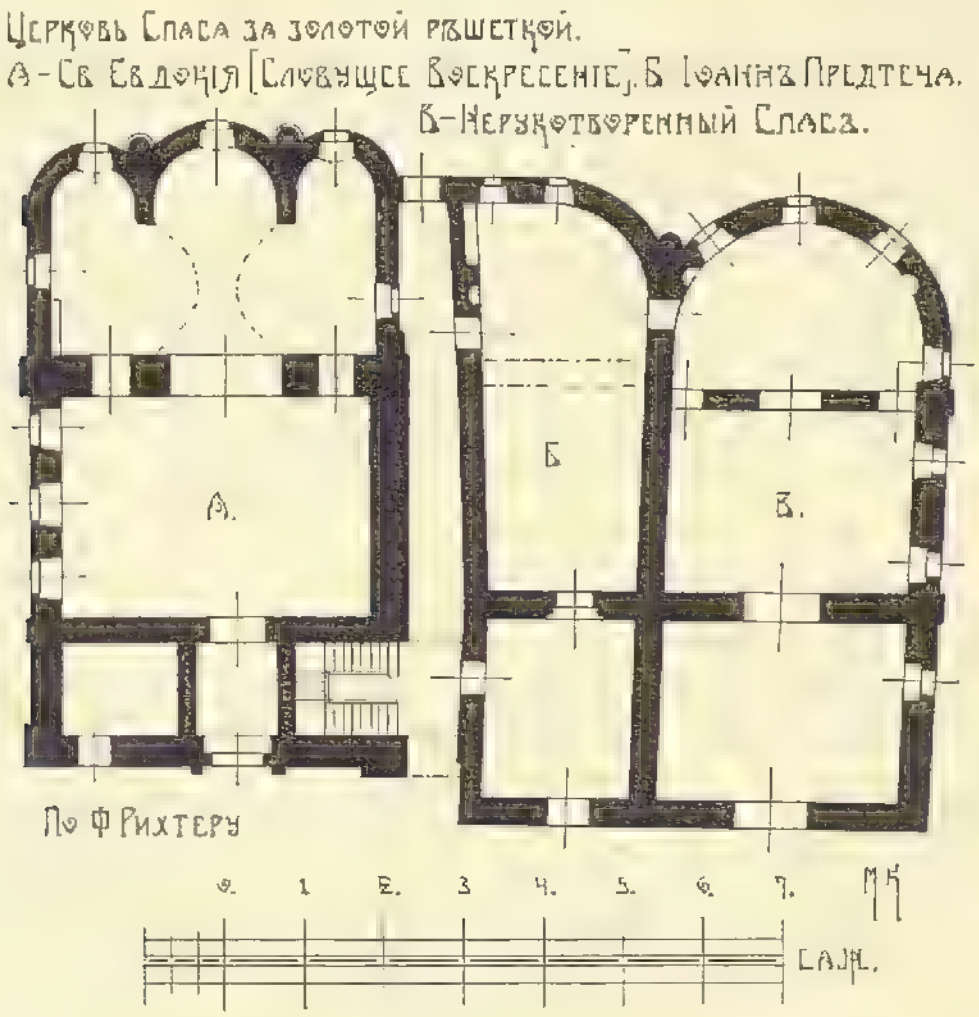


Рис. 163.

кровлей, которая носитъ теперь названіе «Спасъ за золотой рѣшеткой»[2]). Собственно церковь Спаса, отъ которой вся группа храмовъ получила свое названіе, была построена надъ Золотой палатой (третій ярусъ) въ 1634—1636 годахъ; предназначалась она для царевичей Алексѣя и Іоанна. Одновременно съ этой церковью, между нею и церковью Св. Евдокіи, былъ построенъ Бажепкомъ Огурцовымъ съ товарищами[3]) придѣлъ во имя Іоанна Бѣлоградскаго, который потомъ получилъ другое наименованіе: Іоанна Предтечи (рис. № 163). Въ такомъ видѣ

[1]) Церковь эта находится во второмъ ярусѣ Теремнаго дворца.
[2]) Или Верхоспасскій соборъ.
[3]) Антипъ Константиновъ, Трефилъ Тарутинъ и Ларіонъ Ушаковъ.
[4]) Теперь Словущаго Воскресенія.

эта группа церквей существовала до 1679 года, когда по приказанію царя Ѳеодора Алексѣевича Оспинъ Старцовъ построилъ надъ придѣломъ Іоанна Вѣлоградскаго (четвертый ярусъ) небольшую церковь Воздвиженія Честнаго Креста (теперь Распятія); одновременно съ этимъ своды прежнихъ церквей (Спаса и Св. Евдокіи:) были выровнены подъ одну высоту со вновь построенной церковью и на нихъ устроена одна общая кровля, надъ которой были поставлены одиннадцать верховъ съ золотыми главами (рис. № 164). Главы, кресты, а также изразцы шей и великолѣпнаго карниза были исполнены по рисункамъ старца Ипполита, который въ то время слылъ искуснѣйшимъ рѣзчикомъ по дереву[1]). Такимъ образомъ хотя древнѣйшая часть Спаса за золотой рѣшеткой была построена въ началѣ XVII вѣка, однако тотъ видъ, который эта церковь имѣетъ въ настоящее время, она получила лишь въ концѣ этого вѣка и, слѣдовательно, въ настоящій моментъ нашего изслѣдованія Московскаго зодчества для насъ можетъ представлять интересъ только внутренній распорядокъ церкви Св. Екатерины съ ея верхнимъ придѣломъ Св. Евдокіи, который съ 1681 года получилъ названіе Словущаго Воскресенія. Но и этотъ памятникъ начала XVII столѣтія не можетъ считаться типичнымъ для зодчества того времени, такъ какъ, во-первыхъ, при его постройкѣ замыслы зодчаго были ограничены тѣсной связью проектируемаго зданія съ хоромами и, во-вторыхъ, зодчій храма былъ иностранецъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что пониманіе Джономъ Талеромъ архитектурныхъ пріемовъ не могло, конечно, такъ сильно разниться отъ пониманія москвичей, чтобы во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, ему заранѣе приказали бы рабски придерживаться какого-либо мѣстнаго образца. Москва уже въ то время незамѣтно для себя самой значительно двинулась впередъ по пути подготовленія къ реформамъ Великаго Преобразователя и на многое изъ того, что проникло къ намъ съ запада, смотрѣла далеко не съ такимъ предубѣжденіемъ, какъ въ XV вѣкѣ. Этими условіями можно, пожалуй, объяснить нѣкоторыя особенности композиціи плана Св. Екатерины, какъ напримѣръ, три одинаковыя какъ по формѣ, такъ и по размѣрамъ алтарныя апсиды; обычно же алтарь своими размѣрами превышалъ и жертвенникъ и діаконикъ.

Зато вполнѣ типичный памятникъ XVII вѣка представляла собою церковь Николы Явленнаго (на Арбатѣ), которая была разобрана въ 1848 году[2]). Время ея постройки точно неизвѣстно, но какъ видно изъ писцовыхъ книгъ она уже существовала въ 1639 году[3]). Въ изданіи Ф. Рихтера о церкви Св. Николая говорится, что ее: «можно отнести по крайней мѣрѣ къ концу XVI вѣка»; изъ этой фразы слѣдуетъ вывести заключеніе, что почтенный изслѣдователь склоненъ

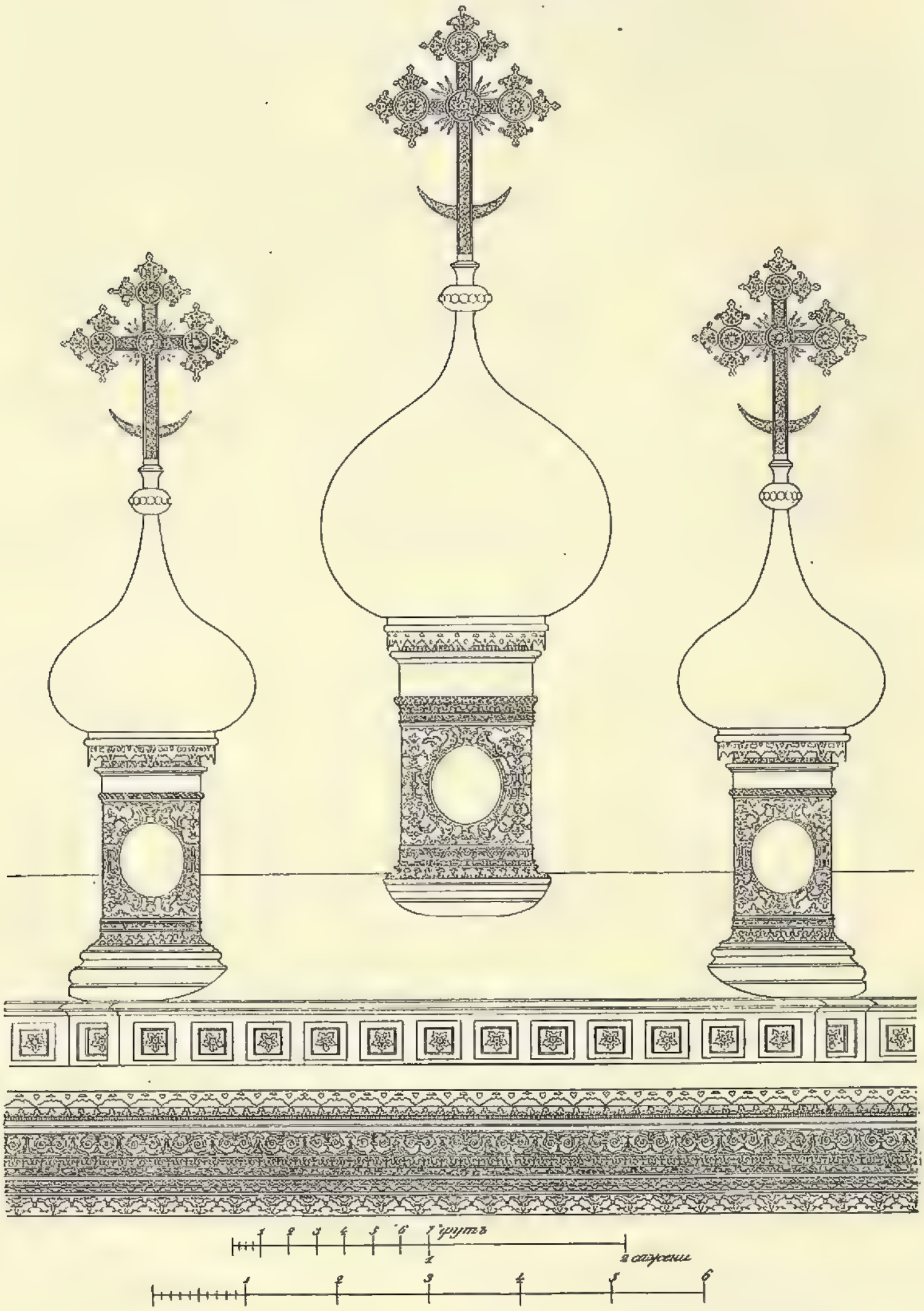
---

[1]) Ф. Рихтеръ. Памятники древне-русскаго зодчества.

[2]) По мнѣнію Ф. Рихтера. На рисункѣ же А. Мартынова имѣется надпись: «сломана въ 1846 году».

[3]) И. Забѣлинъ. Матеріалы для исторіи и т. д. Москва, 1891 года, стран. 171.

Ц. Спаса за Золотой Рѣшеткой.



По Ф. Рихтеру.

Рис. 164.

былъ смотрѣть на интересующую насъ церковь, какъ на произведеніе, относящееся къ эпохѣ даже болѣе ранней, нежели конецъ XVI вѣка. Но намъ кажется, что такое мнѣніе ошибочно, и это подтверждается хотя бы пріемомъ композиціи верха церкви, — группою трехъ рядовъ кокошниковъ — пріемомъ, встрѣчающимся въ Московскомъ зодчествѣ середины XVI столѣтія лишь въ видѣ исключенія на боковыхъ башняхъ Покровскаго собора (Василія Блаженнаго), и кромѣ того при совершенно другомъ конструктивномъ пріемѣ. Въ XVII же столѣтіи мотивъ наружной декораціи свода рядами кокошниковъ былъ обычнымъ.

Приступая къ обзору памятника, слѣдуетъ оговориться, что въ нашемъ распоряженіи имѣется его рисунокъ, исполненный А. Мартыновымъ[1]), который изображаетъ только внѣшній видъ погибшей церкви, и чертежъ южнаго фасада въ изданіи Ф. Рихтера; плана же его и разрѣза, насколько намъ извѣстно, нигдѣ не сохранилось. Дополнительныя свѣдѣнія заимствуемъ изъ описанія П. М. Снегирева, находящагося въ томъ же изданіи Мартынова. Пользуясь этими источниками можно все-таки болѣе или менѣе подробно представить себѣ этотъ исчезнувшій памятникъ старины.

Церковь была сложена изъ тяжеловѣснаго кирпича, при чемъ, по словамъ П. М. Снегирева, стѣны «прочно складенныя, ручались за долговѣчность зданія».

Въ планѣ церковь представляла собою квадратъ, къ которому съ востока примыкалъ, какъ видно на рисункѣ № 165, трехапсидный алтарь, а съ сѣвера довольно большой по размѣрамъ придѣлъ[2]) съ одной алтарной апсидой. Съ запада къ основному квадрату, вѣроятно, примыкала обычная для церквей XVII вѣка трапеза, но сказать этого съ увѣренностью нельзя — на рисункѣ ея не видно. Снегиревъ говоритъ, что своды храма были крестовые; однако, врядъ ли это такъ, потому что, во-первыхъ, терминологія архитектурныхъ формъ у этого автора довольно своеобразная, во всякомъ случаѣ далеко не всегда отвѣчающая современной, а, во-вторыхъ, этому противорѣчитъ рисунокъ А. Мартынова, на основаніи котораго нужно заключить, что основной квадратъ церкви былъ покрытъ сомкнутымъ сводомъ, высоко поднимавшимся надъ обрѣзомъ стѣнъ и убраннымъ снаружи рядами кокошниковъ. Устройство послѣднихъ при крестовой формѣ свода было бы возможно только въ томъ случаѣ, если послѣдній былъ сильно вспарушенъ, а такіе вспарушенные своды у насъ на Руси, насколько намъ извѣстно, совершенно не практиковались.

Шея главы была открыта изнутри церкви и прорѣзана длинными, щелевидными окнами.

Что касается внутренняго распорядка придѣла, то сказать о немъ что-либо опредѣленное очень трудно. Судя по квадратной формѣ его плана, онъ также

---

[1]) Русская старина. А. Мартыновъ, 1851 годъ, тетрадь II, рис. къ стран. 10.

[2]) Во имя Покрова Бородицы. Придѣлъ этотъ былъ, повидимому, пристроенъ позднѣе, такъ какъ первое о немъ извѣстіе встрѣчается только подъ 1668 годомъ (Ibid.).

Церковь Николы Явленнаго.

Рис. 165. По А. Мартынову.

былъ покрытъ сомкнутымъ сводомъ, по скатамъ котораго былъ размѣщенъ средній рядъ кокошниковъ; но на рисункѣ А. Мартынова этого ряда пѣтъ, — придѣлъ покрытъ четырехскатной крышей. Возможно, что она представляла собою позднѣйшую передѣлку, при которой сдѣлали заполненія между настѣнными кокошниками и срубили верхи кокошниковъ средняго ряда. Конечно, все сказанное о придѣлѣ — одни лишь предположенія, подтвердить которыя можно только аналогіей съ другими памятниками той же эпохи.

Что касается наружной архитектуры разсматриваемаго памятника, то здѣсь, какъ и въ церкви села Покровскаго, главнымъ образомъ, останавливаетъ на себѣ вниманіе композиція верхней части зданія. Какъ видно на рисункахъ №№ 165 и 166, она похожа на верхнюю часть Покровской церкви и разница заключается лишь въ томъ, что у церкви Св. Николая имѣется не четыре ряда кокошниковъ а всего только три, при чемъ кокошники не имѣютъ подвышеній, а низы ихъ архивольтовъ въ среднемъ и верхнемъ рядахъ опираются на лопатки, размѣщенныя въ промежуткахъ между кокошниками нижележащаго ряда.

Въ архитектурѣ нижней части храма церкви Св. Николая, не представляющей въ общихъ чертахъ какихъ-либо особенностей, обращаютъ на себя вниманіе только нѣкоторыя детали; такъ, надъ окнами алтаря второго яруса главной части существовали полуциркульныя впадины, размѣщенныя попарно надъ каждымъ окномъ; вѣроятно, это слѣды парныхъ кокошниковъ, которые входили въ составъ оконныхъ наличниковъ; другихъ слѣдовъ послѣднихъ ни на одномъ изъ рисунковъ не видно. Повидимому, первоначальная форма оконъ была измѣнена растеской, при которой наличники и погибли.

Не менѣе странной декораціей представляются филенки, которыя находились на боковыхъ апсидахъ, подъ самымъ архитравомъ карниза, у линіи стыка апсидныхъ стѣнъ со стѣнами главной части церкви. Въ томъ видѣ, въ которомъ эти филенки дошли до насъ въ изображеніяхъ Мартынова и Рихтера, онѣ не имѣютъ никакого смысла; прежде же онѣ, надо полагать, были связаны какъ-нибудь съ остальной декораціей храма, но какъ именно это было сдѣлано — остается теперь загадкой.

Убранство придѣла по общему характеру близко къ архитектурѣ главнаго храма, но въ деталяхъ оно болѣе богато: кокошники имѣютъ килевидную форму, фризъ карниза на самомъ придѣлѣ украшенъ фигурными впадинами, а на алтарѣ образованъ поребрикомъ; наконецъ, окна алтаря обрамлены сложными наличниками, изъ которыхъ восточный по своей композиціи очень похожъ на наличники оконъ Пятницкой церкви Троице-Сергіевой лавры.

Судя по архитектурнымъ формамъ придѣла, а также по тому, что онъ уже существовалъ въ 1668 году, нужно предположить, что онъ былъ построенъ вскорѣ послѣ главной части церкви, а именно въ концѣ первой половины XVII столѣтія.

Ц. Николы Явленнаго
на Арбатѣ.

По Ф. Рихтеру.

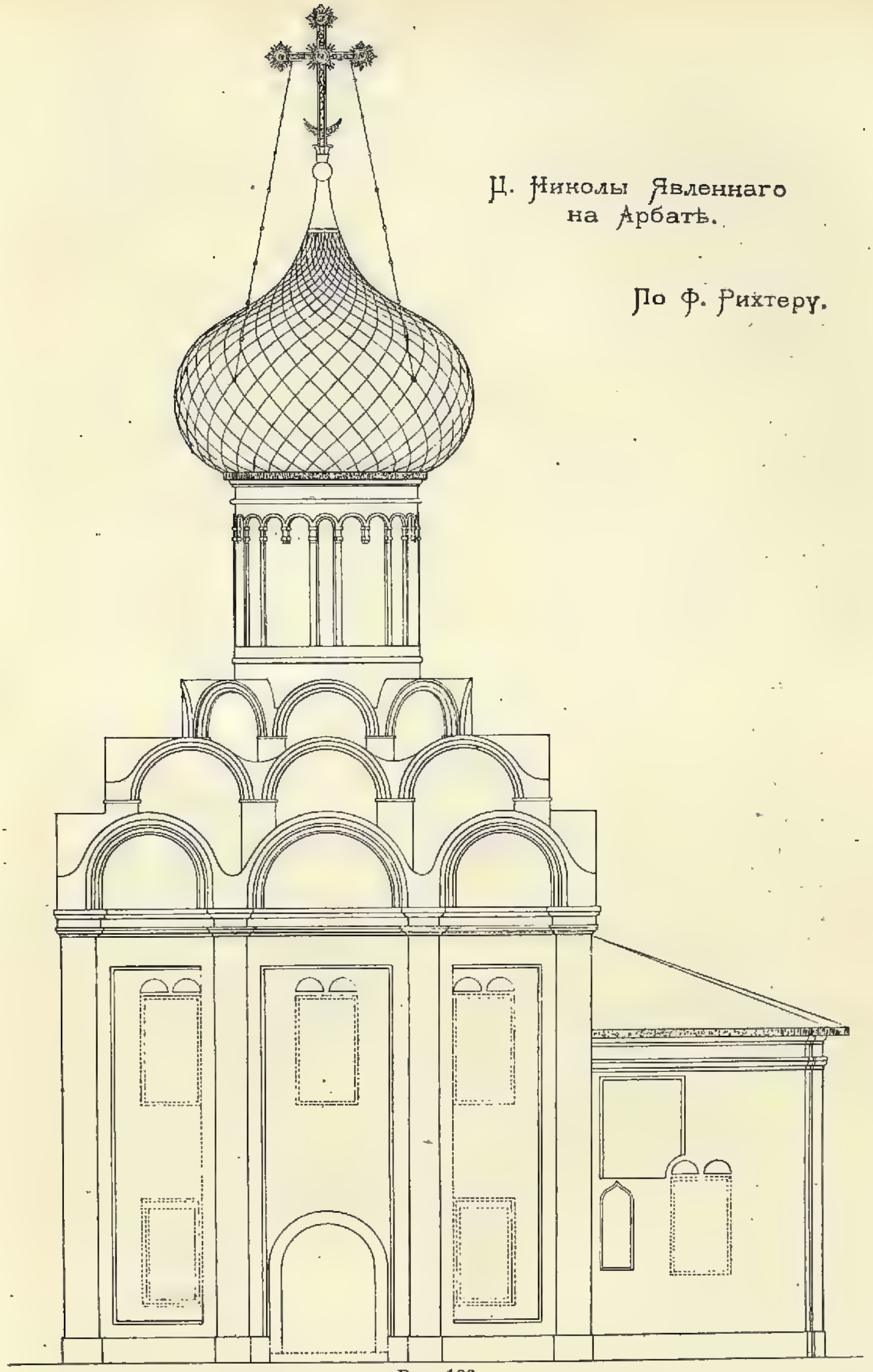


Рис. 166.

Церковью Николы Явленнаго мы закончимъ разсмотрѣніе не-шатровыхъ памятниковъ Московскаго церковнаго зодчества первой половины XVII вѣка.

Скудность матеріала, имѣющагося въ нашемъ распоряженіи, очень затрудняетъ общую характеристику разсмотрѣнныхъ памятниковъ; тѣмъ не менѣе можно отмѣтить нѣкоторые однаковые архитектурные пріемы. Такъ, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе общность въ композиціи плановъ: главная часть храма у всѣхъ памятниковъ, за исключеніемъ церкви въ Вяземахъ, представляетъ собою квадратъ, не загроможденный столпами; къ нему съ востока, обычно, примыкаютъ три алтарныя апсиды. Вѣроятно, и церковь Ѳеодора Студита не являлась въ этомъ случаѣ исключеніемъ, такъ какъ ея существующій теперь одноапсидный алтарь представляетъ, какъ мы уже это сказали, позднѣйшую перестройку. Низкія теплыя трапезы, являющіяся типичною чертою церквей середины и конца XVII столѣтія, въ началѣ его встрѣчаются скорѣе какъ исключеніе, нежели какъ общее правило. Что же касается ходовыхъ паперти, заканчивающихся съ востока двумя одноапсидными придѣлами, то онѣ, повидимому, были принадлежностью церквей относительно большого размѣра, какъ въ селахъ Вяземахъ и Покровскомъ; въ церквахъ же небольшихъ онѣ не устраивались; сказать однако съ увѣренностью, что въ церкви Ѳеодора Студита ходовой паперти первопачально не существовало — нельзя, потому что она подвергалась, какъ мы видѣли значительнымъ передѣлкамъ. Точно такъ же и подклѣты устраивались, вѣроятно, только подъ большими церквами.

Отказавшись отъ внутреннихъ столповъ, зодчіе для покрытія главной части церкви стали почти исключительно прибѣгать къ сомкнутому своду, устройство котораго не представляло для нихъ никакихъ затрудненій, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ распалубки церкви Покрова Богородицы и открытыя изнутри шеи главъ всѣхъ памятниковъ.

Главнымъ строительнымъ матеріаломъ оставался попрежнему кирпичъ; тесанный камень примѣнялся только для декоративныхъ частей, при чемъ сплошная облицовка имъ стѣнъ церкви въ Вяземахъ представляетъ собою явленіе исключительное, не получившее распространенія даже въ концѣ XVII столѣтія, когда искусство западной Европы стало оказывать такое сильное вліяніе на нашихъ зодчихъ.

Что касается внѣшняго вида не-шатровыхъ церквей начала XVII вѣка, то онъ находится въ тѣсной связи съ формой ихъ сводчатаго покрытія — съ сомкнутымъ сводомъ, на которомъ ставилась одна глава. Пятиглавіе, ставшее обычнымъ во второй половинѣ вѣка, въ началѣ его встрѣчается лишь какъ исключеніе, все въ той же церкви села Вязем, которая, какъ видно изъ сравненія съ другими памятниками разсматриваемой эпохи, стоитъ особнякомъ и въ другихъ отношеніяхъ.

На верхней части храма сосредоточивалось все богатство архитектурныхъ мотивовъ, при чемъ видную роль играли кокошники всевозможныхъ формъ;

нижняя же часть церкви, до уровня пять свода, обрабатывалась очень просто: почти единственнымъ украшеніемъ служили здѣсь лопатки, которыя попрежнему дѣлили каждую стѣну главной массы храма на три части.

Судя по церкви Покрова, болѣе богато украшались ходовыя паперти; однако не слѣдуетъ упускать изъ вида, что, какъ мы уже говорили выше, отдѣлка паперти этой церкви задумана, повидимому, зодчимъ подъ впечатлѣніемъ паперти церкви въ селѣ Вяземахъ, и поэтому ее едва ли можно считать типичной для такого рода сооруженій.

Въ отношеніи мелкихъ деталей разсмотрѣнныя церкви также даютъ слишкомъ скудный матеріалъ для какихъ-либо опредѣленныхъ выводовъ; если же основываться на примѣрахъ Покровской церкви и Николы Явленнаго, то детали эти совершенно такія же, какъ у шатровыхъ памятниковъ этого періода, которые были нами уже разсмотрѣны въ концѣ VII главы.

Резюмируя содержаніе главы, можно прійти къ заключенію, что конецъ XVI и начало XVII столѣтій прошли почти безслѣдно для церковнаго зодчества Москвы. Причину этого надо видѣть въ тѣхъ тяжелыхъ смутахъ, которыя, само собою понятно, не могли не сказаться отрицательно и на развитіи искусствъ. Всѣ силы уходили на борьбу съ внѣшними врагами и на возстановленіе внутренняго порядка; поэтому эстетическія потребности заговорили только тогда, когда наступило успокоеніе, то есть во второй четверти XVII вѣка. Съ этого же времени зодчіе снова стали прогрессировать и настолько быстро, что немного спустя они были уже въ силахъ оставить такіе памятники своего искусства, какъ церковь въ подмосковномъ селѣ Тайнинскомъ и Грузинской Божіей Матери, являющіяся образцами полнаго расцвѣта чисто русскаго искусства.

ГЛАВА X.

На дорогѣ между Троице-Сергіевой лаврой и Москвою въ пятнадцати верстахъ отъ послѣдней находится село Тайнинское. Такое выгодное мѣстоположеніе села обуславливало богатство его жителей, а окружавшіе безконечные лѣса привлекали сюда на охоту князей и царей московскихъ. Въ силу этихъ условій здѣсь издавна существовали хоромы и церковь, которыя первоначально были, конечно, деревянными. Каменный дворецъ построила въ Тайнинскомъ императрица Елизавета[1]), но кѣмъ и когда была сооружена существующая по сіе время каменная церковь во имя Покрова Божіей Матери — неизвѣстно, такъ какъ никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ объ этомъ до сихъ поръ не найдено. Однако, какъ увидимъ послѣ ознакомленія съ этимъ интереснымъ памятникомъ, опредѣлить время его сооруженія, и притомъ довольно близко, не представляется затруднительнымъ.

[1]) Отъ этого дворца въ концѣ минувшаго столѣтія еще существовали фундаменты.

При первомъ взглядѣ на планъ (рис. № 167) Тайнинской церкви онъ кажется очень похожимъ на планы церквей села Медвѣдкова и Покровскаго, но если разобраться въ немъ болѣе подробно, то становится яснымъ, что зодчій этого грандіознаго памятника только въ общихъ чертахъ придерживался принциповъ своихъ предшественниковъ, въ деталяхъ же руководствовался, главнымъ образомъ, желаніемъ наиболѣе цѣлесообразно рѣшить предложенную ему задачу. Въ самомъ дѣлѣ, западная часть церкви, кажущаяся при бѣгломъ взглядѣ состоящей изъ небольшой трапезы, охваченной с н а р у ж и съ трехъ сторонъ ходовыми папертями, въ дѣйствительности представляетъ собою значительныхъ

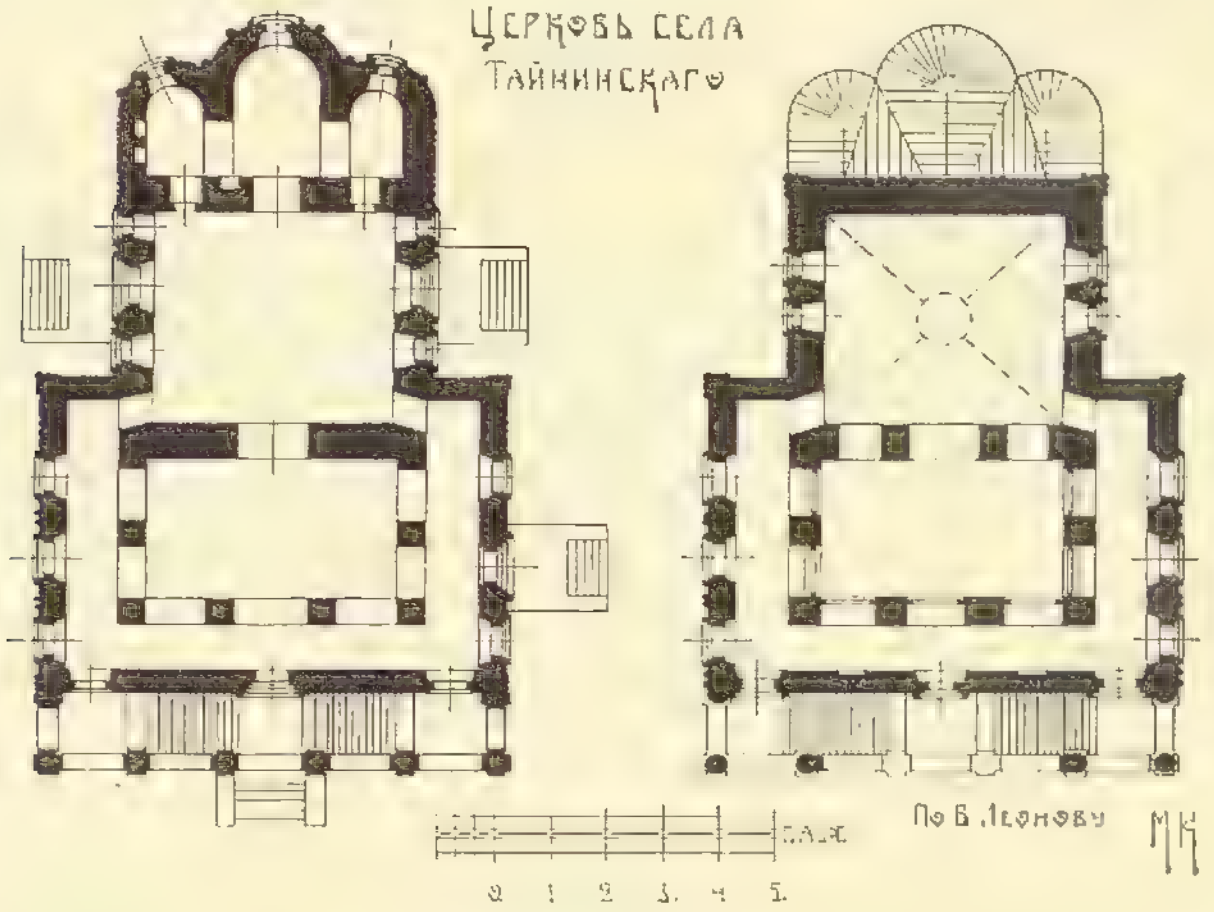


Рис. 167.

размѣровъ трапезу, в н у т р и которой расположены ходовыя паперти. Другими словами, ходовыя паперти какъ бы перенесены внутрь трапезной и играютъ тамъ роль хоръ («полатей»).

Придѣловъ въ Тайнинской церкви пѣть; поэтому, въ отличіе отъ Покровской церкви, ея планъ заканчивается съ востока только тремя апсидами, изъ которыхъ алтарная, по сравненію съ боковыми, значительно выдвинута къ востоку.

Къ западной стѣнѣ трапезы примыкаетъ крыльцо о трехъ рундукахъ (о двухъ верхнихъ и объ одномъ нижнемъ), которое служитъ единственнымъ ходомъ на полати. Въ церковь же, кромѣ западной двери, помѣщенной противъ нижняго рундука, ведутъ еще три другихъ: двѣ съ южной стороны, изъ которыхъ одна ведетъ въ трапезу, а другая въ главную часть храма, и, наконецъ, третья — сѣвер-

пая, ведущая также въ главную часть храма. Такимъ образомъ для полной симметріи Тайпинской церкви недостаетъ только одной двери въ сѣверной стѣнѣ трапезы.

Естественно, что, при такомъ планѣ, внутренній видъ Тайпинской церкви долженъ имѣть нѣсколько иной распорядокъ, нежели ея предшественницы, по плану съ ней сходныя (рис. № 168). Однако это различіе замѣтно только въ западной части зданія, главная же часть церкви такая же, какъ у храмовъ, разсмотрѣн-

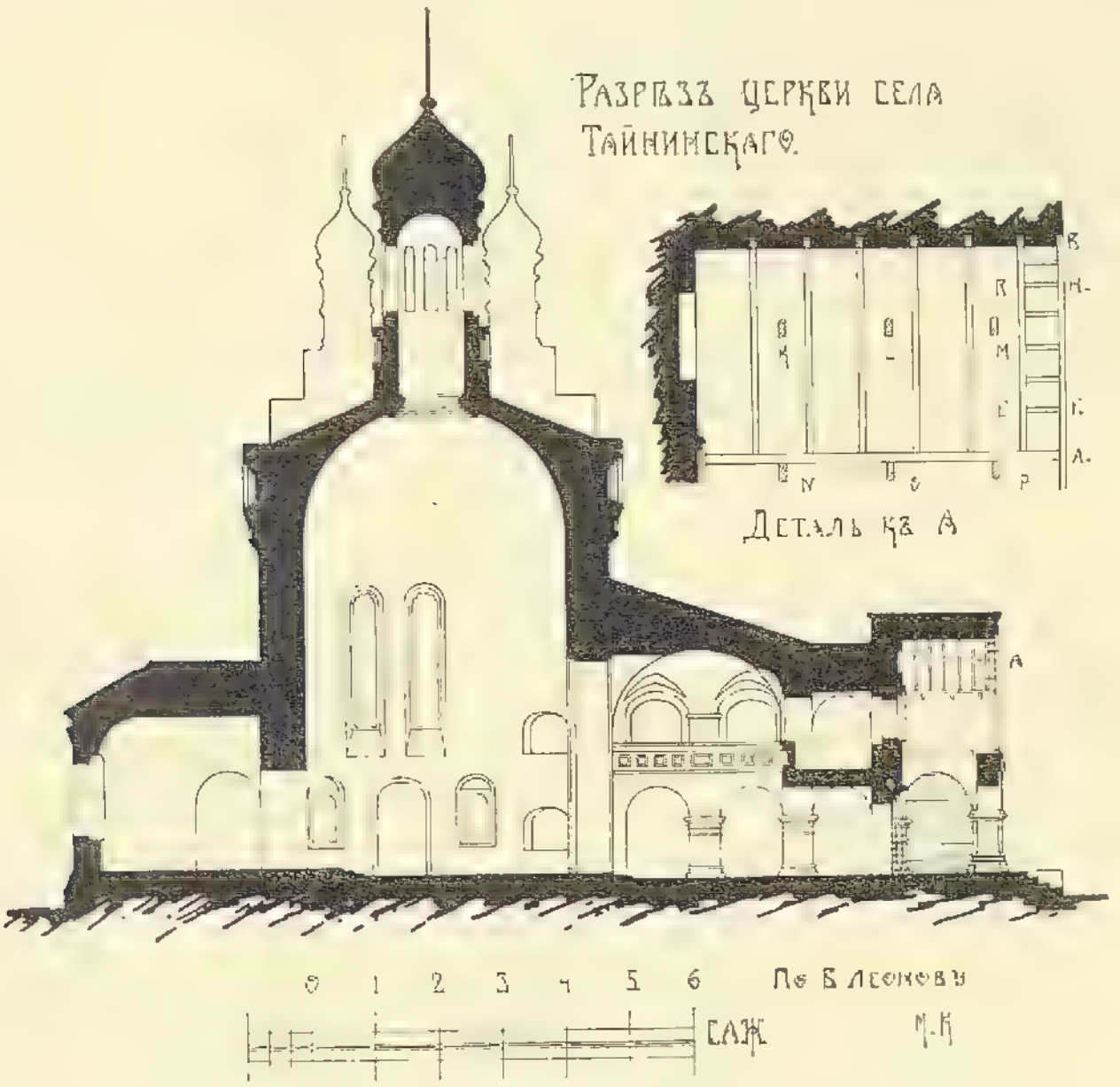


Рис. 168.

ныхъ выше: высокая четырехгранная призма, покрытая сомкнутымъ сводомъ, въ шелыгѣ котораго круглое отверстіе, соединяющее церковь съ шеей главы.

Свѣта въ церкви много, — онъ проникаетъ чрезъ восемь оконъ шеи главы и чрезъ два яруса оконъ въ стѣнахъ призмы. Эти послѣднія окна расположены симметрично по отношенію къ дверямъ и другъ къ другу, но вся ихъ группа по сравненію съ вертикальной осью стѣны сдвинута значительно къ востоку. Сдѣлано это не случайно, но вполнѣ преднамѣренно, а именно, съ цѣлью дать мѣсто окнамъ, которыя устроены въ восточныхъ концахъ хоръ и выходятъ въ глав-

ную часть храма[1]). Изъ этихъ окопъ лица, стоящія на хорахъ, могли хорошо видѣть и слышать богослуженіе, будучи сами совершенно невидимы изъ церкви; хоры, очевидно, предназначались для царицы, царевенъ и ихъ свиты.

Западная стѣна главной массы церкви въ нижней ея части прорѣзана только одной аркой, вершина которой находится почти на одной высотѣ съ шелыгой свода трапезы; въ верхней же части этой стѣны имѣются еще двѣ арки, симметрично размѣщенныя по сторонамъ первой; такимъ образомъ и въ западной части хоръ богослуженіе было если не видно, то во всякомъ случаѣ хорошо слышно.

Алтарь, жертвенникъ и діаконникъ по сравненію съ главной частью церкви очень низки; никакихъ особенностей они не представляютъ. Трапеза нѣсколько выше алтарной части церкви; ея средина, не занятая хорами, покрыта сомкнутымъ сводомъ, въ которомъ устроены разнаго вида распалубки, обусловливаемыя пролетами хоръ и арками западной стѣны церкви. Хоры, покрытые крестовыми сводами, опираются на шесть массивныхъ прямоугольныхъ въ планѣ столповъ, соединенныхъ другъ съ другомъ полуциркульными арками. Парапеты хоръ украшены ширинками, а нижніе столпы ихъ имѣютъ богатыя базы и карнизы, которые вмѣстѣ съ распалубками свода образуютъ внутреннее архитектурное убранство церкви; съ этимъ мы встрѣчаемся впервые, такъ какъ едва замѣтныя внутреннія уборныя формы Успенскаго собора и Коломенской церкви слишкомъ ничтожны, чтобъ ихъ можно было назвать архитектурной декораціей, и къ тому же онѣ являлись очевиднымъ исключеніемъ. Обычно же единственной декораціей совершенно гладкихъ внутреннихъ поверхностей храмовъ служила роспись. Но зодчій Тайницкой церкви позволилъ себѣ сдѣлать отступленіе отъ общаго правила и для украшенія своего произведенія прибѣгнулъ къ архитектурнымъ формамъ, рискнувъ однако примѣнить ихъ только въ трапезной. По свидѣтельству В. П. Леонова[2]), фресковая роспись существовала и въ Тайницкой церкви, но впослѣдствіи погибла подъ слоемъ позднѣйшей масляной живописи, при помощи которой некультурные обновители отняли у трапезы больше, чѣмъ на половину, того обаянія, которое она производила совокупностью архитектурныхъ формъ и мягкихъ красокъ фресковой росписи.

Полъ трапезной, возвышающейся надъ поверхностью земли на 4 ступени, ниже пола главной части на три ступени; послѣдній, въ свою очередь, на такое же количество ступеней ниже пола алтаря. По словамъ Леонова, полъ церкви въ его время былъ выстланъ дубовыми досками — «дубовымъ кирпичомъ», какъ его называли въ старину, а алтарь — каменными плитами.

Особенно любопытнымъ въ Тайницкой церкви является устройство ея крыльца; много смѣлости и увѣренности надо было имѣть зодчему, чтобы осуще-

---

[1]) Въ 1878 году въ этихъ окнахъ еще существовали жестяные переплеты со вставленными въ нихъ вмѣсто стеколъ пластинками слюды («слюдяныя окончины»).

[2]) Зодчій 1878 годъ, стран. 97.

Церковь села Тайнинскаго.

По В Леонову.

Разрѣзъ кокошника.

ГЛАВНЫЙ КАРНИЗЪ

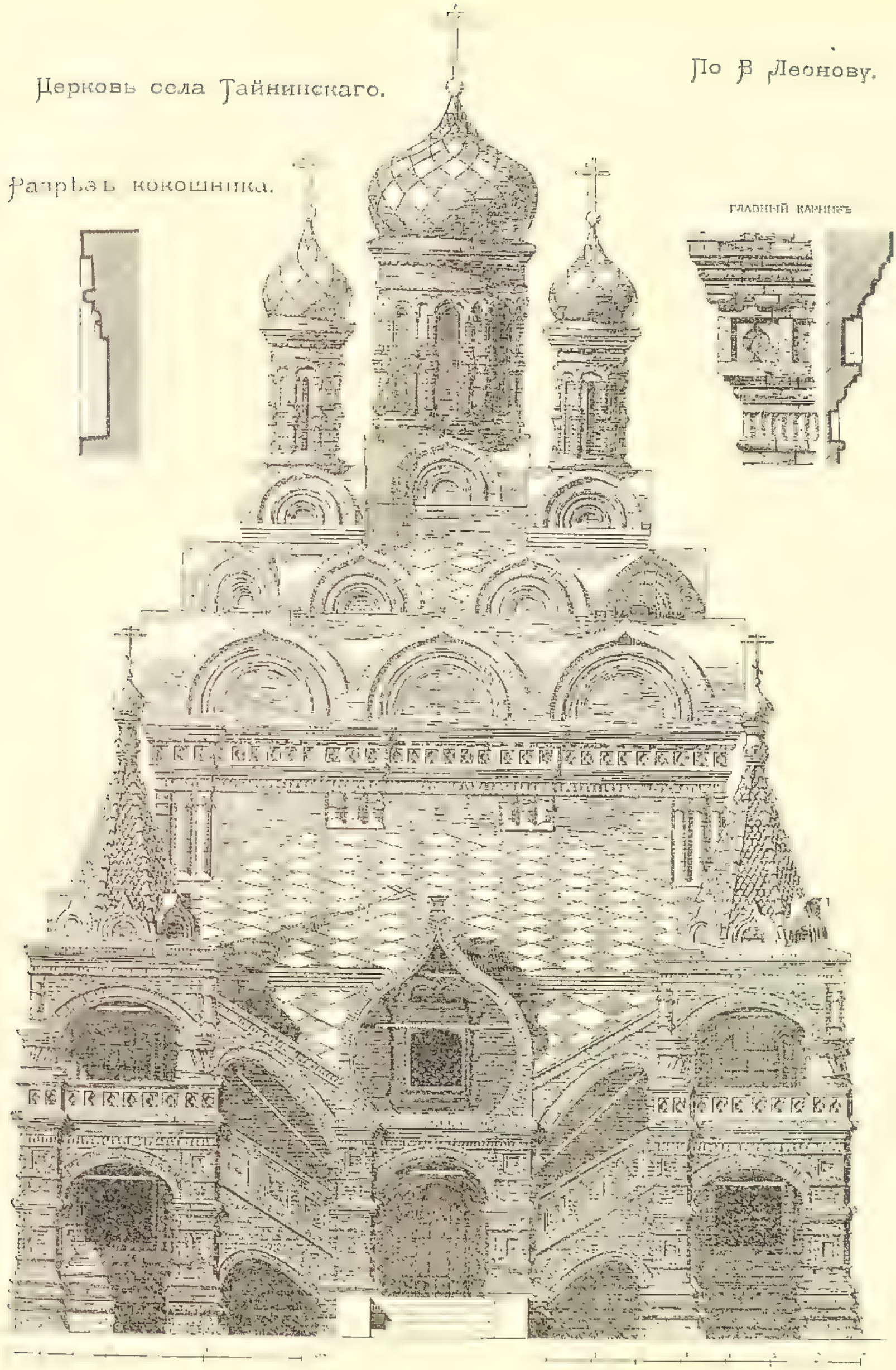


Рис. 169.

ствить задуманную имъ мысль (рис. № 169). Всѣ эти ползучія арки, парапеты, шатры и, наконецъ, бочка надъ средней частью требовали для своего исполненія не мало техническаго знанія и опытности.

Основу всего крыльца составляютъ шесть квадратныхъ въ планѣ столповъ, которымъ на западной стѣнѣ трапезы отвѣчаетъ такое же число пилястръ; столбы и пилястры соединены между собою на разной высотѣ арками, которыя служатъ опорами для сводовъ маршей и площадокъ, а также для крыши крыльца. Арки затянуты желѣзными связями; изъ желѣза же сдѣланъ и каркасъ кирпичной бочки, которая служитъ крышей для группы среднихъ столповъ и пилястръ. Каркасъ этотъ состоитъ изъ шести кружалъ, опирающихся на двѣ горизонтальныя полосы, западные концы которыхъ задѣланы въ кладку трапезы (рис. № 168). Къ восточному кружалу (A — B) прикрѣплены коротенькія полосы (E — F, R — H), на которыхъ лежатъ наружные кирпичи кладки бочки. Такимъ образомъ каркасъ несетъ на себѣ лишь верхнюю часть бочки, а ея нижняя часть до «пучины»[1]) только затянута тремя горизонтальными связями (N, O, P); три связи помѣщены и внизу острія бочки (K, L, M). Копекъ ея вытесанъ изъ мячковскаго известняка, вся же остальная кладка сложена изъ прекрасно обожженнаго кирпича, размѣры и вѣсъ котораго значительно отличаются отъ современнаго[2]). Изъ такихъ же кирпичей и вся остальная кладка церкви; при чемъ известковый растворъ настолько крѣпокъ, что до сихъ поръ не поддается дѣйствію атмосферныхъ вліяній, тогда какъ кирпичъ мѣстами началъ разрушаться. Нижняя часть цоколя церкви, а также главки надъ шатрами крылецъ сдѣланы изъ тесанаго камня (мячковскій камень).

При взглядѣ на внѣшній видъ Тайницкой церкви вниманіе прежде всего останавливается на его красивомъ крыльцѣ. Ничего подобнаго ни въ одномъ изъ предшествующихъ памятниковъ мы не встрѣчали, и поэтому вся композиція этого крыльца кажется плодомъ художественной фантазіи зодчаго, возникшей самостоятельно и не вытекающей изъ какихъ-либо предшествующихъ ей композицій. Но если вглядѣться въ эту композицію болѣе пристально и при этомъ разобраться въ сущности предложенной зодчему задачи, то не только общій видъ крыльца, но и большинство его деталей сами укажутъ на свои прототипы.

Дѣйствительно, Тайницкая церковь была дворцовой, и служба въ ней часто происходила въ присутствіи царя и членовъ его семьи; поэтому для послѣднихъ зодчій устроилъ полати, стоя на которыхъ они спокойно и никѣмъ не видимые слушали богослуженіе. Этого требовалъ своеобразный укладъ жизни нашихъ предковъ XVII столѣтія; если онъ мирился съ присутствіемъ въ церкви женщинъ среднихъ и низшихъ классовъ, стоявшихъ бокъ о бокъ съ мужчинами, то для

---

[1]) «Пучина»: наибольшая ширина бочки.

[2]) Вѣсъ кирпича около 18 фунтовъ; размѣры 7×3, 5×2 вершка. На кирпичахъ имѣется клеймо съ изображеніемъ двуглаваго орла.

царицы и родственницъ царя, даже для женщинъ высшаго слоя общества — это было недопустимо[1]). Удовлетворивъ требованію ритуала устройствомъ полатей, зодчій, само собою разумѣется, долженъ былъ устроить удобный къ нимъ доступъ; въ предшествующія эпохи довольствовались очень простымъ пріемомъ — устраивали узенькія и крайне неудобныя лѣстницы въ толщѣ западной стѣны церкви. Но, очевидно, такое рѣшеніе задачи показалось зодчему XVII вѣка неудовлетворительнымъ, по крайней мѣрѣ для такого храма, въ которомъ служба часто должна была совершаться въ присутствіи царицы, отправлявшейся въ церковь въ сопровожденіи придворныхъ женщинъ; послѣднія въ шествіи размѣщались, вѣроятно, въ строго опредѣленномъ порядкѣ, нарушать который было не желательно даже при самомъ входѣ въ церковь. Такимъ образомъ зодчему оставалось только одно рѣшеніе — устроить удобное крыльцо съ широкими маршами, подымаясь по которымъ шествіе не нарушало бы своего порядка. Задумываться надъ композиціей такого крыльца зодчему Тайнинской церкви не было надобности — любыя деревянныя и многія каменныя хоромы давали ему богатый выборъ образцовъ. Что это въ дѣйствительности было такъ, можно убѣдиться, просматривая рисунки книги А. А. Потапова[2]); почти на каждомъ изъ нихъ видно крыльцо, составляющее самостоятельную, сильно выдающуюся впередъ часть зданія. Большинство этихъ крылецъ скомпановано такимъ образомъ: надъ нижней площадкой (первымъ рундукомъ) устроенъ шатровый навѣсъ, опирающійся на четыре столба; за рундукомъ идетъ крытый маршъ, упирающійся во второй рундукъ, надъ которымъ такъ же, какъ и надъ нижнимъ, возвышается шатеръ на четырехъ столбахъ; верхній рундукъ расположенъ у входной двери (рис. № 170). Въ Коломенскомъ дворцѣ шатеръ нижняго рундука возвышался надъ крестчатой бочкой.

Изъ сказаннаго видно, что крыльцо Тайнинской церкви не представляло само по себѣ чего-либо необычнаго, и вся оригинальность этой композиціи заключалась лишь въ симметричномъ размѣщеніи составныхъ частей, что̀ обусловливалось наличностью двухъ дверей второго яруса и одной нижняго, тогда какъ въ хоромахъ, обычно, имѣлась только одна дверь. Въ силу этого строитель Тайнинской церкви размѣстилъ все крыльцо параллельно западной стѣнѣ зданія, а не перпендикулярно къ ней, какъ это, въ большинствѣ случаевъ, практиковалось въ гражданскихъ сооруженіяхъ. Такимъ образомъ идея композиціи крыльца Тайнинской церкви не оригинальна, но это, конечно, нисколько не должно уменьшать въ нашихъ глазахъ степень талантливости зодчаго; его сила сказалась не только въ мастерскомъ и высоко-художественномъ размѣщеніи пропорціональ-

---

[1]) Этимъ отчасти объясняется то обстоятельство, что не только каждый бояринъ, но даже всякій богатый человѣкъ строилъ у себя на дворѣ собственную домовую церковь.

[2]) Очеркъ древней русской гражданской архитектуры. Москва 1902 года; въ т. XIX Древностей, изд. Имп. Моск. Арх. Общества.

пыхъ массъ, но и въ ихъ деталировкѣ. И. М. Снегиревъ[1]) находитъ въ деталяхъ крыльца «рѣзкое сходство съ украшеніями зданій Дели, Бенареса и Лукмора», хотя это не мѣшаетъ ему предполагать, что зодчій Тайницкой церкви былъ иноземецъ или русскій, учившійся у италіанскихъ архитекторовъ. Не говоря уже о томъ, что какъ русскаго, такъ и италіанскаго зодчаго середины XVII вѣка трудно заподозрить въ непосредственномъ копированіи архитектурныхъ формъ далекой имъ Индіи, нужно замѣтить, что тѣ формы индійско-магометанскаго зодчества, которыя имѣютъ сходство съ русскими формами XVII вѣка, сами появились лишь въ XVII вѣкѣ; слѣдовательно, никакъ нельзя говорить о вліяніи ихъ на русское искусство XVII вѣка, да еще чрезъ Италію. Если же подробно разобраться въ деталяхъ крыльца Тайницкой церкви, то сходство ихъ съ мотивами убранства Покровскаго собора и другихъ церк-

Посольскій дворъ по Потапову.

Рис. 170.

вей XVI и XVII вѣковъ станетъ очевиднымъ. Правда, онѣ скомпанованы съ гораздо большимъ изяществомъ и эффектностью, но по существу своему большинство изъ нихъ, не исключая и низкихъ витыхъ столбовъ верхнихъ рундуковъ, ведутъ свое начало отъ формъ нашего деревяннаго зодчества. Даже карнизы, цоколи и базы хотя и составлены изъ италіанскихъ по происхожденію обломовъ, но манера комбинированія ихъ чисто русская, выражающаяся въ каршизахъ («прилѣпахъ») отсутствіемъ сильно свѣшивающихся частей (слезниковъ).

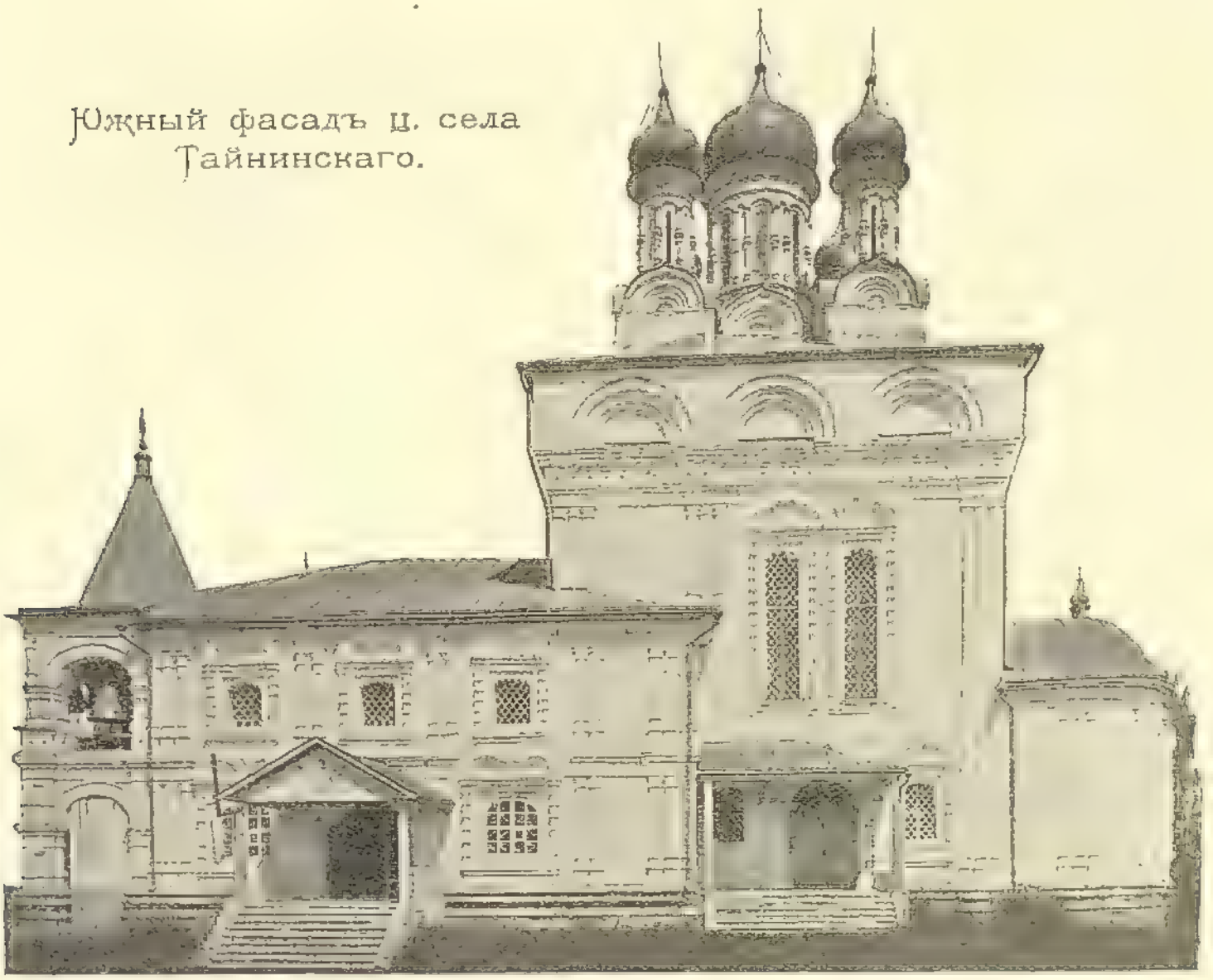
Чтобы не возвращаться болѣе къ крыльцу, замѣтимъ сейчасъ же, что шатры его были прежде крыты трехцвѣтной черепицей: на граняхъ была зеленая, а на ребрахъ желтая черепица вперемежку съ коричневой[2]). О матеріалѣ лукович-

[1]) Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. Тетрадь 13, стран. 135.

[2]) «Зодчій» 1878 годъ, стран. 97.

ныхъ главокъ шатровъ мы уже говорили; дополнимъ сказанное лишь указаніемъ, что съ шатрами онѣ были соединены при помощи желѣзныхъ штырей.

Въ архитектурѣ трапезы (рис. № 171) вниманіе останавливается прежде всего на формѣ оконъ, величинѣ и на нѣкоторыхъ деталяхъ ихъ убранства. Въ предыдущихъ эпохахъ, когда стекла еще не было, а слюда представляла изъ себя матеріалъ, стоющій очень дорого и поэтому не всегда доступный, окнамъ по



Южный фасадъ ц. села Тайнинскаго.

Рис. 171. По фот. Барщевскаго.

необходимости приходилось давать незначительные размѣры, потому что открытыми ихъ держали лишь лѣтомъ, а въ зимнее время закрывали глухими ставнями, придавать которымъ значительную величину было, конечно, невозможно. Съ появленіемъ же у насъ въ XVI—XVII вѣкахъ стекла, слюда въ цѣнѣ должна была неминуемо понизиться, что̀ дало возможность употреблять ее въ сравнительно большомъ количествѣ, и благодаря этому представилась возможность и самимъ окнамъ придавать болѣе значительные размѣры, закрывая ихъ слюдяными окончинами, которыя хорошо предохраняли внутренность зданія отъ холода.

Кромѣ значительнаго размѣра, окна трапезы интересны по своей формѣ, свойственной скорѣе двернымъ пролетамъ, нежели оконнымъ просвѣтамъ, которые до XVII вѣка, обыкновенно, имѣли, какъ мы видѣли, вытянутыя пропорціи. Наконецъ, въ окнахъ верхняго яруса трапезы (полатей) очень любопытна форма кирпича, изъ котораго сложены перемычки; здѣсь былъ примѣненъ лекальный кирпичъ, имѣвшій на одномъ изъ короткихъ своихъ концовъ трехчетвертной валъ. Чередуя эти кирпичи съ обыкновенными, зодчій получилъ тотъ красивый контуръ оконныхъ перемычекъ, который въ церковномъ московскомъ зодчествѣ встрѣчается намъ впервые въ разсматриваемомъ памятникѣ.

Въ искусствѣ же Востока[1]) такія волнистыя и многолопастныя арки были въ то время явленіемъ обычнымъ; поэтому казалось бы, что появленіе этой формы у насъ нужно связать какимъ-нибудь образомъ либо непосредственно съ Востокомъ, либо съ Западомъ, съ которымъ наши сношенія въ XVII вѣкѣ были, пожалуй, болѣе оживленныя, нежели съ Востокомъ. Обращаясь къ литературѣ, увидимъ, что наши изслѣдователи говорятъ, обыкновенно, только о многолопастныхъ кривыхъ и приписываютъ ихъ появленіе на Руси посредничеству работавшихъ въ Москвѣ западныхъ мастеровъ. О волнистыхъ же кривыхъ они умалчиваютъ, какъ бы относя ихъ къ формамъ однороднымъ съ многолопастными; тогда какъ между первыми и послѣдними есть существенная разница, а именно: многолопастныя кривыя свойственны преимущественно зодчеству изъ естественнаго камня, волнистыя же кривыя по своему характеру типичны для матеріала мелкаго размѣра — въ частности для кирпича. Оставляя поэтому въ сторонѣ многолопастныя кривыя, попытаемся выяснить появленіе у насъ однѣхъ лишь волнистыхъ перемычекъ. Мы уже сказали, что по характеру своему этотъ архитектурный мотивъ свойственъ кирпичному зодчеству; послѣднее же достигаетъ у насъ полнаго расцвѣта въ серединѣ XVII вѣка, такъ какъ въ это время начинаетъ пользоваться обширнымъ примѣненіемъ лекальный кирпичъ. Въ искусствѣ этого же времени мы впервые встрѣчаемся и съ волнистыми перемычками. Естественно допустить, что извилистая линія верха пролетовъ была такъ же по вкусу русскимъ зодчимъ, какъ и зодчимъ Востока — первоначальной родины многолопастныхъ арокъ и извилистыхъ перемычекъ, — но врядъ ли, чтобы эти послѣднія появились у насъ изъ такой дали, сношенія съ которой въ то время были вовсе уже не такими оживленными. Что же касается Запада, то оттуда въ XVII вѣкѣ къ намъ стали понемногу проникать формы послѣдней стадіи Ренессанса — Барокко, для котораго многолопастные и извилистые верхи пролетовъ совершенно не типичны. Отъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ можно безъ труда прійти къ заключенію, что наши мастера сами додумались до этой формы, тѣмъ болѣе,

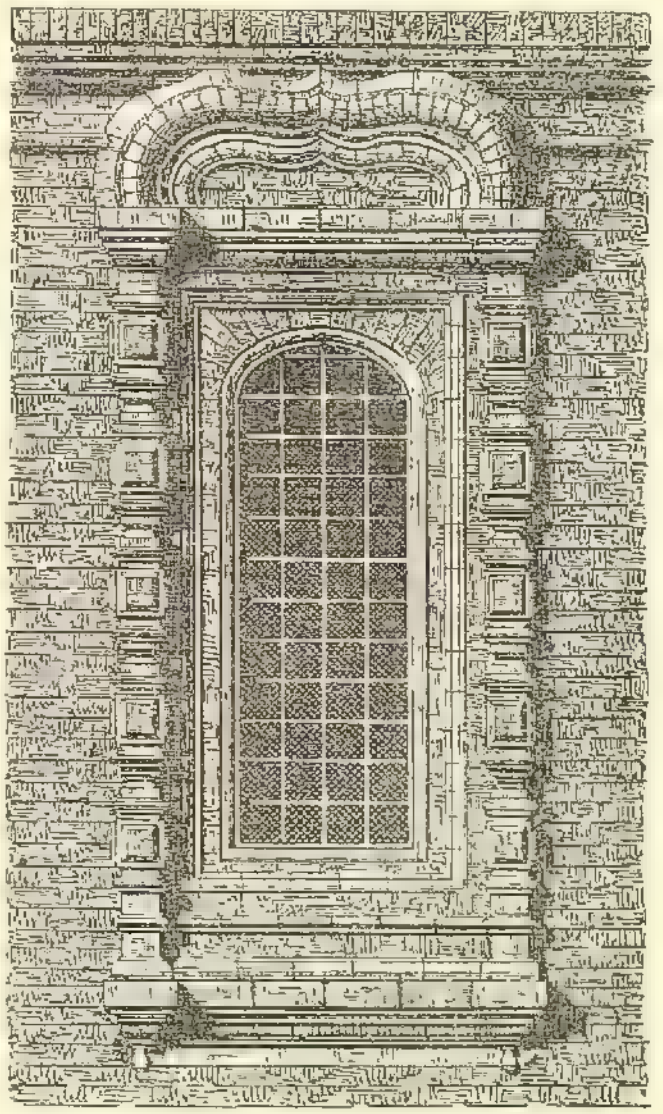
---

[1]) На Западѣ въ XVII вѣкѣ многолопастная форма была уже формой почти отжившей: культивировавшіе ее романское и готическое искусство повсемѣстно вытѣснялись въ это время формами Возрожденія.

что это было очень нетрудно, когда у нихъ подъ руками находился лекальный кирпичъ и когда стремленіе къ роскошной отдѣлкѣ церквей заставляло ихъ изыскивать новыя декоративныя формы.

Композиція оконныхъ наличниковъ, какъ въ верхнемъ ярусѣ трапезы, такъ и въ нижнемъ, въ общихъ чертахъ одинакова; разница замѣчается только въ боковыхъ ихъ частяхъ, составленныхъ изъ различнаго вида кувшинчиковъ, очевидно, ведущихъ свое начало отъ деревяннаго «балясника» — рѣзныхъ брусковъ (рис. № 172). Что же касается верхней части наличниковъ, ихъ кокошниковъ, то съ такой формой послѣднихъ мы уже встрѣчались; правда, на трапезѣ Тайнинской церкви кокошники имѣютъ особенно сильно придавленный видъ, въ особенности въ нижнемъ ярусѣ, но это объясняется желаніемъ зодчаго не поднимать ихъ выше междуяруснаго и вѣнчающаго карнизовъ. Этимъ условіемъ можно объяснить и форму архивольтовъ дверного наличника; однако слѣдуетъ замѣтить, что зодчіе XVII вѣка гораздо охотнѣе примѣняютъ трехцентровыя (коробовыя) кривыя, нежели полуциркульныя, при чемъ переходною ступенью между тѣми и другими являются арки и архивольты, имѣющія форму части полуокружности, какъ, напримѣръ, южныя и сѣверныя арки крыльца разсматриваемаго памятника.

Деталь окна Тайнинской церкви.



По Л. Далю и Р. Леонову.
Рис. 172.

Общій пріемъ композиціи всѣхъ дверныхъ наличниковъ Тайнинской церкви представляетъ собою вновь возродившійся древній пріемъ дверныхъ обрамленій—это тѣ же «перспективные входы», которые здѣсь почти такъ же богаты, какъ во владиміро-суздальскомъ зодчествѣ, но только характеръ этого богатства совершенно иной, нежели въ порталахъ церквей Владиміро-Суздаля. Дѣйствительно, въ старину простые цилиндрическіе стержни колоннъ покрывались роскошнымъ орнаментомъ, мотивы котораго были заимствованы изъ царства растительнаго и животнаго; въ Московскомъ же зодчествѣ простые стержни колоннъ уступили мѣсто вычурнымъ по формѣ балясинамъ, украшеннымъ исключительно геометрическимъ орнаментомъ (рис. № 173). Нѣкоторыя формы

этихъ «баляснпъ» встрѣчались намъ уже раньше въ Московскомъ каменномъ зодчествѣ; такъ, напримѣръ, въ дверномъ наличникѣ южнаго фасада трапезы мы видимъ ту же основную форму стержня колонки съ «дынькой» посерединѣ, но она такъ сильно украшена мелкими деталями, что узнать ее сразу довольно трудно.

Чтобы закончить обзоръ уборныхъ мотивовъ трапезы, нужно еще указать на карнизы и колонки; послѣдніе на углахъ трапезы сгруппированы по три[1]) вмѣстѣ, а въ простѣнкахъ попарно. Форма капителей и безъ этихъ колонокъ не является для насъ новой; поэтому обратимъ лишь вниманіе на фаски, которыя сняты съ реберъ тѣхъ впадинъ, въ которыя вдвинуты группы колонокъ. Благодаря фаскамъ получается красивая игра свѣта и тѣни, а устройство впадинъ дало возможность сдѣлать полуколонки, не прибѣгая къ помощи кронштейновъ, на которые упрались бы базы полуколонокъ; послѣдніе сильно выдвигались бы изъ-за лица стѣнъ, если бы не существовало впадинъ.

Детали Тайнинской церкви.

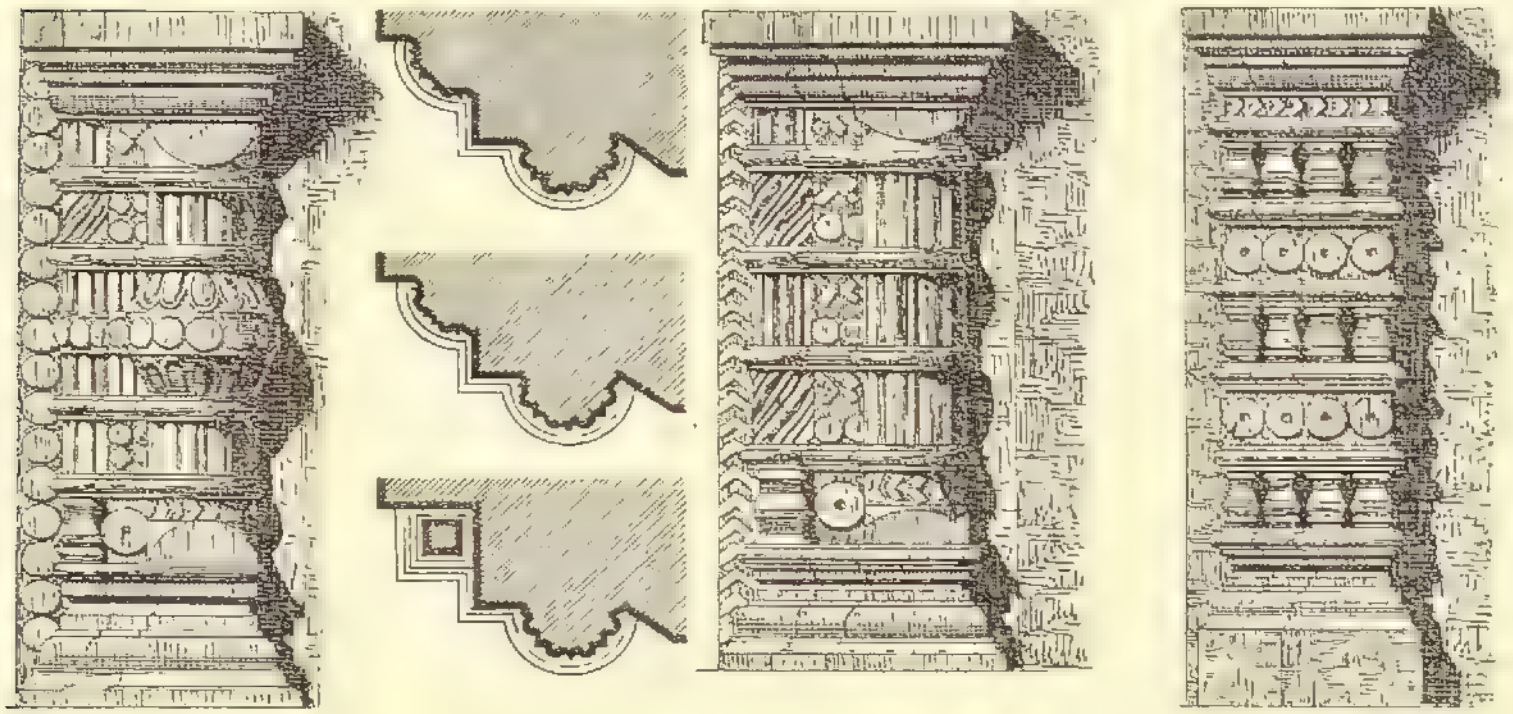


Рис. 173. По Л. Далю и В. Леонову.

Междуярусный и вѣнчающій карнизы скомпанованы изъ совершенно одинаковыхъ формъ и имѣютъ одинаковую высоту. Фризы ихъ сложены поребрикомъ, а остальныя части изъ лекальнаго кирпича и изъ простого.

Теперь перейдемъ къ внѣшнему виду главной части церкви, которая по общему своему замыслу отличается отъ не-шатровыхъ церквей предшествующаго періода лишь своимъ пятиглавіемъ. Въ зависимости отъ послѣдняго измѣнилось нѣсколько расположеніе двухъ верхнихъ рядовъ кокошниковъ, а именно, въ сред-

[1]) Въ сущности говоря, по 5 вмѣстѣ: одна въ вершинѣ угла и по двѣ на сторонахъ его, что въ ортогональныхъ проэкціяхъ даетъ впечатлѣніе группы изъ трехъ стержней.

немъ ряду появились угловые кокошники (діагональные), верхній же рядъ, окружавшій въ Покровской церкви и у Николы Явленнаго низъ шеи главы, разбился въ Тайнинской церкви на пять самостоятельныхъ группъ, изъ которыхъ каждая вѣнчаетъ квадратные въ планѣ пьедесталы верховъ, образуя плавный переходъ отъ призматическихъ пьедесталовъ къ цилиндрическимъ шеямъ. Каждая группа верхнихъ кокошниковъ представляетъ собою въ сущности точное воспроизведеніе «крестчатой бочки» — одной изъ излюбленныхъ формъ покрытія въ зданіяхъ гражданскаго зодчества. Форма кокошниковъ, сложенныхъ изъ лекальнаго кирпича, красивая и спокойная; въ числѣ обломовъ ихъ архивольтовъ обращаетъ на себя вниманіе мощный полувалъ, препятствующій образованію глубокой падающей тѣни на впадинахъ кокошниковъ. (Деталь рисунка № 169.)

Шеи малыхъ главъ глухія, но чтобы придать имъ минимальный вѣсъ онѣ сдѣланы полыми, а для сообщенія этихъ пустотъ со внѣшнимъ воздухомъ въ нихъ сдѣланы щелевидныя отверстія. Декоративное убранство шей по общему характеру осталось старымъ — тѣ же колошки на кронштейнахъ, соединенныя вверху кольцомъ арочекъ; только детали стали богаче и изящнѣе.

Старый мотивъ архитектурной обработки оставленъ и на нижней части главной массы церкви, но въ деталяхъ опять-таки сказались вкусы эпохи — лопатки превратились въ группы полуколонокъ, углубленныхъ во впадины; окна по сравненію съ прежними получили огромные размѣры и украсились чудными очельями; наконецъ, карнизъ значительно выросъ и обогатился.

Интересно нѣсколько безцеремонное обращеніе зодчаго съ тройнымъ дѣленіемъ фасадовъ; онъ не рѣшился отступить отъ освященнаго вѣками пріема, но не постѣснился по-своему распорядиться съ нимъ тамъ, гдѣ онъ мѣшалъ ему вслѣдствіе намѣченнаго размѣщенія оконныхъ просвѣтовъ. Поэтому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пучки колонъ закрыли бы окна, зодчій по-просту оборвалъ ихъ и притомъ на различной высотѣ, такъ что онѣ кажутся подвѣшенными къ карнизу. Конечно, такой пріемъ очень наивенъ и не выдерживаетъ строгой художественной критики; но можно ли за него винить русскаго зодчаго XVII вѣка, незнакомаго съ педантичными теоріями Виньолы и другихъ систематиковъ искусства!

Переходя къ деталямъ главной массы церкви, нельзя не сказать нѣсколько словъ о ея вѣнчающемъ карнизѣ; типичной чертой его является полоса ширинокъ, рамки которыхъ сложены изъ кирпича, точно такъ же, какъ и остальныя части карниза, гдѣ только существенную роль играетъ не простой, а лекальный кирпичъ. Впадины ширинокъ заполнены терракотовыми плитками, украшенными углубленіями и имѣющими форму туза пикъ[1]). Мотивъ этихъ ширинокъ очень простъ, но въ общей слежности весь карнизъ съ его поребрикомъ и раскреповками надъ пучками колонокъ производитъ въ высшей степени благопріятное впечатлѣніе.

---

[1]) Точно такія же ширинки украшаютъ парапеты верхнихъ рундуковъ крыльца.

Алтарь обработанъ такъ же, какъ и всѣ остальныя части церкви; поэтому мы на немъ останавливаться не будемъ. Чтобы закончить этотъ, къ сожалѣнію, краткій обзоръ Тайницкой церкви, скажемъ, что въ старину она не была побѣлена, какъ теперь; общій фонъ былъ естественнаго цвѣта кирпича, а детали, какъ можно судить по остаткамъ кокошниковъ второго ряда, уцѣлѣвшихъ подъ крышею болѣе поздняго происхожденія, были выкрашены въ темно-коричневую краску[1]).

Теперь, послѣ сдѣланнаго описанія Тайницкой церкви, можно установить, хотя бы приблизительно, время ея постройки. Характеръ композиціи ея плана, внутренній распорядокъ и общій пріемъ внѣшней архитектуры указываютъ на XVII вѣкъ. Чтоже касается деталей, вѣрнѣе говоря, ихъ трактовки, а также лекальнаго кирпича, играющаго такую видную роль въ уборныхъ мотивахъ Тайницкой церкви, то они болѣе точно опредѣляютъ время ея постройки. Дѣйствительно, ни одна изъ разсмотрѣнныхъ нами церквей первой половины XVII вѣка, за исключеніемъ развѣ церкви Зосимы и Савватія въ Троице-Сергіевой лаврѣ, не имѣетъ такихъ богатыхъ и прошикнутыхъ тонкимъ художественнымъ вкусомъ деталей, какъ Тайницкая; точно такъ же ни у одной изъ нихъ мы не видѣли такого количества лекальнаго кирпича очень разнообразныхъ профилей. Поэтому нельзя отнести постройку интересующаго насъ памятника къ началу первой половины XVII вѣка. Съ другой же стороны, какъ въ главныхъ архитектурныхъ массахъ, такъ и въ деталяхъ незамѣтно еще намековъ на упадокъ самобытнаго стиля, которые въ началѣ третьей четверти XVII вѣка начинаютъ чувствоваться довольно сильно, а въ концѣ ея являются непосредственными предтечами близкаго Барокко. Такимъ образомъ постройку Тайницкой церкви нужно отнести къ концу первой половины или къ началу 3-й четверти XVII вѣка; это не противорѣчитъ и общему положенію дѣлъ московскаго государства. Въ самомъ дѣлѣ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и въ первые годы царствованія Тишайшаго царя было не до постройки большихъ церквей въ болѣе отдаленныхъ отъ Москвы помѣстьяхъ; смутные годы много оставили послѣ себя развалинъ въ самой Москвѣ; поэтому приняться за благоустройство хоромъ и церквей въ вотчинахъ можно было только послѣ приведенія въ порядокъ того, что было разрушено и испорчено въ самомъ городѣ, а на это потребовалось, конечно, порядочно времени.

Другимъ, такъ же въ высшей степени интереснымъ памятникомъ этого періода является церковь Св. Троицы и Грузинской Божіей Матери, находящаяся въ Китай-городѣ у Варварскихъ воротъ[2]). Къ сожалѣнію, никакихъ документовъ, точно устанавливающихъ годъ постройки церкви Св. Троицы, до сихъ поръ еще не найдено[3]), но, какъ увидимъ изъ послѣдующаго, многія детали ея архитек-

[1]) Зодчій 1878 годъ. Стран. 28.

[2]) Въ Грузинскомъ переулкѣ.

[3]) Первое упоминаніе о первоначальной церкви находимъ въ приходныхъ книгахъ Патріаршаго приказа, гдѣ подъ 1625 годомъ она названа церковью св. Мученика Микиты на Глинищахъ. Подъ 1647 годомъ она значится у двора гостя Григорія Микитникова.

туры вполнѣ опредѣленно говорятъ, что церковь эта построена во время царствованія Алексѣя Михайловича — въ періодъ наивысшаго расцвѣта нашего само-

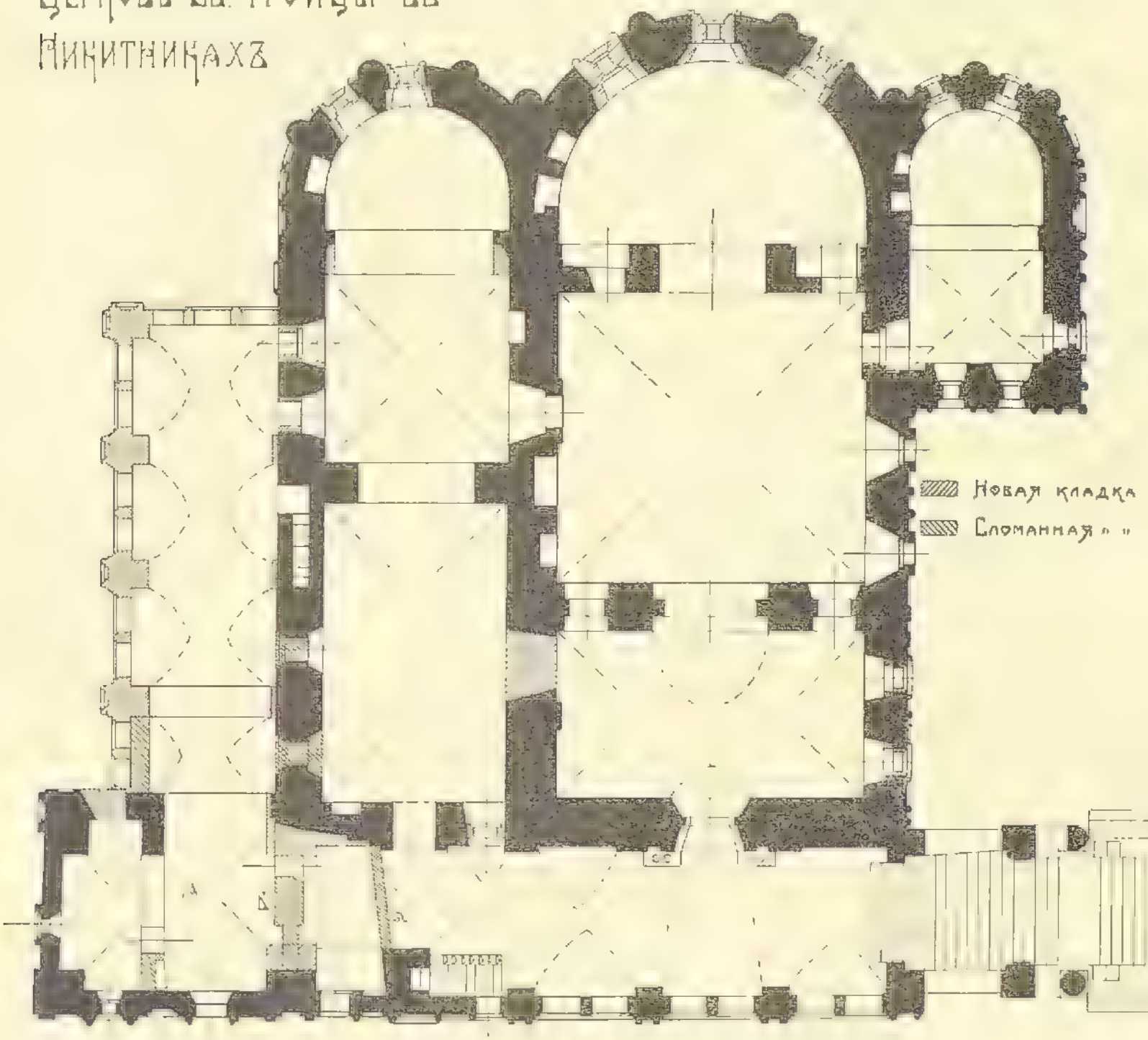


Рис. 174.

бытнаго искусства. Въ литературѣ эта церковь, по имени находящейся въ ней чудотворной иконы[1]), именуется церковью Грузинской Божіей Матери, тогда

Подъ 1675 годомъ памятникъ названъ церковью Живоначальныя Троицы; церковь же святаго Муч. Микиты была уже въ это время придѣльною. (См. П. Е. Забѣлинъ «Матеріалы для исторіи, археолог. и статист. гор. Москвы». Москва 1891 года. Т. I, стран. 370.)

[1]) Въ 1904 году, въ 250 годовщину чуда иконы Грузинской В. Матери (Избавленіе отъ моровой язвы 1654 года), былъ устроенъ въ подклѣтѣ церкви придѣлъ во имя Грузинской В. Матери.

какъ главный ея престолъ устроенъ во имя Св. Троицы, и поэтому ея народное названіе: «Троица въ Никитникахъ» гораздо вѣрнѣе[1]). Этого характернаго для московскаго говора названія мы и будемъ придерживаться.

Въ планѣ церковь св. Троицы въ Никитникахъ представляетъ собою сравнительно небольшой квадратъ[2]), къ которому со всѣхъ сторонъ примыкаютъ дополнительныя части: съ востока—одноапсидный алтарь, съ запада—трапезная, съ сѣвера—большій по размѣрамъ придѣлъ и его трапезная и, наконецъ, съ юга — меньшій придѣлъ. Алтари придѣловъ, подобно главному алтарю, въ западной ихъ части представляютъ прямоугольникъ, незамѣтно сливающійся съ правильнымъ полукружіемъ (рис. № 174). Къ западнымъ стѣнамъ трапезныхъ, составляющимъ одна продолженіе другой пристроена паперть, къ сѣверному концу которой примыкаетъ колокольня (*А*), а къ южному — крыльцо (*Б*). Сѣверный конецъ паперти въ старину былъ отгороженъ отъ остальной ея части тонкой стѣнкой (*а*); такъ какъ въ южной стѣнѣ (*В*) колокольни имѣлась прежде только маленькая дверца, а не широкій пролетъ, существующій теперь, то упомянутая стѣнка отдѣляла отъ паперти небольшую каморку, родъ сѣнецъ передъ колоколь-

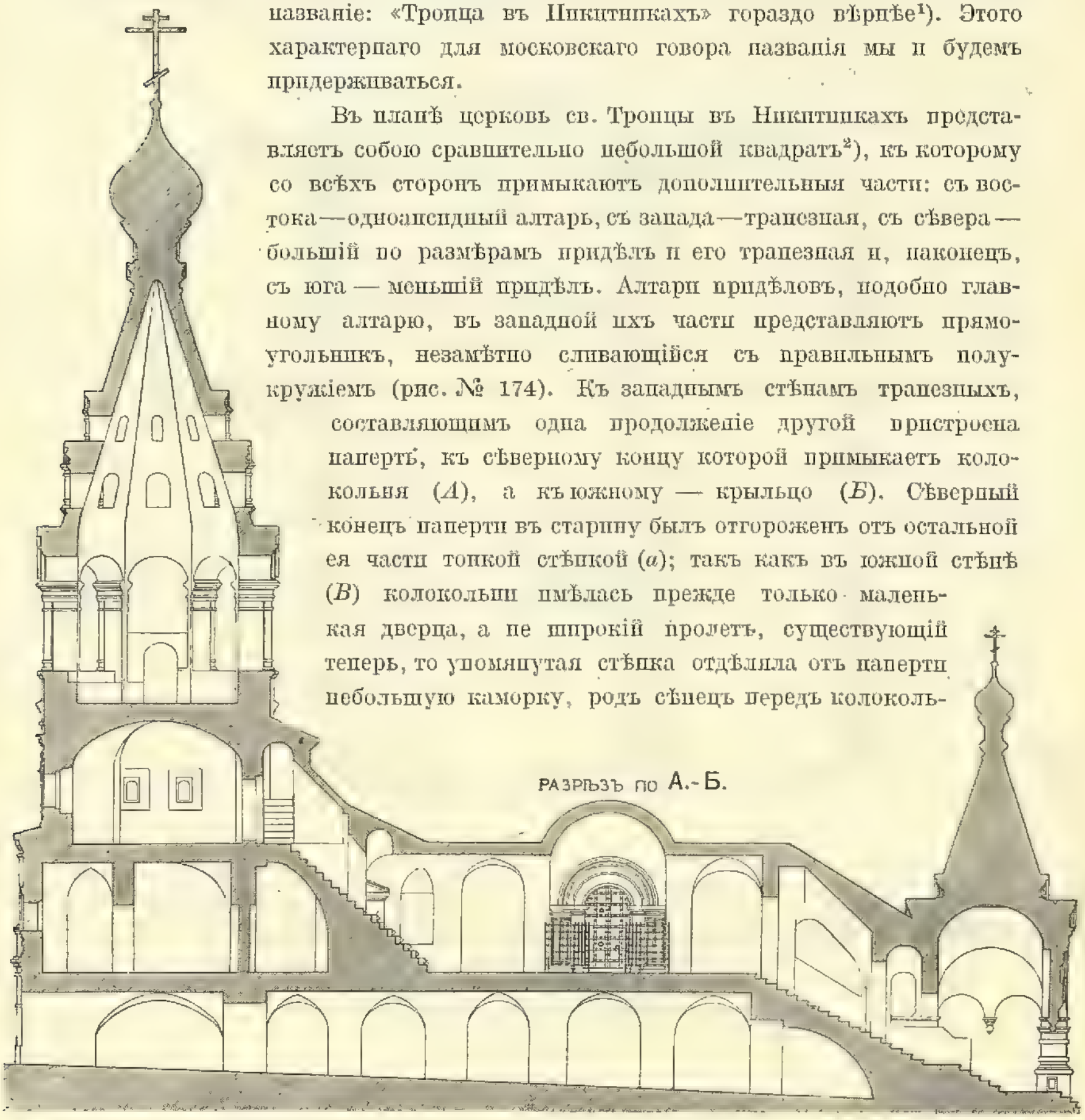


Рис. 175. По Л. Далю и В. Леонову.

---

[1]) А. М. Павлиновъ по какимъ-то непонятнымъ причинамъ назвалъ этотъ памятникъ въ своей Исторіи Архитектуры «Церковь Грузинской Троицы». (См. стран. 156.)

[2]) Сторона квадрата около 3 саж. 2 арш.

пей, изъ которыхъ начинались двѣ лѣстницы: одна вверхъ — на колокольню, а другая внизъ — на паперть (рис. № 175). Изъ этихъ же сѣней чрезъ узкую дверь можно попасть въ палатку 2-го яруса[1]) колокольни (рис. № 176), которая прежде была либо ризницей, либо казною, а теперь въ ней устроенъ придѣлъ. Впослѣдствіи для образованія удобнаго сообщенія западной паперти съ сѣверной, тонкая стѣнка (*a*) была уничтожена, а въ южной стѣнѣ (*B*) колокольни устроенъ упомянутый широкій пролетъ. Сѣверная паперть въ прежнее время не существовала, а на ея мѣстѣ находилась какая-то часть зданія, сообщавшаяся съ лѣстницей, которая находится въ толщѣ сѣверной стѣны трапезы придѣла, и съ первымъ ярусомъ колокольни; на это указываетъ имѣющаяся въ восточной стѣнѣ послѣдней широкая арка, одновременная, очевидно, остальнымъ древнимъ частямъ церкви. Вѣроятно, къ этой аркѣ прежде примыкало крыльцо, служившее для сообщенія съ палатками, находящимися въ первомъ ярусѣ колокольни, потому

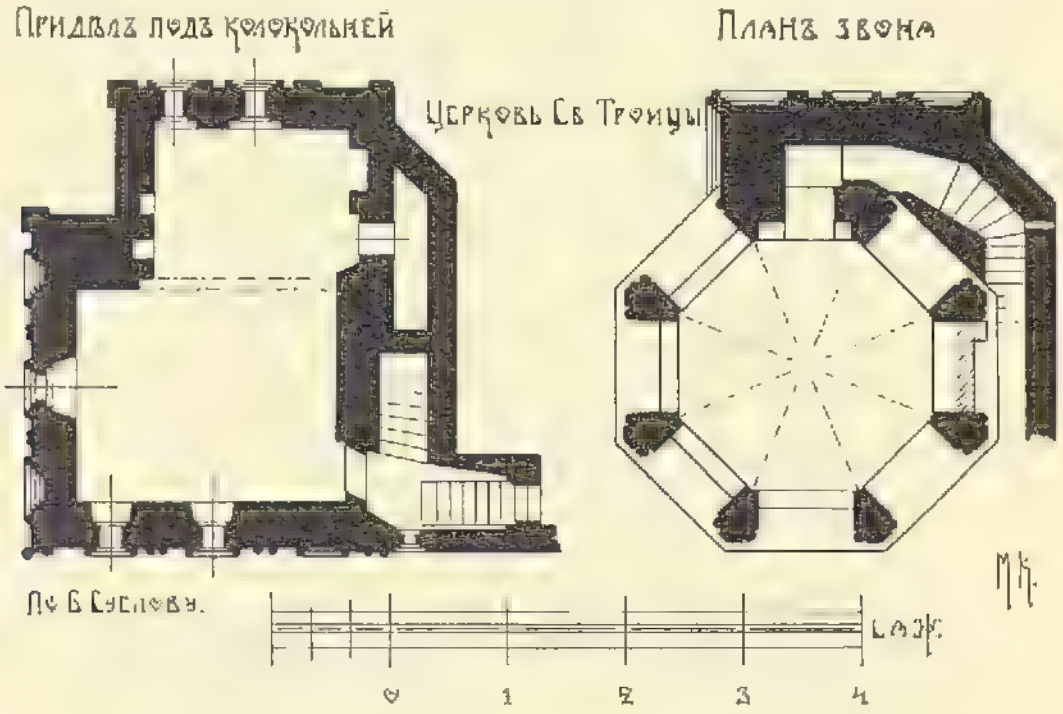


Рис. 176.

что при прежней глухой стѣнѣ западной паперти въ эту палатку другого доступа не было. Итакъ, планъ церкви Св. Троицы въ Никитникахъ, въ противоположность плану Тайницкой церкви, скомпанованъ несимметрично. Вѣроятно, это объясняется формою мѣста, имѣвшагося подъ постройку; судя по тому, что южный фасадъ церкви обработанъ значительно богаче сѣвернаго, можно предположить, какъ это дѣлаетъ Л. В. Даль[2]), что она, какъ и въ настоящее время, была обращена этимъ фасадомъ на улицу, на которую выходило и крыльцо; съ сѣвера же былъ расположенъ церковный дворъ, на которомъ нужно было размѣстить дома

[1]) Не считая подклѣта.
[2]) Зодчій 1877 годъ, стран. 87.

причта. Другое объясненіе несимметричности плана можно искать въ словахъ П. М. Снегирева[1]), который, не указывая, правда, источниковъ, утверждаетъ, что церковь Св. Троицы была построена въ 1628 году, а въ 1653—увеличена и расширена пристройками. Возможно, что при этой перестройкѣ нѣкоторыя части первоначальнаго храма уцѣлѣли, новыя же были къ нимъ пристроены такъ, какъ это было удобнѣе, а не придерживаясь правилъ симметріи.

Церковь стоитъ на высокихъ подклѣтахъ, находящихся не только подъ главной частью, но также подъ придѣлами и подъ колокольней; всѣ подклѣты сообщаются другъ съ другомъ широкими арками. Главнымъ матеріаломъ для всѣхъ частей храма послужилъ кирпичъ, а естественный камень былъ примѣненъ только для устройства нижней части цоколя, ступеней и для нѣкоторыхъ декоративныхъ частей.

Главная часть церкви Св. Троицы значительно выше придѣловъ, алтарей и трапезъ; такъ же, какъ и въ Тайницкой церкви, она крыта сомкнутымъ сводомъ, на которомъ стоятъ пять верховъ; изъ нихъ открытъ только средній, а боковые—глухіе. Шея средняго верха суживается двумя уступами къ вѣнчающему ее сферическому своду. Интересною особенностью разсматриваемаго памятника являются голосники, расположенные въ два ряда на трехъ стѣнахъ[2]) главной части церкви (подъ желѣзными связями, затягивающими ея сводъ) и въ сводѣ главнаго алтаря, который, по словамъ Л. В. Даля, переполненъ ими.

Кромѣ 8 оконъ, находящихся въ шеѣ средней главы, имѣются еще 4 окна, которыя всѣ расположены въ южной стѣнѣ; на сѣверной же стѣнѣ оконъ совсѣмъ нѣтъ, въ чемъ Л. В. Даль, не безъ основанія, усматриваетъ отголосокъ нашей деревянной архитектуры. Размѣры оконъ, по сравненію съ Тайницкими, не велики.

Двери, ведущія изъ главной части церкви въ придѣлы, украшены богато орнаментированными наличниками, сдѣланными изъ бѣлаго камня; по характеру композиціи эти наличники очень похожи на дверныя обрамленія Кремлевскихъ теремовъ (рис. № 177). Внутренняя поверхность средней изъ трехъ арокъ, соединяющихъ трапезную съ церковью, украшена красивой и тонкой рѣзьбой также по бѣлому камню.

Въ устройствѣ алтаря, придѣловъ и трапезныхъ никакихъ особенностей нѣтъ: квадратныя въ планѣ части покрыты сомкнутыми сводами, прямоугольныя—лотковыми, алтари—комбинаціей изъ цилиндрическихъ и сферическихъ сводовъ. Шеи главъ придѣловъ — глухія. Окна главной и сѣверной апсидъ сильно растесаны.

---

[1]) Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. А. М. Мартыновъ, тетрадь шестая, стран. 43.

[2]) Западной, сѣверной и южной.

Всѣ части церкви сплошь покрыты внутри фресковой росписью; даже оконные откосы украшены орнаментами. Къ сожалѣнію, роспись сильно пострадала отъ позднѣйшихъ поправокъ масляными красками, сквозь которыя все-таки сквозятъ древніе контуры, прорѣзанные въ еще не окрѣпшей штукатуркѣ.

Не безынтересно покрытіе западной паперти; его существенную часть составляетъ коробовый, со сферическими распалубками, сводъ, который пересѣ-

Дверной наличникъ ц. Св. Троицы.

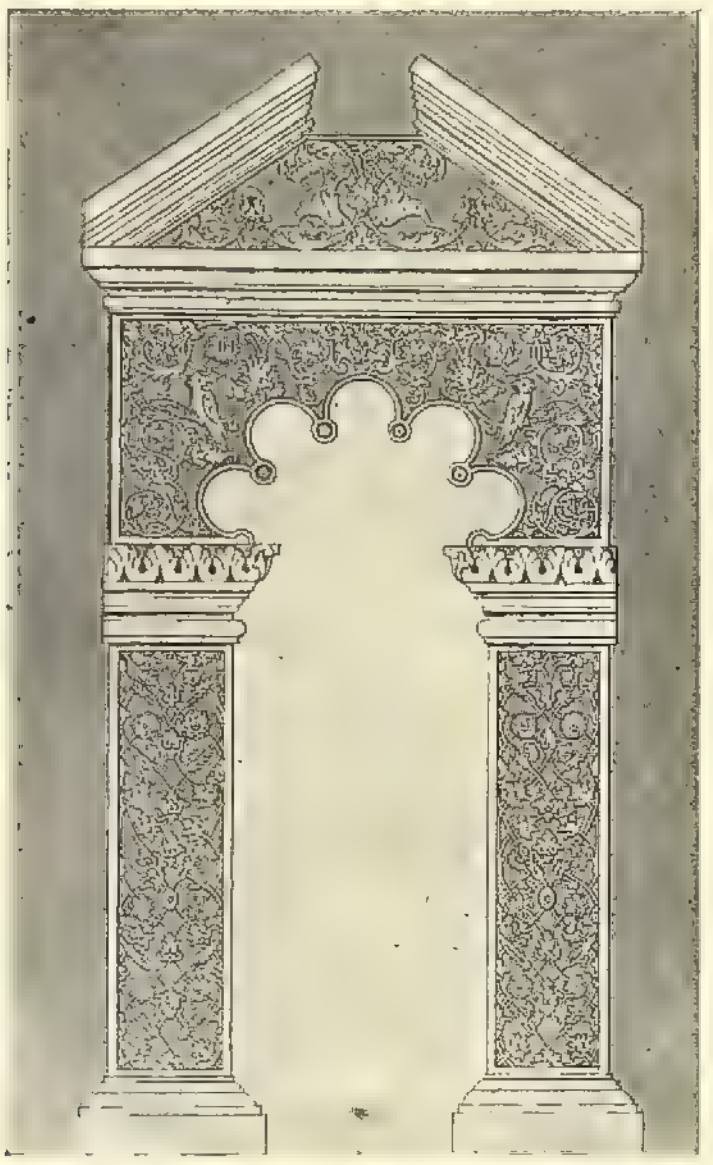


Рис. 177. По А. Мартынову.

кается двумя второстепенными сводами. Одинъ изъ послѣднихъ, большой полуциркульный, перекрываетъ пространство между входной дверью и противолежащимъ ей парнымъ окномъ паперти (рис. № 175); шелыга этого свода значительно выше шелыги главнаго свода, поэтому на фасадѣ церкви онъ вырисовывается большой закаморой, концы архивольта которой опираются на карнизъ паперти (рис. № 178). Въ серединѣ закаморы помѣщено круглое, довольно большого размѣра окно. Второй сводъ, параллельный первому, также полуциркульный, но по размѣрамъ гораздо меньше перваго; онъ перекрываетъ часть сѣвернаго конца паперти и устроенъ не съ декоративной цѣлью, какъ первый, а въ силу

необходимости, такъ какъ безъ него невозможно было бы открывать дверь, которая находится на серединѣ марша лѣстницы, ведущей изъ паперти въ сѣнцы колокольни (рис. № 175).

Лѣстница къ «звону» идетъ въ узкой клѣткѣ, начинающейся съ южной стороны колокольни и заканчивающейся дверью, которая находится въ восточномъ пролетѣ звона (рис. № 176). Клѣтка лѣстницы покрыта ползучимъ полуциркульнымъ сводомъ.

Такой же сводъ покрываетъ верхнюю часть марша крыльца; низъ этого марша перекрытъ поперечнымъ цилиндрическимъ сводикомъ, а средній маршъ и два нижнихъ рундука находятся подъ глухимъ шатромъ, который изнутри закрытъ паруснымъ сводомъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію наружнаго вида церкви Св. Троицы въ Никитникахъ, замѣтимъ, что всѣ ея главы сдѣланы цѣликомъ изъ кирпича[1]); такимъ образомъ ко всемъ храмѣ, если не считать иконостаса и клиросовъ, совершенно отсутствуютъ матеріалы, опасные въ пожарномъ отношеніи, почему онъ и не пострадалъ отъ не разъ бушевавшаго вокругъ него огня.

Чтобы сдѣлать подробную характеристику внѣшняго вида церкви Св. Троицы въ Никитникахъ нужно написать цѣлый трактатъ; на это, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ мѣста; поэтому, въ силу необходимости, приходится ограничиться лишь бѣглымъ очеркомъ, останавливаясь только на тѣхъ архитектурныхъ формахъ, которыя наиболѣе типичны для данной эпохи.

Если не принимать во вниманіе глухихъ главъ, являющихся исключительно декоративными массами, то внѣшняя архитектура церкви вполнѣ отвѣчаетъ ея внутреннему распорядку. Взаимное отношеніе главныхъ массъ совершенно такое же, какъ и въ Тайнинской церкви, другими словами, доминирующее мѣсто занимаетъ центральная, квадратная въ планѣ часть церкви. Много общаго у этихъ двухъ памятниковъ и въ характерѣ деталей; особенно бросается въ глаза сходство композиціи главныхъ карнизовъ. Дѣйствительно, они настолько похожи другъ на друга, что кажутся произведеніями одного мастера; разница заключается лишь въ томъ, что вмѣсто поребрика, украшающаго нижнюю часть карниза Тайнинской церкви, въ церкви Троицы помѣщенъ гладкій поясъ, обогащенный вставкою въ него поливныхъ изразцовъ, а поясъ ширинокъ кажется болѣе красивымъ, благодаря изящной формѣ кокошниковъ, которые заполняютъ донца («лбы») ширинокъ[2]). (Смотри деталь рис. № 178.)

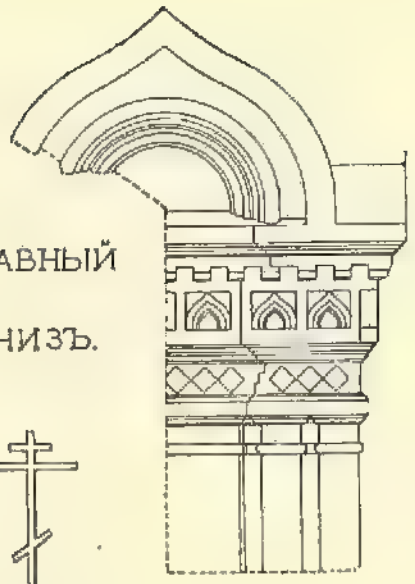
Говоря о карнизѣ церкви Св. Троицы, нельзя не указать на тотъ наивный пріемъ, при помощи котораго зодчій не задумался выйти изъ затруднительнаго положенія, обусловленнаго неправильно сложеннымъ сводомъ. Въ самомъ дѣлѣ,

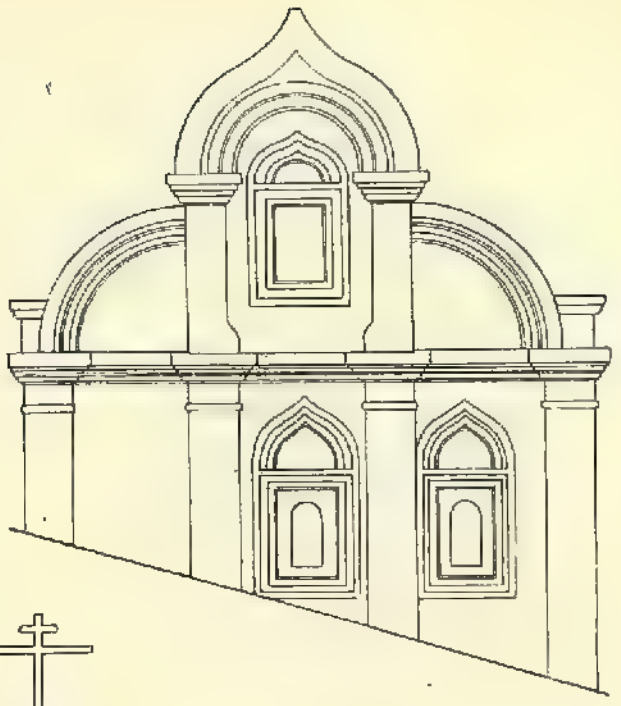
---

[1]) Памятники древняго русскаго зодчества. Изд. Импер. Академ. Худож. Выпускъ IV.

[2]) Нельзя также не замѣтить удивительнаго сходства между карнизами этихъ двухъ памятниковъ и карнизомъ церкви Рождества въ Путинкахъ.

ГЛАВНЫЙ КАРНИЗЪ.





ЦЕРКОВЬ СВ. ТРОИЦЫ И ГРУЗИНСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ въ Москвѣ (XVIIст.)

ЗАПАДНЫЙ ФАСАДЪ

Рис. 178. По Л. Далю и В. Леонову.

если смотрѣть на церковь со стороны ея западнаго фасада, то станетъ замѣтнымъ, что замокъ свода находится не надъ центромъ квадрата плана, а нѣсколько сдвинутъ къ сѣверо-востоку. Поэтому оказалось невозможнымъ ни правильно размѣстить на сводѣ кокошники, ни связать ихъ настѣнный рядъ съ раскреповками карниза, которыя должны были находиться надъ парными колонками, дѣлящими каждый фасадъ на три части. Не мудрствуя лукаво, зодчій рѣшилъ поступить такимъ образомъ: онъ сдвинулъ влѣво весь настѣнный рядъ кокошниковъ западнаго фасада, правильно размѣстилъ подъ ними раскреповки верхней и средней части карниза, а одну сторону раскреповокъ нижней части карниза сдѣлалъ ступенчатой и такимъ образомъ связалъ ихъ съ раскреповками архитрава, которыя правильно отвѣчаютъ капителямъ колонокъ (рис. № 178).

Можно ли эту невязку поставить зодчему въ упрекъ? Думается, что нѣтъ. Вѣдь ему приходилось строить, не имѣя детальныхъ чертежей, на которыхъ въ наше время показывается каждый кирпичъ; ошибиться, слѣдовательно, было нетрудно даже и въ томъ случаѣ, если бы у него былъ эскизный рисунокъ фасада, какъ это предполагаетъ Л. В. Даль[1]). Позволимъ себѣ, однако, усумниться и въ такомъ предположеніи, потому что, если бы это на самомъ дѣлѣ было такъ, то-есть если бы иконописцы «знаменили» для зодчихъ фасады, то хоть одинъ подобный рисунокъ дошелъ бы до насъ; однако, насколько намъ извѣстно, среди массы памятниковъ письменности и иконъ XVII вѣка ничего подобнаго до сихъ поръ не встрѣчалось. Правда, на иконахъ и въ миніатюрахъ встрѣчается много архитектурныхъ мотивовъ, но нельзя сказать, чтобы хоть одно изъ этихъ изображеній было сдѣлано со спеціальной цѣлью помочь зодчему. Отрицать въ принципѣ правдоподобность сдѣланнаго Далемъ предположенія нельзя, такъ какъ единичные случаи совмѣстной работы иконописца и зодчаго могли, конечно, имѣть мѣсто, но отъ категорическаго признанія такихъ фактовъ осторожнѣе пока воздержаться; поэтому вѣрнѣе предположить, что зодчіе въ XVII вѣкѣ, какъ и ихъ предшественники, строили свои произведенія, держа весь проектъ въ головѣ, гдѣ онъ складывался у нихъ не подъ вліяніемъ фантазіи иконописцевъ, а подъ впечатлѣніемъ имѣвшихся передъ глазами работъ предшественниковъ, варіируемыхъ по личному вкусу и въ связи съ условіями мѣста и матеріальныхъ средствъ.

Возвращаясь къ обзору внѣшняго вида церкви Св. Троицы въ Никитникахъ, остановимся на центральной ея массѣ, но опять-таки съ цѣлью отмѣтить лишь нѣкоторыя детали, такъ какъ общій характеръ композиціи совершенно такой же, какъ и въ Тайнинской церкви (рис. №№ 179 и 180). Дѣйствительно, мы видимъ здѣсь ту же группировку кокошниковъ, декорирующихъ сомкнутый сводъ, и то же тройное дѣленіе фасадовъ при помощи пучковъ колонокъ; при этомъ зод-

[1]) Даль полагаетъ даже, что рисунокъ былъ сдѣланъ Симономъ Ушаковымъ, который жилъ въ приходѣ церкви Троицы въ Никитникахъ. (Смотри «Зодчій» 1877 г.).

чій разсматриваемаго памятника отбрасывать эти колонки тамъ, гдѣ онѣ ему мѣшали съ такимъ же простодушіемъ, съ какимъ это дѣлалъ и зодчій Тайницкой церкви[1]).

Д. Св. Троицы съ юго-запада.

Рис. 179. По фот. Иванова-Терентьева.

Что же касается деталей, то нѣкоторыя изъ нихъ отличаются отъ деталей Тайницкой церкви лишь настолько, насколько рознились вкусы двухъ зодчихъ одной и той же эпохи; нѣкоторыя же детали производятъ впечатлѣніе совершенно

[1]) Смотри южный фасадъ южнаго придѣла.

новыхъ, еще не встрѣчавшихся намъ композицій. Къ числу первыхъ нужно отнести карнизы и аркатуры шей, кокошники и колонки, дѣлящія стѣны на три части. Изъ кокошниковъ обращаютъ на себя вниманіе тѣ, которые образуютъ

Деталь ц. Св. Троицы въ Никитникахъ.

Рис. 180. По фот. Иванова-Терентьева.

средній рядъ: ихъ наружныя тяги превращаются внизу изъ криволинейныхъ въ прямыя и служатъ обрамленіями для маленькихъ кокошниковъ, которые представляютъ какъ бы зародышъ четвертаго ряда. Идея эта не лишена оригиналь-

пости, но съ другой стороны указываетъ, что зодчій не понималъ конструктивнаго смысла кокошниковъ и смотрѣлъ на эту форму исключительно, какъ на красивый декоративный мотивъ. Дно каждаго кокошника во всѣхъ рядахъ украшено цвѣтнымъ изразцомъ, поставленнымъ на уголъ. Колонки фасадовъ имѣютъ пьедесталы, карнизы и базы которыхъ мѣстами общіе для каждой пары, мѣстами же отдѣльные. Неумѣніе зодчаго архитектурно связать въ одно цѣлое колонки различныхъ частей всего зданія особенно сильно сказалось въ мѣстѣ стыка стѣны трапезной со стѣной церкви; очевидно, зодчій сознавалъ необходимость архитектурной связи въ этомъ мѣстѣ, но рѣшилъ эту задачу, съ современной точки зрѣнія, очень неудачно: онъ надумалъ повторить маленькія колонки трапезной на стѣнѣ церкви, но такъ какъ здѣсь мѣсто уже было занято большими колонками, то онъ попросту срѣзалъ у послѣднихъ нижнія части и на ихъ мѣсто втиснулъ три маленькія колонки.

Такъ же нескладно вяжутся колонки главной части церкви съ колонками придѣла, а послѣднія съ колонками алтарей; однако въ самой этой нескладности есть извѣстная прелесть наивности и своеобразнаго пониманія архитектурной композиціи, на составные элементы которой зодчій XVII вѣка смотрѣлъ какъ художникъ, а не какъ конструкторъ, даже и въ томъ случаѣ, когда элементы эти вели свое происхожденіе отъ чисто конструктивныхъ частей. Такой взглядъ особенно рельефно выразился въ композиціи кіота, находящагося на южномъ фасадѣ церкви; какъ и всѣ остальныя части церкви, кіотъ сдѣланъ изъ кирпича, но несмотря, на это, зодчій скомпановалъ его такъ, какъ-будто это просто деревянный кіотъ, повѣшенный на гвоздь, вбитый между двумя колонками.

Къ категоріи деталей второй группы, то-есть деталей для насъ новыхъ, слѣдуетъ отнести наличники двухъ нижнихъ оконъ южнаго фасада. Однаковые по идеѣ, они разнятся въ деталяхъ; такъ, фронтонъ лѣваго наличника — цѣльный и украшенъ сверху поставленнымъ на уголъ квадратикомъ съ розеткой въ серединѣ; у праваго же онъ разрѣзной («выгрызенный»), при чемъ въ разрѣзѣ помѣщенъ вытесанный изъ камня цвѣтокъ на высокомъ стержнѣ[1]); у лѣваго наличника арка пятилопастная, а у праваго она обыкновенная, полуциркульная. Композиція и мелкія детали этихъ наличниковъ настолько похожи на наличники Кремлевскихъ теремовъ, что сходство это дало поводъ Л. В. Далю сдѣлать очень смѣлое на нашъ взглядъ предположеніе, которое позволяемъ себѣ выписать дословно: «На правомъ окнѣ нельзя не признать вліянія Кремлевскихъ теремовъ, равно какъ и на внутреннихъ двухъ рѣзныхъ дверяхъ церкви, лѣвое же чуть ли

---

[1]) Упоминая объ этой детали, Л. В. Даль говоритъ: «... балясина, увѣнчанная чѣмъ-то похожимъ на индійскій лотосъ, что опять напоминаетъ калмыцкіе образа и бурханы или идолы». Трудно однако согласиться съ мыслью, чтобы русскій зодчій XVII вѣка рискнулъ заимствовать для декораціи храма какіе-либо мотивы изъ культа калмыковъ — идолопоклонниковъ. Повидимому, дѣло было гораздо проще и къ такому заключенію можно придти, если

не принадлежитъ рѣзцу италіанцевъ, строившихъ при Василіи Темномъ, и осталось, можетъ, при перестройкѣ дворца, откуда его выпросилъ жертвователь-прихожанинъ, а можетъ, и строитель церкви, Симонъ Ушаковъ[1])». Что на характерѣ этихъ наличниковъ отразилось италіанское вліяніе, съ этимъ нельзя не согласиться, но едва ли можно допустить, что одинъ изъ нихъ рѣзанъ рукою италіанца, во-первыхъ, потому, что послѣдній врядъ ли бы придалъ имъ такую вытянутую пропорцію и такъ неклассически скомпановалъ бы карнизъ, а во-вторыхъ, на томъ основаніи, что тѣ этажи Кремлевскаго теремного дворца, съ окнами котораго разсматриваемое окно имѣетъ такое близкое сходство, строены, какъ извѣстно, русскими мастерами: Баженкомъ Огурцовымъ съ товарищами.

Архитектура подклѣта проста; здѣсь нѣтъ такихъ курчавыхъ деталей, какъ на верхнихъ ярусахъ; наоборотъ, онѣ спокойны и мощны, какъ это слѣдовало ожидать для убранства нижней части зданія, несущей на себѣ всю тяжесть верхнихъ ярусовъ. Сандрики съ фронтонами, вѣнчающіе окна подклѣта, имѣютъ италіанское происхожденіе; если зодчій заимствовалъ ихъ идею не со старыхъ церквей, гдѣ они уже намъ не разъ встрѣчались, то она могла быть навѣяна ему тѣми «фряжскими потѣшными листами», которые въ то время можно было найти не въ однихъ только царскихъ мастерскихъ, но и во многихъ лавкахъ, торговавшихъ иноземнымъ товаромъ. На этихъ листахъ могли встрѣчаться изображенія зданій, вѣроятно, останавливавшихъ на себѣ вниманіе нашихъ зодчихъ.

Кокошники придѣловъ по своей формѣ имѣютъ тотъ же характеръ, что и кокошники надъ главной частью церкви, но размѣщены они нѣсколько иначе, а именно, число ихъ надъ разными стѣнами придѣловъ неодинаково, тогда какъ на главной части церкви предыдущихъ памятниковъ надъ всѣми стѣнами возвышается одинаковое число кокошниковъ. Это объясняется тѣмъ условіемъ, что основа кокошниковъ — сомкнутые своды имѣютъ въ данномъ случаѣ не квадратную въ планѣ форму, а прямоугольную; поэтому въ пастѣнномъ ряду зодчій помѣстилъ съ восточной и западной стороны по два кокошника, а съ сѣверной и южной — по три. Въ среднемъ ряду, если не считать діагональныхъ кокошниковъ, находится на соотвѣтственныхъ сторонахъ по два и одному кокошнику, и только въ верхнемъ ряду число ихъ со всѣхъ сторонъ одинаково.

Въ обработкѣ крыльца останавливаютъ на себѣ вниманіе двухлопастныя заполненія арокъ; внутреннія пяты арочекъ этихъ заполненій опираются на тесаныя изъ бѣлаго камня серьги, висящія на желѣзныхъ штыряхъ. Съ этимъ живописнымъ, но совершенно нелогичнымъ съ точки зрѣнія конструктора моти-

---

сравнить этотъ «бурханъ, увѣнчанный индійскимъ лотосомъ» съ тѣми балясинами, которыя украшаютъ кокошники большихъ оконъ Тайницкой церкви и которыя имѣютъ много общаго съ деревянными «стамиками», которые обычно украшали коньки кровель не только храмовъ, но даже и простыхъ избъ.

[1]) Зодчій 1877 годъ, стран. 88.

вомъ мы еще не встрѣчались при разборѣ памятниковъ самобытнаго зодчества. Въ XVI и началѣ XVII вѣка въ Москвѣ его не практиковали, но съ середины XVII вѣка мотивъ этотъ встрѣчается очень часто, варіируясь иногда въ трехлопастное заполненіе, напримѣръ въ колокольнѣ церкви Николы Явленнаго. Прототипъ этого мотива можно искать въ деревянномъ зодчествѣ, какъ это дѣлалъ Л. В. Даль[1]); но не слѣдуетъ также забывать, что вполнѣ развитой образецъ висячихъ арочекъ наши зодчіе имѣли въ крыльцѣ Успенскаго собора и что Аристотелю Фіоравенти, природному болонцу, въ поискахъ за формами для своего крыльца, конечно, нечего было приглядываться къ нашимъ деревяннымъ крыльцамъ.

Въ шатрѣ крыльца также замѣчаемъ одну еще не встрѣчавшуюся намъ особенность: черепичные гурты помѣщены не только на его ребрахъ, но и на граняхъ, дѣля каждую изъ нихъ на два равныхъ прямоугольныхъ треугольника. Эти среднія гурты, устроенные также и на шатрѣ колокольни, играютъ исключительно декоративную роль, тогда какъ на ребрахъ при черепичномъ покрытіи обойтись безъ нихъ, конечно, нельзя.

Главную роль въ декоративномъ убранствѣ паперти церкви Троицы въ Никитникахъ и низа ея колокольни играютъ ширинки, карнизы и архивольты пролетовъ. Послѣдніе мѣстами имѣютъ полуциркульную форму, мѣстами же—форму пологихъ кривыхъ.

Восточный фасадъ лѣстничной клѣтки, ведущей на колокольню, обработанъ, какъ это видно изъ детали рисунка № 178, очень просто; въ общемъ пріемѣ этой обработки нельзя не признать сходства съ композиціей верха церкви Благовѣщенія на Старомъ Ваганьковѣ, о которой мы уже своевременно говорили.

Чтобы закончить описаніе наружнаго вида церкви Троицы въ Никитникахъ скажемъ нѣсколько словъ объ ея раскраскѣ. Л. В. Даль тщательно изучилъ остатки древней расцвѣтки и на основаніи ихъ составилъ проектъ ея реставраціи[2]). Къ сожалѣнію, въ описаніи церкви Даль ничего не говоритъ о томъ, были ли фасады раскрашены сплошь, или раскраска была сдѣлана только мѣстами, такъ что основнымъ тономъ служилъ естественный цвѣтъ кирпича; по репродукціи же его реставраціи сказать объ этомъ опредѣленно нельзя. Во всякомъ случаѣ, раскраска церкви Троицы въ Никитникахъ далеко не такъ пестра, какъ у Покровскаго собора и у церкви села Дьякова: общій колоритъ коричнево-красный; ярко-красному и синему тонамъ удѣлено сравнительно мало мѣста, а именно, ими покрыты лбы кокошниковъ и гладкія плоскости двухъ наиболѣе богатыхъ оконъ южнаго фасада; такими же красками расцвѣчены и мелкія детали этихъ оконъ. Нѣкоторыя тяги кокошниковъ, а также стержни колонокъ на шеяхъ главъ по-

---

[1]) «Зодчій» 1877 годъ.

[2]) Репродукція этого проекта помѣщена въ Памятникахъ древняго русскаго зодчества. Изданіе Императорской Академіи Художествъ. Выпускъ IV, листъ 5.

крыты сѣровато-бѣлымъ колеромъ. Вся эта группа красокъ, въ общемъ спокойная и не кричащая, производитъ очень хорошее впечатлѣніе, которое усиливается разбросанными повсюду цвѣтными пятнами, придающими памятнику такой нарядный и радостный видъ.

Гораздо проще по плану, но не менѣе интересна по своей внѣшней архитектурной отдѣлкѣ церковь Св. Николая въ Пыжахъ[1]). Въ описи московскихъ церквей, произведенной по распоряженію Синода въ 1722 году, говорится, что церковь эта «построена изстари, а въ какомъ году не написано»[2]). Однако по характеру архитектуры памятникъ этотъ можно съ увѣренностью отнести къ тому же періоду зодчества, что и церковь Троицы въ Никитникахъ, то-есть къ началу царствованія Алексѣя Михайловича или къ послѣднимъ годамъ царя Михаила Ѳеодоровича.

Въ планѣ церковь Николы въ Пыжахъ представляетъ собою прямоугольникъ, къ которому съ востока примыкаетъ низкій алтарь; вслѣдствіе того, что послѣдній шире самой церкви, стѣны его боковыхъ апсидъ не упираются въ ея восточную стѣну, а загибаясь подъ прямымъ угломъ, примыкаютъ къ сѣверной и южной стѣнамъ. Колокольня помѣщена съ западной стороны церкви на ея главной оси; между колокольней и церковью находится низкая трапезная, сливающаяся въ одно цѣлое съ небольшимъ придѣломъ, примыкающимъ къ южной стѣнѣ низа колокольни. Подклѣта у церкви нѣтъ. Главная часть храма крыта сомкнутымъ сводомъ, на которой поставлено пять главъ.

Общій характеръ внѣшней архитектуры церкви Николы въ Пыжахъ совершенно аналогиченъ съ характеромъ архитектуры уже разсмотрѣнныхъ памятниковъ того же періода (рис. № 181). Мотивы все тѣ же: парныя колонки, дѣлящія фасады на части, богатый вѣнчающій карнизъ съ раскреповками надъ пучками колонокъ, ряды кокошниковъ съ вѣнчающей группою пяти верховъ, подъ которыми замѣтны невысокія призмы—пьедесталы, болѣе развитые, нежели въ церкви села Тайнинскаго, и, наконецъ, того же характера окопные наличники. Однако совокупность всѣхъ этихъ уже знакомыхъ намъ мотивовъ производитъ нѣсколько иное впечатлѣніе, нежели въ церкви Св. Троицы въ Никитникахъ. Это объясняется тѣмъ, что здѣсь отдѣльныя архитектурныя формы связаны другъ съ другомъ болѣе правильно въ смыслѣ симметріи и болѣе логично съ конструктивной точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, кокошники пастѣннаго ряда не сдвинуты въ сторону и правильно связаны съ раскреповками карниза, а группы колонокъ не наталкиваются на окна, такъ что ихъ не нужно было обрывать на серединѣ стѣны. Изъ еще не встрѣчавшихся намъ декоративныхъ мотивовъ отмѣтимъ группы крупныхъ балясинъ (кувшиновъ), введенныхъ въ богатую композицію нижнихъ

---

[1]) На Большой Ордынкѣ.

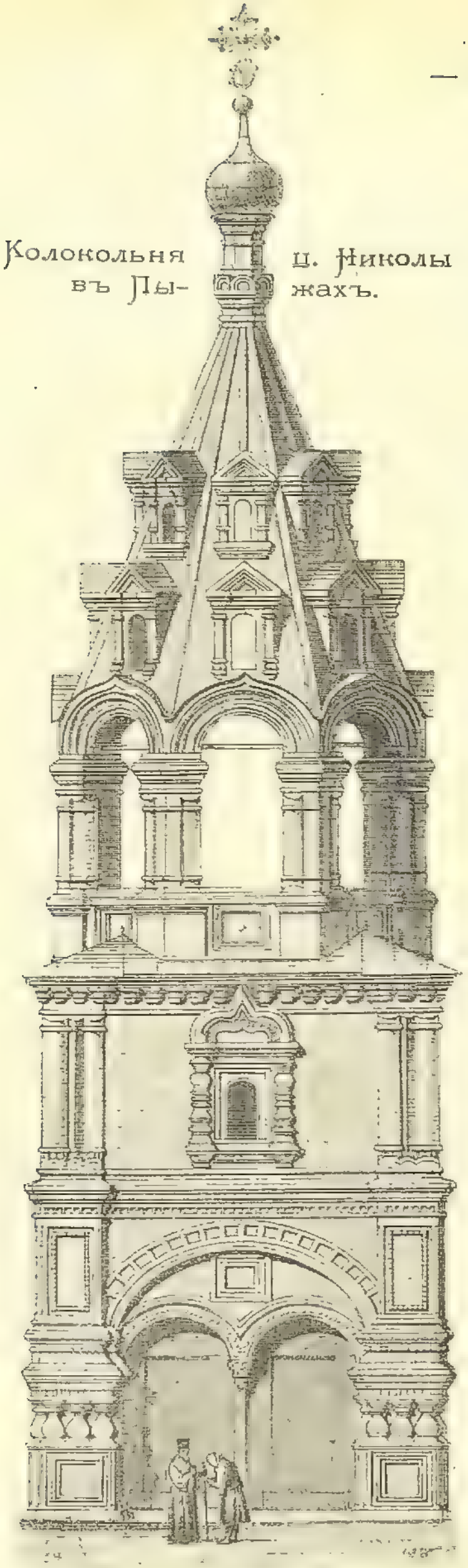
[2]) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ св. Синода. Томъ II Часть I. Приложеніе С. Д. L I.

столбовъ колокольни (рис. № 182), похожіе на лѣстницы архивольты арокъ, перекинутыхъ между этими столбами, и, наконецъ, трехгранныя призмы, которыя вставлены между колонками, украшающими углы четверика колокольни.

Церковь Св. Николая въ Лыжахъ.

Рис. 181. По Найденову.

Эти призмы свидѣтельствуютъ о художественномъ вкусѣ зодчаго, не желавшаго, чтобы на углахъ колокольни получались глубокія тѣни, которыя лишали бы углы производимаго ими впечатлѣнія прочности и устойчивости.



Колокольня въ Лыжахъ.

Рис. 182.

Ц. Николы

Въ общемъ всѣ детали этого памятника очень пропорціональны и серіозны, а профили ихъ спокойны и просты; онѣ вполнѣ отвѣчаютъ спокойнымъ массамъ церкви, отчего она и производитъ такое въ высшей степени художественное впечатлѣніе.

Подобно предшествующимъ памятникамъ точное время постройки церкви Св. Николая въ Столпахъ неизвѣстно[1]). Пріемъ плана этого грандіознаго зданія, а также и пріемъ группировки его главныхъ массъ имѣютъ сходство съ пріемами, примѣненными при постройкѣ церкви въ селѣ Медвѣдковѣ; конечно, сходство это затушевывается разнородностью деталей и тѣмъ, что Медвѣдковская церковь увѣнчана шатромъ, а церковь Николы въ Столпахъ, какъ и большинство церквей второй половины XVII вѣка, — пятиглавіемъ.

Сравнивая планъ нижняго яруса церкви Николы въ Столпахъ (рис. № 183) съ планомъ подклѣта Медвѣдковской церкви, увидимъ, что для полнаго ихъ сходства нужно только къ ходовымъ папертямъ послѣдняго приставить съ восточной стороны апсиды, отбросить крыльцо и устроить лѣстницы въ западныхъ концахъ ходовыхъ папертей. Что же касается плановъ верхнихъ ярусовъ этихъ двухъ памятниковъ, то они еще менѣе разнятся другъ отъ друга, а именно только тѣмъ, что въ Никольской церкви всѣ пять апсидъ находятся почти на одной прямой линіи, тогда какъ въ Медвѣдковской крайнія апсиды сдвинуты къ западу.

---

[1]) Церковь эта находится въ Армянскомъ переулкѣ.

Конечно, въ мелкихъ подробностяхъ есть разница: такъ, напримѣръ, трапезная нижняго яруса Медвѣдковскаго храма сообщается съ самой церковью тремя пролетами, а въ Никольской церкви только одинъ пролетъ; въ толщѣ западной стѣны верхняго яруса Никольской церкви устроена лѣстница на колокольню, въ Медвѣдковской же церкви колокольня стояла особнякомъ отъ нея. Наконецъ, по своимъ размѣрамъ церковь Николы на Столпахъ значительно больше Медвѣдковской.

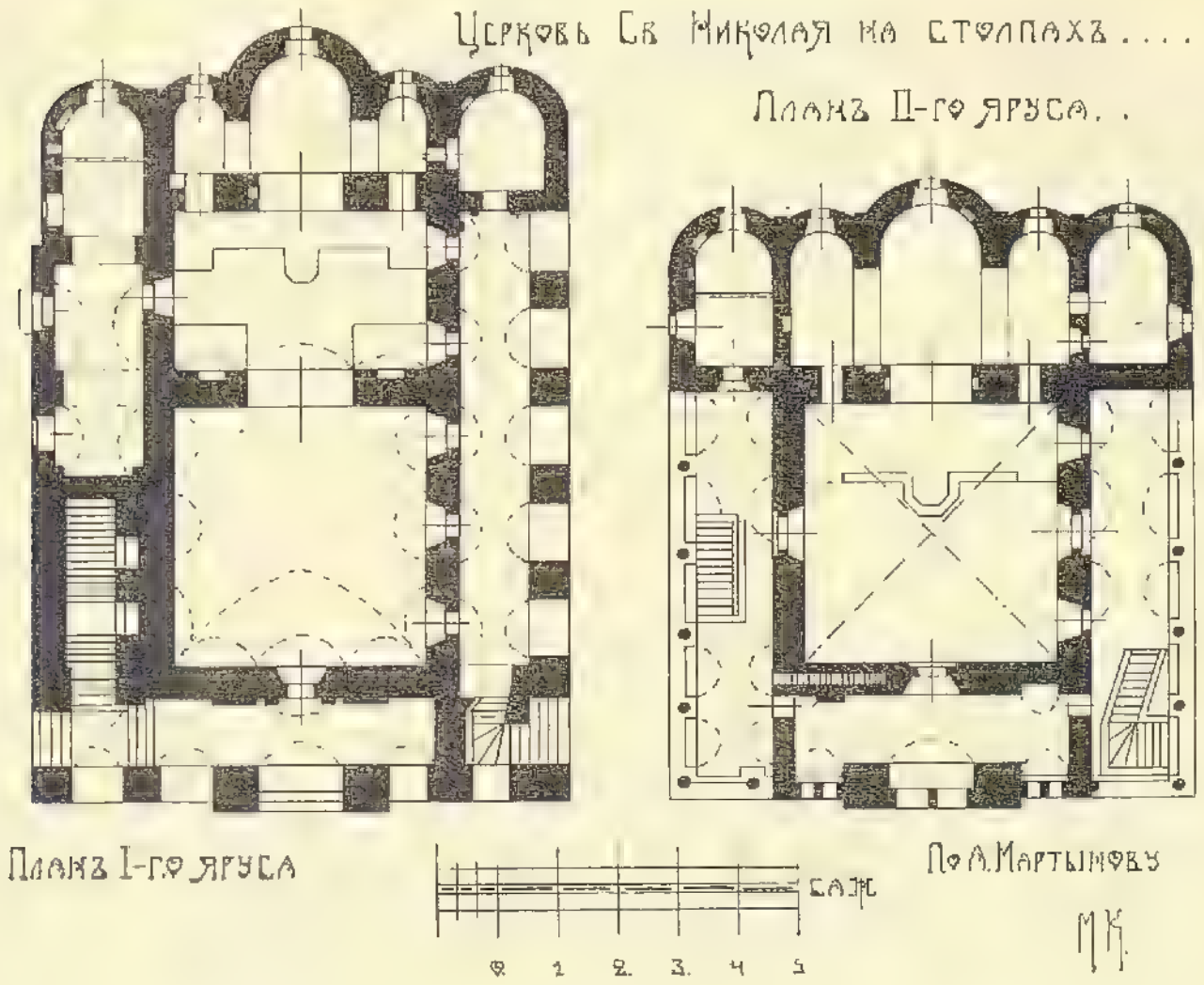


Рис. 183.

Трапезная нижняго яруса разсматриваемаго памятника крыта лотковымъ съ распалубками сводомъ, близкимъ къ сомкнутому; церковь этого яруса перекрыта правильнымъ лотковымъ, а церковь верхняго — правильнымъ сомкнутымъ сводомъ безъ распалубокъ, вслѣдствіе того, что верхи ея оконъ находятся значительно ниже пяты свода. Паперти обоихъ ярусовъ крыты коробовыми сводами съ распалубками. Шеи всѣхъ пяти главъ главной массы храма глухія такъ же, какъ и шеи двухъ главокъ надъ верхними придѣлами.

А. М. Павлиновъ[1]) полагаетъ, что нижній ярусъ церкви древнѣе верхняго, а послѣдній, въ свою очередь, древнѣе колокольни. Первое онъ заключаетъ изъ разности стиля деталей ярусовъ, а послѣднее соображеніе основываетъ на томъ,

[1]) Исторія Русской Архитектуры, стран. 159.

что колокольня «плотно приставлена къ западной стѣнѣ храма, такъ что ея паперть опирается на стѣну. Въ общемъ не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія, а глядитъ пристройкой».

Намъ кажется, что заключеніе это мало обосновано. Во-первыхъ, разницы стилей въ деталяхъ нѣтъ; что же касается компановки колокольни, то очень возможно, что зодчій, стѣсненный малой величиной мѣста, предназначеннаго подъ постройку, былъ вынужденъ прижать ее къ церкви. Стиль колокольни, о которомъ А. М. Павлиновъ умалчиваетъ, совершенно одинаковъ со стилемъ остальныхъ частей храма. Во всякомъ случаѣ, никакого опредѣленнаго мнѣнія о времени постройки различныхъ частей церкви высказать сейчасъ, не изслѣдовавъ ихъ кладку, нельзя.

Что касается деталей наружнаго убранства церкви Николы въ Столпахъ, то, какъ видно изъ рисунка № 184, общій ихъ характеръ тотъ же, что и у предшествующихъ памятниковъ, хотя онъ и отличается бо́льшимъ стремленіемъ къ роскоши. Такъ, напримѣръ, поля стѣнъ верхней призматической части раздѣлены на части не пучками колонокъ, какъ у трехъ предшествующихъ памятниковъ, а цѣпями парныхъ балясинъ[1]). Однако, несмотря на то, что детали, быть-можетъ, излишне богаты, онѣ красивы и не производятъ безпокойнаго впечатлѣнія. Изъ еще незнакомыхъ намъ мотивовъ, кромѣ упомянутыхъ цѣпей балясинокъ, отмѣтимъ кувшинообразные столбы верхнихъ ходовыхъ папертей и поливные изразцы, которые сплошь заполняютъ днища ширинокъ въ среднемъ поясѣ (фризѣ) вѣнчающаго карниза. Наконецъ, весь вѣнчающій карнизъ скомпанованъ скорѣе на западный манеръ — его фризъ находится въ одной плоскостяхъ со стѣнами, тогда какъ наши зодчіе были склонны значительно съѣзживать его надъ стѣнами, подобно тому, какъ мы это видѣли въ церквахъ Тайницкой, Троицы въ Никитникахъ и Рождества въ Путникахъ.

Чтобы закончить обзоръ церкви Св. Николая на Столпахъ, нужно указать на непропорціональность ея главъ. Дѣйствительно, не говоря уже о томъ, что форма этихъ луковичныхъ главъ нѣсколько приплюснута, или кажется такой при взглядѣ снизу, онѣ малы не только по отношенію ко всей совокупности нижележащихъ массъ, но и по отношенію къ одной верхней призмѣ[2]). Быть-можетъ, это несоблюденіе масштаба было вызвано боязнью зодчаго перегрузить сводъ церкви главами и шеями большого размѣра, но во всякомъ случаѣ оно производитъ не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе, обратное тому, какое оставляютъ пропорціональныя и красивыя по формѣ главы церкви Св. Николая въ Пыжахъ.

Совершенно въ другомъ характерѣ скомпанована церковь Рождества Христова, находящаяся въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ. Это широкое по сравне-

---

[1]) Цѣпи замѣнили колонки только на поляхъ стѣнъ, углы-же попрежнему украшены парными колонками.

[2]) Пьедесталовъ подъ шеями главъ разсматриваемаго памятника нѣтъ.

Ц. св. Николая на Столпахъ.

Рис. 184.

По фот. Барщевскаго.

пію съ высотой зданіе напоминаетъ пріемомъ своего плана трехшатровыя церкви конца XVI и начала XVII вѣка (рис. № 185). Въ самомъ дѣлѣ, главная часть церкви представляетъ собою вытянутый по линіи сѣверъ—югъ прямоугольникъ, къ которому съ востока примыкаютъ алтари, а съ запада обширная трапеза. Отличіемъ отъ трехшатровыхъ церквей являются двѣ широкія арки, которыя дѣлятъ церковь на три части; арки эти служатъ опорою для сѣверной и южной стѣнъ главной призматической части церкви, возвышающейся надъ всѣми остальными. Справа и слѣва отъ этихъ арокъ находятся придѣлы, заканчивающіеся съ востока большими одноапсидными алтарями. Алтарь главной церкви трехапсидный, но его жертвенникъ и діаконикъ такъ узки и очерчены такими плоскими кривыми, что при первомъ взглядѣ на внѣшній видъ Измайловской церкви она производитъ впечатлѣніе трехапсидной, а не пятиапсидной.

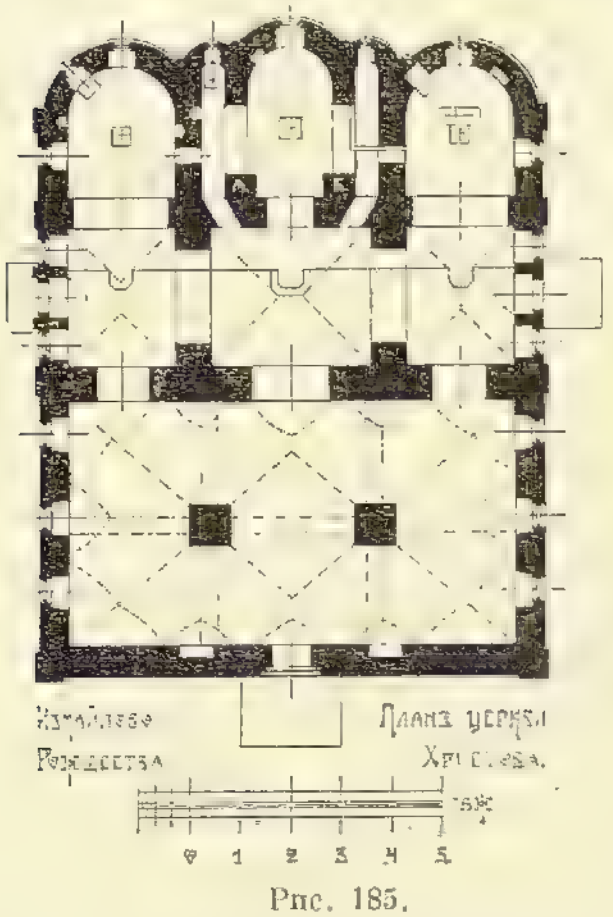


Рис. 185.
По А. Мартынову.

Какъ мы уже сказали, самой высокой частью является собственно церковь; придѣлы значительно ниже ея, а всѣ пять алтарей одинаковы по высотѣ и въ свою очередь гораздо ниже придѣловъ (рис. № 186). Трапезная одной высоты съ алтарями; она представляетъ собою прямоугольное помѣщеніе, равное по ширинѣ суммѣ широтъ церкви и придѣловъ, по серединѣ котораго находятся два массивныхъ квадратныхъ въ планѣ столба, служащихъ опорою для сводовъ. Послѣдніе представляютъ собою довольно сложную комбинацію цилиндрическихъ (коробовыхъ) сводовъ, въ которые врѣзаются распалубки, устроенныя надъ дверьми, окнами и нишами. Церковь и придѣлы крыты сомкнутыми сводами безъ распалубокъ. Шея всѣхъ семи главъ[1]) въ настоящее время глухія, но возможно, что прежде онѣ были открытыя, потомучто снаружи на каждой изъ нихъ видно по четыре узенькихъ ниши, которыя, вѣроятно, представляютъ собою заложенныя окна. Возможно, однако, что это были и не окна, а, просто, такія же отверстія для сообщенія полостей шеи съ наружнымъ воздухомъ, какія мы видѣли въ Тайнинской церкви.

Изъ всего сказаннаго объ Измайловской церкви видно, что она скомпанована совершенно симметрично; объясняется это, вѣроятно, тѣмъ условіемъ, что

[1]) Надъ главной частью пять главъ и надъ придѣлами по одной.

ее стропили внѣ города, гдѣ, слѣдовательно, свободнаго мѣста, несмотря на значительные размѣры сооруженія[1]), было сколько угодно.

Подклѣта въ разсматриваемомъ памятникѣ нѣтъ. Существующая теперь крыша Измайловской церкви закрываетъ нижнія части пяти верховъ; поэтому, не изслѣдовавъ чердака, нельзя сказать опредѣленно, были ли поставлены шеи на пьедесталы, какъ въ Тайнинской церкви и у Св. Николая въ Пыжахъ, или же

Ц. Рождества Христова въ с. Измайловѣ.

Рис. 186.

По фот. М. Красовскаго.

верхъ церкви былъ украшенъ только одними кокошниками, какъ у Св. Николая, что на Столпахъ.

На внѣшнемъ видѣ церкви Рождества Христова останавливаться подробно не будемъ, потомучто мотивы ея архитектурнаго убранства совершенно такіе же, какъ и у другихъ уже разсмотрѣнныхъ памятниковъ этого періода. Какъ на исключеніе укажемъ на то, что внутри кокошниковъ, украшающихъ верхи оконныхъ наличниковъ трапезной, помѣщены странныя украшенія, имѣющія волнообразную форму (рис. № 187) и являющіяся зародышами тѣхъ звѣздчатыхъ кокошниковъ, которые во второй половинѣ XVII вѣка получили широкое распространеніе и особенно пришлись по вкусу рязанскимъ зод-

[1]) Длина всего зданія превышаетъ 12 саженъ.

чимъ, не упускавшимъ случая помѣстить ихъ всюду, гдѣ только представлялась возможность. По обѣимъ сторонамъ наружныхъ дверей придѣловъ, обрамленныхъ различно скомпанованными наличниками (рис. № 188 и № 189), находятся окна, форма очелій которыхъ говоритъ, повидимому, о ихъ болѣе позднемъ происхожденіи, нежели остальныя детали памятника. Въ подтвержденіе этого пред-

Деталь ц. Рождества Христова въ с. Измайловѣ.

Рис. 187.
По фот. М. Красовскаго.

положенія можно, во-первыхъ, указать, на очень тонкіе простѣнки между этими окнами и дверями и, во-вторыхъ, на то, что очелья оконъ врѣзаются въ наличникъ южной двери (рис. № 189); очевидно, что послѣдній пострадалъ при растескѣ оконъ. Возможно даже, что въ первоначальномъ зданіи этихъ оконъ совсѣмъ не было, и придѣлы скудно освѣщались лишь тѣми окнами, которыя находятся надъ дверями.

Что же касается средняго окна южной стѣны трапезной, то оно, вѣроятно, всегда существовало, но очелье его получило существующую теперь форму при

растесѣ окна, которой, повидимому, не избѣжало и большинство остальныхъ оконъ церкви.

Этимъ краткимъ очеркомъ церкви Рождества Христова въ Измайловѣ мы закончимъ разборъ памятниковъ зодчества того періода, когда самобытное направленіе искусства, на время затормозившееся тѣмъ затишьемъ строительной дѣятельности, о причинахъ котораго мы упоминали выше, снова окрѣпло и затѣмъ достигло своего апогея. Ни одинъ изъ разсмотрѣнныхъ памятниковъ, начиная съ Тайницкой церкви и кончая Измайловской, не носитъ на себѣ ясно выраженныхъ слѣдовъ упадка національныхъ формъ, что, какъ увидимъ изъ послѣдую-

Детали ц. Рождества Христова въ с. Измайловѣ.

Рис. 188.

По фот. М. Красовскаго.

Рис. 189.

щаго, начинаетъ ярко вырисовываться на произведеніяхъ московскихъ мастеровъ уже въ 1656 году, то есть въ самомъ началѣ второй половины XVII вѣка.

Переходя къ группировкѣ типичныхъ чертъ памятниковъ этого періода, который, обычно, принято называть «Романовскимъ», остановимся сначала на композиціи плановъ и на конструктивныхъ пріемахъ.

У всѣхъ разсмотрѣнныхъ церквей главная часть (сама церковь) имѣетъ въ планѣ либо квадратную, либо близкую къ квадрату форму. На первый взглядъ представляетъ исключеніе планъ церкви Рождества Христова въ селѣ Измайловѣ; въ дѣйствительности же центральная часть плана этого памятника имѣетъ также квадратную форму, но она незамѣтно сливается съ квадратами придѣловъ при помощи арокъ въ сѣверной и южной ея стѣнахъ. Къ основному прямоуголь-

нику у всѣхъ безъ исключенія церквей примыкаетъ съ запада трапезная; площадь послѣдней то значительно превышаетъ площадь самой церкви, какъ, напримѣръ, въ церкви села Измайлова, то, наоборотъ, очень не велика; въ послѣднемъ случаѣ трапезная представляетъ какъ бы выгороженную часть ходовыхъ папертей, какъ это мы видѣли въ церкви Св. Николая на Столпахъ.

Алтарь главной части церкви имѣетъ одноапсидную форму только въ одномъ случаѣ, а именно въ церкви Св. Троицы въ Никитникахъ; у всѣхъ же остальныхъ церквей онъ трехапсидный, даже въ церкви села Измайлова, гдѣ придать ему эту форму было нѣсколько затруднительно. Такимъ образомъ, тѣ изъ церквей, у которыхъ есть придѣлы, имѣютъ въ общемъ пятиапсидные планы, при чемъ всѣ апсиды, за исключеніемъ главной, находятся почти на одной прямой; главная же апсида нѣсколько болѣе остальныхъ выдвигается къ востоку. Въ сравнительно небольшихъ церквахъ, какъ, напримѣръ, у церкви Св. Николая въ Пыжахъ, планъ ихъ завершается пристройкой колокольни; въ болѣе же обширныхъ онъ осложняется придѣлами, хорами или ходовыми папертями и крыльцами.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ вывести заключеніе, что зодчіе разсматриваемаго періода не руководствовались какимъ-либо однимъ шаблоннымъ пріемомъ при композиціи плана, а сообразовались съ мѣстомъ, назначеннымъ для постройки, и съ тѣми условіями, при соблюденіи которыхъ произведеніе ихъ становилось болѣе раціональнымъ.

Центральная часть зданія — сама церковь, а также придѣлы покрывались сомкнутыми сводами, въ которыхъ въ томъ случаѣ, когда верхи оконъ поднимались выше пятъ, устраивались распалубки; остальныя части покрывались очень различно, — въ зависимости отъ формы ихъ плана. Иногда, какъ, напримѣръ, въ трапезной у церкви села Измайлова, комбинація сводовъ дѣлалась весьма сложной.

Изъ пяти верховъ главной части церкви открытую изнутри шею, обычно, имѣлъ только средній верхъ, большій, нежели боковые.

У всѣхъ разсмотрѣнныхъ памятниковъ замѣчается одна общая черта въ распредѣленіи главныхъ массъ ихъ внѣшняго вида. А именно, несмотря на то, что, въ большинствѣ случаевъ, средняя масса церкви по занимаемой ею площади меньше, нежели трапезная и паперти, все-таки она всегда значительно выше ихъ. Высоту главной части иногда дѣлали настолько значительной, что одного ряда оконъ, несмотря на ихъ относительно большіе размѣры, оказывалось мало, и ихъ, какъ, напримѣръ, въ церкви Св. Николая на Столпахъ, приходилось дѣлать въ два яруса. Господствующее значеніе главной части подчеркивалось еще пятиглавіемъ, которое также составляетъ типичную черту церковнаго зодчества данной эпохи.

Что касается подклѣтовъ, то въ сущности мы видѣли только одинъ, а именно: въ церкви Св. Троицы въ Никитникахъ; въ церкви же Николы на Столпахъ онъ

повидимому, уже во время постройки не предназначался играть служебную роль и, слѣдовательно, всегда представлялъ собою нижнюю (вѣроятно, теплую) церковь, а не подклѣтъ въ прямомъ смыслѣ этого слова.

Основнымъ строительнымъ матеріаломъ въ разсматриваемый періодъ продолжаетъ оставаться кирпичъ, изъ котораго, какъ мы видѣли, дѣлались въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже главы. Для декоративныхъ формъ примѣнялся тесанный камень, поливные изразцы («кахели»), простой кирпичъ[1]) и лекальный. Послѣдній, по словамъ Н. В. Султанова[2]), встрѣчается только слѣдующихъ пяти типовъ: 1) выкружка съ полочкой, 2) четвертной валъ съ маленькой полочкой, 3) полуваликъ, помѣщенный или по ширинѣ, или по толщинѣ кирпича, 4) скосъ, идущій по тѣмъ же направленіямъ, и 5) валикъ, помѣщенный въ одномъ изъ угловъ кирпича. Послѣдняго типа лекальный кирпичъ употреблялся только для кладки оконныхъ наличниковъ и кокошниковъ. Кромѣ того, употреблялся кирпичъ, на лицевой грани котораго имѣлись рельефные узоры («обронные узоры»); степень правильности послѣднихъ очень различна, вслѣдствіе чего весьма трудно рѣшить, получались ли эти узоры при формовкѣ кирпича, или они вытесывались на уже обожженномъ кирпичѣ. Возможно, что примѣнялись оба способа.

Что касается самихъ уборныхъ мотивовъ, то на тѣхъ изъ нихъ, которые не встрѣчались намъ ранѣе, мы останавливались при описаніи отдѣльныхъ памятниковъ; поэтому ограничимся лишь общей характеристикой ихъ наружной декораціи. Въ этомъ отношеніи у нихъ такъ же, какъ и въ группировкѣ массъ, наблюдается нѣкоторая общность и связь съ предшествующими памятниками. Дѣленіе фасадовъ на части, такъ сказать, въ принципѣ остается; но, какъ мы видѣли, дѣлящія формы часто не доходятъ до низа церкви, а обрываются тамъ, гдѣ встрѣтится какая-нибудь другая форма, по большей части, оконный наличникъ. Такое безцеремонное обращеніе наблюдается и въ тѣхъ случаяхъ, когда зодчимъ приходилось связывать въ одно цѣлое декоративные мотивы отдѣльныхъ частей церкви, напримѣръ главной массы съ придѣлами. Лопатки, которыя примѣнялись зодчими предшествующихъ эпохъ для дѣленія фасадовъ на части, замѣнялись группами колонокъ и цѣпей балясинъ. Послѣднія все съ бо́льшей охотой ставятся на мѣсто прежнихъ колонокъ въ композиціяхъ оконныхъ наличниковъ, кокошники которыхъ получаютъ такой замысловатый, извилистый контуръ, какой мы видѣли на большихъ окнахъ Тайницкой церкви и на верхнихъ окнахъ церкви Николы на Столпахъ.

Группирующіеся по своду церкви и сводамъ придѣловъ кокошники повторяютъ уже встрѣчавшіяся намъ прежде формы; но тяги ихъ архивольтовъ отли-

---

[1]) Размѣръ кирпича былъ нѣсколько больше теперешняго: длина $6^1/_2$—7 верш., ширина 3—$3^1/_2$ верш., толщина $1^3/_4$—2 вершка.

[2]) Уборныя части въ Московскомъ зодчествѣ. Зодчій 1879 годъ, стран. 120.

чаются значительно бо́льшимъ богатствомъ и разнообразіемъ обломовъ. Шеи главъ или ставятся на пьедесталы, которые, однако, снизу едва замѣтны, или просто окружаются внизу кокошниками, которые, сливаясь съ кокошниками нижнихъ рядовъ, производятъ впечатлѣніе связной группы однородныхъ мотивовъ; въ послѣднемъ случаѣ общій пріемъ декораціи верха церкви гораздо болѣе отвѣчаетъ ея внутреннему конструктивному пріему — сомкнутому своду, нежели въ первомъ.

Въ выборѣ формы для арокъ зодчіе выказываютъ, повидимому, бо́льшую склонность къ трехцентровымъ, нежели къ полуциркульнымъ кривымъ и при этомъ широко практикуютъ заполненіе арочныхъ пролетовъ подвѣсными арками, пятами для которыхъ служатъ висячіе замки изъ бѣлаго камня («гирьки», «серьги»), иногда представляющіе собою шедевры нашего камнетеснаго дѣла, какъ, напримѣръ, гирька колокольни Св. Николая въ Пыжахъ.

Однимъ изъ наиболѣе излюбленныхъ мотивовъ становятся ширинки, которыми убираются гладкія мѣста стѣнъ, квадратные въ планѣ столбы арокъ, лопатки и парапеты. Рамки ширинокъ дѣлаются то изъ тесаннаго камня, то изъ простого кирпича, то, наконецъ, изъ лекальнаго, а впадины (донца) или оставляются гладкими, или заполняются розетками («рѣпьями») изъ естественнаго камня, кирпичомъ съ обронными украшеніями, гончарными плитами, украшенными внутри какой-нибудь впалой фигурой, или, наконецъ, цвѣтными изразцами. Послѣдніе вставляются иногда въ донца кокошниковъ. Кромѣ того, вся церковь раскрашивается иногда снаружи въ нѣсколько тоновъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, придаетъ церквамъ Романовскаго стиля гораздо болѣе богатый и живописный видъ по сравненію съ церквами предшествующаго періода. Производимое ими художественное впечатлѣніе не ослабляется встрѣчающейся у нѣкоторыхъ изъ нихъ нелогичностью въ композиціи декораціи, о которой мы говорили при обзорѣ церкви Св. Троицы въ Никитникахъ. Въ тѣхъ же памятникахъ, гдѣ зодчимъ удалось избѣжать ея, гдѣ ясно видно, что строитель понималъ конструктивное происхожденіе уборныхъ мотивовъ, какъ, напримѣръ, въ церкви Св. Николая въ Пыжахъ, тамъ архитектура эпохи полнаго расцвѣта самобытныхъ формъ производитъ прямо чарующее впечатлѣніе. Въ уборныхъ формахъ большинства памятниковъ, несмотря на все ихъ богатство, еще не видно вычурности, чувствуется тонкій вкусъ зодчихъ и пониманіе мѣры; такія странныя, вымученныя формы, какъ волнистыя заполненія кокошниковъ у наличниковъ Измайловской церкви, представляются исключеніями. Тѣмъ не менѣе послѣднія формы говорятъ намъ, что самобытный русскій стиль достигъ въ разсмотрѣнную нами эпоху высшей точки своей эволюціи, и упадокъ его уже не далекъ. Послѣдній былъ неизбѣженъ: вліяніе Запада начинаетъ сказываться, и главнымъ очагомъ этого вліянія служила царская оружейная палата, эта академія изящныхъ искусствъ временъ царя Алексѣя Михайловича и Осодора Алексѣевича,

стягивавшая къ себѣ отовсюду всевозможныхъ мастеровъ и разносившая искусство руками ихъ выучениковъ по всѣмъ концамъ Руси. Не могли также не отозваться на нашемъ искусствѣ довольно частыя посольства на Западъ и вкусы ополяченной Малороссіи; наконецъ, многому насмотрѣлись русскіе люди во время похода въ Польшу, которая въ то время шла въ ногу съ западной цивилизаціей. Все это дало новое направленіе зодчества, слѣды котораго становятся замѣтными уже во второй половинѣ XVII вѣка.

ГЛАВА XI.

На мѣстѣ построенной въ первой половинѣ XVII-го вѣка церкви, въ 1656 году[1]) былъ сооруженъ храмъ Св. Троицы съ придѣломъ Св. Николая, по имени котораго и по названію мѣстности, гдѣ стоитъ церковь, она обычно именуется «Николою на Берсеневкѣ». Этотъ интересный памятникъ нашего церковнаго зодчества, повидимому, потерпѣлъ значительныя передѣлки, но главная его масса сохранилась относительно хорошо. Въ немъ интересенъ не только наружный видъ, но и внутреннее устройство, несмотря на то, что самыя серіозныя измѣненія были произведены именно внутри зданія.

Въ планѣ церковь значительно разнится отъ другихъ, современныхъ ей, памятниковъ: главная ея масса имѣетъ прямоугольную форму, вытянутую по направленію сѣверъ — югъ, тогда какъ въ большинствѣ случаевъ главной массѣ придавали квадратную форму (Рис. № 190). Трехапсидный алтарь приставленъ къ прямоугольнику какъ-то нескладно, — во-первыхъ, онъ сдвинутъ къ сѣверу, а, во-вторыхъ, общая ширина трехъ его апсидъ больше ширины церкви; поэтому боковая стѣна діаконика соприкасается съ восточной стѣной основного прямоугольника только незначительною частью, а сѣверная стѣна жертвенника упирается въ стѣну трапезной. Наконецъ, боковыя апсиды какъ-бы врѣзаются въ восточную стѣну церкви, вслѣдствіе чего углы послѣдней опираются частью на своды боковыхъ апсидъ. Такимъ образомъ весь планъ, съ точки зрѣнія конструктора, производитъ впечатлѣніе далеко не благопріятное.

Прямоугольная трапезная примыкаетъ къ церкви съ сѣвера: въ западной ея стѣнѣ, судя по чертежу Ф. Рихтера, была широкая арка, которая соединяла, вѣроятно, эту трапезную съ другой, примыкавшей къ церкви съ запада. Въ настоящее время здѣсь существуетъ обширная трапезная (на чертежѣ не показана), но она безъ сомнѣнія болѣе поздняго происхо-

---

[1]) Памятники древняго русскаго зодчества. Ф. Рихтеръ, тетрадь II, стран. 7.

жденія. Къ сѣверной трапезной примыкаютъ два крыльца, восточное и сѣверное; въ первомъ, заполняющемъ уголъ между алтаремъ и трапезной, находится дверь, ведущая въ подвалы церкви. Сѣверное крыльцо, повидимому, было главнымъ. Средняя часть церкви значительно выше алтарей, трапезной и крылецъ; крыта она лотковымъ сводомъ, на который опираются шеи главъ; боковыя шеи глухія, а средняя открыта и прорѣзана четырьмя окнами. Окна въ стѣнахъ имѣютъ значительные размѣры и прямоугольную форму. Сложена церковь изъ кирпича; бѣлый камень употребленъ только на детали фасадовъ.

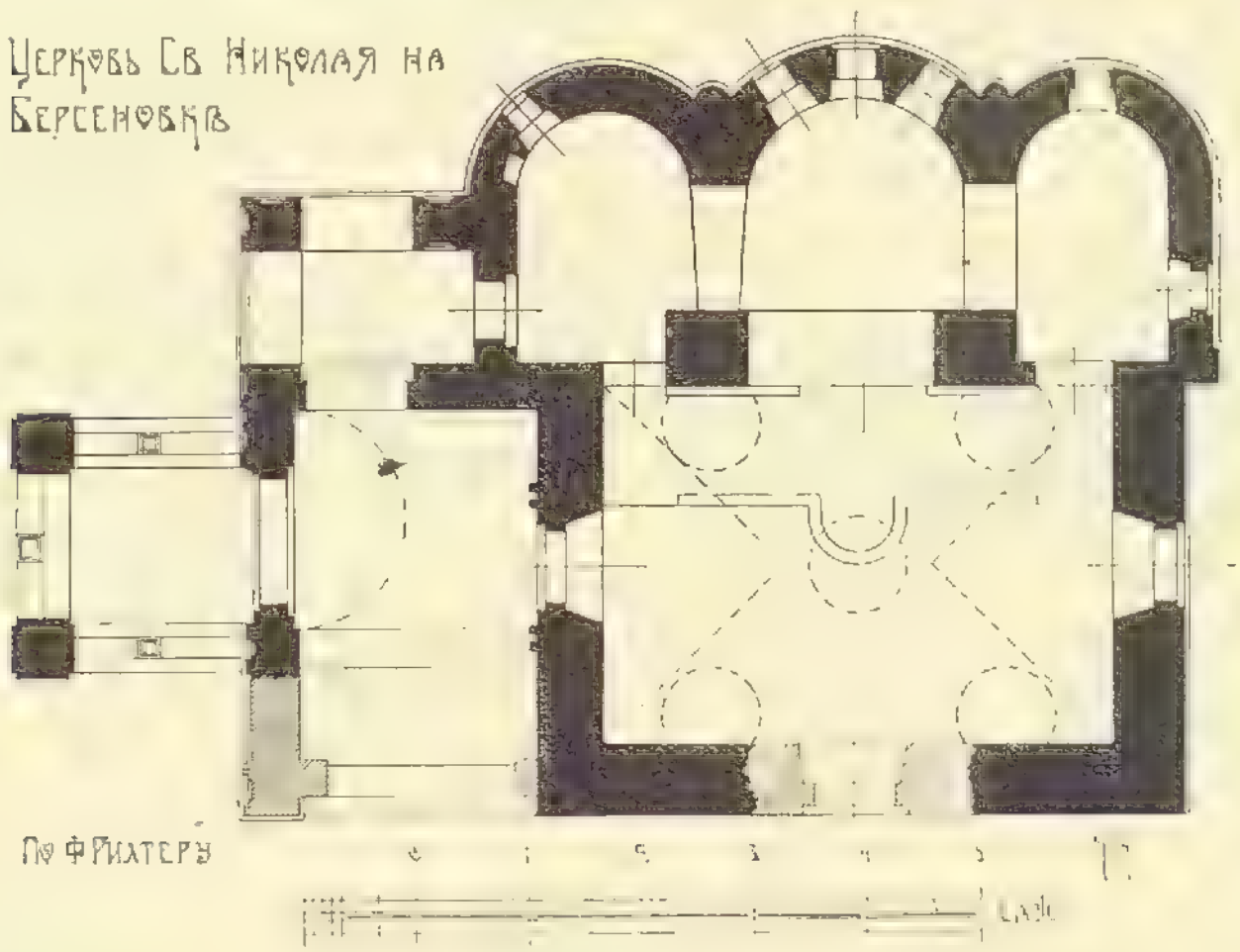


Рис. 190.

При первомъ же взглядѣ на фасады церкви Николы на Берсеневкѣ становится яснымъ, что самобытный стиль начинаетъ клониться къ упадку. Дѣйствительно, общія массы разсматриваемаго памятника сохраняютъ еще прежній спокойный характеръ, но детали уже не тѣ: онѣ вычурны, безпокойны и почти совершенно утеряли конструктивный смыслъ. Очевидно, что зодчій поставилъ себѣ задачей придумать, какъ можно болѣе, богатую декорацію и, въ погонѣ за новизной мотивовъ, безжалостно коверкалъ старыя формы, не будучи въ силахъ придумать что-нибудь логичное, вытекающее изъ сущности конструкціи. Это стремленіе къ вычурнымъ формамъ замѣтно почти на всѣхъ массахъ храма (Рис. № 191). Такъ, исконный мотивъ убранства шей главъ (кольцо колонокъ или балясинокъ, связанныхъ вверху арочками),

Ц. Св. Николая на Берсеневкѣ.

Рис. 191. По И. Грабарю.

примѣненный и въ настоящемъ случаѣ для декораціи боковыхъ главъ, превратился на шеѣ средней главы въ какую то сѣть, сплетенную изъ стержней, фигурныхъ бусъ и килевидныхъ арочекъ. Шеи поставлены на невысокіе цилиндрическіе пьедесталы, охваченные кольцами кокошниковъ, которые едва выступаютъ изъ поверхности пьедесталовъ. Подножіемъ кокошниковъ боковыхъ шей служатъ кольца, составленныя изъ полуваловъ, зажатыхъ между полочками.

Если ряды кокошниковъ предшествующихъ церквей хотя немного напоминали о своемъ конструктивномъ происхожденіи, то въ церкви Ипколы на Берсеневкѣ они совершенно утратили конструктивный характеръ, въ особенности во второмъ ряду. Здѣсь они представляютъ собою просто впадины, устроенныя въ граняхъ низкой восьмиугольной призмы, покрытой плоской усѣченной пирамидой, надъ которой непосредственно возвышаются верхи церкви. По краямъ этихъ впадинъ идутъ дуги красивыхъ розетокъ; такія же розетки украшаютъ и коническія поверхности впадинъ. Восьмигранная призма соединяется плоскимъ откосомъ съ нижележащей прямоугольной въ планѣ призмой, въ граняхъ которой также сдѣланы впадины, имѣющія форму круговъ, срѣзанныхъ снизу на одну четверть ихъ діаметра. Впадины довольно глубоки и украшены по краямъ мелкими бусами, отъ которыхъ во внутрь, къ днищамъ, идутъ дуги обломовъ, тоже мелкихъ, монотонныхъ и невыразительныхъ. Вся эта призма какъ-бы вставлена въ ящикъ, въ тонкихъ стѣнкахъ котораго, противъ впадинъ, призмы прорѣзаны отверстія соотвѣтствующей формы съ небольшими вверху подвышеніями. Верхъ стѣнокъ ящика вырѣзанъ по дуговымъ кривымъ, симулирующимъ наружные обломы архивольтовъ этихъ странныхъ кокошниковъ — впадинъ.

Было бы весьма интересно выяснить, представляетъ ли верхъ разсматриваемаго памятника первоначальную композицію или послѣдняя подвергалась какимъ-либо позднѣйшимъ существеннымъ измѣненіямъ. Но придти къ какому нибудь опредѣленному рѣшенію возможно лишь послѣ изслѣдованія кладки между кокошниками настѣннаго и второго рядовъ, а также на углахъ перваго изъ нихъ; безъ такого же изслѣдованія остается дѣлать только предположенія. Какое же изъ двухъ возможныхъ предположеній болѣе правдоподобно? Мы склонны скорѣе думать, что если даже передѣлки верха церкви и были произведены, то очень незначительныя, а именно — могли быть срублены наружные архивольты настѣнныхъ кокошниковъ. Что же касается второго ряда, то для наружныхъ архивольтовъ здѣсь нѣтъ мѣста — устройству ихъ мѣшаютъ дуги розетокъ, которыя, очевидно, сдѣланы одновременно съ остальными частями этихъ кокошниковъ. Предположить же, что весь второй рядъ кокошниковъ былъ передѣланъ, кажется намъ невозможнымъ, потомучто характеръ ихъ композиціи и деталей совершенно тождественъ

съ характеромъ убранства остальныхъ частей храма. Если же это такъ, то есть, если второй ярусъ кокошниковъ одновременснъ съ другими частями церкви, то слѣдуетъ предположить, что покрытіе ея имѣло всегда такую форму, какъ въ настоящее время, то есть что церковь была покрыта прямыми скатами, а не по кокошникамъ. Такое предположеніе кажется намъ тѣмъ болѣе правдоподобнымъ потому, что, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго, такую же форму крышъ имѣла, вѣроятно, и церковь села Богородскаго. Далѣе, въ концѣ этой главы, намъ встрѣтятся такія церкви, у которыхъ плавный переходъ отъ призмы къ шеямъ главъ достигнутъ не при помощи рядовъ кокошниковъ, а просто гладкими уступами[1]), какими являлись бы уступы церкви Николы на Берсеневкѣ, если бы замуровать ихъ кокошники-впадины. Наконецъ, какъ опять-таки увидимъ при разборѣ слѣдующихъ памятниковъ, среди церквей конца XVII го вѣка есть и такія, у которыхъ нѣтъ даже уступовъ, а церковь крыта простой четырехскатной крышей, надъ которой высятся шеи, приподнятыя на пьедесталы.

Такимъ образомъ мы полагаемъ возможнымъ, что уступы церкви Николы на Берсеневкѣ не представляютъ позднѣйшей передѣлки, а являются переходной формой между пирамидой кокошниковъ церквей начала и середины XVII-го вѣка и простыми четырехскатными крышами, вошедшими въ употребленіе въ концѣ этого вѣка.

Теперь вернемся къ обзору памятника.

Вѣнчающій карнизъ церкви деталированъ не безъ вкуса и въ общихъ чертахъ напоминаетъ карнизы Тайнинской церкви и Троицы въ Никитникахъ: тотъ же поясъ поребрика, затѣмъ рядъ ширинокъ, днища которыхъ украшены круглыми впадинами, имѣющими вверху острыя подвышенія; выше рядъ модульоновъ и, наконецъ, вѣнчающія тяги, изъ которыхъ верхняя украшена бусами. На углахъ, надъ парными колонками, карнизъ раскрепованъ. Колонки опираются на лопатки, низы которыхъ украшены ширинками.

Всю силу своей необузданной фантазіи зодчій сконцентрировалъ на обработкѣ оконъ; получилось какое-то ювелирное произведеніе, въ которомъ глазъ съ трудомъ улавливаетъ основную мысль, настолько она расплывается въ хаосѣ рамокъ, тягъ подвѣсокъ, дикихъ триглифовъ и тончайшихъ орнаментовъ. Съ технической стороны все это исполнено съ удивительнымъ мастерствомъ, но съ точки зрѣнія архитектора этотъ наборъ негармонирующихъ другъ съ другомъ формъ производитъ впечатлѣніе какого-то бреда. Въ характерѣ орнаментаціи и композиціи капителей колонокъ, а отчасти и въ ихъ базахъ, чувствуется вліяніе запада, которое сказывается также и въ правильности разбивки всей декораціи зданія, — въ ея симметричности.

---

[1]) Церковь Воскресенія въ Кадашахъ и церковь Св. Сергія въ Казицкомъ переулкѣ.

Трапезная связана съ восточнымъ крыльцомъ въ одно цѣлое при помощи общаго щипца, имѣющаго форму растянутаго по ширинѣ кокошника. Арки восточнаго крыльца имѣютъ коробовую форму и украшены прекрасно исполненными розетками; квадратные же въ планѣ столбы и парапеты между ними украшены ширинками, днища которыхъ заполнены великолѣпными изразцами съ изображеніями двухглавыхъ орловъ. Въ такомъ же духѣ скомпановано и сѣверное крыльцо, въ которомъ обращаютъ на себя вниманіе приземистые столбы и двухлопастныя заполненія пролетовъ арокъ съ ихъ изящными гирьками («серьгами»). Судить въ настоящее время о художественной отдѣлкѣ апсидъ нельзя, такъ какъ окна ихъ были сильно растесаны, при чемъ погибли ихъ наличники, по всѣмъ вѣроятіямъ прежде существовавшіе.

Много общихъ чертъ съ разсмотрѣннымъ памятникомъ имѣетъ церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы въ подмосковномъ селѣ Богородскомъ — Воронинѣ, построенная въ 1677 году (Рис. № 192[1]). Общій пріемъ композиціи этого памятника совершенно такой же, какъ и у церкви Николы на Берсеневкѣ. Высокая, квадратная въ планѣ, средняя часть храма была увѣнчана пятью главами; изъ нихъ сохранилась только средняя, покоящаяся на непропорціонально длинной шеѣ; въ прежнее время, когда средній верхъ былъ окруженъ боковыми, эта вытянутость не была замѣтна, даже болѣе того, она была необходима для пропорціональности всей группы верховъ. Подножіемъ для послѣднихъ служатъ двѣ призмы, одна восьмигранная — верхняя, а другая квадратная — нижняя. Въ настоящее время кокошники имѣются только на нижней призмѣ, но почти съ увѣренностью можно сказать, что прежде они были и на верхней. Вѣнчающій карнизъ главной части представляетъ собою почти копію карниза церкви на Берсеневкѣ, но, отвѣчая тройному дѣленію стѣнъ, онъ раскрепованъ не только на углахъ церкви, но и по срединѣ. Стѣны дѣлятся на три части богатыми парными колонками, которыя въ нижнемъ ярусѣ, такъ же какъ и у Николы на Берсеневкѣ, превращаются въ лопатки.

Подклѣтовъ въ церкви села Богородскаго нѣтъ; съ востока къ ней примыкаетъ трехапсидный алтарь, а съ запада трапезная, съ сѣверной стороны которой возвышается красивая шатровая колокольня (Рис. № 193). Судя по тому, что сѣверная стѣна церкви и восточная стѣна низа колокольни лишены архитектурнаго убранства, слѣдуетъ заключить, что съ сѣвера къ церкви также примыкала трапезная, высота которой была такая же, какъ и у западной, такъ какъ вверху сѣверной стѣны главной массы церкви

---

[1]) Anciens monuments des environs de Moscou par Alexis Martinow. Moscou 1889.

видны части раскреповокъ надъ колонками, которыя высились прежде надъ крышей трапезной.

Ц. села Богородскаго-Воронина.

Рис. 192. По А. Мартынову.

Что касается деталей, то онѣ болѣе спокойны нежели у предшествующаго памятника, но все-таки въ нихъ чувствуется явное пристрастіе

зодчаго къ вычурности, всего болѣе замѣтное на обработкѣ оконъ[1]). Размѣры оконъ довольно большіе; форма ихъ прямоугольная, но верхнія части запол-

Колокольня ц. Рождества Богородицы.

Рис. 193. По А. Мартынову.

[1]) Окна имѣются только въ южной стѣнѣ церкви; отсутствіе ихъ на сѣверной также служитъ однимъ изъ указаній, что тамъ находилось прежде какое-то помѣщеніе, крыша котораго должна была бы закрыть окна этой стѣны.

нены парными арочками, опирающимися на вытесанныя изъ бѣлаго камня подвѣсныя серьги. Общій пріемъ обработки наличниковъ простъ и ясенъ — внизу просвѣта богатый многообломный подоконникъ; на него опираются обрамляющія просвѣтъ баляспны, на которыхъ лежитъ раскрепованный на концахъ сандрикъ, увѣнчанный кокошникомъ. Идея проста, но детали слишкомъ богаты, а кокошники нѣкоторыхъ оконъ приторно вычурны. Такъ кокошникъ средняго окна южной стѣны церкви представляетъ собою половину восьмиконечной звѣзды, составленной изъ массы мелкихъ обломовъ. Такіе же кокошники вѣнчаютъ наличники боковыхъ впадинъ, видныхъ надъ крышею алтаря.[1]) Кокошники боковыхъ оконъ южной стѣны церкви издали кажутся имѣющими обычную полуциркульную форму съ острымъ подвышеніемъ вверху. Но, вглядываясь пристально, увидимъ, что каждый кокошникъ составленъ какъ-бы изъ двухъ, при чемъ наружные обломы ихъ архивольтовъ переплетаются между собою такъ, что надъ общей полуциркульной формой возвышаются два подвышенія. Таковы же кокошники и на двухъ боковыхъ окнахъ южной стѣны трапезной; кокошникъ же средняго окна этой стѣны является вѣнцомъ изобрѣтательности зодчаго Богородской церкви; онъ не только украсилъ дуговыя кривыя кокошника тремя подвышеніями, но переплелъ наружный обломъ архивольта съ дополнительнымъ обломомъ, имѣющимъ такую же трехрогую форму. Въ общемъ получилась какая-то дикая и въ высшей степени нелогичная форма, угадать въ которой прежнюю конструктивную закамору почти невозможно. Нѣсколько болѣе простъ, но въ такой же степени нелогиченъ кокошникъ маленькаго кіота, находящагося вверху сѣверной стѣны церкви, близъ западнаго ея угла. Кокошникъ этотъ имѣетъ форму ромба, у котораго срѣзанъ одинъ острый уголъ; этимъ срѣзомъ кокошникъ поставленъ на сандрикъ кіота. Нескладность всей композиціи усиливается еще и ея непропорціональностью — кокошникъ значительно больше остальныхъ частей наличника, которыя онъ давитъ.

Кокошники настѣннаго ряда устроены совершенно такъ же, какъ и въ церкви Николы на Берсеневкѣ, т. е. они представляютъ углубленія въ сплошной стѣнкѣ, по контуру которыхъ помѣщены едва выступающіе, широкіе и плоскіе, обводы. Обработка шеи главы довольно проста, точно такъ же, какъ и служащихъ ей подножіемъ кокошниковъ.

Имѣя въ виду общность характера архитектуры церквей Николы на Берсеневкѣ и Рождества Богородицы въ селѣ Богородскомъ, мы нѣсколько отступили отъ хронологическаго порядка, разсмотрѣвъ послѣднюю церковь раньше церкви Св. Василія Кесарійскаго, которая была построена въ 1675 году,

---

[1]) Въ прежнее время крыша, очевидно, была не такая высокая, и средняя впадина была, вѣроятно, видна вся.

то есть за два года до церкви Рождества Богородицы. Въ настоящее время церкви Василія Кесарійскаго не существуетъ; въ 1812 году она такъ сильно пострадала отъ огня, что ее пришлось разобрать. Къ счастью, въ «Русской Старинѣ» А. Мартынова сохранился рисунокъ внѣшняго вида этой церкви, которымъ мы и воспользуемся для краткаго ея описанія (Рис. № 194). Насколько можно судить по внѣшнему виду, главная часть храма представляла собою не квадратъ, а вытянутый по линіи сѣверъ-югъ прямоугольникъ, къ которому съ запада примыкала еще болѣе широкая трапеза. Входъ въ послѣднюю, вѣроятно, былъ устроенъ черезъ колокольню, которая находилась у западной стѣны трапезы, на главной оси храма. Какова была форма алтаря — судить по рисунку нельзя, но, основываясь на значительныхъ размѣрахъ зданія, можно предположить, что алтарь былъ трехъ-апсидный, какъ и у большинства церквей этой эпохи. Подклѣта у церкви не было. Главная ея часть, вѣроятно, была двухсвѣтная, но крайней мѣрѣ высота ея настолько велика по сравненію съ трапезной, что размѣстить два ряда оконъ было вполнѣ возможно; нижнія окна находились, должно быть, по сторонамъ сѣверной и южной дверей, которыхъ, къ сожалѣнію, на рисункѣ не видно. Сопоставляя церковь Василія Кесарійскаго съ другими одновременными ей памятниками, конструкція которыхъ намъ извѣстна, слѣдуетъ предположить, что главная часть интересующаго насъ памятника была покрыта сомкнутымъ или лотковымъ сводомъ.

Были ли шеи главъ изнутри церкви открытыми? Повидимому, были, потомучто на рисункѣ А. Мартынова онѣ вполнѣ отчетливо изображены имѣющими окна. Однако слѣдуетъ замѣтить, что у большинства другихъ церквей разсматриваемаго періода открытыми дѣлались только шеи средней главы, боковыя же главы играли часто декоративную роль. Поэтому весьма вѣроятно, что авторъ рисунка принялъ за окна тѣ ниши, которыми иногда украшались боковыя шеи; въ дѣйствительности же оконъ въ нихъ не было. Обращаетъ на себя вниманіе и странное размѣщеніе этихъ нишъ; ихъ обыкновенно правильно орієнтировали по сторонамъ свѣта, въ данномъ же случаѣ, какъ это видно на рисункѣ, этого не соблюдено.

Обращаясь къ разбору внѣшняго вида церкви Василія Кесарійскаго, замѣтимъ, что основныя массы ея тяжелы и не пропорціональны. Эта неумѣлая разбивка массъ особенно замѣтна въ колокольнѣ, шатеръ которой завершается до комизма маленькой главкой луковичной формы. Что касается уборныхъ мотивовъ, то на нихъ, какъ и на деталяхъ двухъ предшествующихъ памятниковъ, лежитъ явный отпечатокъ упадка искусства; однако выразился онъ здѣсь совершенно иначе; детали Николы на Берсеневкѣ и церкви села Богородскаго, отличаясь вычурностью и излишнимъ богатствомъ, не были тяжелы; въ церкви же Василія Кесарійскаго онѣ бѣдны, просты и грубоваты,

Церковь Василія Кесарійскаго.

Рис. 191. По А. Маргынову.

что въ совокупности дастъ впечатлѣніе тяжести формъ. Кромѣ того замѣчается стремленіе къ совершенно нелогичной перетасовкѣ формъ; такъ вѣнчающій карнизъ, скомпанованный почти такъ же[1]), какъ это дѣлали зодчіе середины XVII-го вѣка, находится не непосредственно подъ кокошниками, а опущенъ значительно ниже ихъ; подъ кокошниками сохранена какъ бы часть карниза, при чемъ образовавшаяся между нею и нижними частями карниза широкая и гладкая полоса поля стѣнъ, разбита узкими лопатками, которыя прежде всегда находились ниже карниза, а послѣдній только раскреповывался надъ лопатками. Конструктивнаго смысла въ такой декораціи, конечно, никакого нѣтъ, и объяснить ее можно только желаніемъ зодчаго быть оригинальнымъ въ своемъ произведеніи, при чемъ для достиженія этой цѣли онъ ничего не могъ придумать лучшаго, какъ, повторяя формы предшествующихъ церквей, поставить на верхъ то, что по своей сущности должно находиться внизу.

Южное окно главной части церкви, а также лѣвое окно западной ея стѣны, повидимому, были растесаны; по крайней мѣрѣ, на рисункѣ Мартынова на нихъ не видно никакихъ наличниковъ, тогда какъ у праваго угла той же стѣны находится небольшое съ полуциркульнымъ верхомъ окопце, обрамленное наличникомъ. Послѣдній несоразмѣрно великъ, а отдѣльныя его детали слишкомъ массивны и не разработаны.

То же самое можно сказать и объ архитектурномъ убранствѣ колокольни; поэтому мы не будемъ дольше останавливаться на церкви Василія Кесарійскаго, а замѣтимъ только, что быть можетъ она и не производила въ натурѣ такого неблагопріятнаго впечатлѣнія, какъ на рисункѣ А. Мартынова, но во всякомъ случаѣ къ лучшимъ образцамъ зодчества второй половины XVII-го вѣка ее отнести нельзя, такъ какъ, несмотря на общее направленіе церковной архитектуры, въ это время все еще строились такія прекрасныя церкви, какъ, напримѣръ, Останкинская. О ней рѣчь впереди, а пока вернемся къ церквамъ уже знакомаго намъ села Измайлова, къ церкви во имя Іоасафа Царевича и къ Покровскому собору.

Первый изъ этихъ памятниковъ зодчества былъ освященъ въ 1678 году, о чемъ свидѣтельствуютъ надписи на двухъ мѣдныхъ доскахъ, найденныхъ подъ престолами[2]).

Планъ этой церкви (рис. 195), напоминая въ общихъ чертахъ планъ церкви села Медвѣдкова, въ деталяхъ отличается отъ него довольно значительно. Такъ, въ планѣ нижняго яруса мы видимъ, что главная часть церкви

---

[1]) Въ карнизѣ отсутствуетъ вѣнчающая часть, отчего онъ кажется незакопченнымъ и его модульоны (или зубчики) надъ рядомъ ширинокъ утрачиваютъ всякій архитектурный смыслъ.

[2]) А. Мартыновъ. Русская Старина. 1851 годъ, тетрадь 12, стран. 131.

раздѣляется широкой аркой на двѣ неравныя части, изъ которыхъ западная имѣла почти квадратную форму, а восточная—прямоугольную, при чемъ ширина ея значительно превышаетъ длину. Помѣщеніе, примыкающее къ главной части церкви съ западной ея стороны, служило, надо полагать, трапезной. На планѣ А. Мартынова она не имѣетъ непосредственнаго сообщенія съ церковью; однако, три ниши, находящіяся въ западной стѣнѣ церкви, вѣроятно, представляютъ собою заложенныя двери; открытая галлерея — ходовая паперть, огибаетъ эти двѣ части церкви съ трехъ сторонъ; восточные и запад-

По А. Мартынову.

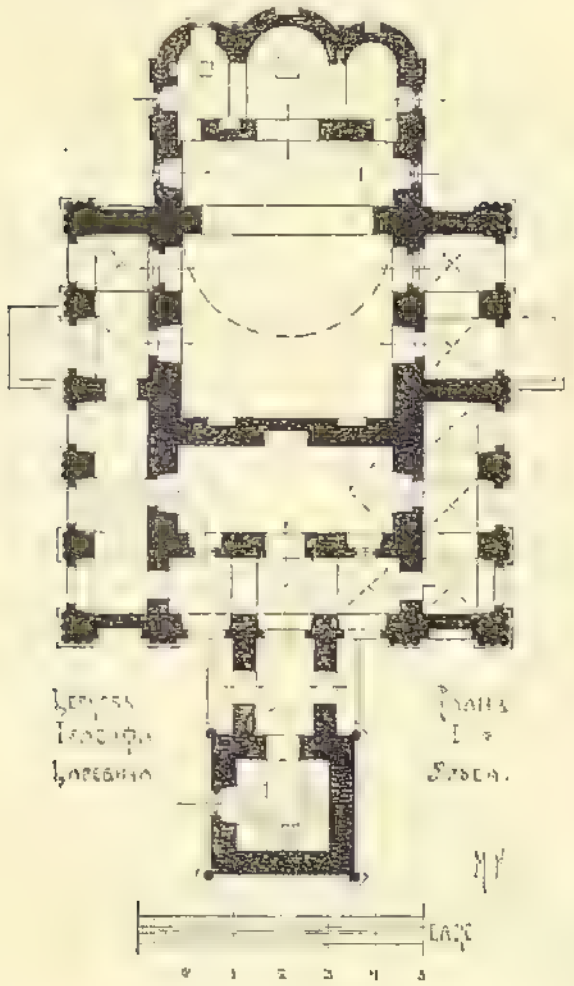


Рис. 195.

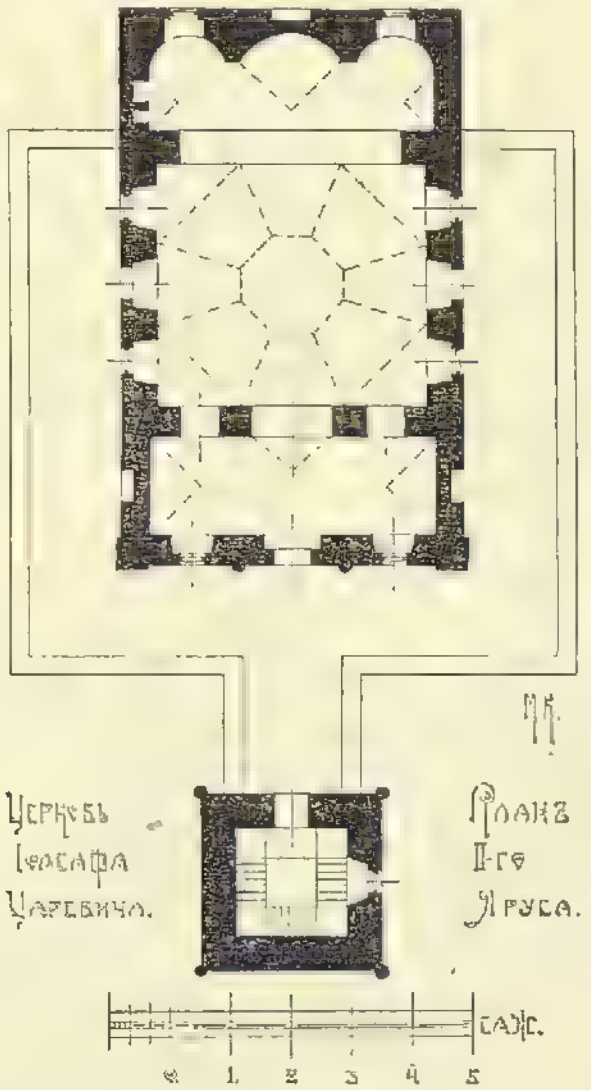


Рис. 196.

ные концы ея боковыхъ частей имѣютъ глухія стѣны, южная часть перегорожена глухой стѣнкой, а сѣверная — стѣнкой, имѣющей дверь. Противъ пролетовъ, находящихся у этихъ стѣнокъ, находятся двери, ведущія въ главную часть церкви. Западная часть галлереи также выгорожена стѣнками въ самостоятельное помѣщеніе, сообщающееся дверями съ трапезной, съ боковыми галлереями и съ небольшимъ переходомъ, при помощи котораго церковь соединена съ колокольней; въ нижнемъ ярусѣ послѣдней находится довольно широкая трехмаршевая лѣстница, служащая единственнымъ сообщеніемъ со вторымъ ярусомъ церкви. Алтарь нижней церкви трехапсидный и, по сравненію съ главной частью церкви, занимаетъ очень незначительную площадь.

Планъ второго яруса значительно проще (рис. 196). Здѣсь главная часть церкви отдѣлена отъ алтаря одной широкой аркой, отвѣчающей нижней аркѣ, которая дѣлитъ на двѣ части церковь перваго яруса. Неглубокій алтарь изнутри церкви имѣетъ три апсиды, а снаружи онъ ограниченъ съ востока прямой стѣной; такимъ образомъ, его апсиды являются въ сущности простыми нишами восточной стѣны, которая представляетъ собою продолженіе иконостасной стѣны нижняго храма.

Съ трапезной церковь сообщается тремя пролетами, изъ которыхъ средній значительно больше боковыхъ.

Съ трехъ сторонъ верхней церкви находится терраса («гульбище»), поддерживаемая столбами и крестовыми сводами нижнихъ галлерей. Съ сѣверной стороны церковь соединялась деревянными переходами съ палатами, откуда царская семья, не спускаясь внизъ, могла прямо пройти на хоры церкви. Послѣдніе, по словамъ П. М. Снегирева, были сдѣланы изъ дерева.

Церковь Іоасафа Царевича.

По фот. М. Красовскаго.

Рис. 197.

Во всемъ планѣ церкви Іоасафа Царевича, несмотря на общность основного пріема съ пріемами зодчихъ предшествующихъ эпохъ, чувствуется знакомство ея строителя съ западнымъ искусствомъ. Знакомство это сказывается въ правильности разбивки, строгой симметріи и, главнымъ образомъ, въ обдуманности плана.

Въ группировкѣ главныхъ массъ церкви и въ композиціи декоративнаго убранства зодчій церкви Іоасафа Царевича еще болѣе, чѣмъ въ планѣ, выказалъ свое пристрастіе къ тѣмъ новымъ пріемамъ архитектуры, которые въ то время притекали къ намъ съ запада.

Дѣйствительно, какъ видно изъ рисунка № 197, центральная, самая высокая, часть зданія состоитъ изъ большой четырехгранной призмы (четверика), изъ значительно меньшаго по высотѣ восьмерика, покрытаго граненымъ куполомъ, и, наконецъ, изъ луковичной главы, опирающейся на высокую восьмигранную шею.

Съ запада и востока примыкаютъ къ центральной части двѣ одинаковыя по высотѣ четырехгранныя призмы, увѣнчанныя граненными луковичными главами, поставленными на восьмиугольныя въ планѣ шеи. Такимъ образомъ церковь Іоасафа Царевича трехглавая, и главы ея размѣщены по малороссійскому обычаю, т.-е. по направленію западъ—востокъ.

Междуярусный карнизъ восточной и западной призмъ, переходящій на галлереи нижняго яруса и опоясывающій такимъ образомъ всю церковь, ясно указываетъ на фасадахъ зданія его внутренній распорядокъ.

Алтарь нижней церкви имѣетъ очень незначительную высоту, а именно онъ почти вдвое меньше нижней части прямоугольной призмы, заканчивающейся междуяруснымъ карнизомъ.

Ходовыя паперти предшествующихъ памятниковъ были всѣ двухъярусныя; въ разсматриваемой же церкви вмѣсто второго яруса устроены только «гульбища», обнесенныя глухимъ, низкимъ паралетомъ, что придаетъ всей церкви какой-то непривычный для глазъ, не русскій, видъ.

Съ запада вся композиція заканчивается колокольней, о которой мы уже говорили въ главѣ VIII-ой; поэтому замѣтимъ здѣсь только, что характеръ ея обработки совершенно одинаковъ съ характеромъ архитектурнаго убранства самой церкви и что, поэтому, нѣтъ основаній считать колокольню болѣе старымъ, по сравненію съ церковью, зданіемъ, какъ это дѣлаетъ И. М. Снегиревъ въ Русской Старинѣ[1]).

При обзорѣ деталей церкви Іоасафа Царевича нельзя не замѣтить, что въ нижнемъ ея ярусѣ онѣ еще сохранили характеръ пріемовъ лучшей поры самобытнаго искусства, въ декораціи же верхняго яруса зодчій старался блеснуть знакомствомъ съ архитектурой Западной Европы; однако, трактовалъ формы этого искусства довольно своеобразно.

Займемся сперва деталями нижняго яруса. Форма пролетовъ галлерей не русская[2]); онѣ слишкомъ вытянуты по высотѣ и заканчиваются вверху полуциркульными кривыми, тогда какъ въ началѣ и серединѣ XVII-го вѣка русскіе зодчіе охотнѣе примѣняли коробовыя арки. Пролеты обтянуты широкими наличниками, опирающимися на гладкіе парапеты галлерей. Между наличниками, занимая всю свободную поверхность столбовъ галлереи, находятся группы полуколонокъ, имѣющихъ общія каштели; каждая группа образована тремя полуколонками, при чемъ характеръ ихъ такой же, какъ и въ церквахъ середины XVII-го вѣка. Такого же типа колонки украшаютъ углы второстепенныхъ призмъ и алтарныхъ апсидъ. Надъ колонками тянется карнизъ, фризъ котораго образованъ поребрикомъ. Его раскреповки надъ группами колонокъ и незначительный свѣсъ сами по себѣ нѣсколько напо-

[1]) Тетрадь 12, стран. 131.

[2]) Смотри рисунокъ на страницѣ 246.

минаютъ мотивы убранства предшествующаго періода зодчества, а благодаря возвышающемуся надъ карнизомъ парапету, убранному ширинками, это сходство еще усиливается. Совершенно такимъ же карнизомъ увѣнчаны апсиды алтаря. Что касается оконныхъ наличниковъ послѣдняго, то они имѣютъ совершенно русскій характеръ, а по простотѣ напоминаютъ скорѣе мотивы оконныхъ очелій XVI-го и начала XVII-го вѣка, нежели самобытныя формы серединыі того же вѣка.

Теперь перейдемъ къ деталямъ верхняго яруса. Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе широкія и гладкія лопатки, а также простые карнизы, которые, съ одной стороны, можно разсматривать, какъ возвратъ къ старымъ формамъ (конецъ XVI-го и начало XVII-го вѣка), съ другой же стороны, — и это намъ кажется болѣе отвѣчающимъ духу разсматриваемой эпохи зодчества, — въ нихъ можно видѣть формы всесильнаго въ то время на западѣ Ренесанса, отзвуки котораго проникали и въ подготовлявшуюся къ Петровской реформѣ Русь.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только взглянуть на вычурные верхи «выгрызенныхъ» наличниковъ оконъ на четверикахъ и на восьмерикѣ, на коринѳскіе колонки восьмерика и на поддерживающіе ихъ кронштейны. Замѣтимъ здѣсь же, что такой пріемъ, т.-е. колонки на кронштейнахъ, занесенный къ намъ, повидимому, изъ Польши, пришелся очень по вкусу московскимъ зодчимъ и являлся однимъ изъ обычныхъ пріемовъ художественнаго убранства церквей какъ въ концѣ XVII-го, такъ и въ началѣ XVIII-го вѣка. Къ той же категоріи уборныхъ мотивовъ надо отнести и парныя, эллиптической формы филенки, помѣщенныя надъ окнами большого четверика. Вѣроятно, прежде эти эллиптическія рамки служили наличниками оконъ; во всякомъ случаѣ, онѣ безспорно похожи на тотъ типъ оконъ, которому французы дали мѣткое прозвище «oeil de foeuf». Даже въ композиціи верховъ церкви, ихъ шей, зодчій церкви Іоасафа Царевича отказался отъ обычнаго пріема: во-первыхъ, онъ придалъ шеямъ восьмигранную форму, а во-вторыхъ, не украсилъ ихъ традиціонными арочками, опирающимися на колонки или балясины.

Итакъ, изъ всего сказаннаго о церкви Іоасафа Царевича видно, что она не имѣетъ почти ничего общаго съ памятниками Московскаго церковнаго зодчества середины XVII-го вѣка и что западное вліяніе дѣлало быстрые успѣхи, энергично вытѣсняя изъ жизни тѣ вкусы, которые сложились самобытно.

На Покровскомъ соборѣ села Измайлова, освященномъ въ 1679 году, мы не будемъ долго останавливаться, потомучто, какъ видно изъ его плана и фасада (рис. 198 и 199), онъ долженъ былъ представлять собою возможно близкое подражаніе Кремлевскому Успенскому собору. Въ общихъ чертахъ копія вышла довольно близкой къ оригиналу, но въ деталяхъ у этихъ двухъ

памятниковъ нѣтъ ничего общаго, такъ какъ детали Покровскаго собора аналогичны деталямъ Тайницкой церкви. Очень возможно, что соборъ строилъ тотъ же зодчій, который былъ строителемъ церкви Іоасафа Царевича, но въ силу даннаго приказа, шедшаго въ разрѣзъ съ его «западными» вкусами, онъ примѣнилъ для декораціи собора формы самобытнаго искусства, такъ какъ, очевидно, боялся повторить детали Кремлевскаго Успенскаго собора, въ которыхъ чувствовалъ много общаго съ формами «новаго» искусства послѣдней четверти XVII вѣка.

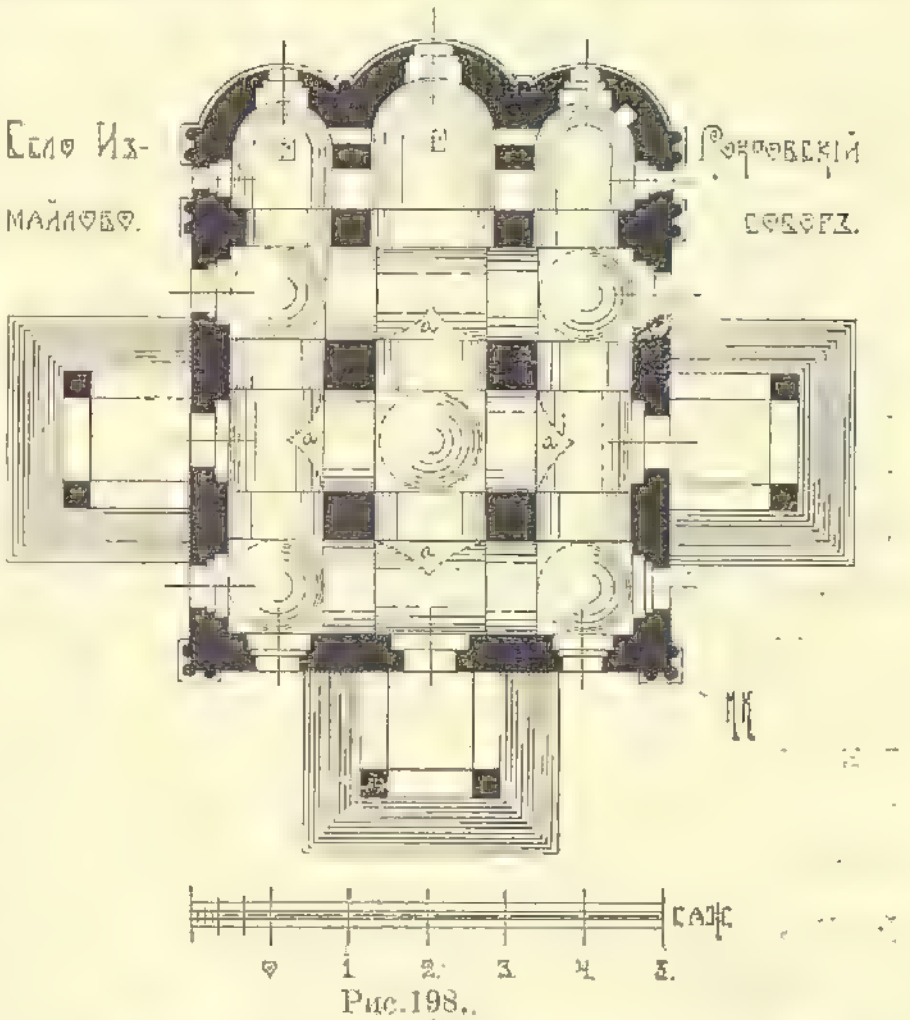


Рис. 198.

Вѣроятно, въ силу этихъ причинъ соборъ села Измайлова такъ похожъ на тѣ церкви въ «русскомъ вкусѣ», которыя строилъ Тонъ и ближайшіе его послѣдователи.

Говоря о Покровскомъ соборѣ села Измайлова, нельзя не упомянуть о его богатѣйшихъ карнизахъ и закаморахъ, которыя сдѣланы изъ великолѣпныхъ цвѣтныхъ изразцовъ. Эти изразцы по гармоніи тоновъ ихъ расцвѣтки и по рисунку орнамента почти тождественны съ изразцами, украшающими фризъ главнаго карниза церкви Св. Григорія Неокессарійскаго, находящейся на Полянкѣ и освященной въ одномъ и томъ же году съ соборомъ села Измайлова (1679 г.).[1]) (Рис. № 200).

Рис. 199. По фот. М. Красовскаго.

[1]) По общимъ пріемамъ архитектуры и деталямъ церковь Св. Григорія на Полянкѣ принадлежитъ къ лучшимъ образцамъ самобытнаго стиля XVII вѣка что явно указываетъ на два теченія въ области искусства второй половины разсматриваемаго столѣтія.

Повидимому въ томъ же 1679 году была построена и соборная церковь Знаменскаго монастыря[1]) «на старомъ Государевомъ дворѣ». Точныхъ свѣдѣній о годѣ постройки этого памятника намъ, къ сожалѣнію, не удалось собрать, поэтому мы приводимъ тотъ годъ, который П. М. Сытиревъ признаетъ годомъ освященія собора, хотя нѣсколькими страницами раньше онъ говоритъ въ своемъ повѣствованіи, что: «уже съ 1684 года существовала въ монастырѣ огромная соборная церковь, допынѣ его украшающая»[2]).

Карнизъ ц. Св. Григорія Неокесарійскаго.

По акварели М. Преображенскаго.

Рис. 200.

Въ пріемѣ плана этого памятника нѣтъ никакихъ особенностей, въ композиціи же главныхъ массъ обращаетъ на себя вниманіе незначительная высота нижней, теплой церкви, надъ которой высится громадная призма верхняго храма. Отношеніе этихъ двухъ массъ другъ къ другу почти такое же, какъ и въ церкви Николы на Столпахъ, но тамъ оно скрадывается ходовыми паперть̀ми-галлереями, которыхъ въ разсматриваемомъ памятникѣ нѣтъ (рис. № 201). Поэтому соборъ бывшаго Знаменскаго монастыря производитъ впечатлѣніе грузнаго зданія. Къ трапезной собора первоначально примыкала съ запада колокольня, но она стала угрожать паденіемъ, вслѣдствіе чего въ 1780 году ее пришлось разобрать.

По характеру декоративныхъ формъ соборъ очень напоминаетъ церковь села Тайнинскаго: грушы колонокъ, дѣлящихъ каждый фасадъ на три части, мощный карнизъ съ фризомъ изъ кирпича, поставленнаго на ребро (поребрикъ), наличники съ волнистыми контурами вѣнчающихъ ихъ кокошниковъ — это все тѣ же красивыя, но не вычурныя формы, какими убирались фасады церквей эпохи расцвѣта самобытнаго искусства.

Что касается кронштейновъ, поддерживающихъ свѣсъ кровли, то они, очевидно, новые[3]), такъ же какъ и сама кровля, которая закрыла нижнюю часть шеи средней главы. Однако первоначальная форма кровли была, повиди-

[1]) Монастырь упраздненъ.

[2]) Русская старина. А. Мартыновъ, тетрадь 17, стран. 173.

[3]) На рисункѣ А. Мартынова ихъ нѣтъ.

мому, тоже четырехскатная; другими словами, надъ карнизомъ выслались только два яруса кокошниковъ, а именно кокошники настѣнные и кокошники, возвышающіеся надъ обтянутыми узенькими карнизиками пьедесталами шей.

Соборная церковь Знаменскаго монастыря.

Рис. 201.

По А. Мартынову.

Характеръ композиціи настѣнныхъ кокошниковъ такой же, какъ у церкви Николы на Берсеневкѣ, то-есть наружные обломы ихъ архивольтовъ пред-

ставляютъ широкія, но очень плоскія полочки, сливающіяся внизу въ одну плоскость.

По словамъ П. М. Снегирева,[1]) въ церкви Св. Николая, что въ Хамовникахъ, существовала прежде каменная плита со слѣдующею надписью: «Во славу Святыя Троицы, лѣта отъ сотворенія міра 7187, а отъ Рождества Хрістова 1679, мая 21, при державѣ благочестивѣйшаго ..... Ѳеодора Алексѣевича ....., совершися же и освятися лѣта отъ сотворенія міра 7190, а отъ Рождества 1682, Іюля 25».

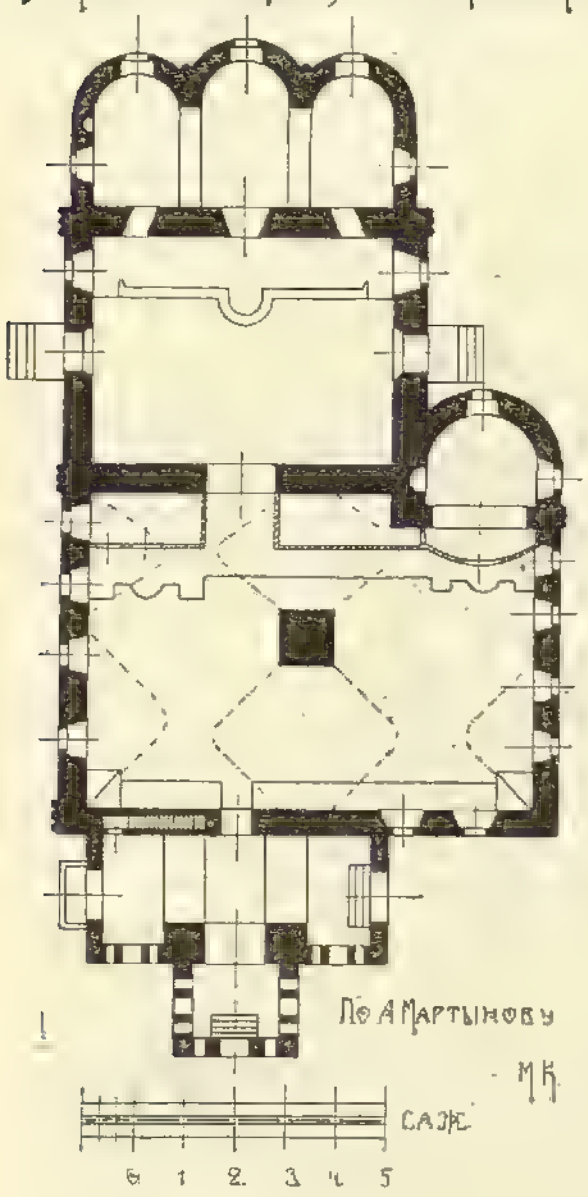


Рис. 202.

Исходя, однако, изъ того соображенія, что надпись эта ничего не говоритъ о томъ, какой именно престолъ, главный или придѣльный, былъ освященъ въ упомянутомъ году, Снегиревъ полагаетъ, что существующая теперь церковь есть та же, о которой упоминаетъ Строильная книга 1657 года, и что поэтому нынѣшняя церковь Св. Николая въ Хамовникахъ построена гораздо ранѣе 1679 года. Подтвержденіе своего предположенія Снегиревъ видитъ и въ стилѣ зданія, который на нашъ взглядъ совершенно противорѣчитъ его мнѣнію, такъ какъ свидѣтельствуетъ объ упадкѣ самобытныхъ принциповъ, тогда какъ въ эту эпоху, къ которой Снегиревъ видимо хочетъ отнести разсматриваемый памятникъ, эти принципы даже еще не достигли высшей точки развитія.

Что же касается мнѣнія Снегирева о томъ, что трапеза была построена позднѣе другихъ частей храма, хотя тоже въ XVII вѣкѣ, то оно кажется намъ вѣрнымъ только отчасти, потомучто трапезная, повидимому, была расширена, а не построена вновь, нѣсколько времени спустя послѣ первоначальной постройки, а именно увеличена съ южной стороны, и планъ ея былъ усложненъ полуциркульной апсидой (Рис. № 202), которая плохо вяжется съ южнымъ фасадомъ церкви. До этой передѣлки планъ церкви Св. Николая, какъ это видно изъ его чертежа, не представлялъ какихъ-

[1]) Русская Старина А. Мартынова, тетрадь II, стран. 124.

либо интересныхъ особенностей.[1]) То же самое можно сказать и о композиціи главныхъ массъ разсматриваемой церкви: отсутствіе подклѣтовъ, высокая двухсвѣтная центральная часть, увѣнчанная пятью верхами, низкая трапеза, такой же высоты трехапсидный алтарь, и, наконецъ, высокая шатровая колокольня, заканчивающая композицію,—все это вмѣстѣ взятое даетъ одинъ изъ тѣхъ типовъ церквей, которыя были выработаны самобытнымъ русскимъ зодчествомъ.

Но если въ общихъ пріемахъ композиціи зодчій церкви Св. Николая придерживался старыхъ правилъ, то въ манерѣ трактовать убранные мотивы

Ц. Св. Николая въ Хамовникахъ.

Рис. 203. По Найденову.

онъ отдалъ дань новымъ вѣяніямъ вѣка (рис. № 203). Дѣйствительно, убранство колокольни вообще слишкомъ богато, а отдѣльныя детали такъ же вычурены, какъ и верхи наличниковъ главной массы церкви; красивый вѣнчающій карнизъ церквей эпохи расцвѣта исчезъ и отъ него остались лишь какіе-то куски надъ группами угловыхъ колонокъ и надъ кронштейнами странной формы, которые поддерживаютъ архивольты, обрамляющіе кокошники настѣннаго ряда. Послѣдніе, вслѣдствіе отсутствія подъ ними вѣнчающаго карниза и вслѣдствіе ихъ дутовой формы безъ малѣйшаго намека

[1]) Очевидно, что при этой перестройкѣ были разобраны старые своды трапезной и установлены новые; при чемъ въ центрѣ ея былъ поставленъ столбъ, служащій опорой для сводовъ.

па подвышенія, напоминаютъ скорѣе закаморы. Такую же форму имѣютъ и кокошники второго ряда, тогда какъ кокошники, окружающіе низы шей главъ, имѣютъ вверху заостренія. Днища всѣхъ кокошниковъ украшены пзразцами, имѣющими форму ромба и производящими безпокойное впечатлѣніе своею разбросанностью. Такимъ же характеромъ отличаются и вѣнчающіе карнизы алтаря и трапезной, а также звѣздчатые верхи наличниковъ у среднихъ оконъ на сѣверной и южной стѣнахъ главной части зданія.

Ц. Св. Косьмы и Даміана.

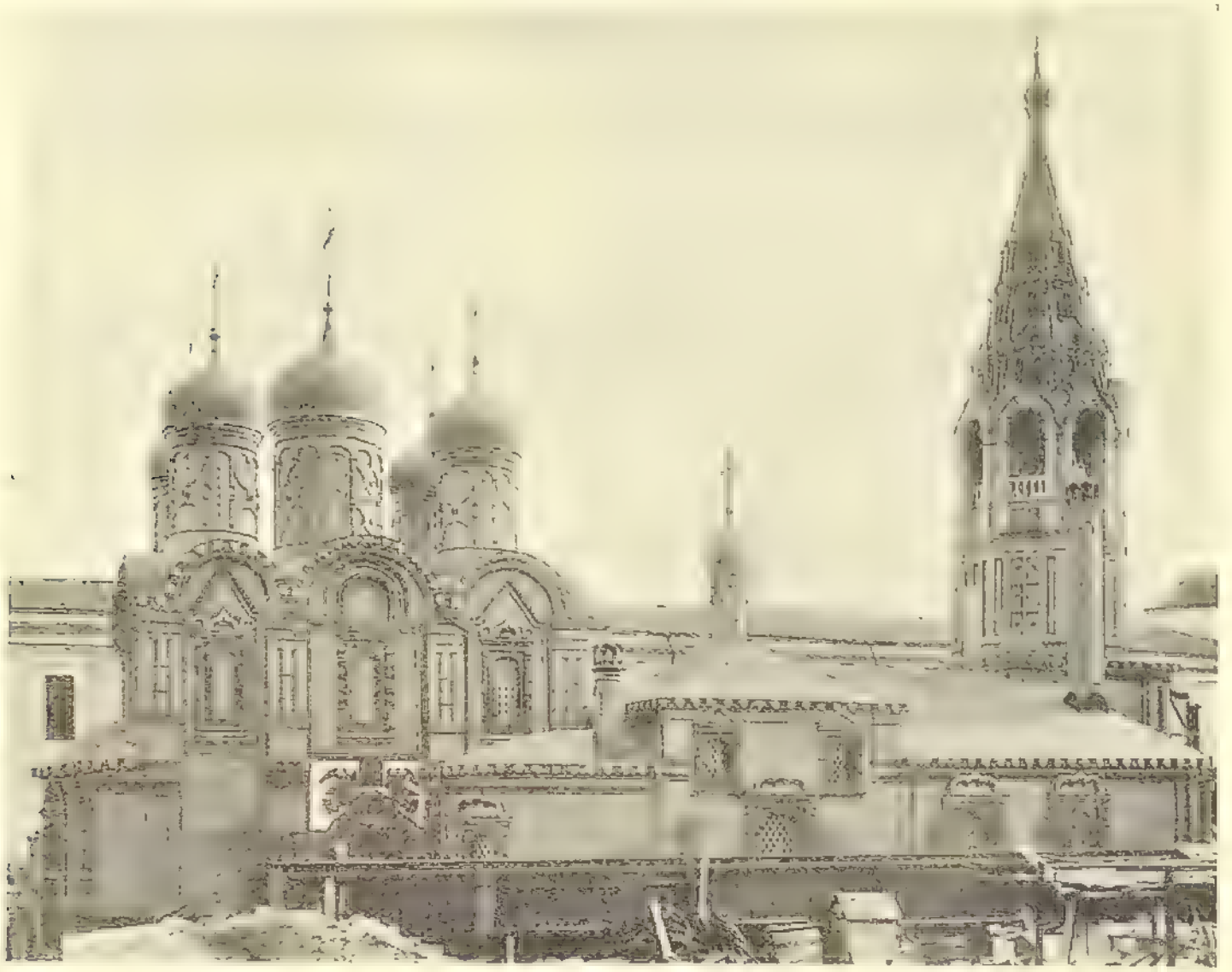


Рис. 204. По Найденову.

Изъ сказаннаго о церкви Св. Николая въ Хамовникахъ видно, что на всемъ ея обликѣ явно отразилось переходное состояніе архитектуры послѣдней четверти XVII столѣтія, колебавшейся между формами самобытными и притекавшими съ запада. Такими же типичными чертами междуцарствія стилей отмѣчены церковь Косьмы и Даміана (Рис. № 204), церковь Св. Владиміра, что противъ Ивановскаго монастыря и двѣ церкви Чудова монастыря: Святителя Алексѣя и Благовѣщенія Божіей Матери.

Остановимся нѣсколько на двухъ послѣднихъ церквахъ, заложенныхъ архимандритомъ Адріаномъ въ 1680 году. Какъ видно изъ рисунка ихъ плана

(рис. № 205), церкви эти образуютъ одно цѣлое зданіе, въ составъ котораго входятъ два сообщающихся аркой помѣщенія для молящихся, два трехапсидныхъ алтаря, и двѣ обширныхъ трапезныхъ, къ которымъ съ запада примыкаютъ лѣстницы, папертъ, домовая церковь и митрополичьи покои. Какъ подъ церквами, такъ и подъ примыкающими къ нимъ помѣщеніями находятся высокіе, крытые сводами подклѣты, которые съ восточной стороны зданія не отвѣчаютъ въ планѣ формѣ трехапсидныхъ алтарей второго яруса, т. к. ограничены прямолинейными стѣнами (смотри планъ). Помѣщенія для молящихся имѣютъ одну общую крышу, надъ которой высятся десять глухихъ верховъ,[1]) указывающихъ, что подъ общей кровлей находятся два самостоятельныхъ храма. Обѣ церкви крыты сомкнутыми сводами, но пяты сѣвернаго свода (надъ Благовѣщенскою церковью) опущены гораздо ниже, чѣмъ у южнаго (надъ Алексѣевской церковью); сдѣлано это съ цѣлью помѣстить надъ сводомъ сѣверной церкви невысокую ризницу, къ которой ведетъ лѣстница, устроенная въ толщѣ западной стѣны.

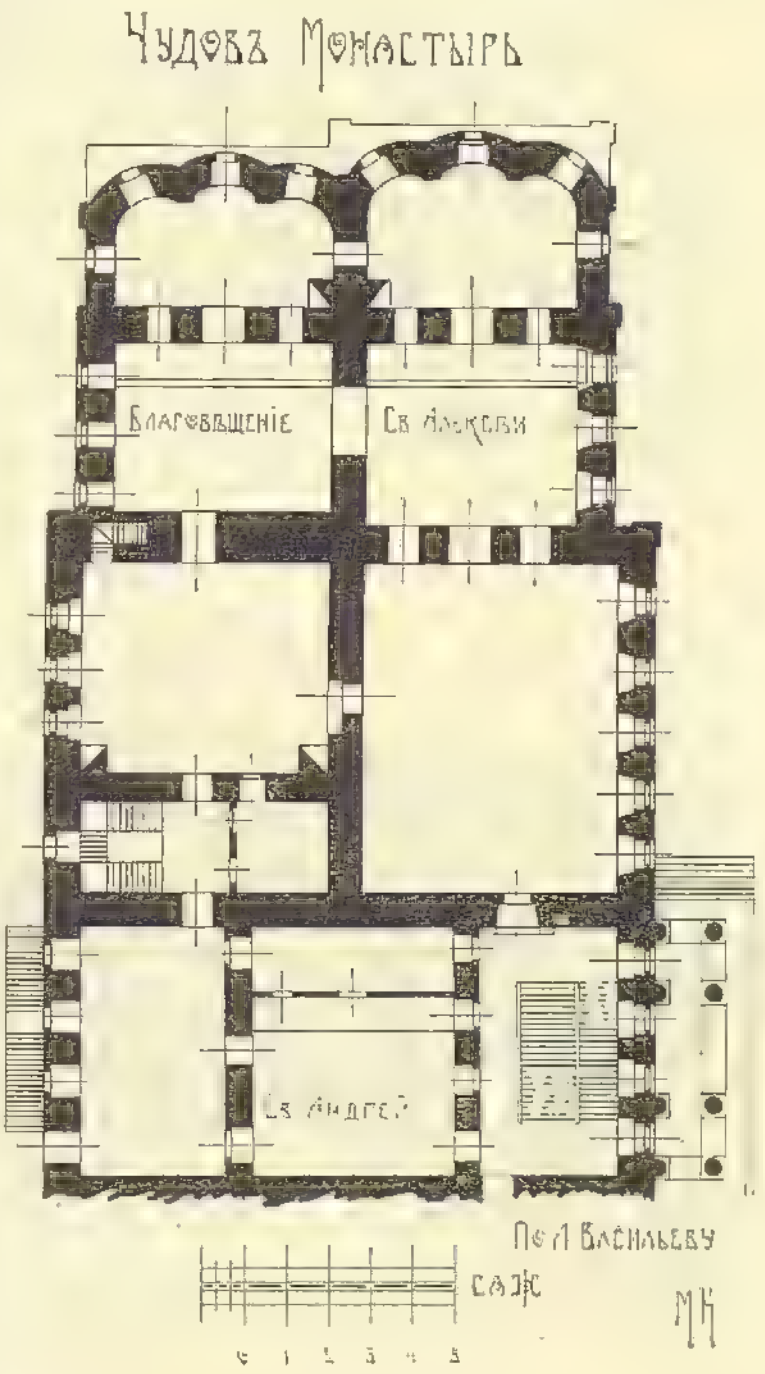


Рис. 205.

Въ наружной отдѣлкѣ обращаютъ на себя вниманіе спокойный характеръ и благородство формъ, говорящихъ, что зодчій этого памятника обладалъ развитымъ художественнымъ вкусомъ, но тѣмъ не менѣе неохотно повторялъ формы эпохи расцвѣта самобытнаго искусства, а скорѣе искалъ новые мотивы (рис. № 206). Такъ кокошникамъ онъ придалъ подковообразную форму, вмѣсто вѣнчающаго карниза далъ только намекъ на него, въ видѣ узенькой мелкообломной тяги и своеобразно обработалъ углы храма. Для послѣдней цѣли онъ выбралъ нѣчто среднее между гладкими и широкими лопатками, еще примѣнявши-

[1]) Изъ нихъ девять имѣютъ одинаковые размѣры, а десятый, стоящій надъ серединой Алексѣевской (южной) церкви, значительно больше ихъ.

мися въ началѣ XVII столѣтія, и группами колонокъ, появившихся въ эпоху расцвѣта. Умѣло скомбинировавъ эти два мотива, зодчій получилъ какъ бы широкія лопатки, середины которыхъ украшены филенками, а бока — колонками. Не менѣе оригинальны и красивы мотивы обработки сторонъ воротнаго проѣзда: это вертикальныя полосы ширинокъ, по сторонамъ которыхъ

Чудовъ монастырь.

Рис. 206. По Ф. Рихтеру.

поставлены колонки, соединенныя внизу раскреповками изящно спроектированнаго цоколя, а вверху — раскреповками междуяруснаго карниза, который охватываетъ кругомъ все зданіе.

Въ формѣ и въ размѣщеніи оконныхъ просвѣтовъ, а также въ прекрасныхъ деталяхъ ихъ наличниковъ чувствуется явное вліяніе запада (рис. № 207), несмотря на то, что общій мотивъ послѣднихъ встрѣчался намъ уже въ памятникахъ XVII столѣтія.

Существующее теперь покрытіе средней массы зданія, очевидно, сравнительно недавняго происхожденія; относительно же первоначальнаго нужно

Детали Чудова монастыря.

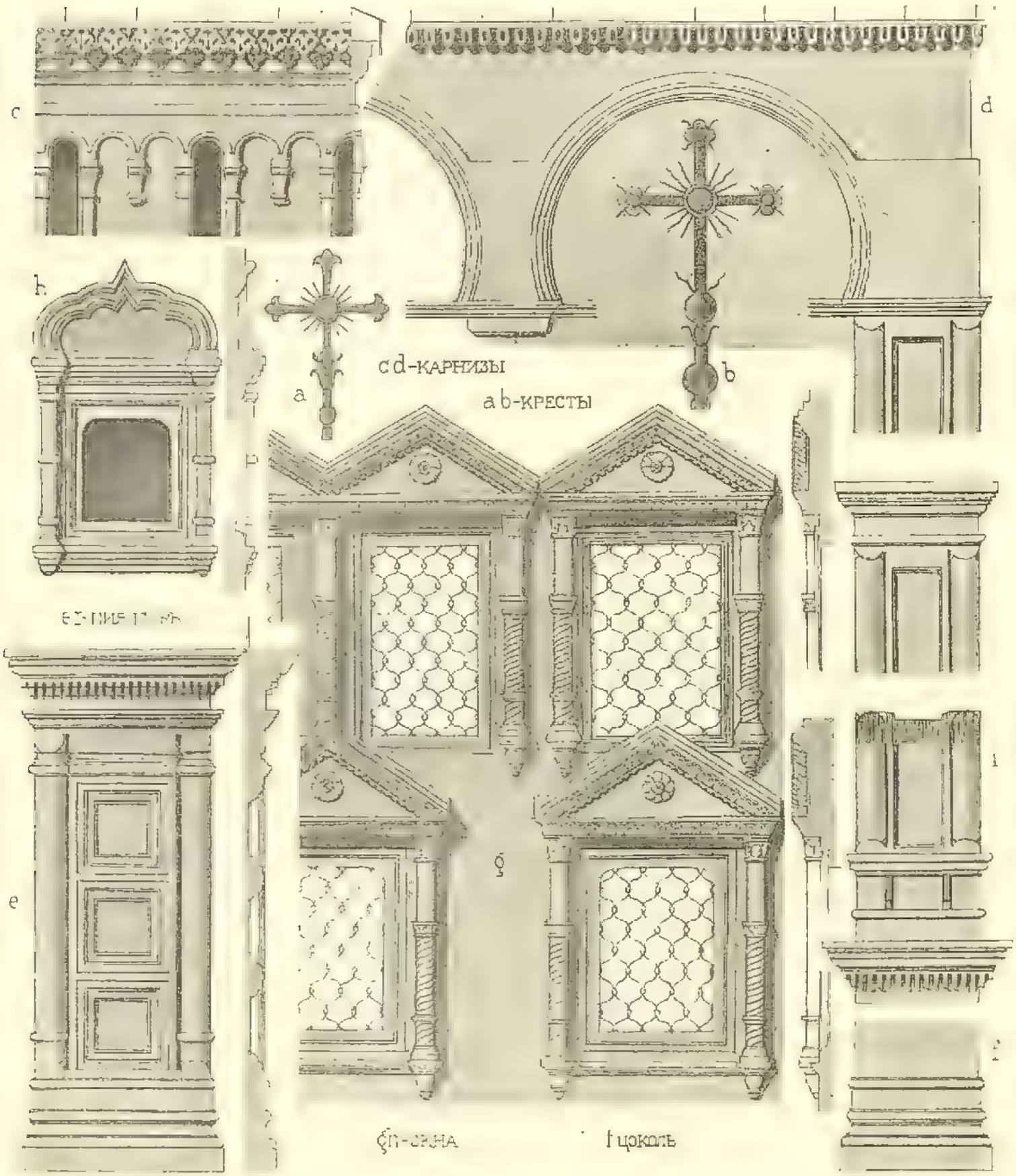


Рис. 207. По Ф. Рихтеру.

сказать то же самое, что уже не разъ приходилось говорить по поводу другихъ церквей, то-есть, что до обслѣдованія чердаковъ нельзя высказать

какого-либо обоснованнаго мнѣнія. Однако, судя по тому, что боковыя главы находятся очень близко у края кровли и надъ послѣдней не видно никакихъ намековъ на кокошники, можно предположить, что въ первоначальномъ видѣ былъ или одинъ только настѣнный рядъ кокошниковъ, какъ въ настоящее время, или кромѣ него существовали еще кокошники, украшавшіе пьедесталы главъ, но промежуточнаго яруса между первыми и послѣдними не было.

Если бы не безпокойная разбивка оконъ главной части описаннаго памятника, то онъ производилъ бы очень благопріятное впечатлѣніе. Однако даже и этотъ недостатокъ не можетъ его сблизить съ некрасивой церковью Казанской Божіей Матери въ Старомъ Сущевѣ, на которомъ все-таки считаемъ нужнымъ остановиться, какъ на типичномъ памятникѣ упадка самобытнаго зодчества. Благословенная грамота на постройку этой церкви была дана въ 1682 году патріархомъ Іоакимомъ; черезъ три года постройка церкви была закончена и тотъ же патріархъ освятилъ ее 18 октября 1685 года.

Въ 1812 году церковь такъ сильно пострадала, что потребовался основательный ремонтъ. Къ сожалѣнію, при производствѣ послѣдняго многія части стараго зданія были уничтожены и замѣнены новыми совершенно въ другомъ характерѣ. Такъ, напримѣръ, трехапсидные алтари замѣнены одноапсидными, расширены окна и двери, срублены древніе наличники и т. д.[1]). Однимъ словомъ, послѣ ремонта церковь Казанской Божіей Матери приняла совершенно иной видъ, въ которомъ едва можно узнать церковь, изображенную на рисункѣ Мартынова (рис. № 208), исполненномъ имъ съ какого-то оригинала, воспроизводившаго церковь въ ея первоначальномъ видѣ. Руководствуясь этимъ рисункомъ изданія Мартынова, сдѣлаемъ краткій очеркъ интересующаго насъ памятника. Планъ ея неясенъ и во всякомъ случаѣ размѣщеніе его отдѣльныхъ частей необычно. Дѣло въ томъ, что слѣва отъ колокольни виденъ трехапсидный алтарь придѣла, за которымъ не замѣтно алтарей главнаго храма; такимъ образомъ можно сдѣлать одно изъ слѣдующихъ двухъ предположеній: или за алтарями придѣла существовали невидимые на рисункѣ алтари главной части [въ этомъ случаѣ необычное положеніе занимаетъ колокольня, стоящая къ сѣверу отъ храма] или же алтари главной церкви находились на одной оси съ колокольней; въ послѣднемъ случаѣ колокольня стояла на своемъ традиціонномъ мѣстѣ — съ запада, а необычное мѣсто занимали алтари придѣла, обращенные на сѣверъ. Не согласно съ установившимися обычаями поставлены и боковые верхи главной церкви: они оріентированы по сторонамъ свѣта, т.-е. стоятъ въ центрѣ ската кровли, тогда какъ обыкновенно ихъ ставили на реб-

[1]) Смотри И. Снегирева въ Русской старинѣ А. Мартынова, тетрадь 14, стран. 142.

рахъ послѣдней: — т.-е. оріентировали по линіямъ SW — NO и NW — SO[1]). Общимъ пріемомъ композиціи главныхъ массъ церкви въ Старомъ Сущевѣ очень напоминаетъ уже знакомую намъ церковь Василія Кесарійскаго; много общаго было и въ характерѣ убранства этихъ двухъ храмовъ. Въ самомъ

Ц. Казанской Б. Матери въ Старомъ Сущевѣ.

Рис. 208. По А. Мартынову.

дѣлѣ, детали церкви Казанской Божіей Матери такъ же грубы, тяжелы и нескладны, какъ у церкви Василія Кесарійскаго; зодчіе этихъ двухъ памятни-

[1]) Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что разстановка главъ церкви въ Сущевѣ не представляетъ въ русскомъ зодчествѣ единичнаго случая; точно такъ же размѣщены главы на псковской единовѣрческой церкви Николы Новоявленнаго.

ковъ, не обладая ни фантазіей, ни художественнымъ вкусомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желая рабски копировать формы предшествующаго періода, передѣлывали и переставляли эти послѣднія по своему усмотрѣнію; вслѣдствіе этого отъ ихъ произведеній вѣетъ какимъ-то мертвымъ духомъ, и онѣ отмѣчены печатью бездарности. Считаемъ долгомъ оговориться, что исполненный Мартыновымъ рисунокъ церкви въ Сущевѣ страдаетъ многими погрѣшностями: перспектива въ немъ не вѣрна, и многія детали явно исполнены неправильно; поэтому слѣпо довѣрять ему нельзя; однако во всякомъ случаѣ въ неблагопріятномъ впечатлѣніи, оставляемомъ рисункомъ, виноватъ не одинъ только Мартыновъ, но и зодчій церкви. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на общее распредѣленіе массъ колокольни, на ея нескладныя и грубыя детали, а также на тяжелыя колонки трапезной и алтарныхъ апсидъ, соединенныхъ вверху узенькими полочками, которыя должны были играть роль карнизовъ. Кромѣ того, что Старо-Сущевская церковь въ первоначальномъ ея видѣ представляетъ для насъ интересъ, какъ памятникъ архитектуры переходнаго стиля, она не безынтересна и въ томъ отношеніи, что сводъ ея, при упомянутомъ размѣщеніи боковыхъ главъ, не могъ быть убранъ снаружи ярусами кокошниковъ, и, слѣдовательно, форма ея крыши всегда была четырехскатная. Какъ видно изъ рисунка, надъ карнизомъ церкви возвышается невысокая стѣна, раздѣленная на три части узкими лопатками, составляющими продолженіе нижнихъ лопатокъ; стѣны въ свою очередь заканчиваются вѣнчающимъ карнизомъ, а поверхности ея дѣленій украшены полуциркульными архивольтами, заполненными раковинами. Такимъ образомъ настѣнный рядъ кокошниковъ окончательно утерялъ въ настоящемъ случаѣ свой когда-то конструктивный смыслъ и превратился въ чисто декоративный мотивъ.

Другая церковь Казанской Божіей Матери, входившая въ составъ упраздненнаго въ 1814 году Георгіевскаго монастыря, построена также по благословенію патріарха Іоакима[1]), поэтому время ея постройки должно быть отнесено къ 1674—1690 годамъ XVII столѣтія. По характеру же наружныхъ уборныхъ формъ сооруженіе этой церкви, думается намъ, врядъ ли можно относить къ первой половинѣ патріаршества Іоакима; скорѣе оно произошло въ послѣдніе годы его жизни — въ концѣ 80-хъ годовъ XVII столѣтія.

Пріемъ плана этой монастырской церкви обыченъ для сооруженій конца разсматриваемаго вѣка (рис. № 209); въ немъ обращаетъ на себя вниманіе только главная часть храма, сама церковь, которая представляетъ собою значительно вытянутый по линіи сѣверо-югъ прямоугольникъ. Такой способъ

[1]) Смотри А. Мартыновъ. Русская Старина, тетрадь II. стран. 119.

примѣнялся чаще въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, а именно при устройствѣ многошатровыхъ церквей.

Подклѣта въ церкви нѣтъ. Низкая трапезная покрыта коробовымъ сводомъ съ пятью распалубками; средняя же часть, самая высокая, крыта лотковымъ сводомъ, у пять котораго находятся голосники. Всѣ пять главъ, опирающіяся на этотъ сводъ, имѣютъ глухія шеи. Своды низкаго[1]) алтаря по свидѣтельству П. М. Снегирева были въ его время затянуты связями, изъ которыхъ нѣкоторыя были сдѣланы изъ желѣза, а нѣкоторыя изъ дерева.

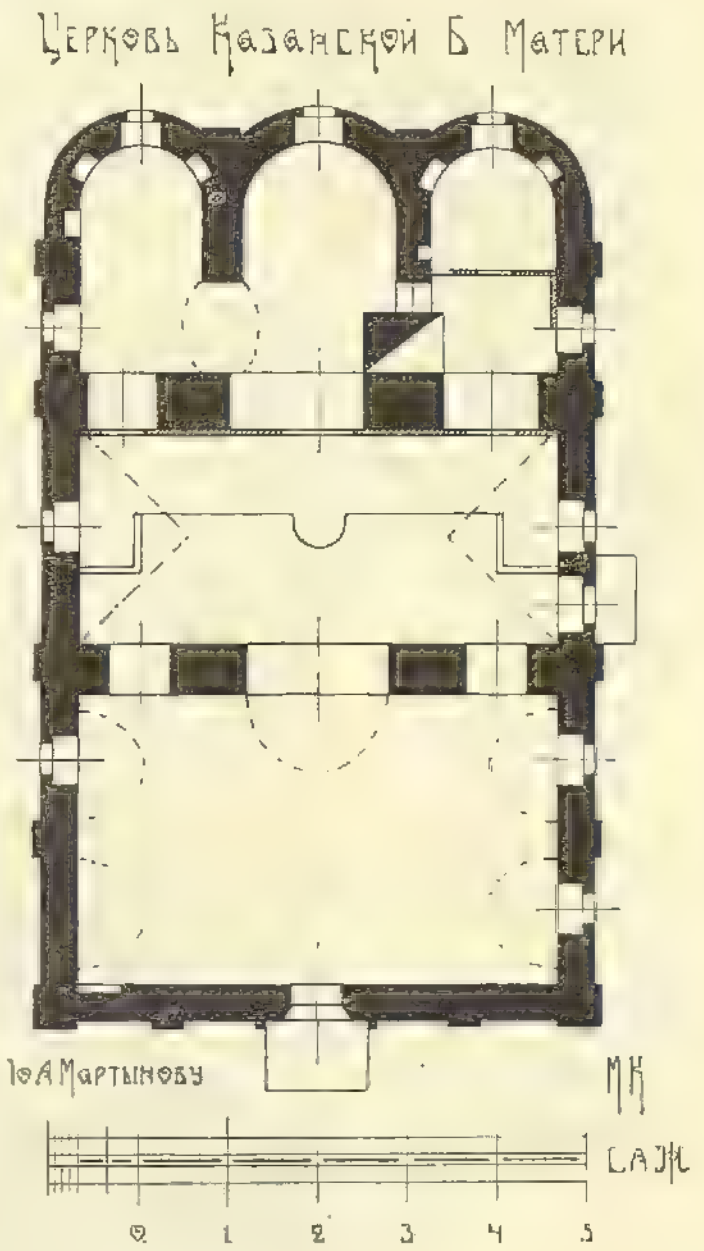


Рис. 209.

При взглядѣ на церковь снаружи вниманіе прежде всего останавливается на высокихъ и довольно грузныхъ пьедесталахъ, служащихъ непосредственными опорами для шей главъ (рис. № 210). У средней главы нижняя часть пьедестала закрыта скатами крыши, почему можно предполагать, что первоначальный уклонъ ея былъ меньше. Размѣщеніе пьедесталовъ по своду церкви таково, что невозможно предположить на немъ существованія ярусовъ кокошниковъ; дѣйствительно, восточныя и западныя грани пьедесталовъ находятся заподлицо съ соотвѣтствующими стѣнами церкви, а сѣверныя и южныя грани значительно отступаютъ внутрь ея прямоугольника; поэтому для устройства даже настѣннаго ряда кокошниковъ нѣтъ свободнаго мѣста ни съ западной стороны церкви, ни съ южной. Основываясь на этомъ соображеніи, нужно предположить, что зодчій разсматриваемаго памятника рѣшилъ почти окончательно отказаться отъ того пріема, который еще въ серединѣ столѣтія пользовался такимъ широкимъ распространеніемъ — онъ оставилъ кокошники только у подножія шей, которыя были ему необходимы, какъ переходъ отъ квадратныхъ въ планѣ пьедесталовъ къ цилиндрическимъ шеямъ.

На остальныхъ мотивахъ убранства церкви Казанской Божіей Матери останавливаться не будемъ, такъ какъ они не представляютъ для насъ ничего

[1]) Высота алтаря такая же, какъ и у трапезной.

новаго; замѣтимъ только, что они очень спокойны и на всѣхъ нихъ лежитъ замѣтный отпечатокъ знакомства зодчаго съ архитектурными пріемами Запада.

Всѣ разсмотрѣнные до сихъ поръ въ этой главѣ памятники Московскаго зодчества второй половины XVII вѣка говорятъ объ упадкѣ самобытнаго стиля, достигшаго высшей точки развитія въ серединѣ этого столѣтія; тотчасъ

Ц. Казанской Б. Матери упраздненнаго Георгіевскаго монастыря.

Рис. 210. По фот. М. Красовскаго.

послѣ церкви Св. Троицы въ Никитникахъ и Св. Николая въ Пыжахъ самобытныя формы начинаютъ постепенно тускнѣть и вырождаться. Къ нимъ начинаютъ примѣшиваться мотивы западнаго искусства, сначала робко и неувѣренно, но по мѣрѣ сближенія Москвы съ Западомъ это увлеченіе чужеземной архитектурой все усиливается, и казалось бы, что къ концу столѣтія самобытныя пріемы зодчества должны были бы настолько одряхлѣть и пріѣсться московскимъ зодчимъ, что послѣдніе уже были не въ силахъ создать что-

либо выдающеся въ отживающемъ стилѣ. Однако, на дѣлѣ этотъ стиль, прежде чѣмъ окончательно утонуть въ волнахъ западнаго вліянія, сдѣлалъ какъ бы послѣднее усиліе и, вспыхнувъ на мгновеніе яркимъ пламенемъ, оставилъ послѣ себя два дивныхъ памятника — церковь села Останкина и церковь въ селѣ Марковѣ.

Остановимся сначала на Останкинской церкви. Челобитная о разрѣшеніи постройки была подана княземъ Черкасскимъ въ 1677 году, а освященіе ея, какъ то свидѣтельствуетъ надпись на крестѣ, находящемся подъ престоломъ, состоялось только въ 1693 году.[1]) Возможно, конечно, что

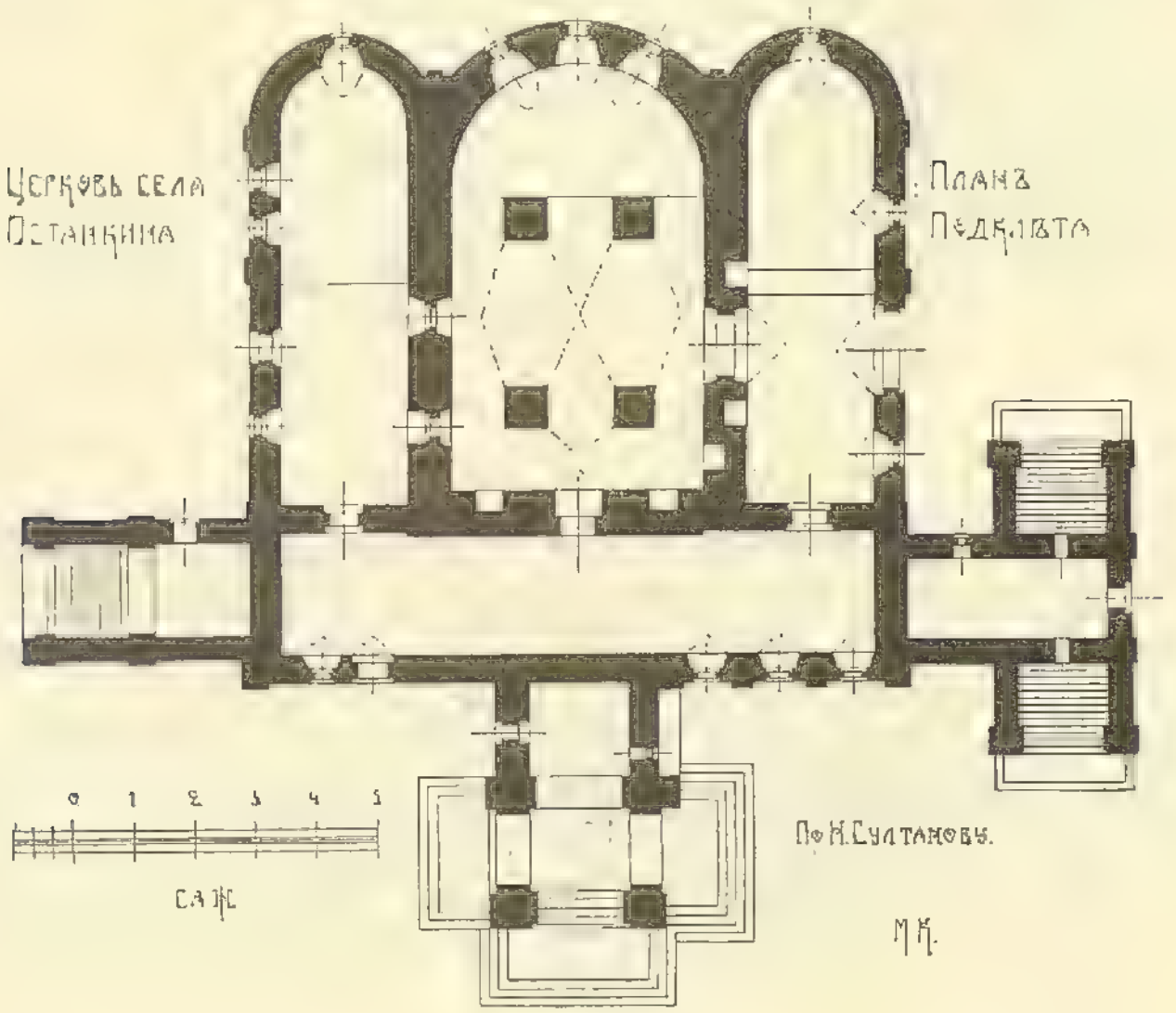


Рис. 211.

постройка церкви была закончена ранѣе 1693 года, но по неизвѣстнымъ намъ причинамъ ея освященіе пришлось отложить; какъ бы тамъ ни было, но во всякомъ случаѣ памятникъ этотъ былъ построенъ въ послѣдней четверти XVII столѣтія.

Церковь поставлена на подклѣтахъ, планъ которыхъ состоитъ изъ основного прямоугольника, заканчивающагося съ востока полуциркульной апсидой (рис. № 211); внутри этого прямоугольника стоятъ четыре массив-

[1]) Н. В. Султановъ. Рецензія на сочиненіе академика А. М. Павлинова: «Исторія Русской архитектуры», стран. 36.

ныхъ, квадратныхъ въ планѣ столба, служащихъ опорами для системы цилиндрическихъ и крестовыхъ сводовъ. Къ прямолинейнымъ сторонамъ основного подклѣта примыкаютъ второстепенные, изъ которыхъ сѣверный и южный заканчиваются съ востока полуциркульными апсидами. Всѣ эти подклѣты сообщаются между собою дверями; та изъ нихъ, которая ведетъ изъ главнаго подклѣта въ южный, походитъ по своей ширинѣ (1 саж.) скорѣе на ворота. Противъ нея въ южной стѣнѣ бокового подклѣта имѣются наружныя двери точно такой же ширины. Послѣдняя ясно указываетъ на назначеніе подклѣтовъ разсматриваемаго памятника: очевидно, они никогда

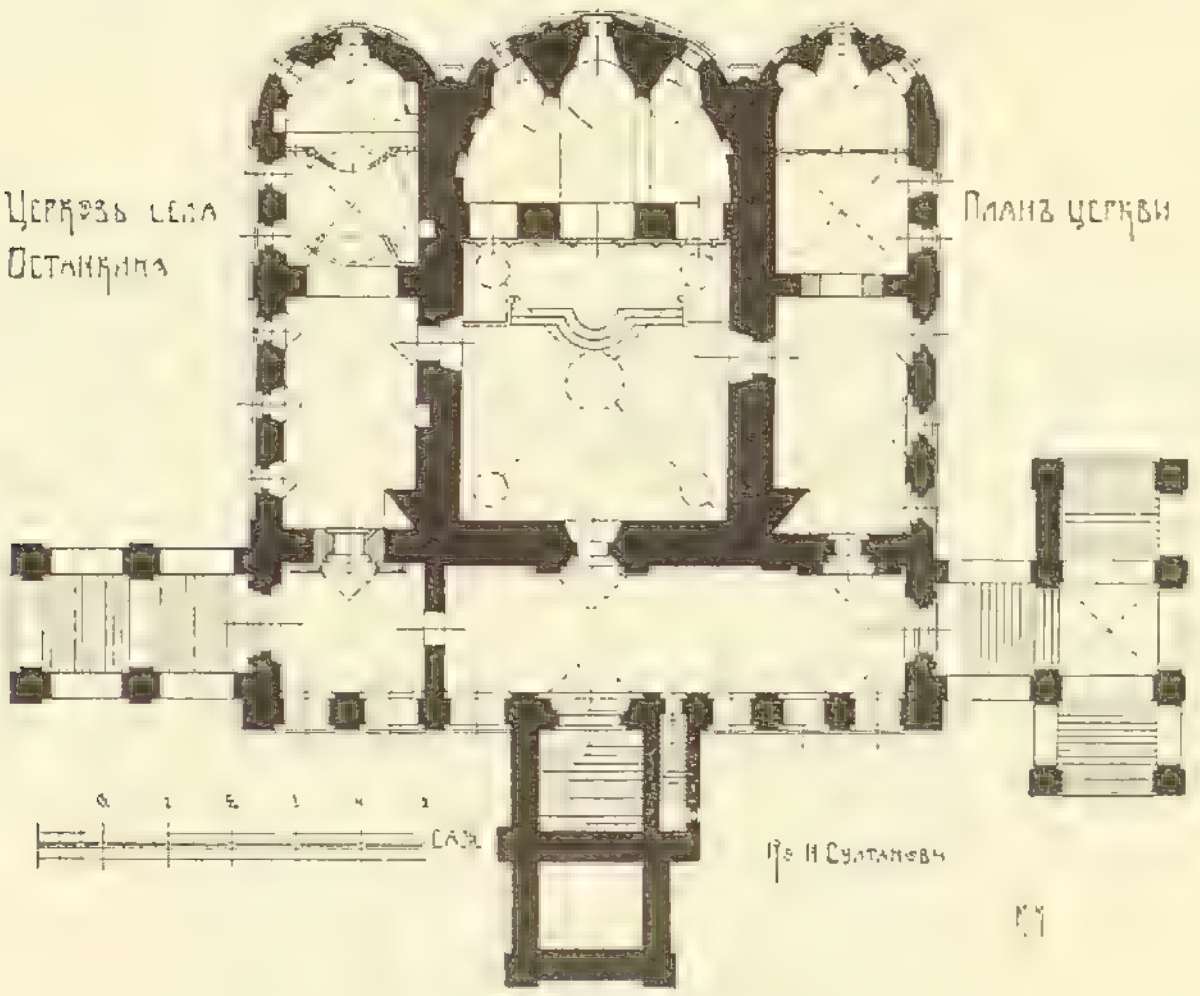


Рис. 212.

не были нижнимъ храмомъ, а служили для хозяйственныхъ надобностей, вѣроятно для храненія зерна, муки или овощей, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто еще и въ настоящее время въ большинствѣ церквей Ростова Великаго. У небольшихъ помѣщеній, находящихся подъ крыльцами, сообщенія съ подклѣтами нѣтъ—въ нихъ имѣются только наружныя двери.

Изъ сдѣланнаго описанія подклѣтовъ Останкинской церкви видно, что и планъ самой церкви въ общихъ его массахъ не представляетъ для насъ чего-нибудь новаго и имѣетъ близкое сходство съ планомъ церкви Св. Троицы въ Никитникахъ (Грузинской Божіей Матери). Что же касается деталей плана, то въ нихъ есть нѣкоторыя интересныя подробности (Рис. № 212).

Такъ апсида сѣвернаго придѣла, имѣя изнутри храма правильную полуциркульную форму, образована снаружи тремя дугами, въ точкахъ сопряженія которыхъ поставлены колонки. Точно такую же форму имѣютъ снаружи и два другихъ алтаря, но они и изнутри трехапсидные, при чемъ алтарь главнаго храма[1]) раздѣленъ на три части арками; въ южномъ же алтарѣ ихъ нѣтъ, и дуги, очерчивающія его планъ, настолько плоски, что при первомъ взглядѣ южный алтарь кажется одноапсиднымъ. Нужно еще замѣтить, что боковыя апсиды главнаго алтаря очерчены изнутри не дугами окружности, а параболическими кривыми, что придаетъ всему плану алтаря необычную для старо-русскаго зодчества форму.

Другая особенность Останкинской церкви заключается въ томъ, что сѣверная часть его ходовой паперти представляла въ сущности трапезную сѣвернаго придѣла; въ самомъ дѣлѣ, если судить по плану Н. В. Султанова, который подробнѣйшимъ образомъ изслѣдовалъ этотъ памятникъ при реставраціи 1878 года[2]), то эта часть паперти была замкнутымъ помѣщеніемъ, освѣщавшимся окнами, тогда какъ сѣверная и южная части были открытыми галлереями, т.-е. въ полномъ смыслѣ ходовыми папертями.

Въ общемъ планъ Останкинской церкви производитъ очень хорошее впечатлѣніе своею продуманностью, законченностью и правильностью разбивки. Если вглядываться въ него внимательно, то начинаетъ складываться предположеніе, что разбивка его на мѣстѣ была произведена по тщательно исполненному чертежу и что зодчій, строившій эту церковь, несмотря на его очевидно сильныя симпатіи къ пріемамъ національнаго зодчества, былъ хорошо знакомъ съ техническими пріемами западнаго искусства. Это яснѣе всего сказалось въ композиціи алтарныхъ апсидъ и въ приведеніи въ исполненіе этой композиціи.

Центральная часть зданія, т.-е. сама церковь, и оба придѣла покрыты сомкнутыми сводами, при этомъ никакихъ распалубокъ у этихъ сводовъ нѣтъ, такъ какъ пяты ихъ находятся значительно выше оконныхъ просвѣтовъ. Послѣдніе въ придѣлахъ расположены въ два яруса. Шея средняго верха церкви открытая, боковые же ея верхи, точно такъ же, какъ и верхи придѣловъ, глухіе. Паперти покрыты цилиндрическими сводами, въ которые врѣзаются распалубки, обусловленныя относительно высокими пролетами оконъ, арокъ и дверей.

Во внѣшнемъ видѣ Останкинской церкви, въ композиціи главныхъ ея массъ такъ же, какъ и въ планѣ, замѣтно много общихъ чертъ съ церковью

---

[1]) Во имя Св. Троицы.

[2]) Останкинская церковь долгое время стояла въ изуродованномъ видѣ; такъ, до 1878 года не было шатровъ ни надъ колокольней ни надъ южнымъ крыльцомъ; въ такомъ же печальномъ видѣ находилась и южная паперть.

Св. Троицы въ Никитникахъ. Однако, вліяніе западнаго искусства все же оставило на Останкинской церкви свои слѣды; поэтому, сильно напоминая въ общихъ массахъ церковь Св. Троицы, она отличается отъ послѣдней тѣмъ, что отдѣльныя ея массы болѣе тѣсно связаны между собою, и связь

Церковь села Останкина.

Западный фасадъ.

Рис. 213. По Н. Султанову.

эта скомпанована опытною рукою зодчаго, видимо знакомаго съ тѣми правилами архитектурной композиціи, которыми руководствовалось искусство Западной Европы. Другими словами, въ Останкинской церкви нѣтъ такихъ недочетовъ, какъ перерѣзанныя по серединѣ колонки или сдвинутыя на сторону раскреповки карниза, какія мы видѣли въ церкви Троицы въ Никитникахъ. Это подтверждаетъ высказанное уже нами предположеніе, что, прежде

чѣмъ приступить къ постройкѣ, зодчій сдѣлалъ подробные чертежи церкви и при этомъ сдѣлалъ ихъ не эскизно, и разработалъ очень подробно, тщательно обдумавъ каждую деталь (рис. №№ 213, 214 и 215).

Д. Села Ростаникина.
Южный фасадъ.

Рис. 214. По М. Султанову.

Переходя къ обзору деталей, замѣтимъ слѣдующее: во-первыхъ, общій характеръ ихъ совершенно русскій; при этомъ зодчій, примѣняя декоративные мотивы, не перетасовывалъ ихъ безсмысленно, какъ это дѣлали зодчіе нѣкоторыхъ изъ разсмотрѣнныхъ нами памятниковъ, совершенно упуская изъ вида конструктивное происхожденіе деталей; во-вторыхъ, черпая основные мотивы изъ убориыхъ формъ самобытнаго искусства середины XVII вѣка.

онъ все же не могъ себя совершенно изолировать отъ вліянія современныхъ вкусовъ, и поэтому на деталяхъ Останкинской церкви лежитъ отпечатокъ времени, сказывающійся въ нѣсколько излишнемъ богатствѣ узорныхъ мотивовъ и мѣстами въ ихъ вычурности. Наконецъ характеризуя детали Останкинской церкви, нужно сказать, что всѣ онѣ, включая самыя мелкія, говорятъ

Церковь села Останкина. Восточный фасадъ.

Рис. 215. По Н. Султанову.

объ удивительно тонкомъ художественномъ вкусѣ ихъ автора и о замѣчательномъ мастерствѣ, съ которымъ онъ распоряжался ими.

Мы не имѣемъ возможности сдѣлать полнаго обзора деталей Останкинской церкви, — это должно быть задачей отдѣльнаго труда; поэтому остановимся на нихъ лишь настолько, чтобы оправдать сдѣланную апріорную оцѣнку.

Для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что общій характеръ декораціи Останкинской церкви совершенно русскій, что зодчій въ своемъ произведеніи явно подчеркивалъ свою антипатію къ мотивамъ западной архитектуры, для этого только стоитъ бросить взглядъ на фасады интересующаго насъ памятника. Мы видимъ здѣсь коробовыя арки и перемычки, съ заполненіемъ ихъ двойными и тройными подвѣсными арочками [1]); квадратные въ планѣ столбы, украшенные ширинками; всевозможные виды кокошниковъ, въ большинствѣ случаевъ правильно понимаемыхъ; богатѣйшіе карнизы съ незначительными свѣсами и съ едва намѣченнымъ дѣленіемъ на архитравъ, фризъ и вѣнчающій карнизъ; дѣленіе фасадовъ придѣловъ лопатками; группы угловыхъ колонокъ; оконные наличники, въ которыхъ главную роль играютъ балясины, кувшинчики и кокошники; наконецъ, луковичную форму главъ, — это все хорошо знакомые намъ мотивы, которыми убраны церкви Тайнинская, Грузинская, Николы въ Пыжахъ и другія, принадлежащія къ эпохѣ полнаго расцвѣта самобытнаго искусства.

Нѣтъ надобности распространяться и въ подтвержденіе того, что всѣ эти отдѣльные мотивы архитектурнаго убранства связаны въ одно архитектурное цѣлое удивительно грамотно, если можно такъ выразиться, и строго, но въ то же время не сухо и не педантично; чтобы убѣдиться въ этомъ, опять-таки достаточно взглянуть на фасады Останкинской церкви. Для подтвержденія нашего замѣчанія относительно нѣсколько излишняго богатства декораціи укажемъ на обработку колокольни и придѣловъ: здѣсь почти совсѣмъ не видно гладкихъ поверхностей; онѣ едва замѣтны мѣстами между сѣткой карнизовъ, тягъ, ширинокъ, наличниковъ и другихъ мотивовъ, какъ, напримѣръ, кокошниковъ на восточныхъ стѣнахъ придѣловъ, поставленныхъ на подобія подоконныхъ тягъ и въ сущности ничѣмъ не оправдывающихъ своего существованія. Днища всѣхъ ширинокъ украшены либо поливными, многоцвѣтными изразцами, либо кувшинчиками; послѣдніе мѣстами замѣнены прекрасно исполненными розетками («рѣпьями»). Однако надо отдать зодчему долгъ справедливости: онъ сконцентрировалъ все богатство убранства на средней (по высотѣ) части зданія, а стѣны подклѣтовъ и верхнюю часть церкви выдержалъ въ простыхъ и спокойныхъ линіяхъ; въ этомъ сказалась его архитектурная чуткость; направляемый ею зодчій вполнѣ опредѣленно сознавалъ, что низъ зданія долженъ носить характеръ прочности и солидности, слѣдовательно богатое убранство тутъ неумѣстно, а вверху зданія богатая и черезчуръ расчлененная декорація пропадала бы, такъ какъ

---

[1]) Подвѣсныя арки, какъ мы объ этомъ уже говорили, занесены къ намъ итальянцами, но въ XVII-мъ вѣкѣ онѣ на своей родинѣ уже не употреблялись, слѣдовательно ихъ обширное примѣненіе у насъ въ этомъ столѣтіи никакъ не можетъ быть объясняемо вліяніемъ Запада.

на значительной высотѣ даже острый глазъ не могъ бы уловить ея вполнѣ ясно и отчетливо; она сливалась бы въ одно туманное пятно. Вотъ почему всѣ кокошники верхней части главной церкви и придѣловъ скомпанованы изъ довольно крупныхъ обломовъ, которые становятся тѣмъ проще, чѣмъ выше помѣщенъ кокошникъ. Просто, но въ то же время красиво и раціонально устроены переходы отъ квадратныхъ въ планѣ пьедесталовъ къ цилиндрическимъ шеямъ. Пьедесталы четырехъ боковыхъ шей имѣютъ значительную вышину и соединены между собою невысокими стѣнками, покрытыми сверху не рядами кокошниковъ, а простыми скатами крыши; такой пріемъ въ смыслѣ отвода дождевой воды, конечно, гораздо болѣе раціоналенъ, нежели ряды кокошниковъ.

Деталь окна Останкинской церкви.

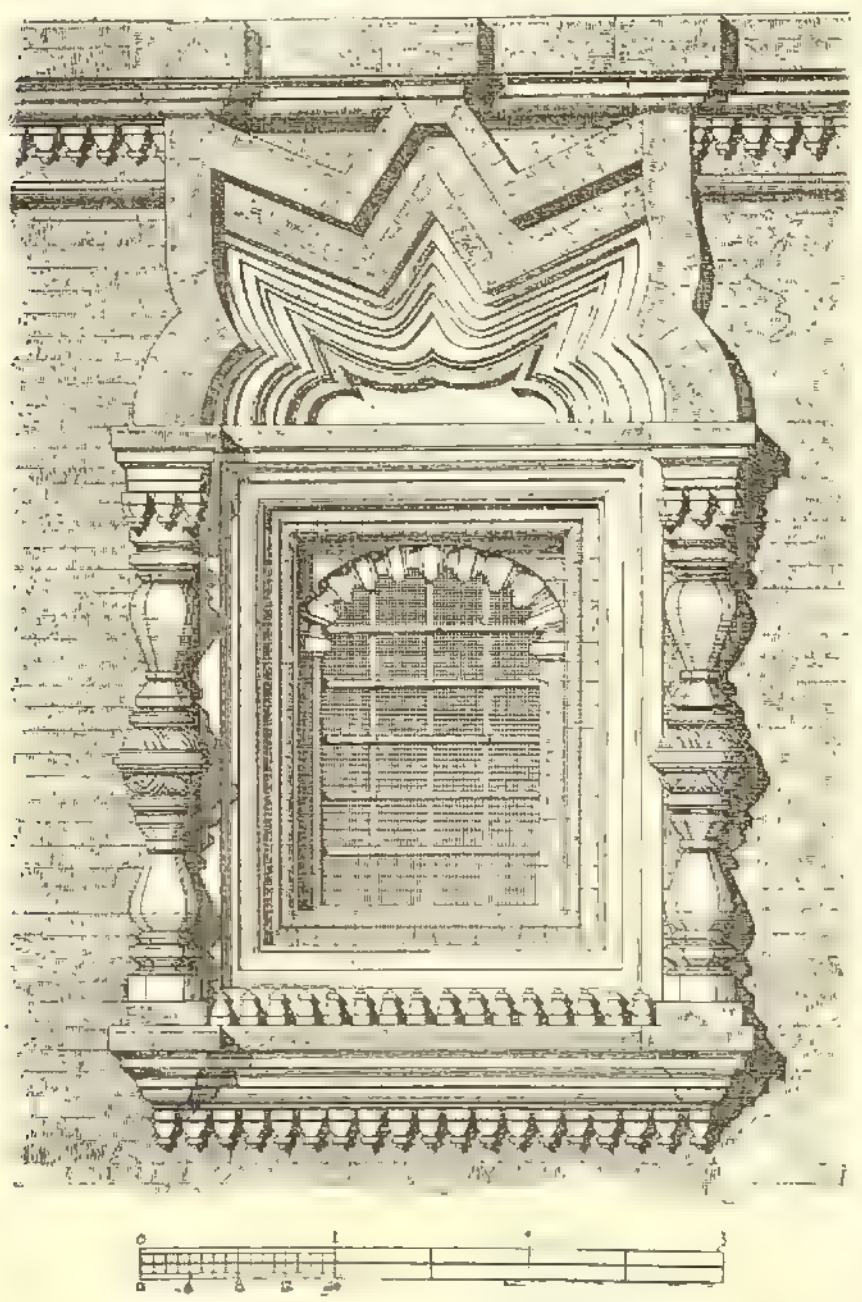


Рис. 216. По Н. Султанову.

Чтобы не возвращаться больше къ верхамъ Останкинской церкви замѣтимъ теперь же, что арочки и балясины шей детализированы мощно и просто, благодаря чему ихъ прекрасно видно снизу. Луковичныя главы главной массы зданія по формѣ довольно близки къ главамъ церкви Св. Троицы въ Никитникахъ, но діаметры ихъ пучинъ больше, нежели у послѣдней. Что же касается формы главъ придѣловъ, то она нѣсколько утрирована: пучина луковицъ слишкомъ велика по сравненію съ ихъ высотой, поэтому эти главы, если смотрѣть на нихъ снизу, кажутся приплюснутыми и нависающими надъ шеями. Тѣмъ не менѣе, несмотря на этотъ недостатокъ, всѣ главы Останкинской церкви производятъ въ общемъ хорошее впечатлѣніе, потомучто онѣ по размѣрамъ пропорціональны остальнымъ частямъ зданія, тогда какъ въ Тайнинской церкви, у собора Знаменскаго монастыря и у церкви Николы въ Столпахъ онѣ слишкомъ малы и поэтому плохо вяжутся съ нижележащими частями.

Теперь перейдемъ къ обзору тѣхъ архитектурныхъ формъ памятника, которыя своею вычурностью сближаютъ его съ церквами упадка самобытнаго искусства. Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаютъ на себя вниманіе наличники среднихъ оконъ апсидъ (рис. №№ 216 и 217). Ихъ звѣздообразные верхи представляютъ собою окончательную стадію развитія той формы, зачатокъ которой мы видѣли въ церкви Рождества Христова, что

Деталь окна Останкинской церкви.

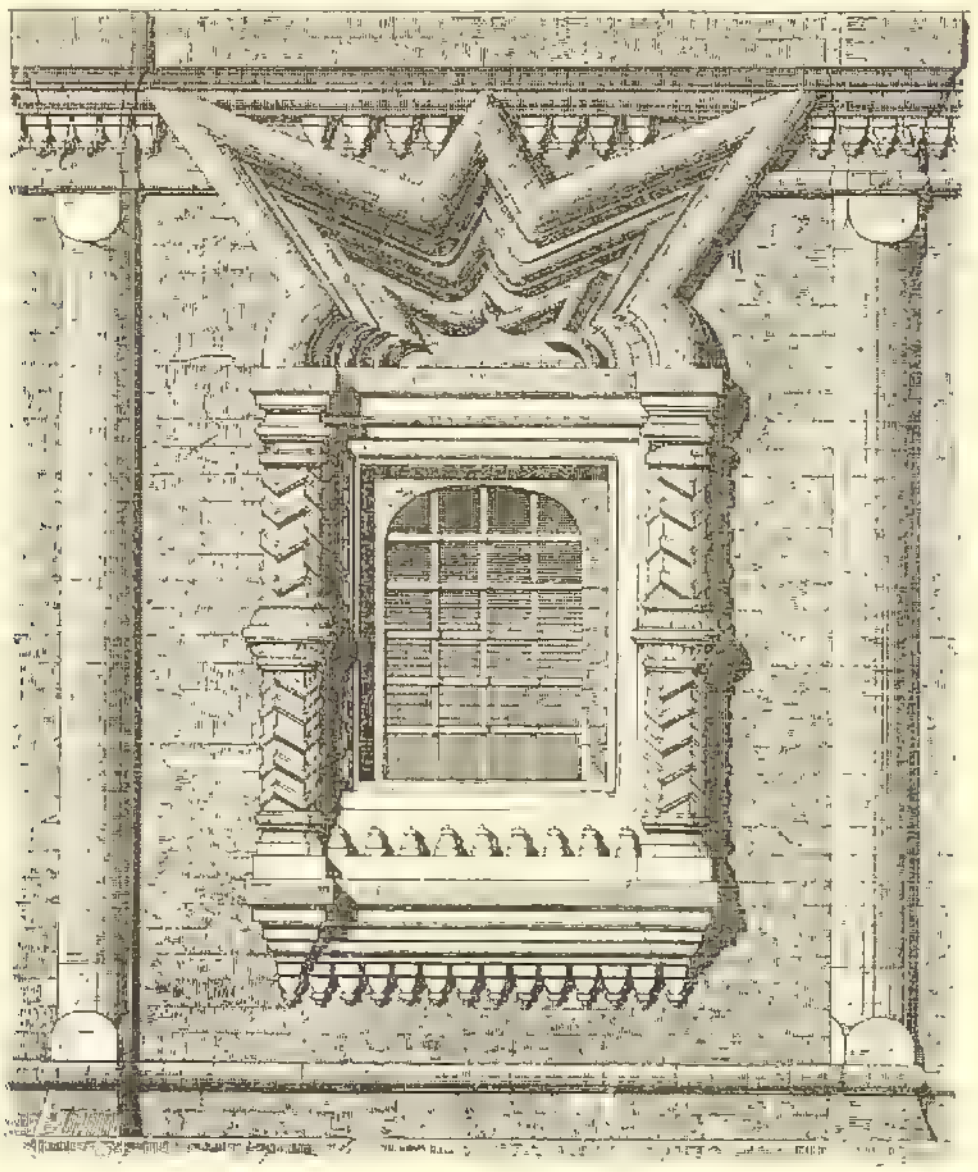


Рис. 217. По М. Султанову.

въ селѣ Измайловѣ. Въ этой чисто-декоративной и притомъ крикливой формѣ совершенно нельзя угадать ея первообраза — закаморы; но зато она вполнѣ оправдываетъ свое названіе — «кокошникъ», такъ какъ дѣйствительно скорѣе похожа на тѣ довольно безобразные, рогатые головные уборы, которыми украшали себя русскія женщины XVII-го столѣтія, нежели на архитектурный мотивъ, имѣющій въ основѣ конструктивное начало. Кромѣ того, что форма этихъ верховъ не раціональна, она къ тому же и громоздка

въ особенности у наличника средней апсиды. Зодчій, вѣроятно, самъ это чувствовалъ и, чтобы нѣсколько сгладить непріятное впечатлѣніе, связалъ наличникъ съ карнизомъ, прихвативъ къ нему концы звѣзды при помощи раскреповокъ.

Стремленіе зодчаго къ вычурности сказалось и въ томъ рядѣ балясинокъ, вѣрнѣе «стаминовъ», которые онъ поставилъ на верхней полкѣ подоконниковъ. Не говоря уже о томъ, что эти стамики должны накоплять на себѣ

Деталь главной части Ростанкинской церкви.

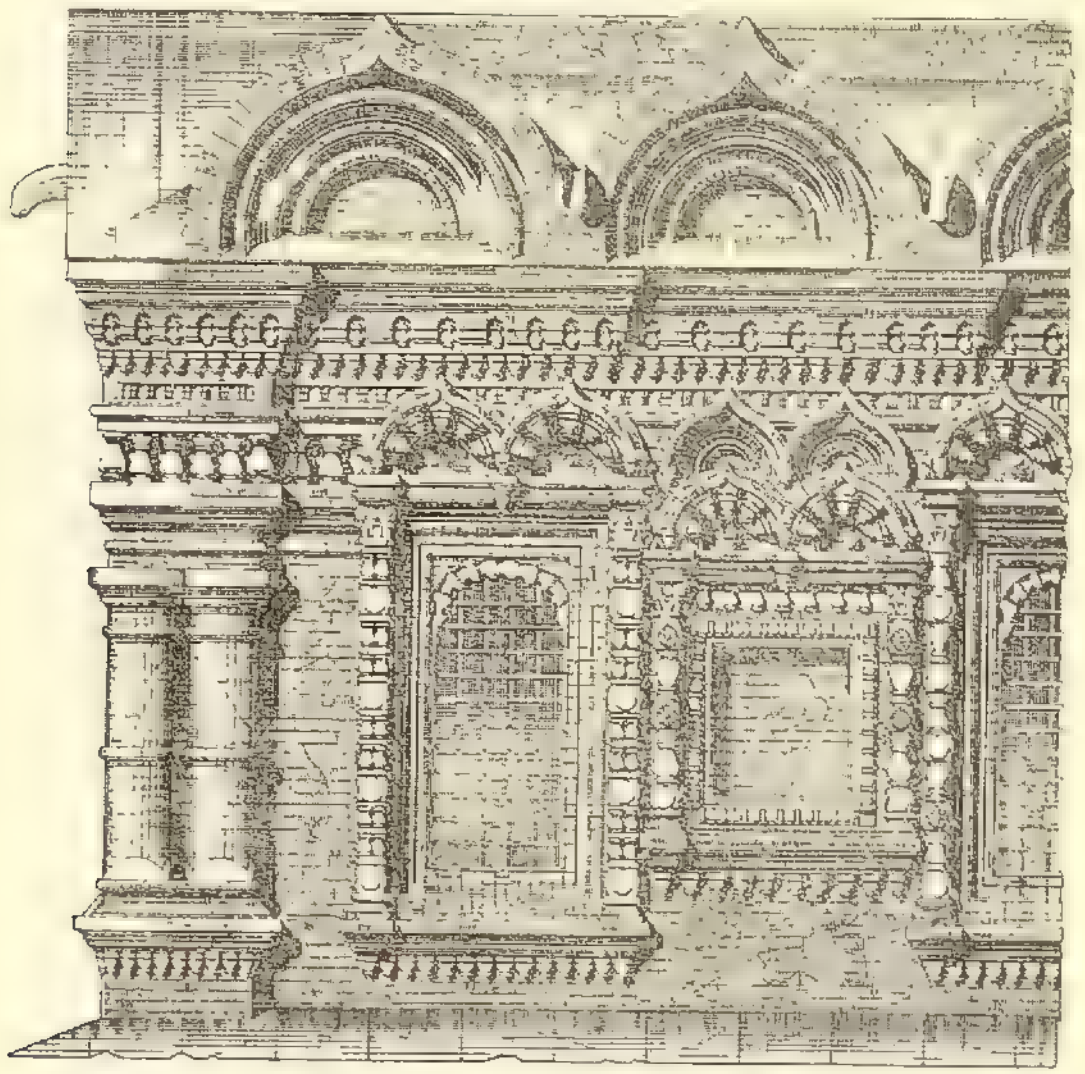


Рис. 218. По Н. Султанову.

груды снѣга, они безпокойны и непріятны, какъ повтореніе почти рядомъ одного и того же пріема — такіе же стамики, только обращенные остріями внизъ, находятся внизу подоконниковъ; получается что-то вродѣ двусторонней частой гребенки. Мотивъ этотъ повторяется почти у всѣхъ оконъ.

Не менѣе вычурна композиція кіотовъ, находящихся на стѣнахъ главной массы зданія, въ особенности на сѣверной и южной (рис. № 218). Надъ верхними тягами наличниковъ этихъ кіотовъ зодчій помѣстилъ двѣ пары кокошниковъ, наружные архивольты которыхъ опираются на кронштейны,

имѣющіе форму «серегъ». Такими же серьгами украшены и внутреннія поверхности наружныхъ архивольтовъ верхней пары кокошниковъ. Подъ верхней тягой кіотовъ размѣщенъ рядъ мелкихъ кувшинчиковъ, которые ни на что не опираются, а просто вдѣланы въ стѣну и вслѣдствіе этого имѣютъ очень неконструктивный видъ. Вообще зодчій Останкинской церкви, видимо, чувствовалъ большое пристрастіе къ кувшинчикамъ, стамикамъ и серьгамъ: онъ помѣстилъ ихъ всюду, гдѣ только это оказалось возможнымъ. Такъ, серьгами

Деталь галлереи Останкинской церкви.

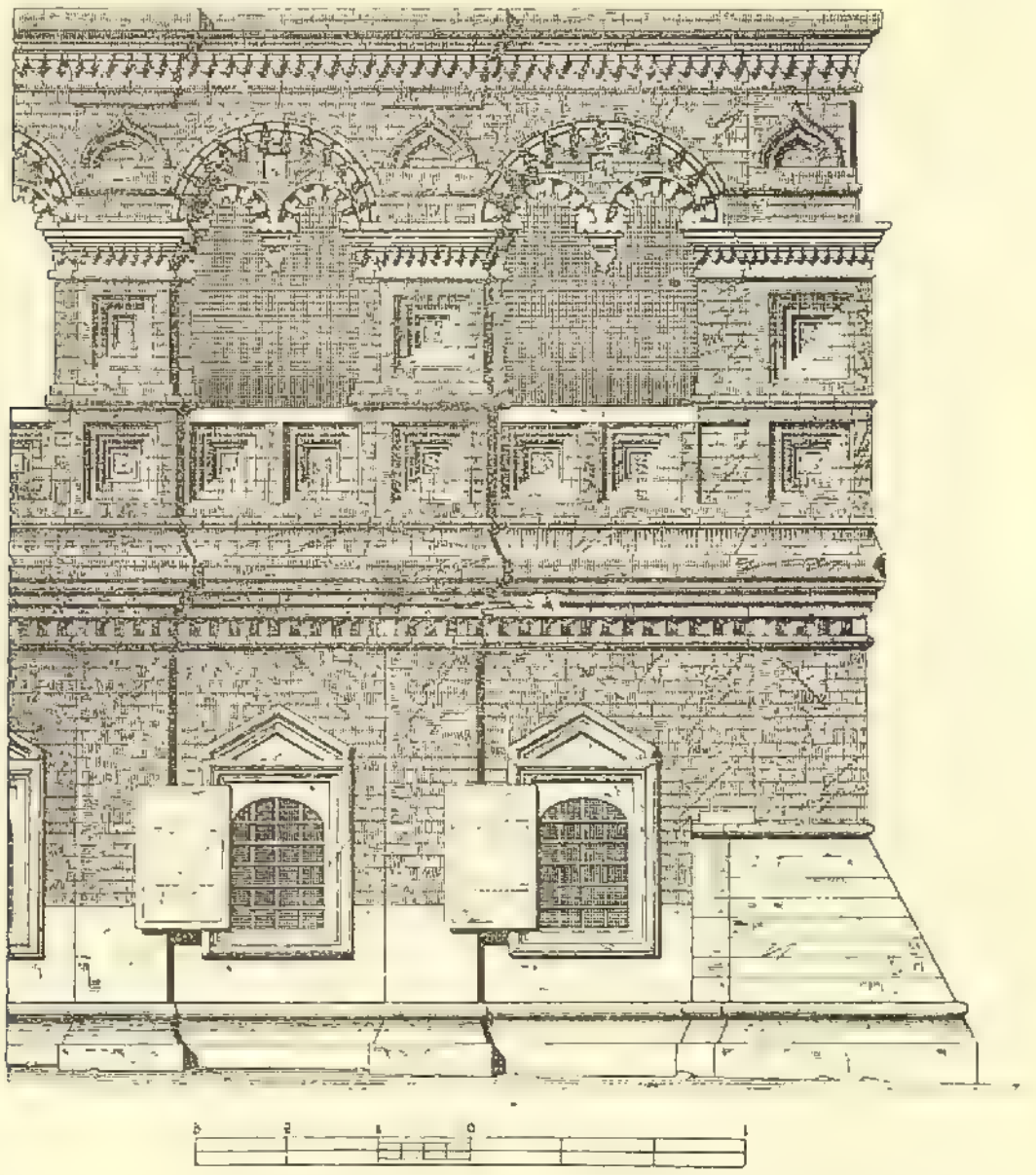
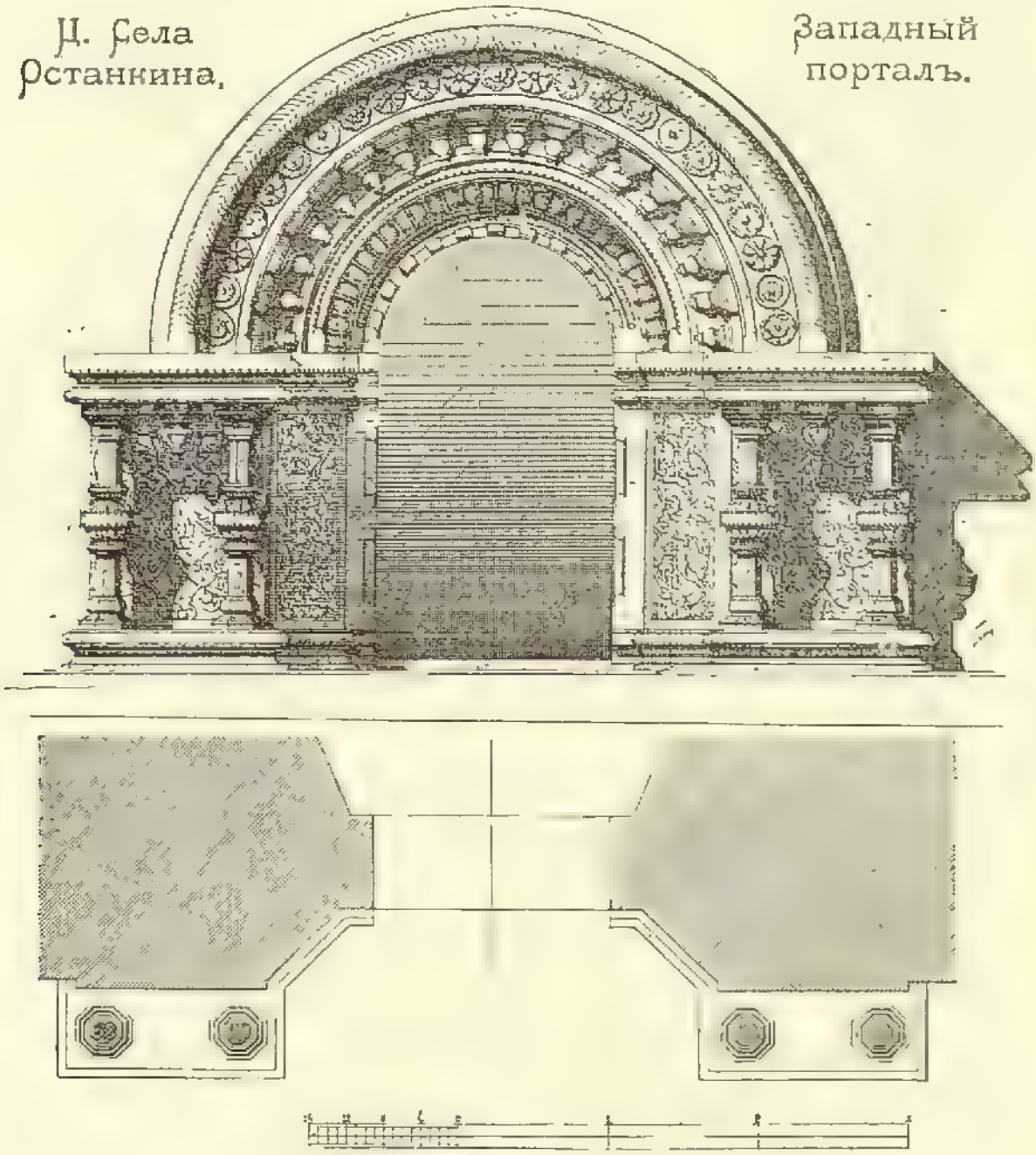


Рис. 219. По Н. Султанову.

убраны внутреннія поверхности арокъ галлерей (рис. № 219), фризы карнизовъ, низы подоконныхъ тягъ и наружные обломы архивольтовъ у нѣкоторыхъ кокошниковъ. Балясники или ихъ разновидности (стамики, кувшинчики) украшаютъ днища ширинокъ и входятъ въ составъ оконныхъ наличниковъ и карнизовъ. Остановимся попутно на вѣнчающемъ карнизѣ главной части церкви [1])

[1]) Карнизы придѣловъ скомпанованы почти такъ же, какъ и карнизъ главной части; на углахъ (на раскреповкахъ) нѣтъ только большихъ балясинъ, украшающихъ раскреповки главнаго карниза.

Общая высота его очень значительна[1]) и почти равняется высотѣ угловыхъ колонокъ (рис. 218). Подъ кокошниками и на углахъ карнизъ раскрепованъ; среднія раскреповки представляютъ собою остатки того тройного дѣленія фасадовъ, отъ котораго не считалъ возможнымъ отступить ни одинъ зодчій XVI и начала XVII вѣка. Строитель Останкинской церкви, конечно, могъ и не дѣлать среднихъ раскреповокъ; для этого ему надо было бы только немного отодви-



Ц. села Останкина. Западный порталъ.

Рис. 220. По Н. Султанову.

нуть кокошники отъ края карниза, но, очевидно, вѣковая традиція была сильнѣе его и поэтому онъ подчинился ей, тѣмъ болѣе, что карнизъ отъ этого нисколько не проигралъ. Вычурность сказывается не въ раскреповкахъ, а въ рядѣ серегъ и стамиковъ; послѣдніе помѣщены въ нишкахъ пояса навѣсныхъ бойницъ и поэтому производятъ безпокойное впечатлѣніе, сильно пестря

[1]) 1 саж. 5 верш.

карнизъ и безъ того излишне богатый благодаря балясинамъ, поребрику и серьгамъ.

Наконецъ, къ той же категоріи вычурныхъ формъ нужно отнести кокошники боковыхъ оконъ всѣхъ апсидъ и ихъ кіотовъ. Правда, они не такъ причудливы, какъ верхи среднихъ оконъ, но все же чрезмѣрно пестры и изощренны. Особенно въ этомъ отношеніи останавливаетъ на себѣ вниманіе кокошникъ лѣваго окна большой апсиды его наружная трехцентровая кривая не гармонируетъ съ килевой формой промежуточныхъ кривыхъ, которыя

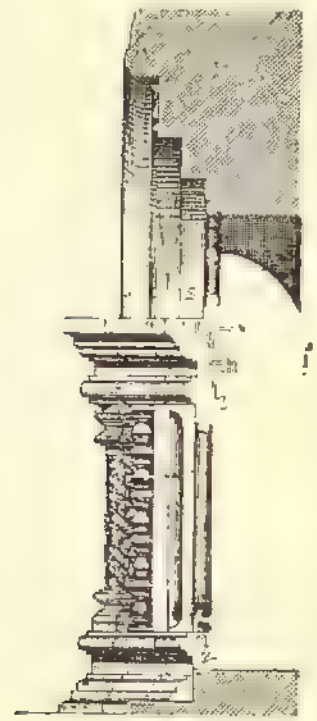


Рис. 221.

Ц. Села Рстанкина. Боковой порталъ.

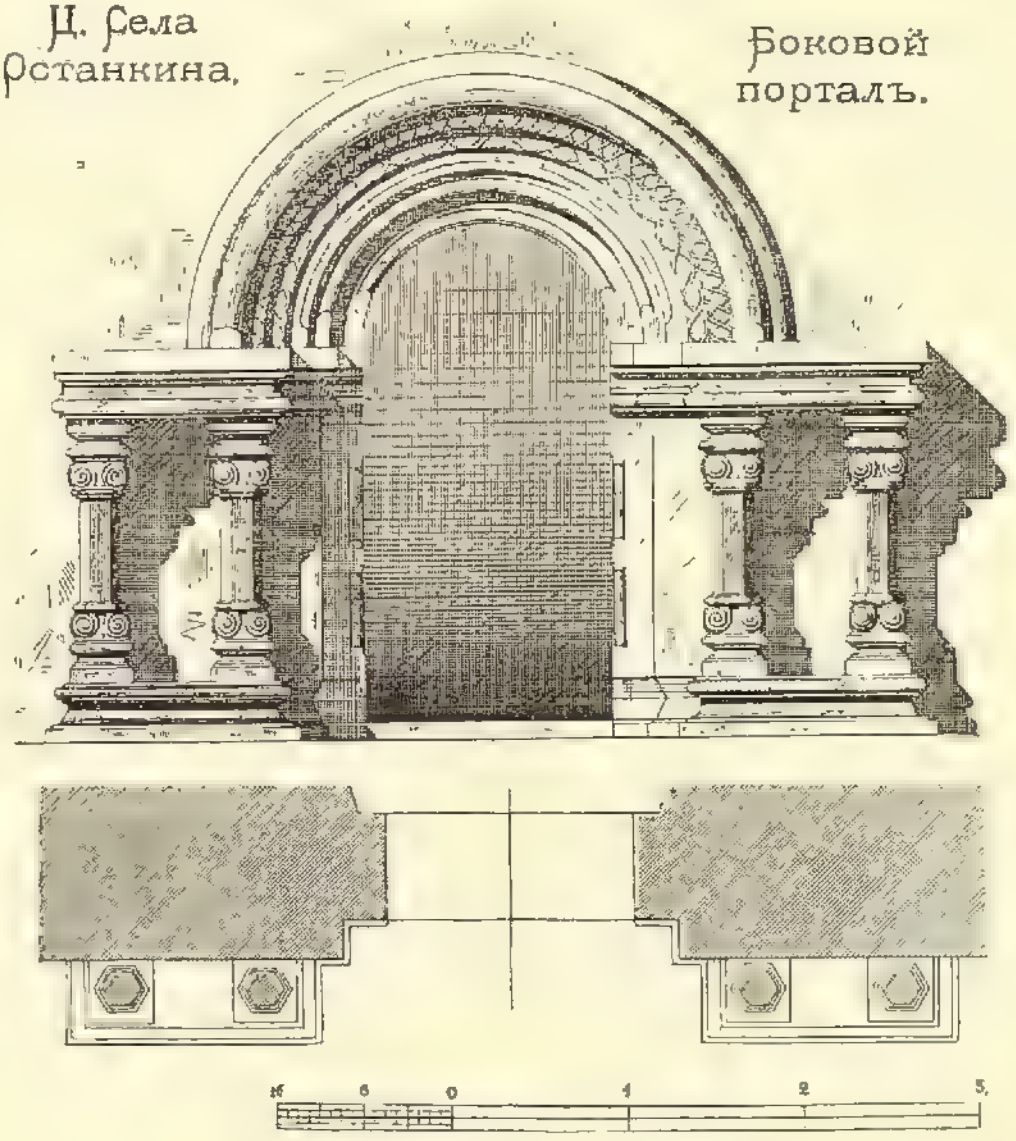


Рис. 222. По Н. Султанову.

въ свою очередь не вяжутся съ двумя внутренними, имѣющими трехлопастную форму. Что же касается кокошниковъ кіотовъ, то мотивъ ихъ имѣетъ много общаго съ верхомъ кіота церкви села Богородскаго, о которомъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ.

Однако, несмотря на то, что всѣ разсмотрѣнные нами детали до извѣстной степени вычурны, онѣ въ то же время не противорѣчатъ тому, что строитель Останкинской церкви обладалъ изящнымъ вкусомъ.

Вѣнцомъ всей его работы является западный порталъ (рис. № 220): онъ поразительно красивъ какъ общимъ своимъ замысломъ, такъ и мель-

чайшими деталями, которыя не только скомпанованы, но также исполнены безукоризненно. Остальные порталы спроектированы въ томъ же духѣ, но болѣе просто (рис. №№ 221 и 222). Въ южномъ порталѣ западной галлереи интересны волюты, помѣщенныя на капителяхъ и базахъ его шестигранныхъ колонокъ.

Что касается строительныхъ матеріаловъ, то они настолько же разнообразны, какъ и въ памятникахъ разсмотрѣнныхъ ранѣе: кирпичъ простой и лекальный, естественный камень, поливные изразцы, черепица и, наконецъ, желѣзо.

Заканчивая этотъ краткій очеркъ церкви села Останкина, нельзя не пожалѣть, что имя ея зодчаго намъ неизвѣстно; оно безспорно достойно занять мѣсто въ ряду именъ великихъ мастеровъ архитектуры, умѣвшихъ соединить въ своихъ произведеніяхъ всѣ тѣ условія, которыя, удовлетворяя вкусамъ данной эпохи, въ то же время даютъ въ своей совокупности вѣчно прекрасный памятникъ искусства.

Теперь перейдемъ къ обзору церкви села Маркова, расположеннаго на берегу рѣки Москвы въ трехъ верстахъ отъ уѣзднаго города Бронницъ. Время постройки этого интереснѣйшаго памятника русскаго искусства должно быть отнесено къ 70-мъ годамъ XVII столѣтія, такъ какъ въ дозорныхъ книгахъ патріаршаго приказа 1680 года говорится: «—....въ селѣ Марковѣ, церковь каменная во имя Пресвятыя Богородицы Казанскія.... строеніе боярское»[1]). Слѣдуя хронологическому порядку, намъ слѣдовало бы разсмотрѣть Марковскую церковь значительно раньше Останкинской, но имѣя въ виду общность стиля этихъ двухъ памятниковъ, мы сочли возможнымъ отступить отъ этого порядка.

По своему плану (рис. № 223) церковь села Маркова значительно отличается отъ другихъ церквей XVII столѣтія, представляя собою какъ бы конечную стадію развитія того типа церквей, въ которыхъ къ центральной квадратной части примыкаютъ нѣсколько придѣловъ, соединенныхъ другъ съ другомъ ходовыми папертями. Дѣйствительно, до сихъ поръ мы видѣли двухпридѣльныя церкви, при чемъ придѣлы примыкали къ главному храму у восточныхъ концовъ его сѣверной и южныхъ стѣнъ; въ церкви же села Маркова, въ первоначальномъ ея видѣ, существовало кромѣ двухъ обычныхъ придѣловъ еще два, которые примыкали къ западнымъ концамъ сѣверной и южной стѣнъ главной церкви. Кромѣ этой, главной особенности плана разсматриваемой церкви есть еще и другія; такъ въ главномъ квадратѣ находятся два круглыхъ столпа, отстоящихъ на равномъ разстояніи[2]) отъ стѣнъ западной, сѣверной и южной. Очевидно, зодчій рѣшился прибѣгнуть

---

[1]) Н. В. Султановъ (Зодчій 1883 годъ, стран. 52) говоритъ, что церковь села Маркова построена въ 1690 году княземъ Яковомъ Никитичемъ Одоевскимъ, но не указываетъ, откуда заимствована эта дата.

[2]) 1 саж. 8 верш.

къ этому, давно не практиковавшемуся пріему изъ боязни перекрыть сомкнутымъ сводомъ довольно значительную площадь[1]).

Отъ ходовыхъ паперти, огибавшихъ въ предшествующую эпоху церковь съ трехъ сторонъ, остались только незначительныя части, такъ какъ западные ихъ концы отошли подъ вторую пару придѣловъ. Алтари послѣднихъ имѣли полуциркульную форму, при чемъ часть другихъ апсидъ ясно вырисовывалась на западныхъ стѣнахъ ходовыхъ паперти, какъ это еще до сихъ поръ видно въ сѣверо-западной части храма. Здѣсь же видимъ въ толщѣ стѣнъ проходъ, соединяющій между собою сѣверную и западную паперти. Точно такимъ же образомъ была скомпанована и юго-западная часть плана, но теперь она находится уже въ измѣненномъ видѣ: проходъ заложенъ, уничтоженъ алтарь юго-западнаго придѣла, сдвинута и увеличена южная дверь главной церкви, и, наконецъ, юго-восточный придѣлъ соединенъ съ папертью широкой аркой. Всѣ эти передѣлки были, вѣроятно, произведены въ половинѣ минувшаго столѣтія, когда было уничтожено древнее западное крыльцо и построена колокольня, совершенно не отвѣчающая стилю церкви.

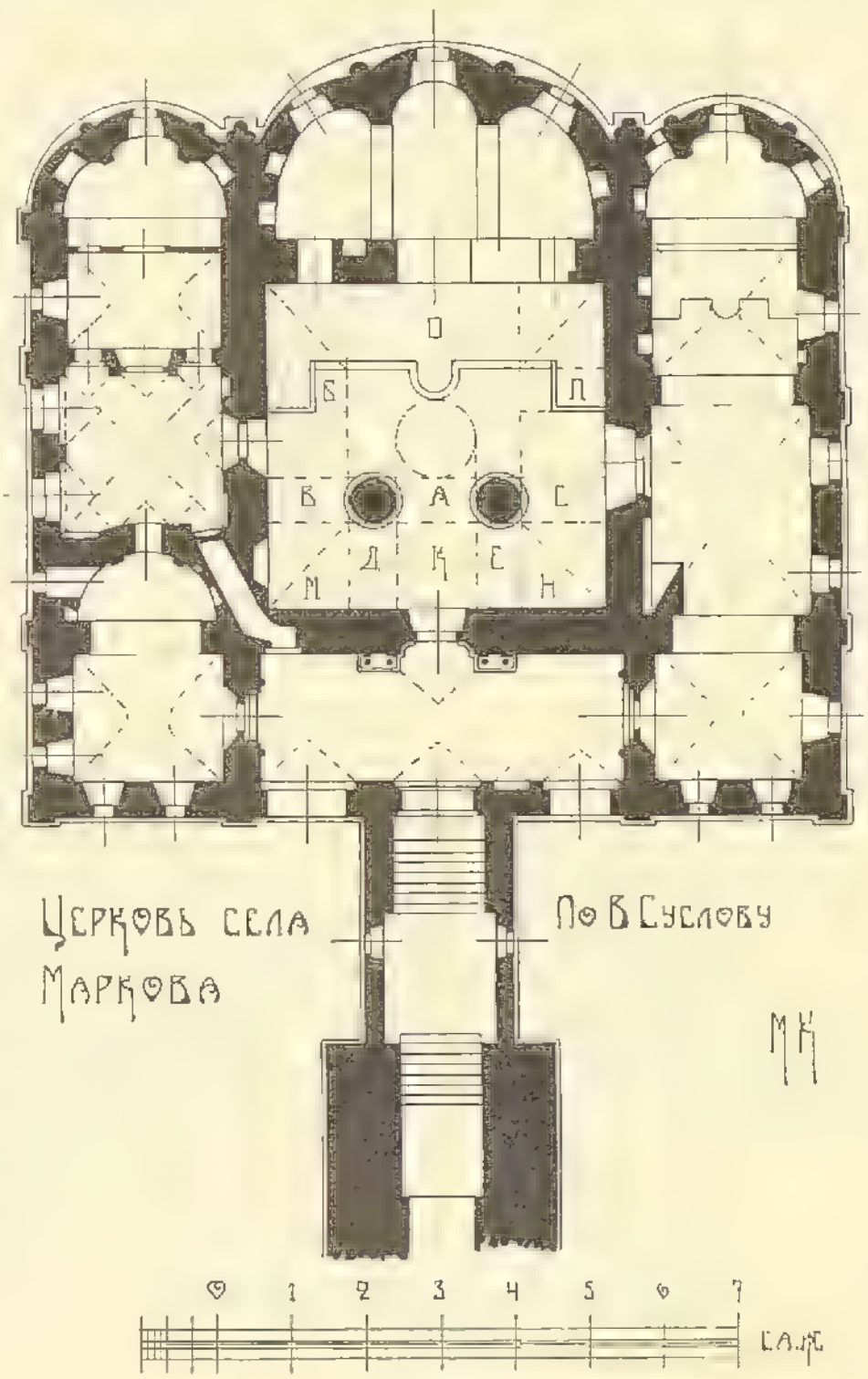


Рис. 223.

Что же касается главнаго алтаря и алтарей восточныхъ придѣловъ, то они спроектированы въ планѣ совершенно въ томъ же духѣ, что и алтари Останкинской церкви.

[1]) 4 саж. 1,5 арш. × 4 саж. 1 арш. 3 верш.

Въ зависимости отъ присутствія двухъ лишнихъ, по сравненію съ предыдущими памятниками, придѣловъ измѣнялась и группировка главныхъ массъ храма; тѣмъ не менѣе центральная часть значительно выше боковыхъ — высота стѣнъ отъ пола до пятъ свода равняется тремъ саженямъ и двумъ

Церковь села Маркова.

Продольный разрѣзъ.

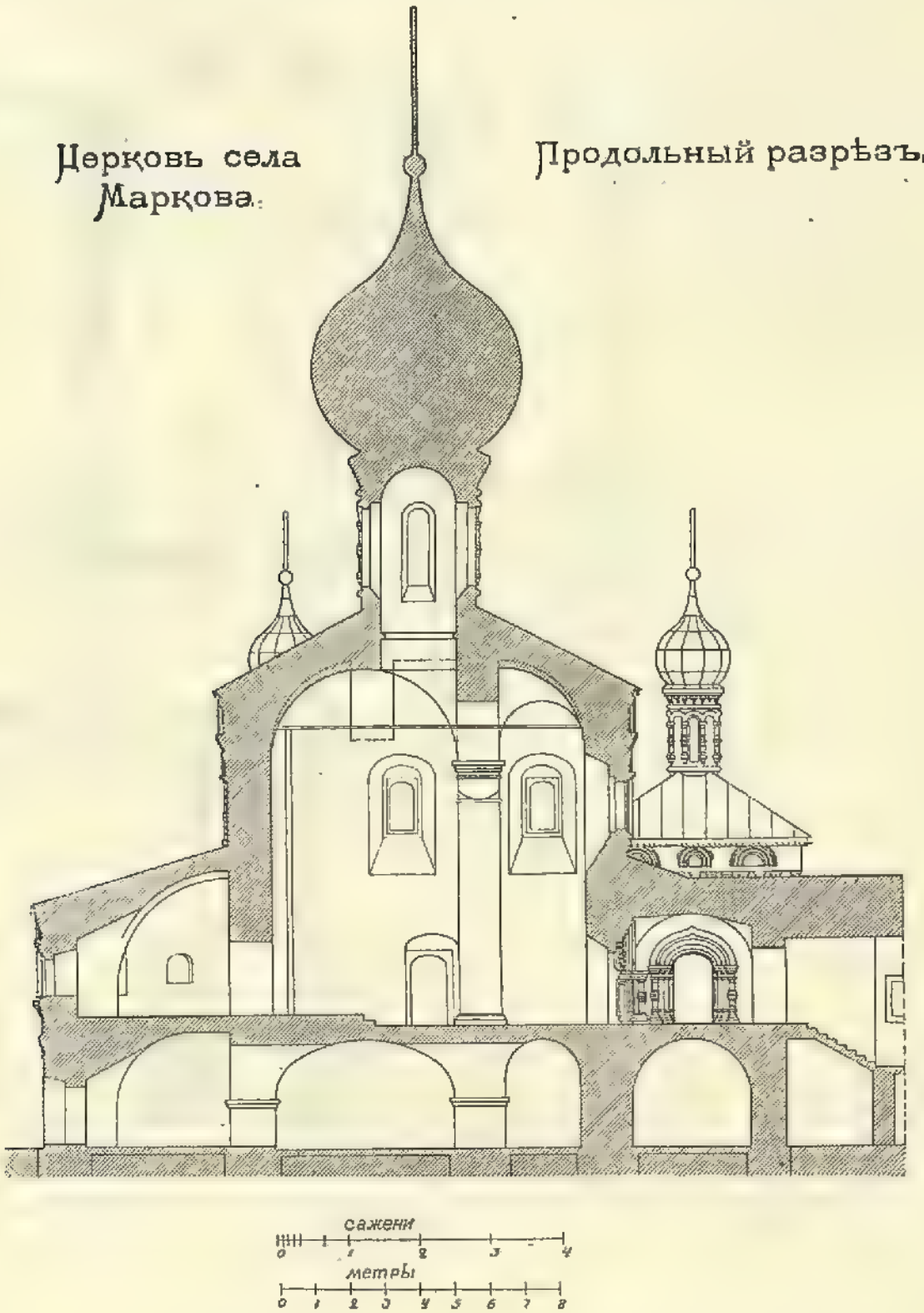


Рис. 224. По В. Суслову.

аршинамъ. Въ силу того, что столбы поставлены не по серединѣ церкви, форма покрывающихъ ее сводовъ должна была получиться не симметричная; рѣшить эту задачу было не легко, тѣмъ болѣе, что она осложнялась другой, заключавшейся въ томъ, чтобы шея главы была открытая и притомъ находилась надъ центромъ церкви. Зодчій рѣшилъ эту задачу очень остроумно

и придуманная имъ комбинація сводовъ вышла очень красивой, несмотря на значительную ея сложность (смотри планъ, разрѣзъ рис. № 224 и перспективу рис. № 225). Между колоннами, а также между ними и стѣнами (западной, сѣверной и южной) перекинуты пять полуциркульныхъ арокъ (*А.—Б.—С.—Д.—Е.*), которыя служатъ опорами также для двухъ угловыхъ сводовъ [1]), (*М.—Н.*) и для половины полуциркульнаго свода (*К*), идущаго отъ междустолбной арочки къ западной стѣнѣ церкви. Между столбами и восточной стѣной перекинутъ полуциркульный сводъ (*О*); въ щековыя поверхности его упираются половины полуциркульныхъ арокъ (*Б—П*), нижнія пяты которыхъ упираются въ сѣверную и южную стѣну церкви. Между этими арками и арками *В—С* помѣщены половины полуциркульныхъ арокъ, а восточные углы церкви, подобно западнымъ, перекрыты четвертями сомкнутыхъ сводовъ. Для отверстія шеи и для поддержанія стѣнокъ послѣдней зодчій устроилъ въ сводѣ *О* распалубку и два сферическихъ паруса. Такимъ образомъ въ основу комбинаціи сводовъ Марковской церкви легъ все-таки наиболѣе часто практиковавшійся въ то время сомкнутый сводъ; онъ какъ бы разрѣзанъ на 4 части и части эти раздвинуты къ угламъ церкви, а въ образовавшееся пустое пространство вставлена цѣлая система другихъ сводовъ и арокъ, поддерживаемыхъ столбами, которые имѣютъ базы и мощныя капители.

Освѣщеніе церкви очень обильно: кромѣ четырехъ довольно большихъ оконъ шеи, свѣтъ проникаетъ еще черезъ семь оконъ, находящихся въ сѣверной, южной и западной стѣнахъ, причемъ на послѣдней ихъ размѣщено три, а на двухъ остальныхъ по два. Каждый придѣлъ освѣщается двумя окнами, размѣщенными одно надъ другимъ.

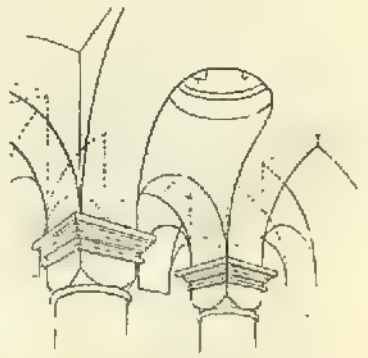


Рис. 225.

Алтари и паперти очень низки [2]), придѣлы же ниже церкви, но выше папертей. Устройство сводовъ этихъ частей Марковской церкви не представляетъ ничего особеннаго (смотри планъ); наиболѣе красивый изъ всѣхъ сводовъ — это перекрывающій сѣверную паперть; онъ представляетъ собою плоскій сомкнутый сводъ, въ который врѣзаются девять распалубокъ, обусловленныхъ довольно значительною высотою арокъ и дверей.

Подъ всѣми частями церкви находятся довольно высокіе, крытые коробовыми и цилиндрическими сводами подклѣты. Въ тѣ изъ нихъ, которые находятся подъ главнымъ алтаремъ и подъ папертями, ведутъ широкія, по-

---

[1]) Угловые своды представляютъ собою четверти сомкнутыхъ сводовъ.

[2]) Высота папертей до шелыги сводовъ немного болѣе 1,5 саж.; высота главнаго алтаря (у западной его стѣны) равняется двумъ саженямъ и двумъ вершкамъ.

хожія на ворота двери; боковые подклѣты освѣщаются небольшими окнами. Въ настоящее время въ подклѣтахъ помѣщается зимняя церковь; однако, основываясь на формѣ ихъ дверей и оконъ, можно вывести заключеніе, что подклѣты, или по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые находятся подъ па-

Юго-восточ. уголъ ц. села Маркова.

Рис. 226. По фот. Барщевскаго.

перти и алтаремъ, предназначались, какъ и подклѣты Останкинской церкви для хозяйственныхъ цѣлей.

Все зданіе сложено изъ кирпича.

По группировкѣ главныхъ массъ внѣшній видъ разсматриваемаго памятника значительно отличается не только отъ другихъ церквей конца XVII

вѣка, но и отъ церкви села Останкина, съ которой онъ имѣетъ такъ много общаго въ характерѣ деталей архитектурной декораціи (рис. № 226). Зато Марковская церковь очень похожа группировкою своихъ массъ на храмъ

Ц. села Маркова.

Рис. 227. Реставрація В. Суслова.

села Покровскаго; ея главная, самая высокая часть увѣнчана, подобно послѣднему, всего лишь однимъ верхомъ, тогда какъ всѣ разсмотрѣнныя нами церкви второй половины XVII вѣка имѣютъ пять верховъ.

Чтобы не возвращаться болѣе къ верхамъ, скажемъ сейчасъ же нѣсколько словъ объ ихъ главахъ. По отношенію къ остальнымъ частямъ

церкви средняя глава нѣсколько велика, отчего все зданіе кажется придавленнымъ ею. Форма этой главы, такъ же, какъ и другихъ четырехъ, луковичная; послѣднія значительно меньше средней главы и по своимъ пропорціямъ прекрасно вяжутся съ нижележащими частями. Профессоръ Султановъ[1]) свидѣтельствуетъ, что всѣ главы представляютъ собою позднѣйшую работу; полагаемъ однако, что форма ихъ при перелѣлкѣ не могла быть измѣнена особенно сильно, въ особенности у средней главы, такъ какъ діаметръ ея шеи не позволяетъ думать, что первоначальный размѣръ главы былъ значительно меньше существующаго теперь.

Въ Марковской церкви, такъ же какъ и у Покровской, подъ шеями главъ размѣщены ярусы кокошниковъ[2]), съ той только разницей, что у ней ихъ всего три ряда, то-есть однимъ рядомъ меньше, чѣмъ у Покровской. Правда, какъ видно изъ детальнаго чертежа (рис. № 228), подъ среднимъ ярусомъ кокошниковъ малыхъ главъ находятся маленькіе, какъ бы зачаточные кокошники, но самостоятельнымъ рядомъ ихъ, на нашъ взглядъ, считать нельзя, такъ какъ они представляютъ собою только килевидныя впадины, и наружные ихъ архивольты не выдаются изъ-за поверхности стѣнокъ, надъ которыми высится второй (средній) ярусъ кокошниковъ.

На томъ же рисункѣ подъ шеей главы показанъ пьедесталъ; къ сожалѣнію, въ описаніи[3]) церкви, приложенномъ къ чертежамъ ея, ничего не сказано: сохранились ли слѣды, указывающіе, что пьедесталы имѣли именно такую форму, или В. В. Сусловъ реставрировалъ ихъ, руководствуясь только видомъ пьедесталовъ церкви села Останкина. Верхнія части всѣхъ четырехъ придѣловъ, скомпанованы точно такъ же, какъ и средній верхъ, только шеи ихъ главъ глухія и число кокошниковъ въ каждомъ ярусѣ меньше, нежели у главной части храма.

Существенное отличіе внѣшняго вида Марковской церкви отъ Покровской заключается въ призмахъ ея западныхъ придѣловъ, которыхъ въ послѣдней нѣтъ. Благодаря имъ разсматриваемый памятникъ имѣетъ совершенно симметричный видъ и въ этомъ отношеніи сближается съ нѣкоторыми церквами XVI столѣтія.

Что касается архитектурной декораціи церкви села Маркова, то, судя по сѣверо-восточному ея придѣлу (рис. № 229), она была пожалуй богаче Останкинской; въ самомъ дѣлѣ, сѣверная стѣна этого придѣла, а также стѣна примыкающей къ нему паперти почти сплошь покрыты богатыми ши-

---

[1]) Зодчій 1883 г., стран. 53. Памятники древняго зодчества въ Коломенскомъ и Бронницкомъ уѣздахъ Московской губерніи.

[2]) Кокошники Марковской церкви, скрывающіеся теперь подъ четырехскатными крышами, были обнаружены и обмѣрены академикомъ В. В. Сусловымъ въ 1886 году. Имъ же исполненъ проектъ реставраціи храма изображенный на рисункѣ № 227.

[3]) Смотри памятники древняго русскаго зодчества. Выпускъ I.

Церковь села Маркова.

Деталь сѣверо-восточнаго придѣла.

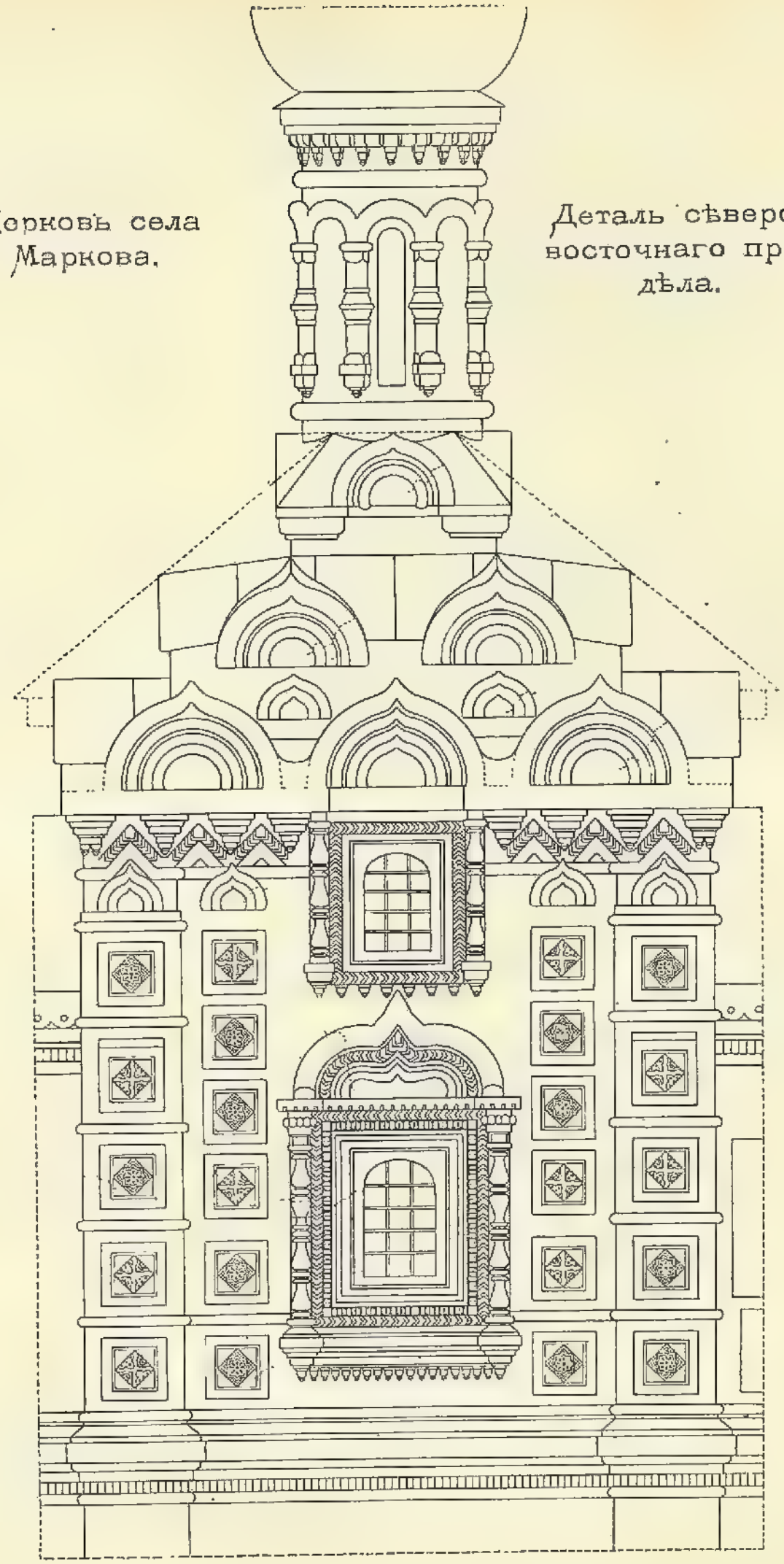


Рис. 228. По В. Суслову.

ринками. Поэтому возможно предположить, что точно такъ же былъ декорированъ и южный фасадъ; предположеніе это подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что часть ширинокъ южной паперти уцѣлѣла до настоящаго времени.

Какъ мы уже сказали, характеръ архитектурныхъ деталей разсматриваемой церкви имѣетъ много общаго съ наружнымъ убранствомъ Останкин-

Сѣверный фасадъ ц. села Маркова. По В. Суслову.

Рис. 229.

скаго храма; дѣйствительно, мы видимъ здѣсь тѣ же звѣздообразныя и ромбическія формы верховъ у наличниковъ; аналогичные кіоты; висячія парныя арочки; ряды серегъ надъ подоконными тягами; дуги серегъ въ архивольтахъ кокошниковъ и въ западномъ порталѣ; отдѣльныя серьги;

изразцы, которые заполняютъ ширинки, и, наконецъ, отдѣльно помѣщенные розетки. Все это уже знакомыя намъ формы самобытнаго искусства; изъ которыхъ скомпанована и декорація Останкинской церкви; но если всматриваться въ нихъ болѣе внимательно, то станетъ замѣтнымъ, что зодчій церкви села Маркова, обладая богатой фантазіей, не отличался такимъ тонкимъ художественнымъ чутьемъ и вкусомъ, которые ставятъ зодчаго Останкинской церкви въ ряды величайшихъ мастеровъ. Деталировка узорныхъ мотивовъ Марковской церкви гораздо грубѣе Останкинскихъ деталей и никоимъ образомъ не можетъ сравниться съ ними по изяществу; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно внимательно вглядѣться въ наличникъ окна юго-западнаго придѣла и сравнить его съ деталями Останкинской церкви (рис. № 230).

Деталь окна ц. с. Маркова.

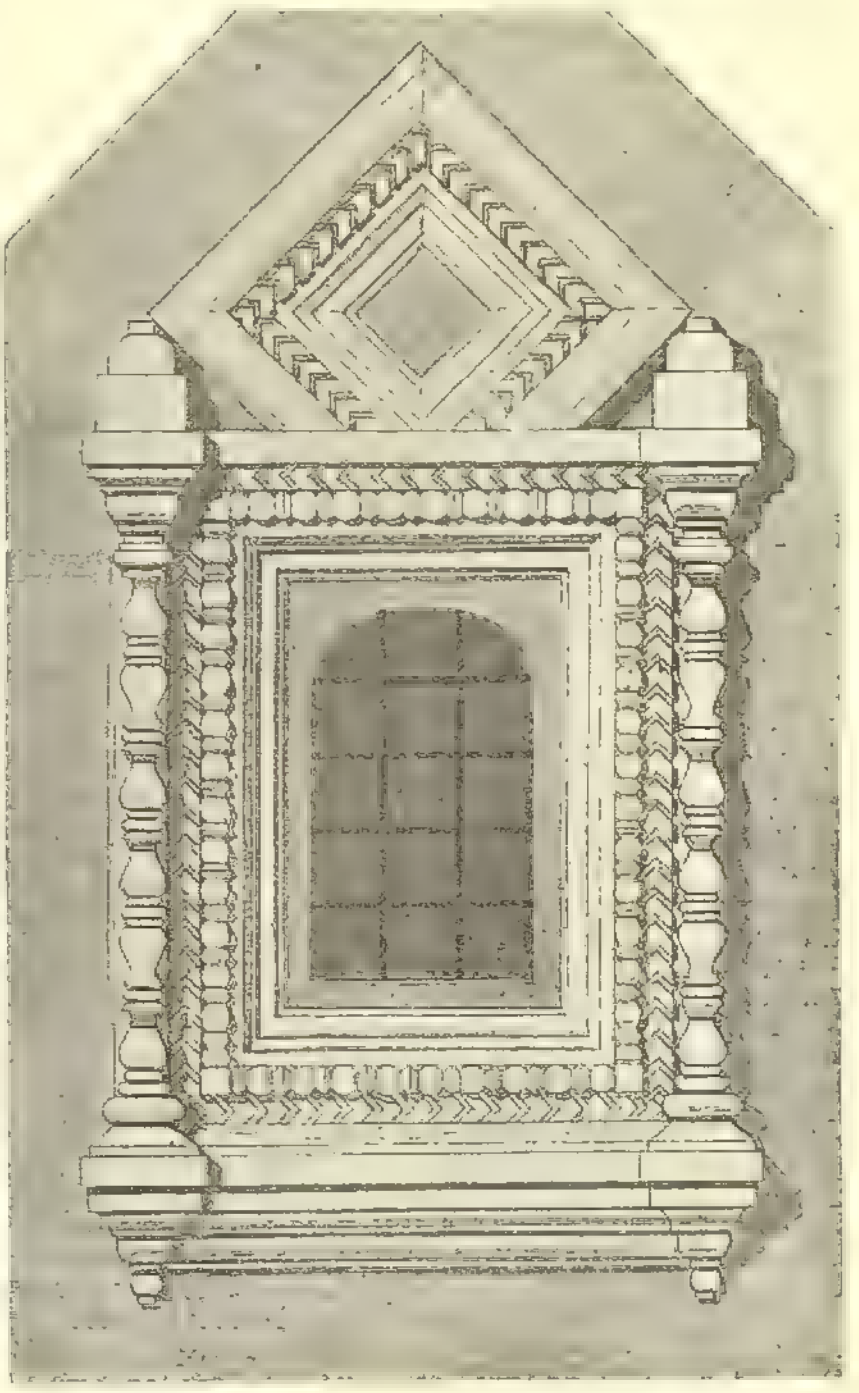


Рис. 230. По В. Суслову.

Чтобы закончить описаніе церкви села Маркова, скажемъ нѣсколько словъ объ ея западномъ порталѣ, который по идеѣ своей композиціи совершенно аналогиченъ съ главнымъ порталомъ Останкинской церкви. Однако, и въ этомъ порталѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ деталяхъ, сказалось различіе въ дарованіяхъ этихъ двухъ зодчихъ; одинъ заполнилъ поля филенокъ изящнымъ какъ по рисунку, такъ и по исполненію рѣзнымъ орнаментомъ, придалъ стержнямъ колонокъ спокойную восьмиугольную форму, обогативъ только ихъ середины красивыми дышками, и, наконецъ, на гладкомъ и широкомъ поясѣ одного изъ архивольтовъ размѣстилъ цѣпь чудныхъ розетокъ; другой, оставивъ поля филенокъ совершенно гладкими и поэтому скучными, такъ облѣпилъ стержни колонокъ

серьгами, что объ ихъ формѣ можно только догадываться[1]) и, наконецъ, убралъ наружные архивольты слишкомъ мелкими формами, дающими безпокойное впечатлѣніе[2]).

Полагаемъ, что наше апріорное замѣчаніе о характерѣ архитектуры церквей Останкина и Маркова не требуетъ болѣе поясненій; поэтому перейдемъ теперь къ обзору тѣхъ памятниковъ Московскаго зодчества, которые вмѣстѣ съ Останкинской и Марковской церквами стоятъ на границѣ двухъ столѣтій XVII и XVIII.

И. М. Снегиревъ, основываясь на церковныхъ книгахъ, говоритъ, что церковь Воскресенія Христова въ Кадашахъ[3]) построена въ 1695 году, а освящена въ 1713 году[4]). Планъ нижняго яруса этой церкви (рис. № 231) напоминаетъ соотвѣтствующій ярусъ церкви Св. Николая въ Столпахъ. Отмѣтимъ, однако, нѣкоторыя особенности. Западная стѣна алтаря состоитъ какъ бы изъ двухъ параллельныхъ стѣнъ, приставленныхъ вплотную другъ къ другу; восточная изъ нихъ, гдѣ прорѣзанная арками, служитъ основаніемъ для концовъ башневидныхъ апсидъ второго яруса, а западная несетъ на себѣ восточную стѣну главной части церкви второго яруса. Въ косякахъ сѣверныхъ и южныхъ вратъ алтаря начинаются узенькіе коридорчики, идущіе въ толщѣ стѣнъ и круто переламывающіеся въ своихъ конечныхъ частяхъ; назначеніе этихъ застѣнковъ совершенно непонятно; возможно, что это были тайники для храненія драгоцѣнной утвари, но тогда нужно сказать, что зодчій выбралъ для нихъ мѣсто совсѣмъ неудачно: во-первыхъ ихъ можно здѣсь очень легко отыскать, даже и въ томъ случаѣ, если бы входы были заложены кирпичемъ, а во-вторыхъ они сильно уменьшаютъ прочность стѣны, и безъ того ослабленной проѣтами царскихъ и боковыхъ вратъ.

Ходовыя папертн очень узки[5]); западные концы ихъ соединяются широкими арками съ трапезной, западная стѣна которой чрезмѣрно и притомъ безцѣльно толста. Концы папертей замкнуты небольшими темными каморками, совершенно изолированными отъ остальныхъ частей зданія, такъ какъ двери у нихъ имѣются только наружныя. Къ южной стѣнѣ колокольни, поставленной на продольной оси плана, примыкаетъ клѣтка лѣстницы, ведущей во второй ярусъ церкви.

---

[1]) Невольно бросается въ глаза сходство (конечно, случайное) этихъ колонокъ съ многогрудной, въ высшей степени неизящной статуей Артемиды Эфесской.

[2]) Наружные архивольты обоихъ порталовъ украшены своеобразнымъ орнаментомъ-плетенкой, напоминающей веревку, сплетенную изъ трехъ прядей. Интересно замѣтить, что эта плетенка является однимъ изъ излюбленныхъ декоративныхъ мотивовъ архитектуры Ростова и Ярославля.

[3]) Средній Кадашевскій переулокъ.

[4]) Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества, тетрадь 10, стран. 105.

[5]) Ширина папертей всего два аршина.

Церковь, трапезная и проходъ подъ колокольней крыты сомкнутыми сводами.

Особенностью плана второго яруса (рис. № 231) являются боковыя апсиды и открытыя паперти. Первыя имѣютъ въ планѣ эллиптическую форму, при чемъ западные концы ихъ стѣнъ, сливаясь съ восточными концами прямыхъ стѣнъ самой церкви, образуютъ углы, которые неконструктивно вдаются внутрь зданія, такъ какъ не связаны иконостасной стѣной, сдвинутой къ западу. Отъ средней полуциркульной въ планѣ апсиды жертвенникъ и діаконникъ отдѣляются арками.

Церковь и трапезная перекрыты сомкнутыми сводами. Два яруса оконъ, размѣщенныхъ въ трехъ стѣнахъ церкви, а также окна средняго верха даютъ много свѣта. Окна боковыхъ апсидъ, какъ видно изъ плана и сѣвернаго фасада церкви (рис. № 232) размѣщены необычно: ни одно изъ нихъ не выходитъ на востокъ.

Винтовая лѣстница къ «звону» устроена въ юго-восточномъ столбѣ колокольни.

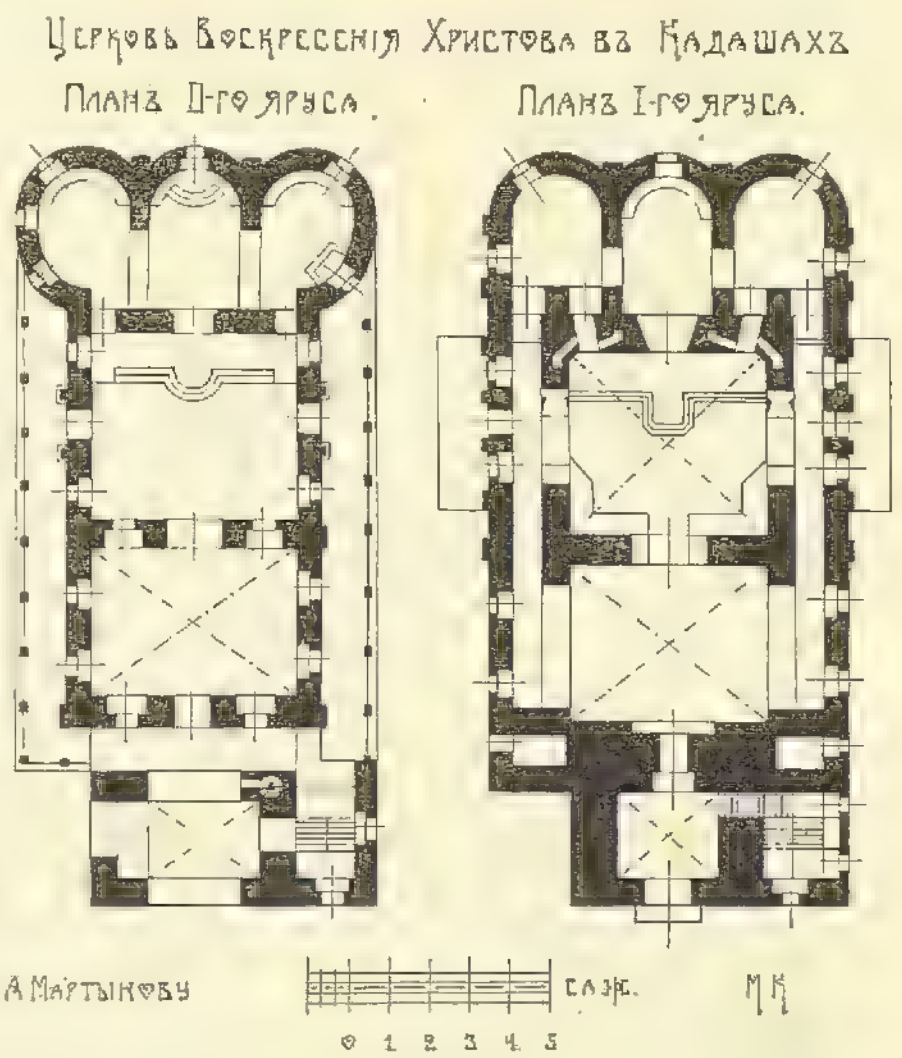


Рис. 231.

Итакъ, если планъ нижняго яруса церкви скомпонованъ на основаніи прежнихъ принциповъ, то въ планѣ верхняго яруса эти послѣдніе уступили мѣсто стремленіямъ къ новымъ пріемамъ, вслѣдствіе чего планъ получилъ странный, совершенно не русскій видъ.

Это же исканіе зодчимъ новыхъ руководящихъ началъ вполнѣ ясно сказалось и на внѣшнемъ обликѣ памятника, который по характеру композиціи имѣетъ много общаго съ церковью Іоасафа царевича въ селѣ Измайловѣ. Правда, въ отношеніи общей группировки главныхъ массъ, разсматриваемый памятникъ стоитъ ближе къ церквамъ середины столѣтія, но отдѣльныя массы и въ особенности убористыя части почти совсѣмъ утратили связь съ формами самобытнаго искусства. Такъ, напримѣръ, колокольня, хотя и повторяетъ все старыя массы—нижній четверикъ, средніе восьмерики и, наконецъ, шатеръ съ луковичной главкой—но всѣмъ этимъ частямъ приданы такія пропорціи и они убраны такою декораціей, что въ совокупности получается

что-то похожее скорѣе на часть костела, нежели на русскую шатровую колокольню. То же самое можно сказать и объ остальныхъ частяхъ зданія; оставляя въ сторонѣ башни жертвенника и діаконика, какъ формы совсѣмъ

Церковь Воскресенія въ Кадашахъ.

Рис. 232. По Найденову.

новыя, укажемъ на верхъ церкви: пятиглавіе надъ призматической массой осталось, но шеи верховъ получили восьмигранную форму и при этомъ средняя шея имѣетъ два яруса. Кокошники исчезли совершенно; на мѣстѣ ихъ, надъ жиденькимъ вѣнчающимъ карнизомъ высятся два ряда подобій аттиковъ

образующихъ переходъ къ шеямъ главъ. Наконецъ, открытая паперть, окружающая низъ верхняго яруса, вмѣстѣ съ перечисленными особенностями архитектуры, придаетъ храму тотъ своеобразный обликъ, который, какъ мы уже сказали, ясно говоритъ о стремленіи зодчаго примѣнить на дѣлѣ свое знакомство съ архитектурой Запада.

Что же касается убористыхъ мотивовъ, то они вполнѣ отвѣчаютъ характеру общаго облика храма; дѣйствительно, если всмотрѣться во всѣ эти

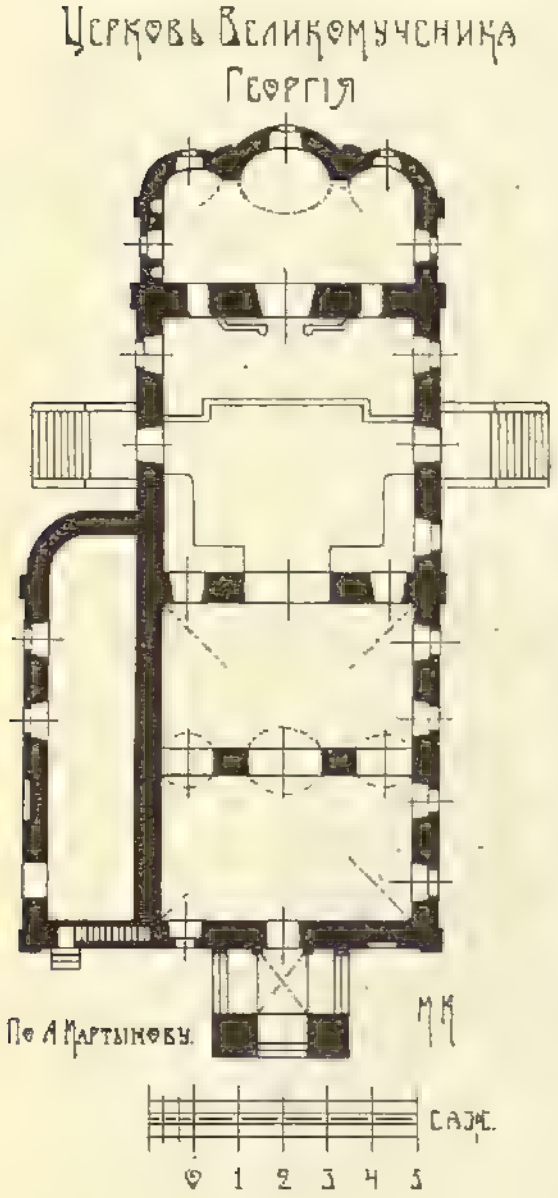
Ц. Успенія Б. Матери въ Печатникахъ.

Рис. 233. По фот. М. Красовскаго.

оконныя очелья, карнизы, колонки на кронштейнахъ, кронштейны подъ карнизами главъ и, наконецъ, въ кудрявую и замысловатую орнаментацію, то станетъ яснымъ, что все это мотивы италіанскаго ренессанса, попавшіе къ намъ черезъ руки сосѣдей уже въ передѣланномъ видѣ, и кромѣ того получившіе мѣстную русскую трактовку. Въ общей идеѣ нѣкоторыхъ мотивовъ, напримѣръ оконныхъ наличниковъ второго яруса, еще ясно сквозитъ прежняя основа; въ другихъ же, напр. въ аттикахъ церкви и парапетахъ

колокольни нельзя не признать типичныхъ западныхъ формъ, не встрѣчавшихся намъ въ памятникахъ самобытнаго искусства.

Къ такому же направленію архитектуры нужно отнести и церкви Успенія въ Печатникахъ[1]), Соборную бывшаго Георгіевскаго монастыря и св. Сергія въ Казицкомъ переулкѣ[2]). Къ сожалѣнію, намъ не довелось собрать справокъ о точномъ времени построенія этихъ памятниковъ переходнаго стиля, но весь ихъ внѣшній обликъ говоритъ, что строившіе ихъ зодчіе жили на рубежѣ XVII и XVIII столѣтій.



Церковь Великомученика Георгія

Рис. 234.

Первый изъ этихъ памятниковъ подвергся въ послѣднихъ годахъ минувшаго вѣка значительнымъ передѣлкамъ: его прежнюю трапезную такъ увеличили, что она теперь гораздо шире самой церкви и съ сѣвера и юга охватываетъ низъ колокольни (рис. № 233). Однако, догадаться о первоначальномъ видѣ церкви Успенія не трудно — высокая прямоугольная главная часть[3]), низкая трапезная и, наконецъ, стоящая на продольной оси плана колокольня, о которой мы уже своевременно упоминали. Соборная церковь Георгіевскаго монастыря (рис. №№ 234 и 235)[4]) подверглась гораздо меньшимъ искаженіямъ. Особенностью ея плана является сѣверная продолговатая часть съ закругленнымъ сѣверо-восточнымъ угломъ, въ которой, повидимому, раньше находился придѣлъ, и которая представляетъ собою послѣдній намекъ на ходовыя паперти — обычную принадлежность церквей середины XVII столѣтія; что же касается арокъ, дѣлящихъ на двѣ части обширную трапезную, то онѣ, повидимому, болѣе поздняго происхожденія и, вѣроятно, устроены съ цѣлью поддержать огромный сомкнутый сводъ трапезной. Общая группировка главныхъ массъ такая же, какъ и у предшествующихъ памятниковъ.

Въ послѣднемъ отношеніи нѣсколько отличается церковь св. Сергія (рис. № 236). Къ ея сѣверо-восточному углу примыкаетъ прямоугольный

---

[1]) На Большой Лубянкѣ.

[2]) На Большой Дмитровкѣ.

[3]) Была ли церковь первоначально пятиглавая, или одноглавая, какъ теперь, не изслѣдовавъ чердаковъ, рѣшить не беремся.

[4]) На второмъ планѣ фотографіи.

въ планѣ придѣлъ съ полуциркульной апсидой. Верхняя часть придѣла скомпанована такъ же, какъ и колокольня: она восьмигранная, съ восьмигранной же шеей главы. Въ композиціи верха главной части много общаго съ верхомъ церкви въ Кадашахъ; существеннымъ отличіемъ являются здѣсь подковообразные кокошники безъ подвышеній, поставленные по угламъ, по направленію діагоналей прямоугольнаго низа церкви.

Общее впечатлѣніе, оставляемое церковью Св. Георгія — очень хорошее: ея авторъ прекрасно умѣлъ владѣть массами и выискивать ихъ пропорціи.

Соборная церковь упраздненнаго Георгіевскаго монастыря.

Рис. 235. По фот. Иванова-Терентьева.

Что касается характера декоративнаго убранства этихъ трехъ церквей, то онъ совершенно такой же, какъ у церкви Воскресенія въ Кадашахъ; здѣсь тѣ же перепначенныя москвичами по своему вкусу формы Ренесанса, которыя въ самомъ концѣ XVII вѣка вытѣснили изъ московскаго зодчества самобытные мотивы и покрыли собою зданія, являющіяся непосредственными предтечами образцовъ того стиля, который получилъ названіе «Русскаго Барокко».

Сдѣланный нами очеркъ памятниковъ Московскаго зодчества второй половины XVII столѣтія, конечно, далеко не исчерпываетъ всего того мате-

ріала для изслѣдованій, который оставилъ намъ въ наслѣдіе этотъ богатый постройками періодъ. Полагаемъ, однако, что разсмотрѣнныхъ памятниковъ достаточно, чтобы вывести опредѣленное заключеніе о томъ направленіи, которое характеризуетъ произведенія нашихъ мастеровъ, жившихъ, такъ сказать, наканунѣ преобразовательныхъ реформъ Петра Великаго.

Церковь св. Сергія въ Казицкомъ переулкѣ.

Рис. 236. По Найденову.

Время, въ которое пришлось работать этимъ мастерамъ, было переходное; въ воздухѣ чувствовалась близость какого-то перелома, который долженъ былъ неминуемо произойти; русскіе люди сознавали, что первая часть ихъ политической задачи закончена — они слились въ одно обширное, могучее и полное духовныхъ силъ, національное государство, которому теперь предстояла совмѣстная жизнь съ далеко ушедшими впередъ по пути прогресса

государствами Запада. Впрочемъ, только передовымъ людямъ того времени было ясно, что старая замкнутость и недружелюбное отношеніе ко всему иноземному должны окончательно пасть, что однихъ матеріальныхъ силъ, не руководимыхъ наукой и искусствами мало и что, наконецъ, сравняться съ Западомъ можно только при условіи усвоенія результатовъ его культуры. Что же касается массы народа, всегда живущей вѣковыми традиціями, слѣпо вѣрящей завѣтамъ предковъ и недовольно косящейся на все то, что выбиваетъ изъ наѣзженной колеи, то она, если и чувствовала смутно приближеніе перелома, то лишь боялась его и пассивно сопротивлялась подготовительнымъ дѣйствіямъ. Поэтому незамѣтная предварительная работа шла вначалѣ довольно медленно и только къ концу вѣка результаты ея становятся явными, опредѣленно предсказывающими, что рѣшительный ударъ старому укладу жизни уже занесенъ и скоро обрушится на голову ревнителей старины. Тѣмъ сильнѣе забезпокоились послѣдніе; чувствуя наступленіе рѣшительнаго момента, они всѣми силами старались отразить ударъ и вернуть теченіе жизни въ прежнее русло, задѣлавъ бреши въ старой стѣнѣ замкнутости и обособленности.

Поэтому въ жизни Руси второй половины XVII вѣка, по крайней мѣрѣ, въ ея сердцѣ — Москвѣ, чувствуются два противоположныхъ другъ другу теченія, изъ которыхъ одно все болѣе слабѣло подъ напоромъ западныхъ вліяній. Шла жестокая внутренняя борьба, сначала почти невидимая на поверхности.

Тѣ же два теченія, та же борьба происходила и въ современномъ искусствѣ. Къ сожалѣнію намъ приходится имѣть дѣло только съ ограниченной его областью — съ церковными памятниками, на которыхъ послѣдовательность этой борьбы отразилась не такъ ясно; но, думается, ее все же можно прослѣдить и въ этой области.

Придерживаясь прежней послѣдовательности, просуммируемъ сначала все то, что намъ далъ обзоръ церквей второй половины XVII вѣка въ отношеніи ихъ плановъ. Въ этой области результаты борьбы сказываются въ самомъ концѣ періода, а именно на планѣ церкви Воскресенія въ Кадашахъ, да и то только во второмъ ея ярусѣ, гдѣ боковыя апсиды получили совершенно не русскую, эллиптическую форму. Что же касается плановъ остальныхъ памятниковъ, то они представляютъ собою варіаціи прежнихъ пріемовъ, вызывавшихся или личнымъ вкусомъ зодчаго, или условіями мѣста, предназначавшагося подъ постройку. Тѣмъ не менѣе, ихъ можно раздѣлить на двѣ опредѣленно разграниченныя группы: на планы церквей, въ составъ которыхъ входили ходовыя паперти, и на такіе, въ которыхъ послѣднихъ нѣтъ. Къ первымъ относятся церкви Іоасафа Царевича, села Останкина, села Маркова и церковь Воскресенія въ Кадашахъ. При этомъ у первой и у послѣдней изъ нихъ ходовыя паперти устроены только въ нижнемъ

ярусѣ, а во второмъ онѣ какъ бы выродились въ открытыя ходовыя паперти (балконы), совершенно не практиковавшіяся нашими мастерами предшествующихъ періодовъ[1]). Эти ходовыя паперти можно также признать результатомъ борьбы двухъ теченій зодчества и, стало-быть, поставить на ряду съ эллиптическими апсидами церкви Воскресенія въ Кадашахъ.

Церквей безъ ходовыхъ папертей гораздо больше; отсюда можно заключить, что такія паперти во второй половинѣ XVII вѣка доживали свои послѣдніе дни и зодчіе, удовлетворяя вкусамъ времени, гораздо охотнѣе компановали свои планы, не вводя въ нихъ ходовыхъ папертей. Что касается группировки главныхъ частей церквей второй группы, то она преимущественно складывалась въ тотъ пріемъ, который носитъ названіе корабля. Другими словами, главныя части церкви обыкновенно располагались одна за другой по направленію линіи западъ — востокъ въ слѣдующемъ порядкѣ: трапезная, церковь и, наконецъ, алтарь. Такимъ образомъ, трапезная, имѣющаяся и въ памятникахъ первой группы, становится во второй половинѣ XVII вѣка неотъемлемой частью церковнаго зданія, тогда какъ въ XVI и въ началѣ XVII она встрѣчается далеко не всегда. Указанный порядокъ размѣщенія главныхъ частей храма настолько привился въ разсматриваемую эпоху, что, когда зодчему Чудова монастыря предложено было сдѣлать подъ одной кровлей двѣ церкви, онъ не сумѣлъ придумать ничего другого, какъ сдвинуть вплотную два плана, скомпанованные по тому же пріему.

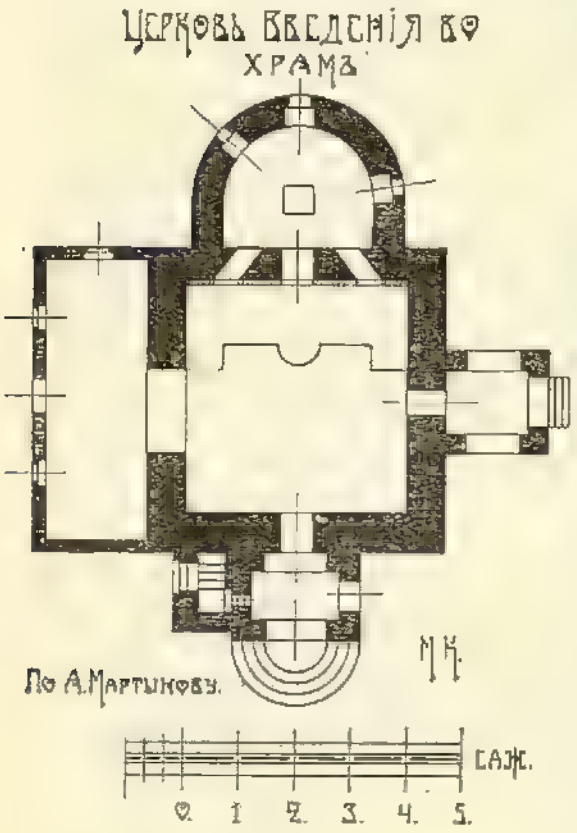


Рис. 237.

Форма плана главныхъ частей остается прежняя. Церковь имѣетъ фигуру квадрата или прямоугольника, близкаго къ квадрату, трапезная — форму прямоугольника, вытянутаго или по направленію востокъ — западъ, или по линіи сѣверъ — югъ; наконецъ, алтари почти всегда дѣлались трехапсидными, при чемъ жертвенникъ и діаконникъ иногда отдѣлялись стѣнками отъ средняго полукружія; одноапсидные алтари встрѣчаются скорѣе какъ исключеніе, напримѣръ, у Введенской церкви Новинскаго монастыря (рис. № 237).

Къ основнымъ частямъ примыкали второстепенныя: колокольни, придѣлы и крыльца. Первая въ большинствѣ случаевъ ставилась на продольной оси храма (у Василія Кесарійскаго, Николы въ Хамовникахъ, соборнаго

[1]) За исключеніемъ церкви села Коломенскаго.

храма Георгіевскаго монастыря и у другихъ); очевидно, однако, что никакихъ опредѣленныхъ установленій на этотъ счетъ не было, доказательствомъ чему служитъ примѣръ церкви села Богородскаго.

Самостоятельные придѣлы, т.-е. устраивавшіеся не въ апсидахъ алтаря, помѣщались различно, но преимущественно въ связи съ трапезной; такъ, въ церкви Св. Сергія въ Казицкомъ переулкѣ и въ соборной церкви Георгіевскаго монастыря придѣлы устроены у сѣверной стѣны трапезной, а у церкви Св. Николая въ Хамовникахъ придѣлъ является ушпреніемъ южной стороны трапезной. Крыльца устраивались не всегда: ихъ роль очень часто играла нижняя часть колокольни; самостоятельныя же крыльца размѣщались обыкновенно на фасадѣ, обращенномъ къ улицѣ или къ главнымъ воротамъ ограды. Такъ, въ церкви Св. Николая на Берсеневкѣ главное крыльцо было обращено на сѣверъ, а въ церкви Казанской Божіей Матери (Георгіевскій монастырь) оно примыкало къ трапезной съ запада.

Судя по числу памятниковъ такого типа, планы церквей въ формѣ корабля пользовались, повидимому, бо́льшими симпатіями, нежели планы типа церквей села Останкина и Маркова. Причину этого можно видѣть въ томъ, что при планѣ въ формѣ корабля зодчему было легче придать нѣкоторымъ второстепеннымъ частямъ зданія такую форму, въ которой видно было бы его знакомство съ архитектурными пріемами Запада; этимъ и воспользовались строители церквей Іоасафа Царевича и Воскресенія въ Кадашахъ.

Какъ бы въ противовѣсъ новому направленію ревнители чисто самобытныхъ пріемовъ, продолжая развивать планы съ ходовыми папертями и многими алтарными апсидами, выработали къ концу вѣка типъ красивыхъ и сложныхъ плановъ, великолѣпнымъ представителемъ которыхъ является четырехпридѣльный планъ церкви села Маркова[1]). Однако, несмотря на всю красоту конечной стадіи развитія самобытныхъ плановъ, ихъ дни были сочтены, и уже въ началѣ слѣдующаго столѣтія они были почти совсѣмъ вытѣснены планами новаго направленія зодчества, черпавшаго свои идеалы преимущественно въ искусствѣ Запада.

Въ композиціи главныхъ массъ церквей второй половины XVII вѣка чувствуется та же борьба двухъ теченій, только здѣсь она проявляется гораздо нагляднѣе, нежели въ композиціи плановъ. Дѣйствительно, зодчіе

---

[1]) Нельзя не обратить вниманія на два внутреннихъ столпа этой церкви, которые являются какъ бы возвратомъ къ старому, менѣе раціональному пріему плановъ, что до извѣстной степени служитъ показателемъ упадка самобытныхъ пріемовъ композиціи. Русскимъ зодчимъ начала XVI вѣка пришлось много потратить усилій, прежде чѣмъ имъ удалось освободиться отъ загромождавшихъ церковь четырехъ столповъ, зодчій же конца XVII вѣка не постѣснялся пожертвовать интересами прихожанъ ради болѣе простого рѣшенія конструктивной задачи.

стараго закала продолжали придавать средней, наиболѣе высокой части храма, призматическую четырехгранную форму, покрывать ее пирамидой кокошниковъ и увѣнчивать пятиглавіемъ[1]). Низкіе алтари, трапезная и придѣлы въ одной группѣ (планъ кораблемъ) и высокіе придѣлы, при одинаковыхъ остальныхъ условіяхъ[2]), въ другой группѣ (планъ типа Останкинской церкви) являются характерными чертами самобытнаго направленія. Тѣ же зодчіе, которые, не довольствуясь образцами, завѣщанными ихъ предшественниками, тяготѣли къ введенію новыхъ пріемовъ, начинаютъ понемногу затушевывать доминирующее значеніе пирамиды кокошниковъ, для чего постепенно увеличиваютъ высоту пьедесталовъ подъ шеями главъ, углубляютъ кокошники въ стѣнки, возвышающіяся уступами надъ вѣнчающимъ карнизомъ и, наконецъ, совершенно отказываются отъ кокошниковъ, замѣняя ихъ гладкими или богато орнаментированными уступами какъ бы парапетами или аттиками, которые, возвышаясь другъ надъ другомъ, даютъ красивый переходъ отъ карниза къ шеямъ главъ. Даже такой ярый приверженецъ самобытныхъ формъ, какъ зодчій Останкинской церкви, не могъ не признать красоты подобной группировки массъ; не желая, однако, совсѣмъ отказаться отъ пирамиды кокошниковъ, онъ задумалъ соединить ее съ новымъ пріемомъ и рѣшилъ эту трудную задачу такъ красиво, какъ это могъ сдѣлать только выдающійся талантъ.

Не ограничиваясь однимъ лишь верхомъ главной части храма, новаторы XVII вѣка затрагиваютъ и болѣе существенные его части, при чемъ одни изъ нихъ берутъ формы уже примѣнявшіяся ранѣе въ нашемъ зодчествѣ, а именно въ XVI столѣтіи, другіе же изыскивали совершенно новые пріемы. Къ первымъ надо отнести тѣхъ мастеровъ, которые вернулись къ восьмерикамъ; однако, восьмигранныя призмы этихъ мастеровъ вслѣдствіе отсутствія кокошниковъ, служившихъ переходомъ къ шеѣ главы, и совершенно новаго характера уборныхъ мотивовъ, имѣютъ только общее сходство съ восьмериками XVI вѣка. Ко второй группѣ зодчихъ надо отнести строителей церкви Воскресенія въ Кадашахъ и церкви Іоасафа Царевича. Первый поднялъ у восточныхъ угловъ церкви высокія круглыя башни боковыхъ апсидъ и замѣнилъ ходовыя паперти второго яруса простыми гульбищами, а послѣдній уже совершенно не счелъ нужнымъ считаться съ традиціями предшествующихъ періодовъ зодчества и такъ сгруппировалъ главныя массы своей церкви, что она не имѣетъ почти ничего общаго съ произведеніями самобытнаго зодчества XVII вѣка. Въ своемъ мѣстѣ мы указали, почему массы церкви Іоасафа Царевича получили именно такую

---

[1]) Одна глава средней части Марковской церкви такъ же, какъ и ея внутренніе столбы является какъ бы возвратомъ къ старому.

[2]) Т.-е. при низкихъ алтаряхъ и трапезныхъ.

группировку и откуда она могла быть заимствована зодчимъ; поэтому не будемъ больше останавливаться на этихъ вопросахъ, а замѣтимъ только, что форма основныхъ массъ этой церкви, а также восьмерики придѣла и колокольни церкви въ Казицкомъ переулкѣ являются непосредственными предтечами тѣхъ основныхъ формъ, которыя характеризуютъ церкви начала XVIII вѣка.

Изъ четырнадцати разсмотрѣнныхъ нами церквей восемь вовсе не имѣютъ подклѣтовъ, шесть же остальныхъ памятниковъ можно раздѣлить на двѣ группы; къ первой относятся: двойной храмъ Чудова монастыря, Останкинская и Марковская церкви, въ которыхъ подклѣты имѣются; но послѣдніе не были предназначены для устройства въ нихъ теплыхъ (зимнихъ) церквей. Ко второй группѣ принадлежатъ: соборная церковь Знаменскаго монастыря, церковь Іоасафа Царевича и, наконецъ, церковь Воскресенія въ Кадашахъ, построенная въ два яруса; нижній ярусъ этихъ памятниковъ, хотя и очень невысокій, предназначался уже при постройкѣ для устройства въ немъ зимней церкви, что, если и не являлось новшествомъ, то все-таки до второй половины XVII вѣка практиковалось очень рѣдко. Такимъ образомъ, если судить по разсмотрѣннымъ памятникамъ, чисто самобытный пріемъ устройства подъ церквами подклѣтовъ или совсѣмъ не примѣняется зодчими второй половины XVII вѣка, или получаетъ новую окраску, особенно пришедшуюся по вкусу зодчимъ слѣдующаго періода архитектуры.

Если видоизмѣненія въ группировкѣ главныхъ массъ церквей второй половины XVII вѣка довольно опредѣленно говорятъ о томъ, на чью сторону клонилась побѣда въ борьбѣ двухъ партій, то эволюція уборныхъ мотивовъ этой эпохи не оставляетъ уже въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній. Прослѣдить послѣдовательность этой борьбы, конечно, невозможно, такъ какъ, во-первыхъ, многихъ церквей разсматриваемой эпохи до насъ не дошло вовсе, а во-вторыхъ, сама борьба продолжалась слишкомъ не долго, отчего долженъ былъ происходить водоворотъ формъ: одновременно строились церкви въ двухъ разнохарактерныхъ стиляхъ и, наконецъ, такія, уборныя формы которыхъ, какъ бы колебались между двумя направленіями и являлись переходными отъ одного къ другому.

Поэтому, оставивъ въ сторонѣ хронологическую послѣдовательность раздѣлимъ разсмотрѣнные памятники на группы, болѣе или менѣе отличающіеся другъ отъ друга по характеру ихъ уборныхъ формъ, отвѣчающему извѣстной стадіи эволюціи.

Сопоставляя такіе памятники, какъ церковь Василія Кесарійскаго, Казанской Божіей Матери въ Старомъ Сущевѣ и Введенскую церковь Новинскаго монастыря, съ блестящими представителями самобытнаго зодчества, какъ, напримѣръ, церковь Св. Троицы въ Никитникахъ, Св, Николая въ Пы-

жахъ и т. д., мы должны прійти къ заключенію, что зодчіе трехъ первыхъ изъ упомянутыхъ памятниковъ продолжаютъ повторять мотивы убранства церквей середины XVII столѣтія. Однако, въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ ни той жизненности, ни слѣдовъ вдохновенія, какими отличаются памятники середины столѣтія. Зодчіе какъ бы истощили на время запасъ творческихъ силъ и не будучи въ состояніи создать что-либо новое въ уже вполнѣ установившемся, скажемъ — старомъ, направленіи, продолжаютъ повторять примелькавшіяся всѣмъ формы; чувствуя, что это уже не удовлетворяетъ многихъ, они идутъ на ухищренія: перетасовываютъ[1]) прежнее, довольно логичное размѣщеніе формъ, но, понятно, не достигаютъ этимъ желаемаго результата, потомучто знакомая форма, поставленная на новомъ, необычномъ для нея мѣстѣ приводитъ зрителя въ недоумѣніе, но не удовлетворяетъ его эстетическихъ запросовъ; при томъ сама трактовка зодчими этихъ формъ груба и тяжеловѣсна, въ особенности на церкви Введенія и Казанской Божіей Матери. Итакъ, если декорація этихъ церквей представляетъ собою искаженіе прежнихъ пріемовъ, а отдѣльныя формы, не заключая въ себѣ новыхъ элементовъ, являются грубой копіей старыхъ мотивовъ, то всю эту группу церквей вмѣстѣ съ подобными ей мы въ правѣ назвать группой упадка самобытнаго искусства.

Но истощился не родникъ творческихъ силъ, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ, а запасъ формъ, выработанныхъ извѣстнымъ художественнымъ направленіемъ. Поэтому болѣе чуткіе и талантливые зодчіе начинаютъ сознавать необходимость вырваться изъ замкнутаго круга, освободиться отъ уже опошлѣвшаго до извѣстной степени кодекса архитектурно-декоративныхъ законовъ. Въ этомъ стремленіи найти новые пути московскіе мастера разбиваются на два лагеря, изъ которыхъ одинъ, болѣе склонный къ завѣтамъ прежняго искусства, ищетъ новыхъ эффектовъ въ излишнемъ богатствѣ и главнымъ образомъ въ вычурности формъ; другой же лагерь наоборотъ видитъ свой идеалъ въ простотѣ, въ архитектурной стройности композиціи всего убранства, а не въ массѣ фантастическихъ мотивовъ. Этотъ послѣдній лагерь все болѣе и болѣе обращаетъ свои взоры на западъ, отъ котораго ждали откровенія всѣ тѣ, кто способенъ былъ видѣть дальше того, что непосредственно находилось передъ глазами. Памятниками безспорно творческой работы мастеровъ перваго лагеря остались намъ церкви на Берсеневкѣ, въ Хамовникахъ, въ селѣ Богородскомъ и, наконецъ, въ селахъ Останкинѣ и Марковѣ. Быть можетъ идеи, руководившія этими мастерами, ложныя; быть можетъ, увлекаясь ими, они шли по невѣрному пути, — рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ общаго взгляда на задачи искусства вообще

---

[1]) См. церковь Василія Кесарійскаго.

и архитектуру въ частности; но во всякомъ случаѣ зодчіе, построившіе всѣ эти церкви, и въ особенности Марковскую и Останкинскую, вкладывали душу въ свою работу и стремились къ осуществленію намѣченныхъ идеаловъ, а не лгали какъ тѣ, кто рабски и мертво копировали внѣшность, отставъ или уйдя впередъ отъ пониманія сущности; поэтому оставленные ими намъ памятники должны быть отнесены къ истиннымъ произведеніямъ искусства, тогда какъ церкви первой группы останутся всегда образцами простого мастерства.

Быстро совершавшаяся эволюція должна была выдвинуть въ Москвѣ новыя направленія; поэтому въ столицѣ осталось сравнительно мало памятниковъ Останкинскаго, если будетъ дозволено такъ выразиться, типа; но въ болѣе отдаленныхъ отъ центра мѣстахъ, куда результаты борьбы проникали медленнѣе, тамъ этотъ стиль, какъ непосредственно вылившійся изъ высокаго самобытнаго, нашелъ много приверженцевъ, оставившихъ прекрасные образцы своего искусства. Ростовъ, Ярославль, Рязань, Калуга и масса другихъ городовъ хранятъ памятники этого направленія зодчества, отличающіеся другъ отъ друга сравнительно мелкими чертами, обуславливаемыми мѣстными вкусами.

Теперь вернемся къ произведеніямъ зодчества, второго лагеря. Къ такимъ памятникамъ нужно отнести двойную церковь Чудова монастыря, объ церкви упраздненнаго Георгіевскаго монастыря и церковь Успенія въ Печатникахъ. Изъ всего сказаннаго объ этихъ церквахъ видно, что онѣ по простотѣ уборныхъ мотивовъ представляютъ полную противоположность церквамъ Останкинскаго типа. Строившіе ихъ зодчіе стояли на перепутьи, такъ какъ, съ одной стороны, ихъ болѣе не удовлетворяли общіе пріемы декораціи середины XVII вѣка, съ другой же стороны, имъ была не по сердцу роскошь и вычурность сторонниковъ враждебнаго лагеря; въ силу этого они предпочитали обращать все вниманіе на строгость архитектурной вязки простой по характеру композиціи. Этимъ они какъ бы подчеркивали превосходство своихъ логичныхъ, говорящихъ о знакомствѣ съ западной наукой, композицій надъ простодушными композиціями зодчихъ середины столѣтія. Та же руководящая идея сквозитъ и въ характерѣ отдѣльныхъ деталей, поэтому въ общемъ произведенія мастеровъ этого лагеря немного суховаты: въ нихъ больше ума, нежели чувства и вдохновенія. Однако, въ двухъ послѣднихъ церквахъ, то есть въ соборной церкви Георгіевскаго монастыря и церкви Успенія въ Печатникахъ, начинаетъ проглядывать нѣкоторое желаніе обогатить формы; оно замѣтнѣе всего на верхахъ оконныхъ наличниковъ, которые къ тому же ясно говорятъ о томъ, откуда эти мотивы заимствованы. Это уже формы Барокко; но украшая собою главныя массы все еще прежняго типа, формы эти какъ бы теряются, тѣмъ, болѣе, что онѣ пока не многочисленны.

Дальнѣйшимъ шагомъ по пути зодчихъ второго лагеря являются церкви Іоасафа Царевича, Воскресенія въ Кадашахъ и Сергія въ Казицкомъ переулкѣ. Эта группа церквей говоритъ о томъ, что нѣкоторые зодчіе рѣшили окончательно отрѣшиться отъ декоративныхъ мотивовъ самобытнаго стиля и всецѣло идти по слѣдамъ Запада. Капризныя, но красивыя и иногда богатыя формы не оставляютъ сомнѣнія въ своемъ близкомъ сродствѣ съ формами италіанскаго Барокко, попавшаго къ намъ на Русь черезъ нѣмецкія и польскія руки. Вполнѣ отвѣчая характеру и группировкѣ главныхъ и второстепенныхъ массъ, уже сильно отличающихся отъ массъ церквей середины столѣтія, эти декоративныя формы окончательно характеризуютъ то направленіе зодчества, которое должно было развиться пышнымъ цвѣткомъ въ началѣ первой четверти XVIII столѣтія. Одновременно съ этимъ послѣдняя группа памятниковъ говоритъ о томъ, на чьей сторонѣ оказалась побѣда: время самобытнаго искусства, сказавшаго въ Москвѣ свое послѣднее слово въ Останковской церкви, прошло; уже была близка та пора, когда всѣ, кто находили красоту въ самобытныхъ принципахъ искусства клеймились именемъ варваровъ, когда все иноземное безъ разбора окружалось ореоломъ высшихъ ступеней проявленій человѣческаго духа. Это время было уже не за горами; но прежде чѣмъ совершенно порвать связь со своимъ роднымъ искусствомъ, Москва оставила намъ еще одну группу памятниковъ, которые говорятъ о силѣ творческихъ способностей народа и той энергіи, съ которой онъ отстаивалъ свой собственный обликъ и объ исконной способности по своему перерабатывать все то, что попадало на Русь со стороны и не противорѣчило ея природнымъ вкусамъ.

Видя что стараго не воскресить, что въ этой области искусства уже исчерпано почти все, и что старыми средствами бороться съ нагрянувшимъ западнымъ искусствомъ невозможно, московское зодчество дѣлаетъ послѣднее усиліе сохранить свой обликъ, отличный отъ нивеллирующей архитектуры запада и создаетъ тѣ фантастически-прекрасныя церкви, которыя поразили даже Наполеона, приказавшаго своимъ солдатамъ щадить ихъ[1]). Этотъ послѣдній моментъ борьбы за національное искусство представляетъ собою церковное зодчество послѣдняго десятилѣтія XVII вѣка и первой четверти XVIII; зодчество сложившееся изъ двухъ элементовъ — элементовъ самобытныхъ, легшихъ въ основу композиціи зданій, и элементовъ западныхъ, покрывшихъ послѣднія причудливой декораціей. Мы подразумѣваемъ здѣсь ту группу московскихъ церквей, которыя построены въ стилѣ «Русскій Барокко», и разсмотрѣнію которыхъ посвящена слѣдующая, послѣдняя глава настоящаго очерка.

[1]) Церковь Успенія Божіей Матери на Покровкѣ (см. слѣдующую главу).

ГЛАВА XII.

Въ Китай-городѣ, у Ильинскихъ воротъ, находится церковь Николая Чудотворца, именуемая Большой крестъ (рис. № 238). Въ церковныхъ записяхъ этого памятника имѣется указаніе, что онъ построенъ на мѣстѣ старой церкви въ 1680 году и что храмоздателями были архангелогородскіе купцы Филатьевы [1]). Подтвержденіемъ указанія церковныхъ записей является свидѣтельство строительной книги 1689 года, въ которой церковь Николая Чудотворца значится уже каменной[2]).

Ц. Николая Чудотворца (Большой Крестъ).

Рис. 238.
По фот Иванова-Терентьева.

Это незначительное по занимаемой имъ площади зданіе имѣетъ очень большую высоту и, кромѣ того, стоитъ на подклѣтѣ, еще болѣе вытягивающемъ его верхъ; главная часть зданія окружена какъ бы обрывками открытыхъ (ходовыхъ) папертей, къ которымъ ведутъ лѣстницы. Въ планѣ церковь представляетъ правильный квадратъ, къ которому съ востока примыкаетъ трехапсидный алтарь; трапезной нѣтъ, но съ южной и западной сторонъ къ церкви примыкаютъ небольшіе квадратные въ планѣ притворы, перерѣзающіе открытыя паперти. Такимъ образомъ, какъ по плану, такъ и по композиціи главныхъ массъ, — если только не принимать во вниманіе высоту самой церкви, — разсматриваемый памятникъ имѣетъ много общихъ чертъ съ церквами середины XVII вѣка.

Если бы даже точный годъ постройки разсматриваемой церкви не былъ извѣстенъ, то приблизительное время ея сооруженія можно было бы устано-

[1]) «Древности». Труды Московскаго Арх. Общества. Т. XX, вып. 1, стран. 92.
[2]) П. Е. Забѣлинъ. „Матеріалы для исторіи археологіи и статистики г. Москвы 1881 г., стран. 386.

вить сопоставляя ее съ надвратной церковью Преображенія въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ, построенной, какъ извѣстно, въ 1688 году[1]) и такъ сильно на нее похожей, что обѣ эти церкви кажутся построенными однимъ и тѣмъ же зодчимъ.

Чтобы сдѣланное нами предположеніе не осталось голословнымъ, разсмотримъ болѣе подробно внѣшній видъ обѣихъ этихъ церквей. Начнемъ съ церкви Николая Чудотворца, какъ съ болѣе богатой.

Возвышающаяся надъ подклѣтомъ башневидная призма раздѣлена карнизами на четыре части; фризъ нижняго изъ этихъ карнизовъ украшенъ триглифами, что прекрасно вяжется съ дорическаго типа колонками, размѣщенными у угловъ нижняго яруса. Метопы фриза заполнены розетками тончайшей работы. Подъ архитравомъ второго карниза размѣщенъ рядъ поддерживающихъ его небольшихъ кронштейновъ; карнизъ этотъ, подобно нижнему, раскрепованъ надъ колонками, имѣющими роскошныя коринѳскія капители. Колонки обоихъ ярусовъ опираются на пьедесталы, а не на обычные у насъ въ эпоху Барокко кронштейны. Третій карнизъ состоитъ изъ одной только вѣнчающей части: у него нѣтъ ни архитрава, ни фриза. Колонки въ этомъ ярусѣ замѣнены пилястрами, которыя суживаются[2]) къ низу и украшены кронштейнами, волютами, великолѣпно вылѣпленными вѣнками и орнаментами.

Карнизъ верхняго яруса настолько бѣденъ обломами, что его еле видно изъ подъ тончайшаго кружева подзоровъ кровли. Углы этого яруса ничѣмъ не убраны, зато стѣнки его почти сплошь заполнены большими великолѣпными раковинами, обтянутыми архивольтами; въ пазухахъ послѣднихъ виднѣются страннаго вида орнаменты, которые общей своей формой напоминаютъ крылатые диски. Точно такіе же орнаменты увѣнчиваютъ архивольты, огибающіе раковины, которыми убранъ пьедесталъ средняго верха церкви; раковинами же украшены и грани пьедесталовъ остальныхъ верховъ.

Шеи всѣхъ пяти верховъ имѣютъ восьмиугольную форму; ихъ ребра украшены витыми колонками съ чудными коринѳскими капителями; пьедесталы этихъ колонокъ украшены филенками. Всѣ пять стройныхъ луковичныхъ главъ церкви покрыты выпуклыми шестиконечными звѣздами и увѣнчаны большими и сложными крестами; полицы луковицъ раскрепованы и обтянуты прорѣзными подзорами.

Окна двухъ нижнихъ ярусовъ имѣютъ прямоугольную форму; ихъ наличники скомпанованы аналогично, при чемъ обычныя въ эту эпоху колонки замѣнены здѣсь суживающими къ низу пилястрами, поставленными

---

[1]) Смотри «Русская Старина» въ памятникахъ и т. д. Мартыновъ. Тетрадь 15, стран. 156.

[2]) Суживаются къ низу только угловыя пилястры, а среднія имѣютъ одинаковую ширину по всей ихъ высотѣ и притомъ онѣ менѣе богато украшены, нежели угловыя.

на кронштейнахъ. Подоконники наличниковъ, упомянутыя пилястры и, наконецъ, вѣнчающіе ихъ разрѣзные фронтоны сплошь покрыты сложными и очень изящными орнаментами. Также богато орнаментированы и наличники восьмиугольныхъ оконъ третьяго яруса.

Крыльцо ц. Николая Чудотворца.

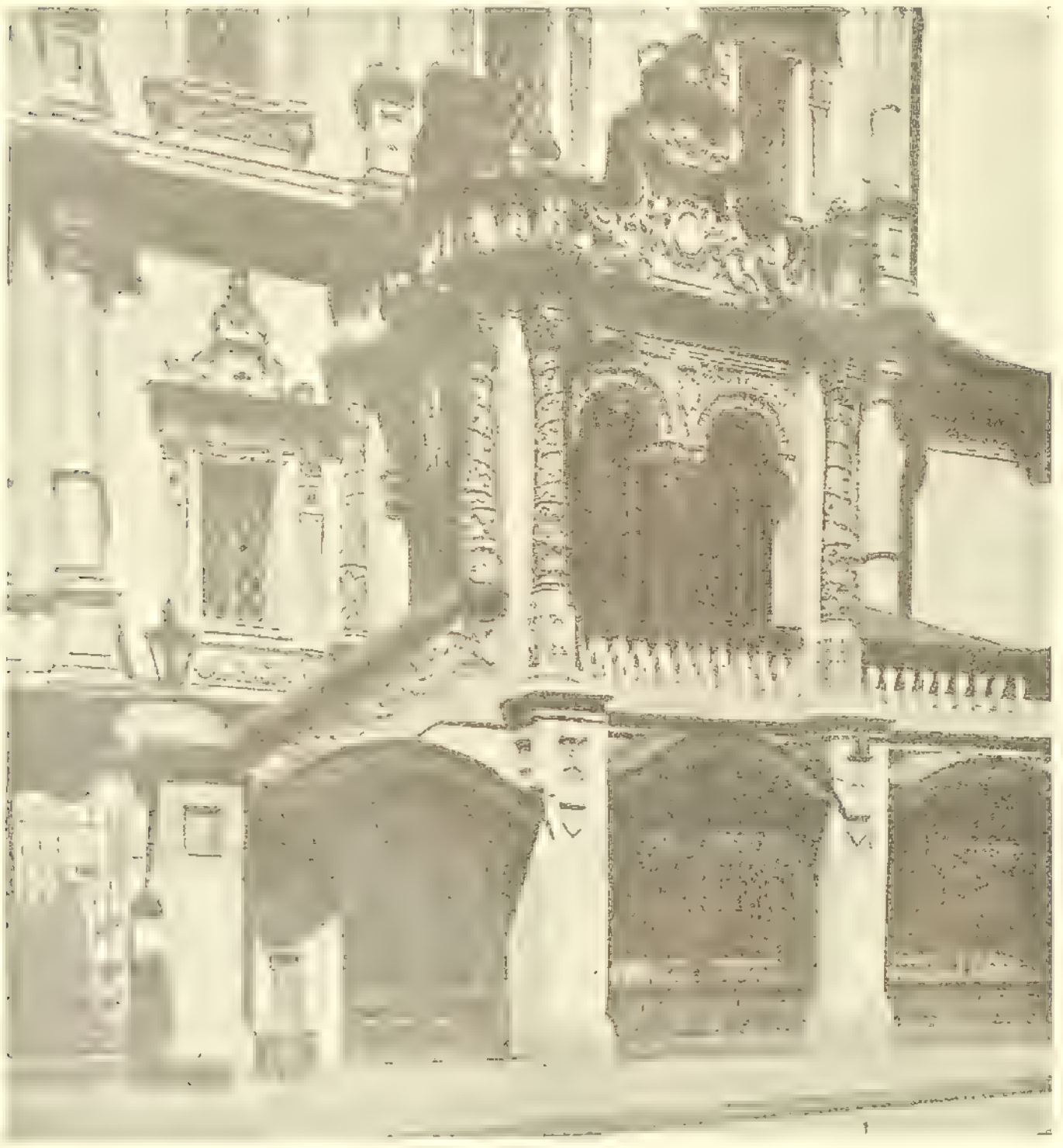


Рис. 239. По И. Грабарю

Убранство алтарныхъ апсидъ болѣе спокойно, въ особенности по сравненію съ отдѣлкой закрытыхъ папертей, которая скорѣе напоминаетъ произведеніе ювелира, нежели архитектора. Въ самомъ дѣлѣ, орнаменты почти сплошь покрываютъ пьедесталы и стержни колонокъ, сливаются съ ихъ коринѳскими капителями, переходятъ на фризы карнизовъ, закрываютъ пазухи

подвѣсныхъ арочекъ, и, наконецъ, поднимаются на сложные, разрѣзные фронтоны. Глазу зрителя не на чемъ отдохнуть — онъ скользитъ и теряется въ этой фантасмагоріи формъ и орнаментовъ; нужно извѣстное напряженіе, чтобы разобраться въ путаницѣ мотивовъ, а это конечно, раздражаетъ, и въ результатѣ получается нѣсколько безпокойное впечатлѣніе, которое еще усиливается разнохарактерностью орнаментаціи. Чтобы убѣдиться въ послѣдней достаточно сопоставить раковины верхняго яруса съ орнаментомъ перилъ южной лѣстницы (рис. № 239). Очевидно, что зодчій былъ знакомъ со всѣми оттѣнками Ренесанса, но не умѣлъ, или не хотѣлъ въ нихъ разобраться, чѣмъ, конечно, придалъ бы своему произведенію большую цѣльность.

Тѣмъ не менѣе памятникъ все же прекрасенъ и говоритъ о большомъ дарованіи его строителя.

Чтобы закончить это краткое описаніе церкви Николая Чудотворца, скажемъ, что всѣ ея уборныя части, за исключеніемъ стержней колоннъ, сдѣланы изъ естественнаго камня, желтовато-бѣлый тонъ котораго прекрасно гармонировалъ съ темно-краснымъ цвѣтомъ кладки, которая, къ сожалѣнію, закрыта въ настоящее время зеленой масляной краской.

Теперь перейдемъ къ обзору церкви Преображенія въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ, при чемъ будемъ разсматривать только саму церковь; относительно же нижней части зданія, то есть о воротахъ, замѣтимъ только, что характеръ ихъ архитектуры совершенно тотъ же, что и у самой церкви (рис. № 240). При первомъ же взглядѣ на рисунокъ мы увидимъ, что по композиціи главныхъ массъ церковь Преображенія аналогична съ церковью Николая Чудотворца: та же столпообразная, квадратная въ планѣ четырехъярусная главная часть, увѣнчанная пятью главами на призматическихъ шеяхъ; такой же сравнительно низкій алтарь и, наконецъ, сходство завершается тѣмъ, что всѣ эти массы высятся надъ устоями и сводами воротъ, которые въ общей ихъ сложности отвѣчаютъ подклѣту церкви Николы Большой Крестъ. Разница между этими церквами заключается только въ томъ, что первая изъ нихъ имѣетъ трапезную, которой у второй нѣтъ, и что алтарю ея придана прямоугольная форма. Такая форма алтаря, очевидно, вызвана желаніемъ зодчаго соблюсти симметрію въ верхней части зданія, отвѣчающую тремъ пролетамъ воротъ[1]); поэтому онъ скомпановалъ алтарь прямоугольнымъ, безъ апсидъ, то есть точно такого же вида, какъ и трапезную. Однако, зодчій не могъ окончательно отрѣшиться отъ древняго трехапсиднаго пріема композиціи алтарей: это сказалось въ трехъ внутреннихъ нишахъ, которыя онъ устроилъ въ восточной стѣнѣ алтаря, извнѣ церкви плоской.

---

[1]) Западный пролетъ теперь заложенъ.

Главная часть зданія увѣнчана пятью верхами[1]), шен которыхъ имѣютъ такую же восьмигранную форму, какъ и у церкви Николая Чудотворца; но форма самихъ главъ совершенно другая: онѣ представляютъ собою граненыя, насажешыя другъ на друга луковицы, которыя въ свою очередь насажены на пирамидальныя основанія съ вогнутыми ребрами. Въ общемъ получилась вычурная форма, напоминающая скорѣе какія-то закрытыя крышками вазы, нежели церковныя главы[2]). Что касается декораціи Преображенской церкви,

Ц. Преображенія въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ.

Рис. 240. По фот. М. Красовскаго.

то и она совершенно аналогична съ декораціей церкви Николая Чудотворца: тѣ же коринѳскаго типа колонки, раковины, разрѣзанные фронтоны наличниковъ и, наконецъ, утопляющіяся къ низу и опирающіяся на кронштейны пилястры.

Правда, здѣсь нѣтъ такой фантастичной орнаментаціи, какъ въ церкви Николая Чудотворца, но это, вѣроятно, зависѣло только отъ матеріальныхъ

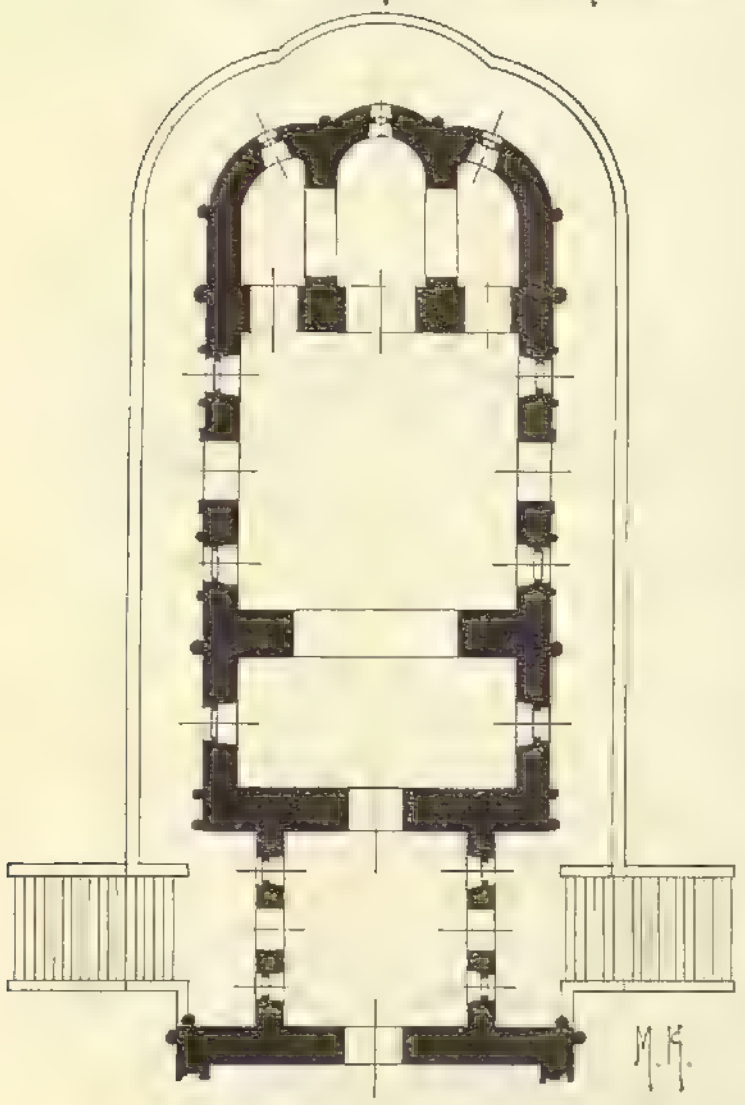
[1]) Шен главъ опираются на сомкнутый сводъ, покрывающій церковь; въ этомъ сводѣ такъ же, какъ и вверху стѣнъ главной части, устроены голосники.

[2]) Такія главы часто встрѣчаются въ церковномъ зодчествѣ Ярославля.

средствъ, которыми располагали храмоздатели, а не отъ вкуса зодчаго. Наконецъ, всѣ уборныя формы церкви Преображенія сдѣланы изъ бѣлаго камня, а поля стѣнъ не покрыты штукатуркой[1]).

Полагаемъ, что сдѣланнаго нами описанія этихъ двухъ памятниковъ достаточно, чтобы убѣдится въ вѣрности нашего предположенія относительно того, что оба разсмотрѣнныхъ памятника слѣдуетъ въ силу ихъ поразительнаго сходства приписать одному и тому же зодчему, имя котораго къ сожалѣнію остается пока неизвѣстнымъ. Вѣроятно, онъ былъ русскій, такъ какъ на это какъ бы указываетъ сродство скомпанованныхъ имъ плановъ съ планами церквей предшествующаго періода, тогда какъ во многихъ послѣдующихъ памятникахъ формамъ ихъ плановъ придана совершенно новая форма.

Схема плана церкви села Сафарина.



По А. Потапову и А. Мартынову

Рис. 241.

Къ числу послѣднихъ принадлежитъ церковь во имя Пресвятой Богородицы, находящаяся въ подмосковномъ селѣ Сафаринѣ. Храмозданная грамота на постройку этой церкви была дана послѣднимъ московскимъ патріархомъ Андріаномъ въ 1691 году.

Какъ видно изъ прилагаемаго наброска (рис. № 241)[2]), планъ Сафаринской церкви не представляетъ никакихъ особенностей: онъ скомпанованъ въ видѣ «корабля» и типиченъ для рядовыхъ церквей второй половины XVII-го вѣка. Зато при первомъ же взглядѣ на внѣшній видъ церкви становится яснымъ, что ея зодчій придерживался въ этомъ отношеніи совершенно другихъ принциповъ, нежели тѣ, которыми руководствовались мастера церквей, разсмотрѣнныхъ нами въ предыдущей главѣ (рис. № 242). Въ самомъ дѣлѣ, вокругъ небольшого по высотѣ подклѣта, служившаго усыпальницей, находились ходовыя галлереи-паперти[3]), арки и своды которыхъ несли на

[1]) Въ настоящее время поля стѣнъ выкрашены въ красную краску, болѣе яркую, нежели цвѣтъ кирпича.

[2]) Заимствованъ изъ книги А. А. Потапова. Очеркъ древней русской гражданской архитектуры. 192 табл. XXIV.

[3]) Въ настоящее время ихъ уже не существуетъ.

Церковь села Сафарина.

Рис. 242. По А. Мартынову.

себѣ открытую паперть (балконъ), окружавшую церковь со всѣхъ сторонъ. Только часть западной стороны этого балкона была занята невысокимъ помѣщеніемъ (притворомъ), соединявшимъ церковь съ палатами [1]); безъ этой же части все зданіе производило бы впечатлѣніе высокой башни, стоящей въ серединѣ террасы. Дѣйствительно, нижній ярусъ самой церкви представляетъ собою четверикъ, къ которому съ востока примыкаетъ болѣе низкій алтарь, а съ запада четырехгранная призма трапезной; послѣдняя имѣетъ почти одинаковую высоту съ четверикомъ церкви. Надъ послѣднимъ высятся два

Соденьгская церковь [2]).

Рис. 243. По фот. И. Аншукова.

восьмерика, завершающихся сферической крышей; послѣдняя служитъ плавнымъ переходомъ къ двумъ меньшимъ восьмерикамъ, изъ которыхъ нижній представляетъ собою помѣщеніе для колоколовъ [3]), а верхній служитъ какъ бы шеей для луковичной главы, которая, однако, покоится не непосредственно на шеѣ, а какъ бы посажена на пирамидальное покрытіе послѣдней.

---

[1]) Очень возможно, что притворъ представляетъ собою позднѣйшую пристройку. На это какъ бы указываютъ полуциркульные верхи его оконъ, не похожіе какъ на всѣ остальныя окна церкви, такъ и палатъ, имѣвшихъ прямоугольные верхи.

[2]) Вологодской губ. Вельскаго у.

[3]) Лѣстница къ звону устроена въ толщѣ западной стѣны четверика. Она начинается дверью въ углу трапезной, приводитъ на хоры церкви и затѣмъ уже идетъ къ звону.

Вся эта стройная, стремящаяся вверхъ композиція заканчивается высокимъ крестомъ на небольшомъ яблокѣ.

Такимъ образомъ, по группировкѣ главныхъ массъ, Сафаринская церковь не имѣетъ ничего общаго съ обычнымъ (пятиглавымъ) типомъ церквей второй половины XVII вѣка, разсмотрѣнныхъ въ главѣ XI, и только въ общихъ чертахъ напоминаетъ церковь Іоасафа Царевича. Откуда же зодчій интересующаго насъ памятника могъ заимствовать идею такой группировки главныхъ массъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ отчасти сами массы; всѣ эти четверики и восьмерики встрѣчаются намъ не впервые, мы видѣли ихъ въ церквахъ самобытнаго направленія зодчества XVI вѣка и убѣдились, что мастера заимствовали ихъ для композиціи каменныхъ церквей изъ конструктивныхъ пріемовъ деревяннаго зодчества. Естественно поэтому искать въ этой же области зодчества и прототипы той своеобразной группировки, того новаго въ московскомъ каменномъ зодчествѣ пріема, образцомъ котораго является группировка массъ Сафаринской церкви. Чтобы убѣдиться въ томъ, что сдѣланное нами предположеніе вѣрно, стоитъ сравнить интересующій насъ памятникъ съ двумя древними церквами Вологодской губерніи (рис. №№ 243 и 244), въ которыхъ надъ нижнимъ четверикомъ высятся ярусы постепенно уменьшающихся восьмериковъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга сферическими крышами и заканчивающихся луковичной главкой.

Верхнеѓшенгская церковь[1]).

Рис. 244.
По фот. И. Аншукова.

Характеръ внѣшней декораціи Сафаринской церкви довольно спокойный; злѣсь почти нѣтъ такихъ формъ, которыя являлись бы лишними и затемняли бы общій смыслъ довольно логичной композиціи. Характернымъ мотивами являются, во-первыхъ, коринѳскія колонки, отмѣчающія всѣ углы массъ и края просвѣтовъ; колонки эти только въ нижнемъ ярусѣ поставлены на пьедесталы, а въ верхнемъ имъ служатъ основаніемъ типичные, похожіе на крючья, кронштейны. Во-вторыхъ, тѣ странные отрѣзки дуговыхъ фронтоновъ, которые, какъ парапеты, возвышаются надъ вѣнчающими карнизами четверика, трапезной и апсидъ; московскіе люди прозвали эти украшенія мѣткимъ прозвищемъ «пѣтушьихъ гребешковъ», съ которыми они дѣйствительно имѣютъ сходство. Мотивъ этотъ очень привился и почти всѣ церкви разсматриваемаго періода въ изобиліи украшены подобными гребешками;

[1]) Вологодской губ. Тотемскаго у.

точно такое же широкое примѣненіе получили и тѣ прямолинейные и криволинейные фронтоны, которые возвышаются надъ вѣнчающими карнизами восьмериковъ Сафаршиской церкви. Оба типа фронтоновъ имѣютъ разрѣзные верхи. Наконецъ, нужно указать на восьмигольныя, обрамленныя многообломными наличниками окна, находящіяся на высокомъ фризѣ четверика.

Ц. Св. Петра въ Петровско-Разумовскомъ.

Рис. 245. По И. Грабарю.

Перечисленными формами исчерпываются главные мотивы декораціи разсматриваемаго памятника. Болѣе подробно мы не станемъ на нихъ останавливаться, такъ какъ за исключеніемъ «пѣтушьихъ гребешковъ» и ломаныхъ контуровъ входныхъ дверей, онѣ не представляютъ для насъ ничего

новаго: нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, разрѣзные «выгрызенные» фронтоны мы видѣли, правда, въ иномъ примѣненіи (на окопныхъ наличникахъ) на многихъ церквахъ середины XVII столѣтія, и при томъ на такихъ, зодчіе которыхъ явно желали придерживаться самобытнаго направленія искусства; другія же формы, какъ, напримѣръ, кронштейны, колошки корпоскаго типа и такъ называемые «oeil de bœuf» встрѣчались намъ въ церквахъ Іоасафа-Царевича, Георгіевскаго монастыря, Воскресенія въ Кадашахъ и въ церкви св. Сергія въ Казицкомъ переулкѣ, и при томъ на тѣхъ же мѣстахъ, что и въ разсмотрѣнномъ памятникѣ [1]).

Насколько красива и стройна по своимъ пропорціямъ церковь села Сафарина, настолько неблагопріятное впечатлѣніе производитъ церковь Владимірской Божіей Матери у Никольскихъ воротъ, построенная въ 1692 году; говоря точнѣе въ этомъ году была построена только главная часть церкви, а трапезная была пристроена двумя годами позднѣе [2]).

Какъ видно изъ рисунка (рис. № 246), планъ разсматриваемаго памятника очень простъ: это три связанныхъ вмѣстѣ и расположенныхъ по направленію западъ-востокъ прямоугольника; къ восточной стѣнѣ послѣдняго изъ нихъ примыкаетъ одна маленькая полукруглая апсида, похожая скорѣе на нишу, нежели на большія алтарныя полукружія церквей предшествующей эпохи. Очевидно, что зодчій Владимірской церкви не видѣлъ существенной необходимости въ устройствѣ не только трехъ, относительно большихъ алтарныхъ апсидъ, но даже и одной; однако, все-

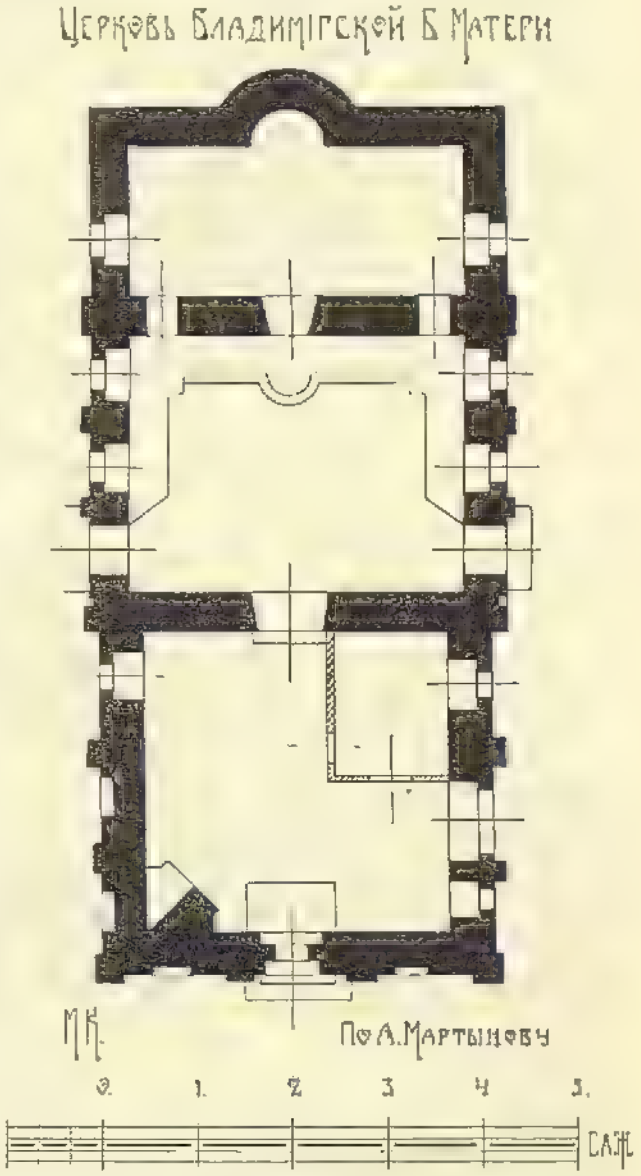


Рис. 246.

---

[1]) Много общаго съ Сафаринской церковью имѣетъ церковь Св. Петра въ Петровско-Разумовскомъ, построенная около 1692 года. (Рис. № 245).

Правда, она менѣе богата, нежели первая, какъ по общимъ массамъ, такъ и по деталямъ, но замыслы зодчихъ, строившихъ эти два памятника, безспорно аналогичны: открытыя террасы, окружающія подклѣты, троечастныя дѣленія алтарей, имѣющихъ одинаковую высоту съ трапезными, и, наконецъ, башневидныя среднія части, состоящія изъ четверниковъ, надъ которыми громоздятся восьмерики — все это очень похоже другъ на друга и ставитъ эти два памятника въ такую же тѣсную связь, какую мы отмѣтили въ отношеніи церквей Николая Б. Кресть и Преображенія въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ.

[2]) Мартыновъ. Русская старина и т. д. Тетрадь 10, стран. 111.

таки онъ еще не могъ окончательно отрѣшиться отъ установившагося обычая и устроилъ эту нишу, уступая требованіямъ традиціи.

Ц. Владимірской Б. Матери.

Рис. 247.

По Найдёнову.

Подклѣта въ храмѣ нѣтъ; главная часть церкви покрыта восьмигранымъ сомкнутымъ сводомъ. Надъ сводомъ высится восьмигранная же шея, грани которой прорѣзаны большими окнами прямоугольной формы. Кромѣ этихъ оконъ церковь освѣщается еще тремя ярусами оконъ, дающихъ много свѣта. Замѣтимъ при этомъ, что окна второго яруса четверика имѣютъ восьмиугольную форму и обрамлены снаружи такими же мелко обломными наличниками, какъ и подобные же «oeil de bœuf» церкви села Сафарина. Діагональныя грани восьмерика поддерживаются парусами.

Какъ мы уже замѣтили, соотношеніе главныхъ массъ церкви производитъ неблагопріятное впечатлѣніе. Между низкимъ, придавленнымъ вышележащими частями четверикомъ и послѣдующимъ восьмерикомъ нѣтъ никакого перехода; лицевыя грани послѣдняго опираются непосредственно на стѣны четверика, поэтому онъ кажется слишкомъ грузнымъ, и это впечатлѣніе еще усиливается тѣмъ, что стѣны восьмерика по своей высотѣ почти равны стѣнамъ четверика (рис. № 247). Отношеніе луковичной главы, покоящейся на восьмигранной шеѣ, къ восьмерику пропорціонально; однако, это нисколько не искупаетъ недостатка высоты низа церкви, а наоборотъ еще усиливаетъ представленіе о томъ, что верхнія части, начиная съ восьмерика, принадлежатъ другому болѣе высокому зданію и только какъ бы на время поставлены на низкій четверикъ. Высота трапезной еще меньше, нежели у восьмерика; благодаря же низкому цоколю, она кажется вросшей въ землю.

Недостатки композиціи главныхъ массъ зодчій хотѣлъ, повидимому, скрыть богатой декораціей, общій характеръ которой тотъ же, что и въ церкви села Сафарина; однако, отдѣльныя формы этой декораціи гораздо причудливѣе. Особенно замысловаты и фантастичны—разрѣзные фронтоны, увѣнчивающіе стѣны трапезной, а также стѣны обоихъ ярусовъ главной части церкви. Надъ каждой стѣной трапезной помѣщено по три фронтона, которые, благодаря ихъ глубокимъ вырѣзкамъ, кажутся группами какихъ то когтей [1]); надъ этими фронтонами и между ними высятся четырехгранныя пирамидки, увѣнчанныя шарами; промежуточныя пирамидки поставлены на пьедесталы. Фронтоны стѣнъ главной части церкви имѣютъ болѣе спокойныя очертанія; ихъ середины и мѣста сопряженій другъ съ другомъ такъ же, какъ и у трапезной, отмѣчены пьедесталами съ пирамидками и шарами, которые, очевидно, были излюбленнымъ декоративнымъ мотивомъ зодчаго; онъ помѣстилъ ихъ даже въ разрѣзахъ фронтоновъ, вѣнчающихъ наличники оконъ трапезной [2]).

Изъ остальныхъ декоративныхъ мотивовъ обращаютъ на себя вниманіе витые стержни колонокъ, увѣнчанныхъ капителями коринѳскаго типа. Такія колонки обрамляютъ пролеты дверей и покрываютъ ребра восьмерика, которыя, кромѣ того, усилены довольно широкими, но слабо выступающими лопатками. Колонки восьмериковъ не имѣютъ никакого конструктивнаго значенія; онѣ въ полномъ смыслѣ слова прилѣплены,—такъ какъ опираются на кронштейны, а капители ихъ ничего не поддерживаютъ; такимъ образомъ колонки даже не симулируютъ какой-либо конструктивной роли.

Луковичная глава церкви покрыта четырехгранными пирамидками (гранями), постепенно уменьшающимися, по мѣрѣ приближенія отъ лучины главы къ подножію креста и къ щеѣ. Пирамидки покрываютъ поверхность главы не сплошь—между ними оставлены гладкіе квадратики, площади которыхъ равняются основаніямъ пирамидокъ.

Чтобы закончить этотъ поверхностный обзоръ Владимірской церкви замѣтимъ, что снаружи она вся, не исключая и главы, раскрашена въ нѣсколько довольно яркихъ тоновъ. Въ настоящее время покраска сдѣлана масляной краской; была ли она первоначально такая же и отвѣчаютъ ли тона нынѣшней расцвѣтки прежней — сказать, конечно, нельзя, не попытавшись предварительно найти подъ новымъ слоемъ краски слѣды первоначальной.

Церковь Богоявленія Господня [3]), построенная какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись на иконостасѣ, въ 1693 году [4]), сходна по группировкѣ

---

[1]) Часть этихъ «когтей» на сѣверной и южной сторонѣ трапезной теперь срублены, а уцѣлѣвшіе покрыты общими желѣзными покрышками, нѣсколько затушевывающими эту непріятную форму.

[2]) Большинство этихъ шаровъ теперь уже не существуетъ.

[3]) Въ Богоявленскомъ монастырѣ (На Никольской улицѣ).

[4]) Спутникъ зодчаго по Москвѣ И. П. Машковъ, 1895 г., стран. 38.

массъ главной части съ только что разсмотрѣннымъ памятникомъ (рис. 248). Однако, сходство между этими двумя церквами только и ограничивается указанной группировкой; въ отношеніи же пропорціональности массъ, а от-

Церковь Богоявленія.

Рис. 248. По Найденову.

части и по характеру наружной декораціи Богоявленская церковь является почти полной противоположностью Владимірской, хотя и построена въ одномъ съ нею стилѣ.

Богоявленская церковь стоитъ на подклѣтахъ и окружена ходовыми папертями; во второмъ ярусѣ послѣднія представляютъ, повидимому, позднѣйшую передѣлку; первоначально же на мѣстѣ ихъ, если судить по сопоставленію съ другими одновременными памятниками, были открытыя паперти. Наконецъ, въ противоположность Владимірской, Богоявленская церковь имѣетъ сильно выдающійся къ востоку трехапсидный алтарь, высота котораго одинакова съ высотой обширной трапезы.

Форма восьмигранной луковичной главы похожа на главу Сафаринской церкви и, подобно ей, покоится на пирамидальномъ подножьѣ, ребра котораго вогнуты. Что же касается шеи главы, то она значительно шире подножія и поэтому, какъ и въ церкви села Сафарина, болѣе походитъ на самостоятельный восьмерикъ, нежели на шею главы. Широкія прямоугольныя окна этого восьмерика въ настоящее время заложены; возможно, однако, что стѣнки восьмерика и прежде были глухія и на нихъ снаружи были только изображены оконные переплеты. Такая имитація практиковалась иногда въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка; какъ на примѣръ ея, можемъ указать на фальшивыя окна колокольной церкви Василія Великаго въ селѣ Чиркинѣ (Коломенскаго уѣзда), изображенныя на граняхъ верхняго восьмерика, который всегда былъ глухимъ[1]).

Какъ мы уже замѣтили выше, характеръ наружныхъ мотивовъ убранства разсматриваемаго памятника значительно отличается отъ уборныхъ формъ двухъ предыдущихъ церквей. Общими формами являются только коринѳскаго типа колонки и оконные наличники алтаря, а также гребешковые фронтоны надъ стѣнами большого восьмерика; всѣ же остальные мотивы намъ до сихъ поръ еще не встрѣчались; замѣтимъ сейчасъ же, что мотивы эти не повторяются на другихъ одновременныхъ памятникахъ церковнаго зодчества и поэтому придаютъ всему зданію какой-то особенный характеръ, отличающій его отъ другихъ церквей той же эпохи. Очевидно, зодчій Богоявленской церкви обладалъ сильнымъ и своеобразнымъ художественнымъ талантомъ, не позволявшимъ ему повторять обычныя въ то время формы; онъ не довольствовался варіаціей пріемовъ и формъ, ставшихъ до нѣкоторой степени шаблонными, а создавалъ новые, на которыхъ отразился его индивидуальный вкусъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности сдѣлать здѣсь полный анализъ декораціи интересующаго насъ сейчасъ памятника; поэтому ограничимся хотя бы бѣглымъ ея обзоромъ.

На одномъ уровнѣ съ подоконниками верхняго восьмерика, на его ребрахъ помѣщены граненые кронштейны, форма которыхъ въ общихъ чер-

---

[1]) Зодчій 1907 года. Матеріалы по исторіи Русской Архитектуры. Колокольный храмъ Василія Великаго.

тахъ напоминаетъ сердце. Кронштейны эти служатъ опорами для двухъ другихъ кронштейновъ, возвышающихся другъ надъ другомъ и ограниченныхъ съ боковъ плоскостями; такимъ образомъ, боковыя плоскости этихъ кронштейновъ слились бы въ одну, если бы не профилеванные съ трехъ сторонъ абаки кронштейновъ. На уровнѣ верхней линіи оконъ на кронштейны поставлены баляснны, имѣющія форму квадратныхъ въ планѣ брусковъ, украшенныхъ нѣсколькими вырѣзками. Выше этихъ балясинъ идутъ уже раскреповки вѣнчающаго карниза. Такимъ образомъ, эти угловыя цѣпи кронштейновъ и балясинъ замѣняютъ собою традиціонныя въ разсматриваемую эпоху колонки и, очевидно, идея ихъ навѣяна зодчему цѣпями такихъ балясинъ и кувшинчиковъ, какія мы видѣли въ Тайнинской церкви, у Николы на Столпахъ и у другихъ церквей расцвѣта самобытнаго стиля.

Вѣнчающій карнизъ верхняго восьмерика состоитъ изъ архитрава, фриза, вѣнчающаго карниза и узенькихъ кронштейновъ, находящихся подъ архитравомъ. Однако, такой видъ, то есть съ цѣльнымъ архитравомъ и фризомъ, карнизъ имѣетъ только на раскреповкахъ (на ребрахъ восьмерика), на граняхъ же его какъ архитравъ, такъ и фризъ и даже поддерживающая часть вѣнчающаго карниза разрѣзаны такимъ образомъ, что отъ нихъ остались лишь части надъ кронштейнами, отчего послѣдніе кажутся длинными, достигающими до вѣнчающей части карниза и поддерживающими только ее одну.

Карнизъ большого восьмерика скомпанованъ въ томъ же характерѣ: онъ состоитъ изъ нижняго ряда изящныхъ кронштейновъ, разрѣзного архитрава, затѣмъ ряда плоскихъ съ боковъ кронштейновъ, тѣсно размѣщенныхъ по высокому фризу[1]), и, наконецъ, нѣсколькихъ сильно выступающихъ обломовъ вѣнчающаго карниза. На углахъ весь карнизъ раскрепованъ, но, въ противоположность карнизу верхняго восьмерика, его фризъ на раскреповкахъ убранъ кронштейнами.

Надъ раскреповками карниза между гребешковыми фронтонами поставлены невысокія, прямоугольныя въ планѣ тумбы; грани ихъ украшены кронштейнами, поддерживающими тонко спрофилированный карнизъ. Надъ тумбами высятся плоскіе круги, середины которыхъ заполнены пальметками, а верхняя часть контура украшена остріями. Верхи фронтоновъ отмѣчены также плоскими, но имѣющими, прямоугольную форму дощечками, украшенными пальметками, осѣненными крестиками.

Углы нижняго восьмерика усилены лопатками и украшены такого же характера цѣпями, какъ и у верхняго восьмерика; разница съ послѣдними

[1]) Оси кронштейновъ второго ряда совпадаютъ съ осями кронштейновъ нижняго ряда.

заключается только въ томъ, что между нижними (поддерживающими) кронштейнами и кронштейнами, образующими цѣпи, вставлено по одной длинной бутылкообразной балясинѣ, обращенной узкимъ концомъ внизъ.

Кронштейны разной формы играютъ существенную роль и въ композиціи оконныхъ наличниковъ большого восьмерика.

Низы лицевыхъ граней этого восьмерика прикрыты какъ бы парапетами, приставленными къ нимъ вплотную; парапеты эти ограничены сверху и съ боковъ прямыми линіями, поэтому они спокойны, но не скучны, такъ какъ лицевыя ихъ стороны украшены рядами балясинъ. Противъ оконъ діагональныхъ граней поставлены на ребрахъ крыши четверика довольно высокія и массивныя тумбы, имѣющія форму восьмигранныхъ призмъ. Тумбы эти обтянуты вверху узенькими карнизиками, раскрепованными на углахъ и поддерживаемыми на углахъ же маленькими кронштейнами. Пирамидальныя, невысокія крыши этихъ тумбъ заканчиваются вверху небольшими, также восьмигранными призмами, увѣнчанными шишками, которыя имѣютъ форму вазочекъ, закрытыхъ крышками.

Переходя къ обзору уборныхъ формъ четверика замѣтимъ, что края каждой его стѣны украшены своеобразными, суживающимися къ низу пилястрами, похожими на нижнія части гермъ; базы этихъ пилястръ опираются на пьедесталы, которые въ свою очередь опираются на раскреповки карниза алтаря и трапезной, прерывающагося на углахъ четверика. Надъ капителями пилястръ помѣщены какъ бы куски архитрава карниза, увѣнчивающаго четверикъ; господствующее значеніе въ немъ опять-таки отдано кронштейнамъ и балясинамъ, опрокинутымъ узкимъ концомъ внизъ, которые несутъ на себѣ нзящные обломы вѣнчающаго карниза. Надъ раскреповками послѣдняго, противъ уже разсмотрѣнныхъ нами восьмигранныхъ призмъ, помѣщены группы двухъярусныхъ тумбочекъ, богато украшенныхъ кронштейнами, карнизами и рельефными парными волютками, очевидно навѣянными зодчему іоническими капителями.

Парныя окна четверика соединены въ одно архитектурное цѣлое общей обработкой, въ которой обращаютъ на себя вниманіе поддерживающія сандрикъ пилястры; онѣ имѣютъ такую же суживающуюся къ низу форму, какъ и угловыя пилястры четверика. Фронтонъ наличника легокъ и красивъ, несмотря на сложность и нѣкоторую кудреватость его составныхъ частей.

Вѣнчающіе карнизы трапезной и алтаря спроектированы почти одинаково; они состоятъ изъ ряда кронштейновъ и ряда балясинъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга гладкой полочкой.

Изъ всего сказаннаго объ архитектурномъ убранствѣ церкви Богоявленія видно, что главными мотивами въ ней служатъ кронштейны и всевозможныхъ формъ балясины. Казалось бы, что такое повтореніе одного и того же

мотива должно дѣлать всю композицію скучной и монотонной; въ дѣйствительности же этого нѣтъ, и композиція въ общемъ производитъ впечатлѣніе удивительно жизнерадостной, разнообразной и изящной, въ особенности по сравненію съ грубоватыми, хотя и замысловатыми формами церкви Владимірской Божіей Матери.

Подобно послѣдней, церковь Богоявленія раскрашена въ нѣсколько тоновъ, что въ соединеніи съ блескомъ золотой главы даетъ великолѣпный эффектъ, художественно заканчивающій произведеніе талантливаго мастера.

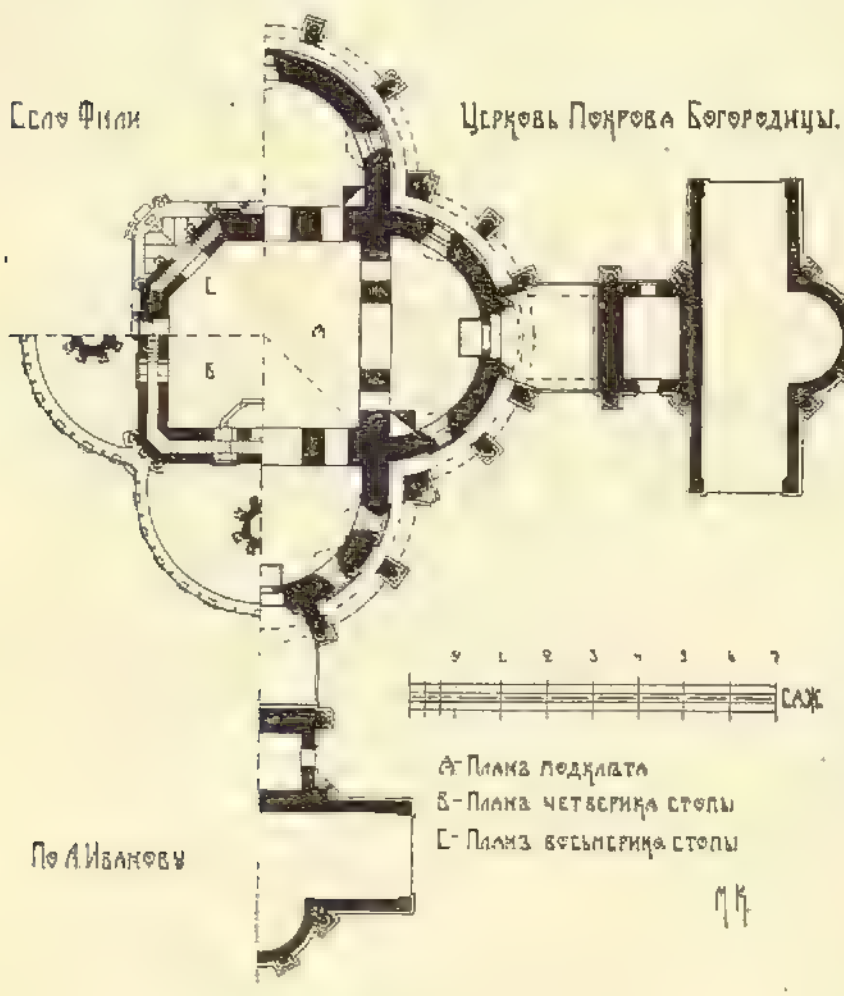


Рис. 249.

Теперь намъ предстоитъ ознакомиться съ однимъ изъ лучшихъ памятниковъ церковнаго зодчества стиля Барокко. Это церковь Покрова Богородицы въ подмосковномъ селѣ Филяхъ. Документальныхъ свидѣтельствъ о времени ея постройки не сохранилось, но судя по надписямъ на нѣкоторыхъ ея иконахъ и лампадахъ, можно заключить, что постройка была закончена въ 1693—94 году, и что храмоздателемъ былъ дядя Петра Великаго Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ[1]).

Церковь стоитъ на подклѣтѣ, который уже при постройкѣ зданія предназначался служить зимнимъ (теплымъ) храмомъ. Планы зимней и верхней (лѣтней) церкви въ общихъ чертахъ одинаковы (рис. № 249 и № 250). Они представляютъ собою равноконечные кресты, при чемъ середина креста (церковь) образована квадратомъ, восточный и западный концы представляютъ собою составныя фигуры, а именно прямоугольники, заканчивающіеся правильными полукружіями, и, наконецъ, сѣверный и южный концы креста представляютъ собою сегменты.

Восточный конецъ креста служитъ алтаремъ, а остальныя являются чѣмъ-то въ родѣ трапезныхъ, скорѣе притворовъ. Въ нижнемъ ярусѣ каждая апсида сообщается съ церковью одной большой аркой и двумя малыми расположенными по сторонамъ большой, а въ верхней каждая апсида, за исклю-

[1]) А. Мартыновъ. Русская Старина и т. д., тетрадь 3, стран. 8.

чешемъ алтарной, имѣющей три пролета[1]), открывается въ церковь лишь одной большой аркой.

Нижняя церковь низка и темна, такъ какъ свѣтъ въ нее проникаетъ только черезъ окна апсидъ, которыя къ тому же затемняются столбами и сводами узкихъ ходовыхъ папертей, окружающихъ всю церковь. Средняя часть нижняго храма перекрыта сложнымъ сводомъ, представляющимъ собою комбинацію изъ цилиндрическаго свода, въ который врѣзается съ запада четверть сомкнутаго; дуговыя части нижней церкви крыты половинами эллипсоидовъ съ распалубками надъ окнами (рис. № 251).

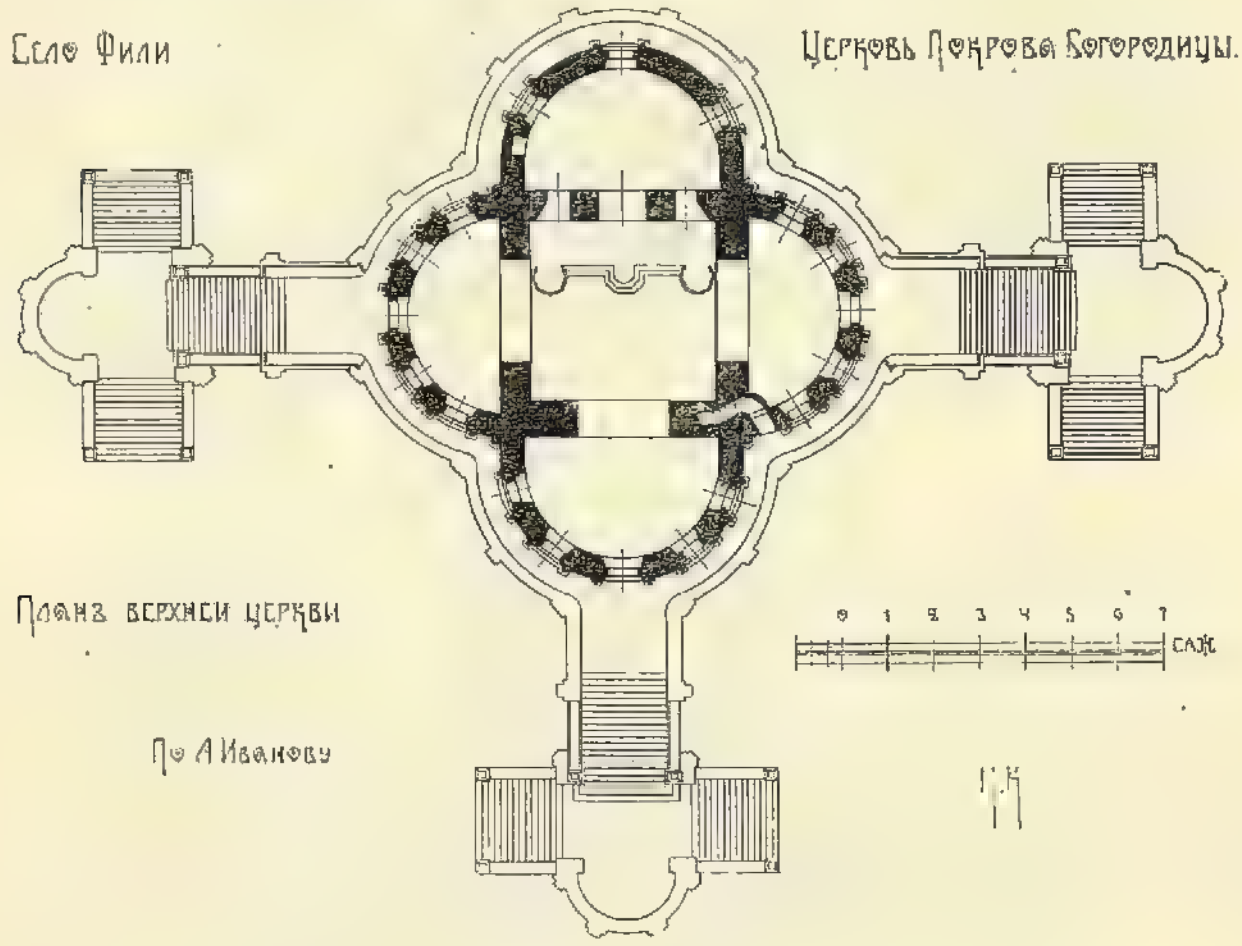


Рис. 250.

Верхняя церковь высока и свѣтла, потому-что кромѣ обильнаго свѣта изъ апсидъ она освѣщается еще двумя ярусами оконъ. Всѣ окна, за исключеніемъ оконъ четверика, имѣютъ большіе размѣры и квадратную форму. У западной стѣны церкви находится царское мѣсто въ видѣ висячаго балкона — фонаря; лѣстница къ нему начинается въ толщѣ юго-западнаго угла четверика[2]), а лѣстница къ звону, помѣщающемуся во второмъ восьмерикѣ устроена въ толщѣ стѣнъ и начинается отъ царскаго мѣста.

---

[1]) Т. Е. Царскія врата, сѣверныя и южныя.

[2]) Первоначально дверь на эту лѣстницу вела изъ южной апсиды верхней церкви впослѣдствіи же дверь эта была заложена и устроена новая, выходящая на террасу.

Переходомъ отъ четверика верхней церкви къ ея восьмерику служатъ четыре паруса, составленные каждый изъ трехъ перемычекъ. Восьмерикъ завершается высокимъ сомкнутымъ сводомъ, надъ которымъ находятся два восьмерика звона, а апсиды покрыты сводами, имѣющими форму неправильныхъ эллипсоидовъ и служащими опорою для глухихъ шей малыхъ главъ[1]). Вокругъ верхней церкви идетъ не широкая открытая паперть, къ которой

Разрѣзъ церкви Покрова Богородицы.

Фили.

Рис. 251. По А. Иванову.

ведутъ три великолѣпныхъ крыльца съ трехмаршевыми лѣстницами. Слѣдуетъ однако замѣтить, что первоначальныя лѣстницы были (до 1812 года) нѣсколько иными; а именно, къ первому рундуку каждой лѣстницы вели не два боковыхъ марша, а одинъ, направленный по одной оси съ верхнимъ маршемъ,

[1]) Стропила какъ главной, такъ и малыхъ главъ сдѣланы изъ желѣза, при чемъ первая передѣлана вновь въ 1892 году. (Смотри: Памятники Древне-Русскаго Искусства. Изданіе И. А. Художествъ. Выпускъ второй.)

подъ которымъ во всѣхъ лѣстницахъ устроено по одному помѣщенію, служащему теперь часовней, а первоначально предназначавшемуся для жилья[1]).

Не имѣя возможности остановиться на великолѣпномъ иконостасѣ и упомянутомъ выше царскомъ мѣстѣ, перейдемъ прямо къ внѣшней группировкѣ массъ разсматриваемаго памятника (рис. № 252). Широко раскинувшіяся крыльца соединяются съ ходовыми папертями верхней церкви при помощи

Ц. Покрова Богородицы на Филяхъ.

Рис. 252. По фот. Барщевскаго.

площадокъ, подъ которыми устроены широкіе и высокіе арочные пролеты. На такихъ же аркадахъ покоятся и ходовыя паперти, обнесенныя сплошными папертями (рис. № 253).

Надъ папертями высится пирамидальная масса храма, отдѣльныя части которой замѣчательно пропорціональны и красивы. Всѣ четыре апсиды ниже центральнаго четверика, такъ что стѣны его служатъ какъ бы фономъ для

[1]) Ibidem.

восьмигранныхъ шей и такихъ же луковичныхъ главъ, которыя увѣнчиваютъ апсиды; по сторонамъ шей на стѣнахъ четверика видны пары его восьмиугольныхъ оконъ. Надъ четверикомъ высится стройная призма восьмерика, служащаго звономъ; третій восьмерикъ играетъ роль шеи для восьмигранной луковичной главы, заканчивающей всю эту живописную логично связанную группу отдѣльныхъ массъ.

Деталь ц. на Филяхъ.

Рис. 253.
По фот. М. Красовскаго.

Послѣ ознакомленія съ планомъ и группировкой массъ церкви на Филяхъ невольно возникаетъ вопросъ — откуда зодчій этого памятника, внѣшній видъ котораго такъ не похожъ на церкви середины XVII вѣка, могъ заимствовать идею для своего въ высшей степени художественнаго произведенія? Что касается плана, то онъ имѣетъ много общаго съ планомъ церкви села Коломенскаго: стоитъ только замѣнить прямоугольные

Ц. села Никола-Березовецъ.

Рис. 254.
По фот. Ф. Калякина.

выступы послѣдняго полукружіями и нѣсколько развить пріемъ композиціи крылецъ, чтобы получить планъ церкви на Филяхъ. Такимъ образомъ пріемъ композиціи плановъ этихъ двухъ памятниковъ общій и, очевидно, заимствованъ зодчими изъ области деревяннаго зодчества; при этомъ строитель церкви на Филяхъ могъ, конечно, и не непосредственно заимствовать пріемъ плана отъ церквей деревянныхъ, а принять за образецъ планъ хотя бы той же Коломенской церкви. Что же касается группировки массъ внѣшняго вида, то ни одинъ изъ московскихъ памятниковъ каменнаго зодчества не могъ служить ему для этой цѣли оригиналомъ; зато среди деревянныхъ церквей зодчій могъ найти подходящіе мотивы. Такъ, напримѣръ, древняя церковь села

Никола-Березовецъ[1]) (рис. № 254) безспорно похожа на церковь въ Филяхъ; стоитъ только переставить четыре боковыхъ ея верха съ крыши центральнаго восьмерика на крыши боковыхъ прирубовъ, чтобы получилось почти полное сходство группировки массъ.

Итакъ, съ одной стороны, идея группировки массъ церкви на Филяхъ могла быть заимствована изъ нашего деревяннаго зодчества; съ другой же стороны, какъ въ группировкѣ массъ, такъ и въ композиціи плана этой церкви можно усматривать вліяніе малороссійскаго церковнаго зодчества, оставившаго намъ много памятниковъ такого типа. Какъ на примѣры можемъ указать на церкви въ мѣстечкахъ Ходоровѣ (Конотопскаго уѣзда) и Ярышевѣ (Могилевскаго уѣзда)[2]). Однако, слѣдуетъ замѣтить, что обѣ эти церкви построены въ концѣ XVIII столѣтія; но онѣ тѣмъ не-менѣе очень типичны для зодчества Малороссіи и, поэтому мало чѣмъ отличаются и отъ церквей начала этого столѣтія.

Приводимъ это соображеніе о вліяніи Малороссіи только какъ одно изъ возможныхъ объясненій появленія разсматриваемой композиціи, но полагаемъ, что первое изъ нихъ, основанное на сходствѣ съ великорусскими памятниками деревяннаго зодчества, болѣе просто, а потому и болѣе правдоподобно.

Композиція внѣшней художественной декораціи церкви на Филяхъ проста. Главный эффектъ ея основанъ на сочетаніи бѣлаго цвѣта естественнаго камня, изъ котораго сдѣланы всѣ уборныя части, съ краснымъ цвѣтомъ кирпичной кладки массъ. Характеръ отдѣльныхъ мотивовъ тотъ же, что и у церкви села Сафарина и Владимірской Божіей Матери: это тѣ же разрѣзные фронтоны, гребешковые аттики, колонки и кронштейны съ плоскими боками. Какъ на характерныя для даннаго памятника детали нужно указать на шпринки парапетовъ папертей и на тосканскаго типа капители. Въ отношеніи логичности декораціи излишни колонны, приставленныя къ столбамъ папертей и къ лопаткамъ полукруглыхъ площадокъ крылецъ; капители этихъ колоннъ служатъ опорами для парныхъ, сравнительно легкихъ, кронштейновъ, надъ которыми раскрепованъ карнизикъ парапетовъ папертей; такимъ образомъ, колонны эти въ сущности ничего на себѣ не несутъ, такъ какъ кронштейны могли бы быть и висячими. Это единственный и къ тому же незначительный промахъ въ композиціи; его даже нельзя поставить въ вину зодчему, потому-что подобныя, чисто декоративныя колонны типичны для стиля Барокко, въ которомъ скомпанована вся декорація разсматриваемаго памятника. Въ общемъ же церковь на Филяхъ по замыслу зодчаго, по замѣчательной пропорціональности массъ, наконецъ, по сравнительному спокойствію и благородству декоративныхъ мотивовъ, является

---

[1]) Костромской губерніи, Солигалицкаго уѣзда.

[2]) Древности Украины. Деревянные и каменные храмы Г. Г. Павлуцкаго, выпускъ I. Кіевъ, 1905 года.

безспорно лучшимъ изъ всѣхъ московскихъ памятниковъ, построенныхъ въ стилѣ Русскаго Барокко.

Громадная и великолѣпная церковь Успенія Божіей Матери, что въ Котельникахъ[1]), построена купцомъ Сѣряковымъ въ 1696 году; объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая надпись, находящаяся у входа въ верхнюю церковь: «Лѣта 7204 Октября 25 дня дѣло рукъ человѣческихъ, дѣломъ именемъ Петрушка Потаповъ»[2]).

Планъ этой церкви во второмъ ея ярусѣ не представляетъ какихъ-либо особенностей; это нѣсколько расположенныхъ по направленію западъ-востокъ прямоугольниковъ: колокольня, притворъ, трапезная, церковь и алтарь. Такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ церковь Успенія по своему плану похожа на церковь Владимірской Божіей Матери; существенную разницу представляютъ только окружающія ее открытыя ходовыя паперти. Въ нижнемъ же ярусѣ разсматриваемый памятникъ, кромѣ ходовыхъ папертей, отличается отъ Владимірской церкви еще тремя довольно сильно выступающими алтарными апсидами, которыя имѣютъ граненую форму.

Зато по группировкѣ своихъ стройныхъ массъ Успенская церковь является полной противоположностью Владимірской, такъ какъ въ ней господствующее значеніе имѣетъ четверикъ главной части, тогда какъ во Владимірской церкви прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе восьмерикъ (рис. № 255). Четверикъ Успенской церкви очень высокъ и раздѣленъ горизонтальной тягой на двѣ части, при чемъ нижняя изъ нихъ значительно меньше по высотѣ. Второстепенные четверики, примыкающіе къ главному съ его восточной и западной сторонъ (трапезная и алтарь), имѣютъ такую же высоту, какъ и нижній ярусъ главнаго четверика. Надъ вторымъ ярусомъ послѣдняго высится восьмерикъ, противъ діагональныхъ стѣнъ котораго, надъ углами четверика, размѣщены еще четыре восьмерика, имѣющихъ декоративное значеніе: они глухіе и размѣры ихъ по сравненію со среднимъ очень не велики. Надъ лицевыми стѣнами большого восьмерика поставлены фронтоны, середины которыхъ заполнены восьмиугольными слуховыми окнами; боковыя стѣнки этихъ фронтоновъ покоятся на граняхъ высокаго сомкнутаго свода, служащаго краснвымъ переходомъ отъ нижняго восьмерика къ верхнему, играющему роль шеи главы. Послѣдняя имѣетъ сложную кувшинообразную форму и увѣнчана большимъ крестомъ чуднаго рисунка.

Надъ второстепенными четвериками высится также по два восьмерика, завершающихся главами, форма которыхъ въ общихъ чертахъ та же, что и у центральной.

---

[1]) На Покровкѣ.

[2]) См. Архитектурные памятники Москвы. Изданіе К. А. Фишера. Редакція и текстъ Бондаренко. Выпускъ II.

Всѣ упомянутыя массы верхней церкви имѣютъ сами по себѣ значительную высоту; вслѣдствіе же того, что нижняя церковь тоже не особенно

Ц. Успенія Б. Матери на Покровкѣ.

Рис. 255. По Найденову

низка, все зданіе очень высоко: оно больше чѣмъ въ четыре раза превышаетъ стоящій рядомъ съ нимъ трехъэтажный домъ.

Въ колокольнѣ Успенской церкви обращаетъ на себя вниманіе группировка ея массъ, размѣщенныхъ надъ высокимъ сводомъ звона. Вокругъ высящагося надъ шелыгой свода восьмерика расположены четыре парныхъ слуховыхъ окна, которыя увѣнчаны небольшими глухими шатрами, имѣющими въ планѣ форму восьмиконечной звѣзды и опирающимися на полукруглыя кокошники. Восьмерикъ колокольни также покрытъ шатромъ, но не глухимъ, а съ однимъ рядомъ слуховъ. Всѣ шатры заканчиваются прелестной формы луковичными главками на стройныхъ восьмигранныхъ шейкахъ, низы которыхъ окружены едва замѣтными кокошниками. Въ видимыхъ между слуховыми окнами частяхъ свода устроены круглыя отверстія (oeil de boeuf), обрамленныя простыми очельями. Вся эта группа верховъ колокольни окружена балюстрадой.

Изъ всего сказаннаго о группировкѣ главныхъ массъ церкви Успенія видно, что она задумана не по старо-русскому обычаю, а скорѣе имѣетъ больше общаго съ тѣмъ размѣщеніемъ массъ, которое практиковалось въ Малороссіи. Однако, наличность ходовыхъ папертей и группировка массъ колокольни указываетъ, что зодчему не были чужды и прежніе московскіе пріемы; отсюда видно, что въ отношеніи композиціи главныхъ массъ зодчій не придерживался какого-либо одного направленія.

Насколько художественно скомпанованы въ церкви Успенія ея главныя массы, настолько же красива и изящна, хотя и слишкомъ богата, покрывающая ее декорація. Отдѣльные узорные мотивы просты и не вычурны, несмотря на то, что они характерны для стиля Барокко.

Что касается мелкихъ деталей, начиная отъ самыхъ простыхъ, какъ, напримѣръ, обломы карнизовъ, до такихъ сложныхъ, какъ орнаменты на стержняхъ витыхъ колоннъ, обрамляющихъ южныя двери верхней церкви, то всѣ онѣ исполнены съ удивительнымъ мастерствомъ и говорятъ о массѣ художественнаго вкуса у создавшаго ихъ зодчаго.

Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Столбы ходовыхъ папертей украшены длинными клиновидными пилястрами, тонкіе концы которыхъ обращены внизъ и опираются на кронштейны: капители этихъ пилястръ поддерживаютъ раскреповки карниза, въ свою очередь несущія на себѣ столбы парапета, ограждающаго открытую паперть верхней церкви. Стѣнки парапета украшены фальшивыми балясинами, прекраснаго профиля, но обращенными тонкимъ концомъ внизъ, что является одною изъ характерныхъ чертъ стиля Барокко. Углы всѣхъ массъ зданія, за исключеніемъ папертей, а также углы слуховыхъ оконъ колокольни и большого восьмерика, украшены колонками коринѳскаго характера, опирающимися на кронштейны; изъ послѣднихъ интересны по своей пирамидальной формѣ тѣ, что поддерживаютъ колонки второго восьмерика колокольни, ея

звона. Чтобы не возвращаться болѣе къ уборнымъ формамъ колокольни, отмѣтимъ раковины, заполняющія днища ея кокошниковъ (подъ шатрами), замки на архивольтахъ звона, изящныя балясины баллюстрады и, наконецъ, фронтоны надъ сандриками окопъ нижняго восьмерика. Фронтоны эти хотя и сильно расчлепены, но въ ихъ композиціи все-таки чувствуется бо́льшая склонность зодчаго къ архитектурнымъ линіямъ, нежели къ неопредѣленно-волнистымъ, скажемъ, орнаментальнымъ линіямъ, какими отличаются гребешковые фронтоны и парапеты церквей, разсмотрѣнныхъ выше. Въ такомъ же характерѣ скомпанованы верхи и остальныхъ наличниковъ, а также фронтоны надъ нижними восьмериками трапезной и алтаря. Послѣдніе особенно интересны: основу ихъ составляютъ два квадратныхъ въ планѣ столбика, схваченныхъ вверху раскрепованнымъ карнизикомъ, надъ которымъ выспится полуциркульный фронтонъ. Въ его вырѣзкѣ поставлена плоская фигура, имѣющая форму чаши, которая закрыта увѣнчанной крестикомъ крышкой. Заполненіе между столбиками прорѣзано восьмиугольнымъ просвѣтомъ, обрамленнымъ рамкой несложнаго профиля. До половины высоты просвѣтъ закрытъ стѣнкой, украшенной ложными балясинками. По сторонамъ столбиковъ находятся, какъ бы поддерживающія ихъ, волюты смѣлаго и краснваго рисунка; ихъ верхніе свободные концы не доходятъ до столбиковъ: они прерываются круглыми вырѣзками, надъ которыми видны небольшія граціозныя шишки (кнопки).

Точно такіе же волюты служатъ кронштейнами для колонокъ шен большой главы и входятъ въ композицію фронтоновъ главнаго восьмерика, которая аналогична съ описанными фронтонами. Мы умышленно разсмотрѣли такъ подробно ихъ композицію, чтобы подтвердить нашу характеристику декоративныхъ пріемовъ зодчаго, этого Петрушки Потапова, который очевидно не любилъ расплывчатыхъ и утрированныхъ формъ, но стремился придать логичный, съ точки зрѣнія архитектора, смыслъ каждой, даже мелкой детали наружнаго убранства храма.

Сочетаніе краснаго цвѣта кладки съ желтовато-бѣлымъ цвѣтомъ уборныхъ частей придаетъ церкви нарядный и веселый видъ, что въ совокупности съ другими достоинствами ставитъ ее въ ряды лучшихъ памятниковъ московскаго зодчества.

Точное время постройки Знаменской церкви, находящейся въ Шереметьевскомъ переулкѣ, неизвѣстно; по крайней мѣрѣ ни Снегиревъ[1]), ни Г. С. Ш.[2]) въ своихъ описаніяхъ этого интереснаго памятника ничего опредѣленнаго въ этомъ отношеніи не говорятъ. Что же касается указанія

---

[1]) А. Мартыновъ. Русская старина въ памятникахъ..., тетрадь 6-я.

[2]) Церковь Знаменія Пресвятой Богородицы на Воздвиженкѣ. С. П. Б. 1896 годъ.

П. Е. Бондаренко[1]) о томъ, что его слѣдуетъ отнести къ 1704—1706 годамъ, то оно не обосновано ссылками на какіе-нибудь документы, а потому и малоцѣнно. Въ планѣ (рис. № 256) церковь Знаменія представляетъ собою квадратъ, къ которому съ запада примыкаетъ нѣсколько превышающая его по площади трапезная, а съ востока длинный прямоугольный алтарь, заканчивающійся одною полуциркульною апсидой. По сторонамъ алтаря находятся два придѣла одинаковой съ нимъ длины; полукружья одноапсидныхъ алтарей послѣднихъ находятся на одной прямой съ апсидой главнаго алтаря.

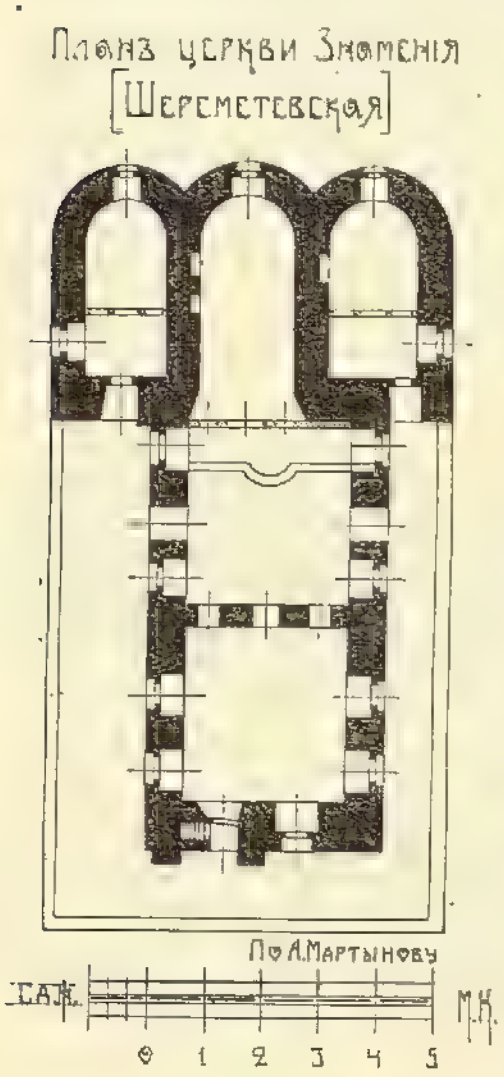


Рис. 256.

Общая ширина алтарной части зданія значительно больше ширины самой церкви и трапезной; а такъ какъ входы въ придѣлы устроены не изъ церкви, то вокругъ всей средней и западной части храма сдѣланы открытыя ходовыя паперти, съ которыхъ ведутъ двери въ придѣлы; паперти эти покоятся на крытыхъ ходовыхъ папертяхъ подклѣта. Восточная стѣна подклѣта прямая; въ ней замѣтны слѣды трехъ широкихъ дверей, указывающихъ, что подклѣтъ при постройкѣ церкви не предназначался служить нижнимъ храмомъ, какъ это и предполагаетъ П. М. Снегиревъ. По стройности главныхъ массъ и красотѣ ихъ своеобразной группировки церковь Знаменія не уступаетъ церкви на Филяхъ, на которую очень похожа (рис. № 257). Высокій четверикъ раздѣленъ на два яруса карнизомъ, продолженія котораго играютъ роль вѣнчающихъ карнизовъ трапезной и придѣловъ; такимъ образомъ карнизъ этотъ охватываетъ все зданіе и связываетъ отдѣльныя его части въ архитектурное цѣлое.

Надъ четверикомъ высятся три постепенно уменьшающіеся въ объемѣ восьмерика, изъ которыхъ верхній служитъ шеей для главы, имѣющей луковичную форму. Средній восьмерикъ не предназначался служить помѣщеніемъ для колоколовъ: онъ не былъ отдѣленъ отъ нижняго восьмерика глухимъ сводомъ, какъ въ настоящее время, и къ нему нѣтъ лѣстницы. Такимъ образомъ, въ прежнее время церковь внутри была гораздо грандіознѣе и свѣтлѣе, чѣмъ теперь, такъ какъ свѣтъ проникалъ въ нее черезъ четыре яруса оконъ. Замѣтимъ, что окна второго снизу яруса имѣютъ восьмиугольную форму.

---

[1]) Архитектурные памятники Москвы, изд. А. К. Фишеръ. Редакція и текстъ П. Е. Бондаренко, выпускъ II.

Надъ трапезной, надъ придѣлами и надъ главнымъ алтаремъ высится по одной восьмигранной луковичной главѣ. Эти изящныя главы покоятся на стройныхъ призматическихъ шеяхъ и живописно заканчиваютъ увѣнчиваемыя ими части.

Итакъ, общій пріемъ комбинаціи главныхъ массъ Знаменской церкви тотъ же, что и у другихъ памятниковъ церковнаго зодчества, разсмотрѣнныхъ въ этой главѣ — главная часть зданія представляетъ собою доминирующую

Церковь Знаменія (Шереметевская).

Рис. 257. По И. Бондаренко.

надо всѣмъ башню, увѣнчанную одной главой. Что касается композиціи декоративнаго убранства, то, какъ мы уже замѣтили, она какъ по общему замыслу, такъ и по характеру деталей имѣетъ много общихъ чертъ съ декораціей церкви на Филяхъ; поэтому мы не станемъ на ней останавливаться, а замѣтимъ только, что она такъ же красива и изящна, какъ и группировка массъ; кромѣ того, декорація не изобилуетъ излишними украшеніями и настолько спокойна, насколько это возможно при стилѣ Барокко.

Обратимъ еще вниманіе на отсутствіе даже намека на декорацію у подклѣта. Вѣроятно, тотчасъ послѣ постройки церкви было не такъ; какъ-то не вѣрится, чтобы зодчій, выказавшій столько чуткости и вкуса въ убранствѣ верхнихъ частей храма, не отдѣлилъ бы горизонтальной тягой паперть отъ нижележащей плоскости стѣнъ и не закончилъ бы его карнизомъ. Думается, что и столбы папертей были какъ-нибудь декорированы. Однако, сказать этого съ увѣренностью, конечно, нельзя.

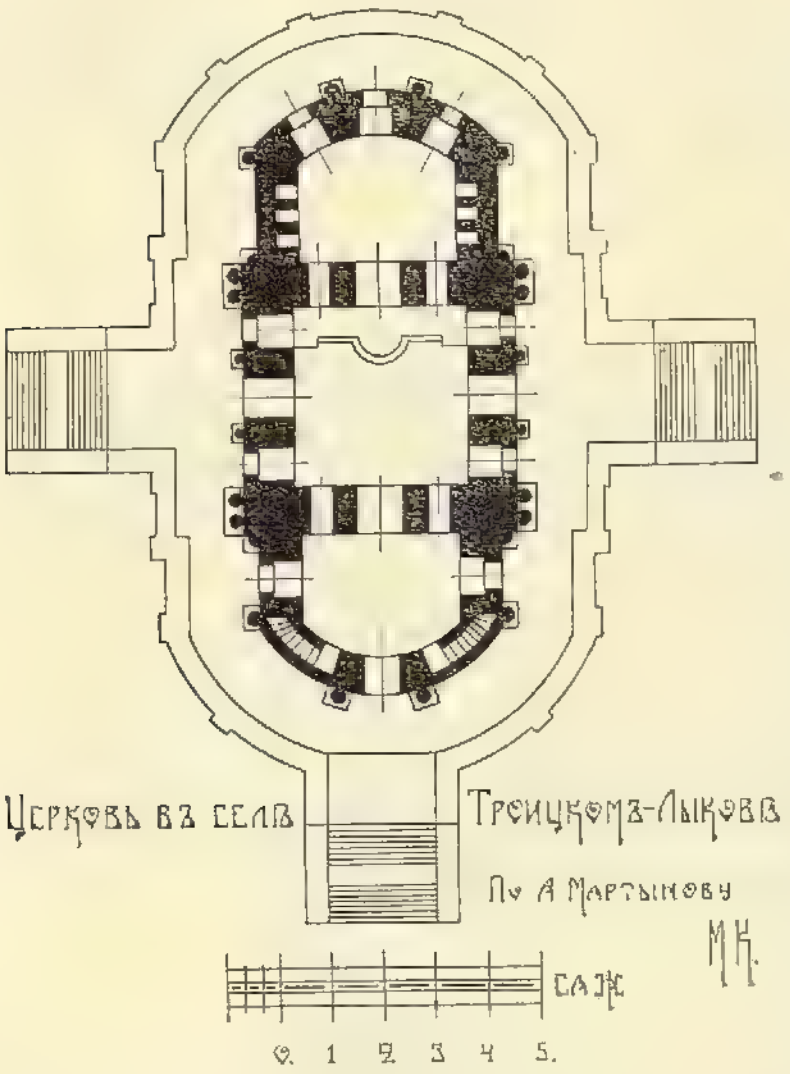


Рис. 258.

Въ селѣ Троицкомъ-Лыковѣ, отстоящемъ приблизительно въ 10 верстахъ отъ Москвы, находится очень интересный памятникъ искусства разсматриваемаго направленія. Судя по надписи на антиминсѣ постройка Троицкой церкви закончена въ 1708 году[1]).

Планъ ея, какъ видно изъ рисунка (рис. № 258), очень не сложенъ; это квадратъ, къ которому съ востока и запада примкнуты прямоугольники, сливающіеся съ круговыми сегментами. Первый изъ нихъ представляетъ собою алтарь, а второй — трапезную; объ эти части церкви сообщаются съ главною тремя арками. Вокругъ всего зданія расположена очень низкая открытая ходовая паперть, на которую ведутъ три лѣстницы, отъѣчающія тремъ входнымъ дверямъ.

Изъ сдѣланнаго описанія плана Троицкой-Лыковской церкви видно, что по замыслу она имѣетъ много общаго съ планомъ церкви на Филяхъ, но только значительно проще его — нѣтъ сѣвернаго и южнаго выступовъ и лѣстницы къ ходовымъ папертямъ далеко не такъ роскошны.

Что касается внутренняго устройства Троицкой церкви, то отмѣтимъ только существованіе въ ней хоръ, расположенныхъ у трехъ стѣнъ четверика; въ западной части этихъ хоръ устроено рѣзное изъ дерева царское мѣсто, имѣющее форму висячаго балкона — фонаря. Лѣстницы, ведущія на хоры

---

[1]) Мартыновъ. Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. Тетрадь первая, стран. 6-я.

устроены въ толщѣ стѣнъ трапезной; лѣстница же ко второму восьмерику, играющему роль колокольни, начинается у хоръ, и затѣмъ проходитъ

Церковь въ селѣ Троицкомъ-Лыковѣ.

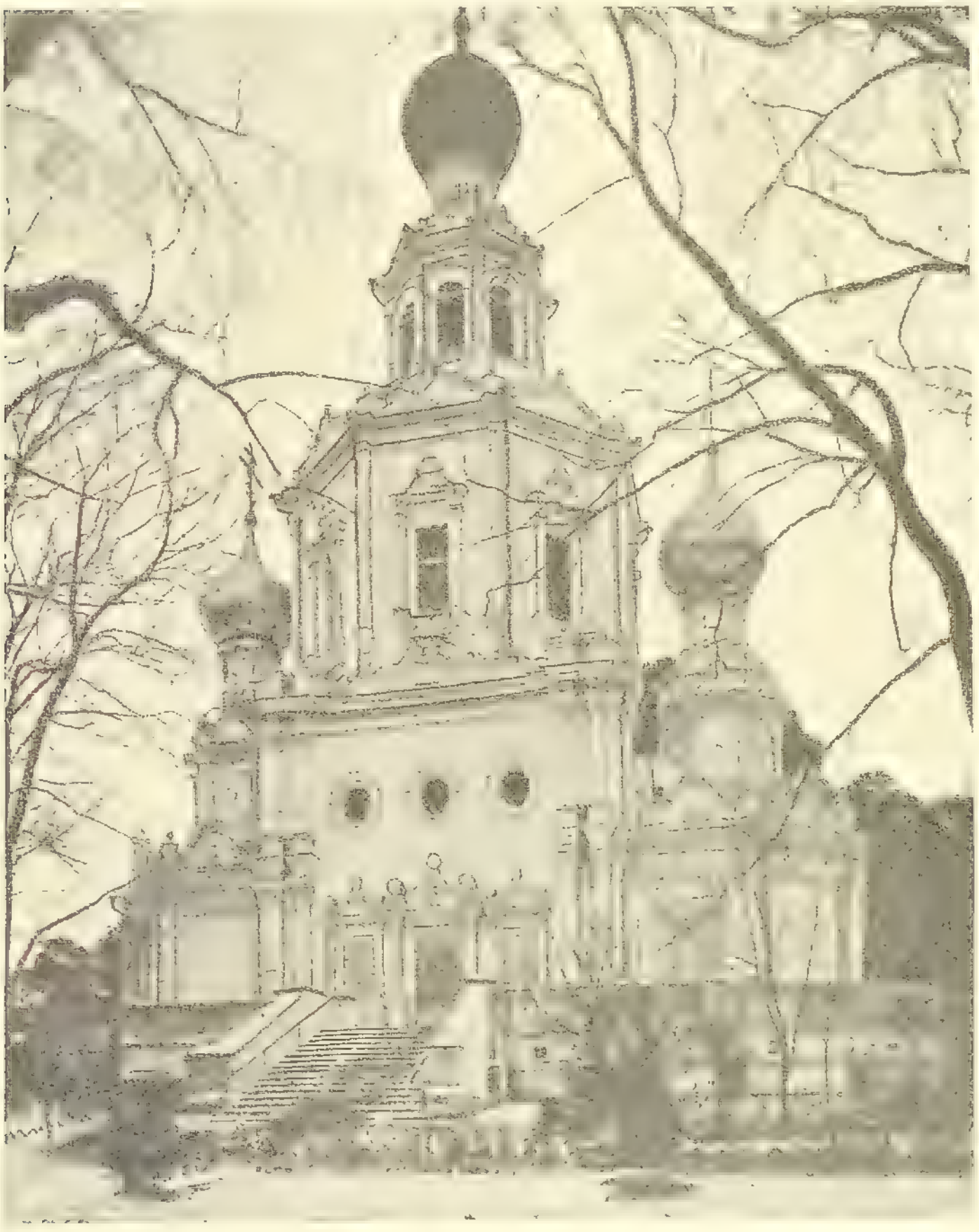


Рис. 259. По И. Грабарю.

въ толщѣ стѣнъ четверика и нижняго восьмерика. Описанію обзора богатѣйшей внутренней декораціи храма мы, къ сожалѣнію, не можемъ удѣлить мѣста.

Переходя къ внѣшнему виду разсматриваемаго памятника, замѣтимъ, что группировка его главныхъ массъ скомпанована далеко не такъ мастерски, какъ у Знаменской церкви и у Покрова на Филяхъ (рис. № 259). Правда, взаимное отношеніе массъ главной части храма красиво[1]), но общее впечатлѣніе, производимое церковью, получается все же неблагопріятное и это зависитъ отъ того, что нижнія части алтаря и трапезной слишкомъ низки, а расположенные на нихъ восьмерики непропорціонально вытянуты вверхъ. Восьмерики эти глухіе и поэтому играютъ только декоративную роль, такъ что ихъ непропорціональность можетъ быть, вслѣдствіе этого, вмѣнена въ еще бо́льшую вину зодчему. Наконецъ, открытая паперть, окружающая церковь, такъ же, какъ и низы выступовъ нѣсколько низка; въ сущности говоря, это уже не паперть, а просто терраса, имѣющая почти исключительно декоративное значеніе, потому что зодчій безъ всякаго ущерба для удобства могъ обойтись безъ нея, ограничившись однѣми только лѣстницами. Столбы парапета террасы опираются на раскреповки ея нижней части; казалось бы, что такія незначительныя детали, какъ раскреповки, не могутъ отразиться на пропорціональности главныхъ массъ церкви, а между тѣмъ онѣ усиливаютъ впечатлѣніе недостаточности высоты террасы и слѣдовательно невыгодно отражаются и на всей композиціи.

Всѣ три луковичныя главы церкви имѣютъ почти одинаковые размѣры, по крайней мѣрѣ разница въ ихъ объемахъ на глазъ незамѣтна; чтобы не возвращаться болѣе къ главамъ, скажемъ сейчасъ же, что въ прежнее время отъ яблоковъ ихъ крестовъ спускались внизъ акантовые листья, плотно охватывавшіе острія луковицъ[2]). Кромѣ этихъ, теперь уже не существующихъ листьевъ, луковица главной части церкви украшена еще звѣздами, раскинутыми по всей ея поверхности.

Въ композиціи наружной декораціи зодчій Троице-Лыковской церкви выказалъ большую наклонность къ роскоши и вычурности, переходящей мѣстами всякія границы. Такъ, напримѣръ, въ верхней части дверного пролета онъ помѣстилъ не только треугольники, безцѣльно заполняющіе углы пролета, но и подвѣсилъ къ серединѣ притолки какое-то двузубое украшеніе[3]), которое не только не имѣетъ никакого смысла, но и очень некрасиво; также вычурна, некрасива и нелогична эллиптическая форма пьедесталовъ, служащихъ опорами для угловыхъ колонокъ всѣхъ восьмериковъ, за исключеніемъ большого. Наконецъ, къ такого же характера формамъ нужно отнести тѣ призматическіе куски камней покрытыхъ мелкимъ орнаментомъ, которые помѣщены непосредственно подъ полицами главъ и которые симулируютъ под-

[1]) Впрочемъ и здѣсь нельзя не указать, что нижній восьмерикъ нѣсколько грузенъ.
[2]) Смотри рисунокъ А. Мартынова.
[3]) Смотри тамъ же.

зоры, часто украшавшіе эти полицы. Что зодчій хотѣлъ подражать именно подзорамъ, ясно изъ того, что онъ украсилъ нижнія ребра этихъ камней рядами острыхъ зубчиковъ; сходство съ подзорами получилось бы полное, если бы это были не отдѣльные куски, а сплошныя кольца, охватывающія верхъ шей; вслѣдствіе же разрѣзки получились некрасивыя и нелогичныя формы. Что же касается другихъ декоративныхъ формъ, то хотя онѣ по существу своему, конечно, не могутъ быть названы логичными и спокойными, но эти ихъ недостатки искупаются ихъ безусловной красотой; всѣ эти широкіе, раскрепованные всюду гдѣ только возможно, карнизы, витые стержни колонокъ, мѣстами покрытые тончайшей и изящной рѣзьбой, филенки на стѣнкахъ боковыхъ восьмериковъ, разрѣзные, богато орнаментированные фронтоны, наконецъ, граціозные орнаментальные наличники вокругъ восьмигранныхъ окопъ четверика — всѣ эти уборныя формы говорятъ о богатѣйшей художественной фантазіи зодчаго и о его вкусѣ, быть можетъ только ложно направленномъ; но въ послѣднемъ, конечно, нужно винить не зодчаго, а общее направленіе современнаго ему искусства.

Въ отношеніи внѣшней декораціи полную противоположность разсмотрѣнному памятнику представляетъ собою церковь Воздвиженія Креста [1]), находящаяся на Воздвиженкѣ. Дѣйствительно уборные мотивы въ ней почти совсѣмъ отсутствуютъ, а тѣ что имѣются, довольно спокойны и не вычурны, насколько это только возможно для уборныхъ формъ стиля Барокко (рис. № 260). Однако, нужно замѣтить, что нѣкоторыя изъ уборныхъ частей Воздвиженской церкви, вѣроятно, погибли. На это какъ бы указываетъ странная и неуклюжая форма крышъ, покрывающихъ апсиды алтарей и два боковыхъ выступа зданія. Думается, что вмѣсто этихъ крышъ надъ карнизами первоначально высились разрѣзные фронтоны, обычные въ нашемъ стилѣ Барокко; такіе фронтоны или гребешки украшали, вѣроятно, и вѣнчающіе карнизы восьмериковъ; наконецъ, верхи оконныхъ наличниковъ производятъ впечатлѣніе незаконченной композиціи; надъ ихъ сандриками хочется также видѣть фронтоны, тѣмъ болѣе, что послѣдніе увѣнчиваютъ наличники второго восьмерика главной части. Одно изъ двухъ: или всѣ эти уборныя части были срублены, или ихъ не додѣлали за неимѣніемъ средствъ, но зодчій церкви въ отсутствіи ихъ, по нашему убѣжденію, неповиненъ. На такія соображенія наталкиваетъ то общее направленіе нашего искусства,

[1]) Бывшій Крестовоздвиженскій монастырь. Время постройки церкви А. М. Павлиновъ (Спутникъ зодчаго по Москвѣ) относитъ къ 1717 году, а И. Е. Бондаренко (Архитектурные памятники Москвы. Изданіе К. А. Фишера. Вып. II и III) говоритъ, что церковь заложена въ 1701 году, нижній ея ярусъ законченъ въ 1711, а верхній въ 1725 году. Такой долгій срокъ постройки объясняется перерывомъ, вызваннымъ указомъ Петра I (1714 г.), въ силу котораго всѣ рабочія руки обязаны были принимать участіе въ каменныхъ работахъ.

которое царило въ самомъ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка и отличительной чертой котораго является, какъ мы видѣли, богатая наружная декорація.

На планѣ и пріемѣ группировки массъ церкви Воздвиженія мы не станемъ

Церковь Воздвиженія Креста.

Рис. 260. По И. Бондаренко.

останавливаться, такъ какъ въ этомъ отношеніи разсматриваемый памятникъ имѣетъ много общаго съ церковью на Филяхъ; замѣтимъ только, что взаимное отношеніе главныхъ массъ далеко не такъ пропорціонально, какъ у послѣдней.

Чтобы закончить эту краткую замѣтку о церкви Воздвиженія, скажемъ, что колокольня ея построена въ 1849 году по проекту архитектора Буренина[1]).

Разсмотримъ еще одинъ памятникъ-церковь Іоанна Воинственника, находящуюся на Большой Якиманкѣ. Постройка церкви началась въ 1709 году, по чертежамъ, присланнымъ Петромъ Великимъ; въ 1713 году она была закончена вчернѣ, окончательно же всѣ работы были исполнены не ранѣе 1717 года[2]). Памятникъ этотъ значительно отличается отъ разсмотрѣнныхъ выше памятниковъ зодчества, главнымъ образомъ по группировкѣ его внѣшнихъ массъ; однако, нѣкоторыя интересныя особенности наблюдаются и въ планѣ (рис. № 261); такъ, въ восточной стѣнѣ обширной, прямоугольной трапезной устроены плоскія ниши, играющія роль алтарныхъ апсидъ придѣловъ; трехступенная лѣстница, ведущая изъ трапезной въ церковь, устроена въ пролетѣ, находящемся между этими нишами. Алтарь отдѣленъ отъ церкви толстой стѣной, въ которой продѣланы арки, отвѣчающія вратамъ иконостаса. Съ востока къ алтарю примыкаетъ обширная алтарная апсида, состоящая изъ прямоугольника, заканчивающагося полуциркулемъ; жертвенникъ и діаконикъ имѣютъ форму прямоугольниковъ.

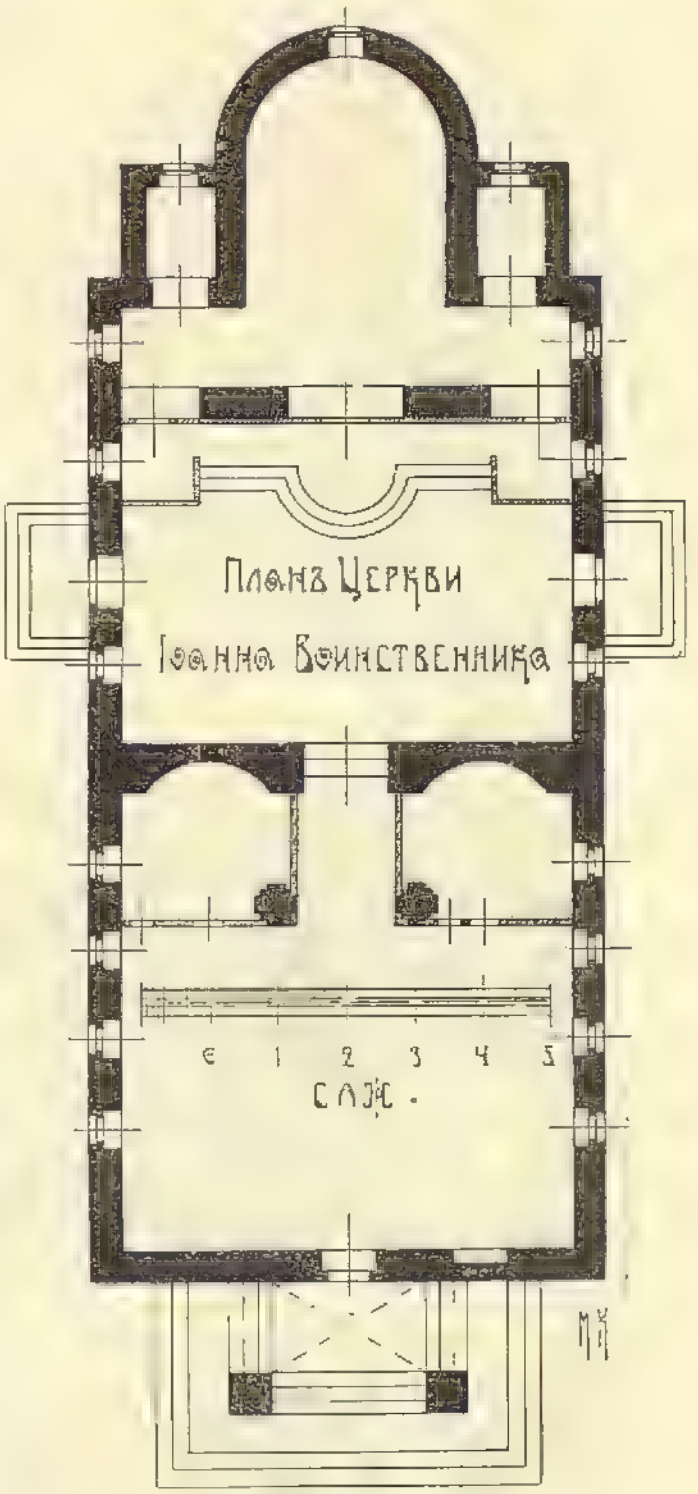


Рис. 261.

Къ западу отъ трапезной находятся два квадратныхъ въ планѣ столба, служащихъ опорами для западной стѣны колокольни. Входныхъ дверей въ церкви три, одна изъ подъ колокольни — въ трапезную и двѣ, ведущія непосредственно въ церковь съ сѣверной и южной ея сторонъ. Подклѣта у церкви нѣтъ; ея полъ поднятъ надъ поверхностью земли всего на нѣсколько ступеней.

---

[1]) См. Архитектурные памятники Москвы, изд. К. А. Фишера. Редакція и текстъ И. Е. Бондаренко, выпускъ II.

[2]) См. Архимандритъ Григорій (Воиновъ). Церковь Св. Іоанна Воинственника въ Москвѣ на Большой Якиманской улицѣ.

Изъ сдѣланнаго описанія плана видно, что онъ только въ деталяхъ отличается отъ часто практиковавшагося въ XVII вѣкѣ пріема, получившаго названіе «корабля».

Церковь Іоанна Воинственника.

Рис. 262. По Найденову.

Съ тѣхъ поръ, какъ былъ уничтоженъ, по желанію митрополита Филарета, великолѣпный иконостасъ, исполненный по рисунку В. П. Баженова, внутренній видъ церкви Іоанна Воинственника не представляетъ ничего интереснаго; поэтому перейдемъ прямо къ обзору ея внѣшняго вида (рис. № 262).

Нижній ярусъ главной части (самой церкви) представляетъ собою относительно невысокую призму, стѣны которой съ востока, сѣвера и юга заканчиваются вверху большими полукруглыми фронтонами (по одному надъ каждой стѣной). Фронтоны эти отвѣчаютъ распалубкамъ покрывающаго церковь свода, поэтому ихъ можно было бы назвать «закаморами», но это старо-русское названіе какъ-то не вяжется съ характеромъ архитектуры церкви. Сѣверная и южная стѣны призмы, кромѣ упомянутыхъ уже дверей, прорѣзаны двумя ярусами оконъ; изъ нихъ окна нижняго яруса и средній второго имѣютъ прямоугольную форму; боковыя же окна второго яруса — круглыя.

Надъ фронтонами и надъ крышами, которыя заполняютъ пространства между ними, высится восьмигранный куполъ, въ который врѣзаются четыре большихъ слуховыхъ окна. Надъ сводомъ поднимаются два восьмерика, соединенныхъ другъ съ другомъ вторымъ, малымъ восьмиграннымъ куполомъ; стѣнки обоихъ восьмериковъ прорѣзаны большими окнами.

Верхній восьмерикъ покрытъ крышей, имѣющей форму усѣченной пирамиды съ вогнутыми ребрами; надъ нею высится небольшая луковичная глава, на низкой цилиндрической шейкѣ.

Высота алтарныхъ выступовъ меньше нижней части церкви; одинаковую съ ними высоту имѣетъ трапезная. Надъ западной частью трапезной, надъ алтарями ея придѣловъ, высятся двѣ главки, покоящіяся на пирамидальныхъ крышахъ восьмигранныхъ шей.

Два нижнихъ яруса колокольни представляютъ собою квадратныя въ планѣ призмы; изъ нихъ нижняя прорѣзана широкими арками, а верхняя маленькими окошечками. Третій ярусъ (звонъ) имѣетъ значительную высоту; онъ состоитъ въ свою очередь изъ трехъ частей: невысокаго, глухого восьмерика, который служитъ пьедесталомъ для второй части — для арокъ звона, и, наконецъ, изъ верхняго низкаго восьмерика, стѣнки котораго прорѣзаны круглыми слухами. Переходомъ отъ этого восьмерика къ верхнему, къ шеѣ граненой луковичной главы, служитъ высокій сомкнутый сводъ. Стѣнки шеи прорѣзаны щелевидными отверстіями.

Въ общемъ, массы церкви Іоанна Воинственника не производятъ благопріятнаго впечатлѣнія, въ особенности неудачна въ этомъ отношеніи главная часть храма: ея нижняя призма кажется вросшей въ землю и придавленной тяжелымъ куполомъ, нагруженнымъ всѣми находящимися надъ нимъ массами.

Что касается наружной декораціи церкви Іоанна, то она проста, и по характеру отдѣльныхъ деталей должна быть скорѣе отнесена къ стилю Ренессансъ, въ голландской его трактовкѣ, нежели къ стилю Барокко.

Въ самомъ дѣлѣ, колонки въ декораціи отсутствуютъ совсѣмъ; ихъ мѣсто заняли пилястры, которыя кое-гдѣ имѣютъ коринѳскія капители.

Спокойные, прекрасныхъ пропорцій карнизы имѣютъ классическій характеръ и не украшены орнаментами; у нихъ нѣтъ ни кронштейновъ, ни модульоновъ, но надъ пилястрами они раскрепованы.

Надъ углами нижняго яруса церкви поставлены раскрепованныя тумбы, украшенныя довольно большими обелисками, по сторонамъ которыхъ помѣщены вазочки. Отъ тумбъ къ вѣнчающимъ полукружьямъ стѣнъ идутъ низенькія баллюстрады съ рѣдко разставленными балясинами, которыя имѣютъ довольно грубую форму. Надъ полукружьями, между двумя тумбами, тоже помѣщены обрывки баллюстрады, не имѣющіе совершенно никакого смысла. Не много болѣе смысла имѣютъ и баллюстрады надъ фронтонами слуховыхъ оконъ большого купола: онѣ особенно непріятны, такъ какъ для того, чтобы устроить для нихъ основаніе, зодчій протянулъ по гранямъ купола продолженія карнизовъ, вѣнчающихъ слуховыя окна. Обработка послѣднихъ очень хороша: торцы боковыхъ ихъ стѣнокъ перекрыты карнизомъ, вѣнчающая часть котораго поддерживается раскреповками фриза и архитрава; эти раскреповки опираются на корпѳскія капители пилястръ, приставленныхъ къ торцамъ стѣнокъ. За стержнями пилястръ видны имносты, несущіе на себѣ архивольтъ полуциркульнаго вверху окна. Вся композиція заканчивается фронтономъ и красивыми волютами, какъ бы поддерживающими боковыя стѣнки.

Обработка перваго восьмерика состоитъ всего только изъ пилястръ съ корпѳскими капителями и вѣнчающаго карниза; да въ сущности бо́льшаго тутъ негдѣ было и помѣстить, такъ какъ стѣнки восьмерика сплошь заняты окнами и помѣщенными надъ ними нишами въ простыхъ рамкахъ.

Въ обработкѣ верхняго восьмерика обращаютъ на себя вниманіе размѣщенныя въ нижней его части волюты; онѣ поставлены на пьедесталы, вмѣстѣ съ которыми служатъ контрфорсами для гладкихъ столбиковъ восьмерика; эти столбики соединяются арочками, пяты которыхъ опираются на кронштейны.

Разсмотримъ еще обработку оконъ и двѳрей. Оконные наличники трапезной скомпанованы изъ несложныхъ подоконниковъ, гладкихъ, не профилеванныхъ рамокъ, обтягивающихъ окна съ боковъ и сверху и, наконецъ, изъ разрѣзныхъ дуговыхъ фронтоновъ. Въ разрѣзахъ ихъ помѣщены прямоугольныя филенки, которыя по своей композиціи напоминаютъ обработку слуховыхъ оконъ большого купола. Совершенно также скомпанованы наличники нижняго яруса оконъ самой церкви. Среднее окно второго яруса не имѣетъ подоконника; обтягивающая его рамка украшена вверху двумя кронштейнами и замкомъ, поддерживающими архитравъ вѣнчающаго карниза [1]), надъ которымъ находится прямолинейный фронтонъ. Наличники

[1]) Его архитравъ и фризъ раскрепованы.

круглыхъ оконъ некрасивы и грубоваты: они состоятъ изъ квадратныхъ, не обтянутыхъ тягами досокъ, которыя какъ бы подвѣшены къ архитраву вѣнчающаго карниза; на эти доски положены круглыя, профилеванныя рамки, перехваченныя въ четырехъ мѣстахъ гладкими замками. Что же касается обработки дверей церкви, то она исполнена лучше всѣхъ другихъ деталей: по сторонамъ пролета находятся пилястры съ базами и прекрасными коринѳскими капителями; пилястры эти стоятъ на пьедесталахъ. Капители пилястръ несутъ на себѣ полный, прекрасно спроектированный антаблементъ; середина котораго украшена богатой великолѣпнаго рисунка картушью. Пространство между антаблементомъ и дверной притолкой заполнено сложнымъ орнаментомъ.

На этомъ мы заключимъ обзоръ церкви Іоанна Воинственника и сдѣлаемъ теперь общій очеркъ тѣхъ церквей конца XVII и начала XVIII вѣка, которыя построены въ стилѣ Русскаго Барокко [1]).

Всѣ разсмотрѣнныя нами въ этой главѣ церкви могутъ быть разбиты по формѣ ихъ плана на нѣсколько группъ. Къ наиболѣе численной изъ нихъ относятся тѣ памятники, планъ которыхъ скомпанованъ «кораблемъ»; при этомъ двѣ церкви, а именно въ селѣ Сафаринѣ и Богоявленская имѣютъ ясно выраженные трехъ-апсидные алтари, въ остальныхъ же памятникахъ первой группы этотъ старый пріемъ видоизмѣненъ въ большей или меньшей степени. Такъ въ церкви Знаменія трехъ-апсидная форма сохранена только во второмъ ярусѣ зданія, въ нижнемъ же ярусѣ восточная стѣна прямая, а въ церкви Успенія наблюдаемъ обратную компановку, то есть въ нижнемъ ярусѣ алтарь трехъ-апсидный при чемъ каждая апсида имѣетъ гранепую форму, а въ верхнемъ ярусѣ алтарь прямоугольный. Что же касается церкви Владимірской Божіей Матери, то ея маленькая, едва выступающая къ востоку апсида, является, повидимому, лишь вынужденной уступкой зодчаго укоренившемуся обычаю.

Ко второй группѣ можно отнести планъ церкви Преображенія въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ и планъ церкви села Лыкова; они представляютъ

---

[1]) Считаемъ долгомъ замѣтить, что въ нашей литературѣ стиль разсмотрѣнныхъ въ этой главѣ церквей получилъ нѣсколько названій: «Италіанско-Русское зодчество» [И. М. Снегиревъ], «Петровскій стиль» [Л. В. Даль], «Періодъ упадка» [А. М. Павлиновъ]. Затѣмъ стиль этотъ довольно часто именуется «Нарышкинскимъ»; послѣднее названіе наиболѣе мѣткое изъ всѣхъ здѣсь приведенныхъ, такъ какъ оно, по крайней мѣрѣ, подчеркиваетъ тотъ фактъ, что большинство церквей этого стиля построены Нарышкиными. Что же касается остальныхъ названій, то они всѣ мало подходящи, какъ это доказалъ Н. В. Султановъ въ своей рецензіи о книгѣ А. М. Павлинова [стран. 38—39]. Поэтому мы и придерживались термина «Русскій Барокко», который, по мнѣнію этого автора, является самымъ правильнымъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться.

собою какъ бы слѣдующую стадію развитія типа корабля, въ которой къ средней части зданія (квадратной или прямоугольной) примыкаютъ съ востока и запада симметричныя части: алтарь и трапезная. При этомъ въ первомъ памятникѣ замѣчается интересное явленіе; намекъ на трехъ-апсидный алтарь — это три внутреннія ниши восточной стѣны, совершенно не выраженныя снаружи храма; удовлетворяя законамъ симметріи, зодчій окончательно отказался отъ наружныхъ апсидъ и какъ бы спряталъ ихъ внутрь зданія, превративъ раціональную форму въ простую символику. Отъ симметричнаго съ закругленными концами плана церкви села Лыкова уже не далеко до идеи плана церкви на Филяхъ и аналогичнаго ей плана церкви Воздвиженія; такимъ образомъ планъ Лыковской церкви можно считать переходомъ къ третьей группѣ, представителями которой являются планы церквей на Филяхъ и Воздвиженія [1]).

Въ своемъ мѣстѣ мы указывали откуда зодчіе разсматриваемой эпохи могли заимствовать идею такой композиціи плановъ; однако, полагаемъ нужнымъ оговориться, что идея крестообразнаго плана могла, конечно, зародиться въ нашемъ каменномъ зодчествѣ и самостоятельно, во-первыхъ, въ силу символическаго значенія формы креста, во-вторыхъ, какъ слѣдствіе стремленія зодчихъ къ симметріи, и, наконецъ, какъ продолженіе формы плановъ лыковскаго типа. Правда, церковь на Филяхъ построена ранѣе церкви въ селѣ Лыковѣ, но не слѣдуетъ забывать, что могли существовать недошедшіе до насъ церкви, послужившія прототипомъ Лыковской церкви, и притомъ построенныя раньше церкви на Филяхъ.

Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ крестообразную форму плана съ закругленными концами можно считать послѣдней стадіей развитія самобытныхъ пріемовъ, на которой отразилось вліяніе знакомства нашихъ зодчихъ съ искусствомъ запада.

Что касается плана церкви Николая Чудотворца, то онъ, несмотря на его близкую къ кресту форму, стоитъ особнякомъ; по своему пріему онъ близокъ къ планамъ церквей начала XVII столѣтія и это можно объяснить тѣмъ, что церковь эта была, вѣроятно, перестроена въ концѣ XVII вѣка изъ болѣе древней.

Итакъ, изъ всего сказаннаго о манерѣ зодчихъ компановать планы, можно придти къ заключенію, что господствующимъ пріемомъ продолжалъ оставаться тотъ, который носитъ названіе корабля. Пріемъ этотъ привился въ нашемъ церковномъ строительствѣ настолько прочно, что даже такой поклонникъ всего западнаго, какъ Петръ Великій, повидимому, признавалъ

---

[1]) Такой же планъ имѣетъ церковь села Уборы (Звенигородскій уѣздъ), построенная въ 1693 году Янкомъ Бухвостовымъ съ товарищами: Мишкой Тимофеевымъ и Митрошкой Семеновымъ.

его наиболѣе подходящимъ для православной церкви. Доказательствомъ этого служитъ планъ церкви Іоанна Воинственника; проектъ этой церкви былъ составленъ при «комиссіи строеній»[1]) и, очевидно, эскизы были представляемы на утвержденіе царя, а, быть можетъ, кое-что въ нихъ было даже собственноручно исправлено Петромъ.

Изслѣдованіе дальнѣйшей эволюціи церковныхъ плановъ не входитъ въ нашу задачу, но мы все же считаемъ возможнымъ замѣтить, что въ слѣдующія эпохи, пережитыя нашимъ зодчествомъ, при постройкѣ большихъ храмовъ ихъ планы компановались архитекторами главнымъ образомъ такъ, чтобы фасады получались наиболѣе красивыми и величественными; при постройкѣ же рядовыхъ церквей, въ особенности сельскихъ, практиковался все тотъ же удобный и раціональный пріемъ «кораблемъ», при которомъ невозможно получить въ группировкѣ массъ симметрію, ставшую обязательнымъ условіемъ красоты зданія; но въ рядовыхъ постройкахъ зодчіе не преслѣдовали этой цѣли, полагая, очевидно, что въ зданіяхъ утилитарнаго назначенія красота является излишней роскошью.

Въ отношеніи группировки главныхъ массъ всѣ разсмотрѣнные въ этой главѣ памятники можно также разбить на нѣсколько группъ.

Къ первой изъ нихъ мы отнесемъ тѣ памятники, у которыхъ главная часть зданія продолжаетъ: какъ у большинства церквей предыдущаго періода, имѣть форму прямоугольной въ планѣ призмы. Къ числу такихъ памятниковъ принадлежатъ: надвратная церковь Новодѣвичьяго монастыря и церковь Николая Чудотворца. Сходство этихъ двухъ памятниковъ съ церквами предыдущей эпохи еще усиливается ихъ пятиглавіемъ; существеннымъ же отличіемъ является значительно бо́льшая высота призмъ, отчего по общему своему облику церкви эти походятъ на башни. Пріемъ рискованный: въ рукахъ зодчаго, владѣющаго массами, онъ можетъ дать эффектные результаты; но малѣйшая ошибка при выборѣ пропорцій для остальныхъ частей храма приводитъ къ тому, что послѣднія будутъ плохо вязаться съ главной массой и производить впечатлѣніе приставленныхъ къ ней случайно. Такое именно впечатлѣніе оставляетъ группировка массъ церкви Николая Чудотворца.

Стремленіе придать четверику господствующее значеніе замѣтно и въ церкви Успенія, но въ этомъ памятникѣ высота четверика скрадывается во-первыхъ, восьмериками алтаря и трапезной, а во-вторыхъ, онъ не является верхней массой храма, такъ какъ надъ нимъ находится еще восьмерикъ. Поэтому по композиціи массъ церковь Успенія слѣдуетъ отнести скорѣе ко второй группѣ, которая характеризуется тѣмъ, что все зданіе какъ бы составлено изъ трехъ самостоятельныхъ башенъ, слѣдующихъ одна за другой

[1]) См.: Фишеръ—Бондаренко. Архитектурные памятники Москвы.

по направленію западъ — востокъ; при этомъ въ составъ каждой башни входятъ восьмерики, которые естественно исчезли съ момента запрещенія покрывать главную часть церкви шатромъ и вновь были вызваны къ жизни, какъ только появились у насъ куполообразныя покрытія. Это тотъ пріемъ, который былъ примѣненъ еще зодчимъ церкви Іоасафа Царевича, и въ которомъ мы склонны видѣть вліяніе малороссійскаго зодчества. Къ этой группѣ относится также церковь села Лыкова. Само собой понятно, что при башневидной формѣ массъ должно было исчезнуть пятиглавіе и каждая башня увѣнчивалась одной главой; однако, зодчій церкви Успенія не могъ совершенно отказаться отъ пятиглавія надъ главной частью церкви и поэтому помѣстилъ боковыя главы надъ углами четверика, но такъ, что силуэтъ всего зданія все же получился трехглавый.

Къ третьей группѣ относятся церкви вполнѣ симметричныя, въ которыхъ вокругъ высокой центральной башни группируются четверо боковыхъ башенъ, равныхъ по высотѣ, но далеко не такихъ высокихъ, какъ средняя. При этомъ низы малыхъ башенъ имѣютъ цилиндрическую форму, какъ и послѣдняя изъ церквей предыдущей группы. Общій силуэтъ храма опять получается пятиверхій, но боковыя главы размѣщены не такъ, какъ у пятиглавыхъ храмовъ предшествующаго періода зодчества — не въ углахъ четыреугольника, а въ серединахъ его сторонъ, что сразу бросается въ глаза и придаетъ храму своеобразный видъ, очень живописный, но не совсѣмъ обычный для русскаго каменнаго зодчества. Мы уже говорили о тѣхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ могла зародиться у московскихъ зодчихъ идея такой группировки массъ; поэтому замѣтимъ только, что церквей такого типа, какъ церковь на Филяхъ и Воздвиженская въ московскомъ зодчествѣ было построено немного[1]); это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что, несмотря на всю ихъ красоту, онѣ не отвѣчали представленію русскихъ людей о томъ внѣшнемъ обликѣ, который присталъ православному храму. Излишняя игривость, разчлененность массъ и, наконецъ, нѣкоторая неопредѣленность контура, обусловленная присутствіемъ цилиндрическихъ формъ, не вязались съ мыслью о величіи храма и поэтому пріемъ такой группировки массъ, естественный въ деревѣ, но искусственный въ камнѣ, не могъ найти многихъ приверженцевъ.

Наконецъ, къ послѣдней группѣ принадлежатъ церкви въ селѣ Сафаринѣ, Владимірская и Богоявленія. Нижніе четверики ихъ главной башнеобразной массы играютъ относительно незамѣтную роль; глазъ раньше всего останавливается на ихъ послѣдовательно уменьшающихся въ объемѣ восьмерикахъ, которые заканчиваются одной главой. Такимъ образомъ главная

---

[1]) Такого же типа церковь находится еще въ селѣ Дубровицахъ (Подольскаго уѣзда), построенная, по преданію, италіанцемъ Тессингомъ въ 1690 году (рис. №№ 263 и 264).

масса зданія представляетъ собою высокую башню, къ которой лѣпятся очень низкіе алтарь и трапезная, не превышающіе по высотѣ нижняго четверика главной части. Надъ алтаремъ и трапезной главокъ пѣтъ, и это еще болѣе подчеркиваетъ желаніе зодчаго сосредоточить вниманіе зрителя на главной части зданія—на башнѣ. Такимъ образомъ, въ группировкѣ массъ церквей разсматриваемаго типа сказалось то же направленіе, что и въ самобытнаго типа церквахъ XVI столѣтія, напримѣръ, въ церкви села Коломенскаго,—

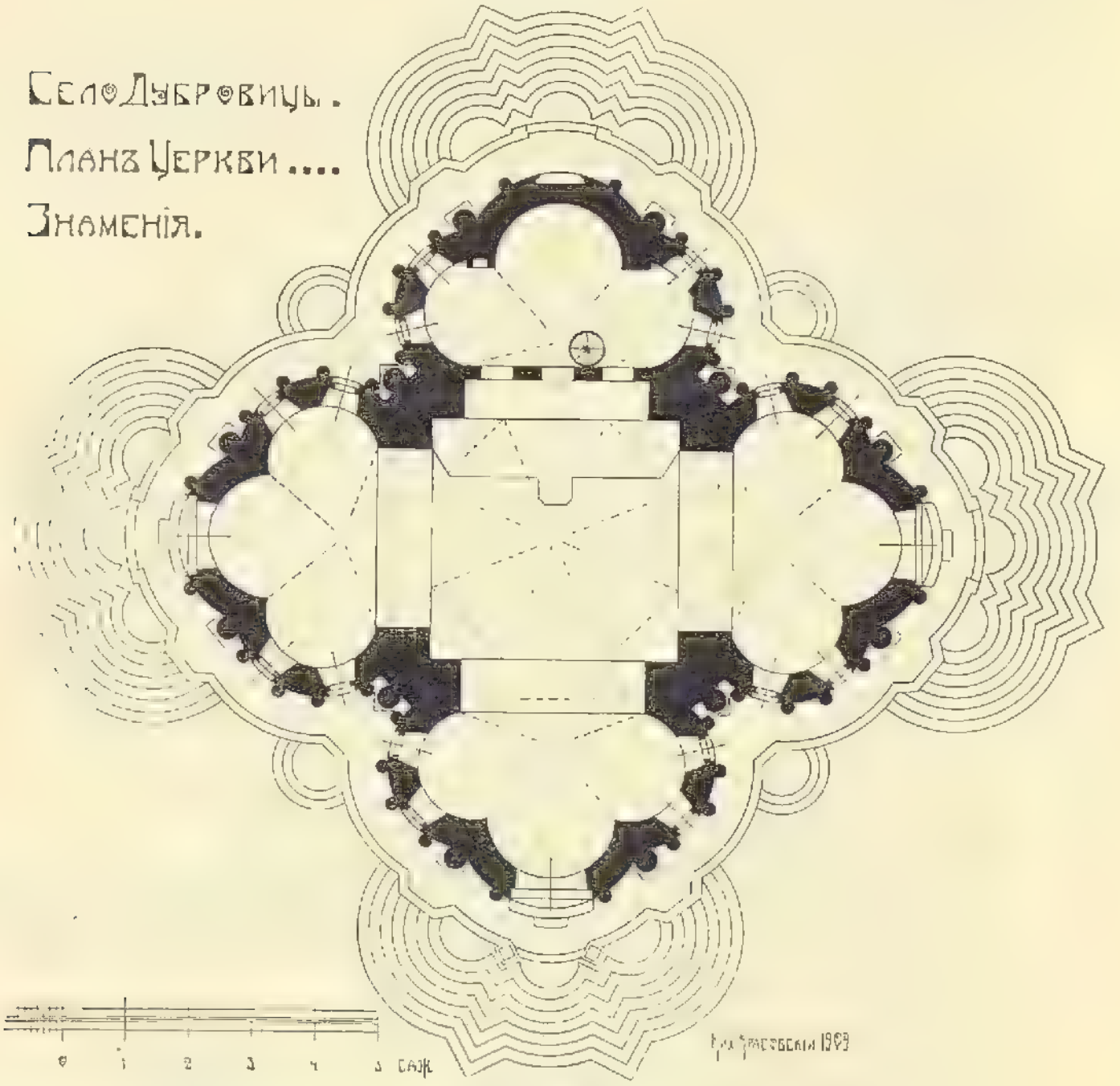


Рис. 263.

направленіе, выражавшееся въ стремленіи придать всему зданію видъ уходящей въ небо башни. Осуществить эту цѣль особенно удалось зодчему церкви села Сафарина; ея стройная башня дѣйствительно уходитъ въ небо, чего нельзя сказать о грузныхъ пропорціяхъ Владимірской церкви, которая какъ бы вросла въ землю. Что же касается церкви Богоявленія, то высота ея башни нѣсколько скрадывается относительно высокой и длинной трапезной, хорошо видимой благодаря имѣющемуся въ зданіи подклѣту.

По композиціи главныхъ массъ Знаменская церковь не подходитъ ни къ одной изъ разсмотрѣнныхъ группъ; три алтарныхъ выступа, каждый увѣнчанный одной главой, а также глава надъ трапезной приближаютъ эту церковь къ третьей группѣ. Однако, массы распредѣлены такъ своеобразно,

Церковь Знаменія въ селѣ Дубровицахъ.

Рис. 264. По И. Бондаренко.

что пятиглавіе храма съ большинства точекъ зрѣнія остается незамѣтнымъ и вслѣдствіе этого общій силуэтъ зданія становится похожимъ на церкви четвертой группы.

Большинство изъ разсмотрѣнныхъ церквей имѣютъ нижніе ярусы, которые у четырехъ изъ нихъ, а именно у церквей Сафаринской, Николая Чудо-

творца, Знаменія и Богоявленія не предназначались, повидимому, для зимнихъ, теплыхъ церквей, такъ что эти помѣщенія можно считать подклѣтами; у трехъ же остальныхъ памятниковъ (церкви на Филяхъ, Воздвиженія и Успенія) нижніе ярусы уже при постройкѣ были предназначены для устройства въ нихъ церквей. Нижній ярусъ церквей окружался открытыми ходовыми папертями, которыя несли на себѣ балконы (гульбища) верхняго яруса; Лыковская же церковь, не имѣющая ни нижней церкви, ни подклѣта, поставлена на террасу, которую, съ одной стороны, можно разсматривать, какъ выродившуюся ходовую паперть, а съ другой стороны, въ ней можно видѣть пріемъ, заимствованный у западной архитектуры.

При обзорѣ церквей мы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ останавливались на формѣ ихъ главъ, поэтому намъ остается лишь дополнить сказанное о нихъ замѣчаніемъ, что главы вычурной формы появились въ московскомъ зодчествѣ только въ разсматриваемую эпоху. Несмотря на то, что сложныя по формѣ главы въ нѣкоторыхъ изъ разсмотрѣнныхъ случаевъ сами по себѣ красивы и живописны, онѣ, тѣмъ не менѣе, какъ-то плохо гармонируютъ съ представленіемъ о храмѣ вообще и въ частности не вяжутся съ тѣмъ символическимъ смысломъ, который изстари имѣли у насъ церковныя главы.

Изъ сказаннаго о группировкѣ массъ церквей, построенныхъ въ разсмотрѣнный періодъ, можно вывести заключеніе, что въ этомъ отношеніи памятники съ трудомъ поддаются группировкѣ. Если въ предшествующій періодъ все же наблюдалась нѣкоторая общность въ пріемахъ, то въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка зодчіе окончательно отрѣшаются отъ какихъ либо традицій и руководствуются только личнымъ вкусомъ. Московскіе зодчіе какъ бы чувствуютъ близкій конецъ самобытнаго искусства и, инстинктивно стремясь его поддержать, напрягаютъ всѣ усилія, чтобы придать своимъ произведеніямъ своеобразный видъ, выискивая въ то же время такія массы, которыя уже встрѣчались въ памятникахъ предыдущихъ періодовъ либо въ каменномъ либо въ деревянномъ самобытномъ зодчествѣ. Другими словами, они отдаютъ предпочтеніе какъ самобытнымъ формамъ массъ, такъ и самобытнымъ же пріемамъ ихъ группировки; однако западное искусство уже глубоко пустило свои корни и вслѣдствіе этого изъ рукъ зодчихъ выходили иногда, быть можетъ даже противъ ихъ воли, такія произведенія, какъ церковь на Филяхъ.

Наконецъ, въ группировкѣ массъ церкви Іоанна Воинственника самобытные пріемы уже совершенно отходятъ на задній планъ, уступая мѣсто манерѣ европейскаго искусства; правда, планъ «кораблемъ» ясно выраженъ на фасадахъ церкви; но ея главная часть, сама церковь, по группировкѣ массъ уже не имѣетъ ничего общаго съ памятниками самобытнаго стиля.

На уборныхъ мотивахъ мы останавливались при обзорѣ отдѣльныхъ памятниковъ; чтобы болѣе подробно ихъ анализировать, нужно слишкомъ глубоко проникнуть въ область архитектуры Запада. Поэтому повторимъ здѣсь только то, что было уже сказано раньше по поводу ихъ характера. Всѣ уборныя формы, украшающія церкви разсматриваемаго періода, представляютъ собою мѣстную переработку формъ стиля Барокко, причемъ характерною чертою р у с с к а г о Барокко является относительное спокойствіе и логичность формъ, среди которыхъ нѣтъ такихъ безсмысленныхъ и кудрявыхъ мотивовъ, какими отличается Барокко Запада; несмотря на то, что наружная декорація храмовъ мѣстами излишне богата деталями, она все-таки не достигаетъ той безумной роскоши, фантастичности и замысловатости, которыя типичны для произведеній нашихъ ближайшихъ сосѣдей — Польши и Австріи. Въ этомъ, конечно, можно усмотрѣть недостатокъ фантазіи и смѣлости у нашихъ зодчихъ, но мы склонны думать иначе. Не недостатокъ художественной фантазіи удерживалъ нашихъ мастеровъ отъ «огромнаго и богато блестящаго», какъ выразился И. Е Бондаренко[1]), а то сурово-любовное и благоговѣйное чувство, съ которымъ русскіе люди прежнихъ временъ привыкли относиться къ церковному зданію. Въ ихъ умахъ не укладывалась мысль о возможности одинаково украсить и храмъ Божій, и ту хоромину, гдѣ они живутъ сами. Позднѣе въ Россіи стали смотрѣть иначе: греко-римскіе портики начали казаться одинаково отвѣчающими какъ театру и казармѣ, такъ и церкви. Все самобытное ушло въ глубь народныхъ массъ; между ними и высшими слоями общества образовалась глубокая пропасть полнѣйшаго непониманія другъ друга въ области искусства, которая только за послѣднее время начинаетъ мало-по-малу заполняться. Постигнувъ и детально усвоивъ всю западную мудрость, мы снова начинаемъ глядѣть не только за границу, но и внутрь себя самихъ, ясно сознавая, что искусство можетъ быть жизненнымъ и правдивымъ только тогда, когда корни его питаются соками родной земли.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Сдѣланный нами очеркъ церковнаго зодчества Москвы былъ бы законченнѣе, по крайней мѣрѣ со внѣшней стороны, если бы его заключить сжатымъ описаніемъ послѣдовательной эволюціи интересовавшей насъ области русскаго зодчества. Полагаемъ, однако, что такой экстрактъ изъ всего сказаннаго врядъ ли можетъ имѣть серіозное значеніе, такъ какъ, съ одной сто-

[1]) Архитектурные памятники Москвы, стран. 2.

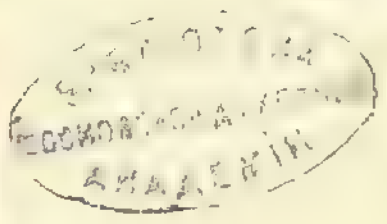
роны, картина общаго хода развитія всего русскаго зодчества, а въ частности и московскаго, вполнѣ рельефно нарисована Л. В. Далемъ, П. В. Султановымъ и другими изслѣдователями; съ другой же стороны суммированіе тѣхъ резюмэ, которыя заканчиваютъ каждую главу настоящаго очерка, не дало бы въ результатѣ никакихъ существенныхъ дополненій и являлось бы простымъ и непужнымъ повтореніемъ изложеннаго. Поэтому позволяемъ себѣ сказать въ заключеніе нѣсколько словъ о тѣхъ недочетахъ въ нашей работѣ, которые ясны намъ самимъ. Неполнота впечатлѣнія, которую оставляетъ очеркъ, кроется въ двухъ причинахъ. Первая зависитъ отъ того, что задача очерка заключалась въ изслѣдованіи одной лишь области искусства — въ изслѣдованіи московскаго зодчества, которое разсматривалось какъ нѣчто обособленное, не имѣющее тѣсной органической связи съ остальными изобразительными искусствами. Это условіе неблагопріятно отразилось преимущественно на полнотѣ описанія внутренняго вида церквей: описаніе не даетъ желательной цѣльности, яркости и выпуклости, потому что въ немъ лишь бѣгло говорится о росписи, придающей столько характерности многимъ московскимъ церквамъ, объ иконостасахъ же, рѣзныхъ сѣняхъ, царскихъ мѣстахъ и, наконецъ, о древней утвари не сказано ничего, а между тѣмъ все это вмѣстѣ взятое придаетъ своеобразный обликъ тому или иному памятнику, тогда какъ одна только архитектура, лишенная всего этого «наряда» даетъ лишь смутное представленіе объ общемъ его обликѣ. Говоря иначе, въ нашемъ очеркѣ нѣтъ связи архитектуры съ другими отраслями былого русскаго искусства, характеризующими ту или иную его эпоху. Однако эта, такъ сказать, намѣренная неполнота, обусловленная самими рамками очерка, заранѣе намѣченными, не является особенно досадной, такъ какъ она легко можетъ быть пополнена изъ той относительно богатой сокровищницы, которая уже имѣется въ литературѣ о русскомъ искусствѣ.

Гораздо существеннѣе тѣ вынужденные пробѣлы, которые объясняются недочетами въ матеріалахъ по самой архитектурѣ и которые представляютъ собою вторую причину неполноты очерка. Эти недочеты заключаются въ отсутствіи плановъ многихъ церквей, ихъ разрѣзовъ, деталей и изслѣдованій кладки, такъ что матеріаломъ для опредѣленія эпохи зодчества какого-либо памятника сплошь и рядомъ служитъ одна только фотографія его внѣшняго вида или рисунокъ, подчасъ исполненный далеко не удачно, да тѣ описанія, которыя опять таки встрѣчаются скорѣе какъ исключенія и часто не отличаются желательной полнотой. Наконецъ, изслѣдованіе очень затрудняется отсутствіемъ библіографическихъ сборниковъ, гдѣ бы можно было найти хоть перечень тѣхъ источниковъ, въ которыхъ имѣются какія-либо свѣдѣнія объ интересующемъ памятникѣ. Всѣ эти недочеты въ матеріалахъ ставятъ иногда изслѣдователя втупикъ, вызываютъ сомнѣнія и, въ концѣ

концовъ, вынуждаютъ прибѣгать къ теоретическимъ соображеніямъ, которыя въ принципѣ нежелательны и могутъ быть сведены на нѣтъ однимъ какимъ-нибудь удачнымъ архивнымъ открытіемъ, какъ это въ свое время имѣло мѣсто въ отношеніи предположеній о зодчихъ Василія Блаженнаго. Позволяемъ себѣ указать на церковь Николы на Берсеневкѣ, являющуюся яркимъ примѣромъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ находится изслѣдователь, поставленный въ него отсутствіемъ достаточнаго количества матеріала. Въ его распоряженіи имѣются только планъ и фасадъ этого памятника, помѣщенные въ трудахъ Ф. Рихтера и А. Мартынова; разрѣза этого памятника ни у того, ни у другого автора нѣтъ и получить его можно только обмѣривъ памятникъ въ натурѣ, такъ какъ, насколько намъ извѣстно, кромѣ Рихтера и Мартынова никто болѣе не интересовался церковью на Берсеневкѣ, несмотря на ея безспорно большое значеніе для исторіи московскаго зодчества. Намъ не удалось также найти какихъ-либо свѣдѣній относительно характера кладки ступенчатыхъ переходовъ отъ четверика къ пяти верхамъ памятника, ни свѣдѣній о томъ — одинаковъ ли матеріалъ у розетокъ, находящихся вверху храма и внизу его. Мы склонны думать, что свѣдѣній этихъ даже нѣтъ еще въ литературѣ — памятникъ все еще ждетъ своего изслѣдователя — а, между тѣмъ, безъ такого изученія памятника на мѣстѣ остаются недостаточно выясненными какъ его внутренній видъ, такъ и вопросъ о первоначальной формѣ его покрытія. Поэтому въ томъ видѣ, въ которомъ памятникъ находится въ настоящее время, т.-е. имѣющимъ ступенчатый переходъ къ шеямъ главъ, его, вмѣстѣ съ церковью села Богородскаго, приходится выдѣлять въ особую подгруппу, тогда какъ, если бы было доказано изслѣдованіемъ на мѣстѣ, что вмѣсто существующихъ теперь уступовъ оба храма были первоначально украшены пирамидами кокошниковъ, то ихъ слѣдовало бы отнести скорѣе къ группѣ церквей расцвѣта самобытнаго искусства, а не къ тѣмъ церквамъ, въ архитектурѣ которыхъ замѣтно приближеніе его упадка.

Сказанное о церкви Николы на Берсеневкѣ можетъ быть повторено и о большинствѣ разсмотрѣнныхъ нами памятниковъ: среди нихъ очень мало такихъ, въ отношеніи которыхъ все было бы выяснено, а это, конечно, въ той или иной степени неблагопріятно отражается на опредѣленіи мѣста памятника среди другихъ и на выясненіи его значенія въ исторіи московскаго зодчества.

Мих. Красовскій.



С.-Пб. 15/IV 1909.

Библіографическій указатель.

Бондаренко, И. Е. Архитектурные памятники Москвы. Изданіе К. А. Фишера.

Бергъ, Ф. Н. Памятники древней письменности и искусства. С.-Пб. 1882 г.

» Нѣчто о древности типа деревянныхъ построекъ и рѣзьбы въ Важскомъ краѣ.

Введенская и Пятницкая церкви въ Сергіевскомъ посадѣ Московской губерніи. Москва 1894 г.

Воиновъ. Архимандритъ Григорій. Церковь св. Іоанна Воинственника въ Москвѣ на Большой Якиманской улицѣ.

Вѣнчаніе на царство Михаила Ѳеодоровича. Москва 1856 г.

Грабарь, И. Исторія русскаго искусства. С.-Пб. 1910 г.

Даль, Л. В. Статьи въ журналѣ «Зодчій» за 1872, 1873, 1874, 1875, 1877 и 1879 гг.

«Древности», 1874 г. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. «Матеріалъ для археологич. словаря».

» 1880 г. Казна Московскаго Успенскаго собора, устроенная А. Фіорвенти, Н. А. Артлебенъ.

» 1885 г. Къ исторіи Московскаго Успенскаго собора, С. А. Усовъ.

» 1886 г. Статья А. Попова.

» 1886 г. Видъ Московскаго Кремля. В. Е. Румянцевъ.

» 1901 г. Статья С. У. Соловьева.

» 1901 г. Протоколы.

Забѣлинъ, И. Е. Исторія города Москвы 1902 г.

» Историческое описаніе Донского монастыря. Москва 1865 г.

» Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы. 1884 и 1891 гг.

» Русское искусство. Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ. Москва 1900 г.

» Построеніе первой на Руси церкви въ честь Пресвятой Богородицы Неопалимой Купины. Археологическія извѣстія и замѣтки. 1893 г.

Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго.

Клировыя Вѣдомости 1830 г. Архивъ Московской Духовной Консисторіи.

Красовскій, М. Церковь Спаса въ Заваринѣ. «Зодчій» 1907 г.

» Колоколенный храмъ Василія Великаго въ селѣ Чиркинѣ. «Зодчій», 1907 г.

» Псковскія звонницы. «Зодчій» 1906 г.

Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства. Москва 1870 г.

Книга записей достоп. Московскаго Покровскаго собора.

Левшинъ. Историческое описаніе. Москва, 1873 г.

Леоновъ, В. П. Церковь села Тайнинскаго. «Зодчій» 1878 г.

Пр. Макарій. Исторія русскаго раскола. С.-Пб., 1875 г.

Машковъ, И. П. Спутникъ зодчаго по Москвѣ. 1895 г.

Мартыновъ, А. Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. 1847, 1851 и 1856 гг.

Martinow, A. Anciens monuments des environs de Moscou. Moscou 1889.

Московская церковная старина. Труды комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины гор. Москвы и Московской епархіи. Москва 1904 г.

Мейербергъ. Альбомъ. Виды и бытовыя картины Россіи XVII вѣка 1661—2 г. Изданіе А. С. Суворина, 1903 г.

Олеарій, Адамъ. Описаніе путешествія въ Московію... Введеніе, примѣчаніе, переводъ и указатель А. М. Ловягина. Изданіе А. С. Суворина. С.-Пб. 1906 г.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. Синода. Часть I. Томъ II. С. Д. L. I.

Найденовъ. Москва. Церкви, соборы и монастыри.

Павлиновъ, А. М. Исторія русской архитектуры. 1894 г.

» Статья въ «Спутникѣ зодчаго по Москвѣ. 1895 г.». И. П. Машкова.

Павлуцкій, Г. Г. Древности Украины. Деревянные и каменные храмы. Кіевъ 1908 г.

Памятники древняго русскаго зодчества. Изданіе Императорской Академіи Художествъ.

Памятники древняго русскаго искусства. Изданіе Императорской Академіи Художествъ.

Пальмквистъ, Эрикъ. Nägre widh sidste Kongl. Ambassaden till Tzaren Mouskouq iorde observationer over Ruszland... Anno 1674. Изданіе Шведскаго правительства.

Покровскій, Н. Памятники христіанской иконографіи и искусства. 1900 г.

Прохоровъ, В. Христіанскія древности.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей.

Потаповъ, А. А. Очеркъ древней русской гражданской архитектуры. 1902 г.

Преображенскій, М. Т. Памятники древне-русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи. 1891 г.

Рихтеръ, Ф. Памятники древняго русскаго зодчества. 1850 г.

Снегиревъ, И. Памятники Московской древности. 1842—1845 гг.

» Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города. 1873 г. Изданіе А. Мартынова.

«Степенная книга».

Султановъ, Н. В. Памятники древней письменности и искусства.

Образцы древне-русскаго зодчества. 1881 г.

» Остатки Якутскаго острога. Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. 1907 г. Вып. 24.

» Русскія шатровыя церкви и ихъ соотношеніе къ грузино-армянскимъ пирамидальнымъ покрытіямъ. Труды V—го Археологическаго съѣзда.

« Рецензія на сочиненіе академика А. М. Павлинова. Исторія Русской Архитектуры.

» Памятники древняго зодчества въ Коломенскомъ и Броницкомъ уѣздахъ Московской губерніи. Зодчій 1883 г.

» Уборныя части въ Московскомъзодчествѣ. «Зодчій» 1879 г.

Сусловъ, В. В. Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества. 1889 г. С.-Пб.

» О раціональномъ развитіи отечественнаго зодчества. Труды I съѣзда русскихъ зодчихъ. 1892 г.

Токмаковъ, И. Свѣдѣнія о домовой церкви при Московскомъ главномъ архивѣ Иностранныхъ дѣлъ. Москва 1882 г.

Г. С. Ш. Церковь Знаменія Пресвятой Богородицы на Воздвиженкѣ. С.-Пб. 1898 г.

Чтенія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россіи. 1906 г. Статья І. Кузнецова.

БИБЛІОТЕКА ВЛАДИМІРСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

2007042938